E 85
278

D278

ДѢЛО
МЯСНИКОВЫХЪ

ПОЛНЫЙ СТЕНОГРАФИЧЕСКІЙ ОТЧЕТЪ

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ ОТЗЫВОВЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ О ВЕРДИКТѢ ПРИСЯЖНЫХЪ ЗАСѢДАТЕЛЕЙ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. Хана, Графскій переулокъ, д. № 5
1872

Ф 85
278

ДѢЛО

МЯСНИКОВЫХЪ

ПОЛНЫЙ СТЕНОГРАФИЧЕСКІЙ ОТЧЕТЪ

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ ОТЗЫВОВЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ О ВЕРДИКТѢ ПРИСЯЖНЫХЪ ЗАСѢДАТЕЛЕЙ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. Хана, Графскій переулокъ, д. № 5
1872

2007043231

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Возникновеніе дѣла. Переходъ его въ новыя судебныя учрежденія. Преданіе суду обвиняемыхъ 1

Засѣданіе 17-го февраля.

Вопросъ о правѣ участія въ дѣлѣ гражданскихъ истцовъ. Постановленіе суда 2

Докладъ о явившихся и неявившихся свидѣтеляхъ. Постановленіе суда по этому докладу 11

Выборъ присяжныхъ засѣдателей и отводъ. 13

Обвинительный актъ. 14

Допросъ подсудимыхъ 47

Вопросы, предложенные сторонами экспертамъ при сличеніи подписей. 57

Допросъ эксперта—врача Дюкова объ умственномъ состояніи подсудимаго Караганова 59

Вопросъ объ изслѣдованіи умственнаго состоянія подсудимаго Караганова. Постановленіе суда по этому вопросу 64

Допросъ врача Баталина объ умственномъ состояніи подсудимаго Караганова. 67

Допросъ Караганова въ отсутствіи другихъ подсудимыхъ . . . 68

Свидѣтельница Караганова. 70

Допросъ свидѣтельницы Махаевой 71

Допросъ свидѣтеля Кунаковскаго. 75

Допросъ свидѣтеля Киселева 79

Допросъ свидѣтеля Крюкова 81

Допросъ свидѣтеля Жукова 82

Допросъ свидѣтеля Бѣляева , ... 85

Допросъ свидѣтеля Ашкарина 86

Показанія Кошелькова и Балашева 88

Свидѣтель Александръ Карагановъ 89

Засѣданіе 18-го февраля.

Вопросы, предложенные судомъ экспертамъ по сличенію подписей. 89

Заявленіе прокурора о письмахъ Караганова, Добрынина, Кошелькова, о телеграммахъ Кошелькова и А. Мясникова и о депешахъ. 90

Объясненіе А. Мясникова. Заявленіе г. Арсеньева. Письма Карагановыхъ (отца и сына) 93

Письмо управляющаго Ставропольскимъ заводомъ Кошелькова . . 94

Телеграммы Жукова, Кошелькова и Мясникова 95

Стран.

Письма и телеграммы Караганова 96
Письма Караганова (отца). 97
Заявленія: г. г. Острякова, прокурора, Арсеньева и Лохвицкаго . 98
Свидѣтель Ижболдинъ 99
Заявленія г. Арсеньева и прокурора 101
Заявленія г. г. Языкова, Лохвицкаго и Арсеньева. Свидѣтельница Ижболдина свидѣтель Красильниковъ. 102
А. Мясниковъ. Свидѣтель Ракѣевъ 106
Очная ставка Ракѣева съ Красильниковымъ. Ходатайство г. Арсеньева и постановленіе суда. Ходатайство прокурора о вызовѣ новаго свидѣтеля. 107
Заявленіе г. Арсеньева. Постановленіе суда. Свидѣтель Ермолинскій. Объясненіе Ивана и Александра Мясниковыхъ 108
Свидѣтель Ненюковъ. Заявленіе г. Лохвицкаго. Свидѣтель Мыльниковъ. Заявленіе г. Арсеньева 109
Объясненіе предсѣдательствующаго. Заявленіе г. Лохвицкаго и г. Арсеньева. Свидѣтель полковникъ Ивановъ и его смерть. . 110
Отвѣты г. г. экспертовъ по сличенію подписей 111
Заявленія г. г. Арсеньева, прокурора и Лохвицкаго. 114
Заявленія г. г. Языкова и Лохвицкаго. Свидѣтель Красильниковъ. 115
Свидѣтель Шевелевъ 116
Очная ставка его съ Ижболдинымъ. Заявленія г. г. Арсеньева, Лохвицкаго, Языкова и прокурора 124
Ходатайство г. г. прокурора и Лохвицкаго о вызовѣ свидѣтелей Сысоева и д-ра Красильникова. Постановленіе суда . . . 125
Продолженіе допроса свидѣтеля Шевелева 126
Письмо Шевелева. Свидѣтель Ижболдинъ 128
Продолженіе допроса Шевелева 129
Постановленіе суда по ходатадайству повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ и защиты 131
Письмо Исаева. Показаніе Исаева 132
Показаніе Германа. 134

Засѣданіе 19-го февраля.

Свидѣтельница Бѣляева. 135
Заявленіе г. Лохвицкаго. Постановленіе суда 141
Продолженіе допроса Бѣляевой 142
Три показанія Бѣляевой, данныя ею на предварительныхъ слѣдствіяхъ. 149
Продолженіе допроса Бѣляевой 158
Заявленіе г. Арсеньева. 161
Заявленіе г. Лохвицкаго. 162
Ходатайство прокурора. Возраженіе г. Арсеньева. Постановленіе суда. 163
Подсудимые Александръ и Иванъ Мясниковы 164
Очная ставка Бѣляевой съ Красильниковымъ 165
Заявленіе прокурора, съ изъясненіемъ прошеній и жалобъ Бѣляевой, производства по опекѣ Шишкина, писемъ Шишкина, Риццони, Ив. Мясникова и Чевакинскаго 166
Заявленіе г. Арсеньева. 177
Заявленіе г. г. прокурора, Арсеньева и Языкова. 178

Стран.
Подсудимый И. Мясниковъ. Разъясненіе предсѣдательствующаго. Заявленіе прокурора 179
Свидѣтельница Бѣляева. Свидѣтель Сысоевъ 180
Очная ставка Сысоева съ Шевелевымъ 181
Свидѣтель Ижолдинъ. Свидѣтель врачъ Красильниковъ 182
Свидѣтель графъ Апраксинъ. Свидѣтель графъ Клейнмихель . . 183
Свидѣтель Китаевъ 184
Подсудимый А. Мясниковъ. Бывшій помощникъ надзирателя Романовскій. Бывшій надзиратель Соколовъ 186
Свидѣтель Алексѣй Петровъ. Свидѣтель Афанасьевъ. 187
Свидѣтельница Ремянникова 188
Свидѣтель Штеммеръ. Свидѣтельница Кемпе. Показаніе Синцовой. 189
Засѣданіе 20-го февраля.
Свидѣтельница Дементьева 190
Свидѣтели кондукторъ Ивановъ, Тильманъ, Гротенъ. 191
Заявленіе прокурора. Заявленіе г. г. Арсеньева и Языкова. Письмо Бѣляева къ Алонзію Матвѣевичу. 192
Свидѣтели Молво и Клюевъ 194
Письмо Мартьяновой къ Бѣлясвой 195
Письмо Зои Пѣшехоновой къ Ижолдинымъ. Письмо Мартьяновой къ Ижолдинымъ. 196
Свидѣтельница Терентьева. Показаніе Матвѣева 197
Заявленія г. г. Арсеньева и Языкова. Свидѣтель Гонинъ . . . 199
Свидѣтель сенаторъ Веймарнъ. 200
Свидѣтели Жоховъ, Слѣпцовъ. Струбинскій, Парфенниковъ, Наталья Петрова, Ананій Поликарповъ, Антонина Иванова . 201
Свидѣтели Яковлевъ и Денисьевъ 202
Свидѣтели Тепловъ, Зыряновъ, Спаскій 203
Свидѣтель Чевакинскій 204
Заявленіе Острякова. Бумаги найденныя при обыскѣ у А. Мясникова и Чевакинскаго. Свидѣтель Борзаковскій 205
Показаніе Шимановскаго 206
Свидѣтели Герасимовъ и Безсоновъ 214
Свидѣтели Гавриловъ. Погожевъ 215
Свидѣтель Неѣловъ Показанія: Федюхиной, Серебрянаго, Столбова, Афанасьевой, Зиновьевой, Помрачева, Перозіо, Бенардаки. . 216
Показаніе Попова. Два письма Сицилинскаго къ Бѣляеву. Ходатайство г. Арсеньева. Заявленіе Лохвицкаго Постановленіе суда. 217
Засѣданіе 21-го февраля.
Рѣчь г. Кони 218
Рѣчь д-ра правъ Лохвицкаго 275
Рѣчь присяжнаго повѣреннаго Острякова 290
Рѣчь присяжнаго повѣреннаго Арсеньева 294
Засѣданіе 22-го февраля.
Рѣчь присяжнаго повѣреннаго Языкова. 353
Рѣчь присяжнаго повѣреннаго Деппъ 380
Послѣднее слово подсудимыхъ.—Вопросные пункты суда . . . 387
Заявленіе г. Лохвицкаго 388
Заявленіе г. Арсеньева. 389
Заключительная рѣчь предсѣдательствующаго 390

Стран.
Вердиктъ присяжныхъ. Постановленіе суда 402
Отзывы газетъ и журналовъ о вердиктѣ присяжныхъ засѣдателей:
отзывъ «Московскихъ Вѣдомостей» 403
Отзывъ «Новаго Времени» 404
Отзывъ «Искры» 405
Отзывъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» 407
Отзывъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 408
Отзывъ «Сына Отечества» 414
Отзывъ «Отечественныхъ Записокъ» 420
Отзывъ «Дѣла». Отзывъ «Вѣстника Европы» 421
Засѣданіе Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената: Докладъ сенатора Пятницкаго 424
Мнѣніе Оберъ-прокурора 434
Рѣчь г. Лохвицкаго 456
Рѣчь г. Арсеньева 461
Революція Правительствующаго Сената . . . . . .

Приложеніе.

Счеты К. В. Бѣляева 473
Отрывокъ изъ собственноручнаго журнала исходящихъ бумагъ К. В. Бѣляева 490
Довѣренности выданныя отъ надежды Мартьяновой Ижболдину . . 491
Духовное завѣщаніе Мартьяновой 493
Условіе Самуила Баревскаго съ Ижболдинымъ 495
Письмо К. В. Бѣляева къ А. Мясникову 497
Письмо Мартьяновой къ Ижболдинымъ 497
Письмо Надежды Мартьяновой къ сестрѣ ея Аннѣ Ремянниковой . 498
Письмо Шевелева къ Ижболдину 498
Письма Амфилогія Караганова къ управляющему Мясниковыхъ Кошелькову 499
Письмо Александра Караганова отца къ сыну 501
Письмо Караганова сына къ отцу 502
Письмо Натальи Карагановой къ мужу ея Амфилогію Караганову . 504
Письма Натальи Карагановой къ управляющему Мясниковыхъ Кошелькову 505
Письмо управляющаго Кошелькова къ А. Мясникову 505
Письмо К. Добрынина къ управляющему Мясниковыхъ Кошелькову. 506
Письма Александра Цицина къ управляющему Мясниковыхъ Кошелькову 507
Экспертизы 518

Въ февралѣ 1872 года въ С. Петербургскомъ Окружномъ Судѣ разсматривалось дѣло объ отставномъ ротмистрѣ Александрѣ и надворномъ совѣтникѣ Иванѣ Мясниковыхъ и мѣщанинѣ Амфилогіѣ Карагановѣ, обвиняемыхъ въ составленіи отъ имени купца Бѣляева подложнаго духовнаго завѣщанія.

Дѣло это началось еще при существованіи прежнихъ судовъ. Оно возбуждено было купцомъ Ижболдинымъ, сначала какъ повѣреннымъ одной изъ сестеръ Бѣляева, мѣщанки Мартьяновой, а потомъ, какъ пріемникомъ ея наслѣдственныхъ правъ по духовному завѣщанію, сдѣланному сею послѣднею въ пользу его, Ижболдина, жены его и купеческой жены Пѣшехоновой.

Черезъ два года послѣ открытія новыхъ судебныхъ учрежденій, Ижболдины подали жалобу прокурору С. Петербургскаго Окружнаго Суда и, въ качествѣ гражданскихъ истцовъ, потерпѣвшихъ отъ преступленія, обвиняли Мясниковыхъ въ составленіи подложнаго завѣщанія отъ имени Бѣляева. По жалобѣ ихъ было произведено въ 1868 году предварительное изслѣдованіе, и чрезъ прокурорскій надзоръ, съ заключеніемъ его, представлено въ С. Петербургскую Судебную Палату, которая, сообразивъ обстоятельства, раскрытыя изслѣдованіемъ, съ основаніями, приведенными въ заключеніи прокурорскаго надзора, опредѣлила дѣло это, за недостаткомъ уликъ къ обвиненію заподозрѣнныхъ въ немъ лицъ, дальнѣйшимъ производствомъ прекратить.

Опредѣленіе Судебной Палаты послѣдовало въ маѣ 1869, а въ концѣ 1870 года, по распоряженію С. Петербургскаго прокурорскаго надзора, вновь было приступлено къ производству предварительнаго по настоящему дѣлу изслѣдованія, и потомъ дѣло было возобновлено съ разрѣшенія Судебной Палаты.

Это послѣднее изслѣдованіе, съ заключеніемъ по немъ прокурорскаго надзора, поступило на разсмотрѣніе Судебной Палаты, по опредѣленію которой обвиняемые въ составленіи подложнаго духовнаго завѣщанія Александръ и Иванъ Мясниковы и Амфилогій

Карагановъ преданы были суду С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

17 февраля 1872 года произошло по этому дѣлу первое засѣданіе С. Петербургскаго Окружнаго Суда, по второму уголовному отдѣленію, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Засѣданіе было открыто подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя Окружнаго Суда князя Кейкуатова. Обвинялъ прокуроръ Окружнаго Суда Кони; защищали подсудимыхъ: Александра Мясникова—присяжный повѣренный К. К. Арсеньевъ, Ивана Мясникова — присяжный повѣренный А. И. Языковъ и Караганова — присяжный повѣренный Н. Ф. Деппъ; повѣренными гражданскихъ истцовъ были: докторъ правъ А. В. Лохвицкій, присяжный повѣренный А. П. Остряковъ и надворный совѣтникъ В. В. Бѣляевъ.

Передъ выборомъ присяжныхъ засѣдателей надворнымъ совѣтникомъ Бѣляевымъ представлена была суду довѣренность, выданная ему гражданскою истицею по настоящему дѣлу, купеческою женою Пѣшехоновою, на участіе въ дѣлѣ въ качествѣ повѣреннаго.

Прокуроръ не встрѣтилъ препятствія къ допущенію Бѣляева присутствовать въ засѣданіи въ качествѣ повѣреннаго гражданскаго истца.

Г. Арсеньевъ замѣтилъ, что, не оспаривая довѣренности Бѣляева, онъ считаетъ необходимымъ представить нѣкоторыя соображенія вообще о правѣ гражданскихъ истцовъ участвовать въ настоящемъ дѣлѣ, но полагаетъ представленіе своихъ соображеній болѣе умѣстнымъ тогда, когда уже рѣшено будетъ приступить къ слушанію дѣла.

Г. предсѣдательствующій. Въ виду заявленнаго повѣренными гражданскихъ истцовъ по настоящему дѣлу желанія участвовать при разсмотрѣніи дѣла и въ виду того, что повѣренные гражданскихъ истцовъ, если будутъ допущены къ этому участію, могутъ принять участіе и въ разрѣшеніи вопроса о продолженіи настоящаго засѣданія, суду необходимо прежде всего постановить свое опредѣленіе относительно допущенія къ участію при разсмотрѣніи дѣла повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ.

Прис. пов. Арсеньевъ. Когда гражданскіе истцы на предварительномъ слѣдствіи заявили свое намѣреніе участвовать въ дѣлѣ, они признавали, что вопросъ о правѣ ихъ на это участіе

былъ уже разрѣшенъ указомъ Сената 1867 года о неправильномъ прекращеніи дѣла, начатаго Мартьяновой, а также рѣшеніемъ Окружнаго Суда, состоявшагося по гражданскому дѣлу о завѣщаніи Бѣляева въ 1870 году. Слѣдовательно я долженъ прежде всего доказать, что этими рѣшеніями присутственныхъ мѣстъ вопросъ о правѣ гг. Ижболдиныхъ и Пѣшехоновой участвовать въ дѣлѣ въ качествѣ гражданскихъ истцовъ, не предрѣшенъ. Разсмотрѣнію Сената по свойству принесенной частной жалобы подлежалъ только одинъ вопросъ о томъ, правильно ли поступила Гражданская Палата, прекративъ дѣло по иску Мартьяновой вслѣдствіе ея смерти. И только этотъ вопросъ разрѣшенъ былъ Сенатомъ въ томъ смыслѣ, что дѣло Палатою прекращалось неправильно. Что же касается до права Ижболдиныхъ и Пѣшехоновой являться въ настоящемъ дѣлѣ въ качествѣ гражданскихъ истцовъ, то вопросъ этотъ не только не былъ разрѣшенъ, но даже и не былъ поставленъ. Что касается до рѣшенія Окружнаго Суда, то хотя вопросъ о правѣ этихъ лицъ участвовать въ дѣлѣ въ качествѣ истцовъ и разрѣшенъ имъ утвердительно, но эта часть рѣшенія не вошла въ окончательную силу по той простой причинѣ, что она представляется неокончательнымъ выводомъ Окружнаго Суда, а только однимъ изъ его соображеній. Между тѣмъ нашею судебною практикою давно признано, что соображенія судебныхъ мѣстъ не обязательны, и что если они и не были обжалованы, то тѣмъ не менѣе не могутъ считаться вошедшими въ законную силу, потому что въ законную силу могутъ входить только окончательные выводы, окончательное опредѣленіе суда. Поэтому, я признаю себя вправѣ поднять вопросъ о томъ: имѣютъ ли право Ижболдины и Пѣшехонова считаться гражданскими истцами. По смыслу нашихъ законовъ и рѣшенія Кассаціоннаго Департамента по дѣлу о завѣщаніи Княжнина въ 1869 г., за № 617, гражданскими истцами въ дѣлахъ о духовныхъ завѣщаніяхъ слѣдуетъ признавать такихъ лицъ, интересы которыхъ зависятъ отъ признанія завѣщанія подложнымъ; слѣдовательно, въ настоящемъ дѣлѣ право Ижболдиныхъ участвовать въ качествѣ гражданскихъ истцовъ, зависитъ отъ того, заключается ли ихъ интересъ въ томъ, чтобы завѣщаніе было признано подложнымъ; а для разрѣшенія этого слѣдуетъ обратиться къ вопросу о томъ, можно ли завѣщать права наслѣдства по закону постороннимъ лицамъ. На основаніи 1110 ст. X т.

*

части 1-й, когда завѣщаніе признано недѣйствительнымъ по причинѣ или подложности, или неформальности, право наслѣдства переходитъ къ наслѣдникамъ по закону. Въ настоящемъ дѣлѣ Ижболдины доказываютъ, что завѣщаніе должно быть признано недѣйствительнымъ на томъ основаніи, что оно подложно; но еслибы этотъ вопросъ и могъ быть разрѣшенъ утвердительно, то возникло ли бы вслѣдствіе этого для Ижболдиныхъ право воспользоваться имуществомъ, оставшимся послѣ Бѣляева. По моему мнѣнію не возникаетъ, потому что признаніе духовнаго завѣщанія недѣйствительнымъ дастъ только право просить объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства по закону, а это право можетъ принадлежать только кровнымъ родственникамъ лица, послѣ котораго осталось наслѣдство. Между тѣмъ гг. Ижболдины и Пѣшехонова никакою кровною родственною связью ни съ покойнымъ Бѣляевымъ, ни съ сестрою его Мартьяновою не соединены; они основываютъ свои права въ настоящемъ дѣлѣ только на завѣщаніи, оставленномъ покойною сестрою Бѣляева Мартьяновою, по которому она завѣщала имъ свой искъ о настоящемъ наслѣдствѣ. Слѣдовательно, еслибы завѣщаніе и было признано недѣйствительнымъ, то, какъ лица посторонніи, Ижболдины и Пѣшехонова ни въ какомъ случаѣ утверждены въ правахъ наслѣдства быть не могли бы. Этому толкованію, которое я поддерживаю въ настоящее время и которое приводилъ при производствѣ дѣла въ гражданскомъ судѣ, я нашелъ драгоцѣнное подтвержденіе въ наиболѣе авторитетномъ трудѣ по части нашихъ гражданскихъ законовъ, въ «Курсѣ гражданскаго права» Побѣдоносцева, гдѣ высказывается, что пока наслѣдственныя права не были утверждены законнымъ порядкомъ, до тѣхъ поръ не можетъ быть рѣчи о передачѣ этихъ правъ посторонимъ лицамъ посредствомъ духовнаго завѣщанія. Вотъ соображенія, на которыхъ я признаю, что Ижболдины и Пѣшехонова никакого интереса въ томъ, чтобы завѣщаніе было признано недѣйствительнымъ, не имѣютъ, и слѣдовательно не могутъ быть гражданскими истцами. Поэтому, не оспаривая довѣренности, предоставленной г. Бѣляевымъ, я прошу устранить всѣхъ повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ отъ участія въ настоящемъ дѣлѣ, и во всякомъ случаѣ внести въ протоколъ постановленіе суда по этому предмету вмѣстѣ съ этими мотивами, которые мною были изложены.

Прокуроръ. Я полагаю, что въ настоящемъ дѣлѣ прежде всего надлежитъ обратиться къ разсмотрѣнію опредѣленія Сената, состоявшагося на рѣшеніе Гражданской Палаты. Этимъ опредѣленіемъ положительно было признано, что рѣшеніемъ своимъ Гражданская Палата неправильно устранила наслѣдниковъ Мартьяновой отъ веденія дѣла въ качествѣ гражданскихъ истцовъ. Это же опредѣленіе Сената было принято въ соображеніе и Окружнымъ Судомъ, который, усматривая, что, по смыслу 1104 ст. X т. 1-й ч., наше законодательство допускаетъ наслѣдство во всей совокупности правъ, призналъ возможнымъ допустить Ижболдиныхъ и Пѣшехонову въ качествѣ гражданскихъ истцовъ. Такимъ образомъ уже гражданскимъ судомъ вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу Ижболдиныхъ. Затѣмъ обращусь къ заявленію защиты о невозможности наслѣдникамъ по завѣщанію Мартьяновой явиться истцами къ наслѣдству Бѣляева. Въ тѣхъ случаяхъ, когда наслѣдники по закону умираютъ, прежде утвержденія ихъ въ правахъ наслѣдства, то имущество становится выморочнымъ. У Мартьяновой наслѣдниковъ не было,—и единственными представителями ея имущественной личности были тѣ, которымъ она передала свои имущественныя права, въ числѣ которыхъ и находилось право на отысканіе по завѣщанію наслѣдства послѣ ея умершаго родственника. Я полагаю, что если Мартьянова имѣла право отыскивать наслѣдство по закону, то конечно она могла передать это право такимъ лицамъ, которыя хотя и не были съ нею въ родственныхъ отношеніяхъ, но были для нея самыми близкими людьми. Въ виду этого, а также въ виду того, что во всякомъ случаѣ гражданскіе истцы въ настоящемъ дѣлѣ заинтересованы въ признаніи завѣщанія подложнымъ и что опредѣленіе ихъ дальнѣйшихъ правъ есть предметъ дальнѣйшаго разбирательства гражданскаго суда, я полагаю, въ силу опредѣленія Окружнаго Суда и указа Сената, допустить повѣренныхъ Ижболдиныхъ и Пѣшехоновой въ качествѣ гражданскихъ истцовъ.

Г. Остряковъ. Въ дополненіе того, что сказалъ г. прокуроръ, я позволю себѣ прибавить слѣдующее: въ указѣ Сената отъ 14 февраля 1867 г. именно выражено, что Ижболдинъ имѣетъ право продолжать дѣло, начатое Мартьяновою, въ качествѣ наслѣдника. На это рѣшеніе 4-го департамента Сената не было принесено апелляціонной жалобы и оно вошло въ окончательную

силу; независимо отъ этого опредѣленія Сената составилось рѣшеніе гражданскаго Окружнаго Суда, который призналъ, что Ижболдины, какъ наслѣдники Мартьяновой, родной сестры Бѣляева, имѣютъ право продолжать искъ по завѣщанію. Замѣчаніе, сдѣланное защитникомъ А. Мясникова, едва ли имѣетъ основаніе. Онъ говоритъ, что право Ижболдиныхъ на искъ было приведено не въ заключеніе, а въ мотивахъ суда, которые на основаніи извѣстныхъ рѣшеній Кассаціоннаго Департамента не входятъ въ окончательную, законную силу. Я полагаю, что здѣсь болѣе, чѣмъ мотивы: Окружной Судъ, разсмотрѣвши это дѣло по существу, задался предварительнымъ вопросомъ о томъ, имѣютъ ли право Ижболдины участвовать въ этомъ дѣлѣ въ качествѣ гражданскихъ истцовъ и разрѣшилъ этотъ вопросъ утвердительно; если бы Судъ подвергалъ этотъ вопросъ какому либо сомнѣнію, то, само собою разумѣется, не было бы ни малѣйшаго основанія къ разсмотрѣнію дѣла по существу. Обращаясь къ тому, что будто Ижболдины сами по себѣ не имѣютъ права участія въ этомъ дѣлѣ, я долженъ замѣтить слѣдующее: Мартьянова—родная сестра покойнаго завѣщателя,—объ этомъ никто не споритъ—доказательства этому представляются въ дѣлѣ, производившемся въ 1-мъ департаментѣ Гражданской Палаты и находящемся здѣсь, при производствѣ, метрическомъ свидѣтельствѣ; что Мартьянова по духовному завѣщанію всѣ права свои уступила Ижболдинымъ — объ этомъ также никто не споритъ. Весь вопросъ въ томъ, имѣла ли она право передать эти права? По моему мнѣнію она имѣла на это полное право; наслѣдство, какъ по завѣщанію, такъ и по закону, открывается смертью владѣльца; послѣ смерти Бѣляева, уже въ силу самаго закона, она получила права на наслѣдство. Въ Высочайшемъ мнѣніи Государственнаго Совѣта категорически и ясно выраженъ тотъ принципъ, что наслѣдство возникаетъ въ минуту смерти владѣльца имущества и въ судебномъ утвержденіи наслѣдниковъ надобности не предстоитъ. Права эти пріобрѣтаются уже силою факта, а не рѣшеніемъ судебнаго мѣста. Въ заключеніе я долженъ сказать, что Ижболдины признаны уже гражданскими истцами самымъ опредѣленіемъ Судебной Палаты, утверждавшей обвинительный актъ, при которомъ въ числѣ разныхъ лицъ, вызываемыхъ къ слѣдствію, вызываются Ижболдины въ качествѣ гражданскихъ истцовъ. За такимъ разрѣшеніемъ Судебной Палаты

разсмотрѣніе настоящаго вопроса не должно имѣть мѣста въ Судѣ.

Г. Лохвицкій. Къ сказанному моимъ сотоварищемъ я имѣю честь прибавить слѣдующее: защитникъ А. Мясникова не отрицаетъ нисколько законности довѣренности, а отрицаетъ только самое право Ижболдиныхъ; но такъ какъ право Ижболдиныхъ быть въ настоящемъ дѣлѣ гражданскими истцами признано Окружнымъ Судомъ и объ этомъ признаніи защита своевременно была извѣщена и своевременно не подала ни жалобы, ни протеста, ни объясненія, то я полагаю, что за подобнымъ упущеніемъ настоящее заявленіе защиты не подлежитъ разсмотрѣнію суда.

Г. Арсеньевъ. Что касается до указа Правительствующаго Сената, который приводится основаніемъ права гражданскихъ истцовъ въ настоящемъ дѣлѣ, то въ этомъ указѣ Сената сказано, что вообще иски и тяжбы могутъ быть предметомъ передачи; но Сенатъ не разсматривалъ вопроса о томъ имѣютъ ли въ настоящемъ случаѣ Ижболдины право, по самому свойству дѣла, продолжать тяжбу, начатую Мартьяновой; что вообще тяжбы могутъ переходить по наслѣдству, это не подлежитъ сомнѣнію, но изъ этого правила есть исключенія, на которыя и я указалъ. Затѣмъ, рѣшеніе Окружнаго Суда не можетъ быть приводимо въ основаніе потому, что въ этомъ рѣшеніи есть только одна часть, которая могла войти въ законную силу, именно та часть, въ которой Окружный Судъ постановилъ въ искѣ Ижболдиныхъ и Пѣшехоновой отказать. Вотъ эта часть вошла для отвѣтчицы Бѣляевой въ законную силу. Что же касается до всѣхъ соображеній, на основаніи которыхъ Судъ пришелъ къ извѣстному заключенію, то они войти въ законную силу не могли, въ виду основнаго правила, признаннаго нашею судебною практикою, что въ законную силу входитъ только окончательное рѣшеніе суда. Затѣмъ, относительно опредѣленія Судебной Палаты, я замѣчу только, что такое косвенное признаніе за Ижболдиными и Пѣшехоновой права гражданскихъ истцовъ, конечно не разрѣшаетъ вопроса окончательно, тѣмъ болѣе, что въ виду Судебной Палаты не было тѣхъ соображеній, которыя представлены въ настоящее время. Затѣмъ другой противникъ мой говоритъ, что Окружный Судъ въ настоящее время уже допустилъ этихъ лицъ къ участію въ дѣлѣ въ качествѣ гражданскихъ истцовъ, что защитѣ былъ сообщенъ списокъ

свидѣтелей, въ которомъ Ижболдины стоятъ въ качествѣ гражданскихъ истцовъ, и что защита не представила возраженій. Я полагаю, что мы не могли представить нашихъ возраженій раньше, потому что случай этотъ по закону не отнесенъ къ тѣмъ, въ которыхъ допускается подача отдѣльныхъ частныхъ жалобъ или заявленій, и что первый моментъ, когда мы получаемъ право заявить о томъ, что Ижболдины — лица вовсе посторонніе, есть именно настоящій моментъ. Относительно заявленія г. прокурора я замѣчу, что оно исходитъ изъ ошибочнаго фактическаго предположенія, что послѣ Мартьяновой не осталось наслѣдниковъ по закону, тогда какъ у нея осталась родная сестра Ремяшникова, которая является также въ числѣ свидѣтелей. Затѣмъ, указывая на то, что Ижболдины не имѣютъ интереса въ настоящемъ дѣлѣ, я основываюсь на томъ простомъ соображеніи, которое ни кѣмъ не было опровергнуто, что всякій разъ, когда возникаетъ вопросъ о недѣйствительности завѣщанія, послѣ рѣшенія этого вопроса въ смыслѣ недѣйствительности слѣдуетъ непремѣнное признаніе наслѣдниковъ по закону, и только одни наслѣдники по закону, т. е. кровные родственники, могутъ воспользоваться послѣдствіями признанія завѣщанія недѣйствительнымъ.

Г. Языковъ. Присоединяясь во всемъ къ моему товарищу по защитѣ, я добавлю только, что указаніе на состоявшееся постановленіе Окружнаго Суда о признаніи правъ гражданскихъ истцовъ, по моему мнѣнію, толкуется совершенно неправильно, такъ какъ не указано въ законѣ, чтобы въ этомъ случаѣ подавались отдѣльныя жалобы или заявленія. Сверхъ того я обращу вниманіе ваше на то, что постановленіе это состоялось безъ предварительнаго объясненія сторонъ, и затѣмъ первая возможность заявить свои соображенія является только въ настоящемъ засѣданіи, и защита пользуется этимъ правомъ, не пропустивъ никакихъ сроковъ, которые впрочемъ въ законѣ вовсе и не указаны.

Г. Остряковъ. Заявленіе защитника А. Мясникова, что будто не состоялось никакого рѣшенія Окружнаго Суда относительно правъ Ижболдинскихъ, по моему мнѣнію, несогласно съ обстоятельствами дѣла. Я опять имѣю честь повторить, что рѣшеніе Окружнаго Суда состояло изъ двухъ частей: первый вопросъ, возбужденный Окружнымъ Судомъ, состоялъ въ томъ: имѣютъ ли Ижболдины право участвовать въ дѣлѣ; вопросъ этотъ былъ воз-

буждень вслѣдствіе тѣхъ соображеній, которыя въ настоящее время заявляются защитникомъ А. Мясникова, и только разрѣшивъ этотъ вопросъ утвердительно, судъ перешелъ къ разсмотрѣнію дѣла по существу, только заручившись разрѣшеніемъ перваго вопроса, судъ счелъ возможнымъ приступить къ дальнѣйшему разсмотрѣнію дѣла. Это рѣшеніе суда можно считать вошедшимъ въ окончательную силу, потому что повѣреннымъ г-жи Бѣляевой, а въ настоящее время повѣреннымъ А. Мясникова, не было принесено ни апелляціонной жалобы, ни объясненія на апелляціонную жалобу моего довѣрителя.

Г. Лохвицкій. Если Окружной Судъ признаетъ правильнымъ заявленіе защитника А. Мясникова, то въ такомъ случаѣ значитъ Окружный Судъ разрѣшитъ одинъ изъ важнѣйшихъ, тонкихъ гражданскихъ вопросовъ—именно о томъ, что право наслѣдства не можетъ быть завѣщано. Уже это одно показываетъ, что въ настоящее время не можетъ быть ни какимъ образомъ разрѣшено утвердительно заявленіе защитника; нужно замѣтить, что при старомъ порядкѣ производства у насъ постоянно допускались жалобы на завѣщанія тѣхъ лицъ, которыя считали, что по закону они имѣютъ право на наслѣдство, и при этомъ вовсе не требовалось доказательствъ, что именно этимъ лицамъ должно принадлежать наслѣдство; достаточно только было одного того, что они состоятъ въ какомъ нибудь родствѣ, т. е. имѣютъ возможность на какія нибудь права. Если такъ допускалось и при старой судебной практикѣ, то какимъ же образомъ можетъ быть отвергнуто право Шаболдиныхъ явиться въ качествѣ повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ въ настоящее время, когда для допущенія въ дѣлѣ гражданской стороны достаточно, чтобы она имѣла какой бы то ни было интересъ въ рѣшеніи дѣла въ ту или другую сторону?

Г. Прокуроръ. Относительно возраженія, сдѣланнаго мнѣ защитникомъ А. Мясникова, что послѣ Мартьяновой осталась наслѣдница сестра ея Ремяшникова, то я долженъ заявить, что здѣсь съ фактической стороны—такъ какъ защита ставитъ вопросъ именно на эту почву—Ремяшникова вовсе не являлась наслѣдницей, такъ какъ она не подвергала сомнѣнію того завѣщанія, при признаніи котораго подложнымъ только и могли явиться права наслѣдниковъ.

Г. Арсеньевъ. Замѣчаніе г. прокурора относилось къ мо-

менту составленія завѣщанія Мартьяновою; впрочемъ Ремянникова могла и въ настоящее время заявить свои законныя права. Я забылъ упомянуть, что опредѣленіе Сената состоялось въ частномъ порядкѣ, а всѣ частныя опредѣленія въ законную силу не входятъ, и при измѣнившемся положеніи дѣла, или представленіи новыхъ соображеній, могутъ быть измѣняемы при рѣшеніи дѣла по существу. Что касается до рѣшенія Окружнаго Суда, то противная сторона говоритъ, между прочимъ, что оно могло быть обжаловано въ апелляціи или объясненіи на апелляцію, но съ этимъ согласиться нельзя, потому что вообще жаловаться можно только на окончательное рѣшеніе суда, а не на его соображенія, и неприсеніе жалобы не лишаетъ права опровергать соображенія суда первой степени передъ апелляціонною инстанціей. Затѣмъ, по поводу замѣчанія, что Окружному Суду предстоитъ рѣшить тонкій юридическій вопросъ гражданскаго судопроизводства, я долженъ возразить, что законъ признаетъ за уголовнымъ судомъ право рѣшенія всѣхъ гражданскихъ вопросовъ на столько, на сколько они касаются уголовнаго дѣла; что какъ бы вопросъ этотъ ни былъ разрѣшенъ, во всякомъ случаѣ послѣднее слово о немъ скажетъ все же уголовный кассаціонный департаментъ Сената. Наконецъ, мой противникъ признаетъ, что для того, чтобы кто нибудь могъ быть признанъ гражданскимъ истцомъ въ дѣлѣ, необходимо, чтобы онъ имѣлъ интересъ въ исходѣ этого дѣла; но я уже представилъ свои соображенія по этому вопросу и повторяю, что никакого интереса Шаболдины и Шешехонова въ настоящее время въ дѣлѣ не имѣютъ, потому что никакое рѣшеніе дѣла не можетъ доставить имъ по закону права на имущество, оставшееся послѣ Бѣляева, лица, имъ совершенно постороннаго.

Г. Остряковъ. Я считаю необходимымъ указать еще на то, что при предварительномъ слѣдствіи уже возбуждался вопросъ по этому предмету. Судебный слѣдователь спрашивалъ какъ Александра, такъ и Ивана Мясниковыхъ: допускаютъ ли повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ участвовать въ этомъ дѣлѣ, на что они заявили, что не встрѣчаютъ никакихъ препятствій.

Г. Арсеньевъ. Я предоставляю Суду рѣшить вопросъ о томъ, на сколько подсудимые, незнакомые съ способомъ веденія дѣла, могли возразить противъ допущенія гражданскихъ истцовъ къ участію въ предварительномъ слѣдствіи.

Судъ, принимая во вниманіе: 1) что какъ 1010 ст. 1 ч. X т. опредѣляетъ завѣщаніе распоряженіемъ владѣльца о его имуществѣ, то само собою разумѣется, что подъ имуществомъ законъ понимаетъ въ этой статьѣ совокупность всѣхъ правъ, принадлежащихъ извѣстному лицу какъ на вещи и предметы, находящіеся у него въ дѣйствительномъ обладаніи, такъ и на тѣ права, осуществленіе которыхъ зависитъ отъ самого завѣщателя; 2) что по смыслу 1104 ст. 1 ч. X т. къ числу правъ, переходящихъ по наслѣдству, принадлежитъ и право извѣстнаго лица на предъявленіе того или другаго иска, возникающаго изъ отношенія этого лица къ другимъ; 3) что по этому Мартьянова имѣла право передать по завѣщанію избраннымъ ею лицамъ принадлежавшее ей по закону право спора противъ завѣщанія Козьмы Бѣляева; 4) что означеннымъ завѣщаніемъ Мартьянова передавала Ижболдинымъ не право на предъявленіе извѣстнаго иска, а право продолжать судебнымъ порядкомъ уже возбужденный ею самою споръ противъ завѣщанія и право воспользоваться тѣми выгодами, которыя могутъ возникнуть изъ этого процесса; и 5) что такимъ образомъ Ижболдины и Пѣшехонова прямо заинтересованы въ исходѣ настоящаго дѣла, — постановилъ: признать, руководствуясь рѣшеніемъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената за 1869 годъ, № 617, Ижболдиныхъ и Пѣшехонову имѣющими право, въ лицѣ повѣренныхъ ихъ, участвовать въ настоящемъ дѣлѣ въ качествѣ гражданскихъ истцовъ.

Затѣмъ, съ согласія сторонъ, судъ допустилъ къ участію въ дѣлѣ въ качествѣ повѣреннаго гражданскихъ истцовъ еще надворнаго совѣтника Василія Бѣляева.

Послѣ этого доложены были имена явившихся и неявившихся свидѣтелей.

Прокуроръ проситъ о продолженіи засѣданія въ отсутствіе неявившихся свидѣтелей и о прочтеніи ихъ показаній, Что касается до свидѣтеля Шевелева, продолжаетъ г. прокуроръ, то онъ содержится въ петропавловской крѣпости и, какъ видно изъ донесенія, не явился по болѣзни, которая ему помѣшаетъ выѣзжать въ теченіи одного или двухъ дней. На этомъ основаніи я позволю себѣ просить судъ о разрѣшеніи на сдѣланіе мною надлежащихъ распоряженій о доставленіи этого свидѣтеля въ судъ въ теченіи засѣданія, которое вѣроятно продлится нѣсколько дней.

Докторъ правъ Лохвицкій. Такъ какъ изъ бумаги, поданной свидѣтельницей Махаевой, видно, что она не безусловно больна и явиться не можетъ въ судъ, а только слаба и не можетъ выдержать продолжительное присутствіе въ судѣ, а между тѣмъ, такъ какъ свидѣтельница эта чрезвычайно важна для повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ, то я покорнѣйше прошу судъ сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы она была вызвана къ тому дню и часу засѣданія, къ которому судъ найдетъ нужнымъ допросить эту свидѣтельницу. Что касается до свидѣтеля Шевелева, то въ виду важности его показанія, я присоединяюсь къ заявленію, сдѣланному обвинительною властью.

Прис. пов. Остряковъ. Если судъ сочтетъ возможнымъ продолжать засѣданія безъ вызова Махаевой и Шевелева, то я покорнѣйше прошу прочесть показанія ихъ.

Прис. пов. Арсеньевъ. Въ числѣ явившихся свидѣтелей для защиты особенно важенъ свидѣтель Исаевъ. Такъ какъ въ виду суда нѣтъ причинъ неявки этого свидѣтеля, то я просилъ бы судъ или о посылкѣ свидѣтелю Исаеву новой повѣстки, или о томъ, чтобы, въ случаѣ надобности, подвергнуть этого свидѣтеля приводу. Затѣмъ относительно прочихъ свидѣтелей я ничего не имѣю сказать.

Прис. пов. Языковъ. Я присоединяюсь къ заявленію моего товарища по защитѣ.

Прокуроръ. Если судомъ будетъ уважена просьба защиты о приводѣ свидѣтеля Исаева, то я съ своей стороны просилъ бы обратить эту мѣру и относительно свидѣтеля Штеммера, не представившаго также причинъ неявки.

Окружный судъ постановилъ признать законными причины неявки свидѣтелей за исключеніемъ свидѣтелей Штеммера и Исаева и затѣмъ судебное слѣдствіе по настоящему дѣлу продолжать.

Свидѣтеля Штеммера подвергнуть за неявку денежной отвѣтственности въ 25 р., а свидѣтеля Исаева за то же въ 5 руб. и затѣмъ, въ виду заявленій прокурора и защиты, подвергнуть этихъ свидѣтелей приводу. Кромѣ того разрѣшить прокурору сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы доставленъ былъ въ засѣданіе суда свидѣтель Шевелевъ. Что касается до свидѣтельницы Махаевой, то послать къ ней черезъ судебнаго пристава повѣстку о явкѣ въ судъ на завтрашній день въ 11 часовъ утра.

Прис. пов. Языковъ. Я имѣлъ честь заявить суду, что по закону отводъ присяжныхъ засѣдателей предоставленъ только прокурорскому надзору и защитѣ. На основаніи статьи 742 Уст. Угол. Суд., гражданскіе истцы могутъ участвовать въ дѣлѣ для того, чтобы объяснять и доказывать всѣ дѣйствія и обстоятельства, отъ признанія и опредѣленія которыхъ зависятъ ихъ требованія. Но затѣмъ, на основаніи 654 и 656 статей Уст. Угол. Суд., прокуроръ и защитники имѣютъ право отвода присяжныхъ засѣдателей. Но въ этихъ статьяхъ ни слова не говорится о правѣ отвода или о томъ количествѣ присяжныхъ засѣдателей, которыхъ отводить можетъ гражданскій истецъ. Поэтому я не признаю права за повѣренными гражданскихъ истцовъ негласнаго отвода безъ объясненія причинъ посредствомъ вычеркиванія на спискѣ именъ присяжныхъ засѣдателей. Если судъ со мной не согласится, то покорнѣйше прошу внести настоящее мое заявленіе въ протоколъ.

Докторъ правъ Лохвицкій. Я соглашаюсь съ защитой въ томъ смыслѣ, что по закону предоставлено каждой сторонѣ отвести только по шести присяжныхъ засѣдателей. Слѣдовательно прокуроръ или гражданскій истецъ не имѣютъ права отвести болѣе этого числа, такъ какъ они составляютъ одну сторону. Но затѣмъ какъ законъ, такъ и Кассаціонный Сенатъ въ своемъ рѣшеніи по дѣлу Прянишникова и компаніи опредѣляютъ ясно, что гражданскій истецъ имѣетъ право участвовать во всѣхъ тѣхъ дѣйствіяхъ, о которыхъ упоминаетъ законъ. И если слѣдовательно прокуроръ не воспользовался всей полнотой предоставленнаго ему права отвода, то гражданская сторона имѣетъ право отвести остальныхъ до числа шести, т. е. и въ этомъ случаѣ, какъ во всѣхъ другихъ, гражданская сторона есть союзникъ нераздѣльный прокуратуры.

Такъ какъ прокуроръ отвелъ 6 присяжныхъ засѣдателей, то повѣренные гражданскихъ истцовъ отказываются отъ поддержанія своего заявленія.

Послѣ выбора затѣмъ 12 присяжныхъ и двухъ запасныхъ и по приведеніи ихъ къ присягѣ, прочитанъ былъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

24 сентября 1858 года, въ С. Петербургѣ, въ 4 кварталѣ (нынѣ 3-й участокъ) Литейной части, на углу Знаменской и Спасской улицъ, въ домѣ подъ № 34-мъ, умеръ фридрихсгамскій пер-

востатейный купецъ Козьма Васильевъ Бѣляевъ, отъ рака въ мочевомъ пузырѣ, какъ видно изъ показанія пользовавшаго врача Тильмана.

Изъ многочисленныхъ письменныхъ свѣдѣній, имѣющихся при дѣлѣ, оказывается, что Козьма Бѣляевъ, завѣдуя дѣлами племянниковъ своей жены, Александра и Ивана Константиновыхъ Мясниковыхъ, а также ихъ сестеръ, участвовалъ въ нѣкоторыхъ изъ сихъ дѣлъ на правахъ компаньона, и кромѣ того, владѣя значительнымъ капиталомъ, имѣлъ свои собственныя разнообразныя коммерческія предпріятія, занимаясь откупами, рыбными ловлями, лѣсною торговлею и другими торговыми предпріятіями. Не задолго до смерти Бѣляева, опредѣленіемъ Сената отъ 12 го апрѣля 1858 г., за нимъ были утверждены въ арендное содержаніе на 12 лѣтъ рыболовныя воды въ Астраханской губерніи изъ платежа въ казну 72,000 руб. ежегодно. Эти рыбные промыслы, перешедшіе послѣ смерти Бѣляева къ братьямъ Александру и Ивану Мясниковымъ, были уступлены ими коллежскому секретарю Трощинскому за 899,000 руб[illegible].

Спрошенныя о состояніи Бѣляева лица, знавшія покойнаго и имѣвшія съ нимъ разныя дѣла: биржевые маклера Максимъ Гротенъ и Аксель Гизико, потомственные почетные граждане Николай Перозіо и Германъ Молво показали, что въ 1858 г. Бѣляевъ намѣревался купить въ компаніи съ купцами Жадимировскимъ и Клеменцомъ у заводчика Берда принадлежащіе сему послѣднему извѣстные въ Петербургѣ заводы и Гутуевскій островъ за 2,300,000 руб., причемъ, какъ видно изъ подробнаго о семъ проекта условія, на долю Бѣляева приходилось уплатить изъ покупной суммы болѣе 1½ милліона. Въ томъ же 1858 году Бѣляевъ входилъ въ переговоры о покупкѣ литейнаго завода герцога Лейхтенбергскаго, обязываясь внести за одного себя 250,000 руб., принималъ участіе въ учрежденіи въ Петербургѣ новаго газоваго общества, причемъ передалъ Молво на расходы по этому дѣлу около 5,000 р. и обязался внести за себя залогу 400,000 р., но за своей смертію не успѣлъ этого сдѣлать. Вообще изъ показаній Молво и Перозіо оказывается, что Бѣляевъ, между знавшими его лицами, слылъ за человѣка богатаго и отзывы были о немъ какъ о милліонерѣ.

На другой день смерти Козьмы Бѣляева, т. е. 25-го сентября

1858 г., старшій помощникъ надзирателя 4-го квартала Литейной части, Рашковскій, прибылъ въ квартиру покойнаго для приведенія въ извѣстность и сохраненія оставшагося послѣ него имущества. Изъ составленнаго по сему случаю акта видно, что послѣ Бѣляева нашлось наличными деньгами 350 руб., старой серебряной монеты 25 штукъ и разнаго рода бумаги, которыя впредь до составленія имъ описи были опечатаны полицейскою печатью. О томъ, что послѣ Бѣляева осталось духовное завѣщаніе, въ семъ актѣ не упоминается и опись имущества, какъ видно изъ дѣла, составлена не была.

Составлявшій и писавшій этотъ актъ бывшій помощникъ надзирателя, коллежскій ассессоръ Францъ Рашковскій, при слѣдствіи показалъ, что опечатанія и описи имущества по смерти Бѣляева онъ не производилъ и полагаетъ, что этотъ актъ написанъ имъ по порученію надзирателя въ конторѣ квартала и не въ присутствіи подписавшихъ актъ свидѣтелей, такъ какъ если бы онъ дѣйствительно составлялъ этотъ актъ въ квартирѣ Бѣляева, то увѣренъ, что запомнилъ бы обстановку и расположеніе комнатъ.

Бывшій надзиратель 4-го квартала Литейной части, надворный совѣтникъ Павелъ Соколовъ, показалъ, что онъ не помнитъ, чтобы поручалъ Рашковскому въ конторѣ квартала составлять актъ объ опечатаніи имущества Бѣляева; самъ онъ, Соколовъ, для опечатанія имущества въ квартирѣ Бѣляева не былъ и, сколько помнитъ, въ то время былъ боленъ, такъ что въ январѣ 1859 года вышелъ въ отставку.

16-го октября 1858 года, вдова Козьмы Бѣляева, умершаго бездѣтнымъ, Екатерина Васильева Бѣляева, урожденная дворянка Попова, представила въ 1-й Департаментъ С. Петербургской Гражданской Палаты для засвидѣтельствованія домашнее духовное завѣщаніе отъ 10-го мая 1858 года, писанное коллежскимъ ассессоромъ Макаромъ Афиногеновымъ Целебровскимъ, подписанное завѣщателемъ только двумя словами: «Козьма Бѣляевъ», и свидѣтелями протоіереемъ Василіемъ Яковлевымъ Спицынскимъ и медикомъ коллежскимъ ассессоромъ Ѳедоромъ Ивановымъ Отто.

По сему завѣщанію, написанному на одной страницѣ листа бумаги обыкновеннаго формата, покойный Бѣляевъ все движимое и недвижимое имѣніе его, въ чемъ бы оно ни состояло и гдѣ бы оно ни оказалось, денежный капиталъ, какой будетъ къ тому вре-

мени палицо, въ дѣлахъ и оборотахъ или въ долгахъ на другихъ, всѣ его коммерческія предпріятія съ казною и частными лицами, предоставилъ въ неприкосновенную собственность своей жены Екатерины Васильевой Бѣляевой, обязавъ ее сдѣлать выдачи: родной сестрѣ покойнаго, вдовѣ Аннѣ Васильевой Ремянниковой 4,000 р., вдовѣ Аннѣ Никифоровой Арефьевой 2,000 р. и конторщику Бѣляева, Николаю Дмитріеву Шмелеву, 3,000 рублей.

По засвидѣтельствованіи сего завѣщанія 6-го ноября 1858 года Гражданскою Палатою, Екатерина Васильева Бѣляева, по условію, совершенному нотаріальнымъ порядкомъ 22-го декабря того же года, все доставшееся ей наслѣдство, вмѣстѣ съ двумя принадлежащими ей винокуренными заводами — Чураковскимъ и Комаровскимъ въ Казанской губерніи—и Тихвинской лѣсной дачей уступила поручику Александру и коллежскому регистратору Ивану Константиновымъ Мясниковымъ за 392,653 руб. 30 коп. съ тѣмъ, что въ уплату сей суммы она приметъ сохранную росписку, выданную ея покойнымъ мужемъ, 21-го мая 1858 г., Александру и Ивану Мясниковымъ на 272,653 р. 30 к., и затѣмъ Мясниковы обязались выплатить ей 120,000 р., ежегодно по 12,000 р. Въ условіи семъ упомянуты тѣ торговыя предпріятія, принадлежавшія ея покойному мужу, право на которыя она передала Мясниковымъ, обязалась на уступленныя имъ недвижимыя имѣнія выдать законнымъ установленныя купчія крѣпости и предоставила имъ въ собственность всѣ иски по обязательствамъ съ умершаго несостоятельнаго должника Николая Мясникова, какъ выданныя на имя покойнаго ея мужа, такъ и скупленныя разными лицами по его порученію.

12-го сентября 1859 года, племянникъ Козьмы Бѣляева, сынъ его родной сестры Надежды Васильевой, казанскій мѣщанинъ Иванъ Николаевъ Мартьяновъ, узнавъ о смерти дяди и прибывъ въ Петербургъ, подалъ бывшему с. петербургскому военному генералъ губернатору прошеніе, въ которомъ, излагая обстоятельства, сопровождавшія смерть Бѣляева и появленіе духовнаго завѣщанія отъ 10-го мая 1858 года, а также послѣдовавшее расхищеніе имущества Бѣляева, заявилъ, что означенное духовное завѣщаніе и сохранная росписка, выданная будто бы Бѣляевымъ на 272,653 руб., составлены подложно.

Прошеніе Мартьянова было передано на разсмотрѣніе 2-го Де-

партамента С. Петербургской Управы Благочинія, опредѣленіемъ котораго ходатайство его объ изслѣдованіи дѣла было оставлено безъ послѣдствій, съ предоставленіемъ ему права обратиться съ заявленіемъ спора о подлогѣ завѣщанія въ Гражданскую Палату.

Вскорѣ по объявленіи Мартьянову сего опредѣленія, онъ, 18-го декабря 1859 г., поступилъ въ градскую Обуховскую больницу, гдѣ того же числа и умеръ отъ холеры.

Послѣ смерти Мартьянова, мать его, сарапульская мѣщанка Надежда Васильева Мартьянова, въ 1861 году предъявила въ С.-Петербургскую Гражданскую Палату споръ противъ завѣщанія Бѣляева; но также до окончанія дѣла умерла въ томъ же 1861 году, оставивъ духовное завѣщаніе, по которому право иска о недѣйствительности духовнаго завѣщанія Бѣляева предоставила купцу Ивану Алексѣеву и женѣ его Аннѣ Николаевой Ижболдиной и купчихѣ Зоѣ Николаевой Пѣшехоновой.

По прошеніямъ наслѣдниковъ Мартьяновой, въ С. Петербургской Гражданской Палатѣ до 1868 года производилось дѣло по спору противъ духовнаго завѣщанія Козьмы Бѣляева. До окончанія сего дѣла въ гражданскомъ порядкѣ, Иванъ и Анна Ижболдины, 2-го іюля 1868 года подали прокурору С. Петербургскаго Окружнаго Суда жалобу о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія противъ братьевъ, капитана Александра и коллежскаго ассессора Ивана Мясниковыхъ и мѣщанина Амфилогія Александрова Караганова, по обвиненію ихъ въ составленіи подложнаго духовнаго завѣщанія отъ имени Козьмы Бѣляева. Произведеннымъ по сей жалобѣ предварительнымъ слѣдствіемъ обнаружено слѣдующее:

Царскосельскій 2-й гильдіи купецъ Иванъ Алексѣевъ Ижболдинъ, въ подтвержденіе поданной имъ жалобы, на допросѣ у судебнаго слѣдователя показалъ, что во время смерти Козьмы Бѣляева онъ находился въ г. Сарапулѣ. Прибывъ въ Петербургъ въ 1859 г., или даже позже, съ довѣренностью мѣщанки Мартьяновой для отысканія слѣдовавшаго ей по смерти Бѣляева наслѣдства и для оспариванія духовнаго завѣщанія, онъ обратился къ своему хорошему знакомому, бывшему управляющему дѣлами Мясниковыхъ, Ѳедору Карлову Кемпе, который и объяснилъ ему, что духовное завѣщаніе Бѣляева фальшиво, что оно подписано за Бѣляева въ конторѣ Мясниковыхъ, конторщикомъ мѣщанином Амфилогіемъ Карагановымъ, и что Александръ Мясниковъ просилъ Кемпе подписаться

на завѣщаніи свидѣтелемъ, но онъ отъ подписи отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что въ день составленія завѣщанія, 10-го мая 1858 года, онъ не былъ въ Петербургѣ. Кемпе также говорилъ ему, что Карагановъ учился подписываться отъ имени Бѣляева. Кромѣ сего Кемпе говорилъ, что однажды послѣ смерти Бѣляева Иванъ Мясниковъ принесъ въ контору сохранную росписку отъ имени Бѣляева, на простой бумагѣ, на сумму около 300,000 р. Кемпе, посмотрѣвъ росписку, замѣтилъ Мясникову, что слѣдовало бы написать ее на гербовой бумагѣ. На другой день Иванъ Мясниковъ показалъ Кемпе сохранную росписку на ту же сумму и отъ того же самаго числа, но написанную уже на гербовой бумагѣ. Почетный гражданинъ Александръ Ѳедоровъ Красильниковъ разсказывалъ, что Александръ Мясниковъ просилъ его подписаться свидѣтелемъ на завѣщаніи Бѣляева и что завѣщаніе подписалъ за Бѣляева двоюродный братъ Красильникова, Амфилогій Карагановъ. Управляющій дѣлами Мясниковыхъ, Александръ Ѳедоровъ Матвѣевъ, говорилъ при немъ, что завѣщаніе подписано отъ имени Бѣляева Амфилогіемъ Карагановымъ и что Карагановъ учился дѣлать подписи Бѣляева. Имѣя подобныя свѣдѣнія о подлогѣ завѣщанія Бѣляева, Ижболдинъ однажды въ присутствіи свидѣтелей уличалъ Караганова въ томъ, что онъ подписалъ духовное завѣщаніе за Бѣляева и сдѣлалъ фальшивые бланки Бѣляева на двухъ бланковыхъ билетахъ, но Карагановъ противъ этого ничего не возражалъ. Кромѣ вышеизложеннаго, Ижболдинъ слышалъ о фальшивомъ завѣщаніи отъ купца Ѳедора Красильникова и конторщика Мясникова, Ивана Дьяконова. По полученіи этихъ свѣдѣній, Ижболдинъ обращался къ вдовѣ Бѣляева, Екатеринѣ Васильевой, съ предложеніемъ мировой, но она отослала его къ Александру Мясникову, сказавъ, что ее самое племянники обобрали. Купецъ Иванъ Гопинъ разсказывалъ, что на похоронахъ Бѣляева, Екатерина Васильева Бѣляева и Целебровскій, переписчикъ духовнаго завѣщанія, говорили, что покойный Бѣляевъ завѣщанія не оставилъ.

Жена 2-й гильдіи купца Анна Васильева Ижболдина показала, что о подложномъ духовномъ завѣщаніи отъ имени Бѣляева, она лично слышала отъ чиновника Матвѣева, камердинера Бѣляева Василія Китаева и отъ столярнаго мастера Штеммера. Матвѣевъ и Штеммеръ передавали ей, что Екатерина Васильева Бѣляева на

похоронномъ обѣдѣ говорила, что покойный мужъ ея завѣщанія не оставилъ.

Отставной коллежскій секретарь Николай Семеновъ Германъ, бывшій повѣренный Ижболдиныхъ, показалъ, что однажды зимою въ 1864 и 1865 гг., онъ зашелъ въ трактиръ вмѣстѣ съ Амфилогіемъ Карагановымъ. Карагановъ, сознаваясь, что подписался на завѣщаніи за Бѣляева, объяснилъ, что Александръ Мясниковъ заставилъ его написать на одной бумагѣ: «Козьма Бѣляевъ», сказавъ, что это такъ нужно, и что онъ, Карагановъ, исполнилъ это требованіе, не читавъ бумаги и не зная, что онъ подписываетъ духовное завѣщаніе.

Кронштадтскій мѣщанинъ Василій Михайловъ Китаевъ, бывшій камердинеръ покойнаго Бѣляева, показалъ, что послѣ смерти Бѣляева духовное завѣщаніе не было найдено и всѣ думали, что его нѣтъ, о чемъ онъ слышалъ также отъ управляющаго Мясниковыхъ Ѳедора Кемпе. Докторъ Отто, тотчасъ послѣ похоронъ Бѣляева, на вопросъ его, Китаева, о завѣщаніи, отвѣтилъ, что онъ подписывалъ много бумагъ, но духовнаго завѣщанія не подписывалъ. Сестра Бѣляева, Анна Васильева Ремянникова, также говорила ему, что Бѣляевъ завѣщанія не оставилъ и онъ видѣлъ, какъ Ремянникова въ день смерти Бѣляева просила Александра Мясникова, кланяясь ему въ ноги, не оставить ее безъ вниманія, на что Мясниковъ отвѣтилъ, чтобы она не безпокоилась, что онъ все устроитъ. Чрезъ нѣсколько времени разнесся слухъ, что завѣщаніе открыто и что его привезъ къ Бѣляевой Александръ Мясниковъ, о чемъ онъ слышалъ отъ Ремянниковой. Въ день смерти Бѣляева, послѣдовавшей утромъ около 11-ти часовъ, въ квартиру его приходилъ квартальный надзиратель съ помощникомъ, но Александръ Мясниковъ, выйдя въ переднюю, сказалъ надзирателю, что сегодня нельзя, потому что Екатерина Васильевна очень разстроена, а что можно опечатать на другой день. Дѣйствительно, на другой день были запечатаны въ кабинетѣ: пустая конторка и шкафы, этажерка съ бѣльемъ, шкафъ съ платьемъ, картины и жирандоли, но двери кабинета не были опечатаны. Тотчасъ послѣ смерти Бѣляева Китаевъ, по требованію Александра Мясникова, вынулъ изъ подъ подушки ключи покойнаго и передалъ ихъ Мясникову, который отперъ всѣ шкафы въ кабинетѣ и онъ, Китаевъ, видѣлъ, какъ Мясниковъ вынималъ бриллианты и золотыя вещи и перено-

силъ ихъ къ барынѣ въ спальню; въ это же время Александръ и Иванъ Мясниковы дали чиновнику Матвѣеву изъ второй комнаты кабинета Бѣляева портфель, но съ чѣмъ — не знаетъ. Въ 9 часовъ вечера Александръ Мясниковъ увезъ къ себѣ въ домъ всѣ дѣловыя бумаги, находившіяся въ кабинетѣ покойнаго. Бумаги, въ числѣ которыхъ находились книги, были частію связаны веревками въ связки, частію были завязаны въ простыни. Находился ли при этомъ Иванъ Мясниковъ, онъ не помнитъ. Бѣляевъ прекратилъ свои занятія только за день до смерти и умеръ скоропостижно. Протоіерей Спиридонскій бывалъ только для службы, но въ гости не приходилъ, а Целебровскій ходилъ иногда къ Бѣляеву съ дѣлами, но недѣли за двѣ до смерти покойный пересталъ его принимать. Въ день смерти Бѣляева, вдова его сказала Целебровскому, что онъ ей не нуженъ, но потомъ, спустя около 9 ти дней, принимала его раза три или четыре и въ то же время къ ней каждый день приходилъ Амфилогій Карагановъ.

Показанія Василія Китаева объ увозѣ Александромъ и Иваномъ Мясниковыми изъ кабинета Козьмы Бѣляева бумагъ и книгъ подтверждаются показаніями находившихся въ то время въ услуженіи у Бѣляева мѣщанъ Александра Петрова, Михаила Афанасьева, Прокопія Зиновьева и горничной Бѣляевой — Елены Афанасьевой.

Вдова поручика Антонина Павлова Махаева показала, что за недѣлю до смерти Козьмы Бѣляева она почти постоянно была въ его домѣ и затѣмъ послѣ его смерти оставалась еще дней десять. Въ день смерти Бѣляева, вечеромъ, часу въ десятомъ, она видѣла какъ Александръ Мясниковъ выносилъ изъ кабинета узлы съ вещами покойнаго, а Екатерина Бѣляева при этомъ переносила изъ кабинета въ свою спальню разныя бездѣлушки. Притомъ она совѣтовала Бѣляевой не довѣряться Мясниковымъ и не подписывать бумагъ, не читая ихъ, и что слѣдовало бы опечатать имущество, какъ это обыкновенно дѣлается, на что Бѣляева ей отвѣчала, что она вполнѣ довѣряетъ своимъ племянникамъ. Былъ ли въ это время Иванъ Мясниковъ, она не помнитъ, но что больше всего распоряжался Александръ Мясниковъ, который всѣ узлы приказывалъ нести въ свою карету и самъ увозилъ ихъ къ себѣ на квартиру, что повторялось раза три или четыре въ теченіе часа времени. Въ числѣ увезенныхъ Мясниковымъ бумагъ было и залоговое свидѣтельство на имѣніе ея, Махаевой, которое хранилось

у Бѣляева. Это свидѣтельство она получила обратно отъ Александра Мясникова. Недѣли черезъ двѣ послѣ смерти Бѣляева, Екатерина Васильевна сказала ей: «напрасно я тогда васъ не послушалась; я раскаиваюсь въ томъ, что подписала бумагу»; но про какую бумагу говорила Бѣляева, она не помнитъ. О духовномъ завѣщаніи она, Махаева, ничего не слыхала и о появленіи его она узнала спустя мѣсяца два послѣ смерти Бѣляева. Какъ велико было состояніе Козьмы Бѣляева она не знаетъ, но что онъ былъ очень богатъ, то извѣстно было всѣмъ, кто его зналъ.

Дочь поручика Евгенія Петрова Махаева, показала, что бывшая воспитанница Бѣляева, Александра Кропачева, по мужу Нагорная, говорила ей, что видѣла духовное завѣщаніе Козьмы Бѣляева, въ которомъ, между прочимъ, было отказано въ пользу ея матери Антонины Махаевой.

Мѣщанка Анна Васильева Ремянникова, родная сестра Козьмы Бѣляева, жившая вмѣстѣ съ нимъ и нынѣ проживающая въ домѣ его вдовы, показала, что о духовномъ завѣщаніи она узнала въ первый разъ по прошествіи 40 дней послѣ смерти ея брата, именно въ то время, когда вдова покойнаго выдала ей слѣдуемые по завѣщанію 4,000 руб. До этого времени она о завѣщаніи ни отъ кого не слыхала. Въ день смерти Бѣляева, когда обмывали тѣло покойнаго, она видѣла, что выносили изъ кабинета бумаги, но кто выносилъ не помнитъ. Целебровскій былъ адвокатомъ, но у Бѣляева не бывалъ и она въ домѣ его никогда не видала. Бѣляевъ писалъ много и всегда самъ.

Вдова фридрихсгамскаго первостатейнаго купца, изъ дворянъ, Екатерина Васильева Бѣляева на допросѣ въ 1868 г. показала, что покойный мужъ ея за нѣсколько дней до смерти передалъ ей наединѣ сложенную бумагу, сказавъ: «возьми эту бумагу». Бумагу она отнесла къ себѣ въ спальню и тамъ, развернувъ, увидѣла, что это духовное завѣщаніе, но не могла его дочитать, потому что была совершенно убита горемъ и спрятала ее, и только около 40-го дня послѣ смерти мужа прочла бумагу и выдала довѣренность Александру Мясникову, чтобы засвидѣтельствовать завѣщаніе. Послѣ смерти мужа, кажется еще до засвидѣтельствованія духовнаго завѣщанія и до истеченія шести недѣль, племянники ея Александръ и Иванъ Мясниковы предложили ей росписаться поручительницей на сохранной росписке ея мужа въ 272,000 руб.

Вся ли росписка была писана ея мужемъ, или только имъ подписана, не помнитъ. Впослѣдствіи, кажется въ декабрѣ 1858 г., желая раздѣлаться съ Мясниковыми по роспискѣ и не желая заниматься дѣлами, она передала имъ по контракту все имущество, доставшееся ей по завѣщанію мужа, количество котораго по ихъ общимъ разсчетамъ простиралось до 392,000 руб., и она продала все за эту сумму, такъ какъ это была ея воля. По какому случаю Мясниковы отдавали мужу на сохраненіе большую сумму денегъ, ей не извѣстно, и объ этой сохранной роспискѣ мужъ ея при жизни ничего ей не говорилъ. Послѣ подписанія ею договора съ Мясниковыми, 22-го декабря 1858 г., сохранная росписка была уничтожена, по кѣмъ именно не помнитъ. Въ день смерти ея мужа Мясниковы взяли изъ его кабинета только свои дѣла и бумаги, которыя лежали тамъ отдѣльно. На допросѣ же въ 1871 г. Екатерина Бѣляева, подтверждая изложенное показаніе, въ разъясненіе его присовокупила, что на данную ей мужемъ бумагу она только взглянула и вовсе не начинала читать ее, и потому, что въ ней было написано, она въ то время не знала и только увидала, что это духовное завѣщаніе. Куда именно спрятала она эту бумагу, не помнитъ, но полагаетъ, что всего вѣроятнѣе, она положила ее туда же, гдѣ лежали ея счеты и другія бумаги, т. е. въ спальню на окно. Также она не можетъ утверждать, что дѣла и бумаги Мясниковыхъ лежали отдѣльно въ кабинетѣ ея мужа, и не помнитъ, давала ли она позволеніе Мясниковымъ въ день смерти мужа взять ихъ бумаги изъ кабинета и обращались ли они къ ней за позволеніемъ, такъ какъ она въ этотъ день была очень разстроена и съ нею дѣлались обмороки. По предъявленіи Бѣляевой духовнаго завѣщанія ея мужа, она на допросѣ въ 1871 г. объяснила, что то ли это завѣщаніе, которое было вручено ей мужемъ, она положительно утвердить не можетъ, ибо какъ при полученіи отъ мужа, такъ и при передачѣ завѣщанія Александру Мясникову для засвидѣтельствованія, она завѣщанія не читала и въ него не всматривалась. Что мужъ ея не имѣлъ большихъ дѣлъ и капиталовъ, доказательствомъ тому служитъ, что за уплатою Мясниковымъ по роспискѣ 272,000 рублей она не только ничего не получила, но еще должна была изъ своего собственнаго имущества приплатить часть для погашенія долговъ покойнаго. Дѣлъ и капиталовъ мужа она при жизни его не знала; уступила же Мяс-

никовымъ всѣ его предпріятія и свои собственные два завода: Чураковскій и Комаровскій и лѣсную дачу въ Тихвинскомъ уѣздѣ за 392,000 руб., полагаясь на слова Мясниковыхъ, что уступаемое имъ болѣе не стоитъ, такъ какъ она имъ вѣрила, какъ своимъ собственнымъ дѣтямъ.

Изъ имѣющагося при настоящемъ дѣлѣ производства С.-Петербургской Казенной Палаты о взысканіи пошлинъ по духовному завѣщанію Козьмы Бѣляева усматривается, что вдова покойнаго Екатерина Васильева Бѣляева, въ отзывѣ, поданномъ ею въ Казенную Палату 4-го мая 1865 г., между прочимъ объяснила, что она ни при жизни ея мужа, ни по смерти его не входила ни въ какія личныя сношенія и распоряженія по разнообразнымъ, многосложнымъ предметамъ его дѣйствій и коммерческимъ оборотамъ, такъ какъ всѣ безъ исключенія документы, акты, книги, пакеты, счеты, дѣла и всякаго рода переписка, словомъ все, находившееся въ разныхъ помѣщеніяхъ его дѣловаго кабинета, было взято Мясниковыми и свезено въ ихъ собственный домъ по Надеждинской улицѣ. Относительно сохранной росписки на 272,653 руб. Екатерина Бѣляева въ этомъ же отзывѣ объяснила, что были ли эти деньги принимаемы ея мужемъ отъ Мясниковыхъ на сохраненіе или взаймы, она утвердительно сказать не можетъ, ибо ничего подобнаго отъ мужа своего не слыхала, что и самый документъ, не имѣвшій обязательной силы ни по формѣ, ни въ юридическомъ отношеніи, остался въ рукахъ Александра Мясникова. Что же касается уступки по договору, 22-го декабря 1858 года, достоянія ея мужа за 392,653 рубля, то эта уступка была основана на безусловномъ убѣжденіи въ добросовѣстности и чести Мясниковыхъ. Въ томъ же 1865 году Екатерина Бѣляева въ прошеніи, поданномъ ею 20 го февраля въ 1-й Департаментъ Управы Благочинія, между прочимъ объяснила, что Мясниковы по договору 22-го декабря 1858 г. владѣютъ болѣе 6-ти лѣтъ всѣми коммерческими дѣлами, заводами и имѣніями, извлекая изъ всего этого безпрепятственно огромные доходы.

При обыскѣ, произведенномъ 20-го февраля 1871 г. въ домѣ Екатерины Бѣляевой, между прочимъ найдены слѣдующія бумаги:

а) черновое вѣрющее письмо отъ имени Бѣляевой отъ сентября 1858 года, на имя Александра Мясникова. Въ этомъ письмѣ Бѣляева, не упоминая о духовномъ завѣщаніи, уполномочиваетъ Мяс-

никова замѣнять мужа и ее во всѣхъ дѣлахъ и случаяхъ, касающихся покойнаго мужа ея и наслѣдства послѣ него.

б) черновое письмо на имя Александра и Ивана Мясниковыхъ, въ которомъ Бѣляева укоряетъ ихъ въ томъ, что они поступили съ нею несправедливо, и упоминая, что ими взяты всѣ безъ исключенія документы, оставшіеся послѣ ея мужа, угрожаетъ Мясниковымъ подать просьбу Государю, съ намѣреніемъ возобновить предъ Нимъ все прошедшее.

в) Черновое письмо въ трехъ экземплярахъ одинаковаго содержанія на имя Александра и Ивана Мясниковыхъ. Въ этомъ письмѣ Бѣляева упрекаетъ Мясниковыхъ, что «они за поступки съ нею отдадутъ «отчетъ Богу». Далѣе пишетъ, что «теперь спала съ ея глазъ завѣса, скрывавшая нечистыя дѣла воспользовавшихся тогдашнимъ ея горемъ»; упоминаетъ, что «она не можетъ совершить купчей крѣпости, такъ какъ имъ кажется слишкомъ извѣстно, что они сами собственными руками всѣ находившіяся въ конторкѣ покойнаго ея мужа бумаги забрали себѣ домой». Далѣе также угрожаетъ Мясниковымъ подать Государю прошеніе, съ изложеніемъ подробностей отъ начала смерти ея мужа, выражаясь: «вы пріобрѣли отъ меня рѣшительно все, а заплатили невѣдомой для меня какой-то сохранной росписки».

г) Расчетъ, писанный рукою Екатерины Бѣляевой, въ которомъ перечисляются, съ означеніемъ цѣны, уступленныя ею Мясниковымъ имѣнія и коммерческія предпріятія съ присовокупленіемъ счета тѣхъ суммъ, которыя ей слѣдуетъ получить. Изъ сего разсчета оказывается, что Бѣляевой всего слѣдовало получить болѣе 700,000 руб. На оборотѣ этого же листа находится черновая росписка Александра и Ивана Мясниковыхъ отъ января 1859 года въ томъ, что онъ обязуется уплатить Бѣляевой 20,000 руб. по окончаніи винокуреній на Чураковскомъ и Комаровскомъ винокуренныхъ заводахъ, и за участіе ея мужа въ откупахъ въ Ставропольской губерніи 20,000 р., а всего 40,000 руб.

Екатерина Бѣляева по поводу найденныхъ у ней при обыскѣ бумагъ объяснила, что кѣмъ написаны черновыя письма на имя братьевъ Мясниковыхъ—ей неизвѣстно; такихъ писемъ она сама не писала и писать никому не поручала, и какимъ образомъ у нея оказались эти письма, она объяснить не можетъ. Относительно расчета, писаннаго ея рукою, Бѣляева объяснила, что когда и

съ какою цѣлью она писала этотъ разсчетъ, не помнитъ и объяснить по сему предмету ничего не можетъ. Черновая росписка въ 40,000 руб. и довѣренность ея на имя Александра Мясникова кѣмъ писаны—не знаетъ, и предполагаетъ, что можетъ быть Шмелевымъ, бывшимъ конторщикомъ ея мужа.

Потомственный почетный гражданинъ Александръ Ѳедоровъ Красильниковъ, бывшій компаньонъ Бѣляева по откупамъ, показалъ, что въ день похоронъ Козьмы Бѣляева, пріятель покойнаго, надворный совѣтникъ Степанъ Дмитріевъ Воронинъ, нынѣ умершій, говорилъ съ удивленіемъ, что Бѣляевъ такой аккуратный человѣкъ, а не оставилъ духовнаго завѣщанія; что онъ спрашивалъ объ этомъ вдову покойнаго, и она также сказала, что завѣщанія нѣтъ. Конторщикъ Бѣляева Шмелевъ, женатый на его воспитанницѣ, также говорилъ Красильникову, что Бѣляевъ завѣщанія не оставилъ. Послѣ похоронъ дня черезъ три или четыре, онъ, Красильниковъ, зашелъ къ Екатеринѣ Бѣляевой, чтобы поговорить съ нею по общимъ его дѣламъ съ ея мужемъ. При этомъ Бѣляева говорила, что хотя Козьма Васильевичъ и предполагалъ составить духовное завѣщаніе, но однакожъ завѣщанія нѣтъ. Это самое она повторила и при вторичномъ свиданіи. Чрезъ день или два послѣ сего онъ обратился къ Александру Мясникову, также для переговоровъ по дѣламъ, и въ это время Мясниковъ, между прочимъ, обратился къ нему съ просьбою подписаться свидѣтелемъ, какъ онъ выразился, «только для формы», на двухъ бумагахъ. Одна изъ нихъ составляла домашнее условіе между покойнымъ Бѣляевымъ и Мясниковыми объ уступкѣ имъ, со стороны Бѣляева, всѣхъ его откуповъ за триста тысячъ. Написана она была 13 го или 15-го мая 1858 года, рукою, кажется, Целебровскаго, а подписана просто: «К. Бѣляевъ». Увидѣвъ въ этомъ условіи, что Бѣляевъ уступалъ, будто бы, Мясниковымъ участіе свое между прочимъ и въ откупахъ по Олонецкой губерніи, въ которыхъ они были компаньонами, и найдя подпись Бѣляева сомнительною, онъ отказался отъ подписи на условіи. Другая бумага представляла собою сохранную росписку на взятыя, будто бы, Бѣляевымъ отъ Александра Мясникова деньги въ количествѣ 276 или 286 тысячъ рублей золотомъ. Чью рукою была написана эта росписка, онъ хорошо не замѣтилъ, но кажется, что также рукою Целебровскаго и подписана была также словами: «К. Бѣ-

ляевъ». Эта росписка была отъ мая 1858 года, но отъ какого именно числа---не помнитъ. Когда онъ отказался отъ подписи условія и росписки, Мясниковъ сконфузился, а сидѣвшій тутъ же Целебровскій обратился къ нему, Краспльникову, съ упрекомъ, что онъ «ужь этого не можетъ сдѣлать для Александра Константиновича». По возвращеніи, въ февралѣ 1859 г., изъ Олонецкой губерніи, онъ услышалъ, что послѣ Бѣляева осталось завѣщаніе, и въ это время купецъ Левъ Каменскій, домашній человѣкъ Бѣляевыхъ, говорилъ ему, что завѣщаніе привезли Бѣляевой Мясниковы. Ѳедоръ Кемпе въ то же время говорилъ ему, что въ духовномъ завѣщаніи за Бѣляева подписался двоюродный братъ Краспльникова, Амфилогій Карагановъ, и что Александръ Мясниковъ просилъ Кемпе подписаться подъ этимъ завѣщаніемъ свидѣтелемъ, и что въ этомъ его убѣждалъ также Целебровскій. Послѣ смерти Бѣляева къ Краспльникову сталъ часто ходить Амфилогій Карагановъ и однажды, едвали не въ самый день похоронъ, возвратясь домой вечеромъ, засталъ его въ своемъ кабинетѣ. Карагановъ на листѣ бумаги все писалъ «К. Бѣляевъ». «Козьма Бѣляевъ», и такимъ образомъ былъ исписанъ весь листъ. Краспльниковъ, на предложенный ему Карагановымъ вопросъ: не правда ли похоже, отвѣтилъ: «похоже», послѣ чего Карагановъ разорвалъ листъ и бросилъ. Карагановъ разсказывалъ, что ему даны Александромъ Мясниковымъ пап въ дѣлахъ; спрашивалъ, какія акціи выгоднѣе пріобрѣсти, и вообще задумывалъ какія-то коммерческія предпріятія. Все это удивило Краспльникова, потому что онъ зналъ, что Карагановъ не имѣлъ никакихъ средствъ и получалъ жалованья только 50 руб. въ мѣсяцъ. Въ маѣ 1859 года онъ вновь встрѣтилъ въ Петербургѣ Караганова, который былъ очень хорошо одѣтъ. Въ разговорѣ онъ, между прочимъ, сказалъ Караганову, что о немъ носятся нехорошіе слухи. Карагановъ смутился и, несмотря на приглашеніе какъ нибудь зайти къ нему, Краспльникову, у него не былъ. Вскорѣ онъ узналъ, что Карагановъ женился на оперной пѣвицѣ Обольяниновой и послѣ свадьбы уѣхалъ съ женою на Комаровскій винокуренный заводъ управляющимъ и затѣмъ переѣхалъ въ Казань и открылъ тамъ собственную хлѣбную торговлю. Въ концѣ 1859 г. Краспльниковъ былъ у Бѣляевой по разнымъ дѣламъ, и при этомъ Бѣляева объяснила, что она не ожидала отъ Мясниковыхъ такой

штуки, какую они съ нею сдѣлали, а именно, что привезли ей духовное завѣщаніе и уговорили ее, что они по своимъ связямъ все могутъ сдѣлать, никто въ это дѣло не вступится, а что иначе ей ничего не достанется, все разберутъ наслѣдники, и что она на все это согласилась, потому что была въ безсознательномъ состояніи. Кромѣ сего Бѣляева говорила, что никакой сохранной росписки она не знаетъ и ее видѣла только мелькомъ; что Александръ Мясниковъ ея изъ рукъ не выпускалъ и, показавъ ей росписку эту, изорвалъ. Затѣмъ въ 1866 году онъ опять былъ у Бѣляевой и она жаловалась на Мясниковыхъ, что составленнымъ ими духовнымъ завѣщаніемъ они ввели ее въ хлопоты и непріятности. Въ этотъ же день онъ видѣлся съ повѣреннымъ Бѣляевой—Чевакинскимъ, который просилъ его передать Ижболдину, что если онъ дастъ подписку въ томъ, что не будетъ преслѣдовать Бѣляеву за духовное завѣщаніе, то она сама представитъ таковое въ Гражданскую Палату съ заявленіемъ, что она временемъ убѣдилась, что это завѣщаніе, привезенное къ ней Мясниковыми, подложное. Лѣтомъ 1865 года къ нему заѣхалъ Амфилогій Карагановъ и жаловался на Мясниковыхъ, что они наобѣщали ему много: пан и въ Кириловѣ, и въ Бѣлозеркѣ, и на Кавказѣ, но все это осталось только обѣщаніемъ, и что Мясниковъ взялъ съ него честное слово не видаться съ Краснопѣшковымъ, изъ боязни, чтобы онъ, Карагановъ, не проговорился. Когда онъ спросилъ Караганова: на счетъ чего Мясниковъ опасается, чтобы онъ не проговорился, то Карагановъ отвѣтилъ: «да на счетъ того, что мы сфабриковали духовное завѣщаніе». Вообще онъ замѣчалъ, что Карагановъ очень безпокоился, чтобы его не привлекли къ отвѣтственности по этому дѣлу. Чиновникъ Александръ Матвѣевъ разсказывалъ Краснопѣшкову, что въ день смерти Бѣляева за нимъ прислалъ Александръ Мясниковъ и далъ ему, Матвѣеву, изъ дома Бѣляева большой пакетъ съ банковыми билетами, съ тѣмъ, чтобы онъ, Матвѣевъ, отнесъ пакетъ въ домъ Мясникова и положилъ въ его спальнѣ подъ подушку. По предъявленіи Краснопѣшкову при слѣдствіи духовнаго завѣщанія отъ 10-го мая 1858 года, онъ отозвался, что подпись на ономъ: «Козьма Бѣляевъ» не похожа на настоящую подпись Бѣляева. Покойный всегда подписывался: «фридрихсгамскій первостатейный купецъ Козьма Васильевъ Бѣляевъ» и писалъ такъ своеобразно, что трудно было подписаться подъ его руку.

На завѣщаніи слово «Козьма» очень похоже на почеркъ Карагановa, слово же «Бѣляевъ» написано лучше и очень похоже на тѣ подписи, которыя ему показывалъ Карагановъ на листѣ. Бѣляевъ, подписывая бумаги, имѣлъ обыкновеніе за подписью на той же линіи поодаль ставить точку. Вообще Бѣляевъ имѣлъ обыкновеніе всѣ серьозныя бумаги, даже отзывы въ кварталъ, писать собственноручно отъ начала до конца, и бумаги сочинялъ всегда самъ, потому что былъ хорошимъ юристомъ. Вслѣдствіе этого Красильниковъ полагаетъ, что Бѣляевъ не поручилъ бы Целебровскому написать духовное завѣщаніе, и притомъ написалъ бы его не такъ, какъ завѣщаніе отъ 10-го мая 1858 года. Бѣляевъ былъ человѣкъ аккуратный и въ завѣщаніи распорядился бы своими дѣлами какъ слѣдуетъ. Бѣляевъ, какъ ему извѣстно, велъ собственноручно три книги: меморіалъ, кассовую книгу и главную книгу, а въ конторахъ у него велись отдѣльныя книги по двойной бухгалтеріи, по каждому предпріятію отдѣльно. Кромѣ того у Бѣляева постоянно лежалъ листъ бумаги, на которомъ онъ все записывалъ на память. По предъявленіи Красильникову представленной Мясниковымъ къ дѣлу, писанной рукою Бѣляева тетради, Красильниковъ отозвался, что это не есть тотъ меморіалъ, который былъ веденъ Бѣляевымъ, а памятная тетрадь. Сдѣланную въ этой тетради отмѣтку отъ 21-го мая о роспискѣ Александру и Ивану Мясниковымъ въ 272.000 рублей онъ признаетъ написанною не рукою Бѣляева. По содержимымъ имъ, Красильниковымъ, откупамъ въ Олонецкой губерніи вмѣстѣ съ покойнымъ Бѣляевымъ слѣдующій на часть Бѣляева капиталъ около 70.000 рублей былъ имъ возвращенъ, по довѣренности Екатерины Бѣляевой, Александру Мясникову вмѣстѣ съ отчетами.

Отставной надворный совѣтникъ Александръ Ѳедоровъ Матвѣевъ показалъ, что на похоронномъ обѣдѣ въ домѣ Бѣляева вдова покойнаго Екатерина Васильевна при немъ, обращаясь къ протоіерею Сицилинскому, говорила съ плачемъ, что нѣтъ духовнаго завѣщанія. Недѣли черезъ двѣ Бѣляева, однажды, за обѣдомъ, при немъ и при Шевелевѣ и Кемпе говорила, что духовное завѣщаніе нашлось. Вскорѣ послѣ этого Александръ Мясниковъ отдалъ ему завѣщаніе, чтобы отвести его къ секретарю Гражданской Палаты Посенко. Въ день смерти Бѣляева Александръ Мясниковъ прислалъ за нимъ, чтобы онъ пріѣхалъ въ домъ покойнаго, и тамъ Мясни-

ковъ далъ ему обыкновенный листовой пакетъ, не запечатанный, въ которомъ находились бумаги, и просилъ отвезти пакетъ въ домъ его, Мясникова, что имъ и было исполнено. Послѣ смерти Бѣляева былъ говоръ, что Александръ Мясниковъ просилъ Шевелева и Кемпе подписаться на завѣщаніи свидѣтелями, но отъ кого онъ это слышалъ, не помнитъ. По предъявленіи Матвѣеву духовнаго завѣщанія, онъ объявилъ, что подпись «Козьма Бѣляевъ» на этомъ завѣщаніи, какъ ему кажется, не похожа на настоящія подписи Бѣляева, которыя онъ видалъ часто, такъ какъ былъ съ покойнымъ въ близкихъ отношеніяхъ.

Жена рядоваго, Авдотья Емельянова Терентьева, показала, что Александръ Ѳедоровъ Матвѣевъ постоянно разсказывалъ, что духовное завѣщаніе Бѣляева фальшивое и что подписалъ его за Бѣляева Амфилогій Карагановъ въ его присутствіи. Кромѣ этого Матвѣевъ разсказывалъ, что въ день смерти Бѣляева Александръ Мясниковъ, вмѣстѣ съ нимъ, Матвѣевымъ, ночью перевезъ изъ кабинета Бѣляева въ домъ Мясникова одного золота триста тысячъ, которое Матвѣевъ и считалъ съ Мясниковымъ. Всѣ эти разсказы Матвѣевъ повторялъ до самой своей смерти. Кромѣ сего Матвѣевъ разсказывалъ, что въ 1867 году его стращалъ какой-то офицеръ, говоря, что если онъ будетъ показывать противъ Мясникова, то его лишатъ пенсіи и чрезъ III Отдѣленіе вышлютъ изъ Петербурга, вслѣдствіе чего Матвѣевъ говорилъ при ней, Терентьевой, что «если Мясниковы меня стращаютъ, такъ я же зарѣжу ихъ на судѣ».

Изъ дѣла видно, что надворный совѣтникъ Матвѣевъ былъ допрошенъ судебнымъ слѣдователемъ 8-го іюля 1868 г. При дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія, въ виду новыхъ обстоятельствъ дѣла, требовавшихъ разъясненій, Матвѣевъ не могъ быть допрошенъ за смертію его, послѣдовавшей въ Маріинской больницѣ, куда онъ былъ доставленъ 25-го августа 1868 года и умеръ въ теченіе сутокъ.

Столярный мастеръ Ѳедоръ Ивановъ Штеммеръ, управлявшій мебельнымъ магазиномъ Бѣляева, показалъ, что послѣ похороннаго обѣда Екатерина Васильевна Бѣляева, при немъ, родственницѣ его Кемпе, купцѣ Каменскомъ, Целебровскомъ и Воронинѣ, нѣсколько разъ говорила, что завѣщанія нѣтъ, и уже впослѣдствіи, недѣль чрезъ пять или шесть, онъ узналъ отъ конторщика Бѣляева, Ни-

колая Шмелева, что завѣщаніе нашлось, и что до этого Шмелевъ все время говорилъ также, что завѣщанія нѣтъ. На другой или на третій день послѣ смерти Бѣляева онъ, Штеммеръ, пріѣхавъ къ его дому, встрѣтилъ у подъѣзда Александра Мясникова, который перевозилъ къ себѣ, въ двухъ или трехъ каретахъ, какія-то бумаги. Шмелевъ сказалъ ему, что Мясниковъ перевозитъ къ себѣ дѣла изъ кабинета. Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ онъ нѣсколько разъ слышалъ отъ Матвѣева, что завѣщаніе Бѣляева фальшиво и что подписано оно Карагановымъ при соучастіи Целебровскаго. Также Матвѣевъ разсказывалъ, что въ день смерти Бѣляева Александръ Мясниковъ вручилъ ему портфель съ секретными документами и золотую монету въ мѣшечкахъ, которую онъ считалъ вмѣстѣ съ Мясниковымъ и которой оказалось болѣе трехъ сотъ тысячъ. По предъявленіи Штеммеру духовнаго завѣщанія отъ 10-го мая 1858 года, онъ объявилъ, что подпись Бѣляева находитъ сдѣланною не его рукою.

Лужскій 2 й гильдіи купецъ Иванъ Кириловъ Гонинъ, также управлявшій мебельнымъ магазиномъ Бѣляева, показалъ, что на похоронахъ Бѣляева, онъ, Шмелевъ, Кемпе и Камепскій спрашивали повѣреннаго Бѣляева—Целебровскаго, не оставилъ ли покойный завѣщанія, на что Целебровскій отвѣчалъ, что завѣщанія нѣтъ. Во время поминокъ, на 20-й или 40-й день, они спрашивали опять о томъ же Целебровскаго, и онъ опять имъ отвѣтилъ, что завѣщанія нѣтъ. Хотя подпись на предъявленномъ ему завѣщаніи отъ 10-го мая 1858 г. очень похожа на почеркъ покойнаго Бѣляева, но сдѣлана ли она его рукою, онъ, Гонинъ, удостовѣрить не можетъ. Отъ Бѣляева онъ получалъ много писемъ и всѣ они были собственноручныя, и Бѣляевъ не лѣнился собственноручно писать по дѣламъ. Переписывалъ для него бумаги конторщикъ Шмелевъ и писарь. Мѣсяцъ пли[illegible]ва спустя послѣ смерти Бѣляева Карагановъ приглашалъ его вступить съ нимъ въ компанію по дѣламъ и говорилъ, что онъ можетъ располагать десятью тысячами или даже болѣе, но предположеніе это не осуществилось, потому что не случилось подходящаго дѣла. Зная, что Карагановъ занималъ должность конторщика и получалъ жалованья рублей 50 въ мѣсяцъ, онъ, Гонинъ, обратился къ нему съ вопросомъ по поводу появленія такого значительнаго капитала. На это Карагановъ сказалъ: «это я знаю, это мое дѣло», и въ это же время говорилъ,

что онъ сдѣлалъ Мясниковымъ такую услугу, которую они не должны забыть. Онъ бралъ также у Караганова залоги билетами въ 1,000 р., или полторы. Въ іюнѣ 1861 г. Александръ Мясниковъ поручилъ ему, Гонину, заѣхать въ Сарапуль, отыскать тамъ сестру покойнаго Бѣляева, Надежду Васильевну Мартьянову, и предложить ей уничтожить довѣренность, выданную ею купцу Ижболдину по дѣлу о духовномъ завѣщаніи Бѣляева, и условіе, заключенное ею съ Ижболдинымъ. За уничтоженіе довѣренности и условія Мясниковъ уполномочивалъ его предложить Мартьяновой отъ двадцати до двадцати пяти тысячъ рублей, съ тѣмъ, чтобы Мартьянова отказалась отъ домогательствъ къ наслѣдству послѣ Бѣляева. По возвращеніи изъ Сарапуля онъ отдалъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ Александру Мясникову, отъ котораго получилъ на расходы по этому дѣлу 200 р. и затѣмъ еще 100 руб., которые и отослалъ въ Казань мѣщанину Столбову, принимавшему участіе въ этихъ переговорахъ. Вскорѣ послѣ этого Александръ Мясниковъ поручилъ ему переговорить съ Ижболдинымъ объ окончаніи дѣла миромъ. Послѣ свиданія Мясникова съ Ижболдинымъ, Мясниковъ сказалъ ему, что Ижболдинъ много хочетъ, но что онъ готовъ дать пять или десять тысячъ, чтобы развязаться съ этимъ дѣломъ. Въ 1868 году, когда уже производилось слѣдствіе о завѣщаніи Бѣляева, Александръ Мясникокъ также просилъ его переговорить съ Ижболдинымъ, чтобы кончить дѣло миромъ. Ижболдинъ желалъ получить пятьсотъ тысячъ, вслѣдствіе чего Мясниковъ сказалъ, что онъ много хочетъ. Показаніе Гонина о поѣздкѣ его въ Сарапуль для переговоровъ съ Мартьяновой о заключеніи мировой подтверждается показаніемъ мѣщанина Никандра Дѣдюхина.

Мѣщанинъ Петръ Николаевъ Клюевъ, бывшій писецъ въ конторѣ Бѣляева, показалъ, что о существованіи духовнаго завѣщанія онъ узналъ чрезъ нѣсколько недѣль послѣ смерти Бѣляева, хотя все это время и слышалъ отъ Шмелева, что завѣщаніе ищутъ. На четвертый день послѣ смерти Бѣляева Шмелевъ передалъ ему, что Екатерина Васильевна [illegible] высказывала жалобу, что изъ кабинета Бѣляева вывезли различныя бумаги, причемъ высказала предположеніе, что между этими бумагами было и духовное завѣщаніе. При этомъ Шмелевъ, какъ бы про себя, сказалъ, что Мясниковы затѣваютъ какое-то дѣло, а дня черезъ два сказалъ, что это именно подлогъ завѣщанія. Когда же Шме-

левъ узналъ, что и ему отказано въ завѣщаніи, то сталъ уклоняться и пересталъ говорить о завѣщаніи.

Младшій разъѣздный чиновникъ по управленію перевозки почтъ по желѣзнымъ дорогамъ Викентій Тимоѳеевъ Парфененковъ показалъ, что повѣренный Бѣляевой—Чевакинскій, у него въ квартирѣ говорилъ со словъ Бѣляевой, что завѣщаніе фальшиво, въ чемъ онъ самъ убѣдился, сличая подписи. Надворный совѣтникъ Матвѣевъ нѣсколько разъ ему говорилъ, что духовное завѣщаніе фальшиво и составлено въ конторѣ Мясниковыхъ. Матвѣевъ также разсказывалъ, что въ день смерти Бѣляева онъ съ другими служащими у Мясниковыхъ вывозилъ изъ кабинета Бѣляева какъ всѣ торговыя книги и документы, такъ и банковые билеты, и все это перевозилось въ каретахъ въ домъ Мясниковыхъ. При этомъ Матвѣевъ прибавилъ, что если Мясниковы его задѣнутъ, то онъ найдетъ чѣмъ заставить ихъ идти въ Сибирь, такъ какъ кромѣ его и Шевелева никто такъ хорошо не знаетъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Отъ Матвѣева онъ также слышалъ, что Мясниковъ выдалъ замужъ за Караганова свою любовницу, съ приданымъ въ 20.000 руб., которое было дано братьями Мясниковыми за удачное устройство Карагановымъ какихъ-то ихъ дѣлъ.

Коллежскій ассесоръ Ефимъ Ѳедоровъ Герасимовъ показалъ, что повѣренный Бѣляевой—Чевакинскій, разсказывалъ ему, что Мясниковы послѣ смерти Бѣляева завладѣли всѣмъ его имуществомъ, и чтобы скрыть это составили духовное завѣщаніе, которое вынули изъ конторки или какой-то щели, что подпись Бѣляева сличали съ множествомъ его писемъ и бумагъ, но сходства не нашли. Онъ, Герасимовъ, слышалъ также отъ повѣреннаго Бѣляевой, Погожева, что сохранная росписка отъ имени Бѣляева въ 272.000 р. подложная, что Александръ Мясниковъ, заключивъ съ Бѣляевою договоръ, уничтожилъ эту росписку.

Коллежскій ассесоръ Константинъ Игнатьевъ Шимановскій показалъ, что Чевакинскій говорилъ ему, что слышалъ отъ самой Бѣляевой, что Мясниковы, послѣ смерти ея мужа, ночью обобрали его кабинетъ и вывезли изъ него книги, дѣла, деньги, однимъ словомъ все, что въ немъ находилось, и затѣмъ, когда въ присутствіи полиціи были перебраны по листамъ оставшіяся бумаги, то въ нихъ ничего похожаго на завѣщаніе Бѣляева не нашлось. Потомъ недѣли черезъ двѣ Александръ Мясниковъ пріѣхалъ въ

домъ Бѣляевой, прошелъ въ кабинетъ и оттуда вынесъ духовное завѣщаніе Бѣляева, найденное имъ, будто бы, въ опечатанномъ ящикѣ стола, и завѣщаніе это съ восторгомъ передалъ Бѣляевой. Чевакинскій говорилъ, что это завѣщаніе фальшивое, въ чемъ онъ убѣдился чрезъ сличеніе почерка и тѣмъ, что оно подписано только словами «Козьма Бѣляевъ», тогда какъ покойный всегда писалъ бумаги самъ, по 40 писемъ въ день; что во время написанія завѣщанія Бѣляевъ вовсе не былъ боленъ и ѣздилъ на какіе-то торги въ сенатъ; что Мясниковы предъявили Бѣляевой какую-то фальшивую сохранную росписку, писанную заднимъ числомъ, которую показали ей только издали, и принудили Бѣляеву подписать какой-то контрактъ о передачѣ Мясниковымъ всего имущества Бѣляева, и что если завѣщаніе будетъ представлено къ дѣлу, то Мясниковы пойдутъ въ Сибирь. При этомъ Чевакинскій говорилъ, что онъ можетъ избавить Мясниковыхъ отъ бѣды тѣмъ, что возьметъ завѣщаніе отъ Бѣляевой къ себѣ, и если Мясниковы согласятся, то онъ убѣдитъ Бѣляеву сжечь завѣщаніе, а самъ объявитъ, что оно потеряно, и что тогда невозможно будетъ узнать о его фальшивости, но что за всѣ эти дѣйствія онъ дешево съ Мясниковыхъ не возьметъ. Въ январѣ 1868 г. Чевакинскій, при встрѣчѣ съ нимъ, объявилъ, что онъ, Шимановскій, выставленъ свидѣтелемъ по дѣлу о духовномъ завѣщаніи Бѣляева и просилъ его быть съ нимъ за одно, говоря, что дѣло это грязное и что онъ уже измѣнилъ свое мнѣніе.

Коллежскій ассесоръ Иванъ Михайловъ Чевакинскій, повѣренный Екатерины Васильевой Бѣляевой, показалъ, что Бѣляева при немъ никогда не говорила, что подпись на духовномъ завѣщаніи ея мужа не похожа на его почеркъ, и еслибы она это сказала, то онъ, Чевакинскій, просилъ бы губернское правленіе освидѣтельствовать ее, какъ сумасшедшую. Самъ же онъ въ подлинности завѣщанія не сомнѣвался. О томъ, что завѣщаніе фальшивое онъ слышалъ только отъ Ижболдина и его повѣреннаго Германа, и если онъ говорилъ всѣмъ и вездѣ о фальшивости завѣщанія, то передавалъ только слышанное отъ этихъ лицъ. Онъ дѣйствительно говорилъ, что въ подписи Бѣляева на завѣщаніи нѣтъ точки, которую онъ видѣлъ въ бывшихъ у него въ то время бумагахъ, рядомъ съ подписью Бѣляева, но не много выше, но впослѣдствіи онъ нашелъ подписи Бѣляева и безъ точки.

Если бы на основаніи отсутствія точки можно было бы признать подпись Бѣляева недѣйствительною, то онъ, Чевакинскій, имѣлъ всю возможность эту точку поставить. Съ Красильниковымъ онъ никогда не говорилъ о томъ, какъ бы выпутать Бѣляеву изъ дѣла о духовномъ завѣщаніи. Герасимовъ и Шимановскій приходили къ нему неоднократно и онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на лицъ, желавшихъ что нибудь сорвать, а потому отдѣлывался отъ нихъ фразами, которыя припомнить не можетъ, но никто изъ нихъ не просилъ о примиреніи Мясниковыхъ съ Ижболдинымъ.

Коллежскій совѣтникъ Степанъ Павловъ Борзаковскій показалъ, что Александръ Мясниковъ неоднократно предлагалъ ему, какъ повѣренному Ижболдиныхъ, уговорить Ижболдина прекратить миромъ дѣло о духовномъ завѣщаніи Бѣляева, при чемъ предлагалъ сначала отъ 6.000 до 8.000, но Ижболдинъ на эту сумму не согласился почему переговоры ничѣмъ не кончились. Впослѣдствіи онъ былъ приглашенъ Александромъ Мясниковымъ, чрезъ коллежскаго совѣтника Коптева, для возобновленія переговоровъ о мирной сдѣлкѣ. Коптевъ при Мясниковѣ далъ ему, Борзаковскому, понять, что Ижболдину, пожалуй, можно было бы дать тысячъ сто или полтораста, лишь бы онъ взялъ на себя и прекращеніе слѣдствія; на другой же день Коптевъ передалъ ему, что Мясниковъ не даетъ по этому предмету никакого отвѣта.

Коллежскій совѣтникъ Петръ Яковлевъ Коптевъ показалъ, что о веденіи переговоровъ о мировой сдѣлкѣ съ Ижболдинымъ онъ порученія отъ Мясникова не имѣлъ. Въ разговорахъ же своихъ объ этомъ дѣлѣ съ Мясниковымъ онъ совѣтывалъ ему изъ великодушія подарить что-либо родственникамъ Бѣляева, которые, начавъ дѣло, можетъ быть увлекались имъ ошибочно и израсходовались, вслѣдствіе чего еще болѣе обѣднѣли. Борзаковскій и Мясниковъ у него никогда вмѣстѣ не бывали.

Купецъ Иванъ Сергѣевъ Денисьевъ, служившій до 1856 года у Бѣляева по откупамъ, показалъ, что количество состоянія Бѣляева онъ опредѣлить не можетъ, но всѣ считали его человѣкомъ богатымъ, потому что онъ былъ компаньономъ почти во всѣхъ откупахъ Мясниковыхъ, а въ 1856 и 1858 годахъ онъ держалъ обще съ Красильниковымъ откупъ по Олонецкой губерніи. Бѣляевъ былъ человѣкъ дѣятельный и аккуратный, который собст-

венной рукой не только писалъ письма, но и надписывалъ конверты.

Крестьянинъ Иванъ Михайловъ Дьяконовъ показалъ, что съ 1848 по 1852 годъ онъ служилъ у Бѣляева управляющимъ и ревизоромъ по откупамъ, а въ 1858 году поступилъ на службу въ контору Мясниковыхъ. Бѣляевъ дѣловыя бумаги всегда писалъ самъ, и хотя у него бывало по 30 управляющихъ, но онъ съ ними переписывался всегда самъ. Иногда случалось отъ Бѣляева получать бумаги, писанныя не собственною рукою, и только имъ подписанныя. Бѣляевъ подписывалъ предписанія бо́льшею частію полнымъ титуломъ: «первостатейный фридрихсгамскій купецъ Козьма Бѣляевъ»; простыя же письма подписывалъ просто «К. Бѣляевъ». Письма поважнѣе всегда писалъ собственноручно. По предъявленіи Дьяконову духовнаго завѣщанія отъ 10-го мая онъ отозвался, что подпись кажется похожею на почеркъ Бѣляева, хотя повидимому сдѣлана больною рукою и стальнымъ перомъ, тогда какъ, по почерку Бѣляева и ровному его письму, онъ полагаетъ, что Бѣляевъ всегда писалъ простымъ перомъ. Въ апрѣлѣ или маѣ 1858 года Бѣляевъ былъ здоровъ и въ іюнѣ, какъ онъ слышалъ, ѣздилъ на торги въ Сенатъ.

Крестьянинъ Андрей Ивановъ Кунаковскій подъ присягою показалъ, что 22 го ноября 1870 года на содержимомъ имъ постояломъ дворѣ въ селѣ Подгорномъ, въ Задонскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, мѣщанинъ Амфилогій Карагановъ, проживавшій на арендуемомъ Мясниковымъ винокуренномъ заводѣ, въ качествѣ ревизора, между прочимъ, говорилъ, что «я своему хозяину Мясникову пользу принесъ милліонъ рублей, у купца отбилъ, всѣ деньги обобралъ; обдѣлали такъ, что не оставили ему и на извощика на тотъ свѣтъ проѣхать. За это изъ всѣхъ денегъ Мясниковъ далъ мнѣ только 2,000 рублей». Это показаніе Кунаковскаго, также подъ присягою, подтвердилъ безсрочно-отпускной рядовой Илья Никитинъ Киселевъ, бывшій въ это время на постояломъ дворѣ, съ присовокупленіемъ, что Карагановъ говорилъ, что онъ «отъ фридрихсгамскаго купца, лысаго беззубаго старика, служившаго лакеемъ у Мясникова и неправильно нажившаго отъ него деньги и каменный домъ, отобралъ все хозяину своему Мясникову, и за то, что отбилъ милліонъ рублей для Мясникова, получилъ отъ него только 2,000 рублей».

*

Купецъ Тимоѳей Никифоровъ Крюковъ показалъ, что однажды Пжболдинъ при немъ, Красильниковѣ и Карагановѣ завелъ разговоръ о духовномъ завѣщаніи Бѣляева и, указывая на Караганова, сказалъ, что этотъ человѣкъ подписалъ за Бѣляева завѣщаніе. На эти слова Пжболдина Караганов никакого возраженія не сдѣлалъ.

Купецъ Петръ Герасимовъ Жуковъ, управляющій винокуреннымъ заводомъ Мясникова въ селѣ Подгорномъ, показалъ, что Амфилогій Караганов въ продолженіи двухъ лѣтъ до его арестованія по сему дѣлу числился на заводѣ какъ бы ревизоромъ и все это время велъ себя болѣе чѣмъ странно, позволяя себѣ такіе поступки, которые давали полное право думать, что онъ находится въ ненормальномъ состояніи. Караганов часто позволялъ себѣ бить стекла въ конторѣ и прочихъ службахъ; нерѣдко позволялъ себѣ по ночамъ и между жилыми строеніями стрѣлять изъ ружья; во время праздниковъ устроивалъ съ мужиками борьбу и въ случаѣ неудачи билъ въ кабакѣ посуду и тому подобное.

Вообще всѣ поступки Караганова были хорошо извѣстны главному управляющему Мясниковыхъ Кошелькову, живущему также въ селѣ Подгорномъ. Изъ найденныхъ при обыскѣ у купца Кошелькова въ значительномъ числѣ писемъ разныхъ лицъ, служащихъ на заводахъ и складахъ Мясниковыхъ, видно, что эти лица неоднократно доносили Кошелькову о неблаговидныхъ поступкахъ Караганова и вообще о его дурномъ поведеніи.

Мѣщанинъ Алексѣй Степановъ Бѣляевъ, состоящій для разныхъ порученій на Подгорномъ винокуренномъ заводѣ, и кассиръ сего завода, крестьянинъ Степанъ Ашкиринъ, подтвердили, что Караганов года полтора числится на заводѣ въ должности главнаго ревизора, почти ничѣмъ не занимается и командировокъ ему никакихъ не даютъ. Мясниковъ держитъ Караганова, выдавая ему по 1,000 р. въ годъ, съ добавленіемъ ежемѣсячнаго отпуска водки. Вслѣдствіе праздности, Караганов предается пьянству, часто производитъ буйство и все ему остается безнаказаннымъ. Къ сему Алексѣй Бѣляевъ присовокупилъ, что Караганов перемѣнился въ поведеніи послѣ допроса его въ Ставрополѣ, въ 1868 году, по дѣлу о фальшивомъ составленіи завѣщанія купца Бѣляева; прежде же онъ велъ себя весьма прилично, и онъ, Бѣляевъ, зная его болѣе 20-ти лѣтъ, не замѣчалъ его въ предосудительныхъ поступкахъ.

Жена царскосельскаго мѣщанина Наталья Павлова Караганова, урожденная Обольянинова, показала, что Александра Мясникова она знаетъ лѣтъ 15 и была съ нимъ въ связи года четыре. Въ день смерти купца Бѣляева Александръ Мясниковъ былъ у ней утромъ въ ея квартирѣ, по Баскову переулку, и лишь только его лакей доложилъ ему, что Бѣляевъ сильно заболѣлъ, Мясниковъ ушелъ отъ нея, сказавъ, что придетъ къ ней вечеромъ. Часовъ въ 8 или 9 вечера Мясниковъ принесъ къ ней довольно большой пакетъ разныхъ бумагъ, между которыми было много бумагъ, сколько припоминаетъ, зеленаго цвѣта. Всѣ эти бумаги Мясниковъ спряталъ въ ящикъ ея туалета и ключъ взялъ съ собою. На другой день послѣ похоронъ Бѣляева Мясниковъ взялъ къ себѣ оставленныя у ней въ туалетѣ бумаги. Нѣсколько дней спустя, какъ-то вечеромъ, Мясниковъ привезъ къ ней какой-то узелъ въ желтомъ фуляровомъ платкѣ и просилъ его спрятать. Предполагая, что это грязное бѣлье изъ бани, она бросила его подъ кровать. Дня чрезъ два Мясниковъ спросилъ ее: «куда она положила его деньги?» На вопросъ же ея: «какія деньги?» — онъ отвѣтилъ, что тѣ, которыя были въ данномъ ей узлѣ и, узнавъ отъ нея, что она бросила узелъ подъ кровать, сказалъ ей: «какъ можно быть такой неосторожной, вѣдь въ немъ 150,000 рублей». Послѣ этого, доставъ изъ-подъ кровати узелъ, онъ развязалъ его и сталъ считать оказавшіеся въ немъ кредитные билеты, перевязанные веревочками въ отдѣльные пакеты. Денегъ оказалось очень много, но было ли тамъ 150,000 руб., она не знаетъ. Пересчитавъ деньги и взявъ ихъ съ собою, Мясниковъ тотчасъ же уѣхалъ, выразивъ при этомъ удивленіе къ ея честности. Въ этотъ же промежутокъ времени она какъ-то разъ видѣла, что къ подъѣзду квартиры Мясникова подъѣхали ломовые извощики съ сундуками большаго размѣра и понесли къ Мясникову. Когда она спрашивала потомъ Мясникова объ этихъ сундукахъ, онъ ей отвѣтилъ, что въ нихъ привезли дѣла его дѣда, бывшія у покойнаго Бѣляева. Послѣ ея сватьбы съ прикащикомъ Мясникова—Карагановымъ, она тотчасъ уѣхала, по настоянію мужа, въ Козьмодемьянскъ, гдѣ жилъ его отецъ. Наканунѣ сватьбы она получила отъ Александра Мясникова 10,000 руб., которые тотчасъ послѣ сватьбы отдала своему мужу. Мясниковъ уговаривалъ ее выйти замужъ за Караганова, какъ она полагаетъ, потому, что хотѣлъ отъ нея избавиться, ви-

димо не желая, чтобы она жила въ Петербургѣ. Избавиться отъ нея онъ желалъ потому, что въ послѣднее время они постоянно ссорились, и во время ссоръ она часто упрекала Мясникова, что онъ вмѣстѣ съ докторомъ Отто отравилъ Бѣляева и составилъ отъ имени Бѣляева духовное завѣщаніе. На всѣ ея упреки съ этой стороны, Мясниковъ обыкновенно смѣялся, но смѣхъ его былъ ненатуральный. О томъ, что Мясниковъ составилъ подложное завѣщаніе, она въ первый разъ слышала отъ доктора Отто, который ее лечилъ и однажды разсказалъ, что въ городѣ разнесся слухъ, что будто бы онъ, Отто, отравилъ Бѣляева, а Мясниковъ составилъ подложное завѣщаніе. О составленіи Мясниковымъ завѣщанія она также слышала и отъ чиновника Матвѣева. Первое время послѣ сватьбы она жила съ мужемъ у его отца. Мужъ ея въ продолженіе года ничѣмъ не занимался и какое было у него состояніе, она не знаетъ, хотя первые три года онъ жилъ прилично и постоянно имѣлъ, повидимому, деньги. Сначала онъ завелъ свою хлѣбную торговлю въ Казани, а потомъ винную торговлю, но въ этихъ предпріятіяхъ онъ потерпѣлъ неудачи и, кажется, потерялъ какъ свой капиталъ, такъ и полученные ею отъ Мясникова 10,000 руб. Сколько ей извѣстно изъ словъ мужа, Мясниковъ далъ ему до сватьбы только двѣ тысячи, между тѣмъ какъ обѣщалъ давать ему ежегодно съ кириловскихъ паевъ по двѣ съ половиною тысячи въ годъ, но этого не исполнилъ. Хотя ея мужъ и не говорилъ за что Мясниковъ обѣщалъ ему кириловскіе паи, но она часто попрекала его тѣмъ, что эти паи обѣщаны за услугу, оказанную имъ въ темныхъ дѣлахъ Мясникова. Вообще мужъ ея о своихъ дѣлахъ ей ничего не говорилъ, совѣтовался наединѣ съ своимъ отцемъ, а ее онъ какъ будто бы боялся и видимо подозрѣвалъ какъ ее, такъ и другихъ, въ томъ, что его хотятъ отравить или убить. Такъ, онъ ходилъ постоянно съ револьверомъ въ карманѣ; велѣлъ однажды доктору анализировать пудру, найденную имъ у ея горничной, предполагая, что это отрава, и вообще остерегался всѣхъ и каждаго. Доктора Отто она знала съ 1857 года. Въ то время онъ былъ человѣкъ очень бѣдный. Послѣ же смерти Бѣляева, она слышала въ Казани, что онъ вдругъ сильно разбогатѣлъ, въ чемъ убѣдилась и лично, увидѣвъ его потомъ въ Петербургѣ. Живя въ Казани, она часто слышала разговоръ о завѣщаніи Бѣляева между мужемъ и его отцемъ,

причемъ ея мужъ при ней сознавалъ себя виновнымъ и говорилъ бывало: «ахъ, Боже мой, что я сдѣлалъ!»—но прямо онъ не высказывался.

Вдова штабсъ-ротмистра Ульяна Макарова Дементьева вполнѣ подтвердила показаніе Карагановой о привозѣ къ ней Мясниковымъ на другой день похоронъ Бѣляева узла съ 150,000 рублями и присовокупила, что Караганова, съ тѣхъ поръ какъ пріѣхала изъ Казани и до послѣдняго времени, много разъ получала деньги отъ Александра Мясникова, по скольку именно—не знаетъ, но никогда не получала менѣе 100 рублей. Въ разговорѣ съ нею по поводу этихъ полученій Караганова говорила, что Мясниковъ даетъ ей деньги за то, что она хранитъ его тайну о фальшивой духовной Бѣляева, но подробностей не говорила. Однажды Караганова при ней послала къ Мясникову письмо, писанное подъ диктовку ея знакомымъ Ивановымъ, въ которомъ выразилась такъ: «я къ вамъ не милостыни хожу просить, а вы вспомните насчетъ духовной». Отвѣта на это письмо, сколько ей извѣстно, получено не было, но черезъ нѣкоторое время Караганова дала ей 25 руб., сказавъ, что это изъ денегъ Мясникова. Показаніе Дементьевой объ отправленіи Карагановой письма къ Мясникову съ напоминаніемъ о духовномъ завѣщаніи подтвердилъ писавшій это письмо кондукторъ Варшавскаго Инженернаго Управленія Иванъ Ивановъ.

Мѣщанинъ Александръ Даниловъ Карагановъ показалъ, что въ 1862 г. онъ слышалъ отъ Ивана Жеболдина и Александра Красильникова, что духовное завѣщаніе Бѣляева подложно и что участникомъ въ подлогѣ подозрѣваютъ его сына Амфилогія Карагановa. Вслѣдствіе этихъ слуховъ и замѣтя нѣкоторую перемѣну въ своемъ сынѣ, видя его иногда задумчивымъ, разсѣяннымъ, и что его какъ будто что-то тревожитъ, онъ спрашивалъ сына нѣсколько разъ, не виновенъ ли онъ въ составленіи духовнаго завѣщанія Бѣляева; но Амфилогій никогда на это опредѣленно не отвѣчалъ, даже просилъ его не говорить съ нимъ объ этомъ, высказывая, что, отвѣтивъ на его вопросъ правду, онъ боится его огорчить, и только однажды очень неохотно и съ волненіемъ сказалъ, что онъ подписалъ бланкъ отъ имени Бѣляева, который его просили подписать, но кто просилъ, для чего и вообще подробности не высказывалъ и просилъ его объ этомъ не спрашивать.

С.-Петербургскій мѣщанинъ Амфилогій Александровъ Караганов

объяснилъ, что въ день смерти купца Бѣляева Александръ Константиновичъ Мясниковъ, придя къ нему или позвавъ его къ-себѣ, съ точностію не упомнитъ, заявилъ сперва о смерти Бѣляева, и затѣмъ, выразивъ сожалѣніе о томъ, что не успѣлъ покончить съ Бѣляевымъ расчетовъ и взять свой капиталъ, упросилъ его, не объясняя для какой цѣли, подписать имя и фамилію Бѣляева на листѣ бумаги большаго формата. Не предполагая въ требуемомъ отъ него дѣйствіи ничего предосудительнаго, онъ исполнилъ желаніе Мясникова, причемъ старался поддѣлать по возможности свой почеркъ подъ почеркъ руки Бѣляева. Такъ какъ сначала поддѣлаться подъ почеркъ Бѣляева ему не удавалось, то онъ испортилъ нѣсколько листовъ; и наконецъ, найдя послѣднюю пробу, т. е. подпись Бѣляева, довольно схожею съ настоящею его подписью, онъ отдалъ тотъ бланкъ Александру Мясникову. По предъявленіи слѣдователемъ Караганову духовнаго завѣщанія отъ 10-го мая 1858 года, Караганова объяснилъ, что текстъ на предъявленное ему завѣщаніе писанъ повидимому рукою Целебровскаго, подпись же на этомъ завѣщаніи: «Козьма Бѣляевъ» весьма возможно, что сдѣлана имъ, но навѣрное этого сказать не можетъ. Предполагаетъ же, что эта подпись сдѣлана имъ потому, что когда онъ отдалъ Мясникову подложный бланкъ, то подпись Бѣляева на бланкѣ пришлась какъ разъ въ томъ же мѣстѣ, какъ и на предъявленномъ ему завѣщаніи, и сколько упомнитъ, подложный бланкъ Бѣляева онъ сдѣлалъ у себя въ комнатѣ стальнымъ перомъ. Какъ скоро послѣ смерти Бѣляева появилось духовное завѣщаніе, онъ не помнитъ, но приблизительно можетъ сказать, что чрезъ нѣсколько дней, о чемъ онъ узналъ изъ разговоровъ служащихъ у Бѣляева или у Мясникова. За услугу, оказанную имъ Мясникову въ подписаніи бланка отъ имени Бѣляева, онъ ничего не получилъ. Послѣ смерти Бѣляева онъ оставался служить у Мясниковыхъ въ продолженіи 10 мѣсяцевъ, а потомъ лѣтомъ 1859 года отошелъ отъ него и уѣхалъ въ Казанскую губернію, гдѣ открылъ свою собственную торговлю хлѣбомъ, отчасти на свои денежныя средства, отчасти же на кредитъ отъ разныхъ лицъ и отчасти на деньги его жены. Оставляя у Мясниковыхъ службу, ему было дано въ награду 10 паевъ въ Кириловскомъ откупѣ, за каковые паи онъ получилъ двѣ тысячи рублей. Затѣмъ, поступивъ въ 1865 г. вторично на службу къ Мясниковымъ, онъ

продолжалъ таковую до послѣдняго времени, получая по должности главнаго ревизора 1,000 рублей въ годъ. О сохранной росписке, выданной Бѣляевымъ Александру и Ивану Мясниковымъ на 272,000 рублей, онъ въ первый разъ слышитъ и никогда и ни отъ кого не слыхалъ, чтобы Бѣляевъ бралъ деньги у Мясниковыхъ на сохраненіе.

Отставной ротмистръ Александръ Константиновъ Мясниковъ, занимавшій до 1871 года должность адъютанта начальника Ш-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, не признавая себя виновнымъ въ составленіи подложнаго духовнаго завѣщанія отъ имени купца Козьмы Бѣляева, на допросѣ въ 1868 году объяснилъ, что Мясниковы еще не дошли до того, чтобы дѣлать подлоги для полученія 272,000 рублей. Бѣляевъ былъ не болѣе, какъ ихъ управляющій и опекунъ надъ малолѣтнимъ ихъ племянникомъ. Подписываться на завѣщаніи и сохранной росписке ни Кемпе, ни Шевелева, ни Красильникова онъ не просилъ. Бѣляевъ при жизни своей нѣсколько разъ говорилъ, что все оставитъ женѣ своей. Послѣ смерти Бѣляева, онъ, съ дозволенія Екатерины Васильевой Бѣляевой, поспѣшилъ взять изъ кабинета покойнаго свои бумаги и книги, которыя ему были очень нужны, потому что у него дѣла были по всей Россіи и онъ еще мало былъ знакомъ съ ними. Кабинетъ покойнаго былъ опечатанъ на другой день смерти. О существованіи завѣщанія онъ узналъ отъ Бѣляевой, послѣ смерти ея мужа, и увидѣлъ его тогда, когда она отдала ему завѣщаніе для представленія въ Гражданскую Палату. Бѣляева подписалась поручительницей на сохранной росписке уже послѣ смерти ея мужа, кажется до подписанія условія о передачѣ имъ дѣлъ покойнаго Бѣляева, но одинъ ли онъ или вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ просили подписаться Бѣляеву поручительницею на росписке—не помнитъ; сдѣлано же это было для того, чтобы имъ быть болѣе обезпеченными. Когда онъ получилъ отъ Бѣляева послѣдній отчетъ,—не помнитъ; послѣдній расчетъ съ Бѣляевымъ былъ у него передъ выдачей ему сохранной росписки. Была ли эта росписка вся писана Бѣляевымъ и только имъ подписана—не помнитъ; выдана же она была Бѣляевымъ по ихъ расчетамъ и сумма ея была переведена на золото и на серебро. Для окончанія дѣла о завѣщаніи миромъ съ Мартьяновымъ на мѣсто его родины онъ никого не посылалъ. При

допросѣ въ 1871 году Александръ Мясниковъ объяснилъ, что къ служившему у него конторщикомъ Амфилогію Караганову онъ въ день смерти Бѣляева не обращался съ просьбою поддѣлать на листѣ бумаги бланкъ Козьмы Бѣляева. Почему Карагановъ на него ложно показываетъ—ему неизвѣстно, но просить его о бланкѣ отъ имени Бѣляева для составленія духовнаго завѣщанія онъ не могъ по двумъ причинамъ: во первыхъ, составлять завѣщанія отъ имени Бѣляева въ пользу его жены для него не было никакой цѣли, ибо все имущество Бѣляева, какъ видно изъ собственноручно подписаннаго имъ баланса въ сентябрѣ 1857 года, простиралось, за вычетомъ долга, всего около 65,000 рублей и даже менѣе, а во вторыхъ, онъ никогда не рѣшился бы просить своего конторщика поддѣлать чужой бланкъ, потому что могъ рисковать, что имъ же будетъ поддѣланъ бланкъ и отъ его имени, и такимъ образомъ онъ лишится всего состоянія. Съ Натальей Павловой Карагановой, урожденной Обольяниновой, онъ находился въ связи года два или три. Привозилъ ли онъ къ ней послѣ смерти Бѣляева большой пакетъ съ бумагами и узелъ съ 150,000 рублей—не помнитъ. Бумаги, взятыя имъ изъ кабинета Бѣляева послѣ его смерти были разобраны имъ, его братомъ Иваномъ и кажется Целебровскимъ. Съ Обольяниновой онъ никакихъ разговоровъ о духовномъ завѣщаніи Бѣляева никогда не имѣлъ. Давалъ ли онъ Обольяниновой по случаю ея свадьбы деньги, сколько именно, но не болѣе 10,000 рублей, хорошо не помнитъ. Послѣ выхода замужъ Карагапова неоднократно просила у него денежной помощи, и онъ ей помогалъ небольшими суммами, но опасаться Карагановой ему не было ни малѣйшей причины, такъ какъ она ничего противъ него показать не можетъ.

Отставной надворный совѣтникъ Иванъ Константиновъ Мясниковъ, занимавшій до 1871 года должность почетнаго смотрителя С. Петербургскаго Вознесенскаго Училища, не признавая себя виновнымъ въ составленіи подложнаго завѣщанія отъ имени купца Козьмы Бѣляева, объяснилъ, что въ составленіи сего завѣщанія въ пользу Бѣляевой ему не было никакого интереса. Сохранная росписка Бѣляева въ 272,000 рублей, при совершеніи договора 22-го декабря 1858 г., была передана Бѣляевой и ею уничтожена. Въ 1858 г. онъ уѣзжалъ въ Астрахань принимать рыбные промыслы; въ это время здоровье Бѣляева было плохо, а между тѣмъ онъ

былъ долженъ ему и его брату Александру, по разсчетамъ, 272,000 руб. Боясь, что Бѣляевъ скоро умретъ, онъ, Иванъ Мясниковъ, просилъ его выдать сохранную росписку, о чемъ, уѣзжая изъ Петербурга, во избѣжаніе недоразумѣній впослѣдствіи, предупреждалъ и Бѣляеву, говоря, что у нихъ есть отъ ея мужа сохранная росписка. Послѣ смерти Бѣляева Александръ Мясниковъ, съ дозволенія жены покойнаго, отобралъ въ кабинетѣ Бѣляева бумаги по ихъ дѣламъ и перевезъ къ себѣ въ контору. Бѣляевъ своихъ собственныхъ дѣлъ имѣлъ много, а больше имѣлъ пан въ ихъ дѣлахъ. По возвращеніи изъ Астрахани онъ нѣсколько разъ просилъ Бѣляеву напомнить мужу о сохранной роспискѣ, чѣмъ она была недовольна. О существованіи духовнаго завѣщанія онъ узналъ послѣ смерти Бѣляева, но какъ скоро и при какихъ обстоятельствахъ — не помнитъ, такъ какъ онъ на это не обращалъ никакого вниманія. При совершеніи съ Бѣляевою маклерскаго условія, сохранная росписка была отдана Бѣляевой и ею уничтожена. Относительно стоимости рыбныхъ промысловъ онъ въ настоящее время, не видясь съ братомъ и не имѣя подъ рукой свѣдѣній, точно объяснить не можетъ. Знаетъ, что на третью часть Бѣляева было имъ внесено 8.000 р. залога. По переходѣ этихъ промысловъ отъ Бѣляевой, по сдѣлкѣ 22-го декабря 1858 г., въ собственность его и брата, промыслы были уступлены ими Трощинскому, но чрезъ сколько времени и за какую сумму — не помнитъ. Какіе откупа, въ какихъ городахъ и сколько паевъ имѣлъ Бѣляевъ въ 1857—1859 годахъ, онъ не помнитъ и свѣдѣнія объ этомъ должны быть у его брата. Мебельный магазинъ, доставшійся имъ отъ Бѣляевой, былъ ими проданъ за 27.000 р. или около того. Сколько стоили прочія коммерческія предпріятія Бѣляева, перешедшія въ ихъ собственность по договору 22-го декабря 1858 года, онъ съ точностію не знаетъ.

При сличеніи 18-го марта 1871 г. почерка подписи «Козьма Бѣляевъ» на духовномъ завѣщаніи 10-го мая 1858 г. съ несомнѣнными подписями Бѣляева, эксперты, въ числѣ пяти человѣкъ, объявили, что оспариваемая подпись на духовномъ завѣщаніи «Козьма Бѣляевъ» сходства съ его несомнѣннымъ почеркомъ не имѣетъ, какъ по характеру, такъ и по стилю буквъ, равно какъ и по связи ихъ. Кромѣ того росчеркъ въ подписяхъ Бѣляева совершенно свободный; на духовномъ же завѣщаніи этотъ росчеркъ

не представляетъ и подобія несомнѣннаго росчерка, а выраженъ дурно скопированною чертою. Вообще подпись на духовномъ завѣщаніи: «Козьма Бѣляевъ» представляетъ весьма плохое подражаніе несомнѣннымъ подписямъ Бѣляева. Почеркъ самаго текста духовнаго завѣщанія одинъ и тотъ же, но первая половина текста писана сжато, а вторая разгонисто, и послѣднія двѣ строки снова сжаты, такъ что можно придти къ заключенію, что текстъ завѣщанія пригонялся къ подписи. Цвѣтъ чернилъ, коими писанъ текстъ завѣщанія, подпись отъ имени Бѣляева и подписи свидѣтелей Спиридонскаго и Отто, различенъ въ каждомъ изъ четырехъ почерковъ. По сличеніи подписи «Козьма Бѣляевъ» на духовномъ завѣщаніи съ почеркомъ обвиняемаго мѣщанина Амфилогія Карагапова и съ сдѣланными имъ пробными подписями словъ «Козьма Бѣляевъ», эксперты объявили, что подпись на духовномъ завѣщаніи съ несомнѣннымъ обыкновеннымъ почеркомъ Караганова, на первый взглядъ, сходства не имѣетъ; сходство это замѣчается только въ пробныхъ подписяхъ. Самъ по себѣ почеркъ Карагапова, въ разное время, представляется различнымъ и замѣчается, что Карагановъ можетъ измѣнять его по своему желанію. Въ обыкновенномъ почеркѣ Караганова, въ манерѣ письма нѣкоторыхъ отдѣльныхъ буквъ, напримѣръ р, л, к, я, замѣчается сходство съ манерою изображенія ихъ Бѣляевымъ, такъ что по изученіи почерка Караганова эксперты полагаютъ, что онъ поддѣлался подъ руку Бѣляева, но нельзя положительно утверждать или отрицать, что подпись на завѣщаніи «Козьма Бѣляевъ» сдѣлана именно Карагановымъ, потому что подпись на завѣщаніи писана не смѣлою рукою, а нарисована.

Переписчикъ духовнаго завѣщанія Козьмы Бѣляева, отъ 10-го мая 1858 г., коллежскій ассессоръ Макаръ Целебровскій и подписавшіе завѣщаніе въ качествѣ свидѣтелей: протоіерей Василій Спиридонскій и медикъ, надворный совѣтникъ Ѳедоръ Отто, какъ видно изъ дѣла, умерли: Целебровскій—въ лѣчебницѣ душевныхъ болѣзней, куда онъ поступилъ 25-го апрѣля 1860 года и умеръ 21-го мая того же года; Спиридонскій умеръ 23-го апрѣля 1867 г. и Отто, заболѣвъ холерою 13-го іюля 1866 года, умеръ на другой день.

Упоминаемые въ вышеизложенныхъ показаніяхъ купцы: Ѳедоръ Кемпе и Левъ Каменскій, надворный совѣтникъ Степанъ Воронинъ,

поручикъ Николай Шевелевъ и бывшая воспитанница Бѣляева, Александра Нагорная, урожденная Кропачева, не могли быть допрошены—первые трое за смертію, а послѣдніе двое за неразысканіемъ ихъ.

Во время производства въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ въ гражданскомъ порядкѣ дѣла по спору, предъявленному противъ дѣйствительности завѣщанія купца Козьмы Бѣляева, капитанъ Александръ Мясниковъ, согласно требованію суда, основанному на ходатайствѣ истцовъ, 5-го февраля 1870 года представилъ въ судъ: 1) подлинный дневникъ, веденный Бѣляевымъ, гдѣ въ ст. 70-й, отъ 21 го мая, значится: «росписка Александру и Ивану Константиновымъ Мясниковымъ въ 272,000 руб.» и 2) клочекъ бумаги, на которомъ карандашемъ рукою Бѣляева написано слѣдующее: «2-й, ей же, женѣ моей, передаю я по кончинѣ моей всѣ права мои по обязательствамъ и контрактамъ съ казною и частными людьми и безъ оныхъ, а равно полученіе съ должниковъ моихъ по актамъ, роспискамъ и по другимъ разсчетамъ денегъ и уплату состоящихъ на мнѣ одолженій, если таковыя окажутся».

Во время же производства предварительнаго слѣдствія, при обыскѣ, произведенномъ 11-го февраля 1871 года въ квартирѣ Александра Константинова Мясникова, въ числѣ разныхъ бумагъ и книгъ, поименованныхъ въ составленномъ о семъ протоколѣ, былъ найденъ клочекъ бумаги съ слѣдующими словами, писанными карандашемъ, по объясненію Мясникова, рукою покойнаго Козьмы Бѣляева: «что сіе завѣщаніе составлено дѣйствительно фр. перв. куп. К. В. Бѣл.».

Изъ найденныхъ при томъ же обыскѣ разныхъ счетовъ и отчетовъ, писанныхъ рукою покойнаго Бѣляева, между прочимъ видно, что по краткому отчету, составленному Бѣляевымъ, ему слѣдовало уплатить Мясниковымъ по 1-е сентября 1857 года 150,000 руб. $2^3/_4$ коп. и затѣмъ по поступленіи къ нему 255,808 р. $74^1/_4$ к. и по снятіи съ его счета 278,061 р. 84 к., выданныхъ имъ, Мясниковымъ, или вообще подлежащихъ снятію съ его счета, за произведенными на ихъ счетъ расходами, оказывается, что Бѣляеву на 14-е мая 1858 года слѣдовало получить 22,253 руб. 12 коп.

При сличеніи, 18-го марта 1871 года, почерка слѣдующихъ строчекъ въ дневникѣ Бѣляева, представленномъ къ дѣлу Алек-

сандромъ Мясниковымъ: «21. Росписка Александру и Ивану Конст. Мясниковымъ въ 272,000 рублей», «капиталы и расходы уравнены общимъ вкладомъ отъ 3 лицъ, т. е. гг. Мясниковыми и отъ меня», и «21. Ив. Конст. на рыбныя ловли въ число 50,000 складочнаго капитала съ моей части 16,666 р. 66 к.», эксперты объявили, что строчки эти имѣютъ между собою сходство и писаны одною рукою, одними чернилами и стальнымъ перомъ и имѣютъ сходство съ тѣмъ почеркомъ, которымъ писанъ текстъ дневниковъ; но положительно утвердить, чтобы этотъ почеркъ былъ писанъ несомнѣннымъ почеркомъ Бѣляева, эксперты не могутъ. Остальная строчка изъ случаемыхъ дневниковъ, именно: «18. В. П. Буркину отказъ отъ его товарищества»; «7-го и 8 го числа выдано по съ рыбнаго дѣла роздано Бенардаки 88,000, Буркину 8,000, Якунчикову 8,000, Непюкову 8,000, Коплеву и Тюльпину 8,000, Лебедеву4, 000 — 124,000 р.» имѣетъ сходство съ почеркомъ, коимъ писанъ текстъ дневниковъ, но представленное, какъ показываетъ разсмотрѣніе въ лупу, обведенными по написанному и притомъ въ обоихъ дневникахъ въ вышеозначенныхъ строчкахъ одними и тѣми же чернилами, только слова: «7 и 8-го числа выдано по съ рыбнаго дѣла»—не обведены.

Вслѣдствіе сего, отставной ротмистръ Александръ Константиновъ Мясниковъ, 39 лѣтъ, отставной надворный совѣтникъ Иванъ Константиновъ Мясниковъ, 38 лѣтъ и с.-петербургскій мѣщанинъ Амфилогій Александровъ Карагановъ, 37 лѣтъ, обвиняются въ томъ, что въ концѣ сентября или въ началѣ октября 1858 года, по предварительному между собою уговору, подложно составили домашнее духовное завѣщаніе отъ 10-го мая 1858 года отъ имени фридрихсгамскаго первостатейнаго купца Козьмы Васильева Бѣляева, т. е. совершили преступленіе, предусмотрѣнное 1,691-й ст. Улож. о Нак. изд. 1866 года.

Вслѣдствіе сего вышепоименованныхъ Александра и Ивана Константиновыхъ Мясниковыхъ и Амфилогія Александрова Караганова предполагается предать суду С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

По прочтеніи обвинительнаго акта, присяжный повѣренный Языковъ дѣлаетъ заявленіе, въ которомъ онъ указываетъ на ошибку, вкравшуюся въ обвинительный актъ.

Предсѣдательствующій оставляетъ это заявленіе безъ

послѣдствій въ виду того, что обвинительный актъ подлежитъ провѣркѣ на судебномъ слѣдствіи, и затѣмъ обращается къ подсудимымъ съ слѣдующими вопросами:

Подсудимый Александръ Мясниковъ, вы обвиняетесь въ томъ, что въ сентябрѣ, октябрѣ или августѣ 1858 г., по предварительному уговору съ Иваномъ Мясниковымъ и съ Амфилогіемъ Карагановымъ, составили подложное духовное завѣщаніе отъ 10 мая того же года отъ имени умершаго въ сентябрѣ того же года фридрихсгамскаго первостатейнаго купца Козьмы Васильевича Бѣляева. Признаете ли вы себя виновнымъ?

Подс. А. Мясниковъ. Нѣтъ, не признаю.

Вопросъ. Подс. Иванъ Мясниковъ, вы обвиняетесь въ томъ же преступленіи. Признаете ли вы себя виновнымъ?

Подс. И. Мясниковъ. Нѣтъ, не признаю.

В. Подсудимый Карагановъ, вы обвиняетесь въ томъ, что вслѣдствіе подговора васъ братьями А. и И. Мясниковыми вы подписались за Бѣляева на духовномъ завѣщаніи, составленномъ подложно отъ его имени. Признаете ли вы себя виновнымъ?

Подс. Карагановъ. Я желалъ бы сдѣлать отзывъ.

Предс. Вы теперь можете объяснить все, что желаете.

Подс. Караг. Вслѣдствіе неоднократныхъ несчастныхъ случаевъ, пожаровъ и другихъ я потерялъ много здраваго смысла, много здоровья, а главное много здраваго смысла... (Подс. говоритъ тихимъ голосомъ и сильно жестикулируя руками).

Предсѣд. Я васъ не о томъ спрашиваю, а о томъ, признаете ли вы себя виновнымъ въ томъ, что подписали духовное завѣщаніе, подложно составленное отъ имени умершаго купца Бѣляева?

Подс. Караг. Виноватъ я подписалъ. (Движеніе).

Предс. Разскажите какимъ образомъ вы подписывали духовное завѣщаніе.

Подс. Караг. (Отвѣчаетъ такъ тихо, что ничего не слышно)-

Предс. Подс. Карагановъ, выйдите на средину залы. (Подсудимаго выводятъ на средину залы). Теперь разскажите, только говорите погромче. Можете ли вы сами разсказать или желаете, чтобы вамъ предлагаемы были вопросы?

Подс. Караг. Я постараюсь разсказать: какъ скончался Бѣляевъ, онъ, значитъ, какъ померъ, я слышалъ, что онъ былъ передъ тѣмъ боленъ и мнѣ неизвѣстно составилъ онъ духовное за-

вѣщаніе или нѣтъ. А вотъ та бумага, которую мнѣ показывалъ слѣдователь, такъ я значитъ долженъ начать съ того, о чемъ меня спрашивалъ слѣдователь.

Предсѣд. Я васъ спрашиваю не о томъ, какое показаніе отъ васъ отбиралъ слѣдователь, а не можете ли вы разсказать о томъ обстоятельствѣ, какъ вы подписывали бумагу.

Подс. Караг. А, я теперь знаю. Вы спрашиваете о томъ, при какихъ обстоятельствахъ, а это было вотъ какъ. Я узналъ, что померъ Бѣляевъ.

В. Гдѣ вы въ это время служили?

О. У Мясниковыхъ.

В. Чѣмъ вы служили у нихъ?

О. Служилъ я-съ конторщикомъ-съ или просто исполнялъ въ одно и то же время и прочія дѣла и порученія: купить разную провизію, или тамъ прочее, что нужно было, или же исполнялъ всякія порученія, тоже по такимъ дѣламъ; ихъ не мало бываетъ...

Предсѣд. Ну, объ этомъ достаточно будетъ. Вы теперь обратитесь къ существу дѣла. Какимъ образомъ пошли переговоры о томъ, чтобы вы подписали какую нибудь бумагу?

Подс. Караг. Я нѣкоторыя частности припоминаю такія, которыя могутъ для меня имѣть значеніе. Если позволите...

Прис. пов. Деппъ. Такъ какъ вызваны судомъ эксперты, доктора Дюковъ и Баталинъ, то для того, чтобы эти эксперты могли дать болѣе точное опредѣленіе умственнаго состоянія Караганова, впослѣдствіи, когда имъ будутъ предложены вопросы, то я покорнѣйше просилъ бы допустить ихъ къ присутствію при допросѣ подсудимаго Караганова.

Подс. Караг. опять начинаетъ что-то говорить.

Предс. Позвольте, подсудимый. Стороны ничего не имѣютъ возразить противъ заявленія защитника подсудимаго Караганова.

Стороны ничего не возражаютъ.

Предсѣд. дѣлаетъ распоряженіе о вводѣ въ залу засѣданія гг. экспертовъ.

Подсуд, Караг. продолжаетъ говорить, но такъ тихо, что на мѣстахъ стенографовъ ничего не слышно.

Предсѣд. Да, но все это не относится къ тому, о чемъ я васъ спрашиваю. Какъ вы покупали известку и другія обстоятель-

ства не имѣютъ отношенія къ тому, какъ вы подписали имя Бѣляева.

Подс. Караг. Я прошу васъ меня спрашивать. Много время прошло-съ. 20 лѣтъ прошло-съ. Я молодъ былъ-съ, а потомъ несчастія, пожары, братъ мой пропалъ....

Предс. Такъ вы сказали, что служили у Мясниковыхъ? — О. Да-съ. — В. Вы слышали, что Бѣляевъ умеръ? — О. Да, услыхалъ-съ. — В. Отъ кого вы услыхали это, отъ Мясниковыхъ? — О. Да-съ, отъ Мясниковы-съ. —В. Отъ котораго, отъ Ивана, или отъ Александра Мясникова?—О. Не помню.... трудно сказать. — В. Затѣмъ Мясниковы приходили-ли къ вамъ черезъ нѣсколько времени и просили подписать какую нибудь бумагу подъ руку Бѣляева?—О. Я помню... помню, припоминаю...

Докт. пр. Лохвицкій. Я прошу позволенія сдѣлать одно заявленіе. По просьбѣ защитника подсудимаго Караганова допущены къ присутствію при допросѣ этого подсудимаго гг. эксперты. Они допущены для произведенія экспертизы. Между тѣмъ они не были приведены къ присягѣ. Такъ какъ для меня это обстоятельство не имѣетъ никакого значенія, но можетъ имѣть значеніе впослѣдствіи, то я прошу судъ обратить вниманіе на это обстоятельство.

Предс. Судъ, принимая во вниманіе, что эксперты-медики Дюковъ и Баталинъ вызваны обвинительною властью для того, чтобы дать впослѣдствіи свои объясненія, что въ настоящее время они никакихъ объясненій не даютъ и что впослѣдствіи они будутъ приведены къ присягѣ, постановилъ оставить заявленіе повѣреннаго гражданскаго истца безъ послѣдствій. (Подсудимому Караганову). И такъ, приходилъ-ли къ вамъ кто-нибудь изъ Мясниковыхъ съ предложеніемъ подписать подъ руку Бѣляева какую нибудь бумагу? — О. Вотъ теперь припоминаю.... хорошо не могу вспомнить.... Такъ, или кажется такъ было; ко мнѣ-ли пришли, или меня потребовали туда. Я кажется пошелъ было къ Бѣляеву, но не дошелъ къ нему. Меня кто-то встрѣчаетъ и говоритъ, чтобы я пошелъ домой.—В. Такъ вы и возвратились къ себѣ домой? — О. Да-съ.—В. Когда же къ вамъ обратились Мясниковы съ просьбой подписать бумагу?—О. Я былъ молодъ; мнѣ 20 лѣтъ было. Извините, я это сдѣлалъ. — В. Такъ вы скажите, какимъ образомъ вы это сдѣлали? — О. Мнѣ совѣстно, читайте мой от-

зывъ.—В. Этого нельзя. Вы сами должны сказать.—О. Это дѣйствительно я сдѣлалъ. — В. Кто васъ объ этомъ просилъ! — О. Самъ Александръ Мясниковъ. — В. Почему онъ объ этомъ просилъ? — О. Говорили, что все должно идти въ руки другихъ, что всѣ дѣла пойдутъ плохо, они потеряютъ много... — В. Такъ А. Мясниковъ просилъ васъ подписать эту бумагу потому, что Бѣляевъ не оставилъ духовнаго завѣщанія. Это вамъ было извѣстно? — О. Нѣтъ, чтобы не было завѣщанія, мнѣ не было извѣстно. — В. А онъ говорилъ вамъ, что подпись нужна для того, чтобы имѣніе не досталось наслѣдникамъ Бѣляева? — О. Этого, ей Богу, не знаю. — В. Такъ онъ вамъ говорилъ, для чего ему нужна подпись, или не говорилъ? — О. Да-съ, я объясняю, что онъ говорилъ, что Бѣляевъ не оставилъ никакого завѣщанія, а я былъ такъ глупъ и такъ слабъ вмѣстѣ съ тѣмъ, убитъ несчастіями и запуганъ, такъ что это сдѣлалъ. Несчастій въ моей жизни было много. Многія собственно по моей глупости, а потомъ пожары и братъ пропалъ у меня, такъ что все это... — В. Такъ вотъ вы отвѣчайте на мой вопро́съ: А. Мясниковъ просилъ васъ сдѣлать подпись? — О. Да-съ. — В. Вы учились дѣлать подпись Бѣляева? — О. Нисколько-съ. — В. Такъ вы уже знали его подпись? — О. Нисколько не зналъ. — В. Такъ вы сперва пробовали дѣлать его подпись? — О. Кажется пробовалъ, вѣроятно... не помню. — В. Вы помните, какой листъ подписали? — О. Ей Богу забылъ; припомнить трудно.—В. Вы помните какъ вы подписывали, только имя и отчество Бѣляева, или и званіе его, или только имя и фамилію? — О. Не помню.—В. Не помните-ли вы, куда вы поставили подпись: въ началѣ страницы или въ концѣ ея? На первой, или какой-нибудь другой страницѣ листа?—О. Это совершенно забылъ. Вѣдь такія обстоятельства забываютъ въ жизни, что человѣкъ совершенно не знаетъ ничего. Все можно забыть... — В. Вы получили отъ Мясниковыхъ какое-нибудь вознагражденіе? (Подсудимый Карагановъ продолжаетъ что-то говорить) Карагановъ, не угодно-ли вамъ выслушать мои вопросы и на нихъ мнѣ отвѣчать. (Караг. продолжаетъ говорить. Предсѣд. возвышаетъ голосъ) Карагановъ, вы получили что-нибудь отъ Мясниковыхъ за эту подпись? — О. Ничего-съ. То есть послѣ смерти Бѣляева онъ далъ мнѣ пан.—В. Послѣ смерти Бѣляева вы скоро отошли отъ Мясниковыхъ?—О. Въ іюнѣ или іюлѣ 1859 года, не

помню въ точности.—В. Въ это время вы женились, или нѣтъ? —О. Нѣтъ, я женился послѣ.—В. Ну да, я говорю, что въ промежуткѣ времени между смертью Бѣляева и отъѣздомъ изъ Петербурга вы женились?—О. Да, я женился. — В. Кто вамъ сваталъ невѣсту?—О. Нѣтъ, мнѣ ее не сватали: я самъ на ней женился. — В. Вы знали въ какихъ отношеніяхъ она состояла съ Мясниковымъ, или нѣтъ? — О. Да-съ, я зналъ. — В. Мясниковъ далъ ей приданое? — О. Разумѣется далъ. — В. Вы не знаете, сколько онъ ей далъ приданаго?—О. Въ настоящее время не помню; кажется большую сумму; у ней было тысячъ около десяти, изъ числа которыхъ, конечно, много пошло на расходы, такъ что наличныхъ тысячъ восемь. — В. Послѣ этого вы отправились въ Казань и тамъ завели собственную торговлю. Вы тамъ жили у вашего отца?—О. Нѣтъ, я жилъ въ Казани одинъ. — В. Затѣмъ изъ Казани когда вы выѣхали! — О. Въ 1864 году. — В. И въ 1865 году вы опять поступили на службу къ Мясниковымъ?—О. Да, въ 1865 году.—В. Куда вы сперва поступили, на заводъ?—О. Я сперва поѣхалъ на Кавказъ. т. е. не на Кавказъ, а въ Ставрополь.—В. Чѣмъ вы занимались въ Ставрополѣ?—О. Я занимался раскладкой... (не слышно).—В. Изъ Ставрополя вы куда переѣхали, въ Петербургъ или въ Воронежъ? — О. Нѣтъ, изъ Ставрополя я переѣхалъ въ Ростовъ. — В. Все это время вы состояли на службѣ у Мясниковыхъ?—О. Да-съ.—В. Вплоть до тѣхъ поръ, пока васъ заарестовали? — О. Арестовали?—В. Ну да, вы не отходили отъ Мясниковыхъ до того времени, пока васъ не арестовали по этому дѣлу?—О. Нѣтъ, не отходилъ.—В. Въ послѣднее время вы жили на винокуренномъ заводѣ въ Задонскомъ уѣздѣ? —О. Да, въ Задонскомъ уѣздѣ. — В. Ревизоромъ, или чѣмъ вы тамъ служили?—О. Да, ревизоромъ. — В. Но вы занимались тамъ чѣмъ-нибудь, или ничѣмъ не занимались?—О. Какже, я занимался.—В. Сколько вы получали жалованья? — О. 1,000 рублей. — В. Вы были знакомы съ А. Краснльниковымъ? — О. Знаю, онъ мой родственникъ.—В. Вы не имѣли съ нимъ какихъ-нибудь разговоровъ относительно подложности завѣщанія Бѣляева?—О. Нѣтъ, не имѣлъ.—В. Вы ему не объясняли, не сознавались? — О. Разговоры были; онъ со мной говорилъ о томъ, что ему извѣстно это обстоятельство.—В. Но вы ему не говорили, что Мясниковы просили васъ не ходить къ нему, опасаясь, что вы сознаетесь?—

О. Не помню. — В. Вы не помните, или этого не было? — О. Я не помню; память моя такъ разстроена. Я прошу васъ прочитать мое объясненіе. — В. Да, но вѣдь я могу читать, а присяжные не могутъ. Вы объясните все то, что помните и что хотите объяснить.

Подс. Кар. Вы потрудитесь спрашивать меня, потому что это лучше, легче отвѣтить. — В. Вы съ отцомъ вашимъ имѣли разговоры о духовномъ завѣщаніи? — О. Нѣтъ. — В. Это вы навѣрное помните, или забыли? — О. Забылъ. — В. Такимъ образомъ вы въ настоящее время помните только слѣдующее: что послѣ смерти Бѣляева А. Мясниковъ просилъ васъ поддѣлать подпись Бѣляева, что ему нужно было для того, чтобы состояніе Бѣляева не перешло къ его прямымъ наслѣдникамъ... — О. Да, да, и просилъ или приказывалъ—этого не помню, это ужъ давно было. Смерть Бѣляева на меня такъ подѣйствовала; Бѣляевъ всѣмъ правилъ, все на немъ держалось. — В. Вы кого считали хозяиномъ, Мясниковыхъ или Бѣляева? — О. Разумѣется Мясниковыхъ.—В. Но дѣлами кто заправлялъ, Мясниковъ или Бѣляевъ? — О. Дѣлами заправлялъ... дѣлами заправляли Мясниковы. — В. Вы сами говорили, что Бѣляевъ всѣми дѣлами заправлялъ? — О. Да, да, Бѣляевъ. — В. Вы знали стало быть, что эта подпись будетъ употреблена для духовнаго завѣщанія? — О. То есть, видите ли мнѣ этого не объяснили... я еще до смерти Бѣляева много имѣлъ несчастій, а потомъ меня разорили пожары. Богъ меня наказывалъ... братъ мой пропалъ... Богъ, Богъ наказываетъ. — В. Такъ вы думали, что это васъ Богъ наказывалъ за то, что вы подписали духовное завѣщаніе? (Карагановъ что-то продолжаетъ говорить) Да это какое же имѣетъ отношеніе къ тому, что вы написали подпись Бѣляева? — О. А отношеніе то, что поправлено было... — В. Ну вотъ вы и отвѣчайте на этотъ вопросъ я никакъ не могу дождаться отвѣта. Когда вы подписали «Козьма Бѣляевъ», знали ли вы, что дѣлаете эту подпись для того, чтобы впослѣдствіи на томъ листѣ, на которомъ вы сдѣлали подпись, было написано духовное завѣщаніе? — О. А! этого я не зналъ. — В. Такъ зачѣмъ же Мясниковъ просилъ васъ сдѣлать эту подпись? — О. Для своихъ надобностей. — В. Но онъ вамъ объяснялъ для какихъ надобностей? — О. Нѣтъ, не гово-

рилъ, только... — В. Значитъ вы объ этомъ догадывались? — О. Да—да, вотъ именно, я догадывался.

Предс. Г. секретарь, отъищите духовное завѣщаніе, находящееся въ числѣ вещественныхъ доказательствъ:

Секретарь Лодко подаетъ предсѣдательствующему духовное завѣщаніе.

Подс. Караг. (разсмотрѣвъ завѣщаніе). Мнѣ начинаетъ помниться... только мнѣ до такой степени неловко... до такой степени неловко. — В. Отчего вамъ неловко? Потому что вы находитесь при Мясниковыхъ, которымъ вы такъ много обязаны?

Подс. Караг. (что-то толкуетъ, что не слышно). Предс. ему замѣчаетъ, что все это не относится къ дѣлу и спрашиваетъ его, сдѣлалъ ли онъ подпись на этомъ духовномъ завѣщаніи? — О. Не ручаюсь, не знаю. — В. Не похожа ли эта подпись на ту, которую вы сдѣлали? — О. Похожа. — В. На томъ ли самомъ мѣстѣ вы сдѣлали подпись, гдѣ находится подпись Бѣляева на завѣщаніи? — О. Не помню.

Предс. предлагаетъ подсудимому сѣсть на скамью подсудимыхъ.

Прокуроръ проситъ предсѣдательствующаго предложить подс. Караганову вопросъ, не получалъ ли онъ послѣ совершенія имъ подписи отъ Мясниковыхъ, кромѣ жалованья, безденежно водки и въ какомъ количествѣ.

Прис. пов. Арсеньевъ проситъ предс. предложить подс. Караганову слѣдующіе вопросы: 1) имѣлъ ли онъ, дѣлая подпись Бѣляева, передъ собою настоящую подпись Бѣляева; 2) занимался ли онъ весною 1857 г. у Бѣляева поверкою счетовъ для Мясниковыхъ; 3) говорилъ ли онъ кому нибудь о томъ, что онъ сдѣлалъ подпись Бѣляева и 4) когда онъ служилъ у Красильникова, сколько онъ получалъ жалованья и почему отъ него отошелъ.

Док. пр. Лохвицкій просилъ у суда дозволенія предложить Караганову одинъ вопросъ въ отсутствіи подсудимыхъ обоихъ братьевъ Мясниковыхъ, и во вторыхъ предложить Караганову сдѣлать на листѣ бумаги подпись Бѣляева.

Прокуроръ просилъ предложить Караганову написанное имъ въ видѣ завѣщанія письмо къ его отцу и спросить, онъ ли написалъ это письмо и въ какомъ году.

Предс. Подсудимый Карагановъ, служа у Мясниковыхъ въ по-

слѣднее время на заводѣ въ Задонскѣ, вы сверхъ жалованья получали ли вино? — О. Получалъ, многіе получали. — В. Когда вы сдѣлали на листѣ бумаги подпись Бѣляева, имѣли ли вы передъ собою настоящую его подпись, или вы сдѣлали эту подпись на память?—О. Что-то было, но что не знаю, не припомню.— В. Производили ли вы, по приказанію Мясниковыхъ, передъ смертью Бѣляева учетъ его книгамъ? — О. Я не занимался у Бѣляева, учета не производилъ.

Прис. пов. Арсеньевъ. Подсудимый говоритъ, что не занимался у Бѣляева, но этотъ разсчетъ онъ дѣлалъ, не по порученію Бѣляева, а по порученію Мясниковыхъ.

Предс. Вы по порученію Мясниковыхъ не учитывали книги Бѣляева? — О. Я не Бѣляева повѣрялъ, а тѣхъ, кто находились подъ наблюденіемъ у Мясниковыхъ. — В. Говорили ли вы, когда нибудь Красильникову о духовномъ завѣщаніи? — О. Прошу покорнѣйше доказательства того, что я говорилъ. Такимъ образомъ я слыхалъ, что есть этокое преданіе, такъ сказать, пословица, а что доказательства.... если требуется, то я имѣю доказательства.

Предс. Какія доказательства?

Подс. Караг. Вѣрныя.

Предс. Да я не объ этомъ васъ спрашиваю, а о слѣдующемъ: забыли ли вы, или не говорили вы никогда Александру Красильникову о томъ, что вы подписались за Бѣляева по просьбѣ Мясникова? — О. Красильникову? — В. Красильникову или кому либо другому. — О. Никому не говорилъ.

Предс. Г. судебный приставъ, предъявите эту бумагу сторонамъ. (Сторонамъ предъявляется листъ бумаги съ подписью Бѣляева).

Подсудимый Карагановъ, посмотрите на этотъ листъ. Сдѣлали вы эту подпись, когда на предварительномъ слѣдствіи судебный слѣдователь вамъ предложилъ сдѣлать на пробу подпись Бѣляева.

Подс. Караг. (Разсмотрѣвъ подпись) Да-да-да-съ, это я сдѣлалъ. Ваше высокоблагородіе, если вы позволите говорить....

Предс. Что же вы еще хотите говорить?

Подс. Караг. Я прошу позволить мнѣ говорить.

Предс. Вы имѣете право сказать все, что вы желаете, если оно относится къ дѣлу. О комъ вы желаете говорить?

Подс. Караг. Это о томъ, что я служилъ у Мясниковыхъ.

Предс. Вы уже объ этомъ обстоятельствѣ говорили.

Подс. Караг. Вотъ обстоятельство, какого рода, что я по золотому промыслу служилъ, и найдены были ошибки разныя. Однимъ словомъ, я былъ бѣденъ, пришлось почти по міру ходить.

Предс. Но это не относится вовсе къ дѣлу. Въ настоящее время рѣчь идетъ объ обстоятельствахъ, къ дѣлу относящихся. Впослѣдствіи вамъ будетъ предоставлено слово; тогда вы будете имѣть возможность говорить о своемъ положеніи, о тѣхъ причинахъ, которыя васъ побудили къ совершенію преступленія.

Подс. Караг. Сдѣлайте одолженіе, спросите, о чемъ желаете.

Защ. Кар. прис. пов. Деппъ. Я хотѣлъ бы обратить вниманіе гг. присяжныхъ на то, что подс. Карагановъ не сознается въ томъ, что онъ именно сдѣлалъ ту подпись, которая ставится на духовномъ завѣщаніи. Онъ сказалъ, что не знаетъ, не ручается, что онъ эту подпись сдѣлалъ; она похожа на его подпись, но чтобы она была та самая, которую онъ сдѣлалъ по просьбѣ Мясникова—этого онъ не удостовѣряетъ.

Предс. Гг. прис. зас. слышали, что показалъ подсудимый Карагановъ.

Г. Деппъ. Я хотѣлъ обратить вниманіе гг. прис. зас. на это обстоятельство, потому что оно въ настоящемъ дѣлѣ имѣетъ слишкомъ важное значеніе.

Затѣмъ были предъявлены сторонамъ и прочитаны: письмо Караганова къ его отцу съ приложеннымъ къ этому письму духовнымъ его завѣщаніемъ.

Предс. Подсудимый Карагановъ, вы слышали содержаніе этого письма и духовнаго завѣщанія?

Подс. Кар. Слышалъ.—В. Вы это писали?—О. Да.—В. Вашему отцу.—О. Да, вспоминаю, что писалъ къ отцу.—В. Не желаете ли вы объяснить, о комъ вы говорите, выражаясь что вы въ своей жизни ничьего здоровья никакими ядами не портили? О комъ вы это говорите?—О. О себѣ.—В. Какіе же вы видѣли примѣры, чтобы другіе портили чужія жизни какими нибудь ядами?—О. Изъ разсказовъ я видѣлъ.—В. Какіе вы слышали разсказы?—О. Разные; вотъ въ особенности французскіе и англійскіе.—В. Значитъ вы это изъ романовъ взяли?—О. Да. (Смѣхъ.)—В. Вы въ своемъ завѣщаніи говорите, что не торговали женщинами. Вы видѣли, что другіе это дѣлали, или вы это также вычитали?—

О. Какже этого не видѣть?—В. Вы здѣсь никого не подозрѣвали? О. Никого, кромѣ себя.—В. Вы пишете далѣе, что приносите раскаяніе за нѣкоторые извѣстные отцу проступки и дѣянія, совершенные вами по службѣ. Вы сдѣлали подпись Бѣляева. Это дѣяніе вы считаете совершеннымъ по службѣ?—О. Прошу извинить, я дѣлалъ ошибки, я былъ несчастливъ; и въ этомъ случаѣ даже нечестенъ...—В. А вы въ этомъ завѣщаніи своемъ, говоря о проступкахъ и дѣяніяхъ, совершенныхъ вами по службѣ, подъ этими выраженіями не подразумѣвали того, что подписали бумагу?—О. Да-съ.

Предс. снова предлагаетъ Караганову этотъ вопросъ, стараясь держаться при этомъ болѣе точныхъ и ясныхъ выраженій и требуя положительнаго на этотъ вопросъ отвѣта.

Подс. Кар. А! этого нѣтъ-съ... а впрочемъ, Богъ знаетъ, я не могу сказать утвердительно.

Г. Прокуроръ Кони. Я просилъ бы гг. прис. зас. обратить вниманіе на то, что прочитанное сейчасъ письмо и завѣщаніе Караганова, написано имъ 14 декабря 1870 г. и что затѣмъ слѣдствіе, къ которому онъ былъ привлеченъ по этому дѣлу и допросъ его, на которомъ онъ сознался, начались только 23 декабря, т. е. послѣ этого письма.

На вопросы защитника Ив. Мясникова, присяжнаго повѣреннаго Языкова, подсудимый Караганов объяснилъ, что пожары, о которыхъ онъ заявлялъ нѣсколько разъ, его постигли ранѣе смерти Бѣляева. Г. Языковъ просилъ присяжныхъ засѣдателей удержать это обстоятельство у себя въ памяти.

Пов. гражд. истц. докт. пр. Лохвицкій. Я просилъ бы судъ предложить подсудимому Караганову нѣсколько вопросовъ въ отсутствіи подсудимыхъ Мясниковыхъ.

Защитн. И. Мясникова прис. пов. Языковъ. Я прошу это предложеніе вопросовъ Караганову въ отсутствіе другихъ подсудимыхъ отложить до назначенія какого нибудь перерыва, когда И. К. Мясниковъ будетъ имѣть возможность послѣ удаленія его изъ залы засѣданія отдохнуть нѣсколько времени до возвращенія въ залу засѣданія.

Судъ уважилъ эту просьбу защитника, послѣ чего въ залу засѣданія были введены 10 вызванныхъ къ суду экспертовъ для сличенія почерковъ. Послѣ того, какъ стороны сдѣлали указанія

на тѣ документы, которые слѣдовало экспертамъ разсмотрѣть при сличеніи подписи Бѣляева на духовномъ завѣщаніи съ несомнѣнными его подписями, стороны приступили къ предложенію экспертамъ вопросовъ, на которые эксперты, по ихъ мнѣнію, должны были давать отвѣты.

Г. прокуроръ предложилъ слѣдующіе вопросы: 1) Писана ли рукою самаго Бѣляева подпись «Козьма Бѣляевъ» на завѣщаніи и соотвѣтствуетъ ли почеркъ этой подписи общему характеру его почерка; 2) если эта подпись не писана Бѣляевымъ, то какова эта поддѣлка подъ его почеркъ по своимъ достоинствамъ и свойствамъ? — т. е. искусна или неискусна эта поддѣлка. 3) если эта подпись подложна, то соотвѣтствуетъ ли она почерку Карагапова и могла ли быть сдѣлана Карагановымъ; 4) если она не соотвѣтствуетъ обыкновенному почерку Караганова, то по свойству этого почерка и по тѣмъ пріемамъ, которые въ немъ замѣчаются, имѣлъ ли возможность Карагановъ поддѣлать подпись Бѣляева такимъ образомъ, какъ она сдѣлана на завѣщаніи; и наконецъ 5) писана ли послѣдняя страница первой половины послѣдняго листа расходной книги Бѣляева и та страница дневника его, на которой говорится о сохранной роспискѣ въ 272 т. рукою Бѣляева или нѣтъ.

Пов. гр. ист. док. пр. Лохвицкій предложилъ еще слѣдующій вопросъ: 1) подпись на завѣщаніи «Козьма Бѣляевъ» писана стальнымъ или гусинымъ перомъ? 2) подписи Бѣляева на документахъ несомнѣнныхъ, которые даны экспертамъ, писаны ли стальнымъ или гусинымъ перомъ? 3) имѣетъ ли текстъ завѣщанія такой характеръ, что мѣстами онъ разгонисто написанъ, а мѣстами сжато, и не видно ли изъ этого, что переписчику завѣщанія необходимо было подгонять текстъ завѣщанія къ подписи?

Защ. А. Мясникова прис. пов. Арсеньевъ. Редакція вопросовъ, которые предлагаетъ г. прокуроръ, соотвѣтствуетъ редакціи тѣхъ вопросовъ, которые предлагаются на обсужденіе присяжныхъ засѣдателей, но никакъ не той, которая предлагается экспертамъ. Писана ли подпись рукою Бѣляева—на этотъ вопросъ могутъ отвѣчать только прис. зас. Эксперты же, по моему мнѣнію, могутъ разрѣшить только вопросъ о сходствѣ или несходствѣ подписи; они могутъ сказать только похожа или не похожа и затѣмъ изложить свое мнѣніе, почему они думаютъ, что существуетъ

или не существуетъ сходство. Затѣмъ, что касается до 3 го вопроса, предложеннаго г. прокуроромъ, то мнѣ кажется, что этотъ и 4-й вопросъ, имъ предложенный, удобнѣе было бы соединить вмѣстѣ и выразить въ слѣдующей формѣ: представляется ли сродство между подписью «Козьма Бѣляевъ» и почеркомъ Караганова, какъ вообще, такъ и на тѣхъ пробныхъ подписяхъ, которыя онъ дѣлалъ во время предварительнаго слѣдствія. Что касается до 3-го вопроса, предложеннаго г. повѣреннымъ гражд. истцовъ, то я противъ постановки его не возражаю, но мнѣ кажется, что это такой вопросъ, который можетъ быть разрѣшенъ какъ экспертами, такъ и всякимъ изъ присяжныхъ засѣдателей, такъ и судомъ. Мнѣ кажется, что этотъ вопросъ, хотя и имѣющій нѣкоторое значеніе, но не особенно важное, можетъ быть разрѣшенъ гг. прис. зас. при предъявленіи имъ вещественныхъ доказательствъ, но что едва ли есть необходимость поставить этотъ вопросъ на разрѣшеніе гг. экспертовъ.

Защ. И. Мясникова прис. пов. Языковъ. Относительно этого вопроса я прибавлю только, что, какъ мнѣ кажется, поэтому вопросу мнѣніе свое могутъ составить какъ эрсперты, такъ въ равной степени и всякое другое лицо, такъ какъ ни въ какомъ случаѣ нельзя отвѣчать на этотъ вопросъ сколько нибудь положительно.

Г. прокуроръ поддерживалъ редакцію имъ предложенныхъ вопросовъ, полагая, что они менѣе всего стѣснятъ экспертовъ, и кромѣ того находилъ, что 3 й вопросъ, предложенный повѣреннымъ гр. истцовъ, не можетъ подлежать рѣшенію экспертовъ, такъ какъ это вопросъ юридическій, а что эксперты могутъ только разрѣшить вопросъ: болѣе разгонисто или менѣе разгонисто написанъ текстъ въ разныхъ его мѣстахъ.

Пов. гр. истцовъ г. Лохвицкій замѣтилъ на это, что онъ въ этомъ смыслѣ и предлагаетъ свой вопросъ, и затѣмъ поддерживалъ редакцію предложенныхъ г. прокуроромъ вопросовъ на томъ основаніи, что необходимо, чтобы эксперты давали точные отвѣты и что между тѣмъ эти отвѣты никогда не могутъ стѣснить присяжныхъ засѣдателей въ ихъ рѣшеніи.

Г. Арсеньевъ высказалъ прежнее свое мнѣніе относительно редакціи вопросовъ, предложенныхъ г. прокуроромъ.

Г. Лохвицкій просилъ о постановкѣ слѣдующаго вопроса:

чернила, которыми написаны слова «Козьма Бѣляевъ», тѣ ли самыя, какими былъ написанъ текстъ завѣщанія.

Судъ удалился для обсужденія постановки вопросовъ и затѣмъ, по возвращеніи въ залу засѣданія г. предс. прочелъ постановленные судомъ вопросы, которые однако гг. экспертамъ переданы не были, такъ какъ они по позднему времени просили судъ о дозволеніи произвести экспертизу на слѣдующій день. Гг. эксперты находили, что экспертизу легче и точнѣе можно опредѣлить при дневномъ свѣтѣ, чѣмъ при свѣчахъ.

Вопросы суда сообщаются ниже.

Послѣ того, какъ отпущены были гг. Эксперты по сличенію почерковъ, судъ приступилъ къ допросу врачей Дюкова и Баталина.

Экспертъ докторъ Дюковъ (психіатръ). Ко мнѣ былъ представленъ для освидѣтельствованія умственнаго состоянія подсудимый Амфилогій Карагановъ. Разспросивъ его о прошлой его жизни, о всѣхъ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя могли бы давать поводъ думать о разстройствѣ его умственныхъ способностей, прочитавъ тѣ части дѣла, которыя относятся къ Караганову для того чтобы получить объ немъ понятіе, я пришелъ къ тому убѣжденію, что Карагановъ находится въ состояніи разстройства нервовъ. Между тѣмъ изслѣдованіе, которому я могъ подвергнуть Караганова, было такъ поверхностно, по незначительности времени, которое я имѣлъ на это изслѣдованіе, что я не могъ дать прямаго положительнаго объ немъ заключенія. Поэтому я считалъ нужнымъ спросить объ немъ мнѣнія врача, у котораго онъ находился нѣсколько времени подъ наблюденіемъ, доктора Баталина, и послѣдній сообщилъ, что онъ въ Карагановѣ не замѣчалъ особыхъ явленій, которыя могли бы въ немъ указать на разстройство умственныхъ способностей. Докторъ Баталинъ, какъ и я, замѣтилъ, что Карагановъ на разнаго рода вопросы давалъ не всегда опредѣленныя объясненія, нѣкоторые вопросы перепутывалъ, а относительно другихъ ссылался какъ бы на запамятованіе. Но это обстоятельство я не могъ причислить къ такимъ важнымъ явленіямъ, которыя могли бы дать поводъ къ заключенію о разстройствѣ его умственныхъ способностей. Въ настоящее время, слушая его показанія и отвѣты, которые имъ даны были на вопросы предсѣдателя, я тоже вижу, что способъ даже показаній

у него нѣсколько странный и заключается въ томъ, что онъ нѣкоторые вопросы недослушиваетъ, что даетъ отвѣты медленно, къ тому не всегда опредѣленно, что нѣкоторые изъ его отвѣтовъ не относятся прямо къ вопросу, ему заданному, или что къ прямому отвѣту онъ примѣшиваетъ вещи, не имѣющія отношенія къ дѣлу; что за тѣмъ онъ какъ бы старается дополнить свои отвѣты нѣкоторыми движеніями рукъ. Всѣ эти странности можно объяснить тѣмъ, что онъ или мало развитъ, или не внимателенъ, или плохо слышитъ, или что хорошо слышитъ и внимателенъ — но что онъ не хочетъ отвѣчать. Но во всякомъ случаѣ не думаю, чтобы всѣ эти его странности могли бы послужить поводомъ къ предположенію о разстройствѣ умственныхъ его способностей.

Прокуроръ Кони. Свойство показаній Караганова, которое вы подмѣтили, то, что онъ одни обстоятельства припоминаетъ а о другихъ отзывается запамятованіемъ, что онъ вдругъ забудется и говоритъ, не обращая вниманія ни на какіе вопросы. что онъ иногда отвѣчаетъ безсвязно—нельзя ли это отнести къ тому, что онъ въ прежнее время предавался неумѣренному употребленію спиртныхъ напитковъ и что вслѣдствіе этого у него въ настоящее время проявляется то ослабленіе умственныхъ способностей, которое тѣмъ не менѣе не уничтожаетъ въ немъ умственныхъ его способностей вообще, не лишаетъ его полнаго разсудка.

Докторъ Дюковъ. Вліяніе спирта вообще на память можетъ быть довольно значительное; но, примѣняясь къ г. Караганову, оказывается, что онъ — натура крѣпкая; что кромѣ того, хотя у него кажется и были припадки бѣлой горячки, но припадки эти были не значительные; онъ нѣсколько разъ, какъ видно изъ дѣла, покушался на самоубійство, бросился однажды въ мельничное колесо; все это указываетъ на то, что у него была бѣлая горячка; но тѣмъ не менѣе натура его такъ крѣпка, что могла вынести вліяніе спирта безъ особенныхъ дурныхъ послѣдствій. Съ другой стороны, разсматривая нѣкоторыя его дѣйствія я подмѣчаю въ немъ распорядительность относительно вещей, которыя онъ долженъ помнить и т. д. Что касается до запамятованія имъ многихъ обстоятельствъ, то это скорѣе всего можетъ быть объяснено тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ велъ жизнь праздную, серьезнымъ дѣломъ не занимался, и при этомъ выпивалъ; кромѣ того онъ много путеше-

ствовалъ. Все это въ немъ могло создать разсѣянность и нѣкоторую запутанность въ воспоминаніяхъ.

Прокуроръ Кони. Я имѣю предложить вамъ еще одинъ вопросъ, который можетъ быть оригиналенъ по своей формѣ, но имѣетъ, мнѣ кажется, прямое отношеніе къ дѣлу. Еслибы отнестись къ Караганову съ предвзятою мыслью, что онъ человѣкъ умственно разстроенный, если стараться подмѣчать въ его словахъ, въ его дѣйствіяхъ какую нибудь idée fixe, какую нибудь мысль, которая его подавляетъ, то что бы въ немъ подмѣтили, какая мысль въ немъ преобладаетъ, какая нота звучитъ во всѣхъ его словахъ и дѣйствіяхъ?

Докторъ Дюковъ. Я имѣлъ подъ своимъ наблюденіемъ болѣе 2000 сумасшедшихъ и ни въ одномъ субъектѣ не замѣтилъ того, что замѣтилъ въ немъ. Я считаю излишнимъ пускаться въ подробныя разъясненія всѣхъ проявленій сумасшествія, но во всякомъ случаѣ я замѣчу, что сумасшествіе есть опредѣленная картина, которая составляется изъ извѣстныхъ группъ припадковъ. Такимъ образомъ извѣстная, опредѣленная группа припадковъ составляетъ извѣстнаго рода умопомѣшательство. Если затѣмъ предъ вами больной, который страдаетъ мрачнымъ помѣшательствомъ и если этотъ больной — какой нибудь крестьянинъ— вдругъ начнетъ говорить, что онъ генералъ, то услышавъ это только одинъ разъ, я прямо скажу, что онъ притворяется, потому что форма мрачнаго помѣшательства никогда не допуститъ въ немъ такой фантазіи. То, что теперь можно замѣтить у г. Караганова, можно подвести подъ разныя формы умопомѣшательства, но нѣтъ здѣсь той группы явленій, которая бы могла указать на то, что онъ страдаетъ какою либо формой помѣшательства.

Пов. гр. ист. докт. пр. Лохвицкій. Не замѣтили-ли вы, что онъ находится подъ вліяніемъ какого-то страха.

Докт. Дюковъ. Это замѣтно. Онъ какъ-то стѣсняется, жеманится — что какъ-то не отвѣчаетъ его натурѣ. По замѣчанію доктора Баталина, Карагановъ относительно его сначала держался также, но потомъ, когда съ нимъ сошелся, и когда они оставались вдвоемъ, то Карагановъ совершенно измѣнялся, разговаривалъ, держался съ нимъ за панибрата, игралъ на скрипкѣ и проч. Но только-что онъ замѣчалъ, что къ нему относятся критически, что его хотятъ разспросить, онъ тотчасъ становился скучнымъ,

отвѣчалъ разсѣянно и проч. То же самое происходило всегда въ присутствіи другихъ лицъ.

Г. Лохвицкій. Не замѣтили-ли вы изъ письма и завѣщанія Караганова, что онъ находится въ состояніи человѣка, который считаетъ себя преступникомъ, у котораго на душѣ есть что-то подавляющее, гнетущее, недающее ему покою.

Докт. Дюковъ. Это собственно вопросъ до меня не относящійся. Изъ духовнаго его завѣщанія видно, что онъ въ чемъ-то кается, но вѣдь нужно сказать, что духовныя завѣщанія, подобныя этому, въ томъ сословіи, къ которому принадлежитъ Карагановъ, явленіе почти обыденное.

Защ. Караг. прис. пов. Деппъ. Какъ вы объясните тотъ фактъ, что Карагановъ постоянно возвращается къ извѣстному предмету, отвѣчаетъ на вопросы совершенно посторонними заявленіями; вдругъ начинаетъ говорить о пожарахъ, о несчастіяхъ, которыя его постоянно преслѣдуютъ. Мнѣ кажется, что это явные признаки, которые выражаютъ отсутствіе въ немъ полнаго разума.

Докт. Дюковъ. Я этого не вижу. Такъ какъ отвѣчалъ Карагановъ, и я вамъ могу отвѣчать.

Г. Деппъ. Такъ вы относите это къ притворству. Вы говорите, что можетъ быть такъ, можетъ быть иначе. Но не можете-ли вы дать положительный отвѣтъ.

Докт. Дюковъ. Мнѣ кажется, я высказался достаточно положительно. Если же вы въ тѣхъ явленіяхъ, въ которыхъ я ничего не подмѣтилъ, видите указаніе на помѣшательство, то мнѣ кажется, экспертиза совершенно излишня.

Г. Деппъ обратилъ вниманіе на то, что докторъ Дюковъ основываетъ свое мнѣніе на прочтенныхъ имъ въ дѣлѣ документахъ, на такихъ обстоятельствахъ, которыя отчасти онъ перезабылъ и просилъ судъ оставить г. Дюкова и г. Баталина въ залѣ засѣданія на все время производства судебнаго слѣдствія для того, чтобы они, по тщательномъ разсмотрѣніи всего дѣла, могли дать болѣе точное заключеніе объ умственномъ состояніи Караганова, о причинахъ и продолженіи его болѣзни.

Защ. П. Мясникова прис. пов. Языковъ. Что касается до личнаго наблюденія за Карагановымъ въ настоящее время, изъ тѣхъ отвѣтовъ, которые онъ давалъ, можете-ли вы придти къ

положительному заключенію относительно того, есть ли это простое запамятованіе, или такое, которое происходитъ отъ мозговаго разстройства.

Г. Дюковъ. Опредѣлительно этого сказать не могу.

Г. Языковъ. Можетъ-ли вслѣдствіе злоупотребленія спиртныхъ напитковъ, послѣдствіемъ котораго явится бѣлая горячка, ослабѣть у человѣка память?

Г. Дюковъ. Можетъ, но однако онъ долженъ помнить всѣ обстоятельства, до опьяненія происходившія.

Г. Языковъ. Но вообще злоупотребленіе спиртныхъ напитковъ можетъ повліять на ослабленіе умственныхъ способностей?

Г. Дюковъ. Можетъ.

Г. Языковъ. Можно-ли не вполнѣ владѣть памятью, не будучи сумасшедшимъ?

Г. Дюковъ. Да.

Защ. А. Мясникова г. Арсеньевъ. Какъ вы полагаете, можно-ли изъ отвѣтовъ подсудимаго Караганова заключить, что онъ притворяется?

Г. Дюковъ. Можетъ быть онъ не слышалъ иныхъ вопросовъ; очень можетъ быть, что онъ разсѣянъ. Относительно притворства я ничего не знаю.

Г. Арсеньевъ. Не видите-ли вы во всемъ поведеніи Караганова указанія на невполнѣ нормальное состояніе умственныхъ его способностей?

Г. Дюковъ. Надо признать, что они не въ нормальномъ состояніи, но надо сказать, что это одно почти ничего не значитъ. Для того, чтобы признать его помѣшаннымъ, надо найти форму умопомѣшательства, которымъ онъ страдаетъ, а форма эта не существуетъ.

Г. Арсеньевъ. Случалось ли вамъ, въ вашей практикѣ, что вамъ приходилось узнавать состояніе субъекта полгода и болѣе для того, чтобы придти къ точному заключенію о формѣ его помѣшательства?

Г. Дюковъ. Очень нерѣдко. У меня однажды былъ субъектъ, котораго я долженъ былъ изслѣдовать въ теченіи 2½ лѣтъ.

Г. Арсеньевъ. Какіе физическіе признаки соотвѣтствуютъ признанію человѣка помѣшаннымъ?

Г. Дюковъ. Вялость въ движеніяхъ, нежеланіе исполнять тѣ

обязанности, которыя лежатъ на человѣкѣ, полная апатія, дыханіе болѣе или менѣе замедленно, пульсъ скорый, кишечный каналъ вялый.

Г. Арсеньевъ. Къ числу этихъ признаковъ не относится ли также стремленіе остановиться на томъ несчастіи, которое можетъ быть постигло того человѣка?

Г. Дюковъ. Да.

Г. Арсеньевъ. Не замѣчали ли вы нѣкоторыхъ изъ этихъ признаковъ въ Карагановѣ?

Г. Дюковъ. Нѣтъ.

Прокуроръ Кони послѣ допроса эксперта д-ра Дюкова, заявилъ, что онъ считаетъ дальнѣйшее его присутствіе на судѣ излишнимъ. Экспертъ вызванъ обвиненіемъ для того, чтобы опредѣлить, что Карагановъ на предварительномъ слѣдствіи далъ показаніе не въ умственномъ разстройствѣ. Наблюденія его совершенно были достаточны, для заключенія, отъ него требуемаго. Вопросъ же о состояніи умственныхъ способностей Караганова въ теченіи всей его жизни, говоритъ г. прокуроръ, выходитъ изъ тѣхъ предѣловъ, которые себѣ поставило обвиненіе, исходатайствовавъ вызовъ г. эксперта.

Защ. Кар. прис. повѣр. Деппъ, находя объясненія его кліента сомнительными, въ смыслѣ умственнаго разстройства, просилъ судъ, имѣя въ виду, что вызванные г. прокуроромъ эксперты на лицо, оставить ихъ въ залѣ засѣданія, для того, чтобы они во все время засѣданія наблюдали за Карагановымъ и затѣмъ дали основательное заключеніе о его умственномъ состояніи. Г. защитникъ при этомъ опирался на 692 ст. уст. уг. суд., на основаніи которой судъ, по замѣчанію сторонъ, можетъ назначить новое освидѣтельствованіе чрезъ указанныхъ сторонами свѣдущихъ людей, затѣмъ, чтобы они производили свои дѣйствія въ засѣданіи суда.

Г. Языковъ. По поводу только что сдѣланнаго заявленія, я имѣю сказать слѣдующее: я очень хорошо понимаю всю тяжесть той отвѣтственности, которая лежитъ на всѣхъ насъ, относительно возбужденнаго защитникомъ Караганова вопроса. Иначе и быть не можетъ. Если этотъ вопросъ считать праздными, не идущимъ къ дѣлу, то почему же обвинительною властью вызваны къ настоящему засѣданію эксперты? Почему они вызвались и на предва-

рительномъ слѣдствіи? И почему Карагановъ, если тутъ нѣтъ вопроса никакого, держался подъ наблюденіемъ врачей? Если въ силу неправильнаго показанія этого человѣка могутъ пострадать другіе люди, если состояніе этого человѣка таково, что онъ на всѣхъ насъ налагаетъ прямую обязанность удостовѣриться всѣми силами, не находится ли онъ въ состояніи невмѣняемости, то я чувствую и думаю, что судъ не можетъ не уважить заявленіе товарища моего по защитѣ. Я же съ своей стороны, въ виду трудности испытанія умалишенныхъ, прошу судъ объ отложеніи засѣданія по настоящему дѣлу, для производства тщательнаго испытанія надъ подс. Карагановымъ.

Г. Арсеньевъ. Какъ ни тяжела для моего кліента дальнѣйшая отсрочка засѣданія, но тѣмъ не менѣе я тоже нахожусь вынужденнымъ просить объ его отложеніи. Я думаю, что къ этому не можетъ быть формальныхъ препятствій. Г. прокуроръ заявилъ, что эксперты были вызваны по его ходатайству. Но если бы они вовсе не были вызваны, если бы мы приступили къ слѣдствію безъ выслушанія экспертовъ, то я полагаю, что или кто нибудь изъ сторонъ, или самъ судъ возбудилъ бы вопросъ о необходимости экспертизы. Эта необходимость сама собою истекаетъ изъ того, какъ держалъ себя Карагановъ и что онъ говорилъ въ вашемъ присутствіи. Затѣмъ, въ настоящее время мы имѣемъ полное право ходатайствовать объ отсрочкѣ засѣданія для того, чтобъ Карагановъ былъ формально освидѣтельствованъ. Единственный психіатръ, выслушанный нами, врачъ Дюковъ, утверждаетъ, что мнѣніе свое онъ составилъ не на основаніяхъ собственныхъ наблюденій, а лишь на сообщеніяхъ г. Баталина, полицейскаго врача, не имѣющаго спеціальныхъ знаній по психіатріи. Между тѣмъ вопросъ объ умственномъ разстройствѣ не можетъ быть разрѣшенъ правильно безъ долговременнаго наблюденія спеціалистомъ за умственнымъ состояніемъ человѣка. — Въ заключеніе, г. защитникъ проситъ объ отложеніи засѣданія или, на тотъ случай если ходатайство это не будетъ уважено, объ оставленіи г. Дюкова въ залѣ засѣданія на все время производства судебнаго слѣдствія.

Пов. гр. нст. г. Лохвицкій заявилъ, что именно вызовъ экспертовъ обвинительною властью, а не защитою, доказываетъ, что въ экспертизѣ вовсе нѣтъ необходимости. Если же на предварительномъ слѣдствіи Карагановъ былъ подвергнутъ врачебному

наблюденію вслѣдствіе странностей въ его поведеніи, то съ другой стороны спеціалистъ, наблюдавшій за Карагановымъ, въ настоящее время далъ свое заключеніе объ умственномъ его состояніи, и судъ могъ въ настоящее время убѣдиться въ томъ, что Карагановъ находится въ здравомъ разсудкѣ и что поэтому нѣтъ необходимости въ произведеніи экспертизы.

Г. Прокуроръ, основываясь на разсужденіи Кас. Деп. Сената по одному дѣлу, находилъ, что откладывать засѣданіе для освидѣтельствованія подсудимаго можно было бы только тогда, если бы преданіе суду подсудимаго состоялось безъ возбужденія вопроса объ умственномъ состояніи подсудимаго. Онъ не находитъ также нужнымъ присутствіе экспертовъ въ виду того, что все засѣданіе суда будетъ направлено къ частностямъ, которыя съ вопросомъ объ умственномъ состояніи Караганова ничего общаго не имѣютъ и въ виду того, что съ обстоятельствами, относящимися къ этому вопросу, эксперты познакомились изъ дѣла. Затѣмъ, г. прокуроръ ходатайствовалъ о прочтеніи свидѣтельства, выданнаго гг. Дюковымъ и Баталинымъ объ освидѣтельствованіи Караганова.

Г. Языковъ возразилъ, что безпрестанное напоминаніе прокуроромъ и повѣреннымъ гражд. истцовъ о томъ, что Карагановъ уже былъ свидѣтельствованъ на предварительномъ слѣдствіи, лишено всякаго основанія, такъ какъ освидѣтельствованъ онъ былъ не врачемъ-спеціалистомъ по душевнымъ болѣзнямъ. Защитникъ повторяетъ, что если бы на предварительномъ слѣдствіи не родились сомнѣнія въ умственномъ состояніи Караганова, то не было бы возбуждено и вопроса о его освидѣтельствованіи. Г. Языковъ оканчиваетъ свое заявленіе словами, что изслѣдованіе умственныхъ способностей Караганова требуютъ истина и правосудіе.

Г. Деппъ добавилъ къ этому, что полицейскій врачъ Баталинъ, который наблюдалъ за Карагановымъ, именно нашелъ, что его для постояннаго наблюденія, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, слѣдуетъ отослать въ отдѣленіе для умалишенныхъ, гдѣ, какъ онъ выразился въ своемъ свидѣтельствѣ, за нимъ будетъ наблюдать врачъ-спеціалистъ. Въ виду этого свидѣтельства Баталина, г. защитникъ считаетъ собственное его наблюденіе лишеннымъ всякаго значенія.

Д-ръ Дюковъ. По поводу ходатайства гг. защитниковъ объ оставленіи меня въ залѣ засѣданія для производства дальнѣйшаго

наблюденія, я имѣю сказать слѣдующее. Такъ какъ я уже далъ свое заключеніе объ умственномъ состояніи подсудимаго Караганова, то я, съ своей стороны, мое дальнѣйшее пребываніе здѣсь считаю совершенно излишнимъ, тѣмъ болѣе, что меня могутъ, нѣкоторымъ образомъ, заподозрить въ пристрастіи, въ предвзятой идеѣ. Поэтому, я, во всякомъ случаѣ, покорнѣйше прошу меня отстранить и назначить другаго эксперта. Другаго мнѣнія я не дамъ, какъ то, которое уже мною изложено, и, быть можетъ, лишь найду, что для дачи заключенія потребуется дальнѣйшее наблюденіе.

Пов. гражд. истца г. Лохвицкій. Я покорнѣйше прошу судъ спросить врача Баталина, который еще не давалъ своего заключенія.

Предсѣд. прочелъ постановленіе суда слѣдующаго содержанія:

Принимая во вниманіе,

1) что при производствѣ предварительнаго слѣдствія, вопросъ объ освидѣтельствованіи Караганова не возбуждался, что, затѣмъ, въ порядкѣ 353 ст. и послѣдующихъ Уст. Угол. Суд., въ настоящемъ случаѣ этотъ вопросъ возбужденъ быть не можетъ;

2) что тѣ эксперты, которые вызваны со стороны обвинительной власти, вызваны съ цѣлью удостовѣрить о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ подсудимый Карагановъ давалъ свои показанія на предварительномъ слѣдствіи;

3) что если защита находила необходимымъ возбудить вопросъ относительно умопомѣшательства подсудимаго Караганова, то была обязана и имѣла полное право заявить объ этомъ до открытія засѣданія, но объ этомъ заявленія не сдѣлала и, наконецъ,

4) что судъ не усматриваетъ законныхъ основаній для возбужденія въ настоящее время вопроса объ умственномъ разстройствѣ подсудимаго Караганова.

Судъ полагаетъ необходимымъ допросить врача Баталина, предоставить сторонамъ подвергать допросу эксперта Дюкова и гг. экспертовъ, затѣмъ, освободить и въ залѣ засѣданія не оставлять.

Затѣмъ, допрошенъ былъ врачъ Баталинъ.

Полицейскій врачъ Баталинъ. Карагановъ находился подъ моимъ наблюденіемъ и съ самаго начала я не имѣлъ поводовъ къ заключенію объ умственномъ его разстройствѣ, потому что, когда я съ нимъ оставался наединѣ, то онъ мнѣ постоянно отвѣчалъ на вопросы мои положительно и точно. Впослѣдствіи мы

съ нимъ мало по малу познакомились и были съ нимъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ, такъ что онъ всегда, когда я приходилъ къ нему, со мною смѣялся, весело разговаривалъ и игралъ на скрипкѣ. По когда я приглашалъ со мною другое лицо, то Карагановъ измѣнялся, поднималъ глаза вверхъ, повторялъ вопросы по нѣсколько разъ, отвѣчалъ какъ-то неточно. Подобная вещь меня заинтересовала. Я его спрашивалъ, почему онъ это дѣлаетъ, тогда онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ и указывалъ на то, что въ прежнее время довольно много и часто выпивалъ и что кромѣ того сильно груститъ, потому что долго содержался въ части. При дальнѣйшихъ моихъ наблюденіяхъ я видѣлъ, что всѣ отправленія Караганова были правильны, спитъ онъ ночью хорошо, никогда не просыпается, ведетъ себя тихо, не буянитъ, только изрѣдка проситъ выпить. Хотя онъ иногда дѣлалъ такіе поступки, на основаніи которыхъ можно было подозрѣвать, что онъ былъ пьянъ, я все таки не видѣлъ никакихъ основаній заключить объ умственномъ его разстройствѣ.

Тѣмъ не менѣе, я, для отстраненія всякихъ сомнѣній, написалъ въ свидѣтельствѣ, что считаю нужнымъ, чтобы онъ былъ подвергнутъ наблюденію врача-спеціалиста. Затѣмъ, когда я былъ вызванъ къ судебному слѣдователю, то тамъ за нимъ наблюдали доктора Дюковъ и Шульцъ, оба спеціалисты. Оба эти доктора пришли къ заключенію, что онъ умственно не разстроенъ. При мнѣ Карагановъ отвѣчалъ на предлагаемые ему вопросы довольно хорошо; но въ моемъ отсутствіи онъ конфузился и давалъ отвѣты неудовлетворительные.

Засѣданіе прервано въ 5 часовъ вечера. Въ 7 часовъ оно снова было открыто.

Въ залу засѣданія вводятъ одного подсудимаго Караганова.

Предс. Г. пов. гражд. истцовъ, почему вы считаете необходимымъ допросить подсудимаго Караганова въ отсутствіе подсудимыхъ Мясниковыхъ?

Пов. гр. истц. Лохвицкій. Я замѣтилъ, что присутствіе подсудимыхъ Мясниковыхъ какъ бы стѣсняетъ подсудимаго Караганова въ его показаніяхъ. Вопросъ, который я желалъ бы ему предложить, заключается въ слѣдующемъ: Говорилъ ли Карагановъ нѣкоторымъ лицамъ послѣ своего признанія судебному слѣдователю

въ томъ, что имъ сдѣлана была по приказанію Мясниковыхъ на бѣломъ листѣ подпись Бѣляева, слѣдующія слова: «все таки я знаю, что я пропаду, а они уйдутъ (т. е. Мясниковы), уйдутъ». Вотъ у него какое было чувство сознанія ихъ силы и превосходства!

Предс. Подсудимый Карагановъ! Послѣ того, когда судебный слѣдователь допрашивалъ васъ и когда вы ему объяснили, что сдѣлали подпись на листѣ бумаги, говорили ли вы кому либо эти слова: «все таки я знаю, что я пропаду, а они уйдутъ».

Подс. Карагановъ. (Послѣ того какъ предс. ему предлагалъ этотъ вопросъ нѣсколько разъ) нѣтъ, не говорилъ.

Г. Лохвицкій. Можетъ быть онъ припомнитъ эти слова если вспомнитъ, кто его посѣщалъ въ тюрьмѣ послѣ допроса у слѣдователя.

Предс. Васъ кто нибудь посѣщалъ въ тюрьмѣ?

Подс. Караг. Я очень много страдалъ. Погорѣлъ, брата потерялъ и больной былъ нѣсколько разъ.....

Предс. А этихъ словъ вы не говорили? — О. Нѣтъ.

Послѣ этого въ залу засѣданія введенъ былъ подсудимый А. Мясниковъ и внесенъ подсудимый И. Мясниковъ.

Г. Предс. Имъ передастъ вопросъ г. Лохвицкаго и отвѣтъ Караганова.

Затѣмъ прочтенъ былъ протоколъ освидѣтельствованія Караганова въ состояніи его умственныхъ способностей.

Предс. Подсудимый Карагановъ, имѣете ли вы что нибудь сказать относительно прочтеннаго сейчасъ акта?

Подс. Караг. (вскакиваетъ) Я съ? Имѣю.

Предс. Что вы имѣете сказать?

Подс. Караг. (что-то бармочитъ).

Предс. Вы кажется опять говорите о томъ, что у васъ братъ пропалъ. Говорите громче, васъ неслышно, и говорите только объ обстоятельствахъ, относящихся къ дѣлу.

Подс. Караг. Я еще нѣсколько разъ страдалъ. Потомъ различныя тяжести служебныя и потомъ случайное знакомство съ сумасшедшимъ. Я имѣлъ несчастіе быть съ нимъ знакомъ.

Предс. Какимъ образомъ?

Подс. Караг. Такъ сказать, случайно.

Предс. Я вамъ, подсудимый, повторяю послѣдній разъ, что

вы можете объяснить все то, что относится къ вашей защитѣ, а не вводить того, что не относится къ дѣлу. Вы очень хорошо знаете, что должны отвѣтить на предлагаемые вамъ вопросы.

Подс. Караг. (что-то бормочетъ).

Предс. Садитесь.

Подс. Караг. Хорошо, извольте-съ.

Предс. Съ согласія сторонъ разрѣшаетъ гг. экспертамъ удалиться.

Затѣмъ была введена часть вызванныхъ по этому дѣлу свидѣтелей; другая часть уже заранѣе была отпущена домой до слѣдующаго дня. Въ числѣ введенныхъ свидѣтелей находится жена Караганова. Она желаетъ воспользоваться своимъ правомъ и не давать показанія.

Пов. гр. истц. Лохвицкій. Хотя г-жа Караганова и пользуется въ настоящее время своимъ законнымъ правомъ не давать показанія, такъ какъ она жена подсудимаго, но въ виду того, что она этимъ своимъ правомъ не воспользовалась на предварительномъ слѣдствіи, такъ какъ она на предварительномъ слѣдствіи давала показаніе и это показаніе послужило однимъ изъ основаній преданія подсудимыхъ суду, то я считаю, что показаніе, данное ею на предварительномъ слѣдствіи, должно быть прочтено на судѣ.

Г. Языковъ. Заявленіе г. пов. гр. истц., я полагаю, не имѣетъ ни малѣйшаго основанія ни въ законѣ, ни въ практикѣ. Но, во всякомъ случаѣ, я считаю это заявленіе преждевременнымъ, такъ какъ о предметѣ, затронутомъ г. повѣреннымъ гр. истцовъ, будетъ рѣчь въ то время, когда будетъ предложенъ вопросъ о чтеніи показаній данныхъ на предварительномъ слѣдствіи.

Свидѣтельница Караганова была освобождена отъ дачи показанія.

Затѣмъ всѣ свидѣтели, за исключеніемъ супруговъ Ижболдиныхъ, были приведены къ присягѣ.

Допросъ свидѣтельницы Антониды Махаевой.

Предсѣдательствующій. Вы чувствуете себя не совсѣмъ здоровою. Не угодно ли вамъ садиться (Свидѣтельница усаживается передъ столомъ вещественныхъ доказательствъ). Что вамъ извѣстно о духовномъ завѣщаніи, оказавшемся послѣ смерти Бѣляева?

Свидѣтельница. Я ничего не могу такъ... прошу предлагать мнѣ вопросы.

Прокуроръ. Вы находились въ домѣ Бѣляева?... Отвѣтъ. Я гостила у нихъ.—Вопросъ. Вы гостили тамъ въ тотъ день, когда умеръ Бѣляевъ?—О. Была тамъ.—В. Долго послѣ его смерти вы еще оставались въ квартирѣ его?—О. Дней 10.—В. При васъ были разговоры о завѣщаніи?—О. Нѣтъ.—В. Что, Катерина Васильевна была печальна, убита вслѣдствіе смерти ея мужа?—О. Да.—В. Но такъ, вообще, по хозяйству, или о чемъ нибудь у васъ были съ нею разговоры?—О. Нѣтъ, ни о чемъ.—В. Не говорила она о томъ, какія у нея средства остались, чѣмъ будетъ жить, вообще о денежныхъ дѣлахъ своихъ?—О. О денежныхъ дѣлахъ она положительно никогда со мной не говорила.—В. Любила ли она своего мужа?—О. Онъ былъ примѣрный мужъ. — В. Но она съ вами о покойномъ ничего не говорила?—О. Ничего.— В. О чемъ же вы говорили?—О. Я старалась ее утѣшать.—В. А о завѣщаніи съ нею ничего не говорили? Она не упоминала о завѣщаніи?—О. Нѣтъ.—В. Что произошло въ квартирѣ Бѣляева тотчасъ послѣ смерти его? не помните ли? (Свидѣтельница молчитъ).—В. Вы Александра Мясникова видѣли тамъ?—О. Тогда не видѣла. Я Александра Мясникова только на панихидѣ видѣла.—В. Что вы дѣлали? вы все дома сидѣли?—О. Я выходила; я трауръ покупала...—В. Вы, тотчасъ послѣ смерти Бѣляева, входили въ его кабинетъ?—О. Нѣтъ, не входила.—В. А не видѣли вы, чтобы А. Мясниковъ бралъ изъ кабинета Бѣляева какія-то бумаги? — О. Это я видѣла.—В. Когда вы это видѣли?—О. Это было ночью.—В. И вы сами это видѣли?—О. Я тутъ была около покойника.—В. Откуда вывезены были бумаги?—О. Изъ кабинета.—В. Какъ ихъ несли, мимо васъ? Если я не ошибаюсь, кабинетъ Бѣляева состоялъ изъ двухъ комнатъ; изъ нихъ ходъ былъ прямо на парадную лѣстницу. Такъ они несли бумаги такъ, что вы могли видѣть? — О. Нѣтъ, я только знала объ этомъ. — В. Откуда вы знали объ этомъ?—О. Катерина Васильевна мнѣ говорила.—В. Что же, сама она объ этомъ что говорила?—О. Она увѣрена была въ Александрѣ Константиновичѣ.—В. Вы увѣрены были также?—О. Я не знаю; я только, какъ на опытѣ была научена, какъ я сама испытала и была научена, когда умеръ мой мужъ, такъ и ей совѣтовала.—В. Т. е. что же вы совѣтовали?—О. Чтобы все опечатали.—В.

Куда же они дѣли узлы?—О. Я этого не знаю, я только слышала, что взяли, сама я не видѣла. Я находилась въ залѣ.—В. Да, но позвольте. Вы слышали, что вещи вывезли, и если вы при этомъ предупреждали Катерину Васильевну, такъ вы конечно знали куда увезли?—О. Я видѣла, что нѣкоторыя вещи изъ кабинета выносили въ спальню, и слышала, что вещи вывозили изъ квартиры; по этому, когда Катерина Васильевна проходила по залу, я ей сказала: нужно опечатать; какъ учили меня послѣ смерти моего мужа, такъ и я васъ учу. — В. Позвольте, не торопитесь. Свидѣтельство на судѣ дѣло важное. Тутъ нужно каждое слово обдумать, прежде нежели говорить. Вы сказали, что видѣли, что Мясниковы вынесли вещи изъ кабинета Бѣляева?—О. Сама я не видѣла. Я не была въ кабинетѣ. — В. Такъ вы слышали объ этомъ?—О. Слышала.—В. Отъ кого? — О. Мимо меня ходили и брали салфетку для завязыванія вещей въ узелъ.—В. Кто бралъ?—О. Ключница.—В. Да почему же вы знали, что салфетку брали для того, чтобы завязать въ узелъ вещи и ихъ вынести?—О. Я не помню.—В. Да, но вы же знали... вы повидимому считаете для себя опаснымъ отвѣчать на этотъ вопросъ, какъ будто бы васъ кто нибудь обвиняетъ въ участіи въ этомъ преступленіи. Никто не станетъ обвинять васъ въ томъ, что вы видѣли какъ вынесли узлы. Вы видѣли, какъ вынесли узлы?—О. Я не была въ кабинетѣ.—В. Вы слышали, что вынесли вещи?—О. Да.—В. Отъ кого!—О. Я сидѣла рядомъ въ залѣ, слышала шорохъ... В. Хорошо. Значитъ, если я спрошу васъ, знали ли вы, что вещи вывезли?—О. Это я знала. — В. Поэтому вы и говорили Бѣляевой, чтобы лучше опечатать вещи?—О. Да, потому что она была потеряна.—В. Но вы только потому объ этомъ знали, что слышали шорохъ? Или не было ли у васъ другихъ основаній для того, чтобы заключить объ этомъ обстоятельствѣ. Не были ли увезены какія либо изъ вашихъ вещей?—О. Да, да, моихъ было у Бѣляева нѣсколько бумагъ, которыя я потомъ съ трудомъ достала. За мѣсяцъ до смерти своей Бѣляевъ взялъ у меня свидѣтельство... у меня было 15 душъ... и онъ взялъ мое свидѣтельство для того, чтобы по откупамъ представить залогъ, съ тѣмъ, чтобы мнѣ въ годъ давать %—тамъ, извѣстный. Послѣ смерти его мнѣ вскорѣ понадобились эти бумаги; другой кто-то хотѣлъ у меня ихъ взять для залога по откупамъ; тогда онѣ мнѣ понадобились и я спро-

сила Катерину Васильевну, а она все посылаетъ меня къ Александру Мясникову и къ Целебровскому; я разъ 50 была у того и другаго, мѣсяца два бѣгала, покуда отдали. Я съ большимъ трудомъ и съ непріятностями получила назадъ свои бумаги, а тогда уже срокъ былъ пропущенъ и у меня ихъ не взяли больше. Вотъ по этому случаю я и знаю, что бумаги взялъ Мясниковъ, бумаги были у Мясникова.—В. Скоро послѣ смерти Бѣляева вы увидѣли Катерину Васильевну?—О. Мѣсяца черезъ полтора. И она сказала мнѣ тогда: жалѣю, что васъ не послушала.—В. Почему жалѣла она, этого она не объяснила?—О. Нѣтъ, этого не объяснила.—В. Скажите, она въ то время уже была владѣтельница всего имущества, оставленнаго Бѣляевымъ?—О. Нѣтъ, въ то время ей еще говорили, что не было никакой духовной.—В. А когда она сдѣлалась владѣтельницей?—О. Я ее послѣ не видала. А тогда, на обѣдѣ, когда я ее видѣла, такъ всѣмъ было сказано, что духовной нѣтъ.—В. Кто это «всѣмъ»?—О. Да гостямъ всѣмъ, это было на поминкахъ, черезъ 6 недѣль послѣ смерти.—В. Вѣрно ли, что черезъ 6 недѣль? Вы припомните хорошенько: здѣсь цифры важны.—О. Да, это вѣрно; на обѣдѣ сказали.—В. Отъ кого вы слышали, что духовнаго завѣщанія нѣтъ?—О. Я слышала объ этомъ отъ Отто и Каменскаго.—В. Они съ вами были дружны?—О. Отто былъ докторъ, онъ меня лечилъ; а Каменскій былъ пріятель моего мужа, былъ съ нимъ очень друженъ.—В. Покойный Бѣляевъ богатый былъ человѣкъ?—О. Да.

Повѣренный гр. пятца г. Лохвицкій. Вы были часто въ спальнѣ Катерины Васильевны Бѣляевой; что у нея тамъ лежали бумаги?—О. Я была часто, но не видала бумагъ никакихъ.—В. Такъ что у нея, вѣроятно, были комоды и конторки, куда она клала свои бумаги?—О. Какже нѣтъ?! Были.—В. А такъ, чтобы бумаги кучами лежали... на окнахъ, напримѣръ?—О. Нѣтъ, этого не замѣчала.—В. Какія отношенія существовали между Бѣляевымъ и Мясниковыми въ послѣдніе дни жизни Бѣляева?—О. Да они дружно жили. Мясниковы постоянно у него были и утромъ, и вечеромъ.—В. У кого были, у Катерины Васильевны или у самого Бѣляева?—О. Я ихъ видѣла за общимъ столомъ, за чаемъ, за обѣдомъ.—В. Разговоровъ о деньгахъ у нихъ не было?—О. Нѣтъ, за общимъ столомъ не было.—В. Катерина Васильевна была съ вами откровенна?—О. Нѣтъ. Она, какъ богатая женщина, я, какъ

бѣдная—какія же откровенности? Сначала, въ Вятской губерніи, мы жили дружно, когда Бѣляевы тамъ жили, и когда мой мужъ тамъ служилъ.—В. Что, послѣ смерти мужа она много плакала, ни съ кѣмъ не говорила?—О. Нѣтъ, она мало разговаривала; она была очень грустна.—В. А послѣ похоронъ, ну, напримѣръ, черезъ 3 дня, она занималась своими дѣлами, хозяйствомъ?..—О. Нѣтъ, хозяйствомъ вѣдь Анна Васильевна занималась. Она отдавала только приказанія...—В. Ну да, она давала приказанія?—О. Да.

Пов. гр. истца г. Остряковъ. Когда вы Бѣляева знали въ Вятской губерніи, онъ былъ богатъ?—О. Да, онъ жилъ роскошно. Мужъ мой завѣдывалъ тамошними его дѣлами.—В. Когда на похоронахъ собрались гости, Катерина Васильевна вовсе не выходила изъ спальни? или выходила?—О. Нѣтъ, большая часть гостей ходили къ ней въ спальню.

Защ. А. Мясникова г. Арсеньевъ. Кто ходилъ въ спальню, не помните ли, свидѣтельница?—О. Нѣтъ.—В. Вы не помните ли, того обстоятельства, не ходили ли служившіе, или кто либо изъ служившихъ въ конторѣ Мясниковыхъ, въ спальню Катерины Васильевны Бѣляевой? — О. Во время обѣда никто не ходилъ.—В. А послѣ обѣда?—О. Не помню.—В. Вы слышали что нибудь о томъ, что было какое нибудь другое завѣщаніе найдено?—О. Да, довольно долго спустя, помню начали говорить.—В. Кто объ этомъ вамъ говорилъ? Отъ кого вы объ этомъ слышали? Отъ г-жи Горбачевой вы ничего не слыхали?—О. Г-жа Горбачева говорила, что видѣла завѣщаніе.—В. Когда она видѣла это завѣщаніе, послѣ смерти Бѣляева?—О. Да, послѣ.—В. Г-жа Горбачева, была воспитанница Бѣляевой?—О. Да.—В. Вы, кажется, говорили, что г-жа Бѣляева была съ вами неоткровенна?—О. Да, и прежде, и послѣ смерти Бѣляева.

Защ. П. Мясникова г. Языковъ. Горбачева вамъ говорила, свидѣтельница, что Бѣляевъ вамъ оставляетъ нѣкоторую сумму въ наслѣдство?—О. Да, я надѣялась на это, потому что Бѣляевъ былъ крестный отецъ моего сына, и онъ всегда мнѣ говорилъ, что меня не оставитъ.—В. А эта дѣвица Горбачева, она была пріятельница вашей дочки?—О. Да.—В. Она воспитывалась въ Николаевскомъ институтѣ?—О. Да.—В. Въ настоящее время ея уже нѣтъ?—О. Нѣтъ, эта дочь жива.—В. Вотъ, вы говорите, что въ ночь, когда умеръ Бѣляевъ, Мясниковы увозили его бумаги; скажите же,

пожалуйста, одинъ ли изъ нихъ Александръ, или Иванъ, или оба вмѣстѣ увозили бумаги—или—однимъ словомъ, разскажите, какъ было это дѣло? — О. Они постоянно, мнѣ кажется, вмѣстѣ.—В. Нѣтъ, рѣчь идетъ не о постоянномъ, а о томъ, какъ въ этотъ именно разъ дѣло происходило?... Не помните ли, что выносились мѣшки съ золотомъ и драгоцѣнностями?—О. Нѣтъ, я этого не видала.

Предс. Свидѣтельница, не припомните ли того обстоятельства, что г-жа Бѣляева, когда говорила о томъ, что жалѣетъ, что не приняла вашъ совѣтъ—не говорила ли она тогда же, что раскаивается въ томъ, что подписала какую-то бумагу?—О. Да, она это, мнѣ кажется, говорила.—В. Это она говорила, но какую именно бумагу подписала, она не сказала?—О. Нѣтъ, не объяснила.

По окончаніи спроса этой свидѣтельницы, она, съ согласія сторонъ, была отпущена домой.

Предс. Подсудимые: Александръ Мясниковъ и Иванъ Мясниковъ, не желаете ли вы объяснить чего либо относительно выслушаннаго вами только что показанія?

Подсудимые Мясниковы отвѣчаютъ отрицательно.

Предс. До васъ, подс. Карагановъ, это показаніе не относится.

Подс. Караг. (встаетъ). Я желаю объяснить.

Предс. Что вы хотите сказать?

Подс. Караг. начинаетъ что-то бормотать, усиленно размахивая руками и кланяясь въ сторону предсѣдательствующаго.

Предс. Садитесь.

Допросъ свидѣтеля крестьянина Андрея Иванова Кунаковскаго.

Предс. Что вамъ извѣстно относительно разговоровъ и разсказовъ Караганова?

Свидѣтель. Жилъ у насъ на постояломъ неизвѣстно кто, какой человѣкъ, звали Викторомъ Ивановичемъ, такъ съ нимъ все Карагановъ знакомство велъ, другъ у дружки бывали. Вотъ одинъ разъ пришелъ Карагановъ къ намъ вечеромъ, да не знаю, что и какъ, началъ шумѣть, потомъ говоритъ что: ты что, говоритъ, Викторъ Иванычъ, ты меня не знаешь. Я вотъ какой человѣкъ, я честный человѣкъ, я своему хозяину Мясникову милліонъ рублей денегъ предоставилъ, у купца отбилъ».

Предс. Дальше вы не припомните что было?—О. Дальше ничего не припомню.

Прокур. А Викторъ Иванычъ у васъ тамъ жилъ?—О. Тамъ.—В. А что онъ дѣлалъ?—О. Ничего не дѣлалъ.—В. А Караганов къ вамъ похаживалъ?—О. Ходилъ.—В. Когда онъ говорилъ, что вотъ хозяину своему милліонъ денегъ предоставилъ—былъ онъ выпивши?—О. Нѣтъ, не замѣтилъ, чтобы.—В. Онъ назвалъ кто былъ его хозяинъ?- О. Назвалъ, что Мясникову предоставилъ.—В. А какъ купца то звали не сказалъ?—О. Сказалъ... (называетъ какое-то непонятное слово).—В. Какъ? Что вы говорите?—О. (повтореніе того же слова). А можетъ быть инако, не могу знать, вѣдь я человѣкъ неграмотный (Смѣхъ).—В. А что, не говорилъ ли онъ, что купцу этому и на извощика не оставилъ, чтобы на тотъ свѣтъ поѣхать?—О. Не знаю.—В. Забыли, или не слыхали?—О. Не слыхалъ.—В. Ну, что же, какую онъ награду получилъ?—О. 2000 р., сказывалъ, ему за это хозяинъ далъ.—В. Ну, что же, онъ жаловался, что мало далъ, или говорилъ что довольно?—О. Больше ничего не слыхалъ.

Защ. И. Мясникова г. Языковъ. Вы содержите постоялый дворъ?—О. Нѣтъ, братъ содержитъ, мы у брата живемъ въ работникахъ, зашелъ въ постоялый дворъ, въ горницу, по случаю и слышалъ.—В. Кто съ кѣмъ говорилъ?—О. Караганов съ Викторомъ Иванычемъ.—В. А вы фамилію Виктора Иваныча не помните?—О. Почему я знаю фамилію.—В. Долго онъ у васъ жилъ?—О. Мѣсяца два.—В. Чѣмъ онъ занимался?—О. Этого не знаемъ.—В. Въ деревнѣ если кто живетъ, да еще такъ долго, мѣсяца два, такъ сейчасъ вѣдь видно, что онъ дѣлаетъ, чѣмъ занимается. Что, онъ на заводъ ѣздилъ?—О. Не видалъ.—В. Подгорѣцкій заводъ далекъ отъ вашего постоялаго двора?—О. Нѣтъ, тутъ рядомъ.—В. Слѣдовательно вы всѣхъ служащихъ на заводѣ конечно знаете, потому что всѣ, болѣе или менѣе, вѣдь захаживали къ вамъ?—О. Нѣтъ, всѣхъ гдѣ знать?—В. Не звали ли проѣзжаго Викторомъ Ивановичемъ Кононовымъ?—О. Этого не слыхалъ.—В. А Пастухова вы знаете?—О. Зналъ.—В. А Пастуховъ не пріѣзжалъ ли къ Виктору Иванычу?—О. Пріѣзжалъ.—В. Вотъ долго ли спустя послѣ этой исторіи, о которой вы сейчасъ дали показаніе, пріѣхалъ Пастуховъ?—О. Которая исторія? — В. Да вотъ вѣдь вы разсказываете, что Караганов что-то говорилъ—ну, такъ послѣ этого долго ли, какъ пріѣхалъ Пастуховъ къ Виктору Иванычу?—О. А это было до Рождества, а пріѣзжалъ онъ на другой день

Рождества.—В. Кто еще былъ тутъ, на постояломъ дворѣ, когда говорилъ Карагановъ?—О. Болѣе никого не было.—В. Такъ вы положительно утверждаете, что Карагановъ тогда совсѣмъ не былъ пьянъ?—О. Я этого не видалъ.—В. Въ постояломъ дворѣ вѣдь у васъ одна только комната?—О. Зачѣмъ, нѣтъ, у насъ 3 комнаты.—В. Какимъ образомъ они зашли на постоялый дворъ: чтобы съѣсть чего нибудь, выпить, закусить?—О. Такъ вѣдь слышь, что я говорю, что къ Виктору Иванычу хаживалъ тотъ Карагановъ.—В. Такъ онъ у Виктора Иваныча въ комнатѣ сидѣлъ, а вы въ другой?—О. А и я здѣсь тоже былъ.

Защ. А. Мясникова г. Арсеньевъ. Вы слышали, какъ онъ назвалъ своего хозяина, которому деньги предоставилъ? какъ по вашимъ словамъ Карагановъ говорилъ?—О. Называлъ его Мясниковымъ.—В. Что же въ то время большой у нихъ шумъ былъ и громкій разговоръ?—О. Громкій.—В. Вы припомните, вы прежде показывали, что сильный у нихъ шумъ былъ, что за шумомъ вы не могли разобрать, какъ хозяинъ назывался?—О. Нѣтъ, его такъ Мясниковымъ и называлъ.—В. А фамилію этого Виктора Иваныча вы у судебнаго слѣдователя, помните, называли; вы показывали тогда, что его звали Коноповымъ?—О. А Богъ его знаетъ, вѣдь мы забыли, вѣдь мы неграмотные (Смѣхъ).—В. Вы часто видѣли Виктора Иваныча?—О. Вѣдь я, слышь, только пріѣзжалъ къ брату, я въ работникахъ былъ.—В. Викторъ Иванычъ съ Карагановымъ, случалось, выпивали вмѣстѣ?—О. Не знаю, вѣдь я на постояломъ не жилъ.—В. То, что вы слышали, по вашимъ словамъ, вы никому не разсказывали до тѣхъ поръ, покуда слѣдователь васъ объ этомъ не спрашивалъ?—О. Никому, никому не разсказывалъ.

Защ. И. Мясникова г. Языковъ. Этотъ разговоръ Караганова, о которомъ вы показываете, былъ наканунѣ Рождества?—О. Да, такъ думаю, а Богъ знаетъ, вѣдь мы неграмотны.—В. Но вѣдь для этого и не нужно быть грамотнымъ; вѣдь вы время умѣете считать. Вы не помните, забыли? Когда у васъ кто нибудь пріѣзжаетъ, кто подаетъ обѣдъ тамъ, закуску?—О. У насъ про то есть стряпуха.—В. Что же, тогда стряпуха была при этомъ?—О. Нѣтъ, ушедши была.—В. А братъ вашъ не былъ тогда дома?—О. Братъ въ отлучкѣ въ ту пору былъ.

Заш. Караг. г. Деппъ А былъ ли при этомъ кто нибудь

другой? Солдатъ приходилъ?—О. Солдатъ былъ.—В. Какой былъ солдатъ? (молчаніе) что же онъ дѣлалъ? — О. Солдатъ сидѣлъ съ нами.

Прокуроръ. Вы говорите, что разговоръ этотъ былъ наканунѣ Рождества. Можетъ быть онъ былъ просто наканунѣ большого праздника?—О. Да кто ихъ знаетъ? Вѣдь это давно было.—В. Да вѣдь я и спрашиваю: вѣрно ли вы помните. Можетъ быть разговоръ этотъ происходилъ не подъ Рождество, а подъ Срѣтенье?— О. Да я вѣдь не завѣряю, что подъ Рождество. Забылъ.

Г. Арсеньевъ. Конечно, вамъ трудно, свидѣтель, припомнить, какой это именно былъ день, или мѣсяцъ передъ Рождествомъ. Рождество бываетъ зимою, стояла ли зима на дворѣ, или не совсѣмъ еще было холодно? — О. Нѣтъ, кажется, что за три дня до Рождества.—В. Вотъ видите ли, вы говорили прежде, что этотъ разговоръ происходилъ на другой день послѣ праздника Введенія Богородицы. Вы знаете, въ какое время праздникъ этотъ бываетъ?—О. Введеніе—да, знаю.—В. А вы незнаете, когда разговоръ этотъ происходилъ?—О. Нѣтъ, этого не знаю.

Предс. Вы по мѣсяцамъ время не знаете опредѣлить? напр. ноябрь, декабрь?—О. Нѣтъ этого не знаю.

Предс. Такъ что вы на память всѣ праздники считаете? О. Да.—В. Ну, а вотъ въ то время, когда васъ спрашивалъ судебный слѣдователь, у васъ еще на памяти было, когда происходилъ разговоръ?—О. Тогда еще было. А теперь уже больно давно.

Предс. Карагановъ, желаете объяснить что нибудь?

Подс. Караг. (быстро вскакиваетъ) Нѣтъ, знаете, извините, ваше превосходительство, это все чушь, что онъ говоритъ. Я себя всегда велъ скрытно... выпивши можетъ быть, только я съ тѣхъ поръ, какъ были несчастія.... братъ пропалъ....

Предс. Но вы это все уже говорили.

Подс. Кар. (сильно жестикулируя) Да-съ. Они вотъ... извините, пожалуйста (наклоняется къ уху своего защитника; происходитъ шептаніе).

Предс. Что такое! что вы тамъ шепчете?

Защ. подс. Кар. Деппъ. Обвинительный актъ проситъ, хочетъ его прочитать, чтобы вспомнить...

Предс. Что вы тамъ опять нашли. Вы должны, Карагановъ, отвѣчать на то, о чемъ васъ спрашиваютъ.

Подс. Кар. Извините пожалуйста. Я немогу, я нездоровъ.

Предс. Если вы не желаете отвѣчать, такъ для этого у васъ защитникъ есть; а вы отвѣчаете постоянно то, что къ дѣлу не относится. Я васъ спрашиваю: что вы имѣете объяснить относительно показанія только что вами выслушаннаго!

Подс. Кар. смотритъ уныло, хватаетъ себя за голову и что-то бормочетъ.

Предс. Карагановъ, стало быть вы ничего не желаете объяснить?

Подс. Кар. (встрепенувшись) нѣтъ-съ желаю, только я не могу такъ, потому что я сдѣлался слабымъ, ей Богу. Я-съ былъ выпивши, пришелъ къ нему говорю я пьянъ, вздоръ, говоритъ... не до такой степени, правда я былъ... я часто говорилъ, что правда... и не въ первый разъ.... просто вздоръ все, не въ первый разъ, нѣтъ-съ. Вотъ только про Мясникова о милліонахъ я не говорилъ въ это время.

Предс. Такъ вы о милліонахъ не говорили ничего?

Подс. Кар. (что то бормочетъ);

Предс. (строго) Я васъ прошу, Карагановъ, быть внимательнымъ къ вопросамъ и отвѣчать мнѣ прямо.

Подс. Кар. Я говорилъ, можетъ быть.... я говорилъ, что въ мою службу у Мясниковыхъ сохранились милліоны, это я говорилъ, да-съ.

Предс. А не по поводу денегъ Бѣлявскихъ, которыя перешли къ Мясниковымъ черезъ подлогъ духовнаго завѣщанія?

Подс. Кар. Нѣтъ-съ.

Допросъ свидѣтеля безсрочно-отпускнаго рядоваго Ильи Никитина Киселева.

Предс. Что вамъ извѣстно относительно разговора на постояломъ дворѣ въ селѣ Загорномъ? — О. Позвольте мое показаніе прочитать; я можетъ быть не все помню.

Предс. Разскажите, что помните.

Свидѣтель. Только я вхожу въ постоялый дворъ, какъ я тамъ жилъ; умаялся я очинно, легъ вздремнуть. Только вдругъ слышу шумъ отъ голоса громкаго. Только я проснулся, вскочилъ и смотрю: Карагановъ разговариваетъ съ Викторомъ Иванычемъ. Только Карагановъ всталъ и говоритъ: Неужто ты мнѣ не вѣ-

ришь, неужто я тебѣ неправду говорю, что я милліонъ передалъ хозяину и мнѣ хозяинъ всего 2000 р. далъ на память.

Прокуроръ. Вы когда пришли, такъ тамъ ихъ не было?—О. Нѣтъ, пришелъ я и легъ, а ужъ когда они пришли не помню, только проснулся, Карагановъ стоитъ и тутъ предъ нимъ Викторъ Ивановичъ, Кононовъ по фамиліи. — В. Ну, Вы проснулись отъ шума? — О. Да, точно такъ, потому Викторъ Ивановичъ не шумѣлъ, а говорилъ громко Карагановъ: неужто ты мнѣ не вѣришь... будь я анаѳема, будь я проклятъ, если это неправда. В. такъ по вашему какъ онъ говорилъ: хвасталъ?—О. Да ужъ этого незнаю, только на ногахъ онъ твердъ былъ и языкомъ говорилъ хорошо.—Вопр. Онъ называлъ фамилію? — О. Онъ называлъ, говорилъ, что купецъ беззубый, лысый, говоритъ, я ему на тотъ съѣтъ на извощика не оставилъ, а мнѣ его послѣ жалко было.

Предс. Г. защитникъ Караганова, извольте предлагать вопросы.

Подс. Караг. Тоже самое-съ.

Предс. Я не къ вамъ обращаюсь, а къ вашему защитнику.

Защ. Караг. отказывается отъ предложенія свидѣтелю вопросовъ.

Г. Языковъ. Вы не помните опредѣленнѣе, какъ онъ называлъ того старика?—О. Не знаю, какимъ манеромъ знать.—В. Кто тогда на постояломъ дворѣ былъ еще, кромѣ васъ?—О. Этотъ парень Андрей, да Викторъ Ивановичъ. — В. А кто это Викторъ Ивановичъ?—О. Не могу знать; онъ говорилъ, что прикащикомъ служилъ у Мясникова В. Вы у Мясникова служите лѣсничимъ?—О. Да.—В. Сколько времени? — О. Около двухъ лѣтъ. — В. Такъ что вы всѣхъ рабочихъ на Подгорѣцкомъ заводѣ знаете? — О. Знаю. В. Вотъ этотъ Кононовъ, сколько времени жилъ онъ на постояломъ дворѣ? — О. Мѣсяца полтора жилъ. — В. Что же онъ дѣлалъ все это время?—О. Больше ничего, только когда Карагановъ къ нему придетъ, а когда онъ къ Караганову пойдетъ. — В. Что же они выпивали вмѣстѣ?—О. Ну, этого я не знаю.—В. По деревнѣ на вечеринки ходили? — О. Не знаю. — В. Что на постояломъ дворѣ сколько комнатъ? — О. Три комнаты: кухня, большая горница и маленькая горница.—В. Вы въ какой комнатѣ жили?—О. Я жилъ въ большой комнатѣ. — В. Кононовъ въ какой жилъ? — О. Тоже въ большой. — В. И Кунаковскій? — О. И Кунаковскій. В. Васъ

когда вызвали къ судебному слѣдователю? черезъ день или черезъ два послѣ этого? — О. Насъ къ слѣдователю вызвали на первый день Рождества, послѣ разговора недѣли черезъ три. (По окончаніи спроса этого свидѣтеля, онъ заявилъ желаніе получить дорожныя издержки, что и было внесено въ протоколъ).

Допросъ свидѣтеля купца Тимофея Крюкова.

Предс. Что вамъ извѣстно относительно Карагапова?—О. Карагановъ и Ижболдинъ служили вмѣстѣ въ Москвѣ. Однажды я встрѣтилъ Карагапова и Ижболдина и, между прочимъ, Ижболдинъ заговорилъ о духовномъ завѣщаніи Бѣляева и говоритъ: скрывать тутъ уже болѣе нечего, духовное завѣщаніе подписалъ Карагановъ.

Прокур. Карагановъ при этомъ былъ?—О. Какже, былъ.—В. Что же Карановъ на это отвѣчалъ?—О. Ничего не отвѣтилъ.—В. Ну, а въ какомъ онъ былъ расположеніи духа?—О. Онъ, вообще, въ дурномъ былъ расположеніи. — В. Но все-таки онъ не сталъ спорить съ Ижболдинымъ?—О. Нѣтъ.

Защитникъ А. Мясникова г. Арсеньевъ. Онъ, послѣ этого, остался вмѣстѣ съ вами? — О. Мы, потомъ, долго еще оставались вмѣстѣ, Карагановъ, Ижболдинъ и я.—В. И послѣ замѣчанія Ижболдина, Карагановъ опять съ вами сталъ разговаривать?—О. Онъ говорилъ.

Защитникъ П. Мясникова г. Языковъ. Вы, затѣмъ, разговаривали о другихъ предметахъ?—О. О другихъ.—В. Карагановъ и Ижболдинъ служили въ то время у Краспльникова?—О. Да.

Подс. Карагановъ (вскакиваетъ) Я желаю спросить, хорошо ли я служилъ.

Предс. Вы знаете, свидѣтель, какъ служилъ Карагановъ?—О. Я этого не знаю.

Подс. Карагановъ. Нѣтъ, вы знаете (вкрадчиво и кланяясь свидѣтелю), сдѣлайте милость скажите.

Предс. Вамъ не нужно просить; свидѣтель обязанъ отвѣчать на относящіеся къ дѣлу вопросы и если онъ говоритъ, что не знаетъ, то дальнѣйшее ваше настаиваніе излишне.

Допросъ свидѣтеля купца Петра Жукова.

Предс. Что вы знаете относительно Карагапова?

Свидѣтель. Я знаю, что онъ былъ страннаго поведенія; онъ себя велъ какъ-то безпорядочно: выбивалъ стекла въ жилыхъ

строеніяхъ — это онъ дѣлалъ больше по ночамъ. Наконецъ онъ позволялъ себѣ стрѣльбу ночью, между жилыми помѣщеніями, между соломой, на что крестьяне и принесли жалобу. Затѣмъ, онъ позволялъ себѣ бѣгать..., т. е. однажды онъ въ мельницѣ прошелъ внизъ, гдѣ колесо, и если бы его мельникъ не вытащилъ, то онъ бы тамъ совсѣмъ пропалъ, теперь бы не существовалъ.

Прокуроръ. Любилъ онъ выпить?—О. Много пилъ.—В. Онъ у васъ въ качествѣ чего состоялъ?—О. Именовался ревизоромъ.—В. По чьему распоряженію онъ былъ посланъ къ вамъ?—О. По распоряженію Мясниковыхъ.—В. Что же вы не писали въ контору Мясниковыхъ о его поведеніи?—О. Нѣтъ, мы этого не дѣлали; онъ человѣкъ какой-то близкій къ Мясниковымъ былъ, чуть ли не ихъ родственникъ. — В. Онъ платилъ за водку, которую у васъ бралъ?—О. Мы нѣкоторымъ выдавали водку даромъ.—В. Не бралъ ли онъ чистаго спирту, будто бы на пробу?—О. Нѣтъ, этого не было, но въ подвалы онъ заходилъ не разъ и попробуетъ не изъ одной бочки, только напр., окна билъ онъ даже въ совершенно трезвомъ состояніи.—В. Отчего вы не докладывали о его поведеніи хозяину, не знали ли вы, что за это потеряете службу?—О. Онъ самъ хвасталъ, и грозилъ одного сѣчь, а другому обѣщалъ угодить, кто какъ: не понравится ему или понравится.

Г. Лохвицкій. Карагановъ служилъ у васъ на заводѣ года полтора; что, заводъ во все время былъ въ ходу?—О. Заводъ во все время былъ въ ходу, остановился только на четыре мѣсяца, какъ обыкновенно каждый годъ.

Г. Языковъ. Вы говорите, что заводъ остановился на 4 мѣсяца? — О. Да, это нормальная остановка; онъ каждый годъ стоялъ.

Прокуроръ. Скажите, въ то время, когда заводъ не курилъ, Карагановъ, какъ ревизоръ, не нуженъ былъ?—О. Да, онъ, пожалуй, и вообще не нуженъ былъ; онъ исполнялъ распоряженія Мясниковыхъ, да только онъ скорѣе путалъ. Почему его держали, я не знаю.

Г. Языковъ. Вамъ извѣстны тѣ нѣкорыя отношенія, которыя были между Карагановымъ и Мясниковыми?—О. Я слышалъ, будто онъ имъ родственникъ. — В. Вы не слыхали ли что либо про Кононова?—О. Кононовъ пріѣхалъ въ село Подгорное въ ка-

чествѣ прикащика.—В. Долго онъ прожилъ на постояломъ дворѣ?—О. Мѣсяца два жилъ. — В. Что же, онъ сказался прикащикомъ?—О. Сказался прикащикомъ, но исключительно велъ знакомство съ Карагановымъ.—В. И свелъ съ нимъ дружбу?—О. Самую искреннюю, такъ что, если Карагановъ не ходилъ къ нему, такъ онъ былъ у Караганова; Карагановъ говорилъ, что пріѣхалъ прикащикъ, уполномоченный отъ Мясниковыхъ, и подъ этимъ предлогомъ онъ просилъ водки, въ чемъ я позволилъ себѣ не отказать ему. — В. Пастуховъ подъ какимъ видомъ пріѣхалъ? — О. Какъ арендаторъ; онъ хотѣлъ снять на аренду заводъ; онъ у меня былъ часъ времени, не больше.—В. Не думаете ли вы, что Карагановъ получилъ какую нибудь инструкцію насчетъ наблюденія за заводомъ?—О. Положительно никакой. Даже мнѣ сдѣланъ былъ вопросъ Александромъ Константиновичемъ Мясниковымъ, когда Карагановъ пріѣхалъ съ Кавказа, можно ли ему повѣрить въ долгъ; и я ему тогда сказалъ, что считаю Караганова за человѣка ненадежнаго. — В. Карагановъ уѣзжалъ съ завода, когда служилъ у васъ?—О. Нѣсколько разъ; онъ жилъ мѣсяца полтора въ Воронежѣ; но точно также зарекомендовалъ себя, какъ у насъ, своими дебошами.—В. Вмѣстѣ съ заарестованіемъ его въ Подгорѣцкомъ заводѣ, не исчезъ ли и Викторъ Ивановичъ Кононовъ?—О. Да, исчезъ.—В. И больше не являлся?—О. Нѣтъ.

По требованію защитника А. Мясникова, г. Арсеньева, свидѣтелю предъявляется квитанція.

Г. Арсеньевъ. Когда вы имѣли съ Мясниковымъ разговоръ, вы не знаете, не хотѣлъ ли Мясниковъ дать мѣсто Караганову, и не было ли тогда разговора о Кавказѣ?—О. Нѣтъ, не было.—В. Вы не слыхали о намѣреніи Мясникова завести новый заводъ? Вы не помните, когда разговоръ этотъ происходилъ? Это было за долго до арестованія Караганова, лѣтомъ?—О. Мнѣ кажется лѣтомъ, но не помню положительно.—В. Не были ли вы вызваны Мясниковымъ въ Воронежъ?—О. Да.—В. И Карагановъ поѣхалъ съ вами вмѣстѣ?—О. Нѣтъ, онъ поѣхалъ раньше.—В. Когда Карагановъ выѣзжалъ въ Воронежъ, вы ему не препятствовали?—О. Онъ зависѣлъ не отъ меня, а отъ Кошелькова.—В. По чьему распоряженію ему выдаваемо было прибавочное жалованье?—О. Я не помню прибавочнаго: онъ при мнѣ всегда состоялъ на 1000 рубляхъ жалованья.

Защитникъ Караганова г. Деппъ. Поступки, о которыхъ вы говорите, что ихъ совершалъ Карагановъ, совершалъ онъ ихъ въ послѣднее время, или впродолженіе всего времени пребыванія на вашемъ заводѣ? — О. Въ теченіе всего времени.—В. Который изъ этихъ поступковъ былъ послѣдній и въ какое время приблизительно? — О. Я стыжусь доложить о послѣднемъ поступкѣ его; онъ, впрочемъ, выраженъ въ моемъ показаніи.—В. Я думаю, что изложеніе этого поступка не представитъ ничего затруднительнаго.—О. Онъ забылъ всякое приличіе съ своимъ цинизмомъ, ничѣмъ не прикрытый ходилъ по улицѣ въ теченіе дня; это извѣстно всѣмъ и каждому.

Г. Лохвицкій. Это лѣтомъ было, или зимою?—О. Это было осенью, и было довольно свѣжо. Я поторопился затворить ставни своихъ окопъ, чтобы его не видѣть. — В. Полагаете ли вы, что онъ сдѣлалъ это въ пьяномъ видѣ?—О. Я долженъ сказать, что не могъ опредѣлить, въ какомъ состояніи онъ это дѣлалъ. Онъ постоянно дѣлалъ подобныя штуки, но, при этомъ, никогда не дозволялъ себѣ оскорблять кого нибудь лично.

Г. Арсеньевъ. Вы не знаете, были такіе промежутки, когда онъ не дебошировалъ?—О. Иногда онъ былъ въ меланхоліи; ночью спитъ и всю ночь поетъ пѣсни.—В Почему вы видите въ этомъ меланхолію?—О. Да все заунывныя пѣсни поетъ.

Г. Языковъ. Не припомните ли вы случая, что когда онъ былъ вызванъ къ судебному слѣдователю, онъ вдругъ запѣлъ.—О. То есть, онъ все имѣлъ привычку пѣть себѣ подъ носъ, а однажды, при осмотрѣ бумагъ у судебнаго слѣдователя, онъ вдругъ обращается къ нему и говоритъ: у меня воздуха мало, я хочу окно выбить. И если бы его не удержали, то онъ выбилъ бы окно.

Въ заключеніе, свидѣтель показалъ, что не служитъ болѣе у Мясниковыхъ: отказался самъ.

Предс. Подсудимый Карагановъ, имѣете ли вы что нибудь сказать?

Подс. Карагановъ (быстро встаетъ и что-то бормочетъ).

Предс. Карагановъ, я васъ прошу говорить какъ слѣдуетъ, я очень хорошо вижу, что вы можете отвѣчать правильно.

Подс. Карагановъ. Я разбилъ неосторожно стекло, и никто

меня не удержалъ; его показаніе несправедливо и преувеличено; я посуду не разбивалъ, а только зеркало разбилъ.

Свидѣтель Куцаковскій предъявляетъ просьбу объ уплатѣ ему дорожныхъ расходовъ. Требованіе его запосится въ протоколъ.

Допросъ свидѣтеля мѣщанина Алексѣя Степанова Бѣляева.

Предс. Что вамъ извѣстно о подсудимомъ Карагановѣ?—О. Мнѣ извѣстно, что онъ велъ разгульную, безпорядочную жизнь (На вопросы прокурора). Онъ получалъ 1000 руб. жалованья. Свидѣтель получалъ только 300 руб. Въ послѣднее время только, Карагановъ сталъ вести безпорядочную и разгульную жизнь. Свидѣтель его зналъ лѣтъ 20. Прежде онъ былъ человѣкъ хорошій; отчего съ нимъ произошла перемѣна—не знаетъ. До 1858 года онъ былъ добропорядочный человѣкъ. Свидѣтель слышалъ, что онъ былъ въ то время отправленъ на Кавказъ, въ Ставрополь. Чтобы въ Ставрополѣ Караганова допрашивали по поводу подложнаго духовнаго завѣщанія—не знаетъ.

Г. Прокуроръ заявилъ, что между этимъ показаніемъ свидѣтеля и даннымъ имъ на предварительномъ слѣдствіи, существуетъ противорѣчіе въ томъ отношеніи, что на предварительномъ слѣдствіи онъ показывалъ, что перемѣна въ поведеніи Караганова произошла послѣ допроса его въ Ставрополѣ.

Повѣренный гр. истца Г. Остряковъ. Когда васъ спрашивалъ судебный слѣдователь, вы подписали свое показаніе?

Предс. Я просилъ бы васъ этотъ вопросъ устранить, потому что онъ будетъ разсѣянъ прочтеніемъ показанія свидѣтеля Бѣляева.

На вопросы Г. Арсеньева, свидѣтель показалъ: видѣлъ Караганова со времени отъѣзда его на Кавказъ очень рѣдко; что бы онъ ьянствовалъ—не замѣтилъ; свидѣтель—отдаленный родственникъ умершаго Козьмы Бѣляева, бывалъ у него въ домѣ, былъ на его похоронахъ и на похоронномъ обѣдѣ. Обѣдъ происходилъ въ двухъ комнатахъ; Катерина Васильевна, во время обѣда, выходила къ гостямъ, но ничего не говорила, и, вообще, на обѣдѣ о духовномъ завѣщаніи рѣчи не было. Ему показали завѣщаніе во время слѣдствія; онъ находилъ подпись сходною съ подписью Бѣляева.

Г. Предс. читаетъ показаніе Бѣляева, данное имъ 26 декабря 1870 г., въ которомъ свидѣтель, между прочимъ, показалъ, что Карагановъ перемѣнился въ своемъ поведеніи, послѣ производства

надъ нимъ въ Ставрополѣ слѣдствія о фальшивомъ духовномъ завѣщаніи Бѣляева. Показаніе это подписано свидѣтелемъ.

Свидѣтель. Я этого не говорилъ.

Предс. Вѣдь вамъ давали читать показаніе это, или оно вамъ было читано?—О. Было.—В. Почему вы тогда не объяснили судебному слѣдователю то, что вы теперь сказали.... вы не можете отвѣтить?—О. Не могу.

Г. Остряковъ. Вы говорите, свидѣтель, что нашли подпись на завѣщаніи сходною съ подписью Бѣляева. Не замѣтили ли вы, однако, какой нибудь разницы?—О. Не замѣчалъ.

Г. Остряковъ. Это показаніе также противорѣчитъ нѣсколько показанію, данному свидѣтелемъ на предварительномъ слѣдствіи, гдѣ онъ говоритъ, что подпись на завѣщаніи сдѣлана какъ будто болѣзненною рукою?—О. Нѣтъ, не замѣчалъ.

Предс. Карагановъ, желаете ли объяснить что либо?

Подс. Карагановъ. Нѣтъ, только извините, а что бы обидѣть кого нибудь, этого-съ никогда ни было.

Предс. Свидѣтель про васъ и не показывалъ, что бы вы обижали....

Подс. Карагановъ. Я такъ велъ себя тихо и скромно, очень тихо-съ, а не то, что какъ онъ выражается.

Допросъ свидѣтеля Ашкирина.

Свидѣтель этотъ показалъ (на вопросъ прокурора), что служилъ на Подгорѣцкомъ заводѣ, гдѣ былъ ревизоромъ подсудимый Карагановъ. Подсудимый вино покупалъ и такъ бралъ; и покупалъ, и бралъ много. Свидѣтель подсудимаго зналъ давно; въ то время онъ велъ себя хорошо, но, затѣмъ, въ теченіе 2-хъ лѣтъ, измѣнился совершенно. На заводѣ никто не смѣлъ на него жаловаться; его всѣ боялись, потому что онъ женился на одной особѣ, которая прежде жила съ Мясниковымъ, съ женою онъ не жилъ (На вопросы г. Языкова). На него крестьяне жаловались за то, что онъ стрѣлялъ въ деревнѣ; разсказывали, что онъ ночью одинъ пляшетъ въ комнатѣ; вообще, онъ выказывалъ много странностей и, между прочимъ, раздѣвшись, въ халатѣ, или и безъ халата, ходилъ по деревнѣ, вступая иногда въ единоборчество съ мужиками (На вопросы г. Деппа). Онъ лезъ въ мельничное колесо и былъ вытащенъ оттуда мельникомъ (На вопросы г. Языкова). Въ 1869 году Ка-

раганов'ъ былъ очень озабоченъ исчезновеніемъ его брата. Братъ уѣхалъ въ Астрахань и затѣмъ болѣе не давалъ о себѣ знать. Подсудимый, года два или три, былъ сильно огорченъ пропажею брата; постоянно о братѣ говорилъ и нѣсколько разъ писалъ въ Астрахань. Когда мельникъ его вытащилъ изъ колеса, то онъ говорилъ, что видѣлъ подъ колесомъ своего брата (На вопросы г. Деппа). Виктора Ивановича Конопова зналъ; онъ былъ прикащикомъ Мясниковыхъ; онъ говорилъ, что хочетъ снять заводъ и что поджидалъ хозяина. Съ Карагановымъ онъ постоянно кутилъ и участвовалъ въ хороводахъ, а съ арестомъ Караганова, уѣхалъ (Свидѣтель заявляетъ просьбу о вознагражденіи дорожныхъ расходовъ. Просьба заносится въ протоколъ).

Г. Прокуроръ, для заключенія допроса о Карагановѣ, просилъ о прочтеніи показаній Кошелькова и Балашева, и просилъ у суда разрѣшенія ссылаться на документы, письма и телеграммы касательно Караганова.

Г. Арсеньевъ. Я просилъ бы судъ отложить эту повѣрку письменныхъ доказательствъ до того времени, когда будетъ приступлено, вообще, къ разсмотрѣнію вещественныхъ доказательствъ. Если же Окруж. Судъ признаетъ необходимымъ произвести повѣрку письменныхъ доказательствъ въ отношеніи къ Караганову, за выслушаніемъ свидѣтельскихъ показаній, касающихся Караганова, то, во всякомъ случаѣ, покорнѣйше прошу отложить эту повѣрку до завтрашняго засѣданія, такъ какъ изложеніе писемъ Караганова, имѣющихъ къ нему отношеніе, требуетъ нѣсколько большей свѣжести и бодрости, нежели та, которую мы имѣемъ по прошествіи цѣлаго дня засѣданія. Поэтому, я прошу лишь о прочтеніи показаній свидѣтелей Кошелькова и Балашова, показанія которыхъ можно скорѣе всего отнести къ группѣ выслушанныхъ нами свидѣтельскихъ показаній. Изложеніе же документовъ прошу отложить до другаго засѣданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣю честь еще представить Суду шесть писемъ къ Караганову и другимъ.

Г. Языковъ. Я присоединяюсь къ заявленію моего товарища по защитѣ относительно того, что едва ли въ сегодняшнемъ засѣданіи возможно будетъ преодолѣть изложеніе письменныхъ доказательствъ, такъ какъ ссылка на одно письмо непремѣнно вызоветъ ссылку на другое, а эти письма, въ совокупности, составляютъ чуть ли не цѣлый томъ. Затѣмъ, не признаетъ ли Судъ

возможнымъ принять и отъ меня документы, которые я имѣю представить.

Г. Лохвицкій. Нельзя ли ограничиться тѣмъ, что бы гг. защитники указывали лишь на то, какія мѣста въ документахъ они считаютъ особенно важными для прочтенія ихъ; а затѣмъ, чтобы Судъ предоставилъ имъ право ссылаться на тѣ документы, потому что, по моему мнѣнію, все это читать будетъ излишне.

Предс. Защита такъ и излагала свои требованія. Судъ, на основаніи 626 ст., постановилъ прочесть показанія Кошелькова и Балашова, а что касается до предъявленія вещественныхъ доказательствъ, то, въ виду закрытія засѣданія въ 11 часовъ, оно откладывается до завтрашняго засѣданія.

Читается показаніе Кошелькова.

Предс. Подсудимый Карагановъ, что вы имѣете сказать по поводу прочтеннаго сейчасъ показанія?

Подс. Карагановъ (быстро вспрыгиваетъ). Чего-съ?—В. Что вы имѣете сказать относительно прочтеннаго сейчасъ показанія Кошелькова?

Подс. Карагановъ. Можно писать?

Предс. Зачѣмъ вамъ писать? вы можете говорить. Здѣсь никакое писаніе не допускается.

Подс. Карагановъ. Нельзя-съ?

Предс. Нѣтъ, нельзя; вы можете объяснить на словахъ.

Подс. Карагановъ стоитъ какъ бы въ забытьи.

Предс. Такъ что же вы желаете объяснить, Карагановъ?

Подс. Карагановъ. Я жилъ скромно...

Предс. Вы это уже говорили, что вы жили скромно.

Подс. Карагановъ. Да.

Предс. Больше ничего не имѣете сказать?

Подс. Карагановъ. Не могу припомнить; позвольте подождать немного, подумать.

Читалось показаніе Балашова.

Г. Арсеньевъ. Показаніе Балашова весьма длинно и относится къ показаніямъ такихъ лицъ, которыя ничего не знаютъ и ничего не помнятъ. Поэтому, обращаю вниманіе гг. присяжныхъ засѣдателей на слѣдующіе пункты этого показанія. Во-первыхъ, онъ говоритъ, что когда видѣлъ Караганова въ Петербургѣ, то состоялъ къ Мясникову въ отношеніяхъ служащаго къ хозяину. Во-

вторыхъ, онъ говоритъ, что во время его пребыванія въ Задонскѣ ему ничего не говорили о составленіи духовнаго завѣщанія, пока не былъ задержанъ Карагановъ; переходя къ другимъ предметамъ, онъ показываетъ, что Шевелевъ увезъ билеты и былъ затѣмъ пойманъ; затѣмъ, онъ говоритъ, что въ 1858 году Бѣляевъ былъ боленъ и слабъ. Вотъ 4 пункта, на которые я указываю въ настоящее время.

Прокуроръ. Я имѣю честь обратить вниманіе на то, что одинъ изъ пунктовъ этого показанія, кажется пунктъ 6-й, заключается въ томъ, что въ маѣ мѣсяцѣ 1858 года Бѣляевъ былъ боленъ и слабъ, но къ просителямъ выходилъ.

Г. Арсеньевъ. Я еще покорнѣйше прошу припомнить слѣдующую фразу въ показаніи Балашова: «Я никогда не высказывалъ сожалѣнія о томъ, что меня не вызывали въ свидѣтели о производящемся въ Задонскѣ слѣдствіи.»

Призванный затѣмъ въ залу засѣданія свидѣтель мѣщанинъ Александръ Даниловъ Карагановъ, братъ подсудимаго Караганова, просилъ его уволить отъ дачи показанія.

Засѣданіе было прервано до слѣдующаго дня, причемъ сдѣлано было распоряженіе объ оставленіи присяжныхъ на ночь въ зданіи суда.

Засѣданіе 18 февраля.

По открытіи засѣданія 18 февраля (въ 10½ ч. утра) въ залу засѣданія введены были эксперты для сличенія почерковъ, изъ коихъ одинъ былъ приведенъ къ присягѣ. По выслушаніи заявленій сторонъ, Судъ предложилъ экспертамъ дать заключеніе по слѣдующимъ вопросамъ:

1) Имѣетъ ли подпись «Козьма Бѣляевъ» на завѣщаніи сходство съ представленными подписями Бѣляева на другихъ бумагахъ?

2) Замѣчается ли сходство между подписью «Козьма Бѣляевъ» и подписью Караганова?

3) Представляетъ ли послѣдняя страница первой половины послѣдняго листа расходной книги сходство съ почеркомъ Бѣляева, коимъ написаны прочія части этой книги?

4) Представляетъ ли та страница дневника, въ которой говорится о сохранной росписке въ 272 т. р., сходство съ почеркомъ Бѣляева?

5) Писанъ ли текстъ завѣщанія во всѣхъ частяхъ одинаковымъ, по растяжимости, почеркомъ, одинаковыми съ подписью чернилами?

Для обсужденія этихъ вопросовъ, эксперты, выслушавъ указанія предсѣдателя, на какіе предметы слѣдуетъ имъ обратить вниманіе, удалились въ особую комнату. Затѣмъ, Судъ приступилъ къ выслушанію заявленій сторонъ о бумагахъ, найденныхъ при обыскѣ.

Прокуроръ обратился къ прис. засѣдателямъ съ слѣдующимъ заявленіемъ: изъ дѣла видно, и защита конечно не станетъ отрицать, а это важно въ настоящемъ вопросѣ, что Карагановъ привлеченъ къ слѣдствію по дѣлу о подлогѣ завѣщанія впервые въ 1868 г. Такъ какъ его не было въ Петербургѣ, и вопросы были ему посланы въ Ставрополь, то онъ былъ допрошенъ 20 октября, нѣтъ, 20 августа 1868 г. Затѣмъ, документы, которые я буду имѣть честь предъ вами изложить, распадаются на такіе, которые относятся къ личности Караганова до привлеченія его къ настоящему слѣдствію, затѣмъ, къ жизни его на заводѣ, какъ въ Ставрополѣ, такъ и въ Задонскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи и отношеніямъ его къ женѣ, на сколько онѣ въ денежномъ смыслѣ видны изъ разсчетовъ, писемъ и документовъ, переданныхъ экспертамъ Судомъ. Прежде всего считаю нужнымъ указать на письмо, написанное Карагановымъ его брату Аполлону, который, какъ видно изъ дѣла, пропалъ безъ вѣсти въ Астрахани. Въ этомъ письмѣ, отъ 4 февраля 1860 г., заключаются нѣкоторыя указанія, которыя характеризуютъ взгляды Караганова на жизнь и его тогдашнія правила. Въ письмѣ этомъ сказано, между прочимъ, слѣдующее: «въ дѣлахъ веди себя умненько, осторожно и старайся не ударить лицемъ въ грязь. О нахальствѣ, мнѣнія никакого не высказывай. Мнѣнія эти: камни, которыми будутъ въ тебя бросать» и д. Въ письмѣ отъ 24 янв. 1867 г. изъ Ставрополя, Карагановъ проситъ отца похлопотать у А. К. Мясникова, чтобы Мясниковъ выкупилъ принадлежащія Караганову и заложенныя въ ломбардѣ вещи. Затѣмъ, въ концѣ этой переписки находится разсчетъ, переданный Амфилогіемъ Карагановымъ своему отцу, гдѣ перечисляются вещи, принадлежащія его женѣ и ему и оставленныя отцу для продажи, всего на 13 т. р. Карагановъ желаетъ, чтобы эти вещи были проданы или отданы въ обезпеченіе за товаръ, преимущественно сахаръ, котораго, въ такомъ слу-

чаѣ, должно быть передано на сумму въ 15 т. р., въ крайнемъ случаѣ проданы за наличныя деньги съ уступкою до 3 т. р. Продано все за 10 т. р. Затѣмъ, при обыскѣ въ селѣ Подгорномъ, гдѣ жилъ на заводѣ Карагановъ въ 1868 г. у управляющаго Кошелькова, отобранъ цѣлый рядъ писемъ и росписокъ, въ которыхъ, между прочимъ, есть указанія на дѣйствія и личность Караганова: во 1-хъ, письмо управляющаго Добрынина Кошелькову отъ 28 авг. 1866 г.; въ которомъ говорится о Карагановѣ. Письмо Кошелькова отъ 24 іюня 1867 г. съ Александровскаго винокуреннаго завода къ А. К. Мясникову. Въ связи съ этимъ телеграмма А. К. Мясникова Кошелькову, въ которой сказано: «Карагановъ пусть обождетъ». Въ связи съ этою телеграмма Кошелькова А. К. Мясникову, отправленная въ 1867 году, въ которой сказано: «Карагановъ просится съѣздить на родину въ Козьмодемьянскъ». Затѣмъ, считаю нужнымъ указать на слѣдующую черновую тетрадку Кошелькова: «Ростовъ Донской... Добрынину. Желаю видѣть васъ въ Ставрополѣ. Поспѣшите. Буде Карагановъ въ Ростовѣ, или Новочеркаскѣ, распорядитесь немедленно его убѣдить тамъ ждать моего обратнаго проѣзда изъ Ставрополя, о чемъ пусть телеграфируютъ...» 12 октября 1868 г. Карагановъ изъ Ростова телеграфируютъ Кошелькову: «Могу ли, согласно разрѣшенію, воспользоваться отпускомъ?» На телеграмму эту Кошельковъ отвѣчаетъ: «Мнѣ очень вы нужны; обождете моего пріѣзда въ Ростовѣ». 28 октября 1867 г. Кошельковъ тетеграфируетъ Мясникову: «Высказано все. Нужно быть спокойнымъ въ преданности Караганова. Ростовъ». 29 октября 1868 года г. Мясниковъ телеграфируетъ Кошелькову изъ Петербурга: «Просьбу Караганова исполчю. Козьмодемьянскъ. Но теперь рано; пусть обождетъ не много». Затѣмъ рядъ телеграммъ, которыя считаю излишнимъ читать, такъ какъ вѣроятно защитники признаютъ, что онѣ здѣсь находятся, Карагановъ напоминаетъ постоянно Кошелькову о необходимости выдачи жалованья, о томъ, что нуждается, проситъ прогоновъ, квартирныхъ денегъ, которыя ему обѣщаны.

Таковы главныя письма и телеграммы, на которыя я имѣю честь обратить ваше вниманіе гг. прис. зас.! телеграммы, которыя я вамъ прочелъ, даже въ той системѣ, въ которой я старался ихъ читать, довольно трудно удержать въ памяти. Поэтому полагаю, что мнѣ будетъ предоставлено сдѣлать нѣкоторый сводъ этихъ

телеграммъ, расгруппировать ихъ. Онѣ распадаются на слѣдующія группы: 4 депеши, изъ которыхъ видно, что за Караганоьымъ слѣдятъ, куда онъ поѣдетъ и объ этомъ телеграфируютъ Кошелькову. Затѣмъ 2 депеши, изъ которыхъ видно, что для Караганова главноуправляющій заводомъ телеграфируетъ другимъ лицамъ, чтобы узнали о здоровьѣ и телеграфировали самому Мясникову. Затѣмъ телеграмма, въ которой успокоиваютъ Мясникова въ преданности Караганова: «Высказано все. Надо быть спокойнымъ въ преданности. Карагановъ просится въ отпускъ». Затѣмъ отпуска не разрѣшается. Мною приведенъ значительный рядъ телеграммъ и писемъ, изъ которыхъ видно, что Караганова не отпускаютъ не только въ отпускъ въ Козьмодемьянскъ (объ этомъ есть 5 телеграммъ), но когда онъ хочетъ уѣхать неподалеку отъ Воронежа, то управляющій кладетъ резолюцію: «дальнѣйшую отлучку разрѣшить не могу». Затѣмъ есть письмо и телеграммы, изъ которыхъ видно, что Карагановъ требуетъ постоянно жалованья, забираетъ впередъ, при чемъ, надо полагать, что требованія его такъ настойчивы, что объ этомъ Кошелькову постоянно телеграфируютъ. Есть указаніе въ письмѣ Быкова, что Карагановъ требовалъ денегъ такимъ образомъ, что пришлось ихъ выдать во избѣжаніе непріятностей. Есть указаніе, что Карагановъ прибылъ на Ставропольскій заводъ въ августѣ 1866 г., на Александровскій заводъ въ іюлѣ 1867 г., безъ всякаго распоряженія. Затѣмъ, имѣется указаніе на то, что жена его (2 письма я пропустилъ, но защита признаетъ вѣроятно, что онѣ существуютъ) просила Кошелькова о выдачѣ денегъ, которыя, будто бы, слѣдуютъ ея мужу, обѣщаясь болѣе не просить. Она получила 150 р. Рядъ писемъ, которыя редактируютъ поведеніе Караганова, былъ прочитанъ мною. Письма Караганова къ отцу и Кошелькову указываютъ, что Мясникову было поручено выкупить изъ ломбарда вещи Караганова и Мясниковъ ихъ у себя хранилъ. Взяты эти вещи были по порученію Кошелькова. Далѣе видно, что Карагановъ, проживая на заводѣ и занимаясь дѣятельностію, которую вы могли оцѣнить, получаетъ жалованья 1000 р. въ годъ, сверхъ того квартирныя деньги и прогоны. Затѣмъ, обращаю ваше вниманіе на письмо Кошелькова Мясникову, что о дѣлѣ его онъ съ Карагановымъ уже поговорилъ. Вотъ эти данныя я считаю существенными. Вся переписка, письма и телеграммы, приводятъ къ выводу, что Карагановъ имѣлъ

непосредственныя сношенія съ Мясниковымъ, состоялъ ревизоромъ на одномъ изъ его заводовъ, переписывался съ главнымъ управляющимъ телеграммами о своихъ жалобахъ и требованіяхъ. Кромѣ того, изъ писемъ видно, что поведеніе Караганова на заводѣ въ послѣднее время было таково, что его считали человѣкомъ опаснымъ, буйнымъ, пьянымъ и даже больнымъ умственно.

Подс. А. Мясниковъ объяснилъ, что показаніе Караганова дано судебному слѣдователю 20 августа, когда онъ, Мясниковъ, уже получилъ копіи съ протоколовъ и ему не нужно было никого просить, чтобы узнали, что такое дѣлается съ Карагановымъ. Телеграммы о наведеніи справокъ о здоровьѣ подсудимаго совершенно неизвѣстны ему, Мясникову.

Донесеніе, которое сдѣлалъ Карагановъ о ревизіи дѣлъ, было сдѣлано довольно дѣльно и Мясникову не сообщили о томъ, что Карагановъ, вмѣсто ревизіи, занимается постоянно пьянствомъ.

Прис. пов. Арсеньевъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе присяжнымъ засѣдателямъ: Вамъ уже извѣстно, что Карагановъ отошелъ отъ Мясникова въ 1860 году и поѣхалъ въ Казань; затѣмъ, первое письмо послѣ того, 12 марта 1863 г., написано изъ Казани и заключаетъ въ себѣ просьбу, чтобы А. К. Мясниковъ опять принялъ его къ себѣ. Позвольте прочесть письмо объ этомъ, чтобы показать, въ какомъ почтительномъ тонѣ Карагановъ обращался къ Мясникову: (Г. Защитникъ прочелъ письмо). На письмо послѣдовалъ отвѣтъ Мясникова, въ которомъ онъ отказываетъ Караганову. Затѣмъ, въ 1866 г. Карагановъ снова поступаетъ на службу къ А. К. Мясникову и первый признакъ служебной дѣятельности его письмо изъ Ставрополя, писанное въ августѣ, которое показываетъ, что въ 1866 г. онъ былъ уже на службѣ. Прежде чѣмъ приступить къ изложенію письма, касающагося его служебной дѣятельности, я считаю нужнымъ обратить ваше вниманіе на два письма: во 1-хъ письмо Караганова къ отцу отъ 1 октября 1866 г., т. е. вскорѣ послѣ поступленія на службу къ Мясникову. Вотъ письмо. Оно начинается жалобою Караганова, что отецъ его рѣдко пишетъ; далѣе, между прочимъ, говорится: «во всякомъ случаѣ спѣшу просить извиненія въ неизвѣстныхъ мнѣ самому проступкахъ предъ вами... прошу не оставлять совѣтами по старому». Въ связи съ этимъ я укажу на письмо отца Караганову, отъ 22 января 1869 года, отобранное при обыскѣ у Ка-

раганова. Въ этомъ письмѣ Карагановъ пишетъ: «Конечно, я сколько нибудь радъ извѣстію о дѣлѣ по Бѣляевскому наслѣдству, по которому такъ безвинно считаютъ тебя лицемъ, принимавшимъ участіе. Прошу обо всемъ и обо всемъ писать».

Это письмо относится къ тому времени, когда въ первый разъ производилось предварительное слѣдствіе. Въ 1866 г. Карагановъ является на службу въ Ставрополѣ. 1 октября 1866 г. онъ уже въ Москвѣ пишетъ отцу, что хотѣлъ бы пріѣхать въ Петербургъ, но побоялся попрековъ и выговоровъ за пріѣздъ безъ разрѣшенія. Затѣмъ, онъ отправляется въ Новочеркаскъ на заводъ, гдѣ управляющій поручаетъ ему мѣстный надзоръ, хотя не имѣетъ распоряженія. Затѣмъ, Карагановъ опять на Кавказѣ, откуда онъ пишетъ дѣловыя письма. Я вчера представилъ рядъ писемъ, относящихся къ 1867, 1868 и 1869 гг. Эти письма показываютъ, что онъ имѣлъ непосредственныя сношенія съ Мясниковымъ и онѣ носятъ чисто дѣловой характеръ, ни чѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ писемъ служащихъ къ хозяевамъ. Мысль о переводѣ въ Козьмодемьянскъ является ранѣе: въ письмѣ отъ 23 августа 1867 г. онъ уже выражаетъ желаніе и надежду поступить въ Козьмодемьянскъ. Въ письмѣ 17 октября 1866 г. онъ совѣтуется съ отцомъ, ѣхать или не ѣхать въ Ставрополь, слѣдовательно отъ него зависитъ ѣхать. Изъ письма видно, что онъ заботится о хозяйскихъ дѣлахъ. Въ январѣ 1867 г. является извѣстное письмо къ А. К. Мясникову о возможномъ устройствѣ винокуреннаго завода. Затѣмъ, возникаетъ дѣло о завѣщаніи. Странность въ образѣ дѣйствій Караганова уже существуетъ въ это время. Въ мартѣ 1868 г. управляющій Ставропольскими дѣлами пишетъ Мясникову: «Здоровье Караганова не цвѣтущее, припадки сильной меланхоліи», какъ выражено характеристически, «въ головѣ не все дома». Затѣмъ въ іюнѣ Кошельковъ пишетъ изъ Владикавказа письмо Мясникову. Я вполнѣ соглашаюсь, что оно относится къ 1868 г., но только повторяю, въ 1869 г. Карагановъ не былъ вмѣстѣ съ Кошельковымъ. Послѣдній писалъ: «Если онъ не сознаетъ взысканія справедливымъ, то значитъ нездоровъ головою». Это писано 6 іюня 1868 г., между тѣмъ первое предварительное слѣдствіе началось въ послѣднихъ числахъ іюня того же 1868 г., слѣдовательно за мѣсяцъ до начатія предварительнаго слѣдствія въ Петербургѣ, Кошельковъ написалъ это письмо. 4 апрѣля 1868 г.

изъ Ставрополя Карагановъ пишетъ письмо, въ которомъ за вѣрную 14-ти лѣтнюю службу и разъѣзды проситъ о прибавкѣ содержанія. Наконецъ, начинается предварительное слѣдствіе по настоящему дѣлу. Г. прокуроръ сдѣлалъ фактическую ошибку. Карагановъ допрошенъ не 20 октября, а 20 августа; онъ не могъ быть допрошенъ въ октябрѣ, потому что изъ телеграммъ видно, что въ октябрѣ онъ былъ въ Ростовѣ, даже еще раньше, именно 8 августа писалъ письмо, въ которомъ сказано, что его требуютъ къ судебному слѣдователю, чему онъ удивляется, потому что ни у него, ни у отца нѣтъ никакихъ тяжебныхъ дѣлъ. Затѣмъ Карагановъ уѣзжаетъ изъ Ставрополя. Тѣ телеграммы, которыя были отчасти прочитаны г. прокуроромъ, показываютъ, что отъѣздъ Караганова былъ неожиданностью для его начальника, потому что Мясниковъ телеграфировалъ Кошелькову 11 октября, что Карагановъ уѣхалъ, не дожидаясь Кошелькова, слѣдовательно, онъ долженъ былъ дожидаться. Изъ телеграммы, отправленной вслѣдъ затѣмъ Кошельковымъ, видно, что онъ не зналъ, куда поѣхалъ Карагановъ, что также видно изъ того, что онъ телеграфировалъ на заводъ Воронежской губерніи. Есть телеграмма Жукова, отъ 22 октября, что онъ ожидаетъ пріѣзда Караганова на заводъ, изъ телеграммъ относящихся къ этому періоду времени замѣчательна одна, телеграмма 1868 г., въ которой говорится, что Мясниковъ долженъ быть увѣренъ въ преданности. Во-1-хъ, нужно опредѣлить, къ какому именно времени она относится. На ней не помѣчено времени отправленія, но, какъ объяснилъ г. прокуроръ, квитанція телеграфной станціи, подшитая къ этой телеграммѣ, помѣчена 27 октября 1868 года, слѣдовательно, такъ какъ, вообще, въ каждой квитанціи обозначается число, соотвѣтствующее телеграммѣ, то есть основаніе предполагать, что эта телеграмма послана 27 октября 1868 г. Затѣмъ я обращу ваше вниманіе на слѣдующія выраженія этой телеграммы: «Высказано все. Надо быть спокойнымъ въ преданности. Карагановъ въ Ростовѣ, просится въ отпускъ въ Козьмодемьянскъ». Слѣдовательно, связь между 1-ю и 2-ю частями телеграммы остается доказать. Телеграмма послана изъ Ставрополя, между тѣмъ какъ Карагановъ былъ въ Ростовѣ, слѣдовательно, увѣреніе могло относиться къ другому лицу. Есть депеша отъ 7 ноября, чтобы Карагановъ дожидался Кошелькова въ Ростовѣ, слѣдовательно, если были телеграммы 11 октября и 7 ноября, то въ промежуткѣ вре-

мени не слѣдили еще за Карагановымъ. Вотъ еще доказательство. Есть отвѣтъ 29 октября отъ Мясникова, въ которомъ Мясниковъ говоритъ: «Въ Козьмодемьянскъ можетъ Карагановъ ѣхать, но еще рано». Затѣмъ, какимъ образомъ Карагановъ велъ себя въ Ростовѣ, какъ буйствовалъ тамъ, извѣстно изъ письма Добрынина изъ Ростова. Карагановъ, впрочемъ, пишетъ въ это время и дѣловыя письма, онъ недоумѣваетъ, почему Кошельковъ задерживаетъ его въ Ростовѣ. Затѣмъ, изъ письма 14 ноября 1868 г. къ А. К. Мясникову видно, что Карагановъ задержанъ Кошельковымъ въ Ростовѣ для объясненій по дѣламъ службы. Потомъ въ ноябрѣ и декабрѣ Карагановъ отчасти въ телеграммахъ, отчасти въ письмахъ сообщаетъ свѣденія о дѣлахъ и цѣнахъ. Г. прокуроръ указалъ депешу, относящуюся къ декабрю 1868 г., что Карагановъ переговаривался съ какимъ-то козакомъ по хозяйскому дѣлу, слѣдовательно, онъ занимается дѣлами. 27 ноября 1848 г. Карагановъ пишетъ Кошелькову, что наблюдаетъ за транспортомъ. 1 января 1869 г. пишетъ письмо къ А. К. Мясникову, представленное мною вчера. Затѣмъ 29 марта 1869 г., передъ отъѣздомъ на заводъ, посылаетъ опять дѣловую телеграмму, въ которой говоритъ о цѣнахъ, транспортѣ и еще о своихъ занятіяхъ. Въ апрѣлѣ онъ ѣдетъ въ Воронежъ и потомъ на заводъ; въ октябрѣ пишетъ изъ Воронежа, слѣдовательно, онъ съ завода отлучился, такъ какъ заводъ находится въ 100 верстахъ отъ Воронежа. 8 сентября 1869 г. Карагановъ пишетъ главноуправляющему, что уѣзжаетъ изъ Воронежа и поручаетъ ему увѣдомлять Мясникова о ходѣ винокуренія. 27 октября 1869 г. Карагановъ пишетъ изъ Воронежа Мясникову письмо, чисто дѣловое, хотя и выражаетъ желаніе быть вызваннымъ въ Петербургъ для объясненій по дѣламъ. Въ письмѣ къ отцу, отъ 10 ноября 1869 г., онъ даетъ хозяину совѣтъ построить на Кавказѣ винокуренный заводъ. 27 декабря 1869 г. онъ пишетъ хозяину письмо, въ которомъ проситъ отпустить его въ Козьмодемьянскъ, говоритъ, что боленъ, не имѣетъ средствъ лечиться, затѣмъ, 26 апрѣля 1870 г. сообщаетъ цѣны и жалуется на Жукова, объясняя, что на заводѣ безпорядки. Къ 1869 г. относится телеграмма А. К. Мясникова Караганову и Жукову, чтобъ они ожидали пріѣзда его на Кавказъ. Теперь я отступлю отъ хронологическаго порядка и перейду къ другимъ предметамъ. Изъ писемъ, относящихся къ другимъ предметамъ, видно, что 20

декабря 1869 г. Карагановъ пишетъ: «Надѣюсь, что А. К. Мясниковъ дастъ 75 р. въ счетъ жалованья. Изъ письма 18 декабря, которое почтительно, какъ всѣ письма Караганова къ Мясникову, видно, что Карагановъ просилъ выдать эти 75 р., именно въ счетъ своего жалованья отцу. 24 января 1867 г. Карагановъ дѣйствительно пишетъ, что онъ просилъ А. К. Мясникова о выкупѣ вещей; 9 марта пишетъ, что объ этомъ слѣдуетъ навести справки въ ломбардѣ; въ томъ же письмѣ выражаетъ, что надѣется на вниманіе и довѣріе Мясникова. 10 іюня 1870 г. пишетъ, что хочетъ совсѣмъ оставить службу у Мясникова и проситъ совѣта отца, который совѣтуетъ не оставлять. Изъ писемъ отца 1 августа, 20 октября и 20 ноября 1870 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до арестованія Караганова, видно, что у отца его была большая просьба къ А. К. Мясникову, чтобъ тотъ выдалъ владѣнный актъ на небольшое мѣсто въ Козьмодемьянскѣ, которое запродано матерью Мясникова, но еще окончательно не перешло въ собственность Караганова-отца. Послѣдній проситъ сына похлопотать о милости А. К. Мясникова, не сдѣлаетъ ли онъ благодѣянія написать довѣренность на совершеніе крѣпостнаго акта на имя Караганова-сына. Указанныя письма, хотя относятся къ подсудимому Караганову, но характеризуютъ его отношенія къ Мясникову. Желаніе Караганова ѣхать въ Козьмодемьянскъ и получить тамъ мѣсто такъ сильно, что онъ возвращается къ этому предмету много разъ, начиная съ 23 августа 1867 г. до 10 іюня 1870 г. Затѣмъ, письма Караганова къ отцу доказываютъ два факта: что Карагановъ постоянно занимался, постоянно думалъ о занятіяхъ, между прочимъ представилъ двѣ подробныя вѣдомости о расходахъ, и что онъ не желалъ постоянно разъѣзжать, хотѣлъ устроиться на мѣстѣ, въ Козьмодемьянскѣ; видно также, что Карагановъ постоянно нуждается и жалуется на бѣдность. Имѣющаяся переписка бросаетъ свѣтъ и на отношенія Караганова къ женѣ. Отецъ совѣтуетъ Караганову относиться къ женѣ съ благоразумною умѣренностью и давать ей деньги. Самъ Карагановъ постоянно заботится, чтобъ не оставить жену безъ средствъ, проситъ, чтобы ей выдавали деньги, безпокоится о томъ, получила ли ихъ жена, предъ самымъ арестованіемъ подтверждаетъ свое прежнее распоряженіе, чтобъ жена получала отъ него 25 р. въ мѣсяцъ. Въ заключеніе, считаю нужнымъ замѣтить противъ заявленій г. прокурора, что требованія

жалованья относятся ко времени, когда Карагановъ жилъ въ Ростовѣ и купилъ, квартирныя деньги отпускались не въ то время, когда онъ жилъ на Подгорномъ заводѣ, но когда онъ былъ въ разъѣздахъ.

Повѣренный гражданскаго истца Г. Остряковъ объяснилъ, что 24 октября 1867 г. и 8 февраля 1868 г. Кошельковъ, между прочимъ, обратилъ вниманіе на нѣкоторые странные поступки Караганова, изъ которыхъ Г. Арсеньевъ выводитъ какъ будто заключеніе о нѣкоторомъ ненормальномъ состояніи Караганова, но самъ при этомъ замѣчаетъ, что Карагановъ въ это время пишетъ дѣловыя письма хозяину и представилъ такое письмо изъ Ростова, т. е. изъ мѣста, гдѣ совершались такіе поступки Караганова. Но изъ письма 1 января 1869 г. видно, между прочимъ, что для наблюденія за транспортомъ отправленъ ревизоръ Цыпинъ, хотя эту обязанность охотно принималъ на себя Карагановъ. Этотъ Цыпинъ, въ письмѣ отъ 24 февраля 1869 г., очень рѣзко отзывается о Карагановѣ, что опасается какого нибудь криминальнаго отъ него поступка, что онъ не просто больной человѣкъ, но озлобленный и съ большимъ запасомъ физической силы.

Прокуроръ просилъ присяжныхъ засѣдателей припомнить, что изъ прочитаннаго 19 февраля показанія Кошелькова видно, что онъ, съ глазу на глазъ, по желанію Мясникова, поговорилъ съ Карагановымъ о сдѣланномъ ему допросѣ. Затѣмъ, послѣднее письмо Караганова отъ 23 апрѣля 1870 года не только дѣловое и почтительное, но весьма серьезное, дѣльное, написано прекраснымъ языкомъ. Еще въ дѣлѣ есть росписка, изъ которой видно, что въ 1855 г. Карагановъ, когда ѣхалъ въ городъ Нижній Лосковъ, получилъ 25 р., отъ своего двороднаго брата Красильникова, и кусокъ сукна, и за это обязывается заплатить 50 р.

Г. Арсеньевъ отвѣчалъ, что заявленіе повѣреннаго гражданскаго истца основано на ошибкѣ. Г. Арсеньевъ не говорилъ о письмѣ Цыпина, не говорилъ о періодѣ времени, къ которому оно относится, указывалъ только на письмо ревизора Добрынина въ августѣ 1868 г. и Кошелькова въ іюнѣ 1868 г.

Пов гр. истца Лохвицкій заявилъ, что странности, которыя позволялъ себѣ Карагановъ въ Ростовѣ, не показываютъ умственнаго разстройства, такъ напр. Карагановъ пришелъ въ театръ и далъ свою палку въ залогъ, потому что не имѣлъ де-

нетъ. Выходя онъ сказалъ капельдинеру: «отдай палку» и капельдинеръ отдалъ ему палку, потому что впустилъ его помимо кассы.

По прочтеніи документа было приступлено къ допросу вызванныхъ свидѣтелей.

Купецъ Ижбодинъ. Надежда Васильевна Мартьянова, когда получила извѣстіе, что ея братъ родной, Козьма Васильевичъ Бѣляевъ и сынъ ея Иванъ Николаевичъ померли въ С.-Петербургѣ скоропостижно, выдала мнѣ довѣренность и я отправился въ Петербургъ за полученіемъ ея наслѣдства. Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, обратился къ моему очень хорошему знакомому Ѳедору Карловичу Кемпе и показалъ ему довѣренность. Онъ, прочитавши, сказалъ: «Боже мой! все дѣлалось при мнѣ. Духовное завѣщаніе фальшивое, сохранная росписка фальшивая; говорю вамъ, что гг. Мясниковы заплатятъ за это много. Вы приходите ко мнѣ на другой день». Я на другой день отправился къ нему, потомъ онъ былъ у меня. Впослѣдствіи я узналъ, что и его просили подписать это завѣщаніе. Послѣ того я обратился къ другому знакомому, Гонину; онъ сказалъ положительно: «духовное завѣщаніе фальшивое», вслѣдствіе этого я отправился прямо къ Екатеринѣ Васильевнѣ Бѣляевой. Она встрѣтила меня очень ласково; мы переговорили, она напоила меня кофе: очень долго мы съ нею говорили и она объяснила мнѣ: «меня племянники ограбили, обратитесь вы къ Александру Константиновичу». Въ тотъ же день я отправился къ А. К. Мясникову; прихожу къ нему; у него былъ коммиссіонеръ его, Евреиновъ. Я Александру Константиновичу сказалъ, что имѣю довѣренность отъ Надежды Васильевны Мартьяновой. Онъ не прочиталъ, не обратилъ вниманія и сказалъ: «поговорите съ Евреиновымъ». Тотъ увелъ меня въ другую комнату. Я ему объяснилъ, что, на сколько мнѣ извѣстно, завѣщаніе подложно. Онъ маленько сконфузился, наконецъ сказалъ: «Ал. Конст. съѣздитъ», ничего больше. Послѣ того я наконецъ подалъ въ Гражданскую Палату просьбу. Когда дѣло кончилось, первымъ долгомъ Алекс. Конст. посылаетъ за мною Гонина, Гонинъ мнѣ говоритъ: «не хотите ли покончить мировою?—Съ величайшимъ удовольствіемъ, когда угодно, хотите сейчасъ?—Нѣтъ, теперь не угодно, если угодно завтра—Гонина дѣйствительно ожидали поутру. Мы отправились къ А—у К—у; онъ меня вѣжливо принялъ, посадилъ, потолковали. Онъ спрашиваетъ меня: «хотите ли поко-

*

чить миромъ?»—Съ величайшимъ удовольствіемъ!—Сколько возьмете за это дѣло?—Если угодно, А. К., 100,000 т. я возьму.—Помилуйте, какъ возможно! я полагалъ 5—10 т.—это дѣло другаго рода.—Я сказалъ: какже это можно? у Козьмы Васильевича остался не одинъ милліонъ капитала, какъ же это возможно, что бы я такъ взялъ пустяки? Онъ началъ меня уговаривать: «Если угодно, дамъ мѣсто на золотыхъ пріискахъ 2000 р. жалованья». Я говорю на это:—А. К., это дѣло другое. Мы сперва покончимъ это дѣло, потомъ можно будетъ поступить къ вамъ. Тѣмъ и кончилось. На другой день является тотъ же Гонинъ и говоритъ: если угодно вамъ взять 30,000 р. А. К. согласенъ съ тѣмъ, чтобы вы въ 24 часа уѣхали изъ Петербурга. Я сказалъ, что не согласенъ. Если угодно, 100,000 р. Такъ и не сошлись. Послѣ того я былъ у священника Сицилинскаго болѣе десяти разъ. Помню, какъ сейчасъ, Сицилинскій сказалъ: я съѣзжу къ А—у К—чу, надѣюсь его увидѣть, дня черезъ два или три дамъ отвѣтъ. Послѣднее время, какъ я помню, видѣлъ Сицилинскаго. Онъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ, что А—а К—ча сколько ни убѣждалъ, не могъ уговорить. Но я еще надѣюсь; съѣзжу еще къ Екатеринѣ Васильевнѣ. Я вполнѣ убѣжденъ, что она кончитъ съ вами дѣло. Однако на другой или на третій день пріѣзжаетъ онъ и говоритъ: «Нѣтъ, ничего не могу сдѣлать». Тѣмъ окончилось. (На вопросы прокурора) Я изъ фактовъ узналъ положительно, что духовное завѣщаніе фальшивое, поэтому и обратился къ священнику и сказалъ прямо: завѣщаніе писано послѣ смерти Козьмы Васильевича. Онъ мнѣ ничего не отвѣчалъ, обѣщалъ содѣйствовать. Я хотѣлъ покончить дѣло миромъ и думалъ, что и для него лучше, чтобы дѣло прекратилось. Столоначальникъ Гражданской Палаты, Гавриловъ, спрашивалъ меня: «не хотите ли покончить дѣло миромъ. У меня сегодня будутъ Гонинъ и Бильбасовъ. У меня очень хорошо пошло дѣло въ Палатѣ; вслѣдствіе этого я положительно не изъявилъ желанія мириться и повелъ дѣло. Относительно примиренія, мы съ Борзаковскимъ раза два кажется видѣлись. Послѣ того я былъ опять съ Германомъ. Мы не сходились въ суммѣ; сначала я просилъ 100,000, послѣ, когда съ Германомъ были, просилъ 500,000, потому что тогда факты положительно начали разъясняться. Борзаковскій, кажется, предлагалъ 8,000, Германъ былъ мой повѣренный, кажется былъ чиновникомъ особыхъ порученій,

потомъ служилъ здѣсь въ Надворномъ судѣ. Сначала былъ у меня повѣренный Юргенсъ, потомъ отказался, потомъ Борзаковскій, послѣ Сысоевъ, Германъ. Я встрѣтится съ Карагановымъ и прямо сказалъ, что завѣщаніе фальшивое. Онъ промолчалъ. Я впослѣдствіи узналъ отъ его двоюроднаго брата Красильникова, что Карагановъ подписалъ завѣщаніе.

(На вопросъ защитника А. Мясникова) Не показывалъ на предварительномъ слѣдствіи о Спицынскомъ. Кемпе мнѣ разсказывалъ, что Ив. Константиновичъ показалъ ему сохранную роспись въ 272,000 р. на простой бумагѣ, онъ сказалъ: помилуйте, А. К., пожалѣли листа гербовой бумаги; Целебровскій бы написалъ. Кемпе положительно мнѣ сказалъ, что эта самая росписка фальшивая. Кемпе, не помню почему, но положительно сказалъ, что Карагановъ подписалъ завѣщаніе, потому что онъ самый близкій человѣкъ. Кемпе сказалъ, что были докторъ и священникъ; докторъ Отто прекрасный человѣкъ, но такую глупость сдѣлалъ, подписался подъ фальшивымъ духовнымъ завѣщаніемъ. При этомъ разговорѣ была мать Кемпе; можетъ быть она и выходила изъ комнаты. Теперь не могу припомнить, сколько по этому дѣлу у меня было повѣренныхъ, десять человѣкъ, если не больше.

(На вопросъ одного изъ присяжныхъ) Я подавалъ прошеніе въ Гражданскую Палату отъ своего имени въ томъ, что сфабриковали подложное духовное завѣщаніе и просилъ предъявить.

Подсуд. А. К. Мясниковъ объяснилъ, что Ижболдинъ одинъ разъ явился съ просьбою окончить дѣло миромъ, но онъ, Мясниковъ, никакого отвѣта не далъ и никакихъ разговоровъ объ окончаніи дѣла не имѣлъ.

По поводу показанія Ижболдина прис. пов. Арсеньевъ заявилъ, что въ первоначальномъ показаніи Ижболдина, на предварительномъ слѣдствіи, нѣтъ ничего о переговорахъ.

Прокуроръ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: прошу обратить вниманіе на то, что Ижболдинъ пріѣхалъ въ Петербургъ изъ глухой провинціи, съ полною надеждою покончить дѣло миромъ, что онъ человѣкъ торговый, не занимавшійся тяжебными дѣлами, что у него, по собственному показанію, до 1868 г. было до десяти повѣренныхъ.

Предс. объяснилъ присяжнымъ засѣдателямъ, что въ показаніи, данномъ Ижболдинымъ на предварительномъ слѣдствіи, о миро-

выхъ переговорахъ нѣтъ ничего; въ настоящее время свидѣтель утверждаетъ, что были переговоры.

Было прочитано духовное завѣщаніе Надежды Мартьяновой.

Прис. пов. Языковъ просилъ прис. зас. обратить вниманіе на тѣ слова завѣщанія, которыми искъ переданъ въ полную собственность гражданскаго истца и на заключительныя слова завѣщанія, что оно никакой отмѣнѣ подлежать не можетъ. Наконецъ, что это завѣщаніе писано 24 сентября 1861 г.

Было прочитано условіе, заключенное въ 1860 г. между Ижболдинымъ и Баревскимъ.

Прис. пов. Языковъ заявилъ, что по смыслу этого условія 2000 р. получилъ Ижболдинъ сполна, и что по этому документу собственникомъ половины наслѣдства является нѣкто Баревскій, что въ 1860 г. цѣнность наслѣдства Бѣляева опредѣлялась въ 2000 р. и даже въ этомъ договорѣ указывалось на послѣдствія, которыя могли быть, если бы наслѣдство не простиралось на двѣ тысячи рублей.

Пов. гр. истца заявилъ, что это условіе вскорѣ послѣ его заключенія было уничтожено со всѣми послѣдствіями и что 2000 р. совсѣмъ не обнимаютъ $^1/_2$ наслѣдства.

Были прочитаны два письма Надежды Мартьяновой къ Ижболдину.

Пр. пов. Арсеньевъ заявилъ, что въ первомъ письмѣ Мартьянова говоритъ о недостаткѣ денегъ и проситъ о присылкѣ ихъ. Въ припискѣ выражается опасеніе, чтобы Мартьянову не перевезли въ Петербургъ и обѣщаніе безъ совѣта ничего не дѣлать. Во 2-мъ письмѣ заключается просьба, чтобы духовное завѣщаніе было написано самимъ Ижболдинымъ и прислано вмѣстѣ съ деньгами.

Жена Ижболдина (дававшая показанія весьма тихо и не внятно) объяснила, что лично слышала о фальшивости завѣщанія отъ купца Красильникова, Штеммера, вдовы Бѣляева, чиновника Матвѣева и Китаева; Красильниковъ также говорилъ о подложности сохранной росписки.

Свидѣтель Красильниковъ. Такъ много прошло времени, что теперь трудно вспомнить главное: Въ 1858 г. я видѣлъ Бѣляева въ послѣдній разъ 24 августа и того же числа уѣхалъ въ Воронежъ. Возвратясь оттуда 23 или 24 сентября опять заѣхалъ къ Бѣляеву и не былъ принятъ, а черезъ 2 или 3 часа

получилъ записку отъ Карагапова, что Козьма Васильевичъ скончался. Когда были похороны и проводили тѣло, Воронинъ сказалъ: странное дѣло, что покойникъ не оставилъ завѣщанія. Я спрашивалъ у Катерины Васильевны, она ничего не знала; возвратясь съ похоронъ, видѣлъ старшаго конторщика Шмелева, который былъ женатъ на воспитанницѣ Бѣляева, онъ мнѣ говорилъ: «вотъ женили, а ничего имѣнія не отказали, духовнаго завѣщанія не осталось». Дня черезъ три, такъ какъ я былъ съ Бѣляевымъ участникомъ въ откупахъ въ Олонецкой губерніи, для того, чтобы имѣніе не пропало пріѣхалъ къ Кат. Вас. и спрашивалъ, какъ поступать. Бенардаки хотятъ принять откупъ. Она говоритъ: «что же мнѣ дѣлать? ничего сама не знаю». Я спрашиваю: «что, завѣщаніе есть?—Отвѣчаетъ: нѣтъ.—Какъ поступить? Разсчетъ громадный—700,000 по всей губерніи. Я, говорю, взять не могу. Затѣмъ дня черезъ два или три я былъ у г. Мясникова. Долго говорили о смерти Козьмы Васильевича и онъ меня просилъ подписаться внизу двухъ бумагъ и говорилъ: Алекс. Федор., потрудитесь подписать. Одна бумага—условіе, въ которомъ сказано, что Козьма Васильевъ Бѣляевъ перечисляетъ за нами всѣ откупа, въ томъ числѣ и Олонецкій и что деньги получилъ сполна. Я вижу, что подписано «Козьма Бѣляевъ». Другая бумага—сохранная росписка въ 272,000 р. или 276,000 р. тоже подписано: «Козьма Бѣляевъ». Росписка была на два имени Александра и Ивана Мясниковыхъ; при семъ находился свидѣтель коллежскій ассессоръ Макаръ Целебровскій. Отъ подписи я отказался, потому что зналъ Бѣляева давно, зналъ его привычки. Послѣ того сообщилъ объ этомъ полковнику Ракѣеву; 6 февраля 1859 г. пріѣхалъ Каменскій и разсказалъ мнѣ, что сдѣлалъ съ Кат. Вас. Мясниковъ: не далъ даже сохранной росписки, только показалъ, она же отдала ему не только наслѣдство Козьмы Васильевича, но и свое имѣнье. Я разсказалъ ему, что Алекс. Конст. и Целебровскій просили меня подписать завѣщаніе и сказалъ ему, что подпись есть на духовномъ завѣщаніи: составилъ Целебровскій. Я отправился къ Мезенцову на квартиру и ему сообщилъ объ этомъ. Онъ мнѣ приказалъ явиться черезъ три дня. Когда я явился, онъ сказалъ, что докладывалъ шефу жандармовъ. Не помню теперь: поручено ли съѣздить къ генералъ-губернатору или оберъ-полиціймейстеру, по результатъ тотъ: такъ какъ наслѣдниковъ нѣтъ, то изслѣдованія

не нужно. Потомъ я отправился прямо къ Бѣляевой. Она меня отправила къ А. Мясникову, съ которымъ я разошелся по Олонецкой губерніи и доставилъ ему слѣдовавшія деньги. Затѣмъ, въ 1859 г., въ концѣ, я былъ опять у Кат. Вас. Бѣляевой и разсказалъ, что мнѣ Каменскій говорилъ. Она подтвердила тоже, что Каменскій. Въ 1859 г. въ іюнѣ я былъ на дачѣ у Бѣляевой. Матвѣевъ—домашній человѣкъ Мясникова—былъ тамъ же и говорилъ, что завѣщаніе подписывалъ Карагановъ. Такъ какъ Карагановъ мнѣ родственникъ, прежде часто ходилъ ко мнѣ, то я пришелъ къ нему, чтобы узнать, по мнѣ сообщили, что Карагановъ женился и уѣхалъ. Матвѣевъ, между прочимъ, разсказалъ о смерти К. В. Бѣляева, что въ день его смерти А. К. Мясниковъ отдалъ ему пакетъ, чтобы Матвѣевъ положилъ его въ спальню подъ подушку. Караганова я не видалъ до 1865 г. Въ 1865 г. въ іюнѣ уѣхалъ на дачу и встрѣтился съ нимъ, что меня очень удивило. Пошли вмѣстѣ гулять, разговорились и я спросилъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ?—Надо мнѣ мѣсто пріискать. — Ступай къ Александру Константиновичу—дадутъ мѣсто.—Чтобы ни было, къ Мясникову не пойду; печальнаго съ нимъ много уже сдѣлалъ. Я сталъ его спрашивать что такое? Онъ сказалъ: вы все знаете. Говорю ему: мы съ тобою родственники, вдругъ ты пересталъ ко мнѣ ходить, женился и уѣхалъ ничего не сказавши. Онъ сказалъ: Александръ Константиновичъ запретилъ къ вамъ ходить, боялся, чтобы я не проговорился.—Да что же такое?—Да вы все знаете.—Въ чемъ же дѣло?—Мы сфабриковали духовное завѣщаніе. Въ томъ же 1865 году онъ опредѣлился на службу; такъ какъ я его зналъ, какъ человѣка честнаго, аккуратнаго, трезваго, то принялъ его къ себѣ на службу. Въ концѣ 1865 г. онъ чего-то безпрерывно боялся. Разъ я пригласилъ Ижболдина и его обѣдать. Онъ былъ грустенъ. Я его спросилъ потомъ: что съ тобой? онъ отвѣчалъ: это все на счетъ проклятаго духовнаго завѣщанія. Знаете что, Александръ Ѳедоровичъ, переговорите съ Иваномъ Алексѣевичемъ (Ижболдинымъ). Я бы ему сообщилъ свѣденія. Мясниковы съ нимъ покончатъ миромъ. Лишь бы меня не путали, потому что я рѣшительно не причемъ. Я разскажу ему все, но чтобы была для меня гарантія, чтобы мнѣ не попасться. Я сказалъ: потрудитесь сами передать.—Я схожу къ Ивану Алексѣевичу, съ нимъ посовѣтуюсь.

Онъ долго послѣ того у меня служилъ, а въ 1868 году отсюда уѣхалъ; поступилъ, какъ я слышалъ, опять къ Мясникову.

(На вопросы прокурора) Бѣляевъ большею частью бумаги писалъ своею рукою и кромѣ того во всѣхъ дѣловыхъ бумагахъ онъ подписывался: фридрихсгамскій первостатейный купецъ Козьма Васильевъ Бѣляевъ, и такъ какъ я служилъ у него 14 лѣтъ, потомъ былъ компаньономъ, то помню у него такую особенность: ни одной бумаги онъ не подписывалъ безъ того, чтобы точку не поставить. Даже смыслъ не подходилъ. Содержаніе завѣщанія показывало, что его писалъ человѣкъ, совершенно незнакомый съ откупными дѣлами.

(На вопросы защитниковъ) Состояніе Бѣляева могло простираться до 3-хъ милліоновъ. Кандидатъ правъ Серебряный въ моемъ присутствіи предлагалъ Ижболдину кажется 12 или 15,000, чтобы покончить это дѣло миромъ. Онъ говорилъ: иначе можете ничего не получить, скорѣй берите деньги. (На вопросы повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ). У Бѣляева въ каждой конторѣ было свое счетоводство, въ Петербургѣ была главная контора; большую часть главныхъ счетовъ составлялъ самъ Бѣляевъ. Годовые балансы сводилъ самъ. У него въ распоряженіи было иногда конторъ до 40.

(На вопросы прокурора) Послѣ смерти Бѣляева, на 3-й или на 2-й день, я пріѣхалъ домой въ 9 часовъ, засталъ Карагапова у себя въ кабинетѣ. Онъ, какъ сказалъ мнѣ, шалилъ, писалъ на листѣ бумаги: «Козьма Бѣляевъ» съ росчеркомъ. Такихъ подписей было нѣсколько; нѣкоторыя буквы очень сходны, и если онъ пишетъ прямо, почеркъ его похожъ на Бѣляевскій. Въ 1868 году, на пасхѣ я поѣхалъ къ К. В. Бѣляевой. Между прочимъ, въ разговорѣ она жаловалась на Мясниковыхъ, говоря: «обокрали, подвели». Въ 1859 году она просила меня съѣздить къ Чевакинскому, который мнѣ сказалъ: вы знакомы съ Ижболдинымъ, нельзя ли устроить, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ. Мясниковы, вмѣсто благодарности, начали съ ней процессъ. Если Ижболдинъ дастъ обязательство въ томъ, что не будетъ привлекать къ дѣлу Катерину Васильевну, она представитъ завѣщаніе и скажетъ, что время убѣдило ее въ недѣйствительности подписей на завѣщаніи. Но я ему сказалъ, что на себя не беру устроить это.

(На вопросы защитниковъ) Когда Бѣляевъ, вслѣдствіе ссоры

съ откупщиками, пересталъ ѣздить на торги въ сенатъ, онъ поручилъ это А. К. Мясникову. Въ первый разъ я передавалъ полковнику Ракѣеву, что просили меня подписаться, а въ февралѣ передавалъ, что говорили мнѣ Кемпе и Каменскій, причемъ Ракѣевъ сказалъ: онъ опять попадается. У Бѣляева, повидимому, счеты велись по двойной бухгалтеріи. Въ Олонецкомъ откупѣ большая часть была Бѣляева, больше 1/4. Не помню, чтобы почеркъ Караганова былъ похожъ на подпись «Козьма Бѣляевъ» на духовномъ завѣщаніи.

(На вопросы прокурора) Лѣтомъ 1867 г., когда вызывали меня въ сыскную полицію, въ іюнѣ или іюлѣ пріѣзжалъ ко мнѣ какой-то человѣкъ и дворнику сказалъ, чтобы я пріѣхалъ къ Серебряному. Я поѣхалъ къ нему. Онъ сказалъ: васъ вызываютъ въ сыскную полицію? Я показалъ ему телеграмму. Онъ говоритъ: совѣтую быть осторожнѣе въ показаніяхъ вообще, потому что иначе наживете себѣ враговъ, которые будутъ васъ всюду преслѣдовать. 24-го числа у Бѣляева былъ докторъ. Мясникову я возвратилъ залоги по откупу, потому что довѣренность у него была на полученіе отъ Бѣляевой. Въ 1867 г. я имѣлъ разсчеты съ Бѣляевой и заплатилъ ей по векселямъ 60,000.

А. Мясниковъ объяснилъ, что для сохранной росписки свидѣтелей не требуется, а условіе, о которомъ упоминается, не могло быть, слѣдовательно, онъ никогда не могъ просить Красильникова о подписи. На вопросы предсѣдателя Мясниковъ объяснилъ, что послѣ смерти Бѣляева имѣлъ повѣреннаго Бильбасова по одному дѣлу, которое производилось въ Сенатѣ. Дѣло о наслѣдствѣ послѣ Бѣляева велъ тогда Серебряный. Бильбасовъ не былъ повѣреннымъ по этому дѣлу.

Генералъ Ракѣевъ показалъ, что однажды явился къ нему господинъ, котораго фамилію онъ забылъ и сказалъ, что пріѣхалъ розыскать наслѣдство, но узналъ, что, будто бы, составили подложное духовное завѣщаніе и просилъ, чтобы онъ, Ракѣевъ, доложилъ объ этомъ шефу жандармовъ. По докладѣ объ этомъ, князь Долгорукій сказалъ, что не наше дѣло. Если есть какія нибудь основанія оспаривать подлинность завѣщанія, пускай обращаются куда слѣдуетъ позакону.

(На вопросы защитниковъ) Красильниковъ бывалъ по другимъ дѣламъ. Онъ сказалъ только, что знаетъ объ этомъ дѣлѣ по

слухамъ. Онъ никогда не говорилъ, чтобы Мясниковъ предлагалъ ему по смерти Бѣляева подписать какую нибудь бумагу. Ракѣевъ не говорилъ Красильникову ничего дурнаго о Сицилинскомъ, котораго зналъ за умнаго очень священника, ведшаго свои дѣла какъ нельзя лучше.

(На вопросы прокурора) Ракѣевъ, конечно, доложилъ бы шефу жандармовъ о фальшивой сохранной росписке, если бы ему, Ракѣеву, сказали объ этомъ и просили доложить. Послѣ указанія прокурора, что шефъ жандармовъ уже призналъ не подлежащимъ его разсмотрѣнію дѣло по заявленію о подложномъ завѣщаніи, Ракѣевъ сказалъ, что можетъ быть нашелъ бы ненужнымъ докладывать о росписке.

На очной ставкѣ Ракѣева съ Красильниковымъ они показали: первый, что не можетъ отвергать показанія Красильникова, что у Красильникова больше не было никакихъ дѣлъ въ III Отдѣленіи, кромѣ сообщенія свѣденій, полученныхъ имъ отъ Кемпе и Каменскаго. Красильникова по фамиліи зналъ гораздо прежде.

Вслѣдствіе просьбы защитника А. Мясникова о разъясненіи обстоятельства о подложномъ составленіи Карагановымъ бланковъ отъ имени Бѣляева, судъ, принимая въ соображеніе, что Карагановъ преданъ суду по обвиненію въ подложномъ составленіи завѣщанія, а не по другимъ обвиненіямъ, нашелъ, что это обстоятельство не относится къ дѣлу.

Прокуроръ изъяснилъ, что въ числѣ доказательствъ могутъ быть весьма полезны для разъясненія дѣла, свидѣтельскія показанія лицъ, которыя не были розысканы или о которыхъ не было своевременно извѣстно. Въ такомъ случаѣ, ихъ показанія должны быть разсматриваемы наравнѣ съ новыми доказательствами и относительно такихъ показаній судебная практика допускала случаи ввода и допроса свидѣтелей, на которыхъ указывали стороны во время судебнаго слѣдствія, какъ было въ Московскомъ Окружномъ Судѣ по дѣлу Цапляна и Рязанскомъ по извѣстному дѣлу Карицкаго и Дмитріевой. До свѣденія прокурора дошло, что въ Петербургѣ есть свидѣтель, находящійся въ зданіи суда, оберъ секретарь 1-го департамента Сената Жоховъ, которому извѣстны нѣкоторыя обстоятельства, могущія служить къ разъясненію отношеній Сицилинскаго къ Мясникову, такъ какъ его родная сестра замужемъ за сыномъ Сицилинскаго. Эти родственныя отношенія свидѣтеля

Жохова не могутъ давать повода заподозрить его въ пристрастіи, показаніе же его относится къ такимъ обстоятельствамъ, которыя едвали требуютъ подготовки со стороны защиты, наконецъ Жоховъ, по своимъ служебнымъ обязанностямъ, не можетъ долго оставаться въ судѣ. По этимъ причинамъ прокуроръ просилъ допросить этого свидѣтеля и если судъ допуститъ его, то допросить немедленно.

Прис. пов. Арсеньевъ заявилъ, что немедленный допросъ Жохова былъ бы не согласенъ съ 577 ст. Уст. Угол. Суд.

Судъ постановилъ: по доставленіи свѣденій относительно имени, отчества и фамиліи свидѣтеля, указаннаго прокуроромъ, сообщить эти свѣденія противной сторонѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлать распоряженіе относительно приглашенія свидѣтеля въ засѣданіе.

Свидѣтель Ермолинскій показалъ, что зналъ доктора Отто около 3-хъ лѣтъ, какъ человѣка самаго честнаго. Зная, что Отто подписался свидѣтелемъ на завѣщаніи, Ермолинскій спрашивалъ его по поводу слуховъ о подложности завѣщанія. Отто съ отвращеніемъ сказалъ, что это клевета, ложь, что подлога не было. Въ послѣдній разъ онъ видѣлся съ Отто въ 1862 или 1863 г. О чиновникѣ Матвѣевѣ особеннаго ничего не можетъ сказать, кромѣ того, что онъ пилъ сильно. Кемпе, кажется, былъ управляющимъ Порховскимъ откупомъ, который держали Мясниковы. Онъ промоталъ, или растратилъ какія-то деньги, вслѣдствіе чего между нимъ и Мясниковыми были какіе-то разсчеты, которые окончились, кажется, непріятно для Кемпе. Отто не говорилъ, что подписалъ завѣщаніе при жизни Бѣляева. Свидѣтель познакомился съ Отто въ домѣ у Мясниковыхъ.

Прис. пов. Остряковъ, въ виду заявленія свидѣтеля о Кемпе, просилъ прочесть показаніе, данное свидѣтелемъ на предварительномъ слѣдствіи.

Судъ, принимая во вниманіе, что въ законѣ нѣтъ разрѣшенія на то, чтобы показанія, данныя на предварительномъ слѣдствіи, прочитывались въ судебномъ засѣданіи, отказалъ повѣренному гражданскаго истца.

Затѣмъ, на вопросы предсѣдательствующаго Иванъ Мясниковъ объяснилъ, что онъ 7 лѣтъ боленъ; 5 лѣтъ сидитъ въ одной комнатѣ, не выходя изъ дома. А. Мясниковъ сказалъ, что Кемпе былъ уволенъ за растрату; его не преслѣдовали по этому дѣлу;

какимъ образомъ окончены разсчеты съ нимъ—подсудимый не помнитъ хорошо. Съ Кемпе не было заключено никакого условія насчетъ службы.

Прис. пов. Остряковъ заявилъ, что это показаніе противорѣчитъ показанію, данному Мясниковымъ на предварительномъ слѣдствіи.

Предс., напомнивъ г. Острякову, что онъ не имѣетъ права дѣлать такія заявленія, просилъ его сообразоваться съ правилами на счетъ заявленій.

Прис. пов. Языковъ просилъ занести это заявленіе въ протоколъ.

Свидѣтель Ненюковъ показалъ, что Бѣляевъ былъ сначала прикащикомъ у П. Ѳ. Мясникова, потомъ участникомъ въ его дѣлахъ. Мясниковы получили отъ дѣда 3½ милліона. Ненюковъ не слышалъ о завѣщаніи Бѣляева во время похоронаго обѣда, затѣмъ, въ теченіи 6 недѣль, бывалъ у вдовы его и ничего не слышалъ отъ нея о завѣщаніи. Свидѣтель часто бывалъ у покойнаго Бѣляева. За 2 или за 3 года до смерти Бѣляевъ говорилъ ему, что потерпѣлъ большіе убытки по содержанію Псковскаго откупа и по лѣсной торговлѣ, и разорился. Въ послѣднее время Бѣляевъ занималъ у Ненюкова по 2 и по 3000 руб. У Бѣляева было не болѣе 100,000 капитала.

Пов. гр. истца г. Лохвицкій заявилъ, что на предварительномъ слѣдствіи Ненюковъ показалъ, что на похоронахъ Бѣляева встрѣтился съ Воронинымъ, съ которымъ говорилъ, что послѣ смерти Бѣляева вѣроятно остался большой капиталъ.

Свидѣтель Мыльниковъ показалъ, что онъ слышалъ отъ своего кума Кемпе, что завѣщаніе можетъ быть недѣйствительно, потому что Мясниковъ показывалъ ему сохранную росписку на 300,000.

Онъ сомнѣвался въ подлинности завѣщанія еще потому, что оно не было тотчасъ послѣ смерти Бѣляева предъявлено.

Прис. пов. Арсеньевъ заявилъ, что въ прежнемъ показаніи Мыльникова ничего не говорится о сохранной росписке, но, по словамъ Мыльникова, Кемпе основывалъ свое сомнѣніе на томъ, что ничего не слышалъ о завѣщаніи отъ самого Бѣляева и что другимъ наслѣдникамъ ничего не оставлено.

Предс. объяснилъ присяжнымъ засѣдателямъ, что на предва-

рительномъ слѣдствіи Мыльниковъ показалъ, что когда Кемпе сообщилъ ему о своемъ сомнѣніи въ подлинности завѣщенія, тогда основывался, между прочимъ, на томъ, что другимъ наслѣдникамъ ничего неоставлено.

Г. Лохвицкій замѣтилъ, что г. Арсеньевъ дѣлаетъ свои замѣчанія по печатной книжкѣ, о которой другимъ сторонамъ неизвѣстно, что это за матеріалъ.

Г. Арсеньевъ объяснилъ, что эта книжка заключаетъ въ себѣ перепечатные протоколы предварительнаго слѣдствія и въ продажу не поступала.

Судъ нашелъ, что защита можетъ употреблять для провѣрки свидѣтельскихъ показаній тѣ свѣденія, которыя сочтетъ удобными.

Свидѣтель Федоръ Ивановъ (отставной полковникъ) показалъ, что въ 1858 году онъ старался окончить разсчеты, существовавшіе между нимъ и купцомъ Красильниковымъ, который объявилъ ему, что долженъ получить съ Мясникова большой капиталъ. На вопросъ: почему? Красильниковъ отвѣчалъ, что отъ него зависитъ сослать Мясникова въ Сибирь и затѣмъ разсказалъ о подлогѣ завѣщанія, при немъ хвалился своими связями съ полиціею, прибавляя, что нѣтъ ни одного дѣла, которое онъ, Красильниковъ, могъ бы проиграть. Затѣмъ, онъ говорилъ, что многіе свидѣтели по дѣлу о завѣщаніи умерли, но это не мѣшаетъ ему представить сколько угодно свидѣтелей? Въ 1868 г. Ивановъ окончилъ всякія отношенія къ Красильникову, который потомъ былъ несостоятельнымъ. Ивановъ участвовалъ въ конкурсѣ, какъ кредиторъ. Предсѣдатель конкурса сказалъ Иванову: я вамъ совѣтую оставить его (Красильникова) въ покоѣ вести дѣло съ Мясниковыми. Въ конкурсѣ прямо заявлялось, что Красильниковъ ничего не можетъ заплатить и что онъ заплатитъ изъ дѣла Мясникова. Конкурсъ окончился тѣмъ, что 10,000 заплатили кураторы. По большинству голосовъ было заключено признать Красильникова злостнымъ банкротомъ. На рѣшеніе Коммерческаго суда, состоявшееся по этому дѣлу, Иванову пришлось принести апелляціонную жалобу Сенату. Ижболдинъ пріѣзжалъ къ нему на квартиру отъ Красильникова и просилъ Иванова потерпѣть, пока Красильниковъ заплатитъ изъ дѣла Мясниковыхъ. Иванову извѣстно, что у Мясникова на Красильниковѣ числились долги, но

большая часть долговъ на Красильниковѣ конкурсомъ была отвергнута; между прочимъ было постановлено, что Мясниковъ долженъ Красильникову.

(Давая показаніе Ивановъ внезапно заболѣлъ, вслѣдствіе чего засѣданіе въ 5 ч. вечера было прервано. Въ тотъ же день Ивановъ умеръ отъ удара).

Предс. Такъ какъ гг. эксперты заявили, что они окончили свои занятія, то судъ приступитъ къ спросу экспертовъ (засимъ въ залу засѣданія были введены эксперты).

Гг. эксперты, вы пришли къ словесному соглашенію, или представляете свое мнѣніе письменно?

Одинъ изъ гг. экспертовъ. Мы представили свои мнѣнія письменно.

Предс. Извольте прочитать вопросы и ваши отвѣты.

Отвѣты были слѣдующіе:

На 1-й вопросъ: При первомъ взглядѣ на подпись нашли, что сходство есть, но при внимательномъ разсмотрѣніи подписи она оказывается сомнительною на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) почеркъ подписи «Козьма Бѣляевъ» на духовномъ завѣщаніи, въ сравненіи съ документами несомнѣнными, представляется крупнѣе; 2) подпись эта написана не свободною рукою и грубѣе; 3) при разсмотрѣніи отдѣльныхъ буквъ нашли, что буквы написаны съ перерывами; 4) буква ь, по своей формѣ, совершенно отличается отъ той же буквы на всѣхъ несомнѣнныхъ подписяхъ Бѣляева.

На 2-й вопросъ. Сходства между подписью «Козьма Бѣляевъ» и подписью Караганова нѣтъ. Что касается до подписей, сдѣланныхъ Карагановымъ у судебнаго слѣдователя, то судя по нимъ можно предположить, что Карагановъ способенъ подписать подъ руку купца Бѣляева.

На 3-й вопросъ. Сходство есть, потому что писано одною рукою. Хотя послѣднія строчки представляютъ разницу, но это потому, что эти строки писаны тоньше и другими чернилами.

На 4-й вопросъ. Первыя 17 строкъ писаны сжато, затѣмъ, со 2-го пункта, до словъ «Целебровскій» разгонисто; что касается до остальныхъ строкъ, то онѣ писаны сжато.

Прокуроръ. Я имѣю предложить одинъ вопросъ всѣмъ гг. экспертамъ. Какъ вы находите гг. подпись на завѣщаніи, если она,

какъ вы говорите, сомнительна, то какою рукою она сдѣлана, смѣлою, или несмѣлою, неувѣренною въ себѣ и поддѣлка искусна или нѣтъ?

Одинъ изъ гг. экспертовъ. Подпись сдѣлана искусно, но несмѣлою рукою, какъ видно по рисовкѣ буквъ.

Защит. А Мясникова, прис. пов. Арсеньевъ. Я хотѣлъ бы спросить одного изъ гг. экспертовъ — васъ г. Ивановъ (экспертъ г. Ивановъ отдѣляется изъ группы экспертовъ), не можете ли вы мнѣ объяснить, что подразумѣваютъ гг. эксперты подъ словомъ «сомнительна»?

Г. Ивановъ. Это значитъ, что самое очертаніе буквъ непохоже на очертаніе буквъ, какъ ихъ писалъ Бѣляевъ. По моему, впрочемъ, мнѣнію, при сличеніи нельзя придти къ положительному убѣжденію, чтобы эта подпись не была писана Бѣляевымъ.—В. Слѣдовательно ваше мнѣніе заключается въ томъ, что вы не можете положительно считать, что подпись не сдѣлана Бѣляевымъ, но что буквы не совсѣмъ похожи? — О. Да-съ, мнѣ такъ кажется.

Г. Арсеньевъ. Слѣдовательно, ваше мнѣніе нельзя принять ни какъ положительное, ни какъ отрицательное.

Прокуроръ. Судя по тому отвѣту, который представленъ письменно всѣми гг. экспертами, вы пришли къ тому убѣжденію, что при первомъ взглядѣ, поверхностномъ, подпись на завѣщаніи похожа на подпись Бѣляева, но что при анализѣ, при тщательномъ разсмотрѣніи каждой буквы въ отдѣльности, несходство этихъ буквъ заставляетъ васъ сомнѣваться въ подлинности этой подписи.

Экспертъ г. Ивановъ. Мнѣ кажется, что то впечатлѣніе, которое производитъ подпись Бѣляева на завѣщаніи при первомъ взглядѣ не уничтожается вслѣдствіе анализа отдѣльныхъ буквъ, что этотъ анализъ, хотя заставляетъ сомнѣваться въ подлинности подписи, но тѣмъ не менѣе сходство подписи не уничтожается. Но если намъ, какъ экспертамъ, предложатъ вопросъ; сдѣлана ли эта подпись Бѣляевымъ, то въ этомъ мы сомнѣваемся.

Предс. Экспертъ, г. Торнъ, что вы подразумѣваете подъ словами «сходно и сомнительно, похоже и непохоже»? — О. Сходны были бы буквы тогда, когда бы въ нихъ выполненъ былъ весь характеръ почерка Бѣляева. Но въ подписи на завѣщаніи буквы

не представляютъ характера, который бы далъ возможность принять ихъ за буквы, писанныя Бѣляевымъ. По моему мнѣнію, эти буквы скорѣе нарисованы, чѣмъ написаны.

Затѣмъ, подпись на завѣщаніи была представлена присяжнымъ засѣдателямъ и они разсмотрѣли чрезъ лупу.

Г. Арсеньевъ проситъ предъявить присяжнымъ засѣдателямъ нѣсколько документовъ, несомнѣнно подписанныхъ Бѣляевымъ, на которыхъ встрѣчаются подписи съ буквою *г*, наконецъ и съ такимъ росчеркомъ, какъ на завѣщаніи, а также имѣется нѣсколько подписей безъ точки.

Прокуроръ замѣтилъ, что эксперты не указывали на росчеркъ и на присутствіе точки какъ на характеристическіе признаки подписи Бѣляева, что въ дѣлѣ дѣйствительно встрѣчаются подписи, указанныя защитою, приводящія къ тому выводу, что признакъ этотъ далеко несущественный, а потому полагалъ излишнимъ предъявленіе сторонамъ указанныхъ документовъ.

Въ виду этого заявленія г. защитникъ согласенъ оставить этотъ вопросъ.

На вопросы г. Лохвицкаго эксперты сказали, что они никакого не вынесли впечатлѣнія о томъ, подгонялся ли текстъ завѣщанія къ подписи или нѣтъ и что трудно и невозможно опредѣлить, написана ли подпись «Козьма Бѣляевъ» стальнымъ или гусинымъ перомъ.

Г. Арсеньевъ. Гг. прис. зас., такихъ экспертизъ, какъ сегодняшняя, на предварительномъ слѣдствіи производилось четыре. Первая экспертиза производилась въ 1868 году. Въ ней принимали участіе, между прочимъ, и нѣкоторые изъ гг. экспертовъ, принимавшихъ участіе въ нынѣшней экспертизѣ. Въ этой экспертизѣ гг. эксперты пришли къ тому убѣжденію, что оспариваемая подпись совершенно подходитъ къ несомнѣнной подписи Бѣляева и отличается только тѣмъ, что на завѣщаніи она нѣсколько крупнѣе. Затѣмъ, была произведена вторая экспертиза, результатъ которой былъ тотъ, что подпись на завѣщаніи не имѣетъ сходства съ несомнѣнной подписью Бѣляева, какъ по общему виду, такъ и по характеру и по отсутствію росчерка, который былъ у Бѣляева. Затѣмъ, при производствѣ дѣла въ Гражданскомъ Судѣ, была произведена третья экспертиза. Изъ числа тогдашнихъ экспертовъ также передъ вами находятся нѣкоторые,

и въ числѣ ихъ г. Ивановъ. Эти эксперты отвѣтили, что въ характерѣ многихъ буквъ есть полное сходство съ почеркомъ Бѣляева, другія буквы сомнительны, по той причинѣ, что очертаніе этихъ буквъ самимъ Бѣляевымъ въ различныхъ подписяхъ представляется различнымъ. Наконецъ, при послѣднемъ слѣдствіи, которое предшествовало преданію суду гг. Мясниковыхъ, гг. эксперты сказали, что подпись «Козьма Бѣляевъ» сходства съ почеркомъ Бѣляева не имѣетъ, какъ по характеру, такъ и по стилю буквъ, равно какъ и по связи буквъ между собою, что она представляетъ собою весьма плохое подражаніе. Экспертиза же, произведенная на судѣ, признала подпись очень искусною поддѣлкою.

Прокуроръ указалъ на то, что гг. эксперты признали, что подпись на завѣщаніи, кромѣ того, что она по характеру несходна съ подписями Бѣляева, сдѣлана крупнѣе и не твердою рукою; онъ указалъ кромѣ того на то, что на второй экспертизѣ, на предварительномъ слѣдствіи произведенной, было признано, что подпись на завѣщаніи разнится отъ несомнѣнной подписи Бѣляева еще тѣмъ, что въ ней буква ь писана инымъ способомъ, чѣмъ ее писалъ Бѣляевъ. Экспертизу, произведенную въ гражданскомъ судѣ, г. прокуроръ обошелъ молчаніемъ и остановился лишь на послѣдней экспертизѣ, произведенной на предварительномъ слѣдствіи. Эта экспертиза признала, говоритъ г. прокуроръ, что чернила во всѣхъ подписяхъ на завѣщаніи различествуютъ а что подпись Караганова на пробномъ листѣ сходствуетъ съ почеркомъ на завѣщаніи. Такимъ образомъ, замѣчаетъ г. прокуроръ, всѣ эти экспертизы въ сущности не разнятся, а лишь представляютъ разностороннее разсмотрѣніе подписей.

Г. Лохвицкій. Дѣйствительно, было на предварительномъ слѣдствіи 4 экспертизы, а нынѣ произошла пятая. Но, не говоря о томъ, что нынѣшніе эксперты отъ экспертовъ предварительнаго слѣдствія отличаются тѣмъ, что тѣ показывали безъ присяги, а нынѣшніе подъ присягою; кромѣ того, на предварительномъ слѣдствіи разомъ производили экспертизу только 5 человѣкъ—а въ настоящее время ихъ участвовало пятнадцать.

Г. Языковъ. Да будетъ мнѣ позволено обратить вниманіе гг. прис. засѣдателей на то, что въ числѣ нынѣшнихъ 15 экспертовъ

находятся всѣ тѣ эксперты, которые участвовали въ 4 экспертизахъ предшествовавшихъ.

Г. Лохвицкій. Я не отрицаю этого, но если это такъ, то настоящая экспертиза должна представлять собою сумму всѣхъ предыдущихъ экспертизъ.

Г. Языковъ. Гг. присяжные оцѣнятъ это!

Затѣмъ г. Языковъ просилъ прочесть текстъ и содержаніе свидѣтельскихъ подписей на завѣщаніи Бѣляева и послѣ этого текстъ и содержаніе свидѣтельскихъ подписей на духовномъ завѣщаніи Мартьяновой.

Повѣренный гр. истца г. Лохвицкій. Я желалъ бы, чтобы г. Красильниковъ былъ вызванъ и чтобы ему передали то, что говорилъ свид. Ивановъ для того, чтобы Красильниковъ, ежели то несправедливо, что говорилъ г. Ивановъ, могъ бы представить свои объясненія для опроверженія этого показанія (Вызывается свидѣтель г. Красильниковъ).

Предс. Вы слышали показаніе г. Иванова?—О. Онъ меня называлъ должникомъ своимъ, тогда какъ я должникомъ его никогда не былъ.

Предс. Обстоятельство, что вы состоите или несостоите должникомъ его, не относится къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла. Я васъ спрашиваю о показаніи Иванова касательно дѣла о духовномъ завѣщаніи.

Свид. Красильниковъ. Никогда я съ нимъ никакихъ разговоровъ не имѣлъ, и то, что я признанъ былъ злостнымъ банкротомъ—это совершенно невѣрно.

Предс. Я опять повторяю, что это обстоятельство не относится къ дѣлу о духовномъ завѣщаніи.

Г. Лохвицкій. Я позволю себѣ заявить, что банкротъ, по закону, есть человѣкъ, лишенный публичнаго довѣрія, лишенный гражданскихъ правъ; поэтому, показаніе Иванова можетъ произвести на присяжныхъ засѣдателей вредное относительно свидѣтеля Красильникова впечатлѣніе. Поэтому, мнѣ кажется, что разъясненіе этого обстоятельства имѣетъ значеніе и просилъ бы судъ дозволить г. Красильникову представлять свои объясненія по этому поводу.

Предс. Здѣсь не было со стороны защиты противъ г. Кра-

сильникова предъявлено отвода, какъ противъ злостнаго банкрота, лишеннаго гражданскихъ правъ.

Г. Лохвицкій. Изъ вашихъ словъ, г. предс., я вижу разъясненіе этого вопроса.

Предс. Свидѣтель, такъ какъ вы говорите, что хорошо знакомы были съ покойнымъ Бѣляевымъ и съ его почеркомъ, то не можете ли объяснить, въ чемъ состоитъ несходство, заключающееся въ этой подписи на духовномъ завѣщаніи съ обыкновеннымъ, несомнѣннымъ его почеркомъ.

Свидѣт. Краспильниковъ. Почеркъ этотъ крупнѣе; онъ писалъ нѣсколько мельче и потомъ К (первую букву) онъ всегда прямѣе дѣлалъ. Подобныя дѣловыя бумаги, кромѣ того, онъ имѣлъ привычку подписывать полнымъ своимъ именемъ и словами: «фридрихсгамскій первостатейный купецъ». Я представилъ судебному слѣдователю одну бумагу—это была простая довѣренность, данная имъ мнѣ для управленія дѣлами—и на этой бумагѣ даже онъ подписался такъ.—В. А вы знаете Целебровскаго?—О. Целебровскаго я знаю.—В. Почеркъ руки его знакомъ вамъ?—О. Да.—В. Вы не знаете, текстъ духовнаго завѣщанія его рукой писанъ или нѣтъ?—О. (Свидѣтель разсматриваетъ духовное завѣщаніе), я въ настоящее время, извините, упомнить не могу.

Г. Языковъ. Въ виду удостовѣренія, сейчасъ слышаннаго относительно того, что Бѣляевъ всѣ дѣловыя бумаги подписывалъ полнымъ именемъ и званіемъ, не благоугодно ли будетъ г. предсѣдателю отыскать и предъявить гг. присяжнымъ засѣдателямъ находящійся въ дѣлѣ отчетъ въ дворянскую опеку, который нельзя заподозрить въ подложности, потому что это оффиціально доставленный документъ. Если г. прокуроръ согласится со мною въ томъ отношеніи, что эта оффиціальная бумага подписана просто «К. Бѣляевъ», то предъявленіе я буду считать излишнимъ.

Прокуроръ. Я соглашаюсь съ этимъ, но просилъ бы г. защ. припомнить, не въ видѣ ли донесенія написана эта бумага, въ томъ видѣ, что вотъ такой-то, фридрихсгамскій первостатейный купецъ и проч. и затѣмъ въ концѣ подписано «К. Бѣляевъ».

Г. Языковъ. То есть оно совершенно также написано и въ завѣщаніи.

Вводится свидѣтель Шевелевъ.

Предс. Какъ вамъ зовутъ?—О. Николай Александровичъ Ше-

велевъ.—В. Ваше званіе?—О. Подпоручикъ.—В. Ваши лѣта?—О. 41 годъ.—В. Какого вы вѣроисповѣданія?—О. Православнаго.—В. Подъ судомъ вы не были?—О. Теперь былъ подъ судомъ въ Парижѣ за участіе въ коммунѣ. Меня 4 мѣсяца держали въ крѣпости во Франціи.—В. Не состоите ли въ родственныхъ отношеніяхъ къ подсудимымъ Мясниковымъ или Караганову.—О. Въ родственныхъ?...—В. Или въ какихъ нибудь особыхъ отношеніяхъ?—О. Я не понимаю. Что вы понимаете подъ особыми отношеніями?—В. Не состоите ли вы съ ними въ тяжбѣ, или въ качествѣ повѣреннаго?—О. Нѣтъ (Свидѣтель приводится къ присягѣ).

Предс. Не угодно ли вамъ положить палку, которую вы держите въ рукахъ.

Свидѣтель. Я раненъ въ ногу; мнѣ трудно стоять.

Предс. Не угодно ли вамъ сѣсть (Свидѣтель усаживается на кресло, стоящее у стола вещественныхъ доказательствъ). Вы дадите свое показаніе по дѣлу о подложномъ духовномъ завѣщаніи Бѣляева и должны показывать одну только правду, ничего, кромѣ правды и помнить при этомъ, что сверхъ той нравственной отвѣтственности...

Свидѣтель. Позвольте васъ просить говорить погромче; я глухъ, я мало слышу (Предс. повторяетъ формулу и приглашаетъ свидѣтеля къ изложенію извѣстныхъ ему обстоятельствъ настоящаго дѣла).

Свидѣтель. Я вамъ скажу слѣдующее: но, при этомъ, долженъ обратиться нѣсколько назадъ, потому что это дѣло тѣсно связано съ арестомъ моимъ, случившимся въ 1866 году. Въ 1866 году въ августѣ я былъ привезенъ сюда жандармами изъ Царства Польскаго прямо въ III Отдѣленіе, гдѣ я находился нѣкоторое время. Въ III Отдѣленіи въ припадкѣ контузіи заболѣлъ, я былъ въ госпиталѣ; потомъ, какъ и всѣ прикосновенные къ тому дѣлу были распредѣлены по частямъ города, точно также и я. Я попалъ въ Спасскую часть. Обстоятельства мои въ то время сложились такимъ образомъ, что я не могъ оставаться въ Россіи—я долженъ былъ уѣхать за границу. У меня не было средствъ, не было денегъ... Находясь въ такомъ критическомъ положеніи—молитвами тутъ трудно было достать помощь—я былъ въ положеніи человѣка, которому или нужно повѣситься, или нужно уйдти за границу. Чтобы уѣхать за границу, какъ вамъ извѣстно, нужны день-

ги. Денегъ не было... семейство... въ это время меня выручаетъ слѣдующее обстоятельство. Приходитъ одинъ господинъ ко мнѣ въ Спасскую часть и объясняетъ мнѣ: такъ какъ вы были управляющимъ у Мясниковыхъ въ то время, когда умеръ Бѣляевъ, то если вы покажете и напишете то-то и то-то, то мы вамъ дадимъ средства для исчезновенія изъ Россіи. Сказано — сдѣлано. Меня привезли къ Сысоеву. Я написалъ подъ диктовку его письмо и снялъ копію съ письма Сысоева, и такимъ образомъ я 1 декабря изъ квартиры Ижболдиныхъ уѣхалъ за границу. Кромѣ этого средства къ исчезновенію, Ижболдины обязались при полученіи наслѣдства отъ Мясниковыхъ выплатить мнѣ 2,000 р. Этотъ актъ гласитъ такимъ образомъ: «1866 года апрѣля такого-то дня. Мы, нижеподписавшіеся Александръ Ивановичъ Ижболдинъ и Анна Николаевна Ижболдина, за сообщеннымъ вашимъ мужемъ Николаемъ Александровичемъ Шевелевымъ свѣденія о фальшивомъ духовномъ завѣщаніи Бѣляева, обязуемся изъ полученнаго наслѣдства уплатить вамъ 2,000 р.». Кромѣ этого акта, который находится въ настоящее время за границею, и который можетъ быть представленъ въ судъ (я дамъ, если угодно адресъ),—вся эта бумага написана рукою Ижболдина — я знаю о существованіи другаго и третьяго актовъ. Дургой находится у Матвѣева, а третій у повѣреннаго Ижболдиныхъ Сысоева. Не знаю, на какую сумму они составлены. Вотъ все, что я знаю по этому дѣлу.

Прокуроръ. Г. Свидѣтель, это вы разсказываете собственно о вашихъ отношеніяхъ къ Ижболдинымъ. Что же вы написали въ письмѣ, о которомъ идетъ рѣчь?

Свидѣтель. Я написалъ... я былъ приведенъ въ квартиру Сысоева и снялъ копію съ письма, которое мнѣ предложилъ Сысоевъ. Я написалъ ложно.

Прокуроръ. Что же вамъ ничего больше по дѣлу Мясниковыхъ неизвѣстно?

Свидѣтель. Положительно ничего. Я былъ управляющимъ у Мясниковыхъ и былъ въ самыхъ скверныхъ съ ними отношеніяхъ. Они на меня сдѣлали самый неблаговидный доносъ. Это правда. Но никакихъ другихъ отношеній между нами не было.—В. Вы Караганова и Кемпе знаете?—О. Знаю.—В. Оставилъ покойный Бѣляевъ духовное завѣщаніе?—О. Вѣроятно оставилъ, потому что онъ былъ человѣкъ очень практичный.—В. Да, но вы знаете, что

онъ оставилъ? — О. Были разговоры, онъ говорилъ, что нужно сдѣлать духовное завѣщаніе.—В. Онъ съ вами объ этомъ говорилъ?—О. Нѣтъ, я слышалъ отъ другихъ.—В. Вы до какого времени служили у Мясникова?—О. До апрѣля 1859 года.—В. Въ это время вы знали, что существуетъ завѣщаніе Бѣляева, или нѣтъ?—О. Я зналъ, что существуетъ, я даже видѣлъ... я отъ Целебровскаго, наконецъ, зналъ и зналъ отъ Отто.—В. Какъ скоро послѣ смерти Бѣляева было открыто завѣщаніе?—О. Этого я совершенно не знаю.

В. Вы въ Парижѣ судились за какое преступленіе?—О. Я въ Парижѣ судился за преступленія по дѣламъ коммуны.—В. По какимъ это дѣламъ?—О. Меня обвиняли въ томъ, что я служилъ въ Corps des enfants de Paris. Но вы должны знать, что я былъ арестованъ коммуною и приговоренъ къ разстрѣлянію и избѣгнулъ этой смерти вслѣдствіе... объ этомъ есть акты въ слѣдственномъ производствѣ, въ Версали.

В. Вы знали Матвѣева?—О. Зналъ.—В. Какъ вы его знали?—О. Я зналъ его, какъ человѣка, бывшаго у Мясниковыхъ, котораго Мясниковы такъ держали.

В. Почему вы знаете, что у Ижболдина имѣются еще подобные тому акты, какой получили вы?—О. Потому что онъ мнѣ... потому что я навѣрное знаю.—В. Нѣтъ, почему вы знаете? вы увѣряете, что знаете, такъ потрудитесь объяснить.—О. Я... не помню.

В. Вы находились подъ судомъ вслѣдствіе обвиненія, взведеннаго на васъ Мясниковыми. Въ чемъ они васъ обвиняли?—О. Обвиняли меня въ томъ, что я будто бы сдѣлалъ захватъ суммъ, имъ принадлежащихъ. Но это было несправедливо. Это были облигаціи желѣзныхъ дорогъ. Я въ то время хотѣлъ жениться и хотѣлъ предъявить ихъ невѣстѣ; но я никакого захвата не сдѣлалъ; я не мѣнялъ этихъ билетовъ. Это были, однимъ словомъ, личности между двумя управляющими, старшимъ и младшимъ.—В. Отчего вамъ билеты нужны были для предъявленія невѣстѣ? чтобы казаться богаче, чѣмъ вы были?—О. По этому... мнѣ такъ нужно было.—В. Но вѣдь облигаціи не принадлежали вамъ?—О. Мнѣ не принадлежали; но я, по данной мнѣ довѣренности, могъ ими распоряжаться, какъ мнѣ угодно было; могъ все взять. Слѣдовательно тутъ никакого не можетъ быть спора и уголовнаго дѣла.

В. Вы въ настоящее время не состоите подъ судомъ по какому нибудь дѣлу?—О. (въ волненіи). Я... я не знаю... можетъ быть и состою подъ судомъ. Я сижу въ крѣпости. Меня привезли сюда. Можетъ быть я и подъ судомъ. — В. Въ Одессѣ есть объ васъ дѣло?—О. Въ Одессѣ есть дѣло, которое Мясниковы возбудили противъ меня.—В. Вы служили въ Одессѣ?—О. Служилъ.—В. Подъ своимъ именемъ?—О. Нѣтъ, подъ чужимъ. Я обвиняюсь, какъ человѣкъ, поступившій на службу подъ чужимъ именемъ, и обвиняюсь еще въ томъ, что будто бы знакомъ былъ съ Нечаевымъ и будто бы былъ его пріятелемъ, когда это вовсе не правда. Я знакомъ дѣйствительно съ нимъ, но вовсе не его пріятель.

В. Вы были на похоронномъ обѣдѣ у Бѣляевой?—О. Былъ.—В. Происходили ли тамъ какіе нибудь разговоры между Бѣляевой и окружавшими ее лицами?—О. Ничего я не помню.—В. То есть вы именно этого обстоятельства не помните?—О. То есть я положительно не знаю, говорилъ ли я съ madame Бѣляевой... я положительно... съ нею не говорилъ даже.—В. Вамъ Целебровскій не говорилъ о завѣщаніи? — О. Да, говорилъ, что оно существуетъ. — В. Вы сами съ нимъ разговаривали? — О. Какъ самъ?—В. По какому случаю онъ съ вами разговаривалъ?—О. Какъ... какъ знакомый.

В. Вы не управляли Кириловскими откупами?—О. Управлялъ.—В. Пан этихъ откуповъ кому принадлежали?—О. По формальнымъ свѣденіямъ они принадлежали Мясниковымъ.—В. А по неформальнымъ кому?—О. Объ этомъ Мясниковы знаютъ.—В. Но вы, какъ управляющій, вы также знаете?—О. Прекрасно; но я отдавалъ отчетъ однимъ Мясниковымъ.—В. Такъ, что вамъ объ этомъ неизвѣстно?—О. Да, я слышалъ темно, что нѣсколько паевъ подарены были Караганову, но на сколько, положительно не знаю, объ этомъ оффиціальнаго ничего нѣтъ.—В. Да, но мы васъ спрашиваемъ не о тѣхъ свѣденіяхъ, которыя оффиціально извѣстны, а о томъ, что вы сами знаете.

О. г. прокуроръ, когда нѣтъ оффиціальныхъ данныхъ, какимъ же образомъ я могу сказать что нибудь.

Прокуроръ. Г. свидѣтель, для этого вы дали присягу, чтобы все говорить, что вы знаете.

Свидѣтель. (Въ волненіи) прекрасно, я присягалъ, но какія

я представлю доказательства въ подтвержденіе моихъ словъ. На все нужны факты.

Прокуроръ. Ваше показаніе подлежитъ оцѣнкѣ суда, а вы должны сказать что знаете.

Свидѣтель. Я знаю, не совсѣмъ точно, по слухамъ, что будто бы пан принадлежали Караганову, но положительно этого утвердить не могу.

В. Скажите: вы доктора Отто знали?—О. Зналъ.—В. Хорошій былъ человѣкъ?—О. Носились слухи, что онъ будто-бы человѣкъ не такъ хорошій.—В. Чѣмъ мотивировались эти слухи?—О. Говорили о какихъ-то связяхъ съ женщинами, слишкомъ старше его. (Въ публикѣ смѣхъ).—В. Ну, что же далѣе?—О. И это я считалъ тогда болѣе или менѣе неприличнымъ.—В. То есть именно то, что онъ состоялъ въ всязяхъ съ женщинами старше его? или что либо друго?—О. Старше его, да.... видите ли онъ былъ очень недурепъ собою.... говорятъ, что будто бы.... вы очень хорошо понимаете, что я хочу сказать. (Движеніе).

В. Вы думаете, что Целебровскій былъ богатъ?—О. Я не думаю. Еслибы онъ былъ богатъ, то не служилъ бы у Мясниковыхъ.—В. Были ли у него средства какія нибудь?—О. Не знаю.—В. Онъ служилъ у Мясниковыхъ, какъ вы говорите? Въ какой должности онъ состоялъ?—О. Онъ являлся къ нимъ; былъ повѣреннымъ по дѣламъ ихъ, ходатаемъ—въ родѣ этого. — В. Вы называете это службой у Мясниковыхъ? Занимался онъ у кого либо другаго, или только у Мясниковыхъ? — О. Положительно не могу сказать; можетъ быть и занимался.

Повѣр. гр. истца г. Лохвицкій. Вы сказали, что въ 1866 году вы были въ такомъ положеніи, что вамъ нужны были деньги, или вы должны были повѣситься и что для того, чтобы получить деньги, вы согласились подписать ложное показаніе?—О. Да. — В. Теперешнее ваше положеніе лучше того положенія, въ какомъ вы были въ 1866 году?—О. Видите ли... я надѣялся тогда, что мои средства улучшатся, что мои труды за границею принесутъ мнѣ пользу... то-есть я понимаю, что вы хотите сказать; но я теперь такъ долго сижу въ крѣпости и такъ далеко, за столькими замками за столькими часовыми, что этотъ намекъ вашъ не имѣетъ смысла.

Предс. Я просилъ бы васъ, свидѣтель, разъяснить, о какомъ намекѣ вы говорите.

Свидѣтель. Мнѣ говорятъ: улучшились ли мои средства. Изъ этого надо заключить, что если я написалъ прежде фальшивое письмо, то и теперь могу дать такое показаніе... При этомъ я долженъ сказать, что я вовсе не желалъ воспользоваться этими 2000 руб... дѣло было такимъ образомъ: Въ Женеву приходитъ требованіе о допросѣ меня. Я адресуюсь къ адвокату и спрашиваю, какимъ образомъ мнѣ поступить. Дѣло вотъ какое: у меня требуютъ показанія по такимъ обстоятельствамъ, которыя совершенно неправильны; мнѣ во что бы то ни стало нужно отказаться отъ дачи этого показанія. Мнѣ говорятъ: нельзя. Вы должны будете отвѣчать; иначе, по нашимъ законамъ, вы подлежите выдачѣ, потому что это не политическое дѣло. И вотъ я долженъ былъ исчезнуть изъ Женевы, и я уѣхалъ въ Кросъ и работалъ въ тамошнихъ журналахъ. Труды мои извѣстны. Я работалъ именно въ то время, когда въ Женевѣ получены были отсюда требованія.

Прокуроръ. Свидѣтель, вы говорите, что въ 1866 году находились въ положеніи безвыходномъ, имѣли необходимость бѣжать за границу, и тамъ вы занимались, какъ вы заявляете, трудами, которые извѣстны. Вы рѣшились воспользоваться предложеніемъ Ижболдиныхъ и написать показаніе, которое вы въ настоящее время признаете завѣдомо ложнымъ. Это письмо, — конечно вы не станете отрицать этого, —да это видно и изъ самыхъ вашихъ словъ, содержало въ себѣ обвиненіе нѣсколькихъ лицъ въ томъ, что они составили подложное духовное завѣщаніе. За это вы получили средства, чтобы уѣхать за границу. Такимъ образомъ, вы рѣшились взвести на нѣсколькихъ лицъ ложное обвиненіе, которое вы потомъ опровергнуть не могли, такъ какъ вы уѣзжали за границу и знали, что исчезнете съ горизонта. Вы взводите ложное обвиненіе на неповинныхъ людей для того, чтобы составить себѣ возможность получить болѣе удобное положеніе?...

Свидѣтель. Т.-е. не удобное, а для того, чтобы мнѣ можно было исчезнуть.

Прокуроръ. Такъ вы все это признаете?—О. Да, я это признаю.

Защитн. А. Мясникова г. Арсеньевъ. Гдѣ вы написали ваше письмо?—О. Ижболдинъ меня повелъ къ Сысоеву и Сысоевъ

мнѣ диктовалъ.—В. И это письмо и условіе писано не въ апрѣлѣ?—О. Въ апрѣлѣ я ихъ и не видѣлъ; а это условіе на 2,000 р. составлено какъ бы въ апрѣлѣ, когда между тѣмъ есть факты, что я не могъ ихъ въ апрѣлѣ видѣть и прежде ноября я ихъ никогда не видѣлъ и не зналъ.

Г. Лохвицкій. Я имѣю къ вамъ еще одинъ вопросъ: Кто тутъ былъ двигатель Сысоевъ или Ижболдины? — О. Это чисто компанія. — В. Вы не могли различить? — О. Я думаю, что это общее у нихъ дѣло.

Прокуроръ. Свидѣтель, вотъ вы теперь приводите собственный свой выводъ, что тутъ была компанія... но вотъ еще одинъ вопросъ относительно васъ самихъ: если вы считали возможнымъ, для того, чтобы поставить себя въ положеніе болѣе удобное, для того, чтобы вырваться изъ тяжелаго положенія, взвести на нѣсколько людей ложное обвиненіе, то считаете ли вы также возможнымъ и оправдывать этихъ людей тоже подъ вліяніемъ такой же цѣли?—О. Я уже на это вамъ отвѣтилъ, что хотя сдѣлалъ это дѣло, но не желалъ воспользоваться дальнѣйшимъ его ходомъ за границею. Я вѣдь, какъ свидѣтель, здѣсь могъ бы подтвердить то, что изложено въ письмѣ для того, чтобы получить 2,000 р., но этого я не сдѣлалъ. Слѣдовательно, подобный вопросъ, г. прокуроръ, мнѣ кажется... — В. Но вашъ отвѣтъ приводитъ меня къ другому вопросу: неизвѣстно ли вамъ, что вы, какъ эмигрантъ, какъ человѣкъ, обвинявшійся въ государственномъ преступленіи, не имѣли права взыскивать въ Россіи деньги съ Ижболдина?—О. Я это знаю. Поэтому Ижболдины дали мнѣ обязательство на имя моей жены.—В. Но, давая свое показаніе, вы знали о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя могутъ постигнуть Мясниковыхъ?—О. Да, я и говорю: цѣль оправдывала у меня нѣкоторымъ образомъ средства.—В. Такъ что, слѣдовательно, вы на половину только сдѣлали то дѣло, за которое вы взялись; вы взвели ложное обвиненіе и затѣмъ относительно Ижболдина не сдержали слова? — О. Какимъ образомъ мнѣ держать слово? Я только списалъ копію; я только и обязанъ былъ это сдѣлать.

Защитн. И. Мясникова г. Языковъ. Потрудитесь сказать: вы давно доставлены въ Россію? — О. Я только что сюда доставленъ. 4 февраля меня вывезли изъ Парижа.—В. Видѣли ли вы кого нибудь, кромѣ тѣхъ лицъ, которыя васъ привезли и охра-

няютъ?—О. Однимъ словомъ... я прежде сидѣлъ уже, я уже нѣсколько разъ сижу въ крѣпости. Но въ настоящее время до такой степени со мною строго поступаютъ, что даже смотритель, за которымъ я посылалъ для того, чтобы меня обстричь, и тотъ ко мнѣ не приходитъ. Я запечатанъ въ Петропавловской крѣпости.—В. И вы находитесь подъ спеціальнымъ надзоромъ?—О. Больше, чѣмъ подъ спеціальнымъ надзоромъ. Я герметически закупоренъ. (Смѣхъ. Движеніе).

Предс. Вы знаете свидѣтеля Ижболдина въ лицо?—О. Какъ же.—В. Можете ли вы его узнать въ настоящее время?—О. Непремѣнно.

Прокуроръ. Я просилъ бы предъявить свидѣтелю Ижболдина въ числѣ нѣсколькихъ другихъ лицъ. (Свидѣтелю предъявляются нѣсколько лицъ. Онъ тотчасъ же указываетъ на Ижболдина).

Предс. Свидѣтель Ижболдинъ, вы слышали показаніе Шевелева. Что вы на это скажете?

Свид. Ижболдинъ. Я въ настоящее время ничего не могу доложить.—В. Вы знаете, о какомъ обязательствѣ идетъ рѣчь?—О. Объ этомъ спросить надобно Сысоева. Мнѣ кажется тамъ дѣло шло о какихъ-то билетахъ жены Шевелева.—В. Вы представили обязательство это къ дѣлу? — О. Не могу сказать; кажется, что представлено.

Г. Арсеньевъ. Я прошу предъявить Шевелеву письмо его, имѣющееся въ дѣлѣ и спросить то ли это самое, которое онъ написалъ у Сысоева, и затѣмъ, такъ какъ, въ виду показанія Шевелева, это письмо представляется вещественнымъ доказательствомъ въ высшей степени важнымъ, то я покорнѣйше прошу прочесть это письмо.

Г. Лохвицкій. Я покорнѣйше прошу судъ объяснить гг. присяжнымъ засѣдателямъ слѣдующее: что это письмо нисколько не вошло въ обвинительный актъ, что оно осталось въ дѣлахъ предварительнаго слѣдствія и не имѣло ни малѣйшаго вліянія на преданіе суду обвиняемыхъ.

Г. Арсеньевъ. Если такое объясненіе судомъ будетъ сдѣлано, то я покорнѣйше прошу присовокупить, что г. Шевелеву въ Швейцарію были посланы производившими слѣдствіе вопросные пункты и что, наконецъ, онъ со стороны обвиненія былъ вызванъ къ судебному засѣданію.

Г. Языковъ. Я прошу предъявить это письмо гг. присяж-

нымъ засѣдателямъ. А вслѣдъ затѣмъ прочесть другое письмо, которое имѣетъ непосредственное съ этимъ письмомъ отношеніе. именно письмо Исаева.

Г. Арсеньевъ. Я покорнѣйше прошу вслѣдъ за письмомъ Исаева прочесть и показанія Исаева, и не только показаніе, данное имъ на предварительномъ слѣдствіи, но и показаніе, данное имъ въ гражданскомъ судѣ на томъ основаніи, что въ гражданскомъ судѣ показаніе имъ было дано подъ присягою.

Прокуроръ проситъ чтеніе письма Исаева отложить до чтенія показанія Исаева, которое будетъ читаться впослѣдствіе.

Г. Арсеньевъ. Порядокъ и ходъ засѣданія, конечно, зависитъ отъ васъ, г. предсѣдатель, но, мнѣ кажется, что вы держались до сихъ поръ той системы, чтобы обстоятельства, которыя связаны между собою, были группированы и въ непрерывномъ порядкѣ представлены на разсмотрѣніе присяжныхъ засѣдателей. Но такъ какъ письмо Исаева и его показаніе имѣютъ самую тѣсную связь съ письмомъ Шевелева и настоящимъ его показаніемъ, то я покорнѣйше прошу прочесть ихъ по выслушаніи показанія и прочтеніи письма Шевелева.

Г. Лохвицкій проситъ судъ вызвать г. Сысоева, на котораго указываетъ свидѣтель Шевелевъ и мѣсто жительства котораго не трудно отыскать, такъ какъ онъ присяжный стряпчій при С.-Петербургскомъ Коммерческомъ Судѣ. Гг. защитники, Арсеньевъ и Языковъ, просятъ о томъ же самомъ.

Предс. предлагаетъ г. Лохвицкому представить къ завтрашнему засѣданію г. Сысоева.

Г. Лохвицкій соглашается на это и проситъ сдѣлать распоряженіе о доставленіи г. Шевелева въ Судъ къ завтрешнему засѣданію.

Свидѣтель Шевелевъ заявляетъ, что онъ боленъ, въ настоящее время лечится и опасается, что завтра, быть можетъ, не будетъ достаточно здоровъ, чтобы явиться въ засѣданіе.

Судъ постановилъ предоставить повѣренному гр. истца представить къ завтрашнему засѣданію свидѣтеля Сысоева и предложить прокурору сдѣлать распоряженіе о доставленіи Шевелева въ Судъ къ завтрашнему засѣданію?

Прокуроръ. Свидѣтель Шевелевъ, потрудитесь разсказать, какимъ образомъ вы воспользовались свободою вслѣдствіе помощи

Ижболдина? — О. Посредствомъ желѣзной дороги. — В. Вы уѣхали отъ Ижболдина?—О. Я съ Ижболдинымъ постоянно видѣлся. Онъ приходилъ въ часть, я къ нему ѣздилъ. — В. Васъ отпускали одного?—О. Да.—В. Вамъ довѣряли?—О. То есть, какъ довѣряли? Я просто выходилъ и тотчасъ опять являлся.—В. Такъ что вы пользовались относительною свободою?—О. Да.—В. Вы отъ Ижболдиныхъ отправились на желѣзную дорогу и затѣмъ уѣхали?—О. Да.—В. Ижболдины васъ провожали?—О. Нѣтъ.—В. Вы не могли сами уѣхать прямо изъ части? Зачѣмъ вы сперва отправились къ Ижболдинымъ?—О. Я ихъ вовсе въ томъ не обвиняю, что они мнѣ содѣйствовали къ побѣгу, но такъ какъ жена моя была у Ижболдиныхъ, то я заѣхалъ къ нимъ. — В. Такъ въ чемъ же состояло содѣйствіе Ижболдиныхъ, о которомъ вы говорили? — О. У меня не было копѣйки денегъ.—В. Да вы развѣ отъ Ижболдиныхъ деньги получили?—О. И Сысоевъ мнѣ далъ 50 р.; и Ижболдинъ также давалъ; но я уже съ ними разсчитался.—В. Когда вы съ ними разсчитались?—О. Въ августѣ мѣсяцѣ, когда я пріѣзжалъ изъ-за границы — В. Вы получили деньги отъ Ижболдиныхъ просто такъ, или вы объяснили о своемъ намѣреніи бѣжать?—О. (послѣ нѣкотораго молчанія) Очень натурально, что онъ зналъ объ этомъ; онъ зналъ, что я нахожусь въ такомъ положеніи, что мнѣ нужно уѣхать.—В. Вы говорили ему, что вамъ нужны деньги для того, чтобы убѣжать отъ комиссіи графа Муравьева?—О. Да—В. И онъ вамъ далъ на это деньги?—О. Да.—В. Это было въ какое время?—О. Это было въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1866 года. — В. В. Въ какомъ мѣстѣ вы съ желѣзной дороги удалились за границу?—О. Я ѣхалъ черезъ Вержболово.—В. Какой у васъ былъ паспортъ?—О. Паспортъ у меня былъ; я досталъ паспортъ. Я остановился въ Ковно, тамъ я имѣлъ знакомаго еврея; онъ мнѣ далъ паспортъ за 10 р. и я уѣхалъ за границу.

Г. Лохвицкій. Вы говорите, Шевелевъ, что деньги, которыя Сысоевъ и Ижболдинъ вамъ дали, вы имъ возвратили, значитъ, эти деньги вы получили взаймы, а не какъ плату за подпись письма?—О. Да, но я вмѣстѣ съ этимъ требовалъ обратно свое письмо; но они мнѣ не возвратили. Я съ тѣмъ имъ отдалъ деньги, чтобы они возвратили мнѣ мое письмо.—В. А условіе, вы имъ предлагали отдать?—О. Непремѣнно. Очень натурально, потому что это условіе въ настоящее время не имѣетъ никакого значенія, какъ будто

оно не существуетъ. Наконецъ, оно не мое, а на имя моей жены. Я хотѣлъ отдать его, затѣмъ, идти къ моей женѣ; но тутъ случилось такимъ образомъ, что я опять скоропостижно долженъ былъ уѣхать изъ Петербурга, потому что я встрѣтилъ на улицѣ одного человѣка, который меня узналъ. Я тогда ночью пробрался на дачу къ моей женѣ—она жила на Выборгской гдѣ-то — простился съ нею и уѣхалъ на извощикѣ до Колпина; тамъ прождалъ до утра и съ первымъ же утреннимъ поѣздомъ исчезъ, потому что боялся, что это лицо, которое меня встрѣтило на улицѣ, меня оговоритъ.

Г. Лохвицкій. Когда вы писали то письмо, то было ли единственнымъ возгражденіемъ то условіе на 2000 р. и затѣмъ деньги вы взяли взаймы и считали обязанностью и помимо возвращенія вамъ письма отдать имъ эти деньги?

Свидѣтель. Вы, г. повѣренный, ставите не точно вопросъ; я васъ не понимаю. Вы столько говорите, что мнѣ нельзя сообразить (Смѣхъ). Вы пожалуйста по точнѣе.

Г. Лохвицкій. Что было наградою за ваше письмо: одно условіе, или и выдача наличными деньгами?—О. Я вамъ сто разъ говорилъ, что за это письмо я долженъ былъ исчезнуть за границу и слѣдовательно, какъ вы поймете?... безъ денегъ нельзя за границу... вы согласны?

Прокуроръ. Вы, когда писали письмо, такъ знали, для чего?—О. Да-съ. Видите ли, какая штука: Сысоевъ написалъ письмо и сказалъ, что онъ долженъ имѣть право это письмо представить на судебное разбирательство; но меня при этомъ увѣрялъ, что они кончатъ дѣло съ Мясниковыми миромъ. Понимаете ли? Онъ говорилъ мнѣ, что Мясниковы уже предлагаютъ 50,000 р., но что они не соглашаются, и говоритъ, что это письмо для устройства мировой сдѣлки необходимо. Я въ такомъ былъ положеніи, что я долженъ былъ или это сдѣлать, или умереть.—В. Это было единственное средство къ вашему спасенію?—О. Единственное средство, положимъ, что нечестное—я долженъ буду за это отвѣчать; но... иногда цѣль оправдываетъ средства.—В. Когда вы пріѣхали въ Петербургъ и хотѣли взять обратно свое письмо, то вы разсчитывали на то, что оно еще у Ижболдиныхъ? Развѣ вы думали, что обязавшись заплатить 2000 р., и рискуя быть укрывателемъ преступника, обвинявшагося въ государственномъ преступленіи, Ижболдины не воспользуются даннымъ вами письмомъ?—О. Я не

знаю, но они говорили, что письмо это-то у Сысоева, то подождите, мы вамъ его доставимъ. Они просили не ходить къ Сысоеву, потому что Сысоевъ очень трусливый человѣкъ, что онъ можетъ сконфузиться моимъ прибытіемъ, что они возьмутъ у него и отдадутъ мнѣ.—В. И вы имъ повѣрили?—О. Я все-таки дождался бы, еслибы мнѣ не нужно было скоропостижно уѣхать изъ Петербурга.—В. А деньги вы имъ отдали?—О. Да, отдалъ.—В. Какъ вы объясните то, что одинъ разъ вамъ до крайности нужны деньги и вы для полученія ихъ совершаете нечестное дѣло, а другой разъ вы скоропостижно должны уѣхать изъ Петербурга и отдаете деньги?—О. Я заплатилъ. Какъ вамъ угодно; нѣтъ росписки, нѣтъ документа—но я заплатилъ.

Въ виду того, что въ завтрашнемъ засѣданіи быть можетъ не приметъ участія свидѣтель Шевелевъ по болѣзни, Судъ постановилъ предъявить Шевелеву письмо *) его и прочесть. (Письмо было прочтено).

Предс. Свидѣтель Ижболдинъ, это письмо къ вамъ было написано?—О. Это было вмѣстѣ съ Сысоевымъ.—В. Когда оно было написано, вмѣстѣ съ Сысоевымъ?—О. Не могу доложить теперь.—В. Оно на ваше имя написано?—О. На мое.—В. При какихъ обстоятельствахъ?—О. Онъ, когда содержался въ Спасской части, то на свободѣ вездѣ ходилъ, словомъ сказать, человѣкъ свободный. Я не зналъ, что онъ сидѣлъ; и объ немъ мнѣ сначала сказалъ докторъ Красильниковъ, что вотъ Шевелевъ здѣсь есть, который разсказалъ все, что происходило по духовному завѣщанію. Я съ нимъ познакомился и онъ разсказалъ мнѣ и написалъ самъ письмо; онъ въ части и писалъ письмо.—В. Вы просили его, чтобы онъ написалъ это письмо? — О. Нѣтъ, онъ самъ изложилъ.—В. И получивши уже письмо, вы прошли къ нему въ часть, или раньше вы къ нему ходили? — О. Этого я не помню. Я думаю лучше всего Павелъ Ивановичъ Сысоевъ скажетъ; онъ зналъ объ этой исторіи.—В. Вы ему дали условіе за это письмо?—О. Нѣтъ, не за это письмо, а за какія то свѣденія, которыя жена его передавала намъ.

На вопросы г. Арсеньева свид. Ижболдинъ заявилъ, что не пом-

---

*) Письмо это напечатано въ приложеніи.

нитъ, когда и гдѣ Шевелевъ написалъ письмо, и не помнитъ даже и года, и что полагаетъ, что можетъ быть ошибкою написано, что оно было написано въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, кажется онъ въ ноябрѣ былъ въ части у Шевелева.

Предс. Вы, г. Шевелевъ, утверждаете, что написали это письмо? — О. Я написалъ это письмо въ квартирѣ Павла Ивановича; это было вечеромъ, подали закуску, предложили выпить рюмку водки и потомъ предложили сдѣлать копію съ письма, которое было готово, рукою Сысоева написано.—В. Вы съ докторомъ Краснильниковымъ имѣли какіе нибудь разговоры, сходные съ содержаніемъ письма?—О. Можетъ быть.—В. Онъ объ этомъ духовномъ завѣщаніи говорилъ съ вами?—О. Нѣтъ.

Г. Языковъ. Вы Матвѣева знали?—О. Зналъ.—В. Что это былъ за человѣкъ, пьющій? — О. Сильно пьющій. — В. Такъ что случалось, что за обѣдомъ у Мясникова онъ напивался до того, что падалъ подъ столъ?—О. Случалось.—В. Не былъ ли онъ нахлѣбникомъ у Мясниковыхъ? — О. Да, я слышалъ, что онъ былъ еще при покойномъ отцѣ Мясниковыхъ въ качествѣ приживалки и что перешелъ къ наслѣдникамъ вмѣстѣ съ домомъ и съ мебелью. (Смѣхъ).

Г. Арсеньевъ. А на словахъ вы разсказывали Ижболдинымъ тѣ свѣдѣнія, которыя сообщены въ письмѣ? — О. Я встрѣчалъ у Ижболдиныхъ Матвѣева. Я говорю, что онъ говоритъ; но я имѣю привычку больше молчать.

Прокуроръ. У Матвѣева такое же было условіе, какъ у васъ, отъ Ижболдиныхъ? — О. Да, Матвѣевъ мнѣ говорилъ, что онъ имѣетъ условіе. Это было въ октябрѣ или ноябрѣ. — В. Передъ знакомствомъ или послѣ знакомства вашего съ Ижболдинымъ?— О. Во время знакомства.—В. Вы сколько времени были знакомы?— О. Я былъ знакомъ съ Ижболдинымъ мѣсяцъ. — В. А написали вы письмо передъ самымъ отъѣздомъ?—О. Да. Я рѣшился на кризисъ. Я былъ все въ ожидательномъ положеніи; я ожидалъ денегъ отъ родныхъ, 28 или 29 октября я у Сысоева написалъ письмо.

Г. Арсеньевъ. Въ апрѣлѣ вы не содержались?—О. Нѣтъ, я пріѣхалъ сюда... За что я былъ арестованъ? Я былъ таможеннымъ чиновникомъ и уволенъ былъ въ отпускъ, но по обстоятельствамъ, не дождавшись отпуска, поѣхалъ безъ него въ Петербургъ. Въ Петербургѣ меня заарестовали по обвиненію меня въ томъ, что я,

будто бы, участвовалъ по дѣлу Каракозова. Я въ апрѣлѣ, 3 числа, пріѣхалъ, остановился въ гостинницѣ Сомова, на углу Знаменскаго и Невскаго, гдѣ останавливался въ теченіи 20 лѣтъ сряду. Вы помните какъ прошелъ апрѣль мѣсяцъ, какъ шумно, какія дѣлались овацiи. Слѣдовательно, было ли тогда время писать подобное письмо. — В. Вы содержались въ Спасской части? — О. Я содержался сперва въ III-мъ Отдѣленіи, а потомъ въ Спасской части.

Прокуроръ. Вы говорите, что въ апрѣлѣ у васъ не было времени писать письмо: дѣлались овацiи. Какое отношеніе вы имѣли къ этимъ овацiямъ, которое вамъ не позволяло въ то время заниматься другимъ дѣломъ. Чѣмъ эти овацiи вамъ мѣшали?—О. Я постоянно былъ отвлекаемъ: смотры были, парады, наконецъ у дворца постоянно стоялъ, ходилъ всюду со своею женою.—В. Значитъ, участвуя въ овацiяхъ, вы не имѣли времени писать подобнаго письма?—О. Натурально; для того, чтобы составить это письмо мнѣ хорошо нужно было знакомится съ лицами, для которыхъ писалось письмо. — В. Вы говорите, что получили отъ Ижболдина деньги наканунѣ бѣгства. Вы не боялись, чтобы Ижболдинъ, для того, чтобы сложить съ себя отвѣтственность въ томъ, что способствовалъ вашему бѣгству, на васъ донесетъ?—О. Этого нельзя было сдѣлать на томъ основанiи, что онъ не зналъ момента того, когда я сдѣлаю побѣгъ. Наконецъ, я не поѣхалъ чрезъ Варшаву; я поѣхалъ чрезъ Москву и потомъ въ дилижансѣ до Ростова.—В. Скажите, по этому тракту идетъ вольная почта?—О. Я не знаю. Я взялъ почтовое мѣсто, въ почтовомъ отдѣленiи, на Мясницкой, въ Москвѣ.—В. У васъ вида не требовали?—О. Но вѣроятно и имѣлъ видъ. У меня ихъ всегда много было.—В. Но вы сказали, что вы взяли въ тотъ разъ паспортъ у еврея. — О. А, это для того, чтобы за границу попасть; мнѣ нуженъ былъ паспортъ заграничный.—В. Но вы не могли съ вашимъ видомъ проѣхать за границу?—О. Да, можно было сдѣлать, можно было и совершенно безъ паспорта, но только въ болѣе теплую погоду, потому что тогда приходится выждать случай перейдти за границу не замѣченнымъ.—В. Вы не могли на свой видъ получить заграничный паспортъ?—О. Этого нельзя было никакъ сдѣлать, потому что послѣ Каракозовской исторiи III-е отдѣленіе чрезвычайно строго стало слѣдить за уѣзжающими за границу.—В. Однако, въ Петербургѣ, гдѣ именно есть III-е отдѣленіе, вы были совершенно свободны,

могли ходить и по гостямъ, и возвращаться только обѣдать домой...—О. Потому что я не былъ въ III-мъ отдѣленіи, а былъ въ Спасской части. — В. Слѣдовательно находились подъ стражей и могли ходить по трактирамъ, могли наконецъ бѣжать, и почему въ Ковно вы непремѣнно попались бы?—О. Я не понимаю васъ.— В. Вы говорите, что были совершенно свободны, могли ходить по трактирамъ...?—О. Да почему вы непремѣнно удареніе дѣлаете на трактиры; вы не думаете ли, что я трактирный господинъ? Я вовсе и не ходилъ по трактирамъ. Можно сказать о человѣкѣ что угодно, но для чего его третировать?...—В. Почему, однако, вы думаете, что въ Ковно или Гродно васъ бы сейчасъ арестовали, когда въ Петербургѣ вы были такъ свободны, не смотря на арестъ?— О. Я предполагалъ это такъ потому, что въ то время строго слѣдили за отъѣзжающими за границу.

Г. Языковъ. Я желалъ бы сдѣлать одно заявленіе по поводу показанія свидѣтеля Шевелева. Я попросилъ бы гг. присяжныхъ засѣдателей только вспомнить, что въ провинціи для того, чтобы получить заграничный паспортъ нужно обратиться съ прошеніемъ къ губернатору, а губернаторъ только тогда выдастъ паспортъ, когда будетъ представлено свидѣтельство отъ мѣстной полиціи въ томъ, что не имѣется препятствія къ выѣзду просителя. Вотъ порядокъ, который существуетъ въ провинціи. И, такимъ образомъ, человѣку, который не живетъ постоянно въ извѣстномъ городѣ, въ этомъ городѣ получить паспортъ будетъ чрезвычайно трудно, даже въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, а не только въ экстраординарномъ.

Затѣмъ, свидѣтель Шевелевъ былъ удаленъ изъ залы засѣданія.

Г. Арсеньевъ просилъ Судъ сдѣлать распоряженіе для того, чтобы узнать, когда Шевелевъ сидѣлъ въ Спасской части.

Въ виду просьбы повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ о вызовѣ въ судъ свидѣтелей Сысоева и Красильникова, Судъ призналъ ходатайство это подлежащимъ удовлетворенію и предложилъ сторонамъ пригласить означенныхъ свидѣтелей къ слѣдующему засѣданію, и, затѣмъ, согласно просьбѣ защиты, на основаніи 626 ст. Уг. Судопр., прочесть показаніе и письмо Исаева.

Письмо Исаева Герману.

*

Милостивый государь,
Николай Семеновичъ!

«На письмо ваше, полученное мною вчерашняго числа, спѣшу увѣдомить, что о чемъ вы просили я исполнилъ и получилъ изъ Инспекторскаго Департамента слѣдующія свѣдѣнія, которыя у сего и прилагаю. Что же касается до дѣла о гг. Мясниковыхъ, то я могу сказать только то, что личность ихъ мнѣ не знакома, но, какъ помню, въ 1858 году пріѣзжалъ ко мнѣ офицеръ отъ наслѣдниковъ гг. Мясниковыхъ подписать духовное завѣщаніе. Сколько могъ въ то время замѣтить, пробѣжавъ машинально страницы того завѣщанія, содержанія коихъ, впрочемъ, не запомню, на послѣдней была подпись: Козьма Бѣляновъ или Бѣляевъ... право, фамиліи хорошо не помню за давнопрошедшимъ временемъ... и какъ, не зная личности завѣщателя, въ просьбѣ того офицера я отказалъ, зная по опыту, что дѣла по духовнымъ завѣщаніямъ бываютъ нерѣдко довольно грязныя. Припоминаю еще, что сказанный офицеръ, при убѣжденіяхъ своихъ, приглашалъ даже меня къ гг. Мясниковымъ, на Литейную; но я на это не согласился, и, какъ впослѣдствіи узналъ, этотъ господинъ, предлагавшій мнѣ подписать духовное завѣщаніе, былъ капитанъ Александръ Константиновичъ Мясниковъ. Впрочемъ, все это прошу васъ сохранить въ тайнѣ.

«Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою

«Н. Исаевъ.

«26-го апрѣля 1866 года».

Показаніе надворнаго совѣтника Николая Исаева.

«Отъ роду мнѣ 58 годъ, и т. д. Съ купцомъ Иваномъ Ижболдинымъ, женою его, мѣщанкою Карагановымъ и братьями Мясниковыми никакихъ особыхъ отношеній не имѣю. Ижболдина видѣлъ у Германа, съ которымъ я познакомился давно. Въ 1858 году я исправлялъ должность слѣдственнаго пристава по двумъ частямъ: Васильевской и Петербургской. Никакой офицеръ ко мнѣ въ 1858 году не пріѣзжалъ просить подписаться свидѣтелемъ на завѣщаніи, а, какъ мнѣ кажется, въ 1858 году, т. е. когда я исправлялъ должность слѣдственнаго пристава Васильевской и Петербургской частей. Германъ, котораго я просилъ достать денегъ у

знакомыхъ ему купцовъ, предложилъ мнѣ написать къ нему письмо, обѣщая, что онъ покажетъ это письмо Ижболдину и такимъ образомъ достанетъ у Ижболдина денегъ. Въ письмѣ этомъ онъ просилъ меня написать, будто пріѣзжалъ ко мнѣ Мясниковъ и просилъ меня подписаться на завѣщаніи свидѣтелемъ. Онъ обѣщалъ это письмо только показать Ижболдину, а затѣмъ возвратить мнѣ или уничтожить. Я согласился написать и просилъ Германа сохранить это въ тайнѣ. Письмо это писано мною, кажется, въ квартирѣ Германа. Остался я за штатомъ при введеніи въ С.-Петербургѣ судебной реформы, которая застала меня въ должности слѣдственнаго пристава Выборгской части. Вслѣдствіе этого письма Германъ денегъ, однако, мнѣ не досталъ, а письма не возвратилъ, сказавъ, что его уничтожилъ. Германъ всегда разсказывалъ, что у него есть всѣ данныя противъ Мясниковыхъ. Германъ извѣстный пьяница и рѣдко бываетъ трезвъ, о чемъ извѣстно во всемъ околодкѣ. Мнѣ о дѣлѣ Мясникова рѣшительно ничего неизвѣстно, кромѣ того, что Германъ разсказывалъ за стаканомъ пунша или въ кабакахъ, гдѣ онъ всѣхъ кабатчиковъ припутывалъ къ наслѣдству, слѣдовавшему будто бы Ижболдину, и такимъ образомъ выманивалъ у нихъ деньги. Ни Бѣляева, ни Мясниковыхъ я не знаю».

По прочтеніи показанія Исаева, г. Арсеньевъ просилъ прочесть другое его показаніе, данное подъ присягою въ Гражданскомъ Судѣ, а также показаніе умершаго свидѣтеля Германа.

Прокуроръ. Гг. присяжные засѣдатели! По поводу прочтеннаго показанія, я прошу васъ обратить вниманіе на то, что въ показаніи этомъ Исаевъ самъ заявилъ, что при введеніи судебной реформы былъ уволенъ отъ должности пристава слѣдственныхъ дѣлъ, т. е. такой, которая теперь называется должностью судебнаго слѣдователя, и что, затѣмъ, письмо это онъ написалъ по просьбѣ горькаго пьяницы Матвѣева, ходившаго по кабакамъ и всякаго кабатчика припутывавшаго къ дѣлу. Что же касается до того, что это показаніе подтверждено имъ присягою въ Гражданскомъ Судѣ, то я также это подтверждаю.

Предсѣдатель заявилъ присяжнымъ, что въ протоколѣ 5-го отд. Окружнаго Суда по дѣлу о духовномъ завѣщаніи Бѣляева 1870 г., 16-го марта, изложено показаніе Исаева, данное имъ подъ присягою, сущность котораго вполнѣ одинакова съ только что прочтеннымъ его показаніемъ.

Было прочтено слѣдующее показаніе Германа:

«Отъ роду мнѣ 51 годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, проживаю Парвской части, 2-го участка, по Рижскому проспекту, въ домѣ Сусловой, № 38-й, имѣю отъ купца Ивана Алексѣева Шаболдина и жены его, а также купеческой жены Зои Пѣшехоновой, довѣренность на веденіе гражданскаго иска противъ купчихи Бѣляевой объ оставшемся послѣ смерти мужа ея имуществѣ, по довѣренности этой не предъявилъ, на веденіе же уголовнаго дѣла уполномочія отъ нихъ не получалъ и являюсь въ настоящемъ дѣлѣ докащикомъ. Въ 1863 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, я сдѣлалъ Шефу Жандармовъ въ первый разъ донось о фальшивости духовнаго завѣщанія купца Козьмы Бѣляева и составленной отъ его имени сохранной росписке. Затѣмъ, я обращался съ объясненіями по этому дѣлу неоднократно къ с. петербургскому военному генералъ-губернатору, Министру Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи, и Финансовъ и въ С.-Петербургскую Казенную Палату и, наконецъ, со всеподданнѣйшею просьбою къ Государю Императору. Послѣ разбирательства этого дѣла въ Коммисіи Прошеній, мнѣ было объявлено, чтобы я обратился въ новыя судебныя учрежденія, вслѣдствіе чего я подалъ заявленіе прокурору С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, гдѣ подробно изложены всѣ обстоятельства дѣла и указаны доказательства. Какъ свидѣтель, я могу показать, что купеческій сынъ Амфилогій Александровъ Карагановъ однажды, зимою въ 1864 или 1865 г., въ то время, когда было уже въ разгарѣ дѣло о духовномъ завѣщаніи Бѣляева, пойдя со мною изъ квартиры Красильникова въ трактиръ на Измайловскомъ проспектѣ, во второмъ или третьемъ домѣ отъ Измайловскаго моста, сознавался мнѣ, что подписался на завѣщаніи отъ имени Кузьмы Бѣляева. При чемъ онъ объяснилъ, что Александръ Мясниковъ заставилъ его написать на одной бумагѣ «Козьма Бѣляевъ», сказавъ, что это такъ нужно, и что онъ, Карагановъ, исполнилъ это требованіе, не читавъ бумаги и не зная, что онъ подписываетъ духовное завѣщаніе, а что, напротивъ того, Карагановъ подписалъ завѣщаніе завѣдомо, я слышалъ отъ свидѣтелей: Александра и Ѳедора Красильниковыхъ, Матвѣева, Штеммера, Китаева, Дьяконова и другихъ указанныхъ мною въ заявленіи прокурору Окружнаго Суда. Предъявленныя мнѣ два письма отъ кронштадтскаго мѣщанина Василія Михайловича Китаева и надворнаго совѣтника Нико-

лая Павлова Исаева получены мною отъ нихъ по городской почтѣ и переданы Ижболдину. Лица эти и лично подтверждали мнѣ обстоятельства, изложенныя въ письмахъ. Болѣе въ качествѣ свидѣтеля ничего показать по этому дѣлу не имѣю».

Предсѣдатель (обращаясь къ Караганову). Имѣли ли вы съ Германомъ разговоръ о томъ, что подписали бумагу по просьбѣ Мяснякова?

Караганов. Нѣтъ, не имѣлъ. Я встрѣчался съ нимъ очень короткое время и никакихъ разговоровъ не имѣлъ.

Г. Деппъ. Во всякомъ случаѣ я просилъ бы обратить вниманіе на то, что въ показаніи этомъ Германъ говоритъ, что Караганов подписалъ бумагу не зная ея содержанія.

Засѣданіе было закрыто въ 11 ч. вечера.

Засѣданіе 19 февраля.

По открытіи засѣданія введена свидѣтельница Екатерина Васильевна Бѣляева и послѣ напоминанія г. предсѣдателемъ о томъ, что она обязана сказать все, что знаетъ о духовномъ завѣщаніи, показала: «мужъ мой не за долго до смерти почувствовалъ себя дурно; всталъ, подошелъ къ конторкѣ, вынулъ оттуда бумагу и далъ мнѣ въ руки говоря: возьми и спрячь. Я пошла въ спальню, развернула и вижу, что это духовное завѣщаніе; посмотрѣла его начало и конецъ, подписи мужа и свидѣтелей, потомъ спрятала. Послѣ того какъ мой мужъ умеръ, дней 40 спустя, я вспомнила, что есть духовное завѣщаніе и просила племянника Александра Константиновича передать его въ Гражданскую Палату засвидѣтельствовать; получивъ его обратно, посмотрѣла и увидѣла, что это то самое духовное завѣщаніе, которое теперь называютъ подложнымъ.

Прокур. Вы говорите, что мужъ вашъ почувствовалъ себя дурно, подошелъ къ конторкѣ, вынулъ оттуда бумагу и далъ вамъ спрятать; онъ вдругъ это сдѣлалъ?—О. Нѣтъ. — В. За сколько времени до смерти? — О. (Не слышно).—В. Онъ вамъ сказалъ спрячь бумагу и вы сей часъ спрятали?—О. Я положила въ карманъ, потомъ пошла въ спальню развернула и посмотрѣла.—В. Развернули и потомъ спрятали?—О. Потомъ спрятала.—О. Куда?—О. Въ столъ. — В. Вы хорошо это помните?—О. Да. — В. Когда это было?—О. Потомъ....—В. Свидѣтельница, ваше пока-

заніе весьма важно, оно можетъ служить доказательствомъ того, что дѣйствительно завѣщаніе было; поэтому, постарайтесь вспомнить въ точности все, что вамъ было извѣстно. Когда это: потомъ? Когда вы потомъ припомнили, что положили завѣщаніе въ столъ?—О. Когда нужно было отыскивать я припомнила, что у меня есть завѣщаніе.—В. Слѣдовательно, вы припомнили о завѣщаніи когда возникъ о немъ вопросъ, когда оно нужно было? вслѣдствіе чего это понадобилось? — О. Для засвидѣтельствованія завѣщанія въ Гражданской Палатѣ. — В. Васъ спрашивалъ кто нибудь о завѣщаніи?—О. Нѣтъ. — В. Какъ же вы припомнили, что есть завѣщаніе?—О. Въ сороковый день я припомнила....—В. Затѣмъ, вы вспомнили гдѣ оно лежитъ?—О. Искала и нашла.—В. Да, вы искавши вспомнили гдѣ оно лежитъ?—О. Искала въ спальнѣ, нужно было искать въ бумагахъ...—В. Столъ и спальня были заперты, туда посторонніе не входятъ?—О. Нѣтъ.—В. Вы говорите, что искали и нашли; вы осмотрѣвши комнату нашли въ столѣ бумагу, вы вспомнили, что въ столѣ лежитъ завѣщаніе?—О. Тамъ у меня всѣ бумаги находятся, я искала тамъ... — В. Бумаги ваши находятся въ столѣ? —О. Да.—В. Скажите, не спрашивалъ ли кто васъ о томъ, гдѣ находится это завѣщаніе?—О. Не помню.—В. Не допрашивали ли васъ у слѣдователя?— О. Можетъ быть.—В. Т. е. слѣдователь спрашивалъ или во все не спрашивалъ?—О. Можетъ быть.—В. Какъ вы можете говорить: можетъ быть?— О. Вѣроятно спрашивалъ.—В. Да вы знаете сами?—О. Не помню. — В. Такъ не помните спрашивалъ ли васъ слѣдователь?—О. (Молчаніе).—В. Вы, принявъ къ себѣ, развернули завѣщаніе, посмотрѣли начало и конецъ? — О. Да.—В. Что было написано въ началѣ? — О. Обыкновенно какъ пишется завѣщаніе: во имя отца.... и сына.... я увидѣла, что завѣщаніе на мое имя. — В. Ахъ, вы это видѣли, что завѣщаніе на ваше имя?—О. Да.—В. Такъ, что вы положили завѣщаніе въ столъ и знали, что на ваше имя? — О. Знала.—В. Вы говорите, что дальше не читали, а посмотрѣли начало и конецъ; это въ началѣ было написано, что завѣщаніе на ваше имя?—О. Нѣтъ; я такъ, просто пробѣжа нѣкоторыя слова, замѣтила..., а больше ничего не знаю.—В. Вы замѣтили нѣкоторыя слова и узнали, что оно на ваше имя; а подпись читали?—О. Читала.—В. Какъ вы объясните то, что подпись вы читали, а содержаніе только пробѣжали?—О. Что же, меня могло интересовать.—В. Почему под-

пись васъ интересовала, а содержаніе вы пробѣжали? — О. Мнѣ казалось любопытнымъ, кто подписалъ завѣщаніе.—В. А не было любопытно кто собственно писалъ его? — О. Нѣтъ.—В. Почему вамъ было любопытно знать кто подписалъ духовное завѣщаніе? — О. Не знаю какъ сказать?... — В. Вы не можете объяснить? — О. Я замѣтила подписи.... — В. Т. е. вы ихъ замѣтили, или вы ихъ смотрѣли?—О. Я считала все равно замѣтить и смотрѣть. — В. Замѣтить можно что нибудь мелькомъ, а чтобы смотрѣть нужно желаніе видѣть; вы имѣли желаніе видѣть подписи или нѣтъ?—О. Да.—В. Имѣли желаніе; чьи-жъ это были подписи? — О. Моего мужа, Сицилинскаго, доктора Отто.—В. О чемъ же они свидѣтельствовали эти свидѣтели, о чемъ они писали?—О. Они только подписались.—В. Такъ что были написаны имя и фамилія вашего мужа, а потомъ имя и фамилія свидѣтелей и только?—О. Да.—В. На какомъ листѣ завѣщаніе было написано?—О. На большомъ листѣ.—В. На гербовомъ или простомъ?—О. На простомъ.—В. Текстъ завѣщанія чьей рукой былъ написанъ, вашего мужа?—О. Нѣтъ, я не знаю чьей рукой.—В. А потомъ не имѣли случая узнать? — О. Нѣтъ.—В. Такъ что вы и теперь не знаете кто переписывалъ завѣщаніе?—О. Нѣтъ.—В. У вашего мужа были родственники? — О. Одна сестра, которая замужемъ. — В. А другой не было? — О. Да, еще была сестра. — В. А братьевъ не было? — О. Нѣтъ.—В. Только двѣ сестры было, васъ не интересовало знать, сколько вашъ мужъ оставилъ сестрамъ по завѣщанію?—О. Я сама посмотрѣла сколько онъ выдѣлилъ.—В. Когда вы узнали что назначено?—О. Когда выдавала.—В. Это когда же?—О. Не помню.—В. До сороковаго дня, или послѣ сороковаго?—О. До сороковаго.—В. Вы сами отдавали? — О. Не сама, а просила Александра Мясникова. — В. И когда передавали завѣщаніе, то видѣли, что назначено выдать? — О. Да.—В. А вы непредполагали, что вашъ мужъ могъ оставить родственникамъ? онъ любилъ свою сестру? — О. Да.—В. Какъ много онъ могъ оставить родственникамъ? — О. Его состояніе не позволяло много оставить. — В. Но изъ своего состоянія какую часть онъ далъ бы? — О. Это его воля была.—В. Но вы какъ думаете? много ли онъ могъ оставить?—О. Не думаю, потому что его состояніе не было большое.—В. Представьте себѣ, что у вашего мужа было два рубля состоянія; какъ вы

предполагаете, могъ ли онъ оставить своимъ роднымъ полтора рубля?—О. Нѣтъ, никогда.—В. Почему?—О. (Не слышно).—В. Но возьмемъ пятьдесятъ тысячъ, такое состояніе было у вашего мужа?—О. Да.—В. Но изъ пятидесяти тысячъ вашъ мужъ могъ оставить сорокъ тысячъ или нѣтъ?—О. Я не могу знать.—В. Но онъ любилъ своихъ родныхъ?—О. Да.—В. Такъ что вы допускаете возможность, что онъ роднымъ оставилъ бы сорокъ тысячъ изъ пятидесяти?—О. (Молчаніе).—В. Въ теченіе времени до передачи завѣщанія А. К. Мясникову васъ не интересовало знать—сколько изъ состоянія вашего мужа нужно будетъ отдать роднымъ и сколько останется вамъ?—О. Нѣтъ, я этимъ не интересовалась; у меня были свои заводы и дома.—В. Скажите,—домъ былъ вашъ или вашего мужа?—О. Мой.—В. Завѣщаніе было засвидѣтельствовано; затѣмъ, его вамъ принесли?—О. Мнѣ.—В. Что вы съ нимъ дѣлали?—О. Смотрѣла, прочитала, спрятала.—В. Опять посмотрѣли, опять прочитали и спрятали; гдѣ?—О. Въ спальнѣ.—В. И куда?—О. Въ бумаги положила.—В. Гдѣ-жъ ваши бумаги лежали?—О. Часть въ шкапу, часть въ столѣ и часть въ туалетѣ.—В. Я опять возвращаюсь къ тому—какъ вамъ мужъ передалъ завѣщаніе, передавая его вы посмотрѣли это завѣщаніе и увидѣли, что вамъ отказано? Это было за долго до смерти мужа?—О. Нѣтъ, не задолго.—В. Примѣрно?—О. Я не могу сказать этого; четырнадцать лѣтъ прошло, я забыла.—В. Послѣ того вы съ мужемъ не говорили о завѣщаніи?—О. Онъ все былъ боленъ; было даже грустно говорить. — В. Въ этомъ завѣщаніи,—вы его видѣли—было указано какое имущество достается вамъ?—О. Нѣтъ, не было сказано.—В. А мужъ, передавши завѣщаніе, не говорилъ, что у него такое-то имущество?—О. Нѣтъ, не говорилъ. — В. Вы знали какія были предпріятія и капиталы у вашего мужа? — О. Лѣсная дача—не могу объяснить чего она стоитъ... мебельный магазинъ... рыбныя ловли... машина для промывки песковъ...—В. Вы знали сколько паевъ въ рыбныхъ ловляхъ принадлежало вашему мужу?—О. Нѣтъ.—В. Сколько залоговъ было въ откупахъ?—О. Нѣтъ, я забыла.—В. Знали ли вы тогда? — О. Нѣтъ, тоже не знала и теперь не могу объяснить, потому что забыла, но когда разсчитывалась съ племянниками знала сколько всего. — В. Скажите, еслибы пришлось разсчитывать, вы бы какъ разсчитали? вы представьте себѣ, что какой либо человѣкъ сталъ бы оспаривать ваше завѣщаніе,

доказывать, что имущество завѣщано ему?—О. Я въ то время надѣялась на человѣка, который все это считалъ; вообще давалъ мнѣ совѣты.—В. Это и былъ Богуславскій?—О. Да.—В. Но по какимъ данным вы разсчитывали?—О. Бумаги были. — В. Какія?—О. Были бумаги...—В. Куда же онѣ дѣвались?—О. Онѣ уничтожились.—В. Кто же ихъ уничтожилъ? Богуславскій? вы поручили уничтожить?—О. Нѣтъ, я передала дѣла племянницамъ; просила, чтобы они взяли ихъ отъ меня, сама я распоряжаться не могла, они и взяли.—В. Да, они взяли; въ чемъ же это выразилось? Передали ли вы имъ бумаги по дѣламъ, или нѣтъ, наприм. право на рыбныя ловли?—О. Разсчеты чего что стоитъ.. — В. А бумаги, изъ которыхъ эти разсчеты составлялись,—онѣ у васъ составлялись, или Мясниковъ взялъ?—О. Теперь такъ обстоятельно я не могу объяснить этого — В. Вашъ мужъ умеръ скоропостижно, внезапно?—О. Онъ долго болѣлъ былъ.—В. Да, но вы могли предчувствовать, что онъ умретъ: напутствовали ли вы его, или это случилось неожиданно?—О. Онъ былъ боленъ, я видѣла это.—В. Скажите, у васъ были брилліанты и гдѣ они сохранялись?—О. Въ туалетѣ.—В. А у мужа вашего другія драгоцѣнности были?—О. Онѣ находились у него въ конторкѣ.—В. Вы ихъ тамъ и нашли? — О. Да. — В. Вы сами? — О. Не помню — сама ли нашла, или они передали мнѣ... — В. Скажите, послѣ смерти мужа полиція была у васъ? описывала?—О. Да.—В. Это вы помните? — О. Чуть-чуть, я эти дни не помню, что тутъ происходило.—В. Но вамъ кажется?—О. Была полиція.—В. Вы въ кабинетъ мужа входили? — О. Входила, но въ этотъ день не входила.—В. Тамъ не было золота?—О. Нѣтъ.—В. Скажите, вашъ мужъ былъ долженъ Мясникову?—О. Былъ долженъ.—В. Откуда вы это знаете?—О. При мнѣ говорили объ этомъ и мужъ мой говорилъ. Когда мужъ мой былъ боленъ, то разъ я слышала, что онъ дѣлаетъ разсчеты съ Мясниковыми; я замѣтила, что мужъ мой въ этотъ день дурно себя чувствовалъ и просила оставить это дѣло.—В. Когда же это было? Лѣтомъ, зимою, весною?—О. Кажется весной.—В. Не помните мѣсяца?—О. Не помню.—В. Такъ они, наконецъ, отъ разсчетовъ ушли? вы просили ихъ уйдти?—О. Да.—В. Оба Мясникова были?—О. Оба.—В. Потомъ вашъ мужъ выздоровѣлъ? — О. Нѣтъ, онъ все время былъ боленъ.—В. Что же, они еще разъ приходили къ нему?—О. Ко-

нечно приходили.—В. Почему вы это знаете?—О. Онъ занимался болѣе ихними дѣлами.—В. Такъ они часто послѣ этого приходили?—О. Часто, каждый день почти. — В. И Иванъ Константиновичъ?—О. Оба.—В. Затѣмъ, вы на дачу переѣхали?—О. Да, на дачу.—В. И мужъ вашъ переѣхалъ жить на дачу?— О. Мужъ всего больше въ Петербургѣ жилъ, потому что у него дѣла были; онъ занимался съ племянниками. — В. Онъ былъ боленъ въ то время?—О. Онъ болѣлъ хронически: дѣлается лучше, потомъ опять боленъ и опять лучше.—В. О росписке знали вы изъ разговора съ Мясниковымъ, или самъ мужъ говорилъ вамъ объ этомъ?—О. Конечно, онъ при мнѣ разсчитывалъ.—В. Если это было при васъ, то что говорили Мясниковы?—О. Они разсчитывали... мужъ обѣщалъ имъ дать росписку.—В. Почему онъ обѣщалъ имъ дать росписку, развѣ они его подозрѣвали?—О. Я ужъ не помню.—В. А когда Мясниковы передали вамъ завѣщаніе, то не говорили о росписке? — О. Нѣтъ. — В. Вы говорите, что капиталъ у вашего мужа былъ не большой... — О. Да. — В. Около васъ былъ благородный человѣкъ Богуславскій, который давалъ вамъ совѣты?—О. Да.—В. Онъ не говорилъ ли, если на имуществѣ, которое завѣщается, есть долги, то кто беретъ имущество, тотъ и долги платитъ?—О. Вѣроятно онъ объяснилъ, а теперь я ничего не могу сказать, не помню.. —В. Вы говорили Богуславскому, что знаете изъ разговора вашего мужа съ Мясниковыми, что есть росписка, что вообще мужъ вашъ долженъ 300 тысячъ?—О. Не помню.—В. А вамъ не приходило въ голову, что можетъ быть всего завѣщаннаго было меньше, чѣмъ сколько вашъ мужъ долженъ?—О. Да, я знала, что было меньше.—В. Вы подумайте прежде, чѣмъ отвѣтите на вопросъ: знали ли вы, что имущество, которое завѣщалъ вамъ вашъ мужъ, меньше, чѣмъ его долгъ Мясникову?—О. Я разсчитывала, что не достанетъ; я ожидала, что нужно будетъ пополнить своимъ.—В. А у васъ много имущества?—О. Домъ, заводы...—В. Домъ съ заводами въ ваши руки поступилъ?—О. Нѣтъ.—В. Такъ оказалось, что имущества завѣщаннаго меньше чѣмъ долговъ?—О. Оказалось, что я заплатила своимъ.—В. Вашъ мужъ зналъ, сколько у него имущества?—О. Понятно, зналъ.—В. Онъ васъ любилъ?—О. Да.—В. Такъ что оберегалъ, охранялъ, ограждалъ отъ непріятностей?—О. Очень.—В. Какъ же вы это объясните: мужъ вашъ зналъ, что имущества у него мень-

ше, чѣмъ на 300,000, зналъ, что долженъ Мясникову 300,000 и завѣщалъ имущество вамъ, зная, что заставятъ васъ платить изъ собственнаго кармана? Значитъ, мужъ, который васъ любилъ, умирая еще сдѣлалъ документъ, по которому вамъ, вдовѣ, нужно было платить изъ собственнаго имущества.—О. Да, онъ зналъ, что я съ удовольствіемъ заплачу.

Повѣренный гражданскаго истца г. Лохвицкій просилъ, чтобы показанія Бѣляевой записывались въ протоколъ, потому что по окончаніи засѣданій можетъ быть возбужденъ вопросъ о лжесвидѣтельствѣ Бѣляевой. Судъ, принимая во вниманіе, что возбужденіе вопроса о лжествидѣтельствѣ зависитъ отъ прокурорской власти, оставилъ ходатайство его безъ послѣдствій.

Г. Лохвицкій. Свидѣтельница, до того времени какъ вашъ мужъ вручилъ вамъ завѣщаніе, видѣли ли вы его?—О. Нѣтъ.—В. О формѣ завѣщанія вамъ никто не говорилъ?—О. Нѣтъ. — В. О томъ, что законъ требуетъ, какъ завѣщаніе должно быть писано, сколько нужно свидѣтелей, о томъ ни кто вамъ не говорилъ?—О. Нѣтъ.—В. Скажите, вы отдавали завѣщаніе А. К. Мясникову для засвидѣтельствованія?—О. Да.—В. А онъ прочиталъ его при васъ?—О. Этого я не помню.—В. Вы избрали его своимъ повѣреннымъ; онъ взялъ завѣщаніе, чтобы засвидѣтельствовать, прочиталъ, или вы не помните?—О. Я не помню, читалъ или нѣтъ.—В. Такъ что разговору при этомъ никакого не было?—О. Я его просила и онъ взялъ на себя обязанность представить завѣщаніе въ Гражданскую Палату.—В. Почему вы его избрали; онъ былъ всѣмъ извѣстенъ, какъ хорошій ходатай?—О. Онъ былъ близокъ ко мнѣ; у меня никого не было кромѣ племянниковъ.—В. Вы ему давали довѣренность?—О. Не помню.—В. Не помните, позвольте, это вещь довольно важная; вамъ это должно быть извѣстно, что для того, чтобъ написать довѣренность нужно было поѣхать къ маклеру, или необходимо, чтобы была принесена книга изъ Гражданской Палаты къ вамъ на домъ, вообще тутъ формальности сложныя, забыть ихъ довольно трудно: пріѣзжалъ ли кто къ вамъ изъ Гражданской Палаты съ книгою росписываться, или вы сами ѣздили въ Гражданскую Палату?—О. Ничего не помню.—В. Получивши отъ мужа бумагу, вы ее развернули и прочитали?—О. Не развернула, а прямо понесла къ себѣ въ спальню и тамъ развернула и посмотрѣла.—В. Т. е. взглянули, посмотрѣли,

прочитали? отъ начала до конца прочитали?—О. А вы не слыхали что я говорила?—В. Можетъ быть я слышалъ, но еще разъ хочу слышать.

Предсѣдатель. Г-жа Бѣляева, не угодно ли вамъ отвѣчать.

О. Посмотрѣла начало и конецъ.—В. Вы подписали поручительную подпись на роспискѣ?—О. Да, я подписалась.—В. При жизни мужа вы слышали объ этой роспискѣ—отъ вашего ли мужа, отъ Мясникова ли, или отъ кого бы то ни было,—вы слышали, что мужъ вашъ выдалъ росписку на 272,000?—О. Я уже сказывала, что слышала счеты.—В. Но о роспискѣ, что, положимъ, Кузьма Васильевичъ далъ росписку на 272,000?—О. Нѣтъ. В. Вы подписывали эту поручительную подпись по смерти мужа?—О. Послѣ.—В. Однако, послѣ того, какъ вы дали Александру Константиновичу завѣщаніе для засвидѣтельствованія, или прежде этого.—О. Не помню.—В. Вамъ эту сохранную записку тогда показывали, вы прочитали ее, или нѣтъ? или только такъ сказали, что вотъ росписка на 272,000?—О. Конечно я посмотрѣла и видѣла, знала...—В. Вы считали ее тогда юридически правильною, т. е. такою, по которой они непремѣнно взыщутъ деньги.—О. Нѣтъ, я не считала, а знала, что нужно расплатиться съ ними, что я обязана расплатиться...—В. Нравственно или по закону?—О. (не ясно по молчавши). Нравственно. — В. Послѣ того, какъ вы заключили съ Мясниковымъ извѣстное вамъ условіе, по которому вы передали имъ все состояніе Кузьмы Васильевича и то, которое вы имѣли, съ тѣмъ, что они уплатятъ 100,000 въ извѣстный періодъ и эта сохранная росписка вошла въ счетъ, послѣ того они отдали вамъ самую росписку?—О. Не помню.—В. Помилуйте, 272,000!—О. Да, разсчеты кончены были. — В. Изъ вашихъ словъ выходитъ, что сохранную росписку вашего мужа на 272,000, вы не считали юридически сильною, но полагали, что нравственно вы обязаны заплатить, отдать для погашенія долга все ваше состояніе.—О Да, да.—В. Вы отдали долгъ своего мужа, это прекрасная черта; но вѣдь каждому дорого свое состояніе, почему вы заплативши не взяли къ себѣ росписку?—О. Можетъ быть я и взяла, да не помню.—В. Вамъ не приходило въ голову, что росписка можетъ быть передана другому лицу, что она можетъ случайно затеряться въ бумагахъ Мясниковыхъ, что ее могутъ потерять конторщики?—О. Нѣтъ, не приходило. —В. Вашъ пріятель Богуславскій и дру-

гія лица, которыя знали ваши дѣла, не говорили, что если вы ужъ сдѣлали доброе, великодушное дѣло, заплативъ за долгъ мужа, притомъ племянникамъ, т. е. Мясниковымъ, то росписку нужно же взять, не говоря о томъ, что необходимо, дабы Мясниковы сдѣлали надпись о полученіи отъ васъ денегъ, чтобы потомъ вы могли показать ее всѣмъ и сказать, что вотъ вы заплатили долгъ мужа!—О. Я этого не находила нужнымъ.—В. По крайней мѣрѣ для безопасности вашей...—О. Я не находила нужнымъ.—В. Такъ что вы не знаете, какая судьба постигла эту росписку и хранится ли она у кого нибудь или исчезла?—О. Нѣтъ.—В. Скажите, послѣ смерти мужа вы долго не приходили въ себя на столько, чтобы подумать объ его имуществѣ и дѣлахъ. — О. Долго.—В. Но когда вы дали Мясниковымъ представить завѣщаніе на утвержденіе, тогда вы должны были прійдти въ себя? вы прямо могли представить, или вы призвали Мясникова? у васъ были переговоры?—О. Никакихъ переговоровъ не было, а я прямо просила представить духовное завѣщаніе къ засвидѣтельствованію.—В Мясниковъ не объяснилъ вамъ, что кто принимаетъ завѣщаніе имущества, тотъ принимаетъ и всѣ долги?—О. Они не говорили.—В. Они не говорили, что разсмотрите хорошенько, что много долговъ у Кузьмы Васильевича, что лучше не объявлять себя наслѣдницей?—О. Нѣтъ.

Прокуроръ —Скажите, вы ѣздили въ 1868 году въ Ревель?—О. Нѣтъ, а въ Москву ѣздила.—В. Разскажите, какъ происходило это путешествіе?—О. Я каждый годъ ѣзжу въ Москву и къ Сергію. Въ эту поѣздку я отправилась провожать невѣстку въ Ревель, а потомъ поѣхала на Николаевскую желѣзную дорогу, откуда поѣхала къ Сергію. По возвращеніи домой, мнѣ заявили, что будто меня во время моего отсутствія спрашивалъ кто-то изъ сыскной полиціи. Я сейчасъ велѣла дать знать, что я пріѣхала. — В. А въ домѣ у васъ знали куда вы поѣхали?—О. Я на короткое время уѣхала и говорила, что ѣду въ Москву.—В. Вы не говорили, что ѣдете въ Ревель? —О. Нѣтъ.—В. Вы были опекуншею малолѣтняго Шишкина?— О. Да, была недолго. — В. Вы по собственному желанію оставили это опекунство?—О. Да, не совсѣмъ.—В. Т. е. не по собственному желанію?—О. Да, не знаю почему, опека устранила меня.—В. Изъ кого состояла опека?—О. Изъ д-ра Отто и Ив. Мясникова. — В. Шишкинъ перешелъ отъ васъ къ Мясниково-

вымъ?—О. Да, я взяла гувернера, который оказался такимъ нехорошимъ, что соблазнилъ мальчика уйти отъ меня. Онъ говорилъ ему, что бабушка строгая, очень наблюдаетъ за тобою, а дяди молодые люди, у нихъ веселѣе. Мальчикъ былъ рѣзвый, ему хотѣлось болѣе свободы, и онъ пожелалъ быть у дядей.—В. Почему вы знаете, что гувернеръ уговаривалъ его перейти къ дядямъ?—О. Это оказалось потомъ. — В. Вы не видали ли писемъ его къ Шишкину?—О. Нѣтъ, не видала, но больше некому было соблазнить мальчика.—В. Какая же была его цѣль?—О. Надѣялся пользоваться отъ него деньгами.—В. Сколько лѣтъ было вашему внуку?—О. 14 лѣтъ.—В. Какія же деньги у 14-ти-лѣтняго мальчика?—О. Ему все-таки давали для расходовъ рублей 20 въ мѣсяцъ.—В. Вы давали ему? — О. Нѣтъ, Мясниковы, а я ничего не давала.—В. Вамъ Шишкинъ не писалъ никакого письма?—О. Да, просилъ прощенія, извинялся, что ему хочется жить у дядей. — В. Вы вѣдь любили Шишкина и расходовались на него?—О. Да.—В. Что же, вамъ возвратили за него деньги?—О. Изъ опеки прислали.—В. У васъ дѣла не было объ этихъ деньгахъ и о томъ, что Шишкина увели отъ васъ?—О. Нѣтъ, онъ самъ ушелъ, а не увели. Право, не помню, было ли какое дѣло; я по начальству никому не жаловалась. — В. Такъ какъ же деньги-то вамъ возвратили?—О. Я просила, чтобы выдали изъ опеки.—В. Не было ли у васъ такого дѣла, гдѣ Мясниковы предлагали покончить разсчеты миромъ, съ тѣмъ, чтобы заплатить вамъ из а Шишкина?— О. Нѣтъ.—В. Вы знали Чевакинскаго?—О. Да, онъ занимался у меня дѣлами: я спрашивала его совѣтовъ по разнымъ мелочнымъ распоряженіямъ по дому. — В. Кто такой Чевакинскій? — О. Онъ членъ Дворянской Опеки.—В. Какія же могутъ быть мелкія распоряженія по дому, по которымъ нужно было бы спрашивать совѣта члена Дворянской Опеки?—О. Онъ производилъ счетъ расходамъ за Шишкина и велъ дѣло, которое у меня было съ племянниками. Они обязались мнѣ уплатить 120,000, взноса каждый годъ по 12,000 и вдругъ остановились. Я просила тогда Чевакинскаго ходатайствовать въ судѣ, чтобы Мясниковы эти деньги заплатили. Дѣло это, кажется, кончилось тѣмъ, что Мясниковы просто пришли и просили меня не продолжать его.—В. Чевакинскій былъ самъ членомъ опеки надъ Шишкинымъ?—О. Да.—В. Вы не помните, находилъ ли онъ правильными дѣйствія Ив. Мясникова

по распоряженію капиталомъ Шишкина? — О. Это до меня не касается, я не знаю.—В. Вамъ никогда не приходилось писать къ Мясниковымъ писемъ, въ которыхъ вы говорили, что откроете всѣ ихъ дѣйствія?—О. Нѣтъ, никогда не писала.— В. Вы Целебровскаго знали?— О. Онъ занимался у моего мужа. — В. По дѣлу о завѣщаніи онъ никакой роли не игралъ?—О. Не знаю.—В. Вашъ мужъ не обращался къ услугамъ Целебровскаго?—О. Быть можетъ.

Пр. пов. Языковъ. Свидѣтельница, вы показали сейчасъ на вопросъ прокурора, что поручали иногда Чевакинскому всякаго рода дѣла?—О. Да.—В. У васъ есть домъ, есть жильцы, съ которыми пишутся контракты. Вѣдь вы сами писать контрактовъ не умѣете, слѣдовательно Чевакинскому, который служитъ и понимаетъ дѣла, вы собственно такого рода порученія по дому и давали? — О. Да. — В. Васъ часто спрашивали на предварительномъ слѣдствіи?—О. Не помню сколько разъ.—В. Но васъ вызывали нѣсколько разъ, допрашивали и передопрашивали по одному и тому же вопросу?—О. Да.—В. Кабинетъ вашего мужа состоялъ изъ скольнихъ комнатъ?—О. Изъ двухъ.—В. Что, у него въ кабинетѣ много было денегъ, золота?—О. Нѣтъ, не было ни денегъ, ни золота.—В. Были ли у него золотые промыслы?—О. Нѣтъ, онъ болѣе занимался дѣлами племянниковъ. — В. Задолго ли до смерти вашего мужа скончался П. Ѳ. Мясниковъ?—О. За три или за четыре года.—В. Внуки Ивана Ѳедоровича были въ то время здѣсь?—О. Нѣтъ.—В. Все состояніе Ивана Ѳедоровича осталось на рукахъ вашего мужа, т. е. его заботами и попеченіями продолжались дѣла?—О. Да, онъ занимался его дѣлами; племянниковъ не было въ то время въ Петербургѣ; у старика были дѣйствительно золотые пріиски.—В. Слѣдовательно, мужъ вашъ получалъ много золота, принадлежавшаго Мясниковымъ?—О. Да, вѣроятно, получалъ, если завѣдывалъ ихъ дѣлами.

Пр. пов. Арсеньевъ. Когда вашъ мужъ началъ хворать? задолго до смерти?—О. Года за два? Его болѣзнь была мучительная; боли бывали періодическія и постоянно усиливавшіяся.—В. Кто его лѣчилъ?—О. Докторъ Тильманъ.—В. А передъ тѣмъ домашнимъ докторомъ былъ Отто?—О. Да, и Отто лѣчилъ мужа.—В. Протоіерея Сицилинскаго вы знали?—О. Да, хорошо: онъ былъ нашъ духовникъ.—В. Не дѣлалъ ли вашъ мужъ пожертвованій на Преображенскую церковь? — О. Да — В. Вы помните тотъ день,

когда былъ похоронный обѣдъ?—О. Я никого не видала; ко мнѣ въ спальню никто не приходилъ изъ гостей.—В. А на обѣдѣ въ 40-й день вы были?—О. Нѣтъ. — В. Говорили ли вы съ кѣмъ-нибудь о завѣщаніи?—О. Нѣтъ, ни съ кѣмъ.

Пр. пов. Языковъ. Знали ли вы Матвѣева?—О. Да, онъ у Ивана Ѳедоровича проживалъ изъ милости. Онъ былъ человѣкъ очень пьющій; никакихъ дѣлъ ему нельзя было поручить.—В. А Красильникова вы знаете?—О. Онъ служилъ у насъ въ конторѣ, прислуживалъ, носилъ письма, бумаги, трубки чистилъ; ему было тогда лѣтъ 15.

Предсѣдатель. Вы помните въ тотъ день, когда умеръ вашъ мужъ, Мясниковы просили у васъ позволенія идти въ кабинетъ и взять дѣловыя бумаги? — О. Я ничего не помню. Вѣроятно, они взяли съ моего позволенія; они вывезли только свои бумаги.—В. А не извѣстно ли вамъ, что въ бумагахъ, которыя они вывезли, находилось залоговое свидѣтельство Махаевой, которое она передала вашему мужу?—О. Это я слышала послѣ.—В. Вы какъ же полагаете, бумаги Мясниковыхъ были отдѣльно положены отъ бумагъ вашего мужа?—О. Да, отдѣльно.—В. Вы говорите, что всѣми дѣлами Мясниковыхъ завѣдывалъ вашъ мужъ? участвовалъ ли онъ самъ въ этихъ дѣлахъ, или нѣтъ?—О. Не знаю.—В. Напримѣръ, въ астраханскихъ рыбныхъ ловляхъ? — О. Да, онъ имѣлъ участіе.—В. Стало быть, бумаги его по мясниковскимъ дѣламъ, которыми онъ завѣдывалъ, относились одинаково и къ его собственнымъ дѣламъ?—О. Мнѣ помнится, что ихъ бумаги лежали особо.—В. Вы видѣли, какъ Мясниковы брали ихъ?—О. Нѣтъ: я не входила въ кабинетъ.—В. Почему же вы знаете, что они взяли только свои бумаги?—О. Потому что имъ только свои и нужны были.—В. Какимъ образомъ попало къ нимъ то свидѣтельство, которое было впослѣдствіи передано Махаевой?—О. По свидѣтельству этому она незадолго взяла проценты за годъ. Бумага эта лежала на столѣ, не спрятанною: люди могли свалить ее или она могла попасть въ книгу. —В. Вы подавали бумагу въ Казенную Палату?—О. Не знаю, не помню.

Прокуроръ. Вы не знаете, гдѣ лежали бумаги вашего мужа?—О. На полу.—В. Въ какой комнатѣ?—О. Больше во второй комнатѣ кабинета.—В. Итакъ, значитъ бумаги бывали и въ первой комнатѣ, если вы говорите, что больше во второй?—О. Нѣтъ,

всѣ лежали во второй.—В. Вы не знаете, какъ велика была часть вашего мужа въ рыбныхъ ловляхъ?—О. Очень небольшая: я, приходя въ кабинетъ, слышала какъ онъ говорилъ съ племянникомъ, что это очень невыгодное дѣло.—В. А почему вы знали, что онъ имѣлъ въ этомъ предпріятіи мало паевъ?—О. У нихъ объ этомъ былъ разговоръ.—В. Зачѣмъ же была надобность это объяснять? вѣдь они это знали?—О. Когда я спрашивала, то мужъ мнѣ отвѣчалъ, что его самая маленькая часть. Это я положительно помню.

Г. Лохвицкій. Въ той роспискѣ, которую вамъ представили Мясниковы, вы замѣтили подпись вашего мужа?—О. Замѣтила.—В. Вы сказали, что въ эпоху кончины мужа вы не знали формы завѣщанія—вѣдь завѣщаніе актъ довольно обыденный — а теперь изъ вашихъ словъ выходитъ, что вы знали, что росписка, подписанная вашимъ мужемъ, юридически можетъ быть незаконна, и считали ее недѣйствительною. Чѣмъ вы объясните такія юридическія познанія въ одномъ случаѣ и отсутствіе ихъ въ другомъ?—О. Я считала обязанностью заплатить.

Г. Арсеньевъ. Гг. присяжные, на вопросъ повѣреннаго гражданскаго истца свидѣтельница отвѣчала, что заплатить по роспискѣ считала своею нравственною обязанностью; о томъ же, что росписку эту она считала недѣйствительною, г. Бѣляева не говорила.

Г. Языковъ. Я напомню только, что со стороны повѣреннаго гражданскаго истца былъ поставленъ вопросъ такимъ образомъ: «считали ли вы себя, свидѣтельница, обязанною платить по закону, или нравственно?» Я не думаю, чтобы г-жа Бѣляева была на столько юридически развита, чтобы могла дѣлать различіе: между нравственнымъ и законнымъ требованіемъ. Она отвѣтила, что считала себя обязанною нравственно.

Г. Лохвицкій. Не говорилъ ли вамъ Красильниковъ объ олонецкихъ откупахъ? Не пріѣзжалъ ли онъ къ вамъ послѣ смерти мужа?—О. Да, пріѣзжалъ, но не говорилъ объ олонецкихъ откупахъ—В. Не посылали ли вы его, быть можетъ, къ Мясниковымъ, потому что вы всѣ разсчеты покончили и онъ долженъ былъ имѣть дѣло съ ними?—О. Нѣтъ... можетъ быть... ничего не помню.

Г. Языковъ. Бывалъ ли у васъ Красильниковъ вообще?—О. Да, я помню, что онъ приходилъ, просилъ у меня снять портретъ мужа на память; а болѣе я ничего не помню.—В. Не говорилъ ли онъ съ вами о какихъ нибудь разсчетахъ?—О. Нѣтъ.—В. Вообще

смѣлъ ли онъ съ вами много говорить о разсчетахъ?—О. Конечно, нѣтъ.—В. Вы входили съ нимъ въ дружескіе, откровенные разговоры?—О. Нѣтъ, никогда.

Предсѣдатель. Почему вы на вопросъ защитника сказали, что Красильниковъ не смѣлъ бы говорить съ вами о разсчетахъ. Почему вы считаете себя въ такомъ высокомъ сравнительно со свидѣтелемъ Красильниковымъ положеніи, что онъ даже не осмѣлился бы говорить съ вами? — О. Не то, чтобы высокомъ, а я думаю, что онъ понималъ, что совсѣмъ не кстати обращаться ко мнѣ. — В. Но къ кому же онъ долженъ былъ обратиться? Вѣдь онъ зналъ, что все состояніе мужа перешло къ вамъ; къ тому же имущество, о которомъ идетъ рѣчь, отчасти принадлежало и Красильникову; онъ не зналъ, есть ли у васъ управляющій, и только вы могли указать ему то лицо, къ которому слѣдовало обратиться. —О. Не помню, можетъ быть это такъ и было, я никогда съ нимъ ни о какихъ дѣлахъ не говорила, слѣдовательно, я думаю, что онъ не могъ и обратиться ко мнѣ. — В. Но вѣдь раньше смерти мужа вы не завѣдывали собственными дѣлами?—О. Нѣтъ, управлялъ всѣмъ мужъ. — В. Стало быть къ кому же Красильникову было обратиться послѣ смерти вашего мужа? Кто замѣнилъ его мѣсто?—О. Можетъ быть онъ ко мнѣ и обращался: я сказала уже, что не помню.

Прокуроръ. Махаева у васъ гостила?—О. Нѣтъ, мы ее по бѣдности принимали.—В. Обращалась ли она къ вамъ съ какими нибудь предложеніями послѣ смерти мужа? — О. Нѣтъ; она обращалась за бумагою, говорила, что хочетъ передать ее для залога другому лицу; проценты были ею взяты за годъ, такъ что она и не имѣла права просить.—В. Кѣмъ было отдано Махаевой ея свидѣтельство?—О. Я просила А. Мясникова розыскать документъ Махаевой; онъ ко мнѣ и принесъ его.—В. Отъ кого же она получила свидѣтельство? — О. Отъ меня; кажется такъ, впрочемъ навѣрное сказать не могу,—можетъ быть и отъ управляющаго, Шмелева.—В. А не отъ Ал. Мясникова?—О. Нѣтъ.

Г. Лохвицкій. Я бы хотѣлъ спросить свидѣтельницу относительно положенія Красильникова, такъ какъ защита желаетъ выставить, что онъ не смѣлъ даже подойти къ г жѣ Бѣляевой. Вы говорили, что онъ служилъ сначала въ конторѣ и при этомъ прибавили, что его употребляли на посылки, заставляли трубки

чистить? — О. Всѣхъ мальчиковъ на это употребляли. — В. Что же это означало; или его лакейское положеніе въ домѣ, или же откупщицкую привычку третировать всѣхъ служащихъ такимъ образомъ?—О. Это какъ вамъ угодно понимать.—В. Вашъ мужъ вѣдь былъ уже почтенный человѣкъ; но не говорилъ ли ему Ив. Ѳед. Мясниковъ такимъ образомъ: «Козьма поди, Козьма принеси!» не смотря на то, что у него было уже свое состояніе и свои откупа.— О. Когда онъ былъ молодымъ человѣкомъ, быть можетъ и говорили, но впослѣдствіи Иванъ Ѳедоровичъ обращался съ нимъ какъ съ сыномъ, съ большимъ уваженіемъ.

Судъ, принимая во вниманіе, что въ показаніи, данномъ Бѣляевою на судебномъ слѣдствіи, заключается противорѣчіе съ тѣми показаніями, которыя были даны ею на предварительномъ слѣдствіи; постановилъ прочесть эти показанія.

Затѣмъ были прочитаны три слѣдующія показанія Бѣляевой.

Допрошенная 1868 года августа 1-го числа, Бѣляева показала: «Съ купцомъ Иваномъ Алексѣевымъ и женою его Анною Николаевою Ижболдиными родства и свойства не имѣю, Александръ и Иванъ Константиновичи Мясниковы — дѣти родной моей сестры, а съ купеческимъ сыномъ Амфилогіемъ Александровымъ Карагановымъ никакихъ особыхъ отношеній не имѣю. Въ маѣ мѣсяцѣ 1858 года я проживала вмѣстѣ съ покойнымъ мужемъ моимъ, Козьмою Васильевичемъ Бѣляевымъ, но не помню, гдѣ именно, въ Петербургѣ ли, или на дачѣ въ Ораніенбаумѣ въ домѣ Гурьянова. Мы переѣзжали на дачу каждый годъ не въ одно время, и я не помню въ какихъ числахъ мы переѣхали на дачу въ 1858 году. Были ли въ нашемъ знакомствѣ въ 1858 году лица съ именемъ Николая, которыхъ имянины приходились бы 9-го мая, не припомню. Въ 1858 году у насъ въ домѣ изъ родныхъ жили: Анна Никифоровна Арефьева, уже умершая; Анна Васильева Ремянникова; малолѣтній внукъ мой Иванъ Владиміровичъ Шишкинъ и больной мой племянникъ Александръ Тимоѳеевъ; а изъ служащихъ лицъ у насъ въ домѣ жили: уже умершій конторщикъ Шмелевъ, камердинеръ Василій, горничная Елена, человѣкъ Александръ Петровъ съ семействомъ, три мальчика: Михаилъ, Прокопій и Василій, поваръ Андрей; какъ звали кучеровъ и дворниковъ, не помню. Покойный мой мужъ былъ боленъ передъ смертью болѣе двухъ лѣтъ; лечили Тильманъ и Отто. Въ 1858 году у мужа моего дѣлъ почти

не было, но какія именно были у него дѣла, я не знаю, потому что не входила въ это; также не знаю съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣла и съ кѣмъ входилъ по нимъ въ сношенія; занимался онъ больше дѣлами Мясниковыхъ, а своихъ дѣлъ у него было мало. Ухаживали за покойнымъ во время его болѣзни я и человѣкъ Василій; изъ какой аптеки брались для него лекарства—не знаю. Страдалъ онъ гемороемъ и каменной болѣзнью. Была ли я съ мужемъ въ маѣ 1858 года у кого либо въ гостяхъ, на именинахъ, свадьбѣ, крестинахъ, похоронахъ или какомъ нибудь праздникѣ, не помню. На дачу я переѣхала въ одно время съ мужемъ, который на короткое время пріѣзжалъ съ дачи въ С. Петербургъ по дѣламъ; въ тотъ годъ были торги на откупа, онъ для торговъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, но по болѣзни участвовать въ торгахъ не могъ, а брали откупа племянники наши Мясниковы. Въ маѣ 1858 года у насъ въ семействѣ ничего особеннаго не случилось. Все лѣто 1858 г. мужъ мой все былъ болѣнъ, а въ іюнѣ кажется онъ поѣхалъ въ Петербургъ и не могъ уже оттуда пріѣхать. Болѣнъ онъ бывалъ періодически, иногда очень сильно, а иногда слабѣе. Незадолго до смерти своей, когда онъ былъ очень болѣнъ, какъ мнѣ кажется, за нѣсколько дней до смерти, онъ передалъ мнѣ на единѣ сложенную бумагу, сказавъ: «возьми эту бумагу». Бумагу эту я отнесла къ себѣ въ спальню; тамъ, развернувъ, увидѣла духовное завѣщаніе, но не могла ее дочитать, потому что была совершенно убита, и спрятала ее, а прочла я ее только около сороковаго дня послѣ смерти мужа. На ней были, кромѣ подписи моего мужа, подписи протоіерея Василія Сицилинскаго и доктора Отто. Прочтя завѣщаніе, я выдала довѣренность Александру Мясникову, чтобы засвидѣтельствовать его. До этого времени я о существованіи духовнаго завѣщанія никому не говорила; равнымъ образомъ я никому не говорила и о томъ, будто покойный не оставилъ духовнаго завѣщанія; на похоронахъ мужа я была, а на похоронномъ обѣдѣ не была: я такъ была разстроена, что сидѣла все въ спальнѣ, никого не видала и ни съ кѣмъ не говорила. Целебровскій занимался у мужа дѣлами; но поручалъ ли ему мужъ писать какія-нибудь важныя бумаги — я не знаю. Когда именно Сицилинскій и Отто подписались свидѣтелями на завѣщаніи мужа, когда и при какихъ обстоятельствахъ онъ ихъ объ этомъ просилъ—я не знаю; я ихъ объ этомъ не спрашивала, и они мнѣ ничего не говорили. Послѣ смерти мужа я съ ними ви-

далась, съ Отто довольно часто, а съ Сицилинскимъ рѣже. Ни мужъ мой и никто другой не поручалъ мнѣ вознаградить Сицилинскаго и Отто за то, что они подписались свидѣтелями на завѣщаніи, и мнѣ неизвѣстно, чтобы они получили за это вознагражденіе отъ кого-либо другаго. Послѣ смерти мужа, не помню — въ тотъ ли день, или послѣ, не знаю—оба ли Мясниковы, или одинъ изъ нихъ взяли изъ кабинета покойнаго свои дѣла и бумаги, которыя лежали тамъ отдѣльно. Ключи отъ конторки всегда находились у покойнаго мужа при себѣ. Послѣ смерти его кто ихъ взялъ—не знаю; но потомъ, должно быть въ тотъ же день. они были переданы мнѣ, но я этого обстоятельства не помню. Послѣ смерти мужа, не помню котораго числа, кажется еще до засвидѣтельствованія духовнаго завѣщанія и до истеченія шести недѣль, племянники мои, Александръ и Иванъ Мясниковы, предложили мнѣ росписаться поручительницей на сохранной росписке мужа моего въ 272,000 руб. Зная подпись мужа и не сомнѣваясь въ вѣрности этой росписки, я и росписалась на ней поручительницей. Вся ли она была писана имъ — не помню. Впослѣдствіи, кажется въ декабрѣ мѣсяцѣ, желая расплатиться съ Мясниковыми по росписке и не желая запяться дѣлами, я передала имъ по контракту все имущество, доставшееся мнѣ по завѣщанію мужа, количество котораго, по нашимъ общимъ разсчетамъ, простиралось до 392,000 руб. Послѣ смерти мужа, не помню на который день, въ его кабинетѣ были опечатаны конторка и шкафы, которые и стояли опечатанными шесть недѣль; двери же кабинета опечатаны полиціей не были. Еще до передачи мнѣ духовнаго завѣщанія мужъ мой неоднократно говорилъ мнѣ, что онъ составилъ завѣщаніе. Можетъ быть онъ говорилъ это и при посторонних, но при комъ именно—не припомню. Лакей мой, Александръ Петровъ, никогда не говорилъ мнѣ, чтобы духовное завѣщаніе мужа моего было перемѣнено, также я не слыхала жалобы протоіерея Сицилинскаго на Александра Петрова по поводу духовнаго завѣщанія. Кому и какъ я объявила о существованіи у меня духовнаго завѣщанія мужа— я не помню. Племянники мои Мясниковы должны были раньше знать о духовномъ завѣщаніи, потому что, вѣроятно, имъ говорилъ о немъ мужъ мой. Предъявленное мнѣ нынѣ духовное завѣщаніе мужа отъ 10-го мая 1858 г. есть то самое, которое было имъ мнѣ вручено. Подписи на немъ какъ мужа, такъ Сицилин-

сего и Отто я признаю за настоящія. Недѣли двѣ или полторы тому назадъ я ѣздила въ Москву и къ Сергію, куда я давно собиралась, но за разными препятствіями, и между прочимъ за свадьбой моей воспитанницы Александры Михайловны Кропочевой, не могла раньше ѣхать; послѣ свадьбы я и поѣхала, взявъ съ собою человѣка и горничную. Съ Александромъ Мясниковымъ я передъ самымъ отъѣздомъ не видалась, и мнѣ вовсе не было извѣстно, что меня будутъ вызывать по этому дѣлу.—Затѣмъ на вопросы г. Сысоева г-жа Бѣляева объяснила: Въ маѣ 1858 года съ дачи я пріѣзжала въ Петербургъ, но въ какія числа—не помню; также не помню, чтобы пріѣзжала по какимъ-нибудь важнымъ порученіямъ мужа. Были ли у мужа моего, кромѣ Шмелева, другія лица, занимавшіяся перепискою бумагъ — не знаю. Мужъ мой былъ на ногахъ не только наканунѣ, но и въ самый день смерти, а какъ задолго до смерти онъ лишился возможности писать — не знаю. Вѣроятно, онъ могъ подписывать, но писать большихъ бумагъ не могъ. Въ день смерти мужа я его видѣла, но объ обстоятельствахъ его смерти ничего не могу показать; и даже не могла войти къ нему, когда онъ умиралъ, потому что сама была безъ чувствъ, и только отъ людей знаю, что онъ умеръ въ кабинетѣ. Передавая мнѣ завѣщаніе, мужъ мой только просилъ взять, но не сказалъ, что это завѣщаніе. Въ тотъ день онъ ходилъ. Бумага эта была сложена вчетверо, но не была ни во что завернута. Сколько было въ ней листовъ я тогда не смотрѣла и не считала. Завѣщаніе я приняла съ грустью; меня оно нисколько не занимало: прочитала я его уже около 40-го дня по смерти мужа, когда я нѣсколько поуспокоилась. Сколько мнѣ помнится, оно было тогда на одномъ листѣ. При опечатаніи кабинета я, кажется, находилась и что-то подписывала; былъ еще при этомъ, кажется, уже умершій прокуроръ Богуславскій, а изъ постороннихъ лицъ еще никого не припомню. Были ли братья Мясниковы—не помню; были, кажется, управляющій Шмелевъ и здѣшній купецъ Каменскій, долго служившій у моего мужа. Что такое купеческія книги—я не знаю, а вѣроятно онѣ были запечатаны въ конторкѣ или въ шкафу. Видѣла ли ихъ—не знаю. Когда мнѣ было сдано имущество мужа, то, вѣроятно, были сданы и купеческія книги, потому что надо было разсчитывать капиталъ. Амфилогій Александровичъ Карагановъ приходилъ иногда по дѣламъ отъ Мясниво-

выхъ къ моему мужу; поэтому я его и знаю. По мужѣ моемъ въ 20-й день по его смерти поминки были; но Сицилинскаго въ этотъ день я въ домъ къ себѣ не приглашала. Я довѣрила распоряжаться всѣмъ племянникамъ моимъ Мясниковымъ, а кажется сама не была въ этотъ день за общимъ столомъ. Отто былъ у насъ домашнимъ докторомъ года три, четыре. Рекомендовалъ его намъ генералъ Кирьяковъ, хорошій знакомый Козьмы Васильевича. Онъ уже умеръ. Онъ былъ дивизіоннымъ генераломъ и не все время жилъ здѣсь. Занималъ ли Отто деньги у Козьмы Васильевича—не знаю; выдавалъ ли онъ покойному какія-нибудь долговыя росписки—мнѣ неизвѣстно, и послѣ смерти мужа моего такихъ расписокъ не оказалось. Целебровскій, я думаю, получалъ жалованье отъ мужа моего, но я сама этого не видала и отъ мужа не слыхала. Целебровскій жилъ не въ нашемъ домѣ, но недалеко отъ насъ. Духовное завѣщаніе я поручила представить въ Гражданскую Палату Александру Константиновичу Мясникову и выдала ему для этого довѣренность. Что я передала ему прежде—завѣщаніе или довѣренность—не помню. Сама я въ Палату не ѣздила. Вручала ли я кому-нибудь завѣщаніе до передачи его Мясникову—не помню.—На вопросы г. Потѣхина г-жа Бѣляева показала: О шубѣ, подаренной Сицилинскому, мнѣ ничего неизвѣстно. Получивъ деньги отъ Мясниковыхъ по контракту, я сама лично сдѣлала изъ нихъ выдачи, слѣдовавшія по духовному завѣщанію. По какому случаю Мясниковы отдавали мужу на сохраненіе большую сумму денегъ—мнѣ неизвѣстно. Какими деньгами или бумагами означена была эта сумма въ сохранной росписке—не помню. Объ этой сохранной росписке мужъ мой при жизни своей мнѣ ничего не говорилъ; но я не удивилась ея появленію, потому что у мужа были постоянные разсчеты съ Мясниковыми, притомъ у него не было большаго капитала.—На вопросы г. Сысоева: Имущество, доставшееся мнѣ по завѣщанію мужа, я продала за что хотѣла своимъ племянникамъ—это была моя воля. Съ повѣреннымъ моимъ Чевакинскимъ о духовномъ завѣщаніи былъ только тотъ разговоръ, что мы удивлялись о томъ, что хотятъ опровергнуть духовное завѣщаніе. О томъ, что племянникъ мужа Мартьяновъ и сестра его Надежда Васильевна завели споръ противъ завѣщанія—я не слыхала. Надежда Васильевна и сынъ ея за безнравственность были отдѣлены отъ моего мужа. Мартьяновъ, несмотря на всѣ употреб-

ленныя средства мужемъ моимъ къ тому, чтобы сдѣлать изъ него что-нибудь хорошее, все-таки остался дурнымъ человѣкомъ и промоталъ деньги мужа моего. Контрактъ съ Мясниковыми я подписывала у себя въ домѣ. Когда я разсчиталась съ Мясниковыми по сохранной росписке, она была уничтожена, но кѣмъ—не помню.— По прочтеніи этого показанія г-жа Бѣляева добавила: Мясниковы взяли свои бумаги изъ кабинета покойнаго мужа моего съ моего дозволенія.

При передопросѣ 5-го февраля 1871 г. г-жа Бѣляева заявила, что показаніе свое, данное 1-го августа 1868 г., вполнѣ подтверждаетъ, лишь съ слѣдующими измѣненіями: 1) Въ показаніи отъ 1 го августа 1868 г. сказано, что «получивъ отъ мужа сложенную бумагу, я отнесла ее къ себѣ въ спальню и тамъ развернувъ, увидѣла, что это духовное завѣщаніе, но не могла ее дочитать, потому что была совершенно убита, и спрятала ее, а прочла ее только около сороковаго дня». Это не совсѣмъ точно изложено, какъ дѣйствительно происходило; дѣйствительно же было такъ: на данную мнѣ мужемъ бумагу я только взглянула и даже вовсе не начинала читать ее, а потому, что въ ней было написано, я въ то время вовсе не знала и только увидѣла, что это духовное завѣщаніе. Спрятала я эту бумагу не помню куда именно, и была ли эта бумага заперта подъ ключемъ, я утвердительно сказать не могу, но полагаю, что всего вѣроятнѣе эту бумагу я положила туда же, гдѣ лежали мои счеты и другія бумаги, т. е. въ спальню, на окно. Въ спальню ко мнѣ кромѣ прислуги входили и родственники; но могъ ли видѣть кто изъ нихъ духовное завѣщаніе на окнѣ въ числѣ другихъ бумагъ — не знаю. 2) Въ показаніи отъ 1-го августа 1868 г. я говорила, что дѣла и бумаги Мясниковыхъ въ кабинетѣ моего мужа лежали отдѣльно; но этого обстоятельства я утверждать не могу, ибо не помню, лежали ли онѣ отдѣльно, или вмѣстѣ съ бумагами моего мужа. Точно также не помню, давала ли я въ день смерти мужа позволеніе Мясниковымъ взять ихъ бумаги изъ кабинета мужа и обращались ли съ этою просьбою ко мнѣ Мясниковы: я была въ этотъ день сильно разстроена, со мною дѣлались обмороки; одно могу сказать, что если бы они ко мнѣ обратились съ подобною просьбою, конечно я согласилась бы на нее какъ по довѣрію къ своимъ племянникамъ, такъ и потому, что нахожу естественнымъ ихъ жела-

ніе имѣть свои дѣла въ рукахъ. 3) При допросѣ 1-го августа 1868 г. я утверждала, что предъявленное мнѣ тогда духовное завѣщаніе мужа моего отъ 10-го мая 1858 г. есть то самое, которое было вручено мнѣ мужемъ моимъ; но нынѣ я положительно этого утвердить не могу, ибо какъ при полученіи отъ мужа, такъ и при передачѣ духовнаго завѣщанія Александру Мясникову для засвидѣтельствованія, я духовнаго завѣщанія не читала и въ него не всматривалась. 4) Я утверждаю, что мужъ мой не имѣлъ большихъ дѣлъ и капиталовъ, единственно потому, что собственно по духовному завѣщанію, за уплатою Мясниковымъ по роспискѣ 272,000 р., я не только ничего не получила, но еще должна была изъ своего собственнаго имущества приплатить для погашенія долговъ покойнаго. Дѣлъ и капиталовъ мужа я при его жизни не знала; уступила же всѣ его предпріятія и свои собственные два завода: Чуроковскій и Комаровскій, и лѣсную дачу въ Тихвинскомъ уѣздѣ Мясниковымъ, за погашеніемъ росписки въ 272,000 р., всего за 120,000 руб., съ уплатою по 12,000 руб. въ годъ, полагаясь на слова Мясниковыхъ, что все мною уступаемое имъ болѣе не стоитъ, такъ какъ я Мясниковымъ вѣрила какъ своимъ собственнымъ дѣтямъ; сама же я дѣйствительной стоимости не знала и ни съ кѣмъ не совѣтывалась; притомъ они, Александръ и Иванъ Мясниковы, оба мнѣ впослѣдствіи много разъ говорили, что они предпріятія мужа и мои заводы и лѣсную дачу пріобрѣли себѣ въ убытокъ. Къ сему присовокупляю, что отецъ Александра и Ивана Мясниковыхъ былъ женатъ на моей родной сестрѣ, почему, при выходѣ замужъ за Бѣляева въ 1833 году, я получила отъ дѣда Александра и Ивана Мясниковыхъ, Ивана Ѳедоровича Мясникова, въ приданое капиталъ до 200,000 р., на который и были пріобрѣтены два винокуренные завода, Чуроковскій и Комаровскій, уступленные мною по сдѣлкѣ 22-го декабря 1858 г. Александру и Ивану Мясниковымъ, и затѣмъ я въ настоящее время владѣю на Знаменской улицѣ двумя каменными домами.

Мой капиталъ и заводы находились въ рукахъ мужа, и сколько съ нихъ получалось дохода—я не знаю, завѣдывалъ и распоряжался самъ мужъ мой.

Послѣднее показаніе Бѣляевой гласитъ слѣдующее: Виновною себя въ томъ, что, убѣдившись въ подлогѣ духовнаго завѣщанія, составленнаго отъ имени мужа моего отъ 10-го мая 1858 г., и

не только не заявила о подлогѣ, но утверждала и своими дѣйствіями старалась удостовѣрить подлинность этого духовнаго завѣщанія и, получивъ по этому завѣщанію все состояніе мужа, передала таковое братьямъ Мясниковымъ—я не признаю. Красильникову, Штеммеру, Матвѣеву и рѣшительно никому въ первое время послѣ смерти мужа я не говорила, что духовнаго завѣщанія нѣтъ. Отъ представленія духовнаго завѣщанія по требованію Гражданской Палаты я не уклонялась: я сразу не могла его найти и думала, что оно у моего повѣреннаго Чевакинскаго, а потомъ, когда вновь потребовали, я отыскала завѣщаніе и представила его. Противорѣчій въ моихъ показаніяхъ отъ 1-го августа 1868 г. и отъ 5-го сего февраля я не вижу. При допросѣ 1-го августа я говорила, когда мнѣ предъявили подпись отъ имени моего мужа, что это рука моего мужа, что и думаю и до сихъ поръ. Я духовнаго завѣщанія вовсе не читала и близко не разсматривала до врученія Мясниковымъ, а потому утверждать положительно, то ли это, или не то самое завѣщаніе, которое я получила отъ мужа, я не могу, но я его вручила такимъ людямъ, которымъ вѣрю вполнѣ и потому думаю, что завѣщаніе—то самое, которое получено мною отъ мужа. Дѣлъ и состоянія мужа я рѣшительно не знала. Денегъ большихъ на сохраненіе мнѣ мужъ не давалъ никогда и у меня никогда не было въ рукахъ 10,000 р., которые бы мужъ мой черезъ кого-либо передалъ мнѣ для сохраненія. О намѣреніи мужа моего въ февралѣ и мартѣ 1858 г. купить въ компаніи съ Жадимеровскимъ и Клеменцемъ заводъ и имѣніе у Берда за 2,300,000 р. я не знала и не слышала отъ мужа; въ первый разъ получила объ этомъ свѣдѣніе, когда, во время обыска у меня сего 16-го февраля, были найдены бумаги относительно этой покупки. Предъявляемый мнѣ полулистъ бумаги, на одной сторонѣ котораго написанъ проектъ или черновая росписка отъ января 1859 г. отъ братьевъ Мясниковыхъ на мое имя въ выдачѣ мнѣ 40,000 руб., а на оборотѣ этого листа написанъ разсчетъ—взятъ у меня при обыскѣ. Разсчетъ именной на оборотѣ этого листа слѣдующаго содержанія: «Мною продано: заводы 400,000 р.» (отмѣтка стоитъ 500,000 р.), «рыбныя ловли 60,000 руб.,» Олонецкой губерніи—70,000 р., «Устюгъ и Сольвычегодскъ» (не означено) «Херсонъ и Николаевъ—20,000 р.», «мебельный магазинъ 300,000 р., лѣсная торговля 40,000 р.», «для золотыхъ пес-

ковъ машина 20.000 р.»; далѣе тутъ же замѣтки: «мнѣ отдать 23,000 р., которые лежали на почтѣ», «6,000 р. по разсчету по условіямъ», «5,000 руб. заплачено Волкову». «30,000 р. за Кавказъ», «5,000 р. мнѣ слѣдуетъ получить за содержаніе лошадей», «съ Красильникова полученное мнѣ слѣдуетъ отдать». Разсчетъ этотъ писанъ моею рукою, но когда и съ какою цѣлью не помню, писала ли я сама, или мнѣ диктовалъ кто—не помню, и относительно этого разсчета объяснить ничего не могу. Проектъ или черновая росписка въ 40,000 р. кѣмъ писанъ не знаю, можетъ быть Шмелевымъ, бывшимъ конторщикомъ моего мужа, уже умершимъ. Денегъ 40,000 руб. въ 1859 году отъ Мясниковыхъ за винокуреніе въ томъ году на заводахъ Чуроковскомъ и Комаровскомъ и за участіе моего мужа въ содержаніи питейныхъ откуповъ въ Ставропольской губерніи съ 1859—63 гг. я не получала и съ Мясниковыми никакихъ разсчетовъ, кромѣ какъ по условію 22-го декабря 1858 г., я не имѣла. Черновая довѣренность отъ моего имени на имя Александра Мясникова отъ сентября 1858 года, найденная у меня при обыскѣ, кѣмъ писана я положительно сказать не могу, должно быть тѣмъ же Шмелевымъ; поручала ли же я, или кто другой писать эту довѣренность Шмелеву я не помню, довѣренность эта выдана не была; отъ чего въ ней, подобно тому какъ въ довѣренности отъ 22 го декабря 1858 г. на имя Александра Мясникова, не упомянуто о духовномъ завѣщаніи мужа моего, мнѣ неизвѣстно, можетъ быть это ошибка переписчика; кѣмъ писаны предъявляемыя мнѣ, найденныя у меня при обыскѣ, три черновыя письма отъ моего имени къ братьямъ Мясниковымъ—мнѣ не извѣстно, такого письма я никогда сама не писала и никому не поручала написать; какимъ образомъ у меня оказались эти три черновыя—я объяснить не могу. Угрозъ Мясниковымъ, что я «сама лично Царю подамъ прошеніе, изложу подробности отъ начала смерти моего мужа, и пусть онъ разсудитъ»—я не дѣлала. Когда и по скольку платили мнѣ Мясниковы по условію 22-го декабря 1858 г.—я не помню. Кажется былъ дѣйствительно такой случай однажды при такомъ платежѣ, что я росписалась на подлинномъ условіи въ полученіи 40,000 руб., а дано было мнѣ 35.000 р. акціями Газоваго Общества, но на другой день или черезъ нѣкоторое время мнѣ были вручены недоданные 5,000 руб. О томъ, что Амфилогій Карагановъ на завѣщаніи отъ 10-го мая

1858 г. подписался подъ руку и отъ имени моего мужа мнѣ не извѣстно и я въ первый разъ объ этомъ слышу. Показанія мои отъ 1-го августа 1868 г. и 5-го февраля сего года подтверждаю.

Предсѣдатель (къ Бѣляевой). Такимъ образомъ, свидѣтельница, оказывается, что вы были спрошены на предварительномъ слѣдствіи три раза. Вы сказали на вопросъ г. прокурора, что вы не помните, спрашивалъ ли васъ слѣдователь; теперь, когда ваши показанія были всѣ прочитаны, вспомнили ли вы, что вы ихъ давали?—О. Да, я давала.—В. Затѣмъ, объясните слѣдующія обстоятельства: вы здѣсь, на Судѣ, показывали, что когда мужъ вашъ принесъ духовное завѣщаніе, вы просмотрѣли начало и конецъ завѣщанія и спрятали его, а потомъ передали А. Мясникову для засвидѣтельствованія.—О. Такъ.—В. Въ первый разъ, когда васъ спрашивали по этому дѣлу, вы сказали, что завѣщанія не прочитывали, потому что были слишкомъ разстроены?—О. Да, не дочитала.—В. Во второй разъ вы говорили, что только взглянули на завѣщаніе и положили его, вѣроятно, въ спальню, на окно. Какимъ же образомъ согласить эти объясненія? которое изъ нихъ соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ дѣла? — О. То, что я сегодня объясняла; я, быть можетъ, не такъ вѣрно говорила у г. Геракова, потому что была совершенно растеряна, вслѣдствіе того, что сыскная полиція ежеминутно ко мнѣ приходила, звонила, распрашивала что въ домѣ дѣлается, подкупала моихъ людей, такъ что нервы мои были ужасно разстроены.—В. Когда это было?—О. Это было въ 1871 г., когда я давала показаніе въ качествѣ обвиняемой.—В. А въ 1868 г. вы были также разстроены?—О. Ошибку сдѣлать не мудрено. — В. Теперь относительно бумагъ—лежали ли онѣ отдѣльно, или вмѣстѣ? — О. Я не могу утвердительно сказать, лежали ли онѣ отдѣльно.—В. Вы, между прочимъ, сказали сегодня, что давали позволеніе взять бумаги. Такъ это было? — О. Не помню. — В. Итакъ, вы подтверждаете показаніе, данное сегодня?—О. Да.

Прокуроръ. Кто приходилъ узнавать къ вамъ, что въ домѣ дѣлается? чиновники сыскной полиціи?—О. Кажется; ужъ не знаю, кто именно. Даже нѣкоторыхъ людей моихъ подкупали.—В. Кто же подкупалъ? — О. Я слышала, что со стороны Ижболдиныхъ; люди говорили, что онъ засылалъ подкупать ихъ для того, чтобы они показывали противъ меня.—В. Откуда же вы это узнали?—

О. Одинъ человѣкъ говорилъ мнѣ, что Ижболдинъ звалъ его въ трактиръ или въ какое-то другое мѣсто и обѣщалъ дать денегъ, если онъ согласится быть на сторонѣ Ижболдина. Но онъ былъ честный человѣкъ — не согласился; онъ объявилъ объ этомъ мнѣ и всѣмъ другимъ разсказывалъ.—В. Когда слѣдователь вызывалъ васъ къ допросу, почему вы ему не сказали этого?—О. Я никакихъ мѣръ не принимала; я только удивлялась и такъ была напугана, что не знала, что дѣлать.—В. Вамъ слѣдователь предъявлялъ всѣ показанія?—О. Да.—В. И Ижболдина?—О. Нѣтъ.—В. Какъ же вы дали росписку въ томъ, что получили всѣ протоколы? — О. Нѣтъ, не всѣ.—В. Вы не говорили слѣдователю, чтобы человѣка вашего, котораго подкупали, вызвали и допросили?—О. Нѣтъ.

Г. Лохвицкій. Я желалъ бы сдѣлать заявленіе гг. присяжнымъ, что во время предварительнаго слѣдствія Бѣляева давала показаніе, только что прочтенное, въ качествѣ обвиняемой; въ настоящее же время она является свидѣтельницею.

Предсѣдатель. Это видно изъ прочтеннаго протокола.

Г. Языковъ. Я, съ своей стороны, прошу гг. присяжныхъ обратить вниманіе на то, что г-жа Бѣляева, прежде чѣмъ показывала передъ вами, была допрошена два раза у судебнаго слѣдователя въ качествѣ свидѣтельницы и разъ въ качествѣ обвиняемой. Затѣмъ, прошу припомнить, что есть статья закона, воспрещающая читать показанія обвиняемыхъ на Судѣ.

Предсѣдатель. Въ настоящее время ссылка на эту статью закона совершенно излишня. Заявленіе, сдѣланное вами вслѣдъ за прочтеніемъ показанія, даннаго Бѣляевою на предварительномъ слѣдствіи, имѣетъ тотъ видъ, что Судъ будто бы не имѣлъ права читать это показаніе.

Г. Языковъ. Прочтеніе показанія г-жи Бѣляевой является вполнѣ законнымъ въ виду разрѣшенія Кассаціоннаго Департамента Сената, и я не имѣлъ цѣлью въ своемъ заявленіи протестовать противъ его прочтенія. Я просилъ бы гг. присяжныхъ обратить вниманіе на то, что только при первомъ допросѣ г жѣ Бѣляевой предъявлялось духовное завѣщаніе, и затѣмъ уже подлинное духовное завѣщаніе ей не предъявлялось.

Прокуроръ. Я просилъ бы васъ, гг. присяжные, удержать въ памяти слѣдующія мѣста изъ показанія г жи Бѣляевой, дан-

наго здѣсь: 1) въ астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ мужъ ея имѣлъ весьма малое участіе; 2) послѣ разговора о роспискѣ, т. е. о томъ, что Бѣляевъ долженъ Мясниковымъ большую сумму около 300 000 р., И. Мясниковъ пріѣзжалъ каждый день; 3) г-жѣ Бѣляевой неизвѣстно, кто переписывалъ завѣщаніе.

Г. Лохвицкій. Вы изволите помнить, гг. присяжные, что когда я спрашивалъ г жу Бѣляеву, давала ли она довѣренность А. Мясникову на засвидѣтельствованіе завѣщанія, ѣздила ли въ Палату, она отвѣчала: «не помню», между тѣмъ на предварительномъ слѣдствіи она показала, какъ вы слышали, что она выдала довѣренность Мясникову, не въ Палату сама не ѣздила. Такимъ образомъ выходитъ, что г-жа Бѣляева на предварительномъ слѣдствіи, когда она была въ взволнованномъ состояніи, помнила, что выдала довѣренность, а въ настоящее время, когда...

Предсѣдатель. Г. повѣренный гражданскаго истца, я прошу васъ не дѣлать выводовъ.

Г. Лохвицкій. Я просилъ бы еще гг. присяжныхъ обратить вниманіе на то, что г-жа Бѣляева на вопросы какъ обвиненія, такъ и мои, отказывается запамятованіемъ—быть можетъ, это случайность—но я полагаю, что память у нея очень хороша, потому что на вопросы защиты она отвѣчаетъ очень обстоятельно. (Къ Бѣляевой). Г-жа Бѣляева, вамъ А. Мясниковъ, когда вручалъ сохранную росписку, говорилъ ли, что это долговая росписка, а не сохранная?—О. Не помню.—В. Опять не помните. Вы читали ее, знали, что это сохранная росписка?—О. Да.—В. Стало быть, она обозначала, что мужъ вашъ принялъ на сохраненіе 272.000 р.? — О. Да. — В. Прекрасно; почему же вамъ прежде всего не пришло въ голову посмотрѣть, гдѣ хранится эта сумма, принятая на сохраненіе, наконецъ спросить Мясниковыхъ: да, можетъ быть, вы же и взяли эти деньги въ кабинетѣ, когда вывозили бумаги? Какъ же вы не сдѣлали этого вопроса?—О. Надо думать, что деньги были употреблены мужемъ, израсходованы на дѣла.—В. Вы вѣдь только хотѣли ради памяти мужа заплатить по роспискѣ; но развѣ вы вообще хотѣли дарить племянникамъ эти деньги? — О. Нѣтъ, не дарить. — В. Такъ почему же вы не поискали въ шкафахъ?—О. Вѣрно искали.

Прокуроръ. Вы говорили, что деньги, должно быть, истрачены были по дѣламъ вашимъ мужемъ?—О. Да.—В. Но вы гово-

рите, что у мужа вашего капиталъ былъ небольшой: развѣ человѣкъ съ небольшимъ капиталомъ, имѣющій мало дѣлъ, могъ истратить въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ такую большую сумму на свои дѣла?—О. Не знаю.—В. Или, быть можетъ, онъ истратилъ эту сумму не по однимъ своимъ дѣламъ?—О. Ничего не знаю.—В. Какъ же вы объясняете себѣ израсходованіе этихъ денегъ?—О. Что же я могу сказать? Я знаю, что ихъ не оказалось.—В. Вы, стало быть, повѣрили Мясниковымъ?—О. Да. В. А если бы Мясниковы пришли къ вамъ и сказали, что мужъ вашъ за два мѣсяца до смерти взялъ у нихъ милліонъ, вы бы милліонъ и отдали, вы не остановились бы на мысли: да гдѣ же этотъ милліонъ? вы бы и тогда повѣрили?—О. Можетъ быть, повѣрила бы. Я знаю, что Мясниковы никогда не поступили бы такъ со мною; я была въ нихъ вполнѣ увѣрена.

Г. Лохвицкій. Г-жа свидѣтельница, вскорѣ ли послѣ смерти вашего мужа были наложены печати на его кабинетъ?—О. Ничего не знаю. В. Но вообще были ли онѣ наложены?—О. Не помню.—В. Вы не помните, не приходилъ ли кто-нибудь и не сламывалъ ли печатей?—О. Да, приходилъ полицейскій и сломалъ.—В. Но, позвольте, ужь если печати сламывали, такъ, стало быть, онѣ были наложены?—О. Да, вѣрно, были.—В. Вы поручились на сохранной росписке и заключили условіе съ Мясниковыми до передачи завѣщанія или послѣ?—О. Не помню.—В. Во всякомъ случаѣ, до снятія печати?—О. Ничего не помню.

Прокуроръ. Вы говорили, что золотыя вещи вашего мужа потомъ были у васъ?—О. Да.—В. Вы ихъ просматривали? всѣ онѣ оказались цѣлы? — О. Да, всѣ. — В. Много было вещей, на большую сумму?—О. Нѣтъ.

Присяжный повѣренный Арсеньевъ. Повѣренный гражданскаго истца обратилъ вниманіе на то, что на большую часть вопросовъ его и г. прокурора свидѣтельница отзывается запамятованіемъ, а между тѣмъ на вопросы защиты она отвѣчаетъ. Я позволю себѣ по этому поводу напомнить, во-первыхъ, сколько вопросовъ было предложено г. прокуроромъ и повѣреннымъ гражданскихъ истцовъ и сколько защитою и, во-вторыхъ, къ чему относились эти вопросы. Всѣ вопросы защиты касались такого рода обстоятельствъ, какъ, напримѣръ: знала ли она Отто и Целебровскаго, была ли она на похоронномъ обѣдѣ, какая была бо-

лѣзнь мужа ея, однимъ словомъ—вопросы защиты касались обстоятельствъ, которыя легко припомнить. Противная же сторона спрашивала свидѣтельницу: куда она положила завѣщаніе—въ ящикъ, въ столъ, и т. п. Затѣмъ, обращаясь къ Суду, я не могу не выразить своего протеста противъ способа допроса, употребляемаго представителемъ прокурорскаго надзора, и такъ какъ единственная форма протеста есть записаніе въ протоколъ, то я просилъ бы занести въ протоколъ нѣкоторые вопросы, предложенные г. прокуроромъ свидѣтельницѣ. Я понимаю, что можно спрашивать свидѣтеля о всѣхъ фактахъ, которые онъ видѣлъ и слышалъ, или не видѣлъ и не слышалъ, но я не думаю, чтобы законъ давалъ сторонамъ право спрашивать о томъ, что свидѣтель сдѣлалъ бы, если бы была такая-то и такая-то обстановка, что онъ подумалъ бы, если бы ему сказали то-то. Такой способъ допроса, по моему мнѣнію, противорѣчитъ требованію закона. Поэтому, не обращаясь къ другимъ вопросамъ, я покорнѣйше прошу записать въ протоколъ послѣдній вопросъ, предложенный г. прокуроромъ свидѣтельницѣ, а именно: «если бы г-жѣ Бѣляевой была представлена росписка въ милліонъ рублей, чтобы она тогда сдѣлала?» Я прошу записать это въ протоколъ, присовокупивъ, что такого рода вопросъ не единственный, а что подобныхъ было сдѣлано много со стороны обвинительной власти.

Г. Лохвицкій. По поводу заявленія защитника А. Мясникова, что вопросы защиты касались весьма простыхъ вещей, а вопросы противной стороны относились къ такимъ сложнымъ предметамъ, которые легко забыть, я позволю себѣ обратить вниманіе на слѣдующее: я полагаю, напротивъ, что если человѣка спрашиваютъ черезъ нѣсколько лѣтъ, былъ ли онъ тогда-то знакомъ съ извѣстнымъ лицемъ, то тутъ запамятованіе дѣйствительно возможно. Наши же вопросы касались, напримѣръ, обстоятельства о томъ, когда была сдѣлана надпись на сохранной росписке въ 272.000 р. до или послѣ извѣстнаго обстоятельства? Это вопросъ, касающійся такого предмета, который всякій помнитъ.

Предсѣдатель. Въ виду заявленія защитника А. Мясникова и принимая во вниманіе, что ст. 722 Уст. Угол. Суд. воспрещаетъ сторонамъ дѣлать только такіе вопросы, которые клонятся къ тому, чтобы уличить свидѣтеля въ какомъ нибудь преступленіи, что затѣмъ стороны имѣютъ полное право предлагать всякіе

вопросы, могущіе служить къ тому, чтобы указать противорѣчіе или несообразность, встрѣчающіяся въ показаніи свидѣтеля, что тѣ вопросы, которые предлагались прокуроромъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ 722 ст. и были предложены въ тѣхъ видахъ, чтобы разъяснить недоразумѣнія, которыя прокуроръ усматривалъ въ показаніи свидѣтельницы, и что засимъ Судъ въ такомъ порядкѣ предложенія вопросовъ не находитъ съ своей стороны никакого нарушенія закона. Что же касается до заявленія защиты относительно занесенія вопроса г. прокурора въ протоколъ, то Судъ, уваживъ ходатайство защиты, постановляетъ занести означенный вопросъ въ протоколъ. Въ виду сдѣланнаго заявленія по поводу способа предложенія вопросовъ я считаю нужнымъ обратиться съ замѣчаніемъ къ защитнику Ивана Мясникова. Я не желалъ васъ останавливать при предложеніи вами вопросовъ свидѣтельницѣ Бѣляевой; но такъ какъ въ настоящее время вопросъ этотъ возбужденъ вашимъ товарищемъ по защитѣ, то я долгомъ считаю указать вамъ тотъ предѣлъ, въ которомъ должны быть предлагаемы вопросы. Ваши вопросы были предложены въ такой формѣ, что они заключали въ себѣ и желаемые отвѣты. Такой способъ предложенія вопросовъ допускаемъ быть не можетъ.

По окончаніи допроса Бѣляевой, г. прокуроръ просилъ Судъ дозволить ему сдѣлать ссылки на документы изъ производства Управы Благочинія, на жалобу Бѣляевой, поданную въ Управу по поводу устраненія ея отъ опеки Шишкина, на прошеніе Шишкина, на письма, написанныя неизвѣстнымъ лицомъ на имя Мясниковыхъ, на письма Чевакинскаго къ Мясниковымъ, на письмо доктора Отто и на вещественныя доказательства, отобранныя у Чевакинскаго и Бѣляевой.

Г. Арсеньевъ находилъ, что документы, касающіеся опеки надъ Шишкинымъ, не подлежатъ прочтенію на томъ основаніи, что они не имѣютъ никакого отношенія къ настоящему дѣлу, а только могутъ способствовать къ его усложненію. На это г. прокуроръ возразилъ, что документы эти имѣютъ значеніе для разъясненія отношеній, существовавшихъ между Мясниковыми и Бѣляевою послѣ разсчета по смерти мужа, и какъ пріобщенныя къ слѣдственному производству въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ должны быть признаны подлежащими прочтенію.

Судъ, принимая во вниманіе, что всѣ тѣ документы, о кото-

рыхъ заявлено г. прокуроромъ, пріобщены къ дѣлу въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, и находя съ своей стороны, что ссылка на эти документы относится къ существу разсматриваемаго дѣла, постановилъ удовлетворить ходатайство прокурорской власти.

Подсудимый А. Мясниковъ (спрошенный предсѣдателемъ). Бумаги, которыя взяты мною изъ кабинета, относятся къ содержанію откуповъ, рыбныхъ промысловъ и дворянской опекѣ. Я не помню, присутствовала ли Бѣляева при взятіи бумагъ. Я взялъ ихъ на томъ основаніи, что когда я служилъ въ военной службѣ, то всѣми нашими дѣлами управлялъ покойный дядя; онъ же былъ, между прочимъ, и нашимъ опекуномъ.

Предсѣдатель. Можете ли вы объяснить, какъ попало въ ваши бумаги свидѣтельство Махаевой?

Подсудимый. Получивши довѣренность отъ Бѣляевой, я бралъ еще много бумагъ, и положительно сказать не могу, когда оно у меня очутилось: тогда ли, когда я бумаги бралъ первый разъ, или потомъ?

Предсѣдатель (по просьбѣ г. Лохвицкаго). Когда Бѣляева отдавала вамъ завѣщаніе, прочли вы его?

Подсудимый. Когда везъ въ Гражданскую Палату, вѣроятно прочелъ. — В. А. въ то время, когда оно было вамъ передано? — О. Очень трудно отвѣтить на этотъ вопросъ: съ тѣхъ поръ прошло 14 лѣтъ.

Предсѣдатель (Пв. Мясникову). Говорили ли вы Бѣляевой при жизни ея мужа о томъ, что онъ выдалъ вамъ сохранную росписку?

Подсудимый Пв. Мясниковъ. Я взялъ сохранную росписку вслѣдствіе того, что, уѣзжая въ Астрахань принимать рыбныя ловли, я видѣлъ Бѣляева больнымъ, а у насъ были съ нимъ разсчеты. Въ существованіи этой росписки не можетъ быть сомнѣнія, она подтверждается всѣми счетами, всѣми документами. Бѣляевой я говорилъ, что у меня есть росписка; она участвовала въ нашихъ разсчетахъ, часто входила въ кабинетъ, и послѣднее время, когда Бѣляевъ былъ боленъ, просила меньше безпокоить его. Когда я уѣзжалъ, я говорилъ, что есть росписка.

Предсѣдатель (Бѣляевой). Вы говорили, что при жизни мужа не знали о существованіи росписки, а слышали только ихъ разсчеты?

Бѣляева. Да.—В. говорилъ ли вамъ Ив. Мясниковъ о роспискѣ до отъѣзда въ Астрахань, или послѣ?—О. Не помню.

Бѣляева (по предъявленіи ей завѣщанія). Да, это то самое, которое я получила отъ мужа.

Предсѣдатель. Почему вы такъ утвердительно говорите?

Бѣляева. Подпись мужа, и все такъ, какъ было.

Бѣляевой дана была очная ставка съ свид. Красильниковымъ.

Предсѣдатель (Красильникову). Говорила ли вамъ г-жа Бѣляева, что духовнаго завѣщанія нѣтъ?

Красильниковъ. Да, говорила.

Бѣляева. Никогда этого не было; это ложь, чистая ложь!

Предсѣдатель. Вы пріѣзжали къ г-жѣ Бѣляевой послѣ смерти по дѣламъ?

Красильниковъ. Да, мнѣ иначе нельзя было поступить; я не могъ произвольно распоряжаться по откупу, я долженъ былъ отвѣчать за все...

Прис. пов. Языковъ. Не получивъ отъ г-жи Бѣляевой никакого удовлетворительнаго отвѣта, вы поѣхали въ Олонецкую губернію и тамъ продолжали управлять на основаніи довѣренности Бѣляева?

Свидѣтель. Да, я былъ гласнымъ компаньономъ въ 50-ти паяхъ.

Прис. пов. Языковъ. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же вы приходили къ г-жѣ Бѣляевой? Вы объяснили сейчасъ, что не могли продолжать управленія откупами.

Свидѣтель. Управлять и передавать—это большая разница; для передачи откупа съ недвижимымъ имуществомъ надо было заключить купчую крѣпость. Въ то время наступилъ срокъ передачи откуповъ; а такъ какъ за преждевременную передачу даютъ гораздо больше, то я и торопился устроить это, и потому обращался къ Бѣляевой. Не получивъ отъ нея довѣренности, я рискнулъ только передать откупа въ двухъ городахъ, въ Лодейномъ-Полѣ и Каргополѣ; другіе же пять городовъ я передать боялся.

Присяжный повѣренный Языковъ. Вы дѣйствовали на основаніи довѣренности Бѣляева?

Свидѣтель. Да, я заключилъ домашнее условіе; у меня была довѣренность на управленіе откупами.

Прокуроръ. Такъ ли я понялъ ваши объясненія: вы считали

себя участникомъ съ Бѣляевымъ въ откупахъ на столько, что вашего капитала хватило на откупа въ Лодейномъ-Полѣ и Карго-полѣ, и поэтому вы считали себя вправѣ передать ихъ, заключивъ домашнее условіе?

Свидѣтель. Да, я рѣшился рискнуть передачей этихъ двухъ городовъ.

Присяжный повѣренный Языковъ. Такимъ образомъ, изъ словъ г. Красильникова видно, что по довѣренности Бѣляева онъ передалъ въ 1859 году откупа по двумъ городамъ, между тѣмъ какъ г. Бѣляевъ умеръ въ сентябрѣ 1858 года. Другаго вывода я не могу сдѣлать.

Затѣмъ, г. прокуроръ обратился къ присяжнымъ засѣдателямъ съ такимъ заявленіемъ: Гг. присяжные засѣдатели! Имѣю честь представить вамъ рядъ документовъ, которые распадаются на три главныя группы. Изъ нихъ первая относится до тѣхъ дѣлъ, которыя Бѣляева имѣла съ Мясниковыми, независимо отъ опеки Шишкина; въ связи съ нею находится вторая, именно дѣла по опекѣ Шишкина, и третья группа заключаетъ въ себѣ рядъ документовъ, которые указываютъ путемъ какихъ сдѣлокъ, какимъ образомъ эти обѣ категоріи дѣлъ были закончены и окончены. Къ первой категоріи относится дѣло Петербургской Казенной Палаты о взысканіи пошлинъ съ завѣщанія Бѣляева. По этому дѣлу было, между прочимъ, въ Казенную Палату подано прошеніе Бѣляевой (прокуроръ читаетъ это прошеніе), сущность коего изложена въ обвинительномъ актѣ. За этимъ документомъ слѣдуетъ производство Управы Благочинія по жалобѣ Бѣляевой на Мясниковыхъ за неплатежъ слѣдующихъ ей по договору съ ними въ 1858 году денегъ, и затѣмъ за то, что они не совершили купчей на лѣсную дачу, къ чему она ихъ понуждала, но отъ чего они уклонялись. Въ видахъ истины, я долженъ заявить, что Управа признала этотъ искъ со стороны Бѣляевой неосновательнымъ, и признала, что она не имѣетъ достаточнаго основанія указывать, что Мясниковы уклоняются отъ совершенія купчей, такъ какъ дѣйствія по совершенію купчей лежали на ея обязанности; но въ этомъ производствѣ есть указаніе въ прошеніи Бѣляевой, въ которомъ сказано, что Мясниковы, по договору 22-го декабря 1858 г., владѣя болѣе 6 лѣтъ коммерческими дѣлами завѣщателя и имѣніемъ его, извлекаютъ безпрепятственно изъ

всего этого огромные доходы. Оба производства относятся къ 1865 году, и въ обоихъ есть указанія, что Мясниковы имѣютъ въ безотчетномъ распоряженіи все имѣніе покойнаго Бѣляева, простирающееся до такихъ размѣровъ, что оно приноситъ огромные доходы. Затѣмъ, ко второй категоріи относится производство по опекѣ Шишкина. Это производство было начато съ рапорта или жалобы опекунши Бѣляевой въ Дворянскую Опеку, въ которой видно, что Дворянская Опека, въ виду несогласій, возникшихъ между нею и опекунами Мясниковыми, пригласила ее въ свое присутствіе для примиренія съ Мясниковыми. При этомъ Бѣляева объясняетъ, что Шишкину, изъ-за котораго возникли раздоры, она къ Мясниковымъ ходить не препятствовала, и далѣе въ своемъ прошеніи говоритъ: «что сама къ Мясниковымъ Шишкина возить не могла, ибо, какъ Ивану, такъ и Александру Мясниковымъ дала слово, что до сдержанія даннаго ими честнаго слова и до исполненія ими клятвы моя нога не будетъ въ ихъ домѣ. Когда его сіятельство желалъ знать причину того, чтобы и въ этомъ дѣлѣ своимъ участіемъ прекратить всякія неудовольствія, тогда я, въ присутствіи всѣхъ прочихъ чиновъ, съ согласія г. Мясникова, объяснила, что гг. Мясниковы, во время, когда я была убита смертью моего мужа, принесли мнѣ условіе, записанное уже въ маклерской книгѣ, по которому слѣдовавшій мнѣ за уступку имѣнія капиталъ 130,000 р. обязались тѣмъ контрактомъ выплатить мнѣ въ теченіе 10 лѣтъ и безъ процентовъ. Найдя такое условіе для меня обиднымъ и ихъ компрометирующимъ, я не желала его подписывать. Тогда они уговорили меня, какъ уже записанное въ книгѣ, подписать, а что они выдадутъ мнѣ особо отъ сего росписку уплатить этотъ же капиталъ въ теченіе 3 лѣтъ, но когда на самомъ дѣлѣ и выдали, то черезъ нѣсколько времени просили росписку имъ возвратить, съ тѣмъ, что черезъ полгода отдадутъ весь капиталъ, и когда я въ этомъ усомнилась, они подтвердили свое обѣщаніе божбою. Я, какъ роднымъ племянникамъ и крестникамъ своимъ, повѣрила, и зная, что они мнѣ близкіе, припомнятъ мои попеченія о нихъ и сдержатъ свое слово, росписку возвратила, но за всѣмъ тѣмъ и понынѣ капитала не уплатили.

«На это г. Мясниковъ не возражалъ, а обѣщалъ всему присутствію Дворянской Опеки о примиреніи со мною».

Жалоба эта была подана въ Опеку 19-го мая 1864 года. 26-го

мая того же года въ Опеку было подано прошеніе несовершенно-лѣтняго сына умершаго полковника Шишкина, который въ этомъ прошеніи говоритъ слѣдующее: «Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ себя помнить, всегда находился въ домѣ моей бабушки Екатерины Васильевны Бѣляевой, всегда пользовался ея попеченіями, ласками и заботами, а потому и всегда смотрѣлъ на нее какъ на родную мать мою, которую она мнѣ и замѣнила во всемъ; покойный же отецъ мой, котораго я помню, передалъ меня ей и никому болѣе меня не поручалъ, а потому желаніе и воля моей бабушки мнѣ священны и по гробъ мой останусь ей преданнымъ и благодарнымъ, какъ сынъ къ матери. Нынѣ, когда я, благодаря собственно однимъ ея попеченіямъ, достигнулъ 14-тилѣтняго возраста, въ которомъ мнѣ предоставлено закономъ просить все мнѣ необходимое, вынужденнымъ нашелся просить Дворянскую Опеку назначить мнѣ въ попечители г-на Родіонова, съ тѣмъ, чтобы онъ облегчилъ заботы моей бабушки по воспитанію моему и по дѣламъ моимъ и ходатайствовалъ въ Дворянской Опекѣ обо всемъ мнѣ необходимомъ, защищалъ мою личность и мое имущество. И я узналъ, что опекуны мои, дядя мой Иванъ Константиновичъ Мясниковъ и посторонній человѣкъ, докторъ г. Отто, навлекаютъ неудовольствіе моей бабушки, обвиняютъ ее въ моемъ воспитаніи, поставляя на видъ, что я въ моемъ возрастѣ нахожусь только во 2-мъ классѣ гимназіи, желаютъ, чтобы я былъ отданъ въ пансіонъ полнымъ пансіонеромъ для приготовленія меня въ Лицей, отказываютъ ей въ выдачѣ требуемаго ею на мое воспитаніе содержанія и прочаго для меня необходимаго, настаиваютъ объ увольненіи моей бабушки отъ званія опекунши и кромѣ того обвиняютъ ее, что будто бы она не пускаетъ меня къ моимъ дядямъ и отчуждаетъ меня отъ нихъ, мнѣ кровныхъ; а изъ дядей моихъ Иванъ Константиновичъ еще желаетъ меня взять къ себѣ. Съ душевнымъ прискорбіемъ узнавъ обо всемъ этомъ, я не могу оставаться равнодушнымъ, а потому имѣю честь объяснить, что образованіемъ моимъ распоряжалась не бабушка, а дяди мои, и въ гимназію отданъ по ихъ желанію, гдѣ и нахожусь два года; мое же лучшее и постоянное желаніе достойнымъ образомъ окончить курсъ наукъ; я объявилъ своей бабушкѣ, что желаю готовиться къ военной службѣ и прошу ее приготовить меня къ поступленію не въ Лицей, какъ настаиваютъ мои опекуны, противно моему

призванію, а въ одно изъ военно-учебныхъ заведеній. Бабушка моя на столько добра, что не въ состояніи мнѣ запретить ходить къ моимъ дядямъ, а я самъ къ нимъ не ходилъ, потому что никогда не пользовался ихъ расположеніемъ и любовью, жить же кромѣ какъ у бабушки ни у кого другаго не желаю, тѣмъ еще болѣе, что я отданъ къ ней моимъ отцомъ, а воля отца, мое лучшее достояніе, для меня священна, и надѣюсь, что никто не вправѣ эту священную для меня волю измѣнить. (Такъ какъ моимъ отцомъ я порученъ никому другому какъ бабушкѣ)».

Въ виду этого Шишкинъ просилъ, чтобы было опредѣлено другихъ опекуновъ устранить отъ опеки и всѣ притязанія ихъ къ его бабушкѣ считать покончеными. Въ такомъ положеніи находилось дѣло въ маѣ 1864 г. 15-го ноября 1864 г. къ уѣздному предводителю дворянства, графу Апраксину, отъ Бѣляевой поступило прошеніе слѣдующаго содержанія:

«Вчера внукъ мой Иванъ Шишкинъ, отправившись въ пансіонъ Келлера, болѣе ко мнѣ не возвращался. Я въ изступленіи отъ страха бросилась во всѣ части города разыскивать его и, не сыскавъ его нигдѣ и пріѣхавши домой, не знаю, что со мною и было, потерявъ всякое сознаніе, а теперь лежу въ постели отъ испуга и изнеможенія. Сегодня утромъ мнѣ подали письмо отъ опекуна, Ивана Мясникова, полученное вчера вечеромъ, которымъ увѣдомляетъ меня, что племянникъ его, а мой внукъ, Иванъ Шишкинъ, вчера остался у него, но кто его взялъ изъ пансіона до классовъ, о томъ въ письмѣ своемъ умалчиваетъ, а прилагаетъ мнѣ письмо его, писанное, какъ видно, подъ диктовку, въ которомъ, ни въ чемъ не обвиняя меня, говоритъ, что воспитаніе его требуетъ болѣе серьезнаго направленія, чего онъ у меня имѣть не можетъ, тогда какъ всѣ средства къ его воспитанію всегда мною были ему предоставлены, и онъ это самъ сознавалъ и никогда не желалъ оставить меня. Опекунъ Иванъ Мясниковъ и его братъ всѣми мѣрами домогались вырвать отъ меня моего внука, врученнаго мнѣ покойнымъ отцомъ его, и для этой цѣли, не взирая, что я имъ тетка и крестная мать, рѣшились оклеветать меня предъ Дворянскою Опекою и Гражданскою Палатою и, не довольствуясь симъ, какъ изволите видѣть, рѣшились похитить и его самого и тѣмъ нанести мнѣ ударъ, который я едва ли въ состояніи перенесть, что они хорошо знаютъ, будучи увѣрены въ моей привя-

занности къ мальчику, котораго съ пеленокъ нянчила и берегла какъ глазъ свой. Опекунъ Мясниковъ, похитивъ отъ меня внука тайно, какъ видно, заставилъ его написать мнѣ письмо; но дѣйствительно ли оное писано имъ и дѣйствительно ли онъ самъ желалъ оставить мой домъ, не предупредивши меня объ этомъ, подлежитъ крайнему сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что надняхъ еще дяди его звали къ себѣ обѣдать, и онъ со слезами меня умаливалъ позволить ему не ходить. Я страшусь за внука моего, что такой поступокъ съ нимъ не можетъ не подѣйствовать на него какъ на мальчика слабаго сложенія, отъ чего онъ легко можетъ впасть въ болѣзнь, и я, которая до сего времени лелѣяла какъ сына моего, могу безвозвратно его потерять. Умоляю, ваше сіятельство, войдите въ положеніе малолѣтнаго, поспѣшите по праву предводителя дворянства предупредить плачевные результаты незаконнаго и тайнаго его увоза отъ меня; а потому, имѣю честь покорнѣйше просить, призвавъ его, Шишкина, къ особѣ вашей и убѣдившись въ противныхъ письму его чувствахъ, мнѣ его передать чрезъ попечителя, тѣмъ болѣе, что въ передачѣ его Ивану Мясникову Дворянскою Опекою отказано, а если на самомъ дѣлѣ малолѣтній мною недоволенъ и желалъ перейти къ нему, Мясникову, то этотъ послѣдній обязанъ былъ не тайно его увезти и склонить у себя остаться, а обратиться о томъ къ вашему сіятельству, какъ уѣздному предводителю дворянства, которому высшею властью предоставлено разбирательство жалобъ дворянъ, а тѣмъ болѣе малолѣтнихъ. Я надѣюсь, ваше сіятельство, что не оставите моей просьбы безъ вниманія и не возьмете на свой страхъ всѣхъ дурныхъ послѣдствій, могущихъ произойти отъ самовольнаго поступка Мясникова, который ничѣмъ оправдаться не можетъ».

Вслѣдствіе этого проситъ предводителя дворянства войти въ разсмотрѣніе дѣла и оградить какъ ее, такъ и интересы малолѣтняго Шишкина и разъяснить, подъ вліяніемъ чьихъ внушеній Шишкинъ оставилъ ея домъ. Къ этому прошенію приложено ею слѣдующее посьмо, полученное въ тотъ день отъ Ивана Мясникова:

«Милостивая государыня,

«Екатерина Васильевна!

«Племянникъ мой, Ваня Шишкинъ, котораго я и опекунъ, остался у меня, а какія тому причины, то для ясности прилагаю

въ подлинникѣ его собственноручное письмо, адресованное на ваше имя.

«Вашъ покорный слуга,
«опекунъ Шишкина
«И. Мясниковъ».

1864 года,
Ноября 16-го дня.

Въ приложенномъ письмѣ сказано слѣдующее:

«Милая, дорогая бабушка!

«Не могу не сознаться, что любовь моя къ роднымъ дядямъ моимъ, которые родные братья моей покойной матери, никогда не остывала во мнѣ, а тѣмъ болѣе, что все то, что я слышалъ отъ васъ дурнаго о нихъ, нахожу несправедливымъ; но, бывъ такъ молодъ, я долженъ былъ покориться судьбѣ. Всѣ препятствія, которыя мнѣ дѣлались къ отчужденію меня отъ родныхъ моихъ дядей Мясниковыхъ, доводятъ меня до того, что я не могу у васъ жить болѣе и прошу не сердиться на меня за это. Я перешелъ къ роднымъ моимъ дядямъ, изъ которыхъ одинъ изъ нихъ и мой опекунъ. Мое воспитаніе требуетъ болѣе серьезнаго направленія, чего я у васъ не могу имѣть. Попечитель же мой, г. полковникъ Родіоновъ, хотя и выбранъ мною, но не по убѣжденіямъ моимъ, а другихъ лицъ, и мнѣ очень стыдно, что я сдѣлалъ это, такъ какъ онъ человѣкъ мнѣ вовсе былъ незнакомый и неизвѣстный, тогда какъ у меня есть самые близкіе родственники-братья Мясниковы, которыхъ я люблю, уважаю и вполнѣ на нихъ полагаюсь, какъ на роднаго своего отца, а потому считаю для себя священною обязанностью просить опеку о перемѣнѣ и самого попечителя, замѣняя его роднымъ моимъ дядею Александромъ Мясниковымъ. Простите меня, что я такъ пишу; но это сердце мое говоритъ, вы сами видите, что это непреложная истина. Я васъ люблю и буду любить васъ, моихъ кровныхъ родственниковъ Мясниковыхъ, и если по сіе время и былъ удаленъ отъ нихъ, то это причина зависѣла не отъ меня, а отъ васъ.

«Простите меня и не браните. Хоть горько мнѣ это писать, но что же дѣлать!

«Благодарю васъ, дорогая бабушка, за всѣ ваши попеченія, которыя вы, бабушка, имѣли обо мнѣ по сіе время, которыхъ я вѣкъ не забуду. Посѣщать я васъ буду постоянно, но только не сердитесь, что жить я у васъ не могу.

«Цѣлую ваши ручки и прошу васъ опять не сердиться на меня.

«Истинно любящій» и т. д.

Такимъ образомъ, вы изволите усмотрѣть, что дѣло по опекѣ Шишкина началось съ прошенія Бѣляевой, поданнаго въ началѣ мая, о неправильныхъ дѣйствіяхъ Ивана Мясникова и заключавшаго въ себѣ просьбу о назначеніи новыхъ сообекуновъ и объ устраненіи ея, Бѣляевой, въ виду того, что ей постоянно наносятъ оскорбленія. Это прошеніе подкрѣплялось письмомъ Шишкина, въ которомъ онъ требовалъ, чтобы его оставили у бабушки и объявлялъ, что не желаетъ жить у Мясниковыхъ. Въ ноябрѣ это дѣло принимаетъ другой оборотъ: малолѣтній Шишкинъ былъ уведенъ отъ Бѣляевой и прислалъ ей письмо, которое я прочелъ. Послѣдствіемъ этого было разбирательство, происходившее по требованію петербургскаго генералъ-губернатора, вслѣдствіе свѣдѣній, полученныхъ имъ отъ предводителя дворянства. Разбирательство это было произведено самимъ предводителемъ дворянства, причемъ въ настоящемъ производствѣ имѣется относящееся собственно къ этому вопросу слѣдующее представленіе или письмо Бѣляевой предводителю дворянства графу Апраксину:

«Милостивый государь,

Графъ Иванъ Александровичъ!

«Не позволяя себѣ оставить въ мнѣніи вашемъ какое-либо недоразумѣніе о причинахъ побѣга отъ меня внука моего Ивана Шишкина, желаю необходимымъ представить у сего вашему сіятельству при копіи найденныя мною въ комнатѣ Шишкина собственноручныя записки къ нему гувернера его Рицціи, изъ которыхъ изволите усмотрѣть, какимъ унизительнымъ, безчестнымъ способомъ постепенно развиваемо было въ немъ чувство нерасположенія и неблагодарности ко мнѣ, а изъ прилагаемаго же у сего безъимяннаго письма, адресованнаго ко мнѣ тѣмъ же Рицціи, видно о предосудительномъ предложеніи, сдѣланномъ ему со стороны гг. Мясниковыхъ.

«Засимъ, мнѣ остается только покорнѣйше просить ваше сіятельство обратить вниманіе на нравственность лицъ, коимъ ввѣрены благосостояніе и вся участь малолѣтняго Шишкина.

«Съ глубочайшимъ и т. д.

«Е. Бѣляева».

Апрѣля 1865 г.

Приложенное письмо неизвѣстно кѣмъ писано, но, какъ сейчасъ увидите изъ дѣла, повидимому, принадлежитъ Риццони. Содержаніе его слѣдующее:

«Екатерина Васильевна!

«Какой то вамъ очень извѣстный господинъ былъ недавно у г. Риццони (имѣвшаго честь быть гувернеромъ при вашемъ племянникѣ), и живущій на Петербургской сторонѣ, Большая-Зеленина улица, близъ Крестовскаго моста, домъ Каминцевой, № 22, а въ городѣ—на Итальянской, близъ Маріинской больницы, домъ Козьмина, кварт. № 8.

«Этотъ господинъ со стороны господъ Мясниковыхъ принесъ какую-то бумагу, въ которой, въ длинномъ разсказѣ, сказано было, будто Екатерина Васильевна даетъ воспитанію Ивана Шишкина самое дурное направленіе, и просилъ господина Риццони, бывшаго у него гувернеромъ около 4-хъ лѣтъ, подписать ее.

«Эта бумага должна была служить доказательствомъ дурнаго будто бы направленія воспитанія Ивана Шишкина и клонить Судъ къ рѣшенію отнять его отъ Екатерины Васильевны Бѣляевой.

«Господинъ Риццони отвѣчалъ ему, что онъ, имѣвши время и честь въ теченіе 4-хъ лѣтъ узнать твердость характера и строжайшія правила Екатерины Васильевны, ему подписать эту бумагу невозможно, ибо это было бы ложно, ибо г. Риццони, который изъ всѣхъ тогда окружающихъ Екатерину Васильевну былъ ей болѣе преданъ, чѣмъ она, Екатерина Васильевна, изволила воображать, и готовъ доказать передъ Судомъ и передъ всѣми то, что правда.

«Надъ этимъ извѣстный вамъ господинъ извинился и оставилъ г. Риццони».

Іюня 29-го дня 1864 г.

Къ этому приложены пять записокъ на клочкахъ бумаги, написанныхъ по французски и по нѣмецки рукою Риццони, которыя были найдены Бѣляевою въ комнатѣ Шишкина. Я буду имѣть честь представить вамъ переводы съ нихъ, удостовѣренные при производствѣ дѣла въ Канцеляріи Генералъ-Губернатора. Записки адресованы къ Шишкину. Въ первой изъ нихъ сказано:

«Когда она вамъ скажетъ: Богъ тебя накажетъ, то отвѣчайте: васъ Богъ накажетъ, а не меня. Я ничего дурнаго не дѣлаю, а вы, не проходитъ часа, чтобы кого-нибудь вы не обидѣли напрасно, только по вашей глупости».

Изъ остальныхъ записокъ прокуроръ привелъ слѣдующія выдержки:

«Если она васъ разсердитъ, то назовите ее канальей, мужичкой, дочерью крѣпостнаго, тогда какъ я дворянинъ по отцу и смѣюсь надъ вами.

«Она васъ будетъ удерживать, плакать, разыграетъ сцену; но подумайте, что это изъ-за денегъ: еслибы вы были бѣдны, то она выгнала бы васъ сама. И такъ, будьте безъ жалости, потому что она хочетъ разбогатѣть на вашъ счетъ. Она дурно говоритъ про дядей, чтобы удобнѣе самой воровать. Подумайте, что вы перенесли во время своего пребыванія въ ея собачьемъ домѣ, и у васъ достанетъ смѣлости оставить ее, говоря: «Довольно я перенесъ отъ васъ. Богъ васъ благослови, а чортъ побери дикарку этакую! А вы хотѣли со мной обходиться какъ съ ребенкомъ! Я покажу вамъ, что я уже не дитя, и что вы имѣете дѣло съ И. Шишкинымъ.

«Не бойтесь ничего, ни окружающихъ, ни условій, потому что всѣ ее ненавидятъ и льстятъ ей; она окружена нищими старухами, которыя ненавидятъ ее за скупость, продавать старыя бутылки».

Въ связи съ этими письмами находится письмо Риццони на имя петербургскаго предводителя дворянства, въ которомъ Риццони объяснилъ, что малолѣтній Шишкинъ уведенъ изъ дому Бѣляевой имъ (Риццони), къ чему его убѣдили Мясниковы, за условленную плату, которой, впрочемъ, онъ не получилъ, и, чтобы склонить малолѣтняго на переходъ, онъ въ теченіе шести недѣль боролся съ бездною препятствій, а что дѣйствительно малолѣтній былъ имъ возбужденъ противъ бабки, то это подтверждается его записками, найденными въ комнатѣ Шишкина. Затѣмъ, въ письмѣ разсказывается, что совершенно безпримѣрно, что Мясниковъ, несмотря на обѣщаніе быть чрезвычайно благодарнымъ Риццони, благодарности не показалъ. Это Риццони крайне удивило; но, несмотря на всѣ его стремленія какимъ-либо образомъ напомнить Мясникову о данномъ словѣ, Мясниковъ его не сдержалъ, «да еще,—вѣроятно изъ благодарности — говоритъ Риццони, отказалъ мнѣ отъ мѣста, ли-

шивъ меня, такимъ образомъ, жалованья, единственнаго способа къ существованію; а я — отецъ семейства». Письмо подписано: «А. Рицціони, учитель иностранныхъ языковъ и музыки».

Въ связи съ этими письмами слѣдуетъ рапортъ предводителя дворянства Петербургскаго уѣзда генералъ-губернатору 5-го декабря, что ссылка опекуновъ на журналъ Дворянской Опеки, состоявшійся безъ справки изъ дѣла, не можетъ оправдывать ихъ дѣйствій, причемъ указано на безпорядки по опекѣ. Наконецъ, въ связи со всѣми прочитанными документами, находится предложеніе петербургскаго уѣзднаго стряпчаго Дворянской Опекѣ; изъ этой бумаги я прочту 1 пунктъ, какъ относящійся къ предмету настоящаго дѣла:

«По опекунству надъ малолѣтнимъ Иваномъ Шишкинымъ, опекунъ, титулярный совѣтникъ Иванъ Мясниковъ, въ прошеніи, поданномъ 3-го декабря 1864 г. въ С.-Петербургскую Дворянскую Опеку, объяснилъ, что соопекунша его, вдова купца Екатерина Бѣляева, постоянно ему во всемъ противодѣйствуетъ, вслѣдствіе того, что она, какъ сама выразилась и извѣстно Дворянской Опекѣ, находится съ нимъ, Мясниковымъ, въ непримиримой враждѣ. Отъ сего возникаютъ различныя дѣла, которыя состояли въ разсмотрѣніи Дворянской Опеки и могутъ впредь поступить на разсмотрѣніе оной. Между тѣмъ, одинъ изъ членовъ Дворянской Опеки, г. Чевакинскій, находится съ г. Бѣляевою въ тѣсной дружбѣ и постоянно руководитъ ее въ ея дѣлахъ. При такомъ расположеніи къ враждебной ему сторонѣ, онъ, Мясниковъ, не можетъ ожидать для себя безпристрастія отъ г. Чевакинскаго, котораго вслѣдствіе сего просилъ устранить отъ всякаго участія по дѣлу объ опекунствѣ надъ малолѣтнимъ Иваномъ Шишкинымъ».

Въ дополненіе къ прочитаннымъ документамъ имѣю честь объяснить, что Чевакинскій дѣйствительно представилъ въ Дворянскую Опеку обширный рапортъ, въ которомъ, изложивъ происходившія въ опекѣ упущенія, растраты, недочеты, полагалъ дѣло объ опекѣ Шишкина прекратить. Въ 1865 г., въ концѣ, состоялось примиреніе между Мясниковымъ и Бѣляевою, которая была отстранена отъ опеки. Къ объясненію этого примиренія, какъ мнѣ кажется, могутъ служить нѣкоторые документы, которые находятся въ вещественныхъ доказательствахъ, отобранныхъ у Бѣляевой при обыскѣ. Сюда относятся слѣдующіе документы: Черновое обязательство

Мясниковыхъ заплатить Бѣляевой 20,000 руб., никѣмъ не подписанное и очевидно имѣющее значеніе лишь проекта. Въ немъ содержится писанный Бѣляевою разсчетъ съ имущества, оставшагося послѣ ея мужа, суммою до 700,000 р. Кромѣ того у Бѣляевой найдена черновая записка, неизвѣстно кѣмъ написанная, имѣющая видъ сдѣлки о примиреніи, съ опредѣленіемъ размѣровъ и сроковъ уплаты за это примиреніе. Далѣе у Бѣляевой найдены были два письма содержанія близко сходнаго съ этимъ, но съ болѣе рѣзкими выраженіями, содержаніе которыхъ изложено въ обвинительномъ актѣ. Письмо это находится въ трехъ экземплярахъ. Изъ нихъ два переписаны весьма четкимъ и красивымъ почеркомъ. Одинъ составляетъ черновую. Въ концѣ его женскою рукою — если Судъ разрѣшитъ, то, можетъ быть, объяснится чьею—прописанъ весь разсчетъ убытковъ, понесенныхъ Бѣляевою отъ размѣна 35,000 р. акціями. Вы слышали, гг. присяжные засѣдатели, изъ тѣхъ документовъ, которые я прочелъ до сихъ поръ, что до конца 1866 г. Бѣляева находилась въ отношеніяхъ крайне враждебныхъ къ Мясниковымъ. Повѣреннымъ ея былъ Чевакинскій, порицавшій дѣйствія Мясниковыхъ, и только въ 1866 г. состоялось, повидимому, примиреніе; по крайней мѣрѣ въ началѣ 1868 г. мы имѣемъ письма Чевакинскаго къ А. К. Мясникову, гдѣ прибавлено въ каждомъ почти письмѣ слѣдующее: «Преданный вамъ Чевакинскій». Изъ этихъ писемъ, въ которыхъ говорится о дѣлахъ Мясникова, видно, что Чевакинскій ходатайствуетъ по дѣламъ его и прибавляетъ почти въ каждомъ письмѣ: «Пишу къ вамъ у Катерины Васильевны; пишу отъ Катерины Васильевны; преданный вамъ, готовый къ услугамъ». Очевидно, эти письма указываютъ на нѣкоторую близость Чевакинскаго къ Мясниковымъ послѣ 1868 г., при чемъ онъ ведетъ ихъ дѣла. Затѣмъ, гг. присяжные засѣдатели, въ дополненіе ко всему тому что я сказалъ, имѣю честь еще указать вамъ на письмо доктора Отто, адресованное Е. В. Бѣляевой, въ которомъ говорится, что Отто долженъ былъ послать извѣстную Бѣляевой бумагу, чтобы избѣжать слуховъ объ отравленіи... Я долженъ еще заявить, что можетъ быть въ связи съ этими бумагами находится заявленіе П. Мясникова и Отто въ январѣ 1864 г., что Бѣляева не можетъ быть опекуншею и ее слѣдуетъ устранить. Таковы документы, на которые я имѣю честь просить васъ, гг. присяжные засѣдатели, обратить вниманіе. Изъ нихъ вы изволите

усмотрѣть, что они имѣютъ существенную связь съ настоящимъ дѣломъ, указываютъ на то, что въ 1864 г. отношенія между Бѣляевою и Мясниковыми измѣнились вслѣдствіе общей привязанности ихъ, общей родственной связи съ малолѣтнимъ Шишкинымъ, какъ они становились все болѣе и болѣе натянутыми подъ вліяніемъ тѣхъ внушеній, которыя дѣлались Шишкину какъ чрезъ посредство самой Бѣляевой, которая, по словамъ нѣкоторыхъ лицъ, внушала ему ненависть къ Мясниковымъ, такъ и подъ руководствомъ Риццони. Затѣмъ, состоялось примиреніе, на которое указываетъ разсчетъ мировой, прочитанный мною, и, наконецъ, условіе, въ которомъ изложено требованіе Бѣляевой къ Мясниковымъ; затѣмъ, повѣренный Бѣляевой, членъ Дворянской Опеки Чевакинскій, дѣйствовавшій, повидимому, противъ Мясниковыхъ, съ 1867 г. переходитъ на ихъ сторону и пишетъ къ А. Мясникову письма отъ имени Бѣляевой.

Прис. повѣр. Арсеньевъ. Я просилъ бы васъ, гг. присяжные засѣдатели, обратить вниманіе на то, что несогласія между Бѣляевою и Мясниковыми начались, какъ видно изъ объясненія прокурора, въ 1864 году, когда возникъ вопросъ объ опекѣ надъ Шишкинымъ, а въ январѣ 1865 г. началось производство Управы Благочинія по вопросу объ исполненіи Мясниковыми условія 22-го декабря 1858 г. Затѣмъ, прошу обратить вниманіе, что прошеніе въ Казенную Палату, съ котораго г. прокуроръ началъ свое объясненіе, подано въ 1865 г., т. е. черезъ годъ послѣ начатія дѣла объ опекѣ и болѣе шести мѣсяцевъ послѣ дѣла объ условіи. Затѣмъ, не буду ничего говорить о томъ, что было изложено г. прокуроромъ, такъ какъ остаюсь при убѣжденіи, что это никакого отношенія къ дѣлу не имѣетъ, и это убѣжденіе въ свое время будетъ мной выяснено, но прошу обратить вниманіе, что французскія записки, которыхъ переводъ былъ прочитанъ, не исходятъ отъ братьевъ Мясниковыхъ. Затѣмъ, я желалъ бы знать, какое значеніе г. прокуроръ придаетъ окончанію дѣлъ въ 1866 г.? Судебныя дѣла между Бѣляевой и Мясниковыми производились до 1868 г., и окончены не мировою, а рѣшеніемъ Гражданскаго Департамента С.-Петербургской Судебной Палаты. Если въ глазахъ г. прокурора вопросъ объ окончаніи дѣла въ 1866 или въ 1868 годахъ имѣетъ важность, то я просилъ бы къ завтрашнему дню истребовать изъ Гражданской Палаты дѣло 1868 г., которое по-

казало бы, что въ 1868 г. споръ между Мясниковыми и Бѣляевою еще не былъ окончѣнъ. Если этотъ фактъ будетъ признанъ за доказанный, то, очевидно, та записка, въ которой изложены условія мировой, не имѣетъ значенія, потому что она, очевидно, написана до 1866 года, и въ ней говорится: въ 1866 г. уплатить столько то, между тѣмъ мы знаемъ содержаніе условія 22-го декабря о выдачѣ Бѣляевой въ продолженіе 10 лѣтъ по 12,000 руб. въ годъ; слѣдовательно, записка выражаетъ такое предположеніе, которое не осуществилось.

Прокуроръ. Я готовъ согласиться, что есть рѣшеніе Палаты, котораго я не имѣлъ въ виду, такъ какъ оно не приложено къ дѣлу, но просилъ бы указать на число, когда состоялось рѣшеніе.

Г. Арсеньевъ. 20-го февраля 1868 г.

Прокуроръ. Въ такомъ случаѣ прошу обратить вниманіе, что первое слѣдствіе началось въ іюлѣ 1868 г.

Г. Арсеньевъ. Въ предупрежденіе недоразумѣній, считаю нужнымъ сказать, что рѣшеніе 20-го февраля относится только къ взаимнымъ пререканіямъ Мясниковыхъ съ Бѣляевой по условію 22-го декабря 1858 года.

Прис. пов. Языковъ. Я просилъ бы разъяснить, куда перешло дѣло Дворянской Опеки по спору объ опекѣ надъ Шишкинымъ, потому что споръ объ опекѣ конченъ рѣшеніемъ Гражданской Палаты, признавшей дѣйствія опекуновъ вполнѣ правильными.

Прокуроръ. Хотя по документамъ, находящимся при дѣлѣ, этого не видно, но вслѣдствіе глубокаго довѣрія, которое я имѣю къ гг. защитникамъ, считаю нужнымъ сказать, что достаточно одного ихъ заявленія, чтобы признать и допустить, что дѣло было рѣшено именно такимъ образомъ, какъ заявляется.

Г. Языковъ. Сверхъ того, я просилъ бы обратить вниманіе что то производство, въ которомъ содержится заявленіе Бѣляевой, чтобы Мясниковы заплатили ей невѣдомою сохранною росписку, составляетъ часть одного производства, которое заключается въ томъ, что Казенная Палата взыскивала съ Бѣляевой недостававшія пошлины по завѣщанію, въ виду того, что по завѣщанію объявлена сумма менѣе стоимости переданнаго имѣнія. Вслѣдствіе этого, прошеніе Бѣляевой было направлено къ тому, чтобы дока-

зать предъ казеннымъ мѣстомъ, что уплаченныя пошлины соотвѣтствовали переданному имѣнію. Затѣмъ, по поводу прошенія, которое 26-го мая 1864 г. подано Шишкинымъ о назначеніи опеки, я покорнѣйше прошу вспомнить юридическія фразы и тонъ этого прошенія и сопоставить ихъ съ возрастомъ Шишкина, которому было тогда только 14 лѣтъ. Затѣмъ, прошу припомнить, что всѣ письма, которыя были прочитаны здѣсь въ переводахъ съ французскаго и нѣмецкаго языковъ, подписаны нѣкіимъ Риццони, который, по собственному его сознанію въ письмѣ, прочитанномъ намъ, уволенъ отъ должности Мясниковымъ. Затѣмъ, вообще относительно этихъ прошеній, которыя были прочитаны, я прошу припомнить тонъ и самыя фразы этихъ прошеній. Это будетъ имѣть значеніе впослѣдствіи.

Г. Арсеньевъ. Я забылъ еще сказать, что хотя черновыя письма обращены, повидимому, къ Мясникову съ разными упреками, но, по показанію Бѣляевой, она никогда подобнаго письма не писала, что они найдены не у Мясникова, которому адресованы, а у Бѣляевой. Происхожденіе ихъ будетъ объяснено однимъ изъ свидѣтелей.

П. К. Мясниковъ объяснилъ, что дѣло объ опекѣ Шишкина изъ Дворянской Опеки перешло въ Гражданскую Палату. По рѣшенію Палаты всѣ его счеты по опекѣ признаны правильными, причемъ Палата нашла, что онъ увеличилъ капиталъ Шишкина на 100,000 руб., не бралъ опекунскаго вознагражденія и не ставилъ въ счеты никакихъ расходовъ на содержаніе Шишкина.

Предсѣдательствующій разъяснилъ присяжнымъ засѣдателямъ, что всѣ изложенныя прокуроромъ бумаги, относящіяся къ опекѣ, могутъ и должны имѣть значеніе только для разъясненія тогдашнихъ отношеній Бѣляевой къ Мясниковымъ. Что касается того, какимъ образомъ Иванъ Мясниковъ управлялъ дѣлами Шишкина, этотъ вопросъ совершенно къ настоящему дѣлу не относится. Поэтому, тѣ указанія, которыя заключаются въ имѣющемся производствѣ, что Мясниковъ управлялъ дѣлами не хорошо, не могутъ и не должны имѣть никакого значенія при разсмотрѣніи вопроса о завѣщаніи.

Прокуроръ просилъ обратить вниманіе на то, что онъ указывалъ на упомянутые документы, какъ на разъясняющіе отношеніе Бѣляевой къ Мясниковымъ, и на оборотъ. Эти указанія были

направлены къ тому, чтобы показать, какія обвиненія дѣлалъ Чевакинскій; но самъ прокуроръ не придаетъ имъ никакого значенія и готовъ удостовѣрить, что, какъ видно изъ производства Дворянской Опеки, дѣйствительно опека Мясниковыхъ надъ Шишкинымъ была признана совершенно правильною.

Спрошенная вновь Бѣляева на вопросы предсѣдательствующаго показала, что не помнитъ, подавала ли она въ Казенную Палату прочитанное на Судѣ прошеніе; что черновыхъ писемъ, найденныхъ при обыскѣ, на имена Ивана и Александра Мясниковыхъ не писала; какимъ образомъ эти письма попали въ ея бумаги— не знаетъ, кто ихъ писалъ — за давностью времени не помнитъ; не можетъ сказать, чьей рукой внизу этой бумаги написана приписка; почтовый пакетъ писемъ къ Мясниковымъ писанъ ея повѣреннымъ; при какихъ обстоятельствахъ былъ онъ посланъ—не помнитъ.

Свидѣтель Сысоевъ показалъ, что зналъ Шевелева, который прежде служилъ у Мясниковыхъ въ родѣ конторщика. Въ 1866 г., въ половинѣ или въ концѣ лѣта, явились къ Сысоеву на квартиру Ижболдинъ и его жена и предложили ему принять на себя ходатайство по дѣлу о фальшивомъ духовномъ завѣщаніи, составленномъ отъ имени Бѣляева. Сысоевъ взялъ на себя вести это дѣло, но, увидѣвъ громадную цифру иска, не рѣшился одинъ взять его на свою отвѣтственность и предложилъ Ижболдину, чтобы онъ пригласилъ въ помощь еще другаго адвоката. Въ сентябрѣ того же года Ижболдинъ доставилъ къ Сысоеву дѣло, веденное чиновникомъ Германомъ, огромную переписку и доставилъ письмо на имя Ижболдина, подписанное Шевелевымъ. Сысоевъ спросилъ у Ижболдина: справедливо ли это письмо? Тотъ отвѣчалъ, что Шевелевъ находится здѣсь и можетъ подтвердить справедливость этого письма. Желая удостовѣриться въ этомъ лично отъ Шевелева, Сысоевъ спросилъ, гдѣ можно его видѣть, на что Ижболдинъ отвѣчалъ, что Шевелевъ содержится въ Спасской части и доступъ къ нему свободенъ. Принявъ письмо, Сысоевъ отправился съ нимъ къ Шевелеву, которому показалъ письмо. Шевелевъ призналъ, что письмо писано имъ и все это совершенно справедливо, что онъ желалъ бы сообщить нѣкоторыя другія вещи, такъ какъ ему много извѣстно о томъ, какъ явилось фальшивое завѣщаніе и было расхищено имущество изъ дома Бѣляева.

По распоряженію предсѣдательствующаго былъ введенъ Шевелевъ.

Сысоевъ продолжалъ, что тогда Шевелевъ сказалъ, что нервы его разстроены, почему онъ не можетъ сообщить въ ту минуту такихъ свѣдѣній, но готовъ сообщить ихъ, когда будетъ свободенъ, и записалъ адресъ Сысоева; затѣмъ, дѣйствительно, былъ у него и разсказалъ можетъ быть въ десять разъ больше того, что написано въ письмѣ. По мнѣнію Сысоева этотъ разговоръ не относится собственно къ фальшивому завѣщанію, потому что былъ переполненъ разсказами объ ужасахъ, которые происходили въ домѣ Мясниковыхъ, о какихъ-то страшныхъ убійствахъ. Шевелевъ разсказывалъ такъ ясно, съ такими подробностями, что Сысоеву иногда даже приходило на мысль, что самъ Шевелевъ былъ участникомъ во всѣхъ этихъ происшествіяхъ—съ такою удивительною живостью разсказывалъ Шевелевъ.

(На вопросы г. Арсеньева). Свѣдѣнія по этому дѣлу сообщалъ Сысоеву еще Матвѣевъ, котораго Сысоевъ считаетъ однимъ изъ добросовѣстнѣйшихъ свидѣтелей. Объ условіи, заключенномъ между Ижболдинымъ и Шевелевымъ для полученія послѣднимъ отъ перваго денегъ, Сысоеву ничего неизвѣстно.

На очной ставкѣ между Сысоевымъ и Шевелевымъ, послѣдній показалъ, что не отдалъ письма, но копію съ него, списанную въ домѣ Сысоева, вручилъ ему вечеромъ, за 3 или 4 дня до 1-го декабря, что видѣлъ Сысоева прежде только въ октябрѣ и ноябрѣ всего 5 или 6 разъ. Сысоевъ, по предъявленіи ему письма, остался при прежнемъ показаніи. Шевелевъ подтвердилъ свое первое показаніе безъ всякой отмѣны.

На вопросы г. Лохвицкаго Шевелевъ отвѣчалъ, что списалъ упомянутую копію въ квартирѣ Сысоева, кажется на Васильевскомъ островѣ, между 5-мъ и 7-мъ часами вечера. Это было за 3 или 4 дня до его отъѣзда. Ижболдинъ заявилъ, что нужно дать ему, Шевелеву, условіе о 2,000 р.

Шевелевъ заявилъ, что 4-го апрѣля онъ ни съ Сысоевымъ, ни съ Ижболдинымъ не былъ знакомъ и не видалъ ихъ никогда; познакомился съ ними только въ октябрѣ, и то они искали его, а не онъ ихъ.

Сысоевъ объяснилъ, что на прошлой недѣлѣ онъ слышалъ отъ присяжнаго стряпчаго Конради, что недавно близкій родственникъ его привезъ какого-то Шевелева, выданнаго, по распоряже-

нію французскаго правительства, въ качествѣ политическаго преступника; что всю дорогу Шевелевъ разсказывалъ своему спутнику о дѣлѣ Мясниковыхъ и говорилъ, что желаетъ, наконецъ, сбросить съ себя это ярмо и сказать Суду всю правду о злоупотребленіяхъ, которыя творились по этому дѣлу.

Шевелевъ на это сказалъ: «Я это и исполнилъ.»

Спрошенный объ условіи съ женою Шевелева на 2,000 р., Ижболдинъ показалъ, что онъ совѣтовался съ Сысоевымъ насчетъ этого условія. Сначала жена Шевелева говорила съ женою Ижболдина, и теперь онъ припомнилъ, что письмо написано спустя нѣсколько времени послѣ этого разговора. Это письмо Шевелевъ списалъ съ написаннаго Германомъ письма. Шевелева объявила сначала женѣ Ижболдина, что имѣетъ страшную тайну, что Мясниковы изъ кабинета Бѣляева вытащили банковый билетъ. Условіе было подписано, когда жена Шевелева передала на словахъ эти свѣдѣнія, она сначала больше обѣщала и послѣ обѣщалась отдать условіе. Въ это время жена Шевелева родила и находилась въ самомъ критическомъ положеніи, говорила, что они люди бѣдные и просила Ижболдиныхъ заплатить 2,000 р., когда получатъ бѣляевское наслѣдство. Ижболдинъ далъ условіе не за то письмо, которое списалъ Шевелевъ. Сысоевъ на очной ставкѣ съ Ижболдинымъ остался при своемъ показаніи, что не участвовалъ въ составленіи условія и не совѣтовалъ ничего по этому поводу; что онъ рѣшительно не помнитъ, были ли какіе нибудь разговоры объ условіи на имя Шевелева. Кажется, что Сысоевъ слышалъ отъ Ижболдина, въ числѣ множества другихъ свѣдѣній по этому дѣлу, что Бѣляевъ выдалъ свою воспитанницу замужъ и кажется наградилъ ее билетомъ, который, какимъ-то образомъ, очутился въ рукахъ братьевъ Мясниковыхъ, и что владѣлица требовала возвращенія билета; но подробностей Сысоевъ не помнитъ, онъ даже не зналъ въ то время, существуетъ ли Шевелевъ.

Докторъ Краспльниковъ показалъ, что, живя вмѣстѣ съ братомъ Александромъ, слышалъ отъ него и отъ лицъ, приходившихъ къ нему, о фальшивомъ духовномъ завѣщаніи. Будучи врачемъ Спасской части, свидѣтель видѣлъ Шевелева, который находился въ пріемномъ покоѣ по случаю его болѣзни. Узнавъ фамилію Красильникова, Шевелевъ спросилъ, не родственникъ ли онъ Алекс. Ѳедоров., и, удостовѣрившись въ этомъ, началъ разсказы-

вать о своемъ знакомствѣ съ послѣднимъ и между прочимъ говорилъ о духовномъ завѣщаніи, которое будто бы подложно составлено отъ имени Бѣляева. Вслѣдствіе подробнаго и точнаго разсказа Шевелева, Красильниковъ, будучи знакомъ съ Ижболдинымъ, разсказалъ сему послѣднему, что есть господинъ, который великолѣпно знаетъ объ этомъ дѣлѣ, и потомъ познакомилъ Ижболдина съ Шевелевымъ.

Шевелевъ сказалъ, что не имѣлъ съ Красильниковымъ такихъ разговоровъ.

По поводу сообщенія женою Шевелева свѣдѣній Ижболдинымъ, была спрошена жена Ижболдина, которая объяснила, что съ Шевелевыми познакомилась черезъ своего мужа; что жена Шевелева говорила ей, что завѣщаніе подложно и подписано Карагановымъ; что Шевелева приглашала Ижболдину къ себѣ для сообщенія ей важнаго свѣдѣнія. Ижболдина нашла Шевелеву очень слабою послѣ болѣзни; послѣдняя изъявила готовность разсказать нѣчто важное, но въ тотъ разъ ничего не сказала; затѣмъ, по совѣту Германа, было составлено условіе на имя Шевелевой. Потомъ, Шевелева разсказала, что Бѣляевъ, выдавая замужъ воспитанницу Иванову, положилъ на ея имя деньги въ банкъ и хранилъ у себя банковый билетъ. По смерти Бѣляева, когда Мясниковы перевезли къ себѣ всѣ его бумаги, они вѣрно взяли и билетъ. Иванова нѣсколько разъ обращалась къ нимъ, но ничего не получила, затѣмъ она жаловалась въ Управѣ Благочинія, и Мясниковы отдали или билетъ, или деньги.

Графъ Апраксинъ показалъ, что Чевакинскій передалъ ему, въ видѣ городскаго слуха, что наслѣдники затѣваютъ процессъ противъ завѣщанія Бѣляева.

Графъ Клейнмихель показалъ, что, будучи ктиторомъ Преображенскаго собора въ продолженіе 7-ми лѣтъ, зналъ покойнаго священника Сицилинскаго, какъ человѣка высокой нравственности, о которомъ сохранилъ самыя хорошія воспоминанія; Сицилинскому было тогда около 80-ти лѣтъ. Онъ былъ очень уважаемъ въ полку, дѣлалъ много добра, но былъ строгъ въ отношеніяхъ къ своимъ подчиненнымъ. На вопросъ г. Лохвицкаго, былъ ли Сицилинскій по сердцу добрый человѣкъ, свидѣтель отвѣчалъ: строгій.

Свидѣтель Китаевъ показалъ, что онъ служилъ камердинеромъ у Бѣляева послѣднее время до его смерти и постоянно на-

ходился при немъ; помнитъ, что д-ръ Тильманъ, лѣчившій Бѣляева, говорилъ ему о дурномъ состояніи его здоровья, но Бѣляевъ отвѣчалъ: «совсѣмъ не опасно, я чувствую себя хорошо». Когда сдѣлалось Бѣляеву дурно, послали за докторомъ Тильманомъ и священникомъ Сицилинскимъ. Когда пришелъ докторъ, Китаевъ извѣстилъ о положеніи Бѣляева, черезъ дворника, Мясниковыхъ. По приходѣ священника, Бѣляевъ началъ вставать, ноги у него подкосились и онъ упалъ; тогда Китаевъ съ другимъ человѣкомъ подняли его подъ руки и положили на постель. Докторъ подошелъ, освидѣтельствовалъ и сказалъ: все кончено. Въ это время явились Мясниковы, спросили ключи отъ комодовъ, шкафовъ. Китаевъ сказалъ, что ключи всѣ находятся въ конторѣ. Они взяли ключи изъ конторы и отворили комоды. Послѣ того онъ видѣлъ только, что когда отворены были всѣ двери, съ парадной лѣстницы входилъ Матвѣевъ, котораго замѣтилъ у швейцара; Матвѣевъ несъ портфейль неизвѣстно съ чѣмъ. Тогда же Мясниковы взяли всѣ шкатулки съ бриліантами и прочими вещами и унесли въ спальню Бѣляевой. Въ это время входитъ надзиратель, Китаевъ доложилъ Бѣляевой; она сказала: обратитесь къ А. К. Мясникову. Онъ вышелъ, переговорилъ съ надзирателемъ и сказалъ, что можно опечатать завтра. Надзиратель согласился. Вечеромъ, въ 9 час., когда Китаевъ пришелъ въ кабинетъ, Мясниковы спросили двѣ простыни, чтобы связать бумаги. Китаевъ подалъ простыни и веревки, и бумаги были увезены въ двухъ каретахъ къ Мясниковымъ, которые уѣхали вмѣстѣ съ бумагами.

(На вопросы прокурора). Китаевъ слышалъ отъ доктора Отто, Кемпе и Ремянниковой, что завѣщанія не осталось, тѣмъ болѣе, что въ день смерти Бѣляева Ремянникова просила А. К. и П. К. Мясниковыхъ не оставлять ее безъ вниманія и поклонилась имъ въ ноги. Они обѣщали. Впослѣдствіи Ремянникова сказала Китаеву, что завѣщаніе открыто. Отто говорилъ Китаеву, что нѣтъ завѣщанія, когда разговаривалъ съ нимъ; онъ любилъ Китаева. Отто былъ въ домѣ Бѣляева свой человѣкъ — домашній докторъ.

Когда пришелъ полицейскій чиновникъ, А. К. Мясниковъ ему предложилъ опечатать кабинетъ на другой день. Такъ и было сдѣлано: были опечатаны шкафы и конторка; изъ этихъ шкафовъ было все выбрано. Въ кабинетѣ находились при жизни Бѣляева

только очень нужныя дѣла. Целебровскій прежде часто бывалъ у покойнаго. Послѣднее время, по приказанію Бѣляева, Китаевъ сталъ ему отказывать, потому что онъ большею частью приходилъ съ бумагами изъ Суда и просилъ ему пожертвовать. Послѣ смерти Бѣляева, Целебровскій былъ на похоронахъ и недѣли черезъ двѣ опять сталъ ходить къ Бѣляевой. Въ это время А. К. Мясниковъ призывалъ къ себѣ Китаева и спрашивалъ его, кто бываетъ у Бѣляевой, и велѣлъ себѣ докладывать каждый день о ея посѣтителяхъ. Пріѣзжали Красильниковъ, Воронинъ, Гонинъ и нѣкоторыя другія личности, но которыхъ Китаевъ не помнитъ. Бѣляевъ былъ очень аккуратный, ровнаго характера и очень добрый человѣкъ; расходъ и приходъ онъ самъ записывалъ, многія бумаги писалъ самъ и постоянно занимался съ 8 часовъ утра до 1 ч. ночи.

(На вопросы г. Лохвицкаго) Целебровскаго Бѣляевъ запретилъ принимать мѣсяца за полтора до смерти. Китаевъ не видалъ, чтобы Спицлинскій и Отто подписывали какую нибудь бумагу.

(На вопросы г. Арсеньева) Бумаги изъ кабинета Бѣляева были вынесены открыто. При этомъ находились братья Мясниковы, Бѣляева и Китаевъ; другіе люди не могли этого видѣть; особенной поспѣшности при увозѣ бумагъ не было.

(На вопросы присяжнаго повѣреннаго Языкова) Мясниковы разъ уѣхали, потомъ вернулись во второй разъ, наложили карету и уѣхали. Въ конторѣ у Бѣляева должно было быть немного денегъ. По приказанію А. К. Мясникова, Китаевъ послалъ дворника съ извѣстіемъ о Бѣляевѣ въ домъ П. К. Мясникова, потому что его домъ ближе.

(На вопросы г. Арсеньева) Бѣляевъ сталъ болѣть лѣтъ за пять до своей смерти; постоянно лѣчился—за два мѣсяца; совсѣмъ пересталъ выходить изъ дому не болѣе какъ за недѣлю. Докторъ Тильманъ сталъ лѣчить Бѣляева не болѣе какъ за полтора мѣсяца до его смерти. Вся прислуга предполагала, что Бѣляевъ, по добротѣ своей, ихъ чѣмъ нибудь вознаградитъ по завѣщанію. Целебровскій не былъ повѣреннымъ Бѣляева. Мясниковы вывозили только бумаги, а не вещи. По смерти Бѣляева, Китаевъ служилъ у Красильникова, у котораго завѣдывалъ погребомъ. Китаевъ самъ началъ разговоръ съ докторомъ Отто о завѣщаніи, при-

чемъ Отто сказалъ, что подписывалъ много бумагъ для Бѣляева, но завѣщанія не подписывалъ.

А. Мясниковъ объяснилъ, что онъ тогда жилъ на Знаменской улицѣ и что у Бѣляева были бумаги по откупамъ нѣсколькихъ губерній; Мясниковы брали только свои бумаги; шкафы и конторки не были бы опечатаны, если бы оказались пустыми; они были опечатаны при многихъ свидѣтеляхъ; въ первый день явилась полиція; Мясниковъ не помнитъ, чтобы онъ отослалъ полицейскаго офицера.

Бывшій помощникъ надзирателя Рошковскій показалъ, что актъ опечатанія и описи имущества Бѣляева составилъ въ кварталѣ, а имущества не опечатывалъ.

Бывшій надзиратель Соколовъ показалъ, что не былъ въ домѣ у Бѣляева, почему именно—не помнитъ. Онъ не приказывалъ Рошковскому писать акта въ конторѣ квартала. Въ виду разнорѣчія и запамятованія свидѣтеля, было прочитано его показаніе, данное на предварительномъ слѣдствіи. Изъ этого показанія видно, что Соколовъ тогда не могъ припомнить, поручалъ ли Рошковскому составить актъ, и, сколько ему помнилось, не былъ въ квартирѣ Бѣляева, потому что въ это время былъ болѣнъ.

Прис. пов. Языковъ, въ виду показанія Китаева, что Целебровскій не былъ повѣреннымъ Бѣляева, заявилъ, что есть формальная довѣренность, выданная Бѣляевымъ Целебровскому.

Прокуроръ заявилъ, что въ бумагахъ Бѣляева есть записная книжка, удостовѣряющая о неоднократной выдачѣ довѣренностей Целебровскому.

По ходатайству г. Лохвицкаго, Китаевъ былъ спрошенъ о томъ, что онъ разумѣлъ подъ словомъ повѣренный. Китаевъ объяснилъ, что постояннымъ повѣреннымъ Бѣляева Целебровскій никогда не былъ, но что, можетъ быть, ему поручались частныя дѣла.

Присяжный повѣренный Арсеньевъ заявилъ, что въ числѣ представленныхъ бумагъ находится черновое прошеніе въ Коммерческій Судъ отъ имени Бѣляева, написанное рукою Целебровскаго, въ чемъ можно удостовѣриться сличеніемъ этой бумаги съ завѣщаніемъ Бѣляева, писаннымъ рукою Целебровскаго. Въ дневникѣ Бѣляева, который обнимаетъ періодъ съ 1857 до 1858 г., въ нѣсколькихъ статьяхъ есть указанія на разныя порученія,

которыя Бѣляевъ давалъ Целебровскому. Какъ изъ счетовъ, такъ и изъ расходной тетради Бѣляева видно, что въ послѣдніе годы его жизни Целебровскій получалъ отъ него, какъ представителя Мясниковыхъ, за ходатайство по дѣламъ, 100 р. въ мѣсяцъ.

Алексѣй Петровъ показалъ, что служилъ лакеемъ Бѣляева, видѣлъ (въ какой день — не помнитъ) полицію въ квартирѣ умершаго Бѣляева. Полицейскіе чиновники ходили по комнатамъ. Петровъ сидѣлъ тогда въ передней. Китаевъ въ день похоронъ сказалъ ему, что выносили какія-то бумаги. Между прислугою Бѣляева былъ слухъ о подложности завѣщанія; всѣ говорили. Онъ не говорилъ Бѣляевой, что къ нему приходилъ какой-то сыскной чиновникъ и подкупалъ его быть свидѣтелемъ по этому дѣлу.

На очной ставкѣ съ Петровымъ Бѣляева показала, что Ижболдинъ подкупалъ Петрова. Петровъ утверждалъ, что не говорилъ объ этомъ Бѣляевой.

Присяжный повѣренный Арсеньевъ заявилъ, что въ показаніи судебному слѣдователю Петровъ показывалъ: во первыхъ, что о фальшивомъ духовномъ завѣщаніи отъ имени Бѣляева не слышалъ самъ; во-вторыхъ, что Китаевъ сказалъ ему, что Мясниковы свои бумаги отобрали и вывезли къ себѣ, такъ какъ Бѣляевъ занимался ихъ дѣлами.

Прокуроръ заявилъ, что Петровъ допрошенъ однажды на предварительномъ слѣдствіи въ 1868 г., между тѣмъ Бѣляева показывала, что когда она была привлечена обвиняемою, тогда сыскные чиновники и Ижболдинъ подкупали Петрова, т. е. въ 1870 г., когда Петровъ вовсе не былъ допрошенъ.

Спрошенный о разговорѣ съ Ижболдинымъ, Петровъ показалъ, что въ прошлое лѣто онъ былъ въ гостяхъ у Китаева, гдѣ встрѣтился съ Ижболдинымъ. Они въ компаніи пили — больше ничего. Китаевъ сказалъ: «дай Алексѣю 1,000 руб., чтобы какое слово особенно закинуть». Всѣ они были порядочно выпивши.

Ижболдинъ, спрошенный по этому поводу, показалъ, что былъ у Китаева, но подобнаго разговора не было.

Афанасьевъ, также служившій у Бѣляева, показалъ, что слышалъ, что Мясниковы увозили бумаги изъ кабинета Бѣляева. Когда обмывали тѣло, кабинетъ былъ кругомъ запертъ. Кабинетъ былъ запечатанъ послѣ смерти Бѣляева; но туда ходили. Въ 1858 г. Бѣляевъ, кажется, не былъ на дачѣ. О состояніи Бѣляева въ маѣ

мѣсяцъ—не припомнитъ. Въ день смерти Бѣляевъ былъ не совсѣмъ плохъ, самъ ходилъ.

Присяжный повѣренный Арсеньевъ заявилъ, что Аоанасьевъ на предварительномъ слѣдствіи показывалъ: въ маѣ Бѣляевъ былъ шибко плохъ и даже на дачу не переѣхалъ; недѣль 6 послѣ его смерти въ дворцѣ разнесся слухъ, что была духовная, но перемѣнена.

Ремянникова (сестра Бѣляева) показала, что въ день смерти Бѣляева она не знала что ей оставлено по завѣщанію. Она была такъ озорчена, что не могла разсмотрѣть, выносили ли бумаги. Она просила Мясниковыхъ не оставлять ее такъ какъ она здѣсь какъ въ лѣсу, но въ ноги имъ не кланялась. Съ такою же просьбою Ремянникова обратилась къ Бѣляевой, которая обѣщала никогда ее не оставить. Чрезъ три или четыре недѣли она сдѣлалась очень больна, тогда Бѣляева, утѣшая ее, сказала, что ей оставлена часть. Объ этомъ Ремянникова сама совѣстилась спросить Бѣляеву. Бѣляевъ былъ очень недоволенъ своимъ племянникомъ Мартьяновымъ, который промоталъ 30,000 р. его денегъ. Свою сестру, Надежду Мартьянову, Бѣляевъ также не допускалъ къ себѣ. Предъ смертью Бѣляевъ говорилъ, что постарается устроить все и написать духовную. О смерти Бѣляева Ремянникова написала Мартьянову и сестрѣ Надеждѣ.

Прокуроръ заявилъ, что на предварительномъ слѣдствіи Ремянникова показала, что на той же недѣлѣ, когда умеръ Бѣляевъ, Каменскій и Шмелевъ говорили ей, что она не останется безъ куска хлѣба, если останется съ невѣсткою — то же подтвердила невѣстка (Бѣляева)—и что оставлено завѣщаніе; о томъ же, сколько ей оставлено, узнала чрезъ шесть недѣль послѣ смерти Бѣляева.

Г. Арсеньевъ заявилъ, что во второмъ показаніи, данномъ на предварительномъ слѣдствіи, Ремянникова измѣнила свое показаніе такимъ образомъ, что въ первый разъ о завѣщаніи брата послѣ его смерти услышала отъ вдовы, когда она выдала ей 4,000 р.; до того въ теченіе первыхъ 40-ка дней послѣ смерти Бѣляева какъ вдова его, такъ Каменскій и Шевелевъ, утѣшая ее, Ремянникову, говорили, что она не останется безъ куска хлѣба, но сколько оставлено—не сказали.

Затѣмъ, Ремянникова показала, что Петровъ разсказывалъ ей, что его подпоили, причемъ Ижболдинъ подговаривалъ его по-

казывать противъ Мясниковыхъ; но Петровъ не захотѣлъ ломать души. Тогда Шаболдинъ началъ ему угрожать, даже началъ лѣзть съ кулаками, а Петровъ сказалъ: «смотри! у меня у самого кулаки крѣпки».

Штеммеръ показалъ, что онъ завѣдывалъ мебельнымъ магазиномъ Бѣляева и отошелъ по своей волѣ. Онъ слышалъ отъ Матвѣева, что духовное завѣщаніе фальшивое, подписано Каряганов-ымъ, съ участіемъ Целебровскаго. Въ день похоронъ Бѣляева, его вдова сказала, что не было завѣщанія, при Воронинѣ, Кемпе — двоюродномъ братѣ Штеммера, Каменскомъ и Штеммерѣ. Въ день смерти Бѣляева или на другой день Штеммеръ, когда пришелъ туда, видѣлъ двѣ или три кареты.

По предъявленіи Штеммеру, согласно просьбы г. Арсеньева, письма, въ которомъ онъ просилъ мѣста у Мясникова, Штеммеръ сперва отказался отъ этого письма, потомъ признался, что это письмо, по его просьбѣ, написано однимъ чиновникомъ.

Авдотья Кемпе показала, что ея племянникъ Штеммеръ съ Шаболдинымъ пріѣзжали къ ней и сказали, что потребуютъ ее въ свидѣтельницы; но она отказалась. Ея сынъ, служившій у Мясниковыхъ, не говорилъ ей о завѣщаніи Бѣляева.

Было прочитано показаніе крестьянки Синцовой о томъ, что она жила въ той квартирѣ, гдѣ нанималъ уголъ Штеммеръ, который постоянно бывалъ въ нетрезвомъ видѣ и часто разсказывалъ о дѣлѣ Мясниковыхъ. Услышавъ отъ нея, что она знаетъ фамилію Бѣляева, Штеммеръ сейчасъ узналъ ея имя и фамилію. Послѣ того приходилъ и спрашивалъ о ней какой-то господинъ, чтобы выставить ее свидѣтельницею.

Засѣданіе 20-го февраля.

Свидѣтельница Ульяна Дементьева показала, что она жила у Натальи Карагановой, урожденной Обольяниновой, можетъ быть лѣтъ 15 съ перерывами. Караганова разъ писала къ Мясникову письмо, просила денегъ. Мясниковъ далъ мало денегъ. Она пришла домой обиженная и сказала: «Напишу письмо, что я не хожу къ вамъ по переднимъ милостыни просить, а вы вспомните о духовномъ завѣщаніи».

(На вопросы прокурора) Когда Бѣляевъ умеръ, А. Мясниковъ былъ у Карагановой. Дементьева не видала, чтобы Мясниковъ при-

везъ тогда узелъ, а только Караганова сказала ей утромъ, что Мясниковъ пришелъ и принесъ какой-то узелъ съ деньгами. Жалко, что мы не вынули денегъ, не знали, что тамъ деньги. Ей неизвѣстно, хотѣла ли Караганова воспользоваться этими деньгами, или только шутила. Сколько тамъ было денегъ, свидѣтельница не могла сказать, и этого узла не видала. Потомъ Караганова жила въ Казани. Живя въ Петербургѣ, она сама ходила къ Мясникову; означенное письмо написала сама, а переписалъ его набѣло кондукторъ Ивановъ, который жилъ у нея. Чрезъ нѣсколько времени послѣ отсылки этого письма, Караганова пошла куда-то и возвратилась оттуда съ деньгами; затѣмъ сказала: «знаете, гдѣ я была? у Александра Константиновича; онъ мнѣ далъ денегъ». Она рублей 20 принесла, о чемъ сама сказала. Дементьева этихъ денегъ не видала. Чѣмъ Караганова жила, имѣла ли доходы—Дементьева не знаетъ. Караганова ничѣмъ не занималась, квартиру имѣла небольшую, одѣвалась хорошо и выѣзжала; о своемъ мужѣ ничего не разсказывала. Карагановъ былъ не долго женихомъ—мѣсяца два или три.

(На вопросы защитниковъ) Дементьева жила у Карагановой въ концѣ 1870 года. Караганова уѣхала въ Москву, къ Болтареву, въ родѣ конторщицы. Болтаревъ просилъ Дементьеву, чтобы она доставила туда Караганову, о чемъ писалъ къ Дементьевой письмо. Черезъ нѣсколько времени Караганова возвратилась изъ Москвы. По пріѣздѣ ея вдругъ и получается повѣстка изъ сыскной полиціи. Дементьева познакомилась съ Болтаревымъ черезъ его племянника, который прежде нанималъ у нихъ квартиру. Мясниковъ приходилъ къ Карагановой съ узломъ, кажется на другой день послѣ смерти Бѣляева.

Александръ Мясниковъ отвергалъ, что онъ привозилъ узелъ. Онъ пріѣхалъ къ Карагановой по поводу ея письма на второй день по смерти Бѣляева. Она просила его о помощи, и онъ давалъ ей небольшія деньги.

Г. Лохвицкій просилъ напомнить Мясникову показаніе, данное имъ на предварительномъ слѣдствіи.

Предсѣдательствующій сказалъ, что г. Лохвицкому долженъ быть извѣстенъ законъ, по коему объ этихъ показаніяхъ не можетъ быть рѣчи на Судѣ.

Кондукторъ Ивановъ показалъ, что онъ жилъ у Караган-

новой и по ея порученію переписалъ письмо, такъ какъ она очень дурно пишетъ. Въ письмѣ было, между прочимъ, сказано: «Помните, что я знаю о составленіи фальшиваго духовнаго завѣщанія купца Бѣляева».

Присяжный повѣренный Арсеньевъ заявилъ, что на предварительномъ слѣдствіи Ивановъ показалъ, что въ письмѣ было сказано: «Я должна васъ просить какъ нищая; не знаю, забываете ли вы о завѣщаніи». Повидимому, переписчикъ письма не разумѣлъ этихъ выраженій.

Ивановъ объяснилъ, что онъ былъ спрошенъ въ Варшавѣ на польскомъ языкѣ, которымъ не вполнѣ владѣетъ, но что онъ показывалъ прежде какъ теперь. Онъ познакомился съ Карагановою въ концѣ 1868 года. Караганова жила съ Дементьевой и маленькой племянницей.

Докторъ Тильманъ показалъ, что онъ былъ врачемъ у покойнаго Бѣляева съ 27-го іюля по 24-е сентября 1858 года. Бѣляевъ имѣлъ ракъ въ мочевомъ пузырѣ и испытывалъ очень сильныя страданія во время пароксизма болѣзни. Онъ ходилъ или лежалъ, а въ послѣднее время не могъ лежать и сидѣлъ большею частью за столомъ. Въ день передъ смертью онъ былъ безъ памяти, а до того въ хорошей памяти. У него ноги распухли; но онъ могъ, можетъ быть, сдѣлать нѣсколько шаговъ и съ распухшими ногами. Въ іюлѣ Тильманъ уже убѣдился, что болѣзнь Бѣляева неизлѣчима. Мѣсяца за 4 или за 5 до смерти, Бѣляевъ испытывалъ большія страданія. Эти припадки могли продолжаться четверть часа и полчаса. Въ послѣднее время они случались часто.

Свидѣтель Гроттенъ показалъ, что онъ знакомъ съ Мясниковыми. На похоронахъ Бѣляева онъ спросилъ Мясникова, есть ли завѣщаніе. Мясниковъ сказалъ: нѣтъ, или не нашли—свидѣтель навѣрно не помнитъ, а черезъ нѣсколько дней сказалъ, что завѣщаніе найдено, что оно составлено въ порядкѣ, и онъ назначенъ наслѣдникомъ. Гроттенъ зналъ Бѣляева за человѣка довольно богатаго: у него было по крайней мѣрѣ 500,000 рублей. Бѣляевъ хотѣлъ купить Бердовскій заводъ; но это не осуществилось. За этотъ заводъ предполагалось заплатить около 2,000,000. Для пріобрѣтенія завода Бѣляевъ хотѣлъ составить товарищество на акціяхъ. Дѣло это разошлось, потому что Бердъ продалъ Гутуевскій островъ. Послѣ того Бѣляевъ хотѣлъ устроить Общество га-

зоваго освѣщенія въ Петербургѣ и желалъ быть однимъ изъ основателей Общества. О величинѣ капитала, которымъ должно было располагать это Общество, свидѣтель не знаетъ. Гроттенъ по порученію Бѣляева покупалъ на деньги Мясниковыхъ и передавалъ имъ векселя П. Ѳ. Мясникова во время конкурса надъ нимъ.

Были прочитаны проекты условій: во первыхъ, о покупкѣ завода Берда за 2,300,000 рублей, и, во вторыхъ, между Бѣляевымъ, Жадиміровскимъ и Клеменсомъ.

Затѣмъ, былъ изложенъ прокуроромъ проектъ условія отъ мая 1858 г. съ многими поправками Бѣляева, въ которомъ изложено, что учредители Общества Столичнаго Газоваго Освѣщенія имѣютъ честь представить объясненіе на замѣчаніе Главному Управляющему Путями Сообщенія. Затѣмъ, идетъ рядъ замѣчаній о выдачѣ прибыли, о томъ, сколько вноситъ гарантіи по предпріятію и, наконецъ, просьба правительственной гарантіи. Изъ этихъ документовъ, какъ объяснилъ прокуроръ, видно, что Бѣляевъ, Клеменсъ и Жадиміровскій, въ февралѣ или въ мартѣ 1858 г. желали купить заводъ Берда, Гутуевскій островъ и двѣ паровыя машины за 2,300,000 рублей, обязуясь въ теченіе года выплатить 1,800,000 рублей и дать задатку 500,000 рублей. Участіе Бѣляева предполагалось въ $^2/_3$, остальныхъ въ $^1/_3$. Въ маѣ 1858 г. Бѣляевъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ основывавшагося тогда Общества Столичнаго Газоваго Освѣщенія, писалъ замѣчанія на проектъ условія и собственноручно разсчетъ о расходахъ, предстоящихъ Обществу.

Г. Арсеньевъ заявилъ, что во 1-хъ, въ условіи о Бердовскомъ заводѣ вездѣ говорится во множественномъ числѣ объ участникахъ. Что касается другихъ условій, то 14-й пунктъ объ участіи Бѣляева въ $^2/_3$ зачеркнутъ, а съ боку написано рукою П. К. Мясникова или повѣреннаго Блинова: «На это слѣдуетъ составить особый актъ между Бѣляевымъ, Жадиміровскимъ и Клеменсомъ». Затѣмъ 15 пунктъ зачеркнутъ и рукою Бѣляева написана цифра 14; слѣдовательно 14-й пунктъ не существуетъ.

Присяжный повѣренный Языковъ заявилъ, что 2-й пунктъ условія относится къ маю мѣсяцу; затѣмъ, послѣ мая прекращаются всякіе переговоры. Если сопоставить это обстоятельство съ свѣдѣніями, сообщенными докторомъ Тильманомъ о состояніи здоровья Бѣляева въ іюлѣ мѣсяцѣ, то прекращеніе уча-

стія Бѣляева въ означенныхъ предпріятіяхъ вполнѣ объясняется. Что касается писемъ, относящихся къ конкурсу Николая Мясникова, то изъ показаній Гроттена видно, что претензіи несостоятельнаго должника Николая Мясникова скупались Бѣляевымъ для Мясниковыхъ, и что Гроттенъ получалъ на покупку этихъ претензій деньги Мясниковыхъ отъ Бѣляева, въ качествѣ опекуна. Затѣмъ г. Языковъ просилъ присяжныхъ обратить вниманіе, что въ одномъ письмѣ, подписанномъ Бѣляевымъ, подробно говорится объ извѣстномъ пожертвованіи со стороны Мясниковыхъ въ пользу какого-то казеннаго учрежденія. Мясниковы вовсе не имѣютъ непремѣнной обязанности жертвовать что нибудь этому учрежденію для пользы конкурса Николая Мясникова, въ которомъ, очевидно, заинтересованы Мясниковы. Въ письмѣ подробно описаны дѣйствія конкурса прямо неправильныя, которыя вредятъ наслѣдникамъ Мясникова, и оно составлено такимъ образомъ (читаетъ)..... Все письмо написано постороннею рукой; только подписано: «Козьма Бѣляевъ».

Повѣренный граждан. истцовъ г. Остряковъ заявилъ, что всѣ документы, о которыхъ идетъ рѣчь, предъявлены только въ послѣднемъ засѣданіи и не прочитаны повѣренными гражданскихъ истцовъ. Поэтому, онъ просилъ предоставить имъ право прочесть эти документы и дать свое мнѣніе; кромѣ того, просилъ прочесть свидѣтельство изъ Коммерческаго Суда о суммахъ, полученныхъ частными лицами, въ томъ числѣ и Гроттеномъ, изъ конкурса Николая Мясникова. Изъ этого свидѣтельства видно, что Гроттену выдавались деньги, какъ лицу самостоятельному.

Г. Арсеньевъ просилъ отложить повѣрку всѣхъ пунктовъ о состояніи Бѣляева до того времени, когда будетъ приступлено къ этому. Вмѣстѣ съ этимъ, онъ представилъ четыре записки, писанныя Бѣляевымъ, относящіяся къ конкурсу Николая Мясникова.

Прокуроръ нашелъ такой способъ удобнымъ.

Было прочитано письмо Бѣляева, писанное на имя Алоизія Матвѣевича, въ которомъ Бѣляевъ благодаритъ за дѣйствія по опекѣ, и говоритъ, что билетъ въ 10,000 р., переданный Мясниковыми, предоставленъ въ пользу Евангелическаго училища.

Г. Лохвицкій заявилъ, что считаетъ важнымъ показанія

Гроттена, что тотъ полагалъ, что у Бѣляева на 500,000 состоянія.

Г. Арсеньевъ заявилъ, что Гроттенъ сперва сказалъ, что не знаетъ состоянія Бѣляева, затѣмъ уже далъ приведенный отвѣтъ на вопросъ, какъ онъ считаетъ приблизительнымъ состояніе Бѣляева.

Свидѣтель Молво показалъ, что имѣлъ дѣла съ Бѣляевымъ лѣтъ 14 или 15 и былъ съ нимъ въ сношеніяхъ по предположенію о составленіи Газоваго Общества Столичнаго Освѣщенія. По этому дѣлу онъ получилъ отъ Бѣляева на расходы приблизительно 5,000 руб., и если бы дѣло состоялось, то ему причиталось получить съ Бѣляева 25,000 руб. По названному предпріятію Бѣляевъ обязывался представить въ казну залогъ въ 200,000 руб. Бѣляевъ имѣлъ хорошую репутацію и пользовался хорошимъ кредитомъ.

Г. Арсеньевъ заявилъ, что въ предъявленномъ свидѣтелемъ Молво и признанномъ имъ письмѣ Молво къ Бѣляеву, отъ 7-го марта 1858 г., между прочимъ, сказано: «Прошу васъ эти пункты письма изложить въ родѣ условія за вашею и Мясниковыхъ подписями». Въ пачкѣ вещественныхъ доказательствъ есть черновое условіе тоже по предмету Газоваго Общества. Въ этомъ условіи сказано, что залогъ по означенному предпріятію долженъ быть возвращенъ Бѣляеву и А. Мясникову. Наконецъ, въ расходныхъ тетрадяхъ Бѣляева къ расходамъ за счетъ Мясниковыхъ показано и о выдачѣ Молво, каждая въ 2,000 руб. въ 1858 году.

Бывшій конторщикъ Бѣляева Клюевъ показалъ, что въ первый день послѣ смерти Бѣляева, вечеромъ, слышалъ, что завѣщанія послѣ него не осталось, что завѣщаніе потомъ нашли, о чемъ сказали ему Ремянниковъ и Шмелевъ. Онъ писалъ Мартьяновой два письма, приглашая ее пріѣхать. Бѣляева была на похоронномъ обѣдѣ. Въ конторѣ находились расходныя книги и нѣсколько книгъ по откупамъ.

Вслѣдствіе противорѣчій этого показанія съ тремя показаніями Клюева, данными на предварительномъ слѣдствіи, были прочитаны отчасти эти три показанія. Изъ перваго показанія 12-го октября 1868 г. видно, что подпись «Козьма Бѣляевъ» на завѣщаніи похожа на другія подписи Бѣляева, но имъ ли сдѣлана—Клюевъ не могъ сказать, потому что при этомъ не былъ. О существованіи

завѣщанія онъ узналъ черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Бѣляева отъ Шмелева, который не сказалъ, кто и гдѣ нашелъ завѣщаніе; сомнѣнія въ подложности завѣщанія Шмелевъ не выражалъ. На похоронномъ обѣдѣ Бѣляева не присутствовала. Послѣ смерти Бѣляева онъ писалъ по просьбѣ Ремянниковой одно или два письма кому-то изъ ея родственниковъ, которыхъ извѣщалъ о смерти Бѣляева. Изъ втораго показанія Клюева, даннаго 6-го марта 1870 года, видно, что Ремянникова просила его написать Мартьянову, что завѣщанія послѣ Бѣляева не осталось. Онъ не показывалъ у судебнаго слѣдователя, что по порученію Ремянниковой писалъ къ Мартьянову, потому что забылъ объ этомъ. Изъ третьяго показанія, даннаго въ мартѣ 1871 г., видно, что Клюевъ подтвердилъ свое показаніе, данное 12-го октября 1868 г., съ слѣдующими измѣненіями и дополненіями: онъ твердо помнитъ, что Бѣляева на похоронномъ обѣдѣ не присутствовала; обѣдъ происходилъ въ двухъ комнатахъ, и въ той, гдѣ онъ былъ, Бѣляевой не было, но была ли она въ другой—не знаетъ, и тотчасъ послѣ обѣда ушелъ въ свою комнату. По порученію Ремянниковой онъ писалъ къ Мартьянову, что завѣщаніе найдено на четвертый день по смерти Бѣляева. Шмелевъ говорилъ ему, что Мясниковы, по словамъ Бѣляевой, ее ограбили: изъ кабинета Бѣляева вывезли разныя бумаги. При этомъ онъ, какъ бы про себя, сказалъ: «Мясниковы затѣваютъ какое-то ужасное дѣло», а потомъ сказалъ, что подложное завѣщаніе затѣваютъ; дней черезъ десять сказалъ, что завѣщаніе ищутъ. Когда узналъ, что ему отказана доля въ завѣщаніи, тогда сталъ уклоняться отъ разговоровъ съ Клюевымъ и пересталъ говорить о завѣщаніи.

По поводу разнорѣчій въ показаніяхъ о томъ, что не слыхалъ о подложномъ завѣщаніи и что слышалъ о немъ, Клюевъ сказалъ, что это разнорѣчіе произошло отъ забывчивости, невнимательности.

Затѣмъ, были прочитаны два письма Мартьяновой слѣдующаго содержанія:

«Милостивая государыня, Екатерина Васильевна!

«Во-первыхъ желаю вамъ отъ Бога всѣхъ благъ, сожалѣю о потерѣ братца Кузьмы Васильевича, а также и сестры Анны Васильевны и сына моего Ивана Николаевича. Теперь осталась я одинокая, безъ брата и безъ сына, на которыхъ была надежда. Хоть вы и не увѣдомили меня о потерѣ столь драгоцѣнныхъ моихъ род-

ныхъ, но я освѣдомилась объ этомъ случайно и потому за нужное считаю послать отъ себя повѣреннаго для получения имѣнія, въ числѣ которомъ есть родовое отъ дяденьки нашего Ивана Никифоровича и которымъ воспользовался братецъ Кузьма Васильевичъ. Я бы не прибѣгла къ этому, если бы вы не забыли меня и извѣстили о волѣ братца своевременно и исполнили его волю. Милая моя Екатерина Васильевна, мужъ мой померъ четвертый годъ. Прошу васъ, какъ родную, не допускать до дальнихъ хлопотъ, раздѣлаться подушевно. Доброжелательница ваша Надежда Васильева Мартьянова. Если будете писать въ Сарапуль, то пишите въ домъ купца Ижболдина, Алексѣя Иванова, на чугунный заводъ. 28-го іюля 1860 года. Сарапуль».

«Любезные мои, Иванъ Алексѣевичъ и Анна Николаевна! Желаю вамъ добраго здоровья и въ дѣлахъ счастья. Письма ваши получили 30-го августа. Пишете, что я осердилась, я уже не смѣю писать, что будто я васъ разстраиваю, такъ ругаютъ, не дай Богъ. Гаврило Даниловичъ пріѣхалъ домой 1-го сентября, за Банкомъ долго прожилъ, 4,000 серебромъ получилъ, и Петръ съ Казанскимъ взялъ ему, чтобы полторы тысячи; еще домой не пріѣхалъ, и мы начинаемъ дѣлиться; товаръ сегодня переписываютъ весь, а дома уже послѣ Бугульминска; теперь не успѣютъ. Не знаю, гдѣ Богъ велитъ, въ которомъ домѣ останемся. Еще не на чего глядя, да уже много грѣха. А Надежда Васильевна все нездорова. При васъ, Аннушка, она была лучше, теперь хуже. Я ужасно боюсь, какъ бы не умерла: болѣзнь опасная, въ родѣ чахотки, задохла харкотина, кашель ужасный. Какъ бы нибудь поскорѣе, пожалуйста. Мясниковы здѣсь имѣютъ переписку, знаютъ, что здоровьемъ плоха, нарочно будутъ оттягать дальше, чтобы умерла. А ты пишешь, что тебя посылаютъ; но Надежду Васильевну не жди: она не поѣдетъ, куда хворую везти, только хуже надѣлаешь; я ей не велю даже на улицу выходить. Доброжелательница и сестра ваша Зоя Пѣшехонова.

«Милые мои, Иванъ Алексѣевичъ и Анна Николаевна. Благодарю за письмо. Получила 31-го августа. Вы боитесь, чтобы не увезли меня въ Петербургъ. Почто я поѣду съ чужими, когда я не поѣхала съ тобою. Ты не ѣзди—не поѣду, да и нельзя. Теперь очень вы боитесь, чтобы я не помирилась. Я безъ вашего совѣта не сдѣлаю; только пошлите денегъ мнѣ: нѣтъ у меня. Все дорогое: во-

семь гривенъ масло скоромное, рыба 10 коп. серебромъ самый послѣдній сортъ, Николай денегъ взялъ въ Банкѣ. Ольга Ивановна кланяется. Желаю всѣхъ благъ. Остаюсь жива-здорова Надежда Мартьянова. Сентября 9-го числа 1861 года».

Г. Арсеньевъ заявилъ, что какъ видно изъ этихъ писемъ, Мартьянова считала не только брата умершимъ, но и сестру Ремянникову упрекала за то, что не сообщила о смерти брата.

Авдотья Терентьева показала, что когда она жила въ услуженіи у Ижболдиныхъ, Матвѣевъ ходилъ къ нимъ и постоянно говорилъ о подложности завѣщанія отъ имени Бѣляева и о томъ, что Мясниковы увезли изъ квартиры Бѣляева мѣшками 300,000 золотыхъ. По словамъ Матвѣева завѣщаніе подписалъ за Бѣляева Карагановъ. Кромѣ того, Матвѣевъ разсказывалъ, что его стращалъ какой-то офицеръ, что если онъ будетъ показывать противъ Мясниковыхъ, то его лишатъ дворянства и черезъ III-е Отдѣленіе вышлютъ изъ Петербурга. Вслѣдствіе этого Матвѣевъ говорилъ, что если Мясниковы его стращаютъ, то онъ ихъ зарѣжетъ на Судѣ. Терентьева не видала Матвѣева пьянымъ. Было прочитано показаніе Матвѣева слѣдующаго содержанія:

«Отъ роду мнѣ 59-й годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ; проживаю Коломенской части, 1-го участка, по Крюковскому каналу, въ домѣ Погребова; занятій никакихъ не имѣю; страдаю въ настоящее время головною болью; недавно вышелъ изъ Куракинской больницы, что близъ Александровской Мануфактуры; съ купцомъ Иваномъ Алексѣевичемъ и женою его Анною Николаевною Ижболдиными, съ Александромъ и Иваномъ Мясниковыми родства и свойства и никакихъ особыхъ отношеній не имѣю, кромѣ того, что я управляю домомъ Александра Мясникова въ Большой Морской. Покойнаго Козьму Васильевича Бѣляева я зналъ и былъ на его похоронахъ. На который день по смерти Бѣляева были его похороны—не помню. Послѣ похороннаго обѣда, молодежь, въ числѣ ея Шевелевъ, Целебровскій, Ермолинскій и другіе, которыхъ не припомню, собрались въ маленькую комнату курить папиросы. Пришелъ протоіерей Сицилинскій и говорилъ: «какъ вамъ, господа, не стыдно курить табакъ, когда недавно была служба и курился ладонъ?» Въ это время вошла въ эту комнату вдова, Екатерина Васильевна Бѣляева, и съ плачемъ и рыданіемъ, обращаясь къ Сицилинскому, сказала: «нѣтъ духовнаго завѣщанія». Я понялъ

слова эти такъ, что Бѣляева, удостовѣрившись въ кабинетѣ покойнаго, что нѣтъ завѣщанія, хотѣла узнать объ этомъ отъ Сицилинскаго, духовнаго отца всего семейства Бѣляева; Сицилинскій на это никакого отвѣта не далъ и ушелъ въ другія комнаты. Александръ Мясниковъ при мнѣ Шевелеву и Кемпе завѣщанія не показывалъ, а однажды только, за обѣдомъ, около двухъ недѣль послѣ похоронъ Бѣляева, при мнѣ и при нихъ говорилъ, что духовное завѣщаніе Бѣляева нашлось. Былъ говоръ, что Александръ Мясниковъ просилъ Шевелева и Кемпе подписаться на завѣщаніи свидѣтелями; но это было не при мнѣ, и отъ кого я это слышалъ—не помню, только не отъ нихъ самихъ. Впослѣдствіи Александръ Мясниковъ отдалъ мнѣ духовное завѣщаніе, чтобы отвезти его къ секретарю Гражданской Палаты, Носенко. Тогда я завѣщанія не разсматривалъ, не интересовался этимъ. Предъявленное мнѣ нынѣ завѣщаніе Бѣляева отъ 10-го мая 1859 года—то самое, которое я отвозилъ къ Носенко; оно было подписано свидѣтелями. Подпись «Козьма Бѣляевъ» на этомъ завѣщаніи, какъ мнѣ кажется, не похожа на настоящія подписи Бѣляева, которыя я видалъ часто, такъ какъ былъ очень близкимъ человѣкомъ и даже другомъ Александра Мясникова. Въ письменномъ свѣдѣніи, данномъ мною Павлу Ивановичу Сысоеву 20-го декабря 1867 года и нынѣ мнѣ предъявленномъ, сказано, что Александръ Мясниковъ говорилъ что-то тихо съ Кемпе и Шевелевымъ. Разговоръ этотъ вѣроятно былъ о духовномъ завѣщаніи, такъ какъ они только тѣмъ и были заняты, чтобы духовное завѣщаніе было утверждено. Было ли это прежде, или послѣ того, какъ я отвезъ завѣщаніе Носенко—не припомню, а должно быть послѣ. Повторяю, духовное завѣщаніе Бѣляева я увидѣлъ въ первый разъ, какъ Александръ Мясниковъ вручилъ мнѣ его для того, чтобы отвезти къ Носенко. Въ день смерти Бѣляева Александръ Мясниковъ послалъ за мною, чтобъ я пріѣхалъ въ домъ покойнаго. Я пріѣхалъ туда, и Александръ Мясниковъ далъ мнѣ обыкновенный листовой пакетъ, незапечатанный, въ которомъ находились бумаги, и просилъ отвезти этотъ пакетъ въ его домъ, а затѣмъ явиться въ домъ Бѣляева на панихиду. Исполнивъ его порученіе, отдавъ пакетъ камердинеру его Далатову, съ тѣмъ, чтобы онъ положилъ его на письменный столъ, я возвратился въ домъ Бѣляева. Болѣе никакихъ бумагъ при мнѣ Александръ Мясниковъ изъ дома Бѣляева

не бралъ. Въ слѣдующую затѣмъ ночь и послѣ Александръ Мясниковъ считать деньги меня не заставлялъ, и я ихъ не считалъ. О сохранной росписке я ничего не знаю; а былъ говоръ, что Кемпе и Шевелевъ знаютъ о ней, но отъ кого я это слышалъ—не помню. При мнѣ Александръ Мясниковъ не спрашивалъ Кемпе и Шевелева, узнаютъ ли они на завѣщаніи подпись Бѣляева. Книгъ я изъ дома Бѣляева не перевозилъ и не видалъ, чтобы перевозилъ ихъ Александръ Мясниковъ. Почему въ письменномъ свѣдѣніи, даномъ мною Сысоеву, написано иначе, чѣмъ я теперь показываю—не знаю. Шевелевъ служитъ въ Харьковской губерніи акцизнымъ чиновникомъ».

Присяжный повѣренный Арсеньевъ указалъ на слова Матвѣева: «почему въ письменномъ свѣдѣніи, даномъ мною Сысоеву, написано иначе, чѣмъ я теперь показываю—не знаю».

Г. Языковъ заявилъ, что 300,000 р. золотомъ вѣсятъ 24 пуда.

Купецъ Гонинъ показывалъ, что на похоронахъ Бѣляева онъ, Шмелевъ, Кемпе и Каменскій спрашивали повѣреннаго Бѣляева Целебровскаго, не оставилъ ли покойный завѣщанія, на что Целебровскій отвѣтилъ, что завѣщанія нѣтъ. Во время поминокъ, на 20-й или 40-й день, они спрашивали опять о томъ же Целебровскаго, и онъ опять отвѣтилъ, что завѣщанія нѣтъ. Хотя подпись на предъявленномъ ему завѣщаніи отъ 10-го мая 1858 года очень похожа на почеркъ покойнаго Бѣляева, но сдѣлана ли она его рукою—онъ, Гонинъ, удостовѣрить не можетъ. Отъ Бѣляева онъ получалъ много писемъ, и всѣ собственноручныя, и Бѣляевъ не лѣнился писать собственноручно по дѣламъ. Переписывали для него бумаги конторщикъ Шмелевъ и писаря. Мѣсяцъ или два спустя послѣ смерти Бѣляева, Карагановъ приглашалъ его вступить съ нимъ въ компанію по дѣламъ и говорилъ, что онъ можетъ располагать десятью тысячами или даже болѣе; но предположеніе это не осуществилось, потому что не случилось подходящаго дѣла. Зная, что Карагановъ занималъ должность конторщика, получалъ жалованья рублей 50 въ мѣсяцъ, онъ, Гонинъ, обратился къ нему съ вопросомъ по поводу появленія такого значительнаго капитала. На это Карагановъ сказалъ: «это я знаю, это мое дѣло»; и въ это время говорилъ, что онъ сдѣлалъ Мясниковымъ такую услугу, которой они не должны забыть. Онъ бралъ также у Ка-

раганова залоги билетами въ тысячу рублей или въ полторы. Въ іюнѣ 1861 года Александръ Мясниковъ поручилъ ему, Гонину, заѣхать въ Сарапуль, отыскать тамъ сестру покойнаго Бѣляева Надежду Васильевну Мартьянову и предложить ей уничтожить довѣренность, выданную ею купцу Ижболдину по дѣлу о духовномъ завѣщаніи Бѣляева, и условіе, заключенное съ Ижболдинымъ. За уничтоженіе довѣренности и условія Мясниковъ уполномочилъ его предложить Мартьяновой отъ двадцати до двадцати пяти тысячъ рублей, съ тѣмъ, чтобъ Мартьянова отказалась отъ домогательствъ къ наслѣдству послѣ Бѣляева. По возвращеніи изъ Сарапуля, онъ отдалъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ Александру Мясникову, отъ котораго получилъ на расходы по этому дѣлу 200 рублей и затѣмъ еще 100 рублей, которые и отослалъ въ Казань, мѣщанину Столбову, принимавшему участіе въ этихъ переговорахъ. Вскорѣ послѣ этого Александръ Мясниковъ поручилъ ему переговорить съ Ижболдинымъ объ окончаніи дѣла миромъ. Послѣ свиданія Мясникова съ Ижболдинымъ, Мясниковъ сказалъ ему, что Ижболдинъ много хочетъ, но что онъ готовъ дать 5,000 или 10,000, чтобы развязаться съ этимъ дѣломъ. Въ 1868 г., когда уже производилось слѣдствіе о завѣщаніи Бѣляева, Александръ Мясниковъ также просилъ его переговорить съ Ижболдинымъ, чтобъ кончить дѣло миромъ. Ижболдинъ желалъ получить 500,000, вслѣдствіе чего Мясниковъ сказалъ, что онъ много хочетъ.

Гонинъ имѣлъ тяжбу съ Ижболдинымъ.

Александръ Мясниковъ объяснилъ, что не поручалъ Гонину мирить его съ Мартьяновою.

Спрошенный по поводу показанія Гонина, Ижболдинъ объяснилъ, что онъ обязался заплатить Гонину 10,000 р. за устройство для него займа въ 500,000 р. и въ обезпеченіе выдалъ Гонину въ нынѣшнемъ году вексельные бланки.

Г. Арсеньевъ указалъ, что Ижболдинъ на предварительномъ слѣдствіи показалъ и въ прошеніи прокурору Окружнаго Суда повторилъ, что бланки составлены въ 1868 г.

Ижболдинъ объяснилъ, что въ 1868 г. бланки были составлены, а въ 1871 г., лѣтомъ, переданы Гонину.

Сенаторъ Веймарнъ показалъ, что въ молодости, находясь на службѣ въ Вятской губерніи, зналъ Бѣляева, который тогда управлялъ откупомъ Мясникова въ г. Яранскѣ. Въ то время

Бѣляевъ былъ недостаточнымъ человѣкомъ, потомъ вошелъ въ откупа и слылъ за человѣка богатаго.

Свидѣтель Жоховъ показалъ, что не только Сицилинскій пользовался расположеніемъ Мясникова, но и сынъ его, когда пріѣзжалъ въ Петербургъ и нуждался въ деньгахъ, говорилъ, что пойдетъ къ Мясникову и возьметъ у него. Такимъ образомъ, онъ получалъ отъ 25 р. до 100 р. Дочь и невѣстка Сицилинскаго тоже получали пособіе отъ одного изъ Мясниковыхъ.

Свидѣтель Слѣпцовъ показалъ, что зналъ въ 1858 г. доктора Отто за честнѣйшаго человѣка, который обладалъ тонкимъ умомъ и остроуміемъ и былъ очень добръ.

Свидѣтель Струбинскій и свидѣтельница Нигельсъ также отозвались объ Отто съ отличной стороны.

Парфенниковъ показалъ, что слышалъ отъ Чевакинскаго, что онъ признаетъ завѣщаніе фальшивымъ, и то же слышалъ отъ г-жи Бѣляевой. Сверхъ того Чевакинскій при Парфенниковѣ говорилъ о томъ же съ Германомъ. Потомъ, свидѣтель слышалъ отъ Герасимова, что Чевакинскій просилъ отъ Мясниковыхъ 5% съ суммы завѣщанія за то, что можетъ помочь имъ въ дѣлѣ, иначе представитъ къ князю Долгорукову завѣщаніе для сличенія. Впослѣдствіи, Парфенниковъ познакомился съ Матвѣевымъ, который, между прочимъ, подтвердилъ, что завѣщаніе написано въ домѣ Мясниковыхъ, но кѣмъ подписано—не говорилъ; кромѣ того Матвѣевъ разсказывалъ, что какой-то офицеръ, угощая его въ трактирѣ, стращалъ, что если онъ будетъ показывать противъ Мясниковыхъ, то его вышлютъ изъ Петербурга; наконецъ сказалъ, что Мясниковъ далъ Караганову на свадьбу приданаго 20,000.

Наталья Петрова, служившая кухаркою у Бѣляева, показала, что не можетъ припомнить, были ли между дворнею слухи о подложности завѣщанія.

Присяжный повѣренный Языковъ заявилъ, что на предварительномъ слѣдствіи она подтвердила, что между дворнею подобныхъ разговоровъ не было.

Ананій Поликарповъ, служившій дворникомъ, показалъ, что не слышалъ разговоровъ о завѣщаніи; о выносѣ бумагъ также не слышалъ. Онъ жилъ на другомъ дворѣ, обѣдалъ вмѣстѣ съ другою прислугою.

Антонина Иванова, бывшая воспитанница Бѣляева, пока-

зала, что слышала отъ покойнаго Бѣляева разъ за столомъ, по случаю смерти первой жены Громова безъ завѣщательныхъ распоряженій, такія слова: «у меня съ женой моей Катенькой сдѣлано такъ, что въ случаѣ моей смерти все, что я имѣю, принадлежитъ ей, а въ случаѣ ея смерти имѣю отъ нея духовную, по которой все, что имѣетъ Катенька, переходитъ ко мнѣ». Этотъ разговоръ, кажется, происходилъ до выхода Ивановой замужъ, въ сентябрѣ 1857 г. Бѣляева на эти слова мужа ничего не возразила. По выходѣ замужъ, Иванова часто бывала у Бѣляевыхъ, гостила у нихъ по двѣ недѣли. Никакой тѣни неудовольствія не видала между Бѣляевыми въ продолженіе 7 лѣтъ. Громова, кажется, умерла ранѣе 1858 г. Свидѣтельница поняла слова Бѣляева такъ, что было завѣщаніе, но не знаетъ у кого.

Прокуроръ просилъ присяжныхъ засѣдателей припомнить, что завѣщаніе отъ имени Бѣляева написано 10-го мая 1858 г.

Г. Лохвицкій просилъ обратить вниманіе, что Бѣляева показывала, что не слышала отъ мужа о завѣщаніи.

А. Мясниковъ объяснилъ, что постоянно слышалъ отъ Бѣляева, что онъ намѣренъ оставить все свое состояніе женѣ, а если жена умретъ прежде, то ея имѣніе достанется ему.

Спрошенная по этому поводу Бѣляева объяснила, что мужъ высказалъ тогда намѣреніе оставить ей все состоявіе и что она не составляла завѣщанія въ его пользу.

Иванъ Яковлевъ показалъ, что жилъ въ услуженіи у Бѣляева и А. К. Мясникова. Призванный къ судебному слѣдователю, по поводу завѣщанія, онъ высказалъ только свое мнѣніе, что ему кажется страннымъ, что въ завѣщаніи отъ имени Бѣляева назначена часть постороннему человѣку, Шмелеву, между тѣмъ какъ здѣсь есть двоюродный братъ Бѣляева въ бѣдности, который безъ сапоговъ ходилъ. Шмелевъ былъ женатъ на воспитанницѣ Бѣляева.

Присяжный повѣренный Языковъ напомнилъ присяжнымъ засѣдателямъ, что упомянутый свидѣтелемъ родственникъ Бѣляева давалъ показаніе вчера.

Иванъ Денисьевъ показалъ, что Бѣляева зналъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, потому что занимался, въ качествѣ повѣреннаго, его дѣлами по разнымъ откупамъ, содержимымъ П. Ѳ. Мясниковымъ, которыми распоряжался Бѣляевъ, въ качествѣ главнаго

коммисіонера. Съ 1856 г. Денисьевъ занимался дѣлами Красильникова, вмѣстѣ съ которымъ Бѣляевъ взялъ олонецкій откупъ въ 1857 и 1858 гг. Относительно духовнаго завѣщанія ничего ни отъ кого не слышалъ. Бѣляевъ былъ человѣкъ аккуратный, дѣловой. Денисьевъ въ продолженіе почти 10 лѣтъ видѣлъ частныя письма и даже надписи на конвертахъ, сдѣланныя Бѣляевымъ собственноручно. Онъ былъ, сколько помнится, гласнымъ компаніономъ по олонецкому и пензенскому откупамъ. Караганова Денисьевъ видалъ только у Красильникова.

Тепловъ показалъ, что зналъ Бѣляева въ 1826 г. человѣкомъ весьма бѣднымъ; потомъ П. Ѳ. Мясниковъ сталъ давать ему разныя порученія. Однажды Бѣляевъ говорилъ Теплову, что Мясниковъ съ нимъ очень круто обошелся, и выразилъ намѣреніе оставить его, причемъ выразился такъ: «я обдѣлалъ свои маленькія дѣлишки и его громадныя дѣла». П. Ѳ. Мясниковъ дѣйствительно имѣлъ состояніе, которое казалось неистощимымъ: онъ давалъ въ долгъ по 100,000 и 200,000 руб. по личному довѣрію, безъ формальностей. Послѣ смерти его Тепловъ съ удивленіемъ прочиталъ, что онъ оставилъ 4,500,000. У Бѣляева, по мнѣнію Теплова, было 300,000 или 400,000 р.—самое большее; онъ былъ человѣкъ не скупой, жилъ хорошо. Потомъ, какъ слышалъ Тепловъ, Бѣляевъ занималъ по 5,000 и по 3,000 р., вѣроятно, онъ обѣднѣлъ. Нѣкоторыя его дѣла въ послѣднее время нехорошо шли; именно; лѣсной торгъ, мебельный магазинъ, какое-то общество вольной покупки и продажи, которое было закрыто Правительствомъ. Свидѣтель, въ качествѣ повѣреннаго, имѣлъ съ Мясниковыми тяжбу, которая теперь прекратилась. Тепловъ слышалъ отъ Капшина, Воронина и Бенардаки, что Бѣляевъ никогда не былъ богатъ и не былъ откупщикомъ, можетъ быть по ихъ понятіямъ.

На вопросъ г. Лохвицкаго, еслибы Бѣляевъ захотѣлъ злоупотреблять довѣріемъ покойнаго П. Ѳ. Мясникова, то могъ ли составить большое состояніе, свидѣтель отозвался, что не можетъ отвѣчать на такой трудный вопросъ.

Свидѣтели Титовъ, Зыряновъ и Спасскій (послѣдніе двое священники) показали, что знали Сицилинскаго какъ честнаго, благороднаго и добраго человѣка, однако онъ былъ строгій начальникъ, онъ былъ благочиннымъ.

Въ виду такихъ единогласныхъ отзывовъ о Сицилинскомъ и же-

лая ускорить дѣло, защитники отказались отъ допроса трехъ свидѣтелей.

Чевакинскій показалъ, что онъ былъ повѣреннымъ Бѣляевой съ 1864 г. Завѣщаніе Бѣляева было у него въ рукахъ до представленія въ Гражданскую Палату. Ижболдинъ явился къ нему и объяснилъ, что онъ можетъ доказать подложность завѣщанія отъ имени Бѣляева, причемъ разсказывалъ о Мясниковыхъ страшныя вещи и предлагалъ, чтобы Бѣляева перешла на его сторону, за что обѣщалъ ей вознагражденіе. Сообразивъ его объясненія, Чевакинскій пришелъ къ заключенію, что нѣтъ никакихъ доказательствъ подложности завѣщанія, и отказался передать Бѣляевой это предложеніе. Послѣ того Ижболдинъ разсказывалъ, будто бы Карагановъ подписалъ завѣщаніе и затѣмъ, одинъ изъ Мясниковыхъ показывалъ кому-то это завѣщаніе, и тотъ сказалъ: «похоже-то похоже, но зачѣмъ же пожалѣли рублеваго листа?»; будто бы вслѣдствіе этого завѣщаніе было переписано, а прежній экземпляръ находится въ рукахъ Ижболдина. Вслѣдствіе вопроса Чевакинскаго, сознался ли самъ Карагановъ въ подписаніи завѣщанія Бѣляева, Ижболдинъ сказалъ, что нѣтъ, но «мы съ Краспльниковымъ хотимъ его уговорить сознаться, что онъ подписалъ чистый листъ». Въ первый разъ Чевакинскій, услыхавъ разсказъ Ижболдина о разныхъ ужасахъ, изъявилъ готовность ему помочь, но отказался отъ 20% съ дѣла, предложенныхъ Ижболдинымъ, и потребовалъ отъ него только обязательства, что онъ не будетъ ни обвинять Бѣляеву, ни имѣть къ ней гражданскихъ претензій. (На вопросы прокурора) Подобное обязательство, какъ понималъ Чевакинскій, было достаточно, чтобы гарантировать Бѣляеву; но онъ не придавалъ юридическаго значенія такому условію. Чевакинскій хотѣлъ устранить изъ дѣла Бѣляеву потому, что иначе нельзя было одновременно быть ея повѣреннымъ и повѣреннымъ Ижболдина противъ Мясниковыхъ. Ижболдинъ былъ у Чевакинскаго нѣсколько разъ. Чевакинскій разсказывалъ всякому и каждому о посѣщеніи Ижболдина и о его заявленіяхъ. Бѣляева была женщина, державшая себя очень хорошо. Ижболдинъ Бѣляеву не обвинялъ ни въ чемъ; онъ не представилъ никакихъ доказательствъ и, повидимому, только старался вывѣдать что нибудь у Чевакинскаго. Послѣдній находилъ, что дѣло о завѣщаніи не можетъ быть такъ оставлено. (На вопросъ защитниковъ) Сколько помнится, Ижболдинъ не предъяв-

лялъ противъ Бѣляевой иска въ Гражданскомъ Судѣ. Ижболдинъ велъ дѣло о завѣщаніи гражданскимъ порядкомъ до 1868 г. Чевакинскій спосился съ Мясниковымъ отъ имени Бѣляевой, думая окончить дѣло миромъ; можетъ быть, онъ что нибудь писалъ по ихъ дѣламъ. Прежде, дѣйствительно, онъ писалъ нѣкоторыя жалобы на Ивана Мясникова. Между Ижболдинымъ и Бѣляевою было дѣло въ Окружномъ Судѣ, проигранное Ижболдинымъ.

Г. Лохвицкій заявилъ, что показаніе о намѣреніи Ижболдина уговорить Караганова сознаться въ подписаніи подъ руку Бѣляева чистаго листа сдѣлано Чевакинскимъ уже въ 1871 г., послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ допросовъ, бывшихъ въ 1868 г., и послѣ того какъ слѣдователь получилъ сознаніе Караганова.

Г. Остряковъ попросилъ позволенія прочесть нѣсколько бумагъ, найденныхъ при обыскѣ А. Мясникова и Чевакинскаго. Въ первой запискѣ, писанной неизвѣстною рукою и найденною у Чевакинскаго, выражено, что нужно подать генералъ-губернатору прошеніе, въ которомъ со всею откровенностью изложить почему произошла вражда между Мясниковыми и Бѣляевою, и что Бѣляева видѣла на себѣ ужасный обманъ со стороны Мясниковыхъ, и т. д.

Изъ двухъ писемъ, найденныхъ у Мясникова и писанныхъ, повидимому, рукою Чевакинскаго, видно, что онъ обѣщалъ взять изъ Гражданской Палаты и доставить Мясниковымъ всѣ бумаги по дѣлу о завѣщаніи и самое завѣщаніе.

По предъявленіи этихъ бумагъ Чевакинскому, онъ сказалъ, что онѣ писаны не его рукою.

Александръ Мясниковъ на вопросъ предсѣдательствующаго отвѣчалъ, что не помнитъ, были ли такія письма.

Борзаковскій показалъ, что собственно о завѣщаніи ничего не знаетъ, но съ 1861 по 1870 г. имѣлъ три раза переговоры съ Алекс. Мясниковымъ относительно окончанія дѣла о завѣщаніи мировою сдѣлкою. Въ первый разъ въ 1861 г. онъ былъ съ Ижболдинымъ у Мясникова. Переговоры были продолжительны и ничѣмъ не окончились: обѣ стороны не могли согласиться въ цифрѣ вознагражденія. Въ 1862 г., лѣтомъ, Борзаковскій былъ приглашенъ Бильбасовымъ къ нему на дачу и оттуда вмѣстѣ съ Бильбасовымъ отправился къ Мясникову на дачу его. Мясниковъ въ разговорѣ выразился такъ, что, пожалуй, дастъ 30,000 р. за прекращеніе Ижболдинымъ дѣла. Ижболдинъ нашелъ эту сумму

слишкомъ ничтожною. Когда было назначено въ 1868 г. слѣдствіе, Борзаковскій былъ приглашенъ въ III Отдѣленіе и введенъ въ особую комнату, гдѣ находились А. Мясниковъ и г. Коптевъ. Мясниковъ сказалъ, что хотя считаетъ себя правымъ, но, во избѣжаніе скандала, все-таки желаетъ окончить это дѣло миромъ, и спросилъ, за какую сумму Ижболдинъ можетъ прекратить дѣло. Сумму Борзаковскій не могъ опредѣлить; но Коптевъ намекнулъ, что, пожалуй, можно дать 100,000 рублей. Борзаковскій объяснилъ, что прекращеніе слѣдствія не зависитъ отъ Ижболдина; но гражданскій искъ, пожалуй, можно покончить. Послѣ этого разговора, Борзаковскій былъ приглашенъ въ кабинетъ Мезенцева, который спрашивалъ его объ этомъ дѣлѣ и, выслушавъ его объясненія, сказалъ, что Мясниковъ можетъ быть и правъ, но во всякомъ случаѣ дѣло грязное и скверное, которое онъ долженъ окончить, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. На другой день, Борзаковскій опять явился въ III Отдѣленіе, чтобы заявить Мясникову о размѣрѣ вознагражденія и получить отъ него окончательный отвѣтъ. Тогда А. Мясниковъ сказалъ, что не согласенъ на мировую. Борзаковскій служилъ совѣтникомъ въ Управѣ Благочинія. Онъ принялъ на себя веденіе этого дѣла за 15,000 руб. Алекс. Мясниковъ объяснилъ, что Борзаковскій иногда заходилъ въ III Отдѣленіе къ Коптеву по разнымъ другимъ дѣламъ, и, встрѣтившись нечаянно съ Мясниковымъ, предлагалъ ему, какъ въ 1868 г., такъ и въ 1870 г., помириться; но онъ, Мясниковъ, сказалъ, что не хочетъ входить въ переговоры о мировой. Коптевъ былъ знакомъ съ Мезенцевымъ и каждый день бывалъ въ III Отдѣленіи. Мясниковъ въ это время былъ адъютантомъ Мезенцева и каждый день съ 9 часовъ утра находился въ III Отдѣленіи до 1 или 2 час. дня, а домой ранѣе не возвращался, какъ въ 5 или 6 часовъ вечера.

На основаніи 626 ст. Уст. Угол. Суд., были прочитаны показанія Шимановскаго слѣдующаго содержанія:

«Отъ роду мнѣ 34 годъ; вѣры и православной, подъ судомъ не былъ; проживаю Рождественской части, 1 го участка, у Знаменскаго моста, въ домѣ барона Фридерикса, подъ № 2; нахожусь на службѣ въ Департаментѣ Таможенныхъ Сборовъ. Съ купцомъ Иваномъ Ижболдинымъ и женою его Анною Ижболдиною, Александромъ и Иваномъ Мясниковыми и Амфилогіемъ Карагано-

вымъ ни въ какихъ особыхъ отношеніяхъ не состою, а послѣдняго и вовсе не знаю. Въ 1864 или 1865 годахъ, ковенская помѣщица Кайсарова хлопотала о займѣ денегъ подъ свое имѣніе изъ опеки малолѣтняго Шишкина, опекунами котораго были оба брата Мясниковы и вдова Бѣляева. По просьбѣ внучки г-жи Кайсаровой, г-жи Ваксель, я также принималъ въ этомъ дѣлѣ участіе и былъ у гг. Мясниковыхъ, изъ которыхъ Иванъ Мясниковъ поручилъ мнѣ сходить къ теткѣ его Бѣляевой съ просьбою моею о согласіи на заемъ, и я былъ у ней, но ее не видѣлъ, а Александръ Мясниковъ совѣтовалъ мнѣ просить объ этомъ бывшаго въ то время уѣзднымъ предводителемъ дворянства графа Апраксина, который отъ просьбы моей отклонился. У него я встрѣтился съ Иваномъ Михайловичемъ Чевакинскимъ, съ которымъ и познакомился, и онъ пригласилъ меня къ себѣ. Вскорѣ я узналъ, что г. Чевакинскій можетъ устранить причины несовершенія займа. Я былъ у него и просилъ устроить заемъ. Это было въ то время, когда шло дѣло о возвращеніи отъ гг. Мясниковыхъ малолѣтняго Шишкина, котораго они тайно перевезли къ себѣ отъ Бѣляевой. По этому поводу, г. Чевакинскій очень дурно отзывался о Мясниковыхъ, говорилъ, что они отравятъ Шишкина, что это дѣло для нихъ обыкновенное, и настаивалъ о возвращеніи Шишкина къ Бѣляевой. Затѣмъ, я продолжалъ съ г. Чевакинскимъ знакомство и посѣщалъ его, и онъ просилъ меня похлопотать въ С.-Петербургской Казенной Палатѣ о сложеніи съ Бѣляевой требованныхъ пошлинъ по завѣщанію мужа ея, о чемъ производилось тогда дѣло, и я хлопоталъ, почему я и познакомился съ г. Герасимовымъ, у котораго въ столѣ было это дѣло. Спустя нѣсколько времени, г. Чевакинскій обратился ко мнѣ съ просьбою съѣздить къ Александру Мясникову, такъ какъ я уже бывалъ у него, и предложить ему окончить миромъ дѣло, которое производилось въ то время о полученіи наслѣдства послѣ Бѣляева и которое онъ можетъ устроить для нихъ, но просилъ не говорить ему о томъ, что онъ просилъ меня объ этомъ. Вслѣдствіе чего я пріѣхалъ къ Александру Мясникову въ субботу, утромъ, что было лѣтомъ. Г. Мясниковъ принялъ меня очень любезно, сказалъ, что онъ желаетъ окончить это дѣло, которое ему надоѣло, миромъ, что онъ уже предлагалъ мировую въ 30,000 или 40,000 рублей, но это не состоялось; теперь же онъ не

знаетъ, сколько хотятъ получить за окончаніе дѣла, присовокупивъ, что говорятъ, что онъ будто бы сдѣлалъ послѣ Бѣляева фальшивое духовное завѣщаніе, чего на самомъ дѣлѣ вовсе будто бы не было, и затѣмъ просилъ меня заѣхать. Въ слѣдующую субботу, я также былъ у г. Мясникова, и онъ просилъ сказать ему, кто именно поручилъ мнѣ хлопотать о мировой — не Чевакинскій ли. Я отвѣтилъ, что нѣтъ, не онъ, а впослѣдствіи, когда онъ окончательно согласится на мировую, я ихъ однихъ оставлю окончить дѣло это. На это Мясниковъ изъявилъ свое согласіе и опять просилъ пріѣхать въ слѣдующую субботу, что я и сдѣлалъ. Но пріѣзжая къ нему нѣсколько разъ, я не находилъ его дома и сообщилъ Чевакинскому, что Мясниковъ, выразивъ желаніе на мировую, видимо уклоняется, и я болѣе ѣздить къ нему не буду, такъ какъ это ни къ чему не поведетъ. Тогда г. Чевакинскій, будучи сильно раздраженъ противъ Мясниковыхъ, началъ мнѣ высказывать, что положительно узналъ отъ Бѣляевой, что Мясниковы, ночью, тотчасъ послѣ смерти Бѣляева, обокрали его кабинетъ и въ каретахъ вывезли изъ того кабинета рѣшительно всѣ бумаги покойнаго, книги, дѣла, даже деньги, однимъ словомъ— все, что въ немъ находилось, и затѣмъ, когда въ присутствіи полиціи и сторонннхъ людей были перебраны по листамъ оставленныя бумаги, то въ нихъ ничего похожаго на завѣщаніе Бѣляева не нашлось, а потомъ, чрезъ недѣлю или полторы, Александръ Мясниковъ пріѣхалъ въ домъ Бѣляевой, пришелъ въ кабинетъ и будто бы оттуда, изъ запечатаннаго стола, вынесъ найденное имъ будто въ опечатанномъ ящикѣ духовное завѣщаніе Бѣляева, которое съ восторгомъ передалъ г-жѣ Бѣляевой; что завѣщаніе это Мясниковъ принесъ съ собой, но не находилъ его въ осмотрѣнномъ уже кабинетѣ, что оно фальшивое, что оно подписано только «Козьма Бѣляевъ», и то не его рукой, нѣтъ той завѣтной послѣ подписи точки, которую Бѣляевъ всегда ставилъ; что онъ всегда писалъ бумаги своеручно и даже писалъ своею рукою по сорока писемъ для отправки на почту; что Чевакинскій положительно убѣдился въ этомъ, сличивъ въ Опекѣ и другихъ мѣстахъ множество бумагъ Бѣляева, писанныхъ его рукою, и подпись на завѣщаніи совершенно не его, а сдѣлана другою рукою; притомъ же въ то время, когда завѣщаніе означено писаннымъ, Бѣляевъ вовсе не былъ боленъ, а, напротивъ, въ тотъ день ѣздилъ на торги по ка-

кому-то важному откупу; что Мясниковы предъявляли Бѣляевой какую-то фальшивую сохранную росписку Бѣляева около 300,000 рублей, но не давали ей въ руки, а только показали, тогда какъ никакой сохранной росписки не было даваемо, и она составлена фальшиво послѣ смерти Бѣляева, но заднимъ числомъ, т. е. за полгода до смерти Бѣляева; что Мясниковы обманнымъ образомъ вынудили у Бѣляевой подписать какой-то контрактъ о передачѣ имъ имущества Бѣляева; что Чевакинскій называлъ мошенническимъ контрактомъ, что Мясниковы по фальшивымъ бланкамъ на билетахъ получили изъ Банка залоги Бѣляева въ свою собственность, внесенные Бѣляевымъ по откупамъ, и даже просилъ меня похлопотать въ Банкѣ, нельзя ли посмотрѣть тѣ билеты на 30,000 или 45,000 рублей, чтобы узнать, чья именно подпись. Все это г. Чевакинскій говорилъ каждому, кто съ нимъ только встрѣчался, узнавать же въ Банкѣ о надписяхъ на билетахъ я отказался. При этомъ, г. Чевакинскій присовокупилъ, что надо сказать Мясниковымъ, что они за это завѣщаніе и другія ихъ по этому дѣйствія пойдутъ въ Сибирь, какъ только завѣщаніе будетъ представлено къ дѣлу, но что онъ можетъ избавить ихъ отъ этого тѣмъ, что возьметъ завѣщаніе Бѣляевой къ себѣ и, запечатавъ его своею печатью, будетъ беречь его у себя и дешево не отдастъ; что онъ, если Мясниковы согласятся, убѣдитъ г-жу Бѣляеву, у которой возьметъ довѣренность, сжечь завѣщаніе и самъ его сожжетъ: тогда и концы пропадутъ; объявитъ, что завѣщаніе потеряно и получитъ копію изъ Палаты, и тогда уже невозможно будетъ узнать фальшивость. Также говорилъ онъ мнѣ, что ему извѣстно уже отъ г-жи Бѣляевой, что нѣкоторые наслѣдники Бѣляева пріѣзжали хлопотать о завѣщаніи и бывали у Мясниковыхъ, но Мясниковы ихъ отравили, и это скрыто. Когда же я сказалъ ему, что Мясниковъ уклоняется тѣмъ, что будто бы не знаетъ, сколько нужно денегъ, то Чевакинскій возразилъ, что можно взять съ нихъ 140,000 рублей, изъ которыхъ 40,000 руб. ему, а остальные— наслѣдникамъ. На вопросъ мой о томъ, какъ же онъ можетъ устроить такое дѣло безъ наслѣдниковъ, и гдѣ же они, онъ отвѣчалъ, что какіе-то мѣщане, которыхъ онъ вовсе не знаетъ, но что отыщетъ повѣреннаго ихъ Германа, проживающаго гдѣ-то въ станѣ, и у него есть довѣренность, и потому онъ надѣется съ нимъ покончить это дѣло. Черезъ нѣсколько времени

послѣ этого разговора я былъ у Чевакинскаго, и онъ показывалъ мнѣ пакетъ, въ которомъ, по его словамъ, находилось духовное завѣщаніе Бѣляева и котораго, какъ онъ сказалъ, никто не вырветъ у него. Послѣ того г. Чевакинскій постоянно говорилъ мнѣ, что онъ представитъ завѣщаніе. Г. Чевакинскій былъ у меня съ братомъ Бѣляевой, капитаномъ Поповымъ, изъ Риги по его дѣлу, и Поповъ, бывши у меня одинъ, въ разговорѣ по дѣлу Мясниковыхъ, также говорилъ мнѣ, что сестра его говорила ему, что завѣщаніе и сохранная росписка мужа ея фальшивыя, составлены Мясниковыми; что контрактъ также она называетъ незаконнымъ; что Мясниковы въ первую ночь послѣ смерти Бѣляева, обобравъ весь кабинетъ мужа ея, увезли все къ себѣ, и тогда, по осмотрѣ, завѣщанія не было, и присовокупилъ, что въ числѣ имущества Бѣляева, захваченнаго Мясниковыми, находился и его билетъ, въ 1,000 или 2,000 р., который взялъ у него Бѣляевъ для того, чтобы пустить его въ оборотъ и тѣмъ дать ему случай получить выгоду, но что этого билета онъ никакъ не можетъ получить отъ Мясниковыхъ, и былъ у нихъ множество разъ, но они только обѣщали, но отговаривались, что онъ еще не находится въ дѣлахъ или не полученъ. Чевакинскій говорилъ также, что Бѣляева говорила ему, что на похоронномъ обѣдѣ она всѣмъ говорила, что завѣщанія Бѣляевъ не оставилъ, и что это ставитъ ее въ затруднительное положеніе по дѣламъ, а потомъ завѣщаніе вдругъ появилось отъ Мясниковыхъ. Г. Чевакинскій постоянно говорилъ, что завѣщаніе онъ представитъ, а въ послѣднее время говорилъ мнѣ, что онъ даже указалъ повѣренному наслѣдниковъ, какіе именно билеты взяты Мясниковыми, и даже далъ списокъ нѣкоторымъ. Въ январѣ нынѣшняго года онъ встрѣтилъ меня въ Окружномъ Судѣ, говоря о томъ, что меня выставляютъ свидѣтелемъ по дѣлу завѣщанія, чего я въ то время и не зналъ, просилъ не говорить ничего, такъ какъ дѣло это будто бы грязное; что онъ уже перемѣнилъ свое мнѣніе объ этомъ, и просилъ меня быть съ нимъ за одно, упрашивая не давать противъ него показаній, на что я отвѣтилъ ему, что такъ какъ я чрезъ него же сдѣлался свидѣтелемъ, то не могу по совѣсти скрывать того, что онъ самъ же мнѣ говорилъ. Встрѣтясь съ бывшимъ повѣреннымъ Мясниковыхъ, г. Вильбасовымъ, въ Литейной части, я спросилъ его, отъ чего Мясниковъ не помирился, тогда какъ онъ положительно хотѣлъ

это сдѣлать, на что г. Бильбасовъ отвѣчалъ, что этимъ Мясниковы ему обязаны, такъ какъ онъ имъ объяснилъ, что если они помирятся, то этимъ самымъ признаютъ себя виновными въ уголовномъ преступленіи, и поэтому мировая не состоялась. Завѣщаніе же всегда находилось у г. Чевакинскаго, какъ онъ мнѣ всегда говорилъ при встрѣчѣ. Бывая въ Казенной Палатѣ и встрѣчаясь съ Герасимовымъ, я однажды слышалъ отъ него, что въ тотъ день у него былъ рано утромъ въ Гавани Александръ Мясниковъ и, не найдя его дома, оставилъ 100 руб., и что онъ не знаетъ, что съ ними дѣлать и намѣренъ возвратить. Чрезъ нѣсколько же дней я опять видѣлся съ Герасимовымъ и узналъ отъ него, что къ нему въ Палату пріѣзжалъ повѣренный Мясниковыхъ, Бильбасовъ, которому онъ возвратилъ оставленные Мясниковымъ 100 руб. Тогда г. Бильбасовъ предлагалъ ему 500 р., отъ чего онъ совершенно отказался и объявилъ, что сдѣлать ничего не можетъ для Мясниковыхъ, и пусть къ кому угодно другому обращаются. Впослѣдствіи и я самъ видѣлъ г. Бильбасова въ Палатѣ, разговаривавшаго съ Герасимовымъ и узналъ отъ послѣдняго, что дѣло производилось о какихъ-то казенныхъ пошлинахъ, о которыхъ хлопотали Мясниковы, и къ нему также пріѣзжалъ по дѣлу въ Палату и г. Чевакинскій. Г. Ижболдина я узналъ, какъ помнится, въ 1866 году, встрѣтясь съ нимъ въ Казенной Палатѣ, куда я и онъ приходили къ Герасимову по дѣламъ, и который насъ познакомилъ. Въ послѣднее время я у г. Чевакинскаго не бывалъ, но только встрѣчался съ нимъ, и одинъ разъ въ Гражданской Палатѣ онъ привѣтствовалъ меня такимъ образомъ: «здравствуйте, благородный свидѣтель». Вообще, какъ мнѣ приходилось слышать, г. Чевакинскій всѣмъ разсказывалъ о фальшивости завѣщанія Бѣляева и объяснялъ даже признаки этого. Гг. Погожева и Павлова, которые вмѣстѣ со мною служили, г. Чевакинскій удалилъ отъ занятій у г-жи Бѣляевой и остался одинъ, находя, что они мѣшаютъ ему. Послѣ разговора о послѣдствіяхъ смерти Бѣляева, г. Чевакинскій у себя въ квартирѣ читалъ мнѣ докладную записку, которую, какъ онъ мнѣ сказалъ, подастъ графу Апраксину, и въ этой запискѣ онъ выставилъ Мясниковыхъ въ самомъ черномъ видѣ, назвавъ ихъ ворами, мошенниками, отравителями наслѣдниковъ Бѣляева, и при чтеніи всхлипывалъ сильнымъ ея содержаніемъ.

При передопросѣ Шимановскій далъ слѣдующее показаніе: Въ 1865

*

или 1866 году, навѣрно не помню этого, но именно въ то время, когда, по объясненію гг. Ижболдина и Герасимова, производилось въ Коммисіи Прошеній по всеподданнѣйшей просьбѣ, Его Императорскому Величеству поданной, дѣло о духовномъ завѣщаніи купца Бѣляева, гг. Ижболдинъ и Герасимовъ пріѣзжали ко мнѣ и послѣдній прочиталъ мнѣ росписку, которую приготовилъ для передачи ея Ижболдинымъ г. Чевакинскому. При этомъ, они разсказали мнѣ, что завѣщаніе купца Бѣляева необходимо представить въ Коммисію Прошеній; а такъ какъ оно, по ихъ мнѣнію, должно находиться у г-жи Бѣляевой или повѣреннаго ея г. Чевакинскаго, то они были у г. Чевакинскаго, съ просьбою представить завѣщаніе, на что г. Чевакинскій объявилъ имъ, что завѣщаніе это представитъ въ такомъ только случаѣ, когда Ижболдинъ дастъ ему подписку, по которой онъ освобождаетъ Бѣляеву отъ всякаго обвиненія и преслѣдованія по поводу фальшивости завѣщанія, и даже продиктовалъ содержаніе подписки; но Ижболдинъ въ то время не рѣшился выдать такой подписки, а въ другой разъ поѣхалъ къ Чевакинскому съ намѣреніемъ исполнить его требованіе, но не засталъ его дома; поэтому, полагая, что г. Чевакинскій не принялъ его, обратился ко мнѣ съ Герасимовымъ съ просьбою съѣздить къ Чевакинскому и передать ему просьбу ихъ о представленіи въ Коммисію Прошеній завѣщанія. Исполнивъ это, я былъ у г. Чевакинскаго и передалъ ему о просьбѣ г. Ижболдина, на что онъ мнѣ отвѣтилъ, что представитъ завѣщаніе, но съ тѣмъ, чтобы выдана была ему подписка въ такомъ родѣ, какъ мнѣ объяснили гг. Ижболдинъ и Герасимовъ, причемъ былъ разговоръ о возможности выдать такую росписку, и я высказалъ, что такая росписка нисколько не можетъ освобождать отъ обвиненія, если Судъ признаетъ виновность кого-либо. Г. Ижболдинъ выразилъ опасеніе, что выдачею росписки онъ можетъ потерять дѣло. Гг. Ижболдинъ и Герасимовъ говорили мнѣ, что росписку продиктовалъ г. Чевакинскій, а г. Герасимовъ записалъ содержаніе ея. Не заставъ г. Чевакинскаго дома, они вывели заключеніе, что онъ ихъ не принялъ, и обратились ко мнѣ потому, что я знакомъ былъ съ Чевакинскимъ и часто бывалъ у него. Росписки я самъ не читалъ, а г. Герасимовъ прочелъ ее мнѣ. Почерка его руки не знаю.

Прокуроръ заявилъ, что Чевакинскій показалъ, что онъ совѣтывалъ Ижболдину обратиться къ графу Апраксину, а изъ по-

казанія Шимановскаго видно, что Чевакинскій просилъ его не говорить того, что ему извѣстно изъ разсказовъ Чевакинскаго по дѣлу о завѣщаніи, когда встрѣтился съ нимъ въ Окружномъ Судѣ въ 1868 г., еще до слѣдствія, не зная, что назначено слѣдствіе, которое началось 16 го іюля 1868 г.; между тѣмъ, по заявленію защиты, дѣло по опекѣ Шишкина окончилось въ февралѣ 1868 года.

Присяжный повѣренный Языковъ просилъ присяжныхъ засѣдателей припомнить показаніе, данное графомъ Апраксинымъ.

И. К. Мясниковъ объяснилъ, что никто изъ свидѣтелей не говоритъ, чтобы онъ участвовалъ въ этомъ дѣлѣ; но когда онъ былъ арестованъ по этому дѣлу, къ нему никто не могъ быть допущенъ иначе, какъ съ прокурорскаго разрѣшенія. Въ это время къ нему являлся маклеръ Синельниковъ, съ предложеніемъ помириться съ Ижболдинымъ, только не иначе какъ съ разрѣшенія Бѣляевой.

Предсѣдательствующій напомнилъ подсудимому, что, находясь подъ арестомъ, онъ завѣдывалъ всѣми своими дѣлами и преслѣдуется независимо отъ гражданскаго иска уголовнымъ порядкомъ, слѣдовательно прокурорскій надзоръ не имѣлъ права стѣснить свободу дѣйствій гражданскаго истца.

Г. Лохвицкій объяснилъ, что это заявленіе сдѣлано, по настоянію Бѣляевой, гражданскимъ порядкомъ именно для того, чтобы гг. Мясниковы знали, что если захотятъ мириться, то не могутъ безъ согласія Бѣляевой.

Присяжный повѣренный Языковъ объяснилъ, что И. К. Мясникова поразило, что къ нему обратились, когда онъ былъ уже арестованъ.

Прокуроръ заявилъ, что, на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 9-го мая 1866 г., всѣ бумаги идутъ къ арестованнымъ не иначе какъ чрезъ прокурорскій надзоръ.

Ал. Мясниковъ объяснилъ, что Шимановскій обращался къ нему только по одному гражданскому дѣлу Кайсаровой, болѣе ни по какимъ другимъ дѣламъ не обращался, что Бильбасовъ въ 1860 г. былъ его повѣреннымъ по одному дѣлу, а въ 1865 г. не могъ быть повѣреннымъ, ибо былъ заключенъ подъ стражею.

Герасимовъ показалъ, что о фальшивости завѣщанія Бѣляева

слышалъ отъ Германа и Чевакинскаго. Кромѣ того, повѣренный Бѣляевой, Погожевъ, былъ у Герасимова и говорилъ ему, что завѣщаніе не фальшивое, но сохранная росписка подложная, что подтверждалъ тѣмъ, что А. К. Мясниковъ, при подписаніи условія, разорвалъ ее, не давъ въ руки Бѣляевой, и клочки унесъ съ собою. Затѣмъ, о подложности завѣщанія свидѣтель слышалъ отъ Матвѣева. Ижболдинъ, собираясь подавать просьбу на имя Государя Императора, обратился къ Герасимову, и тотъ указалъ на г. Безсонова, который имѣетъ хорошія знакомства и связи. Впослѣдствіе, Безсоновъ сообщилъ Герасимову, что однажды, бывши въ гостяхъ у Сицилинскаго, встрѣтилъ тамъ сестру покойнаго Бѣляева, Ремянникову, и когда Сицилинскій провожалъ ее въ передней, тогда Безсоновъ завелъ съ женою Сицилинскаго разговоръ о завѣщаніи Бѣляева и услышалъ отъ нея, что это завѣщаніе не подложное, но дѣйствительно подписано Сицилинскимъ послѣ смерти Бѣляева. Вернувшійся въ тоже время Сицилинскій услышалъ эти слова и сказалъ Безсонову: «смотри, меня не погуби!» Безсоновъ еще говорилъ Герасимову, что встрѣтилъ у г. Кузнецова какого-то господина, который разсказывалъ, что Карагановъ на одномъ изъ волжскихъ пароходовъ говорилъ нѣсколькимъ лицамъ, что завѣщаніе Бѣляева фальшивое, подписанное Карагановымъ, что Мясниковы за это обѣщали ему значительную сумму денегъ, но, затѣмъ, обманули его. Ижболдинъ показывалъ Герасимову написанный по требованію Чевакинскаго проектъ условія объ устраненіи Бѣляевой изъ дѣла о завѣщаніи. По просьбѣ Ижболдина Герасимовъ ѣздилъ посовѣтываться съ Шимановскимъ, который нашелъ такое условіе невозможнымъ. Послѣ того Ижболдинъ разошелся съ Чевакинскимъ.

Безсоновъ показалъ, что въ 1866 г. Герасимовъ, крестникъ его жены, разсказалъ ему, что Ижболдинъ проситъ его ходатайства въ Коммиссіи Прошеній по дѣлу о подложности завѣщанія, подписаннаго, въ качествѣ свидѣтеля, священникомъ Сицилинскимъ. Зная Сицилинскаго хорошо, Безсоновъ поѣхалъ къ нему и прямо сказалъ, что пріѣхалъ сюда на него жаловаться по дѣлу о завѣщаніи. Сицилинскій сказалъ: «Ахъ ты, хромой бѣсъ! слушаешь ты пустяковъ. Вотъ я тебя возьму этимъ костылемъ поучу». Зная Сицилинскаго за честнаго человѣка, Безсоновъ отказался отъ ходатайства за Ижболдина, не смотря на то, что Ижболдинъ хотѣлъ

его подкупить выдачею условія объ уплатѣ 5,000 руб. за ходатайство.

По ходатайству г. Лохвицкаго было прочитано условіе, заключенное въ 1866 г., по коему Ижболдины обязываются уплатить Безсонову 5,000 р. за успѣшное ходатайство о назначеніи слѣдственной Коммисіи по дѣлу о завѣщаніи Бѣляева.

Ижболдинъ объяснилъ, что Безсоновъ съ Германомъ участвовали въ подачѣ прошенія.

Вдова протоіерея Анна Сицилинская показала, что была знакома съ Бѣляевымъ и бывала у него въ семействѣ. Разъ Сицилинская разсказывала ему, что одинъ общій ихъ знакомый умеръ, не сдѣлавъ завѣщанія, и оставилъ своихъ дѣтей совершенно безъ куска хлѣба. При этомъ Бѣляевъ сказалъ: «Странно, что такой прекрасный человѣкъ такъ распорядился! Вотъ я такъ оставлю все моей женѣ, а на случай смерти жены она въ мою пользу должна сдѣлать духовную». Когда Сицилинскій послѣдній разъ былъ у Бѣляева, тогда, возвратясь домой, онъ сказалъ женѣ: «Кажется, Бѣляевъ не проживетъ долѣе какъ до вечера», и затѣмъ, на вопросъ жены отвѣчалъ, что Бѣляевъ сдѣлалъ духовное завѣщаніе. Сицилинскій, умирая, оставилъ только 852 р. и жен. 3 билета по 100 р. Сицилинская осталась съ 8 дѣтьми. Покойный ея мужъ постоянно старался дѣлать добро. (На вопросъ г. Лохвицкаго) Сицилинскій не говорилъ женѣ, что подписался свидѣтелемъ на завѣщаніи Бѣляева.

Свидѣтель Гавриловъ показалъ, что въ іюнѣ или іюлѣ Ижболдинъ просилъ его предложить Мясниковымъ мировую. Мясниковъ рѣшительно отвергнулъ это предложеніе. Гавриловъ не устроивалъ у себя никакихъ свиданій для этихъ переговоровъ.

Погожевъ показалъ, что года полтора или два занимался дѣлами Бѣляевой и по ея порученію писалъ черновое письмо Мясникову по поводу неплатежа денегъ по условію. Въ этомъ письмѣ Погожевъ не упоминалъ о сохранной росписке, а сказалъ только, «что будетъ извѣстно только Богу», было ли это письмо отправлено—не знаетъ. Онъ написалъ тѣ слова потому, что Бѣляева не видѣла росписки, которую Мясниковъ разорвалъ. Объ этомъ сказала Погожеву сама Бѣляева. Она была характера молчаливаго и подписывала что онъ давалъ ей. Слова, что Бѣляева пойдетъ до

Государя, относились къ дѣлу о Шишкинѣ. Письмо было сочинено Погожевымъ.

Г. Арсеньевъ заявилъ, что на предварительномъ слѣдствіи Погожевъ показалъ, что Бѣляева боялась не только дѣла о завѣщаніи, но и всякихъ пустяковъ, и что Бѣляева объяснила ему свою ссору съ Мясниковыми, и онъ составилъ письмо, причемъ мысль подать прошеніе Государю принадлежитъ ему, Погожеву.

Свидѣтель Нефловъ показалъ, что имѣлъ сношенія съ Мясниковымъ во время содержанія его подъ стражею; ему было разрѣшено видѣться съ нимъ и передавать бумаги, не касающіяся настоящаго дѣла; въ послѣднее время онъ требовалъ бумаги помимо прокурорскаго надзора. Нефлову было разрѣшено видѣться, въ случаѣ надобности, и съ Иваномъ Константиновичемъ, но собственно онъ посѣщалъ Александра Константиновича.

Затѣмъ, были прочитаны показанія или сдѣланы сторонами ссылки на показанія слѣдующихъ свидѣтелей:

1. Федюхина, который подтвердилъ, что Гонинъ пріѣзжалъ для переговоровъ съ Мартьяновою.

2. Серебрянаго, что Пжболдинъ пріѣзжалъ къ нему совѣтываться какъ вести настоящее дѣло. Серебряный совѣтывалъ кончить это дѣло миромъ, такъ какъ, по его мнѣнію, оно выѣденнаго яйца не стоитъ, и взять 14,000 р. за мировую.

3. Столбова, который опровергалъ показаніе Гонина, говоря, что въ переговорахъ съ Мартьяновою не участвовалъ.

4. Аванасьева и 5) Зиновьева, которые видѣли, какъ Мясниковы выносили изъ кабинета умершаго Бѣляева какія-то бумаги.

6. Помрачева, показавшаго, что Гонинъ пріѣзжалъ для переговоровъ съ Мартьяновою, но въ домѣ Помрачева никакихъ переговоровъ не было.

7. Перозіо, что онъ былъ уполномоченъ Бердомъ вести переговоры съ Бѣляевымъ о продажѣ послѣднему Бердовскаго завода и собиралъ справки объ имущественной благонадежности Бѣляева, причемъ, можетъ быть, обращался къ отставному полковнику Теплову.

8. Бенардаки, что зналъ Бѣляева, который не былъ извѣстенъ старымъ откупщикамъ. П. Ѳ. Мясниковъ обращался къ Бѣляеву такъ: «Козьма, сходи туда, принеси то». Бѣляевъ говорилъ, что онъ имѣетъ до 400,000 капитала, послѣ завелъ лѣсную торговлю, на которой много потерялъ.

9. Попова (брата Бѣляевой), что о фальшивомъ завѣщаніи и сохранной роспискѣ разговоровъ не имѣлъ и Шимановскому объ этихъ предметахъ ничего не говорилъ, о пропажѣ банковаго билета, который будто бы находился на сохраненіи у Бѣляева, не помнитъ, говорилъ ли Шимановскому или нѣтъ.

Наконецъ были прочитаны два письма Сицилинскаго къ Бѣляеву: 1) по поводу обѣщанія Бѣляева пожертвовать ризы и 2) въ которомъ проситъ пожертвовать что-нибудь въ Корецкую обитель, въ Костромской губерніи. Первое письмо, отъ 28-го января 1854 г., подписано: «Покорнѣйшій слуга и богомолецъ»; второе, 1858 года: «Истинно вами облагодѣтельствованный Сицилинскій».

По окончаніи допроса свидѣтелей, сторонамъ было предоставлено право ссылаться на имѣющіеся въ дѣлѣ документы для опредѣленія состоянія Бѣляева, причемъ нѣкоторые изъ этихъ документовъ были прочитаны.

Г. Арсеньевъ обратился къ Суду съ просьбою, чтобы присяжнымъ засѣдателямъ были предъявлены дневникъ Бѣляева и счеты, на которые сторонами будутъ сдѣланы ссылки во время преній. По поводу этого заявленія г. Лохвицкій возразилъ, что настоящее дѣло имѣетъ своимъ предметомъ не счеты, а подлогъ духовнаго завѣщанія, и что предъявленіе какихъ-либо счетовъ онъ считаетъ нарушеніемъ уставовъ, такъ какъ по закону судебное слѣдствіе должно быть словесное, и никакіе письменные документы не могутъ быть даваемы присяжнымъ во время преній.

Судъ, принимая во вниманіе, что по закону документы не передаются присяжнымъ засѣдателямъ только въ ихъ совѣщательную комнату, а не въ то время, когда происходятъ пренія, что относительно предъявленія вещественныхъ доказательствъ въ законѣ нѣтъ никакого указанія, а, напротивъ того, оно разрѣшено Кассаціоннымъ Департаментомъ Сената, и такъ какъ настоящіе счеты и дневникъ пріобщены къ дѣлу въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, нашелъ заявленіе защитника вполнѣ правильнымъ и подлежащимъ со стороны Суда удовлетворенію.

Засѣданіе 21 февраля.

Прокуроръ Конп. Гг. присяжные засѣдатели! Вамъ предстоитъ произнести приговоръ по дѣлу, которое, по трудности, сложности и важности, превышаетъ всѣ дѣла, разбиравшіяся до

сихъ поръ въ стѣнахъ этого Суда. Трудности эти состоятъ прежде всего въ томъ, что преступленіе, о которомъ идетъ рѣчь, совершено уже давно, очень давно—14 лѣтъ тому назадъ. Затѣмъ, въ большей части преступленій передъ вами является потерпѣвшее лицо. Такого рода лицо необходимо должно явиться на помощь правосудію въ томъ преступленіи, въ которомъ существуютъ какіе-либо разсчеты коммерческіе, такъ какъ оно одно можетъ объяснить ихъ обстоятельно и полно; здѣсь же такого лица нѣтъ, т. е. нѣтъ самого Бѣляева, а преступленіе совершено противъ его имущества. Наконецъ, все дѣло, въ самомъ ходѣ своемъ, представляется до того необычнымъ, до того неправильнымъ, что уже это одно способно затемнить въ немъ многое и многое. Тутъ соединилось все: и давность совершенія преступленія, и неумѣлость мелкихъ ходатаевъ, которые вели дѣло сначала, искажали и путали его, и, наконецъ, самое главное и непреодолимое препятствіе — смерть, которая въ теченіе десяти лѣтъ, прошедшихъ до начатія слѣдствія, похитила весьма важныхъ свидѣтелей.

Вы знаете ходъ дѣла и тѣ обстоятельства, которыми сопровождалось его возникновеніе. Въ 1858 г. въ Петербургѣ умеръ первостатейный фридрихсгамскій купецъ К. В. Бѣляевъ, слывшій за человѣка очень богатаго, и оставилъ послѣ себя духовное завѣщаніе. Этимъ духовнымъ завѣщаніемъ онъ отказывалъ все имущество свое въ пользу вдовы; вдова представила завѣщаніе въ Гражданскую Палату и была утверждена въ правахъ наслѣдства. Но затѣмъ, чрезъ годъ, возникло сомнѣніе въ подлинности завѣщанія.

Одинъ изъ наслѣдниковъ покойнаго Бѣляева, мѣщанинъ Мартьяновъ, прибылъ изъ Сарапула въ Петербургъ и началъ вести это дѣло, но вскорѣ умеръ. За дѣло взялась тогда мать его, которая точно также умерла въ непродолжительномъ времени, и движеніе дѣла такимъ образомъ почти остановилось. Наконецъ, явился въ Петербургъ мѣщанинъ Ижболдинъ, наслѣдникъ Мартьяновой, и принялся за дѣло, которое, затѣмъ, тянулось очень медленно: проволочка старыхъ судовъ оказалась на немъ весьма ярко, и, послѣ долгихъ колебаній, только въ 1868 г. возбуждено было впервые слѣдствіе. Но въ какомъ положеніи застало это слѣдствіе самое дѣло? Ни свидѣтелей, подписавшихся на завѣщаніи, ни переписчика Целебровскаго, ни ближайшихъ къ Бѣляеву людей — Кемпе и Каменскаго—не было уже въ живыхъ. Въ такомъ положеніи дѣло

перешло къ слѣдователю и окончилось ничѣмъ, оставивъ послѣ себя, уже какъ уголовное слѣдствіе, однако, одну заслугу, состоящую въ томъ, что имъ была прервана давность, которою могло покрыться преступленіе. Только впослѣдствіи случай, о которомъ я буду говорить, далъ возможность возбудить дѣло вновь, и вотъ въ настоящее время оно подлежитъ вашему разсмотрѣнію. Вамъ, гг. присяжные, предстоитъ пристально вглядѣться въ отдаленное прошлое, сквозь массу томовъ и документовъ, находящихся предъ вами, сквозь цѣлый ворохъ именъ и чиселъ; вамъ придется всмотрѣться въ ту даль, на которой написанъ 1858 годъ; вамъ предстоитъ безпристрастнымъ взглядомъ окинуть ту обстановку, которая окружала возникновеніе завѣщанія Бѣляева, и, затѣмъ, произнести вашъ приговоръ. Неустанное вниманіе, съ которымъ вы постоянно относились къ дѣлу въ теченіе всѣхъ пяти дней производства судебнаго слѣдствія, служитъ ручательствомъ того, что вы будете помнить и уже усвоили себѣ его обстоятельства. Вѣроятно, у васъ составилось уже извѣстное убѣжденіе, сложившееся подъ вліяніемъ всѣхъ впечатлѣній, почерпнутыхъ здѣсь, на Судѣ. Поэтому, усиленно убѣждать васъ въ виновности или невиновности подсудимыхъ, настойчиво излагать предъ вами свое мнѣніе я считаю излишнимъ, и гораздо болѣе удобнымъ нахожу развить предъ вами ходъ соображеній, которыми руководствовалась обвинительная власть, приводя обвиняемыхъ предъ васъ и нынѣ ихъ обвиняя. Прежде чѣмъ начать эти соображенія, я не могу скрыть, что въ дѣлѣ этомъ являются нѣкоторые посторонніе элементы, такъ сказать болѣзненные, непормальные наросты, которые какъ обвиненію, такъ и защитѣ одинаково мѣшаютъ разсматривать дѣло въ его надлежащей простотѣ. Обстоятельства эти могутъ быть направлены преимущественно противъ обвиненія, а потому прежде всего я и считаю нужнымъ раздѣлаться съ ними, выгородить ихъ изъ дѣла и затѣмъ, расчистивъ, на сколько возможно, свой путь, продолжать обвиненіе.

«Первое изъ обстоятельствъ этихъ заключается въ томъ, что по этому дѣлу, помимо судебной власти и на ряду съ этой властью, которая сначала бездѣйствовала, является цѣлый рядъ дѣйствій частныхъ лицъ; на ряду съ мѣрами, предпринятыми для изслѣдованія дѣла оффиціальнымъ путемъ, существуетъ цѣлый рядъ дѣйствій Ижболдина и его повѣренныхъ, которые едва ли служатъ въ

пользу этому дѣлу. Для характеристики этихъ дѣйствій, я беру только одно дѣйствительно характеристическое, оригинальное показаніе, по поводу котораго считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ. Вы видѣли свидѣтеля Ижболдина, который является и гражданскимъ истцомъ. Свидѣтель этотъ показалъ, что онъ сарапульскій мѣщанинъ, бывшій въ Петербургѣ на весьма короткое время и прибывшій сюда снова уже послѣ того, какъ прошелъ слухъ о завѣщаніи. Въ Петербургѣ онъ былъ человѣкомъ новымъ, неотесаннымъ провинціаломъ, пріѣхавшимъ въ то время, когда еще на нашемъ общественномъ горизонтѣ не было того солнца, которое называется судебными уставами, когда въ судахъ царствовали старинные порядки, когда канцелярская тайна давала возможность разнымъ мелкимъ ходатаямъ, темнымъ, неизвѣстнымъ личностямъ, дѣйствовать не въ интересахъ правосудія, а въ своихъ собственныхъ мелкихъ, личныхъ интересахъ. Въ такое-то время пріѣхалъ въ Петербургъ провинціалъ, разсчитывавшій получить большое наслѣдство, самъ хорошо не понимавшій, въ какомъ положеніи находится его дѣло, не понимающій этого даже теперь и не умѣющій объяснить предъ вами многихъ весьма важныхъ обстоятельствъ. На этого-то человѣка набросилась цѣлая ватага мелкихъ ходатаевъ. Ижболдинъ перечислилъ нѣсколько именъ неизвѣстныхъ мелкихъ ходатаевъ, во главѣ которыхъ стоитъ Германъ, завершивъ перечисленіе это указаніемъ на какого-то еврея, котораго онъ даже и имени не знаетъ. Эти то ходатаи, видѣвшіе въ Ижболдинѣ богатаго наслѣдника, и принялись его обдѣлывать, взяли его въ руки и стали его стричь, въ надеждѣ получить впослѣдствіи за труды свои золотое руно, котораго хватитъ на всѣхъ. Эти новые аргонавты испортили дѣло въ самомъ началѣ: они стали дѣйствовать помимо судебной власти, и притомъ крайне неловко, и, вслѣдствіе ихъ неумѣлыхъ дѣйствій, явились предъ вами показанія цѣлой массы свидѣтелей, которыя только затемняютъ дѣло, ничего не объясняя и бросая, вмѣстѣ съ тѣмъ, на все нѣкоторый, далеко непривлекательный, **колоритъ**.

Изъ этой массы ненужныхъ свидѣтелей **прежде всего** особенно рѣзко выдается показаніе свидѣтеля Шевелева. Свидѣтель этотъ прямо разсказываетъ предъ нами, что написалъ письмо, въ которомъ ложно обвинялъ Мясниковыхъ въ составленіи фальшиваго завѣщанія отъ имени Бѣляева, что, находясь въ Спасской части

привлеченнымъ по дѣлу Каракозова и будучи въ положеніи безвыходномъ, онъ рѣшился переписать письмо это за деньги, данныя ему для бѣгства за границу. Здѣсь онъ отрицалъ правильность объясненій, помѣщенныхъ въ его письмѣ, и разсказалъ подробную исторію о томъ, какъ письмо это составилось. Съ перваго взгляда показаніе это имѣетъ, повидимому, довольно важное значеніе, тѣмъ болѣе, что дано въ чрезвычайно послѣдовательномъ и красивомъ, изящномъ даже разсказѣ, выдѣлявшемъ показаніе Шевелева изъ показаній почти всѣхъ остальныхъ свидѣтелей. Но если вглядѣться пристальнѣе въ показаніе это, если посмотрѣть на личность Шевелева, то становится яснымъ, что въ показаніи его, точно также какъ и въ показаніяхъ другихъ свидѣтелей, относящихся къ этой категоріи, нѣтъ указаній, что Ижболдинъ подкупалъ свидѣтелей, хотя нельзя отрицать, что въ свидѣтельствахъ этихъ есть указаніе, что Ижболдинъ платилъ деньги свидѣтелямъ, чтобы они согласились показывать то, что знаютъ. Вы помните показаніе Шевелева: онъ разсказалъ предъ вами свою исторію, и по ней мы имѣемъ возможность познакомиться съ его личностью. Это мелкій откупной прикащикъ, служащій потомъ въ конторѣ Мясниковыхъ, женихъ невѣсты, которой, съ цѣлью весьма понятной, онъ предъявляетъ облигаціи, ему не принадлежащія, за что и преслѣдуется Мясниковыми, какъ за присвоеніе ихъ собственности; затѣмъ, привлеченный къ дѣлу Каракозова, но, очевидно, на столько мало виновный въ немъ, что, несмотря на тогдашнія строгости, содержится въ части и гуляетъ цѣлые дни на свободѣ; бѣглецъ за границу, живущій въ Пештѣ и издающій брошюры, будто бы извѣстныя всей Европѣ; затѣмъ, членъ коммуны, доблестный защитникъ Парижа и правдивый свидѣтель по настоящему дѣлу. Очевидно, тутъ являются такіе переходы и крайности, которые трудно совмѣстить: человѣкъ борется за самыя крайнія идеи, идущія въ разрѣзъ съ общественнымъ строемъ, для торжества этихъ идей жертвуетъ жизнью на баррикадахъ Парижа, даже раненъ при этомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ возможнымъ, подъ предлогомъ, что для него цѣль оправдываетъ средства, написать ложное письмо, чтобъ получить за это небольшія деньги, причемъ выраженіе: «цѣль оправдываетъ средства» онъ понимаетъ самымъ узкимъ образомъ. Это не та возвышенная общая, широкая цѣль, для которой, по извѣстному без-

нравственному правилу, всякое средство можетъ быть возможнымъ, а цѣль низкая, лично ему принадлежащая и не имѣющая ничего общаго съ благомъ другихъ. Цѣль, на которой написано «150 рублей»—такая цѣль оправдывала для Шевелева средство, могущее погубить человѣка. Очевидно, что этотъ «провинціальный секретарь», служившій по откупамъ въ Россіи и по коммунѣ во Франціи, не очень разборчивъ на средства и не очень далеко ходитъ, выбирая свои цѣли.

Что же онъ показывалъ? Онъ говорилъ, что былъ призванъ Ижболдинымъ и подъ диктовку Сысоева, или, лучше сказать, съ письма, написаннаго Сысоевымъ, переписалъ свое письмо, потому что былъ тогда въ безвыходномъ положеніи. Ему оставалось или повѣситься, или бѣжать, говоритъ онъ, и такимъ образомъ дѣлаетъ намекъ на то, что онъ былъ такимъ опаснымъ политическимъ преступникомъ, что ему не предстояло другаго исхода, какъ смерть отъ своей руки или отъ руки правосудія; но вы видѣли, гг. присяжные, что этотъ опасный преступникъ, во время ареста своего въ части, отпускался гулять на свободѣ, бывалъ въ трактирахъ и въ гостяхъ. Это ли опасный политическій преступникъ? это ли человѣкъ, которому для спасенія своей жизни не остается иныхъ средствъ, какъ написать ложное письмо? Затѣмъ, Шевелевъ объясняетъ, что письмо это написалъ на основаніи разсказовъ Сысоева. Но откуда же могъ Сысоевъ знать тѣ обстоятельства, на которыя указываетъ Шевелевъ? Откуда, наконецъ, Ижболдинъ могъ знать, что Шевелеву извѣстно что либо по дѣлу о завѣщаніи?... Изъ показаній доктора Краснопѣвкова, вызваннаго въ засѣданіе неожиданно, видно, что Шевелевъ дѣйствительно разсказывалъ кое-что объ этомъ дѣлѣ, о чемъ и было сообщено Ижболдину. Что же такое онъ разсказывалъ? Было ли письмо правдиво? Я полагаю, что нѣтъ; я не имѣю основаній думать, что оно было правдиво; я думаю, что это была ложь. Хотя въ немъ, быть можетъ, и были кое-какія указанія, но по источнику своему оно было ложь, сходная съ правдою, и явилось какъ средство къ тому, чтобы выманить нѣсколько рублей. Такое письмо должно и можетъ быть неминуемо отрицаемо самимъ авторомъ, особенно, если онъ станетъ имѣть въ виду ту же цѣль, какъ и при его написаніи. Я не хочу этимъ сказать, что Шевелевъ ждетъ себѣ какой-нибудь награды отъ противной стороны, но думаю, что Шевелевъ

въ 1866 году, видя и зная, что возникаетъ дѣло Ижболдина противъ Мясниковыхъ, не находясь болѣе у Мясниковыхъ, преслѣдуемый ими за присвоеніе себѣ облигацій, имъ принадлежавшихъ, находилъ для себя удобнымъ и возможнымъ, наговоривъ разныхъ вещей Ижболдину про Мясниковыхъ, согласиться изложить ихъ письменно по просьбѣ Ижболдина и получить за то деньги. Онъ смѣялся надъ простотою Ижболдина также, какъ будетъ смѣяться надъ нами, если мы примемъ на вѣру его показаніе, данное здѣсь. Теперь Шевелевъ уже не имѣетъ отношеній къ Мясниковымъ; преслѣдованіе противъ него прекратилось; жизнь его была такъ полна событій, что прошедшее изгладилось изъ памяти. И вотъ его вызываютъ на Судъ. Что же ему дѣлать? Подтвердить, признать самое письмо? Но, вопервыхъ, письмо это само по себѣ дѣло не красивое, а вовторыхъ, это значитъ съиграть роль простаго свидѣтеля—и больше ничего: это не будетъ имѣть никакой оригинальности, ничего достойнаго громкаго прошедшаго г. Шевелева. Притомъ, если Мясниковыхъ обвинятъ, то, вѣроятно, въ дѣлѣ и кромѣ его письма есть данныя; если же этихъ данныхъ нѣтъ, то на основаніи одного этого письма ихъ никогда не обвинятъ, а оправдаютъ. Поэтому, лучше отрицать письмо, и тогда, въ случаѣ оправданія, впослѣдствіи, когда онъ обратится къ нимъ, среди бурныхъ обстоятельствъ своей жизни, онъ можетъ сказать: «я показывалъ за васъ; я далъ показаніе, которое васъ оправдывало, не забудьте же меня». Вотъ на что могъ разсчитывать Шевелевъ. Главный же источникъ его настоящаго показанія тотъ, что Шевелевъ прежде всего желаетъ рисоваться: въ его движеніяхъ, голосѣ, манерахъ, въ походкѣ развѣ не звучитъ постоянно это желаніе? Не ясно ли, что это живое участіе къ коммунѣ, изданіе имъ брошюръ, извѣстныхъ всей Европѣ—не болѣе, какъ фраза, какъ желаніе драпироваться въ мантію политическаго преступника, что тутъ нѣтъ ничего вѣрнаго, что все это хвастовство и принятая на себя личина? Хорошъ въ самомъ дѣлѣ заговорщикъ, политическій дѣятель, котораго даже суровый и строгій графъ Муравьевъ считалъ возможнымъ содержать въ части и отпускать погулять одного по городу! Если мы отбросимъ эту мифическую сторону его разсказовъ, если взглянемъ поближе на этого общественнаго дѣятеля, то увидимъ, что, несмотря на замѣчательный умъ и сценическое достоинство, съ которымъ онъ разъигрываетъ свою роль здѣсь, на Су-

дѣ, среди этой р»ли, среди его сценически-краснваго разсказа изрѣдка прорываются ноты, присущія тому русскому типу, который такъ геніально очерченъ однимъ изъ величайшихъ русскихъ писателей, типу похитителя губернаторской дочки и «давненько не бравшаго въ руки шашекъ» человѣка. И если мы спокойно, и не увлекаясь солидно величавымъ видомъ и тономъ Шевелева, разберемъ его показаніе и откинемъ изъ него всѣ прикрасы, то останется только то, что онъ за деньги написалъ Ижболдину о томъ, что ему, по его словамъ, было извѣстно по дѣлу Мясниковыхъ, и написалъ, по его дальнѣйшимъ словамъ, неправду. Что же это за явленіе? Да явленіе, въ сущности, очень обыкновенное. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ частный обвинительный процессъ, такое явленіе должно встрѣчаться безпрерывно. Я думаю, что въ Англіи и въ Америкѣ большая часть свидѣтелей въ процессахъ, въ которыхъ не заинтересовано правительство, пріобрѣтаются сторонами такимъ именно образомъ. Это не значитъ, однако, чтобъ ихъ подкупили на лживыя показанія: покупается собственно ихъ трудъ, ихъ время, т. е. то время, которое проводится ими въ Судѣ; платится имъ за то, чтобъ они не отказались идти въ Судъ для дачи показаній о томъ, что они знаютъ полезнаго для той или другой стороны. То же самое и здѣсь.

Затѣмъ есть другой свидѣтель — Исаевъ. Его показаніе было прочитано и, быть можетъ, забыто уже вами. Но, въ интересахъ истины, считаю нужнымъ напомнить это показаніе. Къ нему обращался Германъ, просилъ написать письмо, и онъ написалъ. Письмо это, по его показанію, совершенно неправильно; онъ показываетъ, что лживо, по просьбѣ Германа, написалъ, будто къ нему пріѣзжалъ какой-то офицеръ и подговаривалъ показывать противъ Мясниковыхъ. По поводу этого показанія я замѣчу только одно: Исаевъ говоритъ, что зналъ Германа давно, что это былъ пьяный человѣкъ, ходилъ постоянно по кабакамъ и припутывалъ къ дѣлу Мясниковыхъ всѣхъ кабатчиковъ. Изъ дѣла видно, что Исаевъ былъ слѣдственнымъ приставомъ и только послѣ введенія судебной реформы былъ оставленъ за штатомъ. Такого рода слѣдственный приставъ есть судебный слѣдователь по прежнимъ порядкамъ; онъ долженъ знать законы. Что же это за слѣдователь, который пишетъ Герману такого рода письмо? Развѣ онъ не знаетъ, какой отвѣтственности подвергается онъ за это? И что это, нако-

нецъ, за отношенія между Германомъ и Исаевымъ, позволяющія придти къ нему пьяному человѣку, врущему всякій вздоръ кабатчикамъ, и предлагать написать ложный доносъ, для представленія по начальству? Я не думаю, чтобы Исаевъ могъ это сдѣлать такъ, какъ онъ это разсказываетъ. Остается предположить, что и онъ поступилъ также, какъ Шевелевъ.

Наконецъ, есть еще свидѣтель въ пользу обвиненія, въ показаніяхъ котораго звучитъ какъ будто какая-то неправда: это Китаевъ, старый слуга Бѣляева, подробно и обстоятельно говорившій здѣсь о своемъ господинѣ. Мы слышали, что здѣсь свидѣтель Петровъ показалъ совершенно неожиданно и крайне отрывочно, что онъ былъ какъ-то у Китаева, былъ тамъ Ижболдинъ. Петрова, по его словамъ, не уговаривали показывать на Мясниковыхъ; но онъ разсказывалъ Ремянниковой, что Китаевъ ему сказалъ: «вотъ одно слово—и тысяча рублей». Но онъ, Петровъ, по словамъ Китаева, не согласился «ломать души», и тогда Ижболдинъ полѣзъ было въ драку, но Петровъ ему отвѣчалъ: «Смотри, у меня самого кулаки здоровые!» Очевидно, этотъ разсказъ содержитъ въ себѣ воспоминаніе о разсказахъ пьяныхъ людей, въ которыхъ, конечно, среди всякой безсвязной болтовни, говорилось и о дѣлѣ Бѣляева, о которомъ тогда говорилось повсюду. Не скрою, однако, эти три свидѣтеля могли бросить нѣкоторую тѣнь на правдивость нѣкоторыхъ свидѣтельскихъ показаній. Для того, чтобы не стѣсняться этими соображеніями, я полагаю выкинуть изъ дѣла показанія почти всѣхъ свидѣтелей, взять только необходимыхъ, относительно которыхъ нѣтъ подозрѣній, а Шевелева, Китаева, Петрова, наконецъ Исаева и Краснопѣвкова можно оставить за штатомъ, также какъ былъ оставленъ за штатомъ самъ Исаевъ, можно оставить и цѣлую массу другихъ лицъ, въ томъ числѣ свидѣтелей, которые показывали о томъ, что Отто прекрасный человѣкъ, а Сицилинскій почти святой. Я ничего не имѣю возразить противъ этого и нахожу, что они оба были достойнѣйшіе и честнѣйшіе, главное—добрѣйшіе люди. Со стороны Отто, свидѣтели, такъ много хвалившіе его, могутъ находить только одинъ дурной поступокъ: подписавшись свидѣтелемъ на завѣщаніи Бѣляева, онъ тѣмъ самымъ вынудилъ ихъ оторваться отъ дѣла и просидѣть въ судѣ четыре дня, съ тѣмъ, чтобы они сказали, что онъ хорошій человѣкъ. Да кто же утверждалъ противное! Точно такъ же о Сицилинскомъ вѣрю,

что онъ человѣкъ святой, дожившій до глубокой старости, не совершивъ дурнаго поступка, чрезвычайно добрый, благодѣтельный, къ подчиненнымъ строгій, радѣвшій о благолѣпіи храма. И такъ, самая большая масса свидѣтелей устраняется Да и вообще въ нихъ нѣтъ особой нужды. Обыкновенно, во всякомъ родѣ преступленій самымъ лучшимъ средствомъ изслѣдованія служатъ живые свидѣтели; но это дѣло необычно во всемъ, необычно и въ этомъ отношеніи: въ немъ лучшимъ средствомъ изслѣдованія служатъ свидѣтели мертвые, бумажные: самое завѣщаніе, нѣкоторые документы, разнообразная экспертиза. Если изъ документовъ мы будемъ имѣть возможность вывести какія-либо данныя, что преступленіе совершилось и если нѣкоторые изъ свидѣтелей это скрѣпятъ своими словами, то, пожалуй, можно признать, что они говорятъ правду; не скрѣпятъ—**можно ихъ отбросить.**

Предметъ дѣла, о которомъ идетъ рѣчь—подлогъ завѣщанія. Безспорно первый вопросъ, возникающій при изслѣдованіи такого дѣла: подложно ли самое завѣщаніе? второй вопросъ—какимъ образомъ создалось подложное завѣщаніе? и третій—кто виновенъ въ этомъ преступленіи? Сообразно съ этими вопросами и раздробляю свое обвиненіе на три части.

Приступаю къ первой: подложно ли завѣщаніе? Когда приходится разрѣшать вопросъ о томъ, подложно ли завѣщаніе, то естественно должно обратиться къ личности завѣщателя. О Бѣляевѣ мы имѣемъ много разнообразныхъ свѣдѣній. Въ настоящее время мы знаемъ, что Бѣляевъ съ малолѣтства служилъ у старика Мясникова, богатаго откупщика; Бѣляевъ у него былъ спачала мальчикомъ, потомъ прикащикомъ, потомъ велъ его дѣла и наконецъ сдѣлался самъ капиталистомъ. Мы знаемъ изъ массы свидѣтельскихъ показаній и документовъ, находящихся въ дѣлѣ, которые конечно не будутъ оспорены, что въ 1849 г. Бѣляева выписалъ Мясниковъ изъ Яранска, и онъ сдѣлался ближайшимъ повѣреннымъ Мясникова, участвовалъ съ нимъ въ 1850 г. въ откупахъ, управлялъ его дѣлами. Онъ близкій къ нему человѣкъ не только фактически, но и по родству, такъ какъ женился на его родственницѣ. Правда, изъ показанія Бепардаки, можно было усмотрѣть, что Мясниковъ обращался съ покойнымъ Бѣляевымъ нѣсколько какъ будто пренебрежительно: «Кузьма сдѣлай то-то, Кузьма сходи туда!» говаривалъ онъ ему. Крестьянинъ Кунаковскій, жившій съ Карагановымъ

на заводѣ, сказалъ, что Карагановъ хвалился, что лысаго, беззубаго лакея Мясникова отдѣлалъ, отбилъ у него все состояніе своимъ господамъ, такъ что не оставилъ ему на извощика, на тотъ свѣтъ проѣхать. Вѣроятно, скажутъ намъ, было же основаніе, по которому Карагановъ считалъ возможнымъ называть его лакеемъ. Да, онъ дѣйствительно былъ слуга Мясникова, но какого рода слуга? Это былъ слуга того драгоцѣннаго типа, который существуетъ, или существовалъ, по крайней мѣрѣ, долго на Руси, но который начинаетъ исчезать: сначала мальчикъ, потомъ прикащикъ, потомъ участвовавшій въ дѣлахъ хозяина, сродившійся съ нимъ, потомъ входящій такъ въ его интересы, что трудно опредѣлить, гдѣ начинается одинъ и гдѣ кончается другой; близкій, довѣренный человѣкъ, опекунъ, пестунъ его дѣтей, оберегающій ихъ интересы, заботящійся о всякой мелочи для этихъ дѣтей, заѣдывающій ихъ дѣлами, называющій одного изъ нихъ Сашею, другаго Ваничкой, первый извѣстившій Ваню о смерти его дѣда и послѣдній закрывшій этому дѣду глаза—вотъ какого рода этотъ слуга. Есть ли это простой слуга? Да, слуга въ томъ смыслѣ, что вѣрою и правдою служитъ своему хозяину, но слуга—старый другъ и резонеръ, неподкупный и настойчивый, вѣрный вассалъ своего господина и съ вѣрноподданническою преданностію охраняющій интересы его потомковъ. Мы знаемъ, что подобныя личности, какъ Бѣляевъ, появлялись часто въ купеческомъ быту, къ чести этого быта. Въ то время, когда дѣти разбогатѣвшихъ трудомъ купцовъ лѣзли въ «господа», поступали въ военную или гражданскую службу, старались сдѣлаться дворянами—рядомъ съ ихъ отцами являлись люди, которые продолжали ихъ дѣло. Въ то время, когда дѣти, постепенно разоряясь, изъ богатыхъ купцовъ становились обѣднѣвшими, возникали состоянія лицъ, прежде служившихъ прикащиками ихъ отцамъ—лицъ, которыя остались вѣрны своему званію, тѣмъ интересамъ, которымъ служили съ малолѣтства и они, и ихъ хозяева. Такимъ именно лицомъ долженъ былъ быть Бѣляевъ. Въ 1855 г. умеръ П. Ѳ. Мясниковъ, оставивъ очень большое состояніе. Бѣляевъ остался полнымъ распорядителемъ его имѣнія, явился опекуномъ его дѣтей. Сколько у него самого въ то время было состоянія—мы не знаемъ; знаемъ, однако, что еще въ 1850 г. онъ участвовалъ въ трехъ откупахъ: пензенскомъ, бугурусланскомъ, верхнеуральскомъ и въ каждомъ имѣлъ по 10-ти паевъ.

*

Что эти откупа были большіе—видно изъ того, что въ нихъ участвовали такія громкія откупныя имена, какъ Воронинъ, Бенардаки, Кокоревъ и Каншинъ. Затѣмъ, въ 1851—1855 гг. Бѣляевъ былъ участникомъ по Харьковской губерніи и только въ 1855 г. передалъ свои 14 паевъ другому лицу, вслѣдствіе того, что между нимъ и другимъ изъ сооткупщиковъ, Семыкинымъ, возникли недоразумѣнія. Такимъ образомъ, смерть П. Ѳ. Мясникова застала его человѣкомъ, имѣвшимъ хорошія средства. Свидѣтель Тепловъ здѣсь признавалъ, что Бѣляевъ имѣлъ 400,000 р., хотя, по словамъ того же свидѣтеля, онъ и нё былъ большимъ капиталистомъ, сравнительно съ П. Ѳ. Мясниковымъ. Затѣмъ, Бѣляевъ постоянно расширялъ свои предпріятія и продолжалъ свои дѣла. Мы не имѣемъ возможности слѣдить за тѣмъ, какія были негласныя операціи Бѣляева по откупамъ. Полагаю, что, пытаясь сдѣлать это, мы станемъ на почву тѣмъ болѣе опасную, что мы не найдемъ на ней никакого прочнаго устоя. Защита, однако, становялась вчера на эту почву и говорила, что Бѣляевъ имѣлъ самую ничтожную часть въ откупахъ, такъ какъ негласно они почти цѣликомъ принадлежали Мясниковымъ. Нельзя, однако, принять этотъ выводъ, какъ окончательный. Здѣсь было заявлено, напр., что участіе Бѣляева въ откупахъ херсонскомъ и николаевскомъ составляло только $^1/_5$ двадцати пяти паевъ, которые хотя оффиціально принадлежали Бѣляеву, но въ сущности составляли собственность Мясниковыхъ. Это заявленіе основано на томъ, что въ записной книжкѣ Бѣляева находятся указанія на выдачу изъ этихъ откуповъ Мясниковымъ, а также въ разсчетахъ есть указанія, что онъ считалъ себя обязаннымъ отсчитываться по этимъ откупамъ передъ Мясниковыми. Не спорю, можетъ быть такъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ укажу на то, что по тѣмъ же отчетамъ онъ получалъ доходы съ золотыхъ пріисковъ, въ которыхъ оффиціально не участвовалъ, получалъ съ Земли Войска Донскаго, гдѣ откупъ держалъ Мясниковъ. Если допустить, что Мясниковы участвовали не оффиціально въ его откупахъ, то онъ точно также участвовалъ неоффиціально въ ихъ откупныхъ дѣлахъ. Въ какой мѣрѣ участіе это существовало съ обѣихъ сторонъ—трудно опредѣлить, потому намъ остается обратиться къ оффиціальнымъ даннымъ о состояніи Бѣляева, такъ какъ эти данныя не могутъ быть уже опровергаемы никакими ссылками на частныя цифры, почерпнутыя изъ дневниковъ и какихъ нибудь клочковъ

бумаги. Изъ отношенія оберъ-прокурора 1-го Департамента Сената видно, что Бѣляевъ при наступленіи 1858 г. является откупщикомъ полнымъ по Олонецкой губерніи, причемъ въ самой малой части участвуетъ Красильниковъ. Затѣмъ, онъ имѣетъ откупъ въ Сольвычегодскѣ и Устюгѣ и наконецъ въ 1858 году имъ взята на откупъ Ставропольская губернія. Съ первыхъ четырехъ откуповъ онъ долженъ былъ получать, какъ вчера мною вычислено, до 100,000 руб. годоваго дохода. Я вывелъ эту цифру изъ того, что откупъ въ Устюгѣ, одинъ изъ маленькихъ, переданъ имъ купцу Топчіеву въ 1858 г. за 4 мѣсяца до конца откупа въ 1859 г., т. е. съ 1-го сентября 1858 г. по январь 1859 г., причемъ Топчіевъ, принявъ всѣ расходы по платежу акциза на себя, заплатилъ Бѣляеву 20,000 руб.; слѣдовательно, эти 20,000 составляли доходъ за 4 мѣсяца и самый откупъ приносилъ по меньшей мѣрѣ 50,000 руб. Не думаю, чтобы соображеніе о томъ, что въ послѣдніе мѣсяцы года каждый откупщикъ увеличивалъ плату за вино, имѣло вліяніе на измѣненіе этой цифры. Затѣмъ, онъ участвовалъ оффиціально въ 25-ти паяхъ въ херсонско-николаевскомъ откупѣ. Залогу имъ было внесено 112,500 руб., и намъ извѣстно изъ отчетовъ по этому откупу, что за первую половину 1857 г. онъ получилъ прибыли 19,550 руб., слѣдовательно, въ годъ онъ долженъ былъ получить около 40,000 руб. дохода. Намъ говорятъ, что Бѣляевъ былъ только номинальный откупщикъ и участвовалъ только въ пяти паяхъ, остальные же 20 паевъ негласно принадлежали Мясниковымъ. Пусть такъ; но изъ отчета Бѣляева Мясниковымъ съ 1-го сентября 1857 г. по 14-е мая 1858 г. показано поступившихъ въ пользу Бѣляева съ Мясниковыми съ откуповъ въ Войскѣ Донскомъ 38 тыс. руб. сер. Этимъ негласнымъ участіемъ въ мясниковскихъ откупахъ онъ, конечно, отчасти уравновѣшивалъ ихъ участіе въ своихъ откупахъ. Поэтому, допустимъ по Херсону цифру дохода для Бѣляева въ 40 тыс.— она будетъ во всякомъ случаѣ меньше дохода въ 8 тыс. съ прибавленіемъ къ нему донской прибыли. Затѣмъ, слѣдуетъ олонецкій откупъ съ залогомъ въ 54 тыс. и оборотнымъ капиталомъ въ 70 т. Этотъ откупъ цѣликомъ принадлежалъ Бѣляеву, такъ какъ негласное участіе Красильникова было самое незначительное. Что же могъ приносить такой откупъ цѣлой области? Конечно, при самомъ неблагопріятномъ разсчетѣ, не менѣе 50 тысячъ руб. сер. Нако-

нецъ, былъ полный откупъ въ Сольвычегодскѣ съ залогомъ въ 2,400 и съ платежемъ 31 тыс. руб. акцизнаго взноса. Кромѣ того, 1858 годъ застаетъ Бѣляева въ разгарѣ дѣятельности по разнымъ другимъ предпріятіямъ. Такъ, онъ хотѣлъ пріобрѣсти заводъ Берда съ Гутуевскимъ островомъ за 2,300,000 р. въ компаніи съ Жадимировскимъ и Клеменцомъ. Мы читали здѣсь объ этомъ собственноручный проектъ Бѣляева. Тамъ есть 14-й пунктъ, по которому онъ намѣревается участвовать въ этой покупкѣ въ $^2/_3$, а всѣ остальные участники въ $^1/_3$ долѣ; кромѣ того, онъ обязывается немедленно внести задатку 500 тыс. руб. сер. и остальныя 1,800,000 въ теченіе года. Признаюсь, что дѣйствительно эта сумма, даже при большихъ оборотахъ Бѣляева, нѣсколько велика и не могу допустить мысли, чтобы онъ сразу, по одному предпріятію, могъ внести 340 тыс. задатка; я готовъ допустить, что въ этомъ предпріятіи участвовали негласно, конфиденціально, отчасти и Мясниковы, ставшіе за именемъ Бѣляева. Во всякомъ случаѣ живое и непосредственное участіе Бѣляева въ этомъ предпріятіи не подлежитъ сомнѣнію. Онъ же, Бѣляевъ, является и однимъ изъ учредителей Общества Столичнаго Освѣщенія; онъ желалъ, какъ видно изъ показанія Молво, взять много акцій на себя, хотѣлъ внести задатку около 400 тыс. р. с. сразу, и по этому предпріятію выдалъ Молво впередъ 5 тыс. Наконецъ, въ 1858 г. онъ вступаетъ еще въ два предпріятія: одно — ставропольскій откупъ, по которому вноситъ 106 тыс. руб. залога, изъ него возвращаетъ часть Краспльникова и дополняетъ новыми залогами, такъ что остается залога 71,000 руб., въ числѣ которыхъ 51,000 билетами Коммерческаго Банка. Это былъ громадный откупъ на 2,205,000 руб. акцизной платы. Затѣмъ, прочитаннымъ вчера доношеніемъ Бѣляева въ Сенатъ, онъ отказался отъ откупа въ Ставропольской губерніи, передавая его Мясникову и Бенардаки и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ выдать другіе залоги, имъ представленные, по принадлежности, а свой собственный залогъ 71,000 р., оставлялъ безъ истребованія. Онъ не просплъ перечислить ихъ за себя и слѣдовательно, предоставилъ ими пользоваться по ставропольскому откупу Мясниковымъ. Затѣмъ, въ апрѣлѣ 1858 года, онъ заключилъ съ казною договоръ о взятіи на арендное содержаніе Самосдѣльско-Образцовскихъ рыбныхъ промысловъ въ Каспійскомъ морѣ, въ Астраханской губерніи. Этотъ договоръ содержитъ въ себѣ слѣдующія

указанія на состояніе Бѣляева: Образцово-Самосдѣльскія рыбныя ловли были отдаваемы казною съ торговъ, причемъ сумма, предложенная однимъ изъ послѣднихъ торговавшихся, Коняевымъ, составляла 71,500 р. въ годъ арендной платы. На торгахъ участвовали лица съ громкими именами: Пенюковъ, Воронинъ, Бенардаки и нѣкоторыя другія. На этихъ торгахъ верхъ одержалъ Бѣляевъ; онъ предложилъ 72,000 р. годовой арендной платы и рыбныя ловли остались за нимъ. Говорить, согласно съ защитою, что онѣ потомъ принесли убытокъ, я не могу, не имѣя въ дѣлѣ на это прямыхъ указаній, но готовъ согласиться, что убытки могли быть, такъ какъ въ нѣкоторыхъ отчетахъ за первое время значится, что площадь водъ, отведенныхъ подъ ловли, оказалась менѣе, чѣмъ предполагалось при торгахъ. Изъ этого возникла цѣлая переписка Коммисіи рыбныхъ ловель. Коммисія и впослѣдствіи Сенатъ признали, что количество воды, отведенной подъ рыбную ловлю, не было менѣе того, которое слѣдовало отвести. Положимъ, что ловли могли приносить первое время убытокъ; во всякомъ случаѣ достаточно, что Бѣляевъ долженъ былъ внести залогъ, и внесъ принадлежащій ему капиталъ въ 24,000 р.; кромѣ залоговъ онъ долженъ былъ раздать отступнаго 124,000 р., между прочимъ одному Бенардаки, какъ видно изъ записной книги Бѣляева, 80,000 р. Затѣмъ, принявъ ловли во владѣніе, онъ, очевидно, хотѣлъ, чтобы онѣ были въ общемъ владѣніи съ Мясниковыми, ибо имъ было подано объявленіе въ Коммисію рыбныхъ ловель, что онъ принимаетъ обоихъ Мясниковыхъ на равныхъ правахъ для участія въ содержаніи ловель. Въ дневникѣ есть указаніе, что онъ внесъ въ складочный капиталъ въ 50,000—16,666 руб. на свою долю. Это указываетъ, что онъ дѣйствительно хотѣлъ участвовать только въ $^1/_3$ части, но только хотѣлъ, оффиціально же ничего по этому сдѣлано не было, такъ какъ въ донесеніи въ Коммисію рыбныхъ ловель Бѣляевъ объясняетъ, что договоръ о принятіи имъ для участія въ этомъ дѣлѣ Мясниковыхъ будетъ имъ представленъ вслѣдъ за симъ. Договоръ былъ необходимъ; безъ него никакая сдѣлка не могла считаться существующею. На это указываетъ § 27 кондицій на аренду ловель, кондицій, заключенныхъ между казною и Бѣляевымъ. Въ этомъ § значится, что Бѣляеву дозволяется принимать участниковъ въ содержаніи ловель, но съ тѣмъ, чтобы договоръ объ участіи былъ

представленъ Коммисіи. Такого договора между Бѣляевымъ и Мясниковыми не было, однако, заключено, и на него нѣтъ никакихъ указаній. Бѣляевъ умеръ, не успѣвъ оставить договора. Эти ловли, по словамъ защиты, могли быть убыточны, но мы знаемъ, что Мясниковы въ 1861 г. пріобрѣли отъ Трощинскаго имѣнія, въ Кагарлыкѣ, Кіевской губерніи, за 1,300,000 руб., заплативъ въ число этой суммы ловлями, которыя они цѣнили въ 889 тыс. На это есть указаніе въ дѣлѣ о ловляхъ. Когда эта купля состоялась, Трощинскій продалъ ловли Бутовичу, который нашелъ, что ловли принимать неудобно, такъ какъ оказалось, что Мясниковы не заплатили, не имѣя, можетъ быть, въ это время достаточно наличныхъ средствъ, арендную плату за двѣ послѣднія трети 1860 г. Эти двѣ трети составляли 48 тыс. руб. Этотъ невзносъ арендной платы послужилъ поводомъ къ тому, что Коммисія рыбныхъ ловель сочла условіе, заключенное казною съ Бѣляевымъ и Мясниковыми нарушеннымъ, такъ какъ въ немъ значится, что арендная плата должна быть вносима за ⅓ года впередъ. Коммисія вошла съ представленіемъ о наложеніи запрещенія на имѣніе Мясниковыхъ, въ обезпеченіе правильности поступленія доходовъ казны въ теченіе слѣдующаго десятилѣтія. Это представленіе было уважено и на все имѣніе Мясниковыхъ было наложено запрещеніе въ размѣрѣ 604 тыс. Такъ цѣнила казна въ то время рыбныя ловли, или тѣ доходы, которые слѣдовало получать отъ нихъ Мясниковымъ; но если таковы должны быть доходы рыбныхъ ловель и если онѣ передаются впослѣдствіи за болѣе высокую сумму, то мы не имѣемъ основанія предполагать, чтобы совокупность этихъ доходовъ превышала стоимость. Затѣмъ, мы знаемъ, что когда Бутовичъ отказался принять рыбныя ловли по довѣренности Трощинскаго, то возникло дѣло между Бутовичемъ и Трощинскимъ. Дѣло окончилось миромъ и рыбныя ловли были переданы Бутовичемъ за 1,300,000 рублей, слѣдовательно, онѣ во всякомъ случаѣ стоили не менѣе 800 или 600 тысячъ, но если даже допустить 600,000, то мы увидимъ, что барыши были взяты громадные. Вотъ тѣ предпріятія, которыми Бѣляевъ намѣренъ былъ заняться въ теченіе конца 1858 и 1859 г.; но 1858 годъ засталъ его, кромѣ того, въ слѣдующихъ коммерческихъ оборотахъ и дѣлахъ: у него была лѣсная торговля; сколько приносила она, мы не знаемъ, но знаемъ, что по день смерти Бѣляева по этой лѣсной торговлѣ

заготовлено было 290,000 деревъ; затѣмъ, мы знаемъ, что по разсчету, сдѣланному Караганомъ для Мясникова, эта торговля дала Бѣляеву въ 1858 г. 5,000 дохода. Затѣмъ, былъ магазинъ. Неизвѣстно, сколько онъ приносилъ дохода, но цѣнность его можетъ быть опредѣлена. Въ день смерти Бѣляева онъ стоилъ 32,000 руб.; въ мартѣ мѣсяцѣ 1859 г., когда онъ перешелъ во владѣніе Мясниковыхъ, цѣнность его простиралась до 25,200 руб. и мебели на 5,000 р., т. е. всего на 30,000. Наконецъ, Бѣляевъ имѣлъ золотопромывательную машину. Какого рода участіе Бѣляева было въ этомъ предпріятіи, я затрудняюсь опредѣлить; я могу только сказать, что онъ заплатилъ за устройство ея, за право участія въ пользованіи ею, 8,000 руб. Наконецъ, Бѣляевъ управлялъ заводами своей жены и всѣ доходы поступали къ нему. Заводовъ было два: Чураковскій и Комаровскій и мельница, при которой находился принадлежавшій Караганову кожевенный заводъ. Относительно Чураковскаго завода мы знаемъ, что доходъ съ него въ теченіе года, въ 1857—1858 годъ, былъ 21,900 р., затѣмъ, самый капиталъ завода съ залогомъ составлялъ 102,500 рублей. Что касается до Комаровскаго завода, то онъ давалъ въ теченіи года 42,500 руб., а имущество этого завода состояло изъ 61,900 руб. и залога въ 41,000 р., т. е. слишкомъ 102,000. Слѣдовательно, оба завода стоили 204,000 р. Если даже предположить, что они стоили 200,000, то вотъ имущество, находившееся въ рукахъ Бѣляева, которымъ онъ завѣдывалъ безотчетно и изъ котораго извлекалъ 60,000 дохода.

Сводя все сказанное вмѣстѣ, дѣлая самыя выгодныя предположенія и разсчеты, приходимъ къ тому выводу, что Бѣляевъ все-таки имѣлъ, по крайней мѣрѣ, отъ 200 до 150,000 годоваго дохода. Если допустить ограниченіе въ откупахъ, на которые защита указывала; если допустить, что участіе Бѣляева было ничтожно въ нѣкоторыхъ откупахъ и очень незначительно въ золотыхъ пріискахъ, то и тогда окажется, что доходы его не могутъ быть менѣе 150,000 въ годъ. При такомъ доходѣ можно опредѣлить приблизительно дѣйствительный капиталъ Бѣляева. Я не стану указывать точной цифры капитала, да и не могу въ настоящее время съ точностію опредѣлить его; я не стану доказывать, подобно гражданскимъ истцамъ, что тутъ были милліоны, равнымъ образомъ не стану и утверждать, что состоянія никакого

не было, ибо 20,000, приводимыя защитою, не составляютъ состоянія. Состояніе Бѣляева было, конечно, весьма круглое, скопленное большимъ трудомъ, возраставшее весьма медленно, при посредствѣ удачнаго помѣщенія его въ разныя предпріятія. Оно простиралось до 600,000 или 700,000 и приносило доходу до 150,000. Заключеніе это вывожу я изъ слѣдующихъ фактовъ: сама Бѣляева говоритъ, что у мужа ея было 700,000 капитала; затѣмъ, изъ разсчета, сдѣланнаго имуществу Бѣляева имъ самимъ, на клочкѣ бумаги, къ 16-му сентября 1857 г., выходитъ, что оно простиралось до 400,000, въ томъ числѣ наличныхъ денегъ 120,000, но при этомъ не упомянутъ капиталъ, который находился въ залогахъ по откупамъ, и составлялъ по ставропольскому откупу 50,000 и до 40,000 по откупамъ олонецкому и вологодскому. Затѣмъ, при перечисленіи капитала къ нему не причисляется тотъ, который вложенъ былъ на нѣкоторыя негласныя предпріятія, напримѣръ, паи въ откупѣ Войска Донскаго, въ золотыхъ пріискахъ, между тѣмъ, какъ съ того и другаго предпріятія получались извѣстные доходы. Это видно изъ отчета 14-го мая 1859 г., гдѣ значится 36,000 за Войско Донское и около 30,000 за золотые пріиски, слѣдующіе на долю Бѣляева за время съ 1-го сентября. И такъ, я полагаю, что можно взять среднюю цифру между 400,000 и 700,000 и опредѣлить капиталъ Бѣляева отъ 550,000 до 600,000 руб. Да, впрочемъ, точный размѣръ суммы капитала для насъ и не важенъ. Вопросъ объ этомъ подлежитъ суду, который опредѣлилъ, сколько именно приходилось на долю Бѣляева, сколько было у него документальныхъ капиталовъ и что должны были получить его наслѣдники. Намъ важно знать только, что у Бѣляева былъ довольно большой капиталъ по настоящему времени, когда уже болѣе нѣтъ тѣхъ громадныхъ, баснословныхъ капиталовъ, которые скоплялись прежде въ однихъ рукахъ, благодаря откупамъ. Такого рода капиталъ, какъ 600,000 р., приносящій, при выгодномъ помѣщеніи его, процентовъ на 150,000 руб., возьмемъ даже на 120,000 и даже 100,000 р., не могъ считаться маленькимъ, а такимъ капиталомъ Бѣляевъ положительно владѣлъ.

Чтобы уже не возвращаться болѣе къ вопросу о средствахъ Бѣляева, я коснусь теперь же и той стороны вопроса, которая собственно не относится къ предмету настоящей моей рѣчи, а къ

тому мѣсту ея, гдѣ буду говорить о сохранной росписке. Въ подтвержденіе состоянія Бѣляева, мы имѣемъ два рода документовъ: одни оффиціальные, представленные оберъ-прокуроромъ Сената, другіе не имѣющіе юридическаго характера, не имѣющіе истиннаго характера документовъ вообще. Документы втораго рода состоятъ въ дневникѣ Бѣляева, исходящей книгѣ, гдѣ разными чернилами, а иногда карандашомъ записаны разные расходы: выдача отступныхъ денегъ, покупка формы и обмундировка А. Мясникова, выдача жалованья и т. д., нѣкоторые расходы по воспоминаніямъ Бѣляева, какъ напр.: «выдано тому-то въ Москвѣ 3 руб., давно уже». Очевидно, эта записная книжка не имѣетъ никакого документальнаго характера, потому и говорить о ней можно весьма разнообразно и, главное, весьма неопредѣленно. Наиболѣе яснымъ характеромъ между этими документами отличаются: сводъ капиталовъ и доходовъ, писанный рукою Бѣляева. По этому разсчету Бѣляевъ по дѣламъ Мясниковыхъ получилъ къ 1 му сентября 1857 г. дохода 2,273,775 руб. Изъ этой суммы было израсходовано 622,098 р., отдано Мясниковымъ 601,931 руб., въ дѣлахъ осталось 786,122 р., а за Бѣляевымъ осталось 263,631 р. Далѣе, его же рукою написанъ краткій отчетъ съ 1 го сентября по 14-е мая 1858 г., принятый Мясниковыми, въ которомъ значится, что ему слѣдовало уплатить Мясниковымъ къ 1-му сентябрю 150,000 руб., къ этому поступило 105,000 руб., итого къ 14-му мая 255,000 руб. ему слѣдовало уплатить. Затѣмъ, идетъ расходъ суммъ «со счета моего», причемъ выведено слѣдующее: слѣдуетъ списать 278,000 руб., такъ что за Мясниковыми осталось 22,000 руб.; что внизу и написано рукою Бѣляева. Если сравнить первый и второй отчеты, то между ними окажется непримиримая разница и пробѣлъ, который не знаю можетъ ли быть объясненъ надлежащимъ образомъ въ настоящемъ засѣданіи. Пробѣлъ этотъ заключается въ томъ, что въ концѣ перваго отчета сказано, что къ 1-му сентября Бѣляевъ долженъ заплатить 263,000 р., а въ началѣ втораго значится, что за нимъ 150,000 руб. Очевидно, что тутъ вычтены изъ 263,000 руб. расходы, которые намъ неизвѣстны Но я допускаю, что здѣсь произошла ошибка, и буду брать первый большой отчетъ Бѣляева, гдѣ значится за нимъ 263,631 р., затѣмъ поступило къ нему въ періодъ времени отъ 1-го сентября по 14-е мая 105,808 р., итого

369,439 руб., которые онъ долженъ былъ заплатить. Истрачено изъ нихъ 278,061 р., итого, слѣдовательно, за Бѣляевымъ къ 14-му мая остается 91,378. Вотъ выводъ изъ перваго разсчета и на немъ мы и остановимся. Въ такомъ положеніи были долговыя дѣла Бѣляева къ 14-му мая; но затѣмъ, въ концѣ разсчетной книги написано, что расходы и капиталы по рыбнымъ ловлямъ уравнены общимъ вкладомъ поровну. Передъ этимъ указано на то, что 7-го и 8-го числа выдано 124,000 отступныхъ. Отчетъ, только что мною читанный, доведенъ до 14-го мая, слѣдовательно, въ немъ должно было быть упомянуто, что деньги эти возвращены Бѣляеву Мясниковыми; но таковой суммы въ отчетѣ нѣтъ. Если они участвовали въ дѣлѣ на равныхъ правахъ, то расходъ по отступному въ 84,000, причитавшійся на долю Мясниковыхъ и не внесенный въ отчетъ, долженъ быть внесенъ со счета Бѣляева къ 14-му мая. Итакъ, къ 14-му мая Бѣляевъ долженъ былъ Мясниковымъ 91,000, за исключеніемъ 84,000. Кромѣ того, онъ передалъ имъ ставропольскій откупъ, оставивъ тамъ залогъ въ 50,000, да залогу имъ внесено по рыбнымъ ловлямъ 24,000. Изъ всѣхъ этихъ разсчетовъ выходитъ, что Мясниковы были должны Бѣляеву 84,000, и если даже не принимать въ разсчетъ залоговъ, то они имѣли съ Бѣляева только 77,000 рублей долгу.

Вотъ, гг. присяжные, тѣ выводы, которые, кажется мнѣ, было возможно сдѣлать изъ тѣхъ многочисленныхъ и сложныхъ документовъ, которые мы предъявляли вамъ вчера. Обращаюсь къ личности Бѣляева. Свидѣтели объяснили намъ, да и въ дѣлѣ есть указанія на то, что за человѣкъ былъ Бѣляевъ. Мы знаемъ, что это былъ, во 1-хъ, человѣкъ въ высшей степени аккуратный, который самъ, будучи человѣкомъ богатымъ и имѣя конторщика, велъ исходящія книги, писалъ почти всѣ бумаги собственноручно, даже объявленія въ кварталъ. Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ вы найдете цѣлую пачку писемъ, объявленій, донесеній, писанныхъ собственною его рукою. Занимался онъ, какъ вы слышали отъ Китаева, цѣлые дни, оставляя занятія только для обѣда, затѣмъ, отдыхалъ часъ и снова принимался за дѣло. Это былъ человѣкъ, трудомъ составившій себѣ состояніе и видѣвшій въ этомъ трудѣ задачу своей жизни. Затѣмъ, мы знаемъ, что это былъ человѣкъ добрый, богомольный, дѣлавшій вклады въ монастыри и

на церкви, на что указываетъ, между прочимъ, записанный въ дневникъ расходъ на Евангеліе въ 1,000 р., купленное пополамъ съ Мясниковыми. Привычку писать самому всѣ бумаги свои онъ распространялъ до того, что, подписывая бумаги, писанныя не имъ самимъ, всегда подписывалъ своимъ полнымъ титуломъ, и хотя есть въ дѣлѣ нѣсколько документовъ, на которые будетъ ссылаться защита, гдѣ онъ подписывался просто «К. Бѣляевъ», но это такіе документы, гдѣ въ началѣ титулъ его уже обозначенъ. Редакція подобныхъ документовъ такого рода: «въ такую-то опеку фридрихсгамскаго первостатейнаго купца Козьмы Бѣляева и т. д.» Каждый такой документъ написанъ собственноручно; понятно, что два раза обозначать свое званіе ему было не для чего; но въ документахъ, написанныхъ не въ такой формѣ, или не его рукою, вездѣ находится его полная подпись. Наконецъ, по отношенію къ семейнымъ дѣламъ, мы знаемъ, что Бѣляевъ очень любилъ свою жену, между ними существовала самая нѣжная привязанность, какъ мы видѣли изъ письма его на дачу, предъ смертью, исполненнаго самыхъ нѣжныхъ выраженій; онъ постоянно говорилъ, что желалъ обезпечить жену и неоднократно говорилъ, что онъ это сдѣлаетъ. Сдѣлалъ ли онъ это въ дѣйствительности—мы увидимъ далѣе. Что этого не было сдѣлано до весны 1858 г.—это намъ несомнѣнно ясно доказала выставленная обвиняемымъ свидѣтельница Иванова: она разсказала, что Бѣляевъ при ней говорилъ, что вотъ умерла жена Громова и не оставила духовнаго завѣщанія, что онъ, Бѣляевъ, такъ не поступитъ, что у него и жены его сдѣлано такъ, что онъ оставитъ завѣщаніе на ея имя, а она, жена его, оставитъ завѣщаніе на его имя. Когда это говорилось? Послѣ смерти Громовой. Когда умерла Громова? Громова умерла, говоритъ свидѣтельница, когда я была въ дѣвушкахъ, а это было въ 1857 году? Да.—А завѣщаніе, о которомъ идетъ рѣчь написано 10-го мая 1858 г. Вотъ такой-то человѣкъ аккуратный, имѣющій весьма большія дѣла и обороты, участвующій во многихъ предпріятіяхъ, тѣсно связанный узами родства и воспоминаніемъ о службѣ у своего прежняго благодѣтеля съ Мясниковыми, наконецъ, привыкшій къ нимъ, этотъ человѣкъ сталъ чувствовать себя дурно въ 1858 г. Онъ не оставилъ Мясниковыхъ до самой смерти, довелъ до конца привязанность, созданную годами, хотя послѣднее время она омрачилась нѣкотораго рода неудовольствіями, какъ

видно изъ письма Ив. Мясникова, гдѣ онъ говоритъ, что согласенъ съ разсчетомъ, сдѣланнымъ Бѣляевымъ, по которому приходилось на каждаго брата по 2,000 руб.; но, вѣроятно, разсчеты окончились ничѣмъ, такъ что не повліяли на отношенія Мясниковыхъ къ Бѣляеву: они у него постоянно бывали, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Китаевъ. Вотъ эта-то стародавная привязанность была причиною того, что дѣла Мясниковыхъ и Бѣляева были такъ неразрывно, тѣсно связаны, что распутать ихъ было весьма трудно; поэтому, весьма естественно было со стороны Бѣляева желать не оставить жену свою безъ завѣщанія. Его не обижали, имъ дорожили, его уважали; но со вдовой имъ придется разсчитываться, и, казалось бы, завѣщаніе составить необходимо. Дѣйствительно, оно составлено, вы его видѣли, вы читали его здѣсь, оно подписано просто «К. Бѣляевъ». Весьма почтенные люди засвидѣтельствовали его и, слѣдовательно, весь вопросъ исчерпывается и мы собрались напрасно. Но, однако, тутъ являются различныя сомнѣнія. Завѣщаніе правильно въ смыслѣ права гражданскаго, но уголовное право идетъ гораздо далѣе: оно разсматриваетъ документъ не только съ его формальной стороны, не только по существу, но оно разсматриваетъ всю обстановку, при которой документъ произошелъ, оно изслѣдуетъ тѣ обстоятельства, которыя способствовали его происхожденію, однимъ словомъ, уголовное правосудіе обращаетъ вниманіе на обстоятельства рожденія документа и иногда можетъ придти къ тому заключенію, что документъ, совершенно правильный въ гражданскомъ смыслѣ, есть документъ незаконнорожденный. Относительно этого происхожденія документа я намѣренъ представить вамъ мои соображенія.

Перехожу къ разсмотрѣнію самаго духовнаго завѣщанія. Конечно, тутъ возникаютъ прежде всего слѣдующіе главные вопросы: во первыхъ, какъ и когда оно открыто; во вторыхъ, каково его содержаніе; кѣмъ оно подписано и при какой обстановкѣ, и каковы тѣ обстоятельства, которыя сопровождали открытіе документа?

Я сказалъ, что при разборѣ завѣщанія прежде всего возникаетъ вопросъ о томъ, когда и какъ оно найдено. Мы знаемъ отчасти обстоятельства его нахожденія; намъ ихъ разсказала г-жа Бѣляева. Я не стану повторять подробностей ея допроса, тѣмъ болѣе, что онъ тянулся очень долго, и вы, вѣроятно, вполнѣ удержали его въ памяти, равно какъ и то, что на вопросы мои г-жа

Бѣляева отвѣчала съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, на вопросы же тѣхъ лицъ, которыхъ она считала особенно вредными для себя, т. е. на вопросы повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ, она отвѣчала крайне лаконически, «да» и «нѣтъ», съ очевиднымъ раздраженіемъ. Въ виду этого отсутствія хладнокровія, въ виду того, что она отзывалась запамятованіемъ очень многихъ существенныхъ обстоятельствъ, не помнила, напримѣръ, когда ей была вручена сохранная росписка, забыла, что П. Мясниковъ уѣхалъ 24-го мая на Кавказъ, и говорила, что онъ бывалъ у ея мужа въ это время каждодневно, и въ то же время помнила такія мелочи, какъ-то, что запонки и золотыя вещи ея мужа остались въ цѣлости — въ виду этого страннаго свойства ея памяти, удерживающей мелочи и забывающей крупные факты, я считаю возможнымъ обратиться къ тѣмъ показаніямъ, которыя были здѣсь прочтены. Этихъ показаній ею было дано четыре: два при предварительномъ слѣдствіи въ 1868 году и два въ 1870 г. Въ 1868 году она была свидѣтельницею, въ 1870—обвиняемою. Она заявила здѣсь, какъ она была напугана привлеченіемъ ея къ дѣлу въ качествѣ обвиняемой. Я совершенно вѣрю ей и потому не хочу ссылаться на это ея показаніе; но когда она была свидѣтельницею въ дѣлѣ, она не могла быть испуганною, и на это-то показаніе я хочу ссылаться. Между прочимъ, я считаю нужнымъ сказать, что причину, побудившую ее къ разнымъ, по ея словамъ, неправильнымъ показаніямъ у слѣдователя, я не могу себѣ уяснить хорошенько. Она показала здѣсь, что ее ужасно волновало, безпокоило то, что цѣлый день съ парадная крыльца звонили, безпокоили ее, а когда она спрашивала, кто приходилъ, то получала отъ прислуги отвѣтъ, что какіе-то полицейскіе или сыскные чиновники приходили узнать, что дѣлается въ домѣ. Мнѣ кажется, что это одно изъ обстоятельствъ, о которомъ г-жа Бѣляева не все помнитъ; тутъ было что нибудь другое, потому что, хотя сыскная полиція дѣйствовала въ этомъ дѣлѣ—я этого не отрицаю, это было необходимо — но она дѣйствовала очень искусно, и я не думаю, чтобы агенты петербургской сыскной полиціи, первой въ Россіи, на столько уже не знали своихъ обязанностей, чтобы приходили днемъ звонить съ парадная крыльца и спрашивать, что дѣлается въ домѣ. Но каковы бы ни были причины ея волненія, я буду основываться на показаніи ея, даннымъ въ качествѣ свидѣтельницы, такъ какъ то-

гда еще волненія не существовало, да и память была свѣжѣе. Изъ этого показанія можно вывести слѣдующее: незадолго до смерти мужъ ея призываетъ ее къ себѣ въ кабинетъ и вручаетъ ей сложенную бумагу, сказавъ: «возьми, спрячь!» Удрученная горемъ, она ушла къ себѣ въ комнату; тамъ, развернувъ бумагу, увидѣла, что это было завѣщаніе и положила въ столъ. Сначала она не помнила куда положила, но потомъ, на сороковой день, вспомнила, что бумага у нея въ столѣ и ее оттуда вынула. Какая же это была бумага? спрашиваемъ мы.—Духовное завѣщаніе.—Почему?—Да потому, что я его читала.—Въ чемъ оно состояло?—Когда я раскрыла, я пробѣжала начало и конецъ.—Что же тамъ написано?—Отказано все въ мою пользу. Въ завѣщаніи же, которое вамъ предъявлялось, гг. присяжные, вы вѣроятно замѣтили, что отказъ находится по срединѣ, а не въ началѣ и не въ концѣ. Что же вы смотрѣли? говорю я.—Да, подписи смотрѣла.—Вслѣдствіе чего?—Любопытно было посмотрѣть.—Ну, а въ завѣщаніи не было ли еще какихъ нибудь выдачъ?—Я не помню, я только пробѣжала его и изъ общаго смысла поняла, что все оставлено.—Что же затѣмъ: говорилъ ли вамъ покойный о завѣщаніи, не говорили ли вы кому нибудь?—Нѣтъ.—Когда вы вспомнили о завѣщаніи?—На 40-й день.—Вотъ это-то обстоятельство, т. е. передачу завѣщанія, мы и разберемъ сначала. Мы знаемъ, что лѣтомъ 1858 года Бѣляевъ жилъ въ Петербургѣ; у него были торги въ Сенатѣ, куда онъ ѣздилъ въ началѣ августа; кромѣ того онъ страдалъ, ему было тяжело ѣздить въ Ораніенбаумъ, гдѣ жила на дачѣ его жена, и вотъ онъ призываетъ ее и вручаетъ бумагу, по ея словамъ, духовное завѣщаніе, и говоритъ: «возьми и спрячь». Спрашивается, для чего онъ это дѣлаетъ? Развѣ онъ находилъ, что хранясь у него эта духовная не будетъ въ такой сохранности? Предположимъ, что онъ это находилъ; въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же онъ не сказалъ, что это духовное завѣщаніе? Вѣдь это была женщина убитая горемъ до того, что забыла про существованіе завѣщанія, и Бѣляевъ, конечно, видя жену свою въ такомъ положеніи, не могъ предполагать, что она сейчасъ начнетъ любопытствовать, кто подписался на завѣщаніи. Вотъ этой-то убитой горемъ женщинѣ онъ дастъ бумагу, не объяснивъ что это такое. Если онъ считалъ возможнымъ такъ передать эту бумагу, то лучше было запечатать ее въ конвертѣ своею печатью—это было бы

вѣрнѣе. Наконецъ, собственно для чего онъ даетъ завѣщаніе спрятать своей женѣ? Для того, чтобы лично выразить ей свою послѣднюю волю? Но, гг. присяжные, вы знаете, вы слышали изъ писемъ, что это былъ человѣкъ нѣжный, онъ даже Мясниковыхъ называлъ уменьшительными именами. Неужели же этотъ человѣкъ, видя свою жену убитую горемъ, станетъ еще болѣе разстраивать ея сердце тѣмъ, что будетъ вручать ей завѣщаніе? Вы знаете, какая это щекотливая вещь, какое значеніе имѣетъ составленіе и врученіе завѣщанія, особенно въ купеческомъ быту. Но если онъ вручалъ его не для объявленія своей воли, а лишь для сохраненія, то развѣ не могъ онъ сохранить его иначе. Вѣдь есть извѣстныя присутственныя мѣста, гдѣ завѣщаніе могло находиться внѣ всякой опасности. Намъ скажутъ, можетъ быть, что Бѣляевъ не хотѣлъ объявлять своего капитала, такъ какъ составить завѣщаніе крѣпостнымъ порядкомъ значило объявить, въ какомъ положеніи его дѣла. Но, гг. присяжные, вы помните, что по содержанію завѣщанія не видно вовсе, въ чемъ состояли его предпріятія и капиталы. Положимъ, однако, что онъ дѣйствительно не хотѣлъ дѣлать никакой оффиціальности, не хотѣлъ сохранять завѣщанія у себя и находилъ нужнымъ передать его на сохраненіе женѣ; въ такомъ случаѣ, почему онъ хранилъ его у себя цѣлое лѣто, когда жена жила на дачѣ, когда онъ чувствовалъ себя очень больнымъ, могъ думать о быстрой смерти? Почему онъ не боялся держать завѣщанія въ это время и сталъ бояться тогда, когда жена его переѣхала съ дачи, когда онъ зналъ, что жена около него, что она хранитъ его тѣло отъ того поруганія надъ мертвымъ, которому подвергаетъ богатаго человѣка толпа чуждыхъ и корыстныхъ лицъ, сбѣжавшихся розыскивать его наслѣдство? Затѣмъ, дальнѣйшій разсказъ Бѣляевой. Она приноситъ завѣщаніе къ себѣ въ комнату, развертываетъ его и смотритъ съ любопытствомъ на подписи свидѣтелей. Странное любопытство! Почему она не поинтересовалась узнать, какъ мужъ ея раздѣлался съ окружающими лицами? Это гораздо важнѣе; вѣдь у него были родственники, ждавшіе, что имъ будетъ что-либо отказано; но ей любопытно смотрѣть только на подписи, значитъ ей ничего не говорили свидѣтели, значитъ Бѣляевъ просилъ ихъ сохранить въ тайнѣ то, что они подписались на завѣщаніи. Для чего онъ могъ это сдѣлать? Для того, чтобы не огорчать бѣдную вдову. Но въ такомъ

случаѣ, для чего же онъ самъ ей вручалъ это завѣщаніе? Для того, чтобы сохранить его? Но развѣ такъ сохраняютъ завѣщаніе? Затѣмъ, мы видимъ, что предъ фамиліею каждаго свидѣтеля идетъ длинный періодъ, что «завѣщаніе подписано» и т. д., такъ что подписи свидѣтелей составляютъ ровно половину текста всего завѣщанія. Она говоритъ, что видѣла, что на завѣщаніи за именемъ Бѣляева было написано: «Спиридонскій и Отто», но какимъ образомъ среди указанныхъ казенныхъ словъ, казенныхъ фразъ, она усмотрѣла только двѣ фамиліи и не запомнила, что имъ предшествуетъ цѣлая оффиціальная фраза. Наконецъ, посмотримъ на ея отношеніе къ завѣщанію. Она не имѣетъ никакихъ опредѣленныхъ средствъ, такъ какъ все имущество ея находилось въ рукахъ мужа, безотчетно имъ управлялось. Она видитъ, что мужъ умеръ, и ея положеніе можетъ стать тяжело. Какъ не поинтересоваться узнать, что онъ ей оставляетъ, какъ не задуматься надъ своею будущею матеріальною обстановкою, если не сейчасъ по смерти мужа, то чрезъ недѣлю, чрезъ двѣ? Однако она ничего этого не дѣлаетъ. Предположимъ, что тягость утраты мужа была для нея такъ сильна, что она не могла заниматься дѣлами, что ей было не до того, что она забыла даже о такомъ важномъ документѣ, какъ завѣщаніе. Но вспомните обстановку ея дома послѣ смерти мужа: дѣтей нѣтъ, цѣлая дворня, разные прикащики, управляющіе, которые долго жили у Бѣляева, и каждый считалъ себя вправѣ на полученіе послѣ него извѣстной части; наконецъ Ремянникова, вся судьба которой зависитъ отъ этого завѣщанія, которая умоляетъ Мясникова на колѣняхъ не оставить ее, которая ждетъ съ нетерпѣніемъ рѣшенія своей судьбы и до того взволнована неизвѣстностью, что даже заболѣваетъ. Развѣ Бѣляева, такъ любившая мужа, такъ охранявшая его память, не понимала, что надо успокоить окружающихъ, смягчить ихъ ропотъ? Развѣ, ухаживая за больною, она не понимала, что своимъ молчаніемъ она только длитъ ея болѣзнь, только вызываетъ упреки памяти покойнаго. Вся дворня смотритъ ей въ глаза, и бѣдная Ремянникова лежитъ больная, а она молчитъ. Какъ не возстановить доброй памяти о мужѣ, какъ не сказать: «не плачьте, не скорбите, вы не забыты, вамъ оставлено, я помню, завѣщаніе есть!». Вѣдь это было бы лучшимъ лекарствомъ для Ремянниковой! Но ничего этого не было

сдѣлано. Когда же найдено завѣщаніе? Въ 40-й день—какъ говоритъ Бѣляева; до тѣхъ поръ Бѣляева о немъ не помнитъ, потому что не занимается никакими дѣлами—согласенъ; но что значитъ найденная у нея при обыскѣ довѣренность на имя Мясникова на полное управленіе ея имѣніемъ, помѣченная сентябремъ? Сороковой день былъ въ половинѣ октября, а довѣренность помѣчена сентябремъ, слѣдовательно, выдана вскорѣ послѣ смерти мужа, въ то время, когда ей было такъ тяжело, когда спутника ея жизни только что унесли отъ нея изъ дому навсегда. Изъ довѣренности видно, что она считала возможнымъ немедленно послѣ этого говорить о дѣлахъ съ Мясниковыми и даже составлять довѣренность на управленіе всѣмъ имѣніемъ ея мужа. Да и почему она знаетъ, что все состояніе ея, что она можетъ имъ распоряжаться? Значитъ, выдавая довѣренность, она вспомнила о завѣщаніи, вспомнила еще въ сентябрѣ. Но если вспомнила, то отчего не посмотрѣла?

Перехожу далѣе къ роли, которую должно было играть завѣщаніе. Вы знаете характеръ дѣлъ Бѣляева и Мясниковыхъ, вы слышали изъ показаній обвиняемыхъ, что ими въ день смерти Бѣляева были взяты изъ кабинета его счеты, книги и бумаги, потому что тутъ были и ихъ счеты, и имъ хотѣлось знать, въ какомъ положеніи ихъ дѣла. Бѣляеву они, конечно, были лучше извѣстны; онъ зналъ, что его дѣла съ дѣлами Мясниковыхъ крайне перепутаны, и онъ одинъ умѣлъ и могъ бы ихъ распутать. Но онъ оставляетъ завѣщаніе своей женѣ, гдѣ не упоминаетъ о томъ, какія именно эти дѣла. Развѣ онъ не понимаетъ, что послѣ смерти его Мясниковы явятся прежде всего за отчетами по ихъ имуществу, и бѣдная женщина не будетъ знать, что объяснить, на какіе документы сослаться, такъ какъ она ничего не знала о дѣлахъ мужа, у нея не было къ нимъ никакого руководящаго ключа? Быть можетъ, онъ надѣялся, что Мясниковы поступятъ съ нею добросовѣстно и не обидятъ ее; но можно было съ вѣроятностію разсчитывать на фактическую, вполнѣ добросовѣстную ошибку. Мясниковы могли случайно присвоить себѣ такого рода капиталы, которые имъ не принадлежали; да и едва ли Бѣляевъ могъ разсчитывать, что въ отношеніи разсчетовъ жена его не будетъ нисколько обижена. Ужъ если Мясниковы его, своего воспитателя, стараго слугу, въ извѣстномъ письмѣ, поздравляя съ днемъ ангела, все-таки упрекаютъ въ томъ, что будто онъ частію растратилъ ихъ

деньги, частію присвоилъ ихъ себѣ, то они, конечно, не особенно поцеремонятся со вдовою его, требуя отъ нея полнаго разсчета. Бѣляева говоритъ, что дѣла мужа были небольшія, что капиталъ былъ маленькій, и что ей въ собственность по завѣщанію осталось очень и очень немного. Пусть это будетъ правда; допустимъ, что было такъ; но Мясниковыми была ей предъявлена росписка въ 272,000 руб., и Бѣляевъ, зная небольшіе размѣры завѣщаемаго состоянія, долженъ былъ знать, что если жена его будетъ утверждена въ правахъ наслѣдства, то росписка эта послужитъ основаніемъ къ такому иску со стороны Мясниковыхъ, который поглотитъ не только завѣщанное имущество, но и часть состоянія самой Бѣляевой? Какъ же онъ, зная что капиталы его скудны, что все остальное принадлежитъ женѣ, какъ же онъ, любя свою жену, называя ее своимъ другомъ, оставляетъ въ ея пользу такое наслѣдство, по которому, если она его приметъ, она ничего не получитъ, но съ нея будетъ еще взыскана значительная сумма? И сумма эта взыскана, такъ какъ извѣстно, что Бѣляева передала все—и свое имущество, и оставшееся послѣ мужа, за 392,000 руб., взявъ съ Мясниковыхъ условіе въ платежѣ 120,000 р. и росписку въ 273,000 р. Изъ обзора стоимости заводовъ, приведеннаго мною, однако видно, что каждый заводъ стоилъ 102,000 руб., такъ что Бѣляева лишалась заводовъ на 204,000 руб. за то только, что мужъ назначилъ ее своею наслѣдницею. Являясь наслѣдницей послѣ мужа по закону только въ $^1/_4$ части, Бѣляева была бы въ лучшемъ положеніи, чѣмъ наслѣдуя по завѣщанію во всемъ имуществѣ. Не могъ же не понимать Бѣляевъ, что такого рода завѣщаніемъ онъ грабитъ свою жену, лишаетъ ее собственнаго ея имущества. Правда, она могла не принять имущества по завѣщанію, отказаться отъ него; на то ея добрая воля; закона нѣтъ, который бы обязывалъ ее наслѣдовать непремѣнно; но тогда онъ долженъ былъ предупредить ее, сказать, что такіе-то и такіе-то долги лежатъ на его имуществѣ, что они превышаютъ его состояніе. Но онъ этого не дѣлаетъ, онъ говоритъ убитой горемъ женщинѣ: «спрячь эту бумагу», не объясняя, какъ великъ его капиталъ, и когда капиталъ этотъ обнаруживается, у нея отнимаютъ ея собственное, кровное достояніе. Этотъ поступокъ вовсе не соотвѣтствуетъ характеру Бѣляева, онъ не только не объясняется

любовью къ женѣ, но является скорѣе обдуманною и хитрою интригою противъ ея состоянія.

Перехожу къ содержанію завѣщанія. Оно было прочитано здѣсь, и въ немъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то, что многія его несущественныя части чрезвычайно подробно и ясно написаны, даже красивымъ слогомъ; но, затѣмъ, все остальное написано крайне сжато, туманно; такъ начало завѣщанія слѣдующее: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Единосущной и Живоначальной Троицы». Бѣляевъ писалъ много дѣловыхъ бумагъ, и зналъ, что достаточно написать что нибудь одно, или «во имя Отца и т. д.», или «во имя св. Троицы», вмѣстѣ же эти выраженія излишни, особенно въ завѣщаніи, которое составляется больнымъ человѣкомъ, на скорую руку. Очевидно, что завѣщаніе въ началѣ писано широкою кистью, что выраженій не жалѣли, такъ какъ затѣмъ идетъ цѣлый періодъ о тѣхъ причинахъ, по которымъ составляется завѣщаніе. Тутъ и чувство особенной слабости здоровья, разсужденіе о томъ, какъ Богу угодно будетъ отозвать его, Бѣляева, отъ жизни. Въ сущности все это совершенно излишне. Потомъ, въ краткомъ завѣщаніи дважды повторено, что такова покойнаго Бѣляева послѣдняя воля. Самое же существо завѣщанія очень кратко и очень неопредѣленно. Такимъ образомъ, человѣкъ, который велъ множество дѣлъ, писалъ массу дѣловыхъ бумагъ, въ такой важной бумагѣ, какъ завѣщаніе, распространяется о предметахъ несущественныхъ, и въ то же время объ имуществѣ говоритъ весьма туманно. Посмотримъ на самый языкъ. Бѣляевъ владѣлъ языкомъ хорошо, мы слышали здѣсь характеристическое письмо Бѣляева къ какому то Алоизію Матвѣевичу, очевидно лицу весьма высокопоставленному, котораго онъ весьма благодаритъ за то содѣйствіе, которое тотъ оказалъ опекѣ Мясниковыхъ, и объясняетъ, что билеты, предоставленные Мясниковымъ на сумму 10,000 р., они оставляютъ въ пользу евангелической школы. Письмо это написано очень умно, съ большимъ достоинствомъ и тактомъ; письмо это, указывающее на подарокъ, сдѣланный въ пользу извѣстнаго учрежденія за содѣйствіе тѣхъ лицъ, интересы которыхъ связаны съ этимъ учрежденіемъ, написано такъ ловко, осторожно, деликатно, что очевидно человѣкъ, писавшій его, привычный и умный и знаетъ цѣну и значеніе каждаго слова, и этотъ человѣкъ, писавшій собственноручно отно-

шенія въ Сенатъ, употребляетъ такое выраженіе «всю мою недвижимую и движимую собственность, все имущество мое оставляю женѣ моей въ полную собственность» и тотчасъ же далѣе называетъ это «даромъ». Еще далѣе оказываются слова: «друга моего прошу»; но развѣ такой дѣловой человѣкъ, какъ Бѣляевъ, можетъ допустить подобную неопредѣленность въ выраженіяхъ? Можно догадаться, что онъ проситъ жену, но удостовѣрить этого положительно, по словамъ завѣщанія, нельзя. И это-то пишетъ Бѣляевъ, который, по словамъ Ивановой, даже за частнымъ обѣдомъ выражался такъ оффиціально, что «она, жена моя, оставила все состояніе свое мнѣ, и т. д., а я ей, женѣ моей». Завѣщаніе переписано Целебровскимъ. Почему имъ? Почему оно не написано самимъ Бѣляевымъ? Тутъ можно допустить только одно предположеніе—что Бѣляевъ былъ такъ слабъ, чувствовалъ себя такъ дурно, что не могъ писать бумагъ и послалъ за Целебровскимъ, съ тѣмъ, чтобы тотъ немедленно переписалъ завѣщаніе. Но гдѣ же указаніе на такое состояніе Бѣляева? Выписывалъ ли онъ жену изъ Ораніенбаума? являлась ли жена къ нему, чтобъ окружить его своими попеченіями? Нѣтъ, ни разу онъ такъ дурно себя не чувствовалъ. Онъ страдалъ, бывалъ слабъ, но скоро поправлялся. Быть можетъ, ему вообще было тяжело писать самому? Я согласенъ—быть можетъ и было тяжело; но мы имѣемъ отъ 20-го іюня 1858 года собственноручное длинное отношеніе его въ Сенатъ. Подобную бумагу легче всего было отдать переписать; между тѣмъ, она написана имъ самимъ. Наконецъ, мы имѣемъ дневникъ и исходящую тетрадь, доведенные до 14-го сентября, гдѣ за очень уже недолгое время до смерти, онъ отмѣчалъ малѣйшіе расходы свои и по дѣламъ Мясниковыхъ. Но если человѣкъ записываетъ собственноручно расходы, если онъ пишетъ отношеніе въ Сенатъ съ перечисленіемъ залоговъ, почти на листѣ кругомъ, неужели онъ не чувствовалъ въ себѣ достаточно силы, чтобы самому написать завѣщаніе, которое должно навсегда обезпечить и оградить его любимую жену? Намъ скажутъ, что онъ могъ это сдѣлать, но не находилъ этого нужнымъ; въ такомъ случаѣ это былъ бы человѣкъ крайне не дѣловой, а извѣстно, что Бѣляевъ былъ не таковъ. Онъ не могъ не знать, что по завѣщанію, написанному отъ начала до конца рукою завѣщателя, споръ о подлогѣ очень трудент, почти невозможенъ, тогда какъ если оно

только подписано, то опроверженіе его, сомнѣніе въ подлинности подписи всегда возможно, что и доказывается настоящимъ дѣломъ. Онъ долженъ знать, что есть наслѣдники Мартьянова и сынъ ея, человѣкъ безпутный, растратившій 30,000 на его заводѣ. Эти люди, законные наслѣдники Бѣляева, услыхавъ о смерти его, тотчасъ же слетятся въ Петербургъ, а такъ какъ это было время старыхъ порядковъ судопроизводства, когда разъ начатое дѣло тянулось цѣлые годы, то, безъ сомнѣнія, аргонавты, о которыхъ я говорилъ, мелкіе ходатаи, научатъ ихъ завести споръ о подлогѣ, и бѣдную Бѣляеву будутъ таскать по судамъ. Не лучше ли было переписать самому? Остается одно предположеніе—что Бѣляевъ завѣщанія этого не написалъ самъ вслѣдствіе того, что чувствовалъ себя крайне нездоровымъ и не могъ писать вообще. Но при этомъ является слѣдующій вопросъ: завѣщаніе подписано тремя лицами и переписано четвертымъ. Всѣ они писали различными чернилами, что показываетъ, что писали они неодновременно. Надо, слѣдовательно, допустить, что Бѣляевъ далъ Целебровскому переписать завѣщаніе въ тяжелую минуту, когда чувствовалъ сильныя страданія. Онъ призвалъ Целебровскаго и продиктовалъ ему свою послѣднюю волю (хотя надобно замѣтить, что у него были другія, близкія лица, напримѣръ Шмелевъ, которыя были всегда подъ рукою). Продиктовавъ завѣщаніе, онъ оставилъ его у себя, не подписывая немедленно и не призывая немедленно свидѣтелей, а подписалъ впослѣдствіи, также какъ и предъявилъ завѣщаніе свидѣтелямъ. Но если онъ подписывалъ послѣ, то нужно доказать, что все время послѣ того, какъ завѣщаніе было составлено, онъ находился въ такомъ состояніи, что не могъ писать самъ ничего; а могъ только подписывать свою фамилію. А между тѣмъ извѣстно, что онъ не только писалъ самъ, но даже ѣздилъ на торги. Притомъ, если ему нетрудно было диктовать, то, понятно, нетрудно было подписывать и свой полный титулъ, по обыкновенію, котораго онъ такъ строго держался. Есть, однако, другое предположеніе. Чувствуя себя очень дурно, Бѣляевъ призвалъ Целебровскаго и свидѣтелей одновременно, хотя это и опровергается различіемъ въ цвѣтѣ чернилъ. Въ числѣ свидѣтелей былъ и докторъ Отто. Если Бѣляевъ не могъ подписать полнаго званія, значитъ онъ былъ страшно слабъ: его одолѣлъ жестокій припадокъ, руки его тряслись. Развѣ докторъ Отто не могъ отклонить его отъ всякихъ за-

лятій въ эти тяжелыя минуты, развѣ не могъ успокоить его, увѣривъ, что онъ останется живымъ, что это только припадокъ, что онъ можетъ подписать завѣщаніе послѣ, когда почувствуетъ себя лучше? А это совершилось скоро, такъ какъ затѣмъ Бѣляевъ пишетъ длинныя письма, ѣздитъ на торги и въ концѣ августа 1858 г. еще на столько здоровъ, что ходитъ по комнатамъ. Развѣ онъ не могъ много разъ уничтожить это завѣщаніе и написать вновь все собственноручно? не могъ развѣ сдѣлать этого въ здоровыя минуты? Посмотримъ, наконецъ, на самихъ свидѣтелей. Бѣляевъ оставляетъ все имущество своей женѣ, не назначая душеприкащика и не обозначая имущества. Кто же подписывается на завѣщаніи? Люди, знакомые съ его торговыми дѣлами? Нѣтъ, Сицилинскій, старикъ, выживающій изъ ума, и докторъ Отто, не коммерческій человѣкъ, тогда какъ у Бѣляева были такіе знакомые, какъ, напримѣръ, Бенардаки, Каншинъ. Почему онъ не поставилъ состоянія жены своей подъ защиту этихъ громкихъ откупныхъ именъ? Почему онъ не пригласилъ подписаться на завѣщаніи этихъ лицъ, знающихъ дѣла, имѣющихъ вѣсъ, значеніе въ обществѣ, людей, которые могли бы оградить его жену отъ всякихъ дальнѣйшихъ имущественныхъ нападеній? Ничего подобнаго не сдѣлано? Эти друзья остаются въ сторонѣ, а призываются люди, которые случились подъ рукой. Скажутъ, завѣщаніе составилось на скорую руку. Предположимъ такъ; но завѣщаніе составлено 10-го мая, а 21-го мая написана росписка, которая, очевидно, измѣняла положеніе дѣла, измѣняла вопросъ о состояніи Бѣляева. По выдачѣ этой росписки, развѣ ему не должно было придти въ голову, что нужно перемѣнить завѣщаніе, что нужно написать новое? Посмотримъ поближе на этотъ документъ. Что мы видимъ? Во-первыхъ, имѣетъ ли онъ общій характеръ всѣхъ завѣщаній лицъ купеческаго сословія? Былъ ли въ немъ отказъ на церковь? Бѣляевъ былъ человѣкъ добрый: вспомнилъ ли онъ, умирая, своихъ родныхъ, одѣлилъ ли онъ ихъ. Нѣтъ. Одной Ремянниковой только оставлена маленькая сумма. А этотъ двоюродный братъ, ходившій безъ сапоговъ? а Мартьянова, которая не имѣла денегъ на покупку лѣкарства и не могла выходить на воздухъ, потому что было «студено»? Все это Бѣляевъ, конечно, зналъ. Развѣ у него не возникло въ послѣднія минуты желанія хотя чѣмъ-нибудь надѣлить ихъ, избавить ихъ отъ нищеты, у него, разда-

бавшаго деньги своимъ конторщикамъ и прислугѣ? Между тѣмъ, этого нѣтъ. Нѣтъ отказа на поминовеніе; нѣтъ никакихъ жертвъ въ монастыри и церкви; нѣтъ благотворительныхъ дѣлъ, которыя характеризуютъ почти всякое завѣщаніе въ купеческомъ быту. Затѣмъ, я не могу не указать еще на одну особенность этого завѣщанія, именно на то, что на ряду съ нимъ идутъ найденные у Бѣляева обрывки почтовой бумаги, на которыхъ рукой Бѣляева написано—на одномъ, что: «сіе духовное завѣщаніе составлено Фр. К. К. Бѣл.», на другомъ—«ей же, женѣ моей», и т. д. Очевидно, что эти клочки относятся къ завѣщанію. Одинъ есть проектъ свидѣтельской подписи, другой же—пунктовъ предположеннаго завѣщанія. Неужели тотъ, который собственноручно составлялъ черновой проектъ завѣщанія, не могъ переписать подлиннаго документа? Эти клочки указываютъ, что Бѣляевъ дѣйствительно хотѣлъ оставить имущество своей женѣ, но не оставилъ. Почему же? Я полагаю это разъяснить слѣдующимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи я обращусь къ вашей житейской опытности, къ тому знанію практической жизни, которымъ лучше всего разъясняются подобные вопросы. Вы знаете, какого рода суевѣрные предразсудки существуютъ и не въ одномъ только купечествѣ, но и у множества богатыхъ людей, которые умираютъ безъ завѣщанія потому, что выраженіе послѣдней воли считается какъ бы предвѣстіемъ смерти, потому что человѣкъ, составившій завѣщаніе, считаетъ уже матеріальные разсчеты съ жизнью окончennыми и думаетъ, что на немъ лежитъ уже печать смерти. Вы знаете, что этотъ предразсудокъ сильно распространенъ, особенно въ купеческомъ быту, и вотъ почему мы видимъ Бѣляева дѣлающимъ проекты завѣщанія, приготовленія къ нему на клочкахъ бумаги и не рѣшающагося написать полное завѣщаніе. Онъ часто страдалъ, но ему затѣмъ становилось легче, а послѣднее время приглашенъ былъ докторъ Тильманъ, опытный врачъ. Онъ могъ думать, что здоровье его поправится, что онъ успѣетъ написать завтра, послѣ-завтра; но завтра нагрянула смерть—и завѣщанія нѣтъ. Мнѣ скажутъ, что завѣщаніе подписано свидѣтелями, что они его видѣли. Но все это было бы такъ, еслибъ подложность завѣщанія не подкрѣплялась еще нѣкоторыми доводами, о которыхъ я буду имѣть честь говорить. Повидимому, изъ производства дѣла здѣсь установилось у нѣкоторыхъ участвовавшихъ лицъ и, быть можетъ, у васъ, гг. присяжные, не совсѣмъ

правильное пониманіе того, что хотятъ сказать обвинительный актъ и обвиненіе — указаніемъ на то, что свидѣтели подписали послѣ смерти; ихъ вовсе не думаютъ обвинять въ какомъ либо преступленіи. Напротивъ, я признаю, что Сицилинскій и Отто были прекрасные люди. Но что же изъ этого? Сицилинскій былъ старъ, забывчивъ и дрянлъ, а Отто—домашній врачъ, старый другъ дома. Они слышали, что о завѣщаніи Бѣляевъ говорилъ не разъ, говорилъ, что все имущество оставитъ своей женѣ. У нихъ составилось нравственное убѣжденіе въ томъ, что имущество должно было перейти Бѣляевой; затѣмъ къ нимъ являются и говорятъ: «посмотрите, завѣщаніе нашлось, но покойный не успѣлъ пригласить свидѣтелей; вы видите его подпись; вы знаете, что все имущество должно слѣдовать Бѣляевой; вы знаете, какъ любилъ ее покойный. Неужели вы не захотите сохранить тишину и благолѣпіе этого дома? Неужели вы допустите, что придутъ какіе-то наслѣдники, будутъ тягаться, говорить, что завѣщанія не написано даже — а вотъ оно тутъ передъ вами — и будутъ бѣдную женщину таскать по судамъ? Неужели вы откажетесь оказать такую услугу памяти покойнаго?» И вотъ человѣкъ, не понимающій вполнѣ хорошо, что онъ дѣлаетъ юридически неправильную незаконную вещь, увѣренный, что завѣщаніе должно было остаться, добрый и привязанный къ памяти покойнаго, даетъ свою подпись. Разъ явилась подпись священника, надо еще подпись свидѣтеля. Къ кому же лучше обратиться, какъ не къ старому другу дома, постоянному доктору Бѣляевыхъ, котораго даже личный интересъ связанъ съ сохраненіемъ имущества за Бѣляевой? Тотъ, быть можетъ, спроситъ священника, нѣсколько колеблясь исполнить просимое: «батюшка! вы это завѣщаніе подписали?» «Да, подписалъ», отвѣтитъ тотъ и тѣмъ разсѣетъ сомнѣніе доктора, потому что онъ, Сицилинскій, человѣкъ добрый, по словамъ его вдовы, даже «святой». Проситъ удостовѣрить завѣщаніе развѣ Бѣляева, которая заинтересована въ немъ? Нѣтъ, нисколько. Просятъ Мясниковы. Мясниковы хотятъ оградить интересы бѣдной женщины, которая убита горемъ и попала въ затруднительное положеніе, и потомъ, быть можетъ, они, эти свидѣтели, и узнаютъ, что завѣщаніе фальшиво; но подписавъ его, они сдѣлались участниками въ его составленіи, и сознаться въ томъ, что завѣщаніе подписано послѣ смерти, когда оно считается подложнымъ, уже невозможно, потому что это есть дѣяніе нехорошее,

содѣйствіе преступленію, хотя и несознательное, и на уста ихъ невольнымъ образомъ налагается печать молчанія. Это единственно возможное толкованіе, не опорочивающее памяти свидѣтелей и совершенно естественное. Нѣтъ сомнѣнія, что Сицилянскій не могъ быть подкупленъ деньгами; но затѣмъ, когда эти люди сдѣлали подпись, имъ могли оказываться разныя одолженія и этимъ еще болѣе закрѣплять ихъ молчаніе. Иногда эти благодѣянія или одолженія дѣлались широкою рукою. Мы знаемъ, что сынъ Сицилинскаго, женатый на сестрѣ одного изъ показывавшихъ здѣсь свидѣтелей, шелъ къ Мясниковымъ, какъ въ свой собственный карманъ. Были ли имъ выдаваемы документы Мясникову — мы не знаемъ; но знаемъ, что онъ не имѣлъ похвальной привычки платить долги, что должно было быть извѣстно Мясникову; мало того, что онъ шелъ «взять у Мясникова»: его сестра и мужъ его сестры точно также обращались къ Мясниковымъ и получали вспомоществованіе. Итакъ, всему этому семейству благотворили Мясниковы, конечно пустяками, потому что эти сотни рублей, выдаваемыя Мясниковыми, въ сущности, гроши въ сравненіи съ ихъ богатствомъ; но съ точки зрѣнія семейства Сицилинскаго члены этого семейства по отношенію къ Мясниковымъ являлись въ положеніи людей, которые должны были быть имъ благодарны. Мнѣ скажутъ, что все это предположенія, что я не привожу прямыхъ доказательствъ, что мои соображенія почерпываются изъ обстановки окружающей жизни, а не изъ фактовъ дѣла. Это, быть можетъ, и будетъ справедливо; но соображенія именно оттуда и должны быть взяты, откуда я ихъ беру: только жизнь, съ ея разнообразными явленіями, только бытовая обстановка можетъ и должна служить тою палитрою, съ которой можно черпать краски для обрисованія извѣстнаго преступленія. Никакія другія теоретическія, отвлеченныя соображенія этого сдѣлать не могутъ.

Но если это все одни предположенія, то имѣются и нѣкоторыя другія, болѣе т в е р д ы я д а н н ы я: это—въ экспертизѣ. Это есть нѣчто болѣе прочное. Мы видѣли людей спеціалистовъ въ огромномъ числѣ. Чуть ли не весь Петербургъ былъ лишенъ на нѣсколько дней каллиграфіи, и, конечно, эти люди должны указать намъ болѣе или менѣе точныя данныя. Намъ говорили, что въ экспертизѣ по настоящему дѣлу — противорѣчія. Эксперты распадались на четыре группы: первая изъ этихъ группъ въ 1868 г.

признала, что подпись на завѣщаніи, повидимому, Бѣляева, и нѣтъ основанія въ ней сомнѣваться, кромѣ буквы ь; вторая группа нашла подпись сомнительною; третья группа въ Гражданскомъ Судѣ признала, что нѣтъ основанія утверждать, чтобѣ это не была подпись Бѣляева; четвертая группа, на слѣдствіи 1870 года, положительно утверждала, что она дурно скопирована, что это плохое подражаніе. Но здѣсь всѣ эксперты сведены вмѣстѣ, и я думаю, что шансы обвиненія и защиты были равны, такъ какъ мною было вызвано 9 экспертовъ, защитою 7; но на Судъ одинъ изъ моихъ не явился, и остались 8 и 7, почти равные голоса. Къ какому же выводу пришли эти люди? Они признали, что подпись Бѣляева является при первомъ взглядѣ похожею, т. е. имѣетъ свойства, которыя необходимы для того, чтобы человѣкъ, разсматривающій ее простыми глазами, мелькомъ, призналъ ее дѣйствительною; но, при внимательномъ разсмотрѣніи, буквы оказываются поставленными рѣже и написанными не такъ, какъ писалъ обыкновенно Бѣляевъ, и, наконецъ, самая подпись является лишь искуснымъ подражаніемъ. При оцѣнкѣ этой подписи, они находятъ такія свойства, на которыя указывали прежніе эксперты, дававшіе заключенія противъ подложности завѣщанія, а именно, что буква ь написана не снизу вверхъ, какъ писалъ ее Бѣляевъ, а сверху внизъ, и затѣмъ, что подпись сдѣлана дрожащею рукою. То же самое говорили и первые эксперты, но прибавляли, что такъ какъ Карагановъ имѣетъ почеркъ твердый, то нельзя думать, чтобъ онъ могъ написать дрожащею рукою. Я думаю, что это заявленіе не заслуживаетъ никакого уваженія. Еслибъ они сказали противное, т. е., что Карагановъ писалъ дрожащею рукою, а подпись сдѣлана твердою, тогда я понялъ бы это; но что человѣкъ, у котораго почеркъ твердый, можетъ написать дрожащей рукой—это не подлежитъ сомнѣнію, и все зависитъ въ этомъ отношеніи отъ того, что вы признаете. Если вы признаете, что это подпись Бѣляева, то признаете, что здѣсь дрожала больная рука; если же вы признаете, что это не его подпись, то дрожала рука преступная. Такимъ образомъ, эксперты прямо признали, что почеркъ въ подписи на завѣщаніи не есть почеркъ Бѣляева, что это только искусное подражаніе, что онъ самъ такой подписи не могъ сдѣлать. Кто же сдѣлалъ ее? Экспертамъ предъявлялись записки одного изъ лицъ, находящихся здѣсь, и онѣ сказали: «Да, это

лицо способно писать такимъ образомъ; да, это лицо имѣетъ такой почеркъ, который можно сдѣлать весьма похожимъ на почеркъ Бѣляева; это лицо могло подписаться подъ его руку». Кто же это лицо? Къ этому мы теперь и обратимся.

Переходимъ ко второму вопросу: если это завѣщаніе подложно, то какимъ путемъ оно составилось? Путь этотъ начинается Карагановымъ и кончается Мясниковыми.

Переходя къ тому, чтобы прослѣдить путь, которымъ совершено завѣщаніе, я сказалъ вамъ, гг. присяжные, что въ началѣ пути стоитъ Карагановъ, кончается же этотъ путь Мясниковыми. Поэтому, намъ прежде всего слѣдуетъ обратиться къ самой личности Караганова. Карагановъ, по моему мнѣнію, въ меньшемъ видѣ—тотъ же Бѣляевъ. Та же преданность своимъ хозяевамъ, вѣрность ихъ дѣламъ, стремленіе управлять этими дѣлами, сохраняя интересы хозяевъ, стремленіе всегда и во всемъ видѣть ихъ честными и правыми, повторяю—это тотъ же Бѣляевъ, безъ его ума, безъ его ловкости, и житейскія обстоятельства котораго сложились иначе. Мы знаемъ какъ личность эта создавалась, до тѣхъ поръ пока она не попала на скамью подсудимыхъ. Еще мальчикомъ онъ поступилъ къ Мясниковымъ, служилъ довольно долго конторщикомъ и получалъ жалованья до 600 р. въ годъ. При такой обстановкѣ застаетъ его день смерти Бѣляева. Она поразила его паническимъ страхомъ: «Такой богатый человѣкъ, говоритъ онъ, и такъ внезапно скончался! Онъ всему дѣлу былъ воротило, всѣмъ заправлялъ». Долго ли продолжался этотъ страхъ, намъ неизвѣстно; но вскорѣ, изъ показаній свидѣтелей мы уже знаемъ, что Карагановъ предлагаетъ пай по откупамъ, говоритъ, что у него есть небольшой капиталъ, даетъ въ займы тысячу и полторы. Вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе его повидимому улучшается. Мы имѣемъ свѣдѣнія о томъ, что онъ является хорошо одѣтымъ, живетъ лучше и наконецъ въ немъ, въ этомъ необезпеченномъ прикащикѣ, является желаніе устроиться семейнымъ образомъ. Мы знаемъ далѣе, какъ онъ устроился; сватьба его нѣсколько оригинальна: онъ женился на оперной пѣвицѣ, бывшей въ дружескихъ отношеніяхъ съ А. Мясниковымъ. Онъ, прикащикъ Мясникова, сдѣлался мужемъ женщины, которая была въ близкихъ отношеніяхъ къ его хозяину, которая, слѣдовательно, по этому самому стояла гораздо выше его въ отношеніи образованія, развитія и состоянія—на женщинѣ, къ

которой онъ являлся съ мелкими порученіями и за приказаніями отъ того, кто ею обладалъ, кто сиживалъ въ первыхъ рядахъ креселъ, когда она пѣла. Онъ, вчерашній прикащикъ, сдѣлался мужемъ изящной хористки, которая еще не такъ давно была близка къ его властелину. Сватьба происходитъ тихо, безъ всякой торжественности. Затѣмъ, немедленно послѣ сватьбы, Карагановъ съ женою уѣзжаютъ изъ Петербурга. Что вызвало эту поѣздку—намъ неизвѣстно. Онъ былъ человѣкъ, служившій у Мясниковыхъ; почему они рѣшились отпустить его въ Казань—мы не знаемъ. Но тѣмъ не менѣе онъ уѣхалъ и увезъ довольно большія средства. Я могъ бы сослаться на то, что въ показаніи Караганова говорится о 10,000 руб., которыя онъ получилъ отъ Мясникова; но это не имѣетъ значенія, такъ какъ неизвѣсто, лично ли онъ получилъ ихъ, или въ приданое за женою. Но изъ тѣхъ записокъ, которыя были отобраны отъ старика Караганова, мы имѣемъ возможность заключить о его средствахъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ сватьбы, послѣ того какъ Карагановъ потерпѣлъ убытки и разоренія отъ пожаровъ и другихъ несчастныхъ случаевъ, послѣ того какъ хлѣбная и винная торговля ему не удались, онъ оставилъ записку, въ которой просилъ продать слѣдующія вещи: мѣха, шубы, серебро, брилліанты, всего на 30,000 р.; очевидно, что это были остатки прежняго его семейнаго величія. Такимъ образомъ, этотъ бѣдный прикащикъ женился на женщинѣ, стоявшей выше его по своему развитію и обладавшей хорошимъ приданымъ. Что затѣмъ дѣлаетъ Карагановъ — намъ мало извѣстно; но мы знаемъ, что въ 1865 г. онъ обращается съ письмомъ къ Мясникову, въ которомъ проситъ принять его на службу. Мясниковъ не даетъ рѣшительнаго отвѣта, но въ 1866 г. Карагановъ уже былъ у него на службѣ. Защитникъ представилъ цѣлый рядъ писемъ Караганова, чрезвычайно характеристичныхъ. Эти письма чрезвычайно почтительны, внимательны и всѣ писаны Алекс. Мясникову. Въ этихъ письмахъ Карагановъ очень подробно разсказываетъ о ходѣ торговыхъ операцій, и не только описываетъ настоящее положеніе дѣлъ, но собираетъ статистическія свѣдѣнія о видахъ на будущее и старается опредѣлить то направленіе дѣлъ, которое они должны принять. Мы имѣемъ показаніе свидѣтеля Бѣляева, который говоритъ, что Карагановъ велъ себя въ Ставрополѣ хорошо, служилъ честно, но вдругъ съ нимъ сдѣлалась какая-то пе-

ремѣна. Первый признакъ этой перемѣны замѣчается въ немъ въ октябрѣ 1868 г. Мы знаемъ, что онъ былъ прикащикъ Мясниковыхъ, такъ сказать, небольшой чиновникъ ихъ обширной администраціи, чиновникъ зависимый, имѣвшій опредѣленныя обязанности. Но вдругъ этотъ подчиненный чиновникъ начинаетъ вести себя несоотвѣтственно своему положенію. 10-го августа онъ выѣзжаетъ изъ Ставрополя и ѣдетъ неизвѣстно куда. Кошельковъ телеграфируетъ главному управляющему въ Ростовъ, въ Новочеркаскъ, чтобы дали знать, тамъ ли Карагановъ; наконецъ сносятся съ Воронежемъ. Мало того, телеграфируютъ въ Петербургъ А. Мясникову о томъ, что Карагановъ выѣхалъ неизвѣстно куда. Скажутъ, быть можетъ, что это была поѣздка въ Козмодемьянскъ, о которой онъ просилъ прежде; но мы знаемъ его покорность хозяину, знаемъ, что въ теченіе двухъ лѣтъ Мясниковъ постоянно отказывалъ ему въ этой просьбѣ Затѣмъ, начинаютъ слѣдить за нимъ. Вы имѣли передъ собою цѣлый рядъ телеграммъ, въ которыхъ выражено ясно желаніе имѣть постоянно свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія Караганова. Телеграммы адресуются отъ Кошелькова ко всѣмъ управляющимъ отдѣльными складами. Наконецъ, для Караганова дѣлаются справки, конечно на счетъ конторы, о такихъ дѣлахъ, которыя вовсе дѣлъ Мясниковыхъ не касаются, какъ напр. о здоровьѣ отца Караганова. Какъ же ведетъ себя Карагановъ, столь тщательно оберегаемый и получающій 1,000 руб. жалованья? Мы имѣемъ весьма характеристичныя письма Цапина и Гудкова. Изъ нихъ видно, что въ концѣ 1868 г. и въ началѣ 1869 г. онъ ничего не дѣлаетъ, считается ревизоромъ; но вся его обязанность заключается только въ томъ, чтобы придти за жалованьемъ и взять спиртъ, какъ будто для пробы, который онъ и не возвращаетъ. Онъ пьетъ горькую чашу. Есть указаніе, что онъ напивался до того, что лѣзъ искать брата въ мельничномъ колесѣ; что въ нарядѣ болѣе чѣмъ въ легкомъ ходилъ по улицамъ, такъ что семейные люди затворяли ставни; что онъ буйствовалъ, стрѣлялъ въ соломенныя крыши, ходилъ въ театръ, гдѣ платилъ за билеты палкою, и въ трактиръ, гдѣ билъ посуду и окна, говоря, что ему душно. Что же это за поведеніе? Знаетъ ли о немъ Мясниковъ? Да, знаетъ, потому что знаетъ Кошельковъ, который не могъ не донести объ этомъ, который еще до августа 1868 г. писалъ Мясникову, что Карагановъ ведетъ себя неудовлетворп-

тельно, что онъ «за дѣла его, хозяина, съ нимъ не говорилъ». Для чего же онъ держитъ при заводѣ человѣка, ничего не дѣлающаго или, лучше сказать, Богъ знаетъ что дѣлающаго и получающаго тысячу рублей жалованья? Для чего узнаютъ о здоровьѣ его отца, слѣдятъ за нимъ изъ Ставрополя и Петербурга, желаютъ знать, куда поѣхалъ и не разрѣшаютъ ѣхать къ отцу? Для чего его удерживаютъ при заводѣ, когда онъ для Кошелькова становится даже невыносимымъ? Быть можетъ его держатъ изъ милости? Онъ давно служилъ, старый слуга; почему же не дать ему пристанища? вѣдь это не разоритъ. Такое толкованіе могло быть дано; но такъ ли ведетъ себя Карагановъ, какъ человѣкъ, который обязанъ своему хозяину своимъ пристанищемъ? Развѣ такой человѣкъ можетъ настойчиво требовать жалованья, требовать такимъ образомъ, что, по словамъ Гудкова, во избѣжаніе худшаго, онъ долженъ былъ удовлетворить его? Можетъ ли человѣкъ облагодѣтельствованный позволить себѣ такого рода поступки, какіе позволялъ себѣ Карагановъ? Онъ зналъ же, что всякому благодѣянію есть мѣра, что его могутъ прогнать. Наконецъ, можно ли предполагать, чтобы благодѣянія Мясниковыхъ, у которыхъ были большія дѣла, которые сами были большими господами — простирались до такихъ мелочей, что, какъ вы знаете, Мясниковъ выкупилъ изъ ломбарда вещи для Караганова? Карагановъ постоянно писалъ Мясникову, извѣщая его о томъ, куда онъ ѣдетъ, и обращался за выдачей денегъ къ женѣ. Человѣкъ облагодѣтельствованный не рѣшится писать такимъ образомъ. Остается, слѣдовательно, третій выводъ: Карагановъ—безполезный, но опасный человѣкъ. Почему же онъ опасенъ? Мы знаемъ, какимъ образомъ поступилъ Карагановъ, какъ онъ себя велъ; мы имѣемъ возможность прослѣдить его душевное состояніе. Въ письмахъ 1868 г. онъ выражаетъ просто желаніе повидаться поскорѣе съ отцемъ; но, затѣмъ, письма его начинаютъ принимать болѣе мрачный характеръ, и наконецъ, отъ 14-го декабря 1870 г., мы находимъ письмо, въ которомъ онъ шлетъ свою послѣднюю волю отцу, говоря, чтобы онъ сохранилъ эту духовную, такъ какъ впослѣдствіи она оправдаетъ ихъ обоихъ. Но что значитъ эта послѣдняя воля? Это не есть завѣщаніе, это не есть отказъ имущества, такъ какъ у него ничего не было. Это—крикъ больной души, желаніе покаяться, разсказать кому-нибудь близкому, дорогому то, что ти-

готитъ душу, но высказать не прямо, а намеками на то, что въ немъ происходитъ. Карагановъ пишетъ, что онъ не портилъ ни чьего здоровья, что онъ никому не продавалъ женщинъ, что онъ соблюдалъ хозяйскій интересъ правильно, свято, а если совершилъ какія-нибудь преступленія, то по молодости, неопытности и своимъ служебнымъ обязанностямъ. Что это за намеки на то, что онъ никогда не торговалъ женщинами, не продавалъ ихъ? Почему онъ не говоритъ, что никогда не воровалъ, не поджигалъ, не дѣлалъ фальшивой монеты? Почему онъ говоритъ, что хозяйскіе интересы соблюдалъ и вскользь прибавляетъ, что если совершилъ проступки, то по службѣ, слѣдовательно по соблюденію хозяйскихъ интересовъ? Затѣмъ, мы имѣемъ еще одно свѣдѣніе о Караганове, которое вы слышали изъ обвинительнаго акта, а именно, что Карагановъ былъ крайне подозрителенъ, что онъ постоянно боялся чего-то, спалъ съ револьверомъ и однажды заставилъ горничную съѣсть коробку пудры, подозрѣвая, что это отрава. Если мы сведемъ все это вмѣстѣ, если представимъ себѣ Караганова сначала бодрымъ, свѣжимъ, имѣющимъ цѣлую жизнь впереди, женившагося и взявшаго за женою довольно большое приданое, имѣвшаго свои собственныя дѣла и, наконецъ, управляющимъ Мясниковыхъ въ Ставрополѣ, и затѣмъ представимъ себѣ Караганова мрачнаго, разсѣяннаго, дѣлающаго скандалы, дерущагося на кулачкахъ съ мужиками, не платящаго долговъ, требующаго жалованья и не оказывающаго почтенія къ представителямъ хозяевъ, находящагося постоянно подъ гнетомъ какой-то одной мысли, пьющаго мертвую чашу и пользующагося при этомъ особеннымъ привилегированнымъ положеніемъ; наконецъ, Караганова, котораго преслѣдуетъ постоянная боязнь, Караганова, пишущаго свою послѣднюю волю, въ которой слышится вопль наболѣвшей души и разбитаго сердца; когда мы представимъ себѣ все это, то мы увидимъ, что есть страшная разница между Карагановымъ первымъ и Карагановымъ вторымъ. Когда же произошла эта перемѣна, этотъ переломъ? Мы знаемъ, что это случилось послѣ допроса въ Ставрополѣ, 20-го августа 1868 г. Онъ былъ допрошенъ о духовномъ завѣщаніи Бѣляева. Но о чемъ его спрашивали? Не подписалъ ли онъ духовное завѣщаніе? Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ. Но почему же допросъ этотъ такъ на него подѣйствовалъ, почему онъ такъ упалъ духомъ? Потому что увидѣлъ что то, что смутно, въ отдаленномъ и даже

деселѣ его смущало, вдругъ ожило, возникло вновь, стало предъ очами и вѣщаетъ недоброе. Онъ упалъ духомъ, затосковалъ, сталъ мрачнымъ, потерялъ почву подъ ногами и махнулъ на все рукою. Вотъ это-то поведеніе Караганова и вызвало два ряда дѣйствій относительно его. Съ одной стороны, такой человѣкъ не могъ оставаться на виду многолюднаго общества и не могъ быть около близкихъ людей, которые могли узнать отъ него истину, которымъ онъ могъ бы проболтаться. Поэтому его пріурочиваютъ къ одному мѣсту, запираютъ въ ограниченные предѣлы и, отдавая его на жертву бездѣйствію, даютъ ему возможность топить свою тоску, свою думу, свой умъ въ водкѣ и спиртѣ. Съ другой стороны надо было знать, что такое дѣлаетъ Караганова, какъ онъ себя держитъ. И вотъ о немъ ведется постоянная переписка. Требованія Караганова исполняются въ точности и съ быстротою; для него дѣлается все; ему даютъ жалованье и полную свободу, ничего отъ него не требуя, лишь бы онъ жилъ на заводѣ и пилъ, сколько душѣ угодно, и онъ пьетъ. Но вотъ однажды, въ пьяномъ видѣ, онъ проговаривается проѣзжему купцу, разсказываетъ, что онъ лысаго, беззубаго старика, лакея Мясниковыхъ, такъ обчистилъ, что милліонъ отъ него отбилъ своимъ хозяевамъ и старику ни гроша не оставилъ—не съ чѣмъ на тотъ свѣтъ проѣхать. Изъ нѣкоторыхъ заявленій защиты надо думать, что она будетъ стараться доказать вамъ, что проѣзжій купецъ и его прикащикъ были агенты сыскной полиціи, пріѣхавшіе съ цѣлью разузнать отъ Караганова о настоящемъ дѣлѣ. Я не знаю, такъ ли это было на самомъ дѣлѣ и не стану отрицать этого, но скажу, что если это были агенты полиціи, то ихъ ловкости должно отдать честь открытія перваго повода къ возбужденію дѣла. Такъ или иначе, но до свѣдѣнія судебной власти дошло, что Карагановъ проговорился. Намъ, можетъ быть, скажутъ, что его подпоили; но мы имѣемъ свѣдѣнія, что онъ пилъ мертвую чашу задолго до этого, что въ 1869 г. онъ уже дѣлалъ вещи совершенно ни съ чѣмъ несообразныя. Затѣмъ, Караганову, конечно, уже совершенно трезвый, допрошенный судебнымъ слѣдователемъ, повторилъ то, что было сказано въ бытность его на заводѣ. Сущность этого показанія онъ повторилъ здѣсь. Онъ говорилъ, что ему стыдно, что онъ сдѣлалъ нехорошее, постыдное дѣло, какъ онъ выразился, и если бы онъ не сдѣлалъ, то не имѣлъ бы чести находиться здѣсь; въ присутствіи Мясниковыхъ

ему неловко, больно. Онъ урывками, постепенно, послѣ долгихъ допросовъ, начинаетъ разсказывать, что онъ сдѣлалъ. А сдѣлалъ онъ вотъ что: онъ подписалъ принесенный ему листъ бумаги подписью «Козьма Бѣляевъ». Сначала онъ говорилъ, что подписалъ одинъ разъ, но когда его стали распрашивать, не писалъ ли онъ прежде, не пробовалъ ли до этого, онъ сознался, что пробовалъ, писалъ нѣсколько разъ и наконецъ подписалъ. Что же это за бумага, для чего послужила она? «Не знаю—говоритъ онъ—мнѣ неизвѣстно; а казенный интересъ я соблюдалъ всегда и хозяевамъ былъ вѣренъ». Вотъ сущность его показанія. Въ немъ, въ краткихъ чертахъ, ясно выразилось, что онъ, по предложенію Мясникова, подписалъ листъ бумаги, и что учился дѣлать подпись; а затѣмъ, въ цѣломъ рядѣ варіацій на эту тему, постоянно звучитъ одно и то же, что онъ сохранялъ хозяйскій интересъ, что онъ имъ большія выгоды предоставилъ, что онъ несчастный человѣкъ, былъ молодъ, неопытенъ, и прочее. Но, гг. присяжные, посмотрите на Караганова перваго и сравните его съ тѣмъ, который даетъ передъ вами показанія. Изъ всѣхъ его объясненій ясно, что этотъ человѣкъ преданъ хозяевамъ, любитъ ихъ; не даромъ онъ сказалъ, что хозяева были Мясниковы, а Бѣляевъ только воротило. Онъ до сихъ поръ считаетъ его за лысаго лакея Мясниковыхъ, и до сихъ поръ считаетъ Мясниковыхъ въ правѣ поступить такъ, какъ они поступили. Онъ видитъ въ нихъ идеалъ хозяевъ, и здѣсь, отдавая себя на жертву, говоря твердо и ясно, что онъ подписалъ завѣщаніе, цѣлымъ рядомъ отступленій старается доказать, что онъ былъ вообще человѣкъ честный, старается не говорить ничего о Мясниковыхъ, не рѣшается упомянуть объ ихъ дальнѣйшемъ участіи въ преступленіи. Это показаніе Караганова достаточно объясняетъ, почему, не смотря на то, что онъ былъ безполезенъ, не смотря на то, что онъ пилъ постоянно, его призрѣваютъ на Задонскомъ заводѣ. Онъ былъ безполезенъ, но опасенъ; онъ могъ проболтаться. Мнѣ скажутъ, что онъ могъ проболтаться и прежде, а между тѣмъ его отпускали. Прежде Карагановъ былъ молодой человѣкъ, только что связавшій свою судьбу съ женщиною, которую онъ любилъ; у него было состояніе, цѣлая будущность впереди, понятно, что тогда ему открывать, говорить что нибудь о своемъ поступкѣ было опасно для него самого; даже дѣло еще тогда не возникало, т. е.

дѣло было гражданское. Но когда въ 1868 г. возникло дѣло уголовное, и онъ былъ допрошенъ, онъ уже былъ не тотъ. Будущаго у него не было, и тогда оказалось нужнымъ держать его въ одномъ мѣстѣ, запереть его въ заколдованный кругъ, никуда не выпускать и поскорѣе поставить въ такое положеніе, чтобы показаніе его не имѣло никакого значенія. Пусть онъ пьетъ, пусть развивается его пагубная страсть: онъ крѣпокъ тѣломъ, много вынесетъ физически, слѣдовательно ни на чьей душѣ не будетъ лежать его физическая смерть, а между тѣмъ его разумъ померкнетъ, его умъ ослабнетъ: тогда его сознаніе потонетъ въ водкѣ, онъ потеряетъ образъ Божій, и можно будетъ возбудить сомнѣніе въ нормальности его умственнаго состоянія. Онъ падаетъ нравственно, онъ гибнетъ, его надо удержать строгостью, отдать его отцу, и онъ можетъ быть спасенъ. Нѣтъ! пусть гибнетъ, пусть падаетъ. Чѣмъ ниже онъ упадетъ, тѣмъ менѣе будетъ разницы между нимъ и скотомъ, тѣмъ менѣе онъ будетъ заслуживать довѣрія, тѣмъ болѣе будетъ онъ безопасенъ. Вотъ почему Карагановъ долженъ былъ оставаться на заводѣ. Мнѣ скажутъ: а письма, написанныя къ Мясникову? Вѣдь если онъ зналъ, что совершилъ преступленіе по желанію Мясникова, такъ онъ могъ обращаться съ нимъ небрежно, безъ уваженія, а между тѣмъ какъ почтительно онъ пишетъ. Да что же изъ того, что онъ зналъ, что по желанію Мясникова совершилъ преступленіе? Вѣдь съ минуты совершенія преступленія онъ связалъ себя тѣсною, преступною связью съ Мясниковыми; выдавая ихъ, онъ выдавалъ себя; онъ поставленъ въ магическій кругъ, очерченный ихъ общимъ преступленіемъ, но внутри круга все осталось по старому и отношенія не измѣнились: онъ былъ, по прежнему, подчиненный, прикащикъ, обязанный писать почтительныя письма, съ тою только разницею, что прежде онъ былъ честный прикащикъ честнаго хозяина, а теперь сталъ преступнымъ прикащикомъ преступнаго хозяина. Наконецъ, мы знаемъ, какимъ обыкновенно тономъ пишутся письма въ коммерческихъ сношеніяхъ; мы знаемъ, что вѣжливость въ нихъ часто внѣшняя, формальная; мы знаемъ, что человѣкъ выше поставленный—Ив. Мясниковъ—письмо къ Бѣлоневу, гдѣ онъ упрекаетъ его въ растратѣ денегъ, начинаетъ словами: «милый дяденька!» и кончетъ увѣреніями въ преданности и просьбою не сердиться. Очевидно, что такой стиль письма ни-

чего не доказываетъ въ пользу добрыхъ, ненатянутыхъ отношеній. Итакъ, мы имѣемъ показаніе Караганова, которое вы слышали на Судѣ. Поведеніе подсудимаго въ связи съ его прежнимъ пьянствомъ побудило обвинительную власть произвести изслѣдованіе объ его умственномъ состояніи въ то время, когда онъ давалъ свои объясненія. Мы не хотѣли предстать передъ вами съ сознаніемъ, даннымъ человѣкомъ умалишеннымъ; мы хотѣли знать, что «трезвость» этого сознанія подкрѣпляется цѣлымъ рядомъ изслѣдованій и экспертизой; мы хотѣли предстать передъ вами въ этомъ отношеніи съ полною увѣренностью въ томъ, что сознаніе дано правильно. Вы слышали обстоятельную, твердую, строго научную экспертизу доктора Дюкова. Что же онъ сказалъ? «Этотъ человѣкъ притворяется—объяснилъ онъ—потому что я и докторъ Баталинъ наблюдали подсудимаго и нашли, что въ его дѣйствіяхъ нѣтъ ничего похожаго на сумасшествіе: сумасшедшій всегда вѣренъ самому себѣ, между тѣмъ какъ Карагановъ создаетъ самъ свое состояніе духа и бываетъ веселъ, разговорчивъ, внимателенъ и даже играетъ на скрипкѣ, когда остается наединѣ съ докторомъ Баталинымъ». Защита спрашивала, что если будетъ доказано, что Карагановъ не притворяется, что онъ дѣйствительно такъ разсѣянъ, что не понимаетъ того, что говорятъ — что это будетъ тогда?—«Тогда это состояніе ненормальное», отвѣтилъ г. Дюковъ. Но на мой вопросъ: «не находитъ ли онъ третьяго исхода, не видитъ ли онъ въ этомъ постоянномъ повтореніи одного и того же о казенномъ интересѣ, о пожарахъ и несчастіяхъ, отчасти забывчивости, а отчасти и желанія оправдать себя въ глазахъ Суда?» — докторъ Дюковъ отвѣтилъ: «этотъ третій выводъ тоже возможенъ». На немъ я и останавливаюсь. Говоря предъ вами о своемъ бытѣ, подъ вліяніемъ тяжелыхъ воспоминаній, Карагановъ рѣзко и кратко говоритъ о преступленіи, но затѣмъ, весь отдаваясь желанію предстать предъ вами не окончательно же дурнымъ человѣкомъ и объяснить свой проступокъ, онъ постоянно приходитъ къ тому, что по неопытности сдѣлалъ онъ это дѣло, по молодости, а человѣкъ вообще былъ честный, оберегалъ хозяевъ. Пускай утверждаютъ, что теперь Карагановъ сумасшедшій, это не можетъ поколебать дѣйствительности его показанія. Важно не то даже, лишенъ ли онъ ума въ настоящее время, а важно то, что, давая свои показанія на предварительномъ слѣдствіи, онъ былъ въ здравомъ умѣ, о чемъ мы

слышали письменное и устное заявленіе экспертовъ; важно то, что когда на предварительномъ слѣдствіи ему было предъявлено завѣщаніе, онъ показалъ, гдѣ была подпись, объяснивъ, что сдѣлалъ только подпись и больше ничего. И дѣйствительно, когда мы начинаемъ разсматривать завѣщаніе, то видимъ, что сначала написано разгонисто, потомъ сжато и опять разгонисто. Это доказываетъ, что текстъ подгонялся къ подписи. Наконецъ, если намъ станутъ говорить, что Карагановъ безуменъ въ настоящее время, то что же изъ этого? Кто допустилъ его сдѣлаться такимъ, кто заключилъ этого человѣка на бездѣйствующій заводъ въ задонскихъ степяхъ, кто не давалъ ему работы, а давалъ водку и деньги въ изобиліи, кто лишилъ его свободныхъ свиданій съ родными, кто оставилъ его одного на жертву угрызеніямъ совѣсти, на жертву воспоминаніямъ о проданной любви, кто заставилъ его говорить съ отцомъ, который одинъ былъ ему близокъ, не на словахъ, а писать ему, кто заставилъ этого человѣка и здѣсь собирать послѣднія силы своего разбитаго сердца, чтобъ, погибая самому, защищать своихъ хозяевъ, кто виноватъ въ такомъ его душевномъ разстройствѣ, если оно дѣйствительно существуетъ, кто не оградилъ, не спасъ его отъ губительной страсти, когда къ тому имѣлись всѣ способы и средства? Если онъ находится здѣсь передъ вами безумный, то это только живое и наглядное свидѣтельство того, въ чемъ онъ сознался. Онъ наглядный свидѣтель подложности завѣщанія, и не столько потому, что онъ говоритъ, сколько потому, въ какомъ положеніи онъ находится. И чѣмъ ближе это живое доказательство къ духовной смерти, тѣмъ громче и краснорѣчивѣе говоритъ оно о сдѣланномъ преступленіи. И чѣмъ больше силится онъ собрать свои скудныя душевныя силы, чтобы свидѣтельствовать о преданности хозяевамъ, тѣмъ виднѣе, какъ злоупотребляли этою преданностью, тѣмъ понятнѣе, отчего у Козьмы Бѣляева дрожала рука, когда онъ будто бы подписывалъ свое завѣщаніе.

Перехожу къ третьему вопросу.

Я сказалъ уже, что послѣ того, какъ я опредѣлю путь, какимъ составилось завѣщаніе, мнѣ нужно будетъ еще опредѣлить и самую виновность лицъ, которыя его составляли, нужно будетъ узнать, кто виновенъ въ составленіи завѣщанія духомъ, какъ виновенъ въ этомъ Карагановъ тѣломъ. Я сказалъ въ началѣ моей рѣчи,

что не стану убѣждать васъ въ виновности или невинности лицъ, совершившихъ преступленіе, а только передамъ какъ, по моему убѣжденію, было дѣло.

Изъ всего высказаннаго мною можно вывести заключеніе, что завѣщаніе подложно. Остается вопросъ: кто совершилъ это преступленіе? Есть старинное правило, что преступленіе совершается обыкновенно тѣми, для кого оно представляется наиболѣе выгоднымъ. Кому же могла быть выгода въ составленіи этого духовнаго завѣщанія?

Прежде всего, конечно, Бѣляевой. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что ей было выгодно имѣть завѣщаніе въ свою пользу: я уже говорилъ о томъ, что, по самому умѣренному разсчету, у Бѣляева послѣ его смерти осталось на 700,000 имущества; кромѣ того, Бѣляева до того времени играла роль богатой женщины, владѣтельницы заводовъ, обладающей извѣстнымъ капиталомъ, гордой, съ которою какой нибудь Красильниковъ не смѣлъ бы говорить. Ей, понятно, хотѣлось имѣть завѣщаніе въ свою пользу, чтобы избавить себя отъ необходимости сойти съ первенствующаго мѣста и уступить его родственницамъ своего мужа. Мы имѣемъ нѣсколько сторонъ характера этой женщины, довольно ясно рисующихъ ее: мы знаемъ, что она не удостоивала родственницы своего мужа откровенностью по тому вопросу, разъясненіе котораго избавило бы ее отъ болѣзни, и не удостоивала Красильникова разговоромъ, не смотря на то, что онъ обращался къ ней по дѣлу, и мы знаемъ также изъ показаній Махаевой, что Бѣляева держала себя гордо и надменно. И эта женщина, которая держитъ себя гордо, которая является главой, хозяйкой въ домѣ, вдругъ должна сойти на второй планъ, уступить свое мѣсто, стушеваться, потерять окружающій ее штатъ и вообще умалиться въ своемъ величіи. Развѣ это легко, развѣ это не есть такая рана тщеславію, которую трудно перенести?

Вотъ почему Бѣляева должна была желать, чтобы завѣщаніе это было составлено въ ея пользу.

Но могла ли сама она это сдѣлать? Конечно, нѣтъ. Какою вы видѣли женщину эту здѣсь, такою же, вѣроятно, была она и 14 лѣтъ тому назадъ. Вы видѣли, что она лицо, способное являться орудіемъ въ чужихъ рукахъ. Она не умѣла даже говорить здѣсь такъ, чтобы не путаться и не сбиваться, она не умѣла пригото-

ться къ объясненіямъ, она не умѣла избѣжать тѣхъ явныхъ противорѣчій, недомолковъ, которыми такъ богато ея показаніе.

Очевидно, не она сдѣлала фальшивое завѣщаніе; да и дѣло такое вовсе, по народному выраженію, «не женскаго ума дѣло». Итакъ, кто же другой могъ совершить это преступленіе? Я постараюсь прослѣдить въ хронологическомъ порядкѣ ту цѣпь свѣдѣній, которую мы имѣемъ. Бѣляевъ умираетъ въ сентябрѣ, 25-го числа, завѣщаніе написано отъ 10-го мая 1858 года; первымъ документомъ послѣ его смерти является та довѣренность, которая при обыскѣ найдена въ бумагахъ Бѣляевой и была составлена въ сентябрѣ 1858 года, слѣдовательно, тотчасъ послѣ смерти мужа. Бѣляева отдаетъ по этой довѣренности въ безотчетное управленіе Мясниковымъ все имѣніе мужа. Въ день смерти Бѣляева пріѣзжаетъ Ал. Мясниковъ—я ничего не говорю объ Иванѣ, потому что на это на судебномъ слѣдствіи не было указаній—и вывозитъ въ узлахъ книги и дѣла своего дяди. Какія это были книги и дѣла? Ихъ, Мясниковыхъ. Но знали ли они хорошо свои дѣла? Нѣтъ, они этого не знали. Гдѣ же онѣ лежали? Находились ли онѣ въ такомъ положеніи, что ихъ можно было отобрать отъ книгъ и дѣлъ Козьмы Васильевича? Одна свидѣтельница, кажется, чуть ли не сама Бѣляева, показывала, что бумаги Бѣляева и бумаги подсудимыхъ лежали въ кабинетѣ на полу. Но между ними могли вѣдь быть и денежные документы. Гдѣ же эти документы лежали? Неужели у такого аккуратнаго человѣка, какимъ былъ Бѣляевъ, документы лежали на полу незапертыми и не было для нихъ никакого хранилища?

Итакъ, всѣ бывшія въ кабинетѣ Бѣляева бумаги вывозятъ, захвативъ даже документъ, принадлежавшій Махаевой. Въ день смерти Бѣляева должна была явиться полиція къ описи, но она не была. Была ли она дѣйствительно на другой день— это трудно сказать. Предъ вами были допрошены лица, участвовавшія въ составленіи акта описи, и лица эти показали, что на другой день смерти Бѣляева былъ составленъ полицейскій актъ и подписанъ квартальнымъ надзирателемъ Соколовымъ.

Въ актѣ этомъ значилось, что въ имуществѣ Бѣляева произведенъ осмотръ и оно запечатано, причемъ найдено 326 р. золота и нѣсколько серебряныхъ монетъ; но, затѣмъ, одинъ изъ нихъ показалъ, что этотъ актъ писался имъ въ конторѣ, подъ диктовку

квартальнаго надзирателя, и что на мѣстѣ осмотра онъ не былъ, не было при этомъ также и понятыхъ. Квартальный же надзиратель сказалъ, что никакого акта онъ не подписывалъ и вовсе не былъ въ домѣ Бѣляева. Итакъ, актъ этотъ составленъ неизвѣстно кѣмъ, въ конторѣ квартала, и подписанъ кѣмъ-то за Соколова. Такъ ли было въ дѣйствительности—рѣшить въ виду такихъ показаній трудно; но вѣрно одно, что настоящей описи произведено не было и полиція не явилась своевременно въ домъ покойнаго; вѣрно также и то, что какія-то печати кѣмъ-то наложены были на простые шкафы и жирандоли. Затѣмъ, 16-го октября, предъявляется въ Гражданскую Палату для засвидѣтельствованія завѣщаніе. Засвидѣтельствовано оно 6-го ноября, а 22-го декабря между Мясниковыми и Бѣляевой заключается договоръ или условіе, по которому Бѣляева отдаетъ Мясниковымъ все принадлежащее ей имущество, какъ доставшееся по завѣщанію, такъ и свое собственное, взамѣнъ сохранной росписки въ 272,000, выданной мужемъ ея Мясниковымъ, и 120,000 р., которые они обѣщали выплачивать по 12,000 въ годъ, въ теченіе 10 ти лѣтъ. Такимъ образомъ, все имущество передано Мясниковымъ за 392,653 р., включая туда и заведы, одни стоившіе 200,000 р., не считая другаго имущества, принадлежавшаго Бѣляевой.

Затѣмъ, изъ дѣла извѣстно, что Бѣляева заявляла въ Казенную Палату и Управу Благочинія о томъ, что ей была представлена сохранная росписка еще до засвидѣтельствованія завѣщанія, но уже послѣ того, какъ оно открылось, и что эту росписку она скрѣпила своей собственной подписью. Потомъ, также намъ извѣстно дѣло по опекѣ Шишкина. Вотъ въ хронологическомъ порядкѣ тѣ событія, на которыя я считаю нужнымъ указать вамъ. Мы признали, что сама Бѣляева не могла составлять духовнаго завѣщанія. Кому же, помимо ея, могъ быть интересъ въ этомъ? Здѣсь опять приходится обратиться къ дѣламъ Мясниковыхъ; но прежде поищемъ, нѣтъ ли въ чемъ нибудь указанія на возможность этого обращенія? Указанія эти существуютъ: ихъ даетъ сама Бѣляева своей жалобой въ Управу Благочинія и заявленіемъ въ Казенную Палату, въ которомъ она говоритъ, что ею заплачено по сохранной росписке, которой она не видала и о которой раньше того она ничего не слыхала; отъ нея взяли имущество, приносящее огромный доходъ, а ей ничего не даютъ. Слѣдовательно, кто же получилъ выгоды отъ завѣщанія? Получили ихъ Мясниковы. Обра-

тимся опять ко времени смерти Бѣляева. Онъ умеръ въ 1858 г.; передъ вами былъ его дневникъ и счеты, изъ которыхъ вы могли усмотрѣть, что дѣла Бѣляева и Мясниковыхъ были тѣсно переплетены между собою. Я готовъ допустить, что Мясниковы, согласно заявленію защиты, участвовали не гласно въ предпріятіяхъ Бѣляева, что вообще все дѣло основывалось на взаимномъ довѣріи и что дѣла Бѣляева частью принадлежали и Мясниковымъ. Этимъ устраняется противорѣчіе о капиталѣ въ 600,000 руб. и тѣ указанія, которыя даютъ поводъ думать, что въ сущности капиталъ простирался до 1½ милліона рублей.

Какъ Мясниковы имѣли участіе въ дѣлахъ Бѣляева, такъ точно и Бѣляевъ, съ своей стороны, негласно участвовалъ въ предпріятіяхъ и дѣлахъ покойнаго Ивана Ѳедоровича Мясникова. Одинъ участвовалъ въ предпріятіяхъ своимъ основнымъ капиталомъ, другой отчасти капиталомъ, отчасти своимъ умѣніемъ дѣлать обороты и выгодно помѣщать капиталы. Капиталы эти, соединенные вмѣстѣ, скопленные общимъ трудомъ, составляютъ такую силу, которая заставляла говорить о богатствѣ Мясникова. Но были ли между Мясниковыми и Бѣляевымъ заключены какія-либо условія, по которымъ бы въ данную минуту можно было немедленно отдѣлить капиталъ одного отъ капитала другаго? Я полагаю, что нѣтъ. Доказательство тому я вижу, между прочимъ, въ томъ, что когда Мясниковы были приглашены Бѣляевымъ участвовать въ паяхъ на рыбныя ловли, онъ обратился въ Коммисію съ заявленіемъ о томъ, что принимаетъ Александра и Ивана Мясниковыхъ къ участію въ Самосдѣльско-Образцовской рыбной ловлѣ на равныхъ правахъ и что контрактъ будетъ доставленъ,—въ послѣдствіи же никакого контракта не доставилъ. Итакъ, вы видите, что въ такомъ большомъ предпріятіи права Мясниковыхъ ничѣмъ не были ограждены. Что могли сказать Мясниковы? Мы участвуемъ въ предпріятіи въ ⅔. Почему? спросили бы ихъ наслѣдники. Да Бѣляевъ заявилъ объ этомъ. Но имъ отвѣтили бы, что на основаніи 27 § кондицій, необходимо, чтобы между ними былъ заключенъ договоръ, а его нѣтъ. Мясниковы сказали бы, что они основывались на взаимномъ довѣріи. Да, вы могли довѣрять другъ другу, а мы вамъ не довѣряемъ. Докажите ваши права формально, а пока должны признать, что мы его наслѣдники во всемъ предпріятіи. Тоже самое могло повториться и относительно другихъ дѣлъ Бѣляева. Бѣ-

ляевъ имѣлъ откупъ въ Херсонѣ и Николаевѣ. Я готовъ согласиться, что изъ 25 паевъ онъ владѣлъ 1/3 частію, остальные 20 паевъ принадлежали Мясниковымъ. Это такъ, но въ объявленіи, поданномъ въ Сенатъ, всѣ двадцать пять паевъ откупа оставлены за Бѣляевымъ. Итакъ, когда явились бы наслѣдники и стали бы требовать эти откупа, что могли бы представить Мясниковы въ доказательство правъ своихъ? Расчетныя книги Бѣляева, гдѣ записывались разныя суммы? Но на это наслѣдники сказали бы, что коммерція требуетъ книгъ шнуровыхъ, но ихъ не было; былъ же какой-то истрепанный дневникъ. Можетъ быть онѣ и были, но въ настоящее время ихъ нѣтъ. Я указывалъ на дневникъ Бѣляева, но въ немъ находятся такія цифры, какъ напримѣръ: «4,000 взято у Ванюшки 4-го августа; затѣмъ, 2-го сентября выдано задаточныхъ денегъ за Устюгъ 4,000, а 14-го сентября опять выдано 4,000». Что же это значитъ? Значитъ ли, что они участвовали вмѣстѣ въ коммерческихъ операціяхъ, и что же собственно означаетъ подобный расходъ, какъ 4,000 14-го сентября? Дневникомъ ничего нельзя доказать, развѣ только то, что нравственно наслѣдники обязаны были удовлетворить требованія Мясниковыхъ, но въ дѣлахъ коммерческихъ такія нравственныя обязанности стоятъ на послѣднемъ планѣ; на первомъ же планѣ являются документы. Итакъ, вотъ въ какомъ положеніи были Мясниковы послѣ смерти Бѣляева.

Дѣла ихъ и Бѣляева были такъ спутаны вмѣстѣ и перемѣшаны, что трудно было различить, гдѣ кончаются одни и начинаются другія. Между тѣмъ Бѣляевъ умеръ въ то время, когда Мясниковы вмѣстѣ съ Бѣляевымъ намѣревались пуститься еще въ большія предпріятія и, между прочимъ, купить заводъ Берда. Я ссылаюсь на § 14, гдѣ сказано, что Бѣляевъ намѣренъ былъ участвовать въ 2/3 завода (а эти 2/3 составляли 1.800,000); я признаю, что у Бѣляева не было такой громадной суммы, слѣдовательно онъ участвовалъ въ предпріятіи вмѣстѣ съ Мясниковыми, но ихъ участіе, повидимому, опять предполагалось негласное. На это указывала намъ въ своемъ заявленіи защита, что этотъ § былъ зачеркнутъ и надъ нимъ сдѣлана надпись. Итакъ, вотъ въ какомъ положеніи застала ихъ смерть Бѣляева: обширныя предпріятія задумывались, откупа были разбросаны по всей Россіи, въ однихъ Мясниковы участвовали негласно, въ другихъ гласно. Далѣе, вы

слышали здѣсь характеристичное показаніе свидѣтеля Ненюкова, который, когда его спросили, почему онъ думаетъ, что Бѣляевъ не имѣлъ большихъ средствъ, отвѣчалъ, что Бѣляевъ слишкомъ разбрасывался въ дѣлахъ. Что это значитъ? То, что въ коммерціи требуется извѣстная спеціализація занятій, и что въ коммерческомъ мірѣ не особенно довѣряется такому человѣку, который сразу пускается въ различныя отрасли промышленности и различныя предпріятія, требующія громадныхъ суммъ, между тѣмъ какъ всѣмъ извѣстно, что у него ихъ нѣтъ. Такой человѣкъ не можетъ имѣть большаго кредита. Поэтому Бѣляеву и Мясниковымъ надо было раздѣлиться оффиціальнымъ образомъ. Они и раздѣлились; въ сущности же каждый изъ нихъ участвовалъ въ части другаго. Смерть Бѣляева послѣдовала въ 1858 году, то есть въ то время, когда были уже введены и вводились многія реформы, такъ, напримѣръ, тогда начиналась крестьянская реформа и впервые были приняты мѣры, какъ вамъ было заявлено защитой, къ уничтоженію откупа, который доживалъ свои послѣдніе дни. Министерствомъ Финансовъ, въ особой коммисіи, были выработаны новыя правила и было положено въ послѣднія шесть лѣтъ сначала отдавать откупа на два года, потомъ на четыре. Итакъ, повторяю, это былъ послѣдній моментъ существованія того учрежденія, въ которомъ создавались такіе громадные капиталы, которое одно служило главнымъ источникомъ тѣхъ громадныхъ состояній, о которыхъ здѣсь не разъ упоминалось: Бенардаки, Кокорева и другихъ капиталистовъ. Понятно, какъ всѣ откупщики старались удержать за собою участіе въ откупахъ, для того, чтобы въ послѣднее время добыть какъ можно больше, выжать изъ откуповъ все, что можно, посредствомъ дорогой продажи вина. Это-то легкое, ускользавшее, уничтожавшееся добываніе средствъ заставляло Мясниковыхъ стараться удержать за собою откупа на послѣднее время, и они дѣйствительно остались за ними на 1857 и 1858 годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ наступила акціонерная пора. Вы помните, конечно, какъ создавались акціонерныя общества одно за другимъ, помните, какъ люди почтенные, солидные въ торговомъ отношеніи, совершенно теряли голову съ этими акціями, пускались въ еще болѣе азартную игру, чѣмъ въ послѣдствіи была биржевая желѣзно-дорожная игра. Словомъ, наступило то время, когда коммерческое дѣло должно было развиться на очень широ-

кихъ основаніяхъ. Надо было собрать какъ можно больше капиталовъ, надо было держаться въ обширныхъ предпріятіяхъ, и затѣмъ играть свою широкую роль, а тутъ оказывается, что завѣщанія нѣтъ, возникнутъ споры, процессы, тяжбы, и когда же?— когда всякій часъ дорогъ, всякій рубль цѣненъ. Тутъ являются неизвѣстныя лица, какіе-то мѣщане изъ Сарапуля, которые, во первыхъ, отберутъ половину состоянія у Бѣляевой, во-вторыхъ, заставятъ Мясниковыхъ отказаться отъ участія во многихъ откупахъ, лишиться возможности имѣть на будущее время лишніе капиталы, а главное, заставятъ Мясниковыхъ, имѣвшихъ большіе обороты, войти въ безконечное число процессовъ, которые будутъ тянуться годы, такъ какъ гласные суды еще не вводились. Что же оставалось дѣлать Мясниковымъ? Сдѣлаться наслѣдниками. Но какъ? Оставалось сдѣлать завѣщаніе, но сдѣлать его въ свою пользу неудобно, такъ какъ тогда придется назначить большія выдачи вдовѣ и другимъ лицамъ, а тутъ каждая копѣйка дорога, между тѣмъ, какъ извѣстно изъ дѣла, что въ концѣ августа Мясниковы не могли выплатить 36,000, и Бѣляевъ писалъ имъ, что если они не вышлютъ этихъ денегъ, то на честное имя Мясниковыхъ въ коммерческомъ отношеніи ляжетъ черное пятно. Вообще, для нихъ неудобно сдѣлать завѣщаніе на свое имя, это будетъ даже подозрительно; слѣдовательно, остается сдѣлать его на имя вдовы Бѣляева. По какъ сдѣлать: съ ея вѣдома? Конечно, безъ вѣдома ея неудобно. Для того надо явиться къ ней, и сказать, что вотъ все имущество остается въ пользу родственниковъ ея мужа, а они, ея племянники, не желаютъ, чтобъ ее обижали, и что поэтому, такъ какъ покойный всегда желалъ оставить все ей, то самое лучшее, что она можетъ сдѣлать, это—положиться на нихъ, что завѣщаніе будетъ готово. Правда, Бѣляевой могло показаться это подозрительнымъ; но вы слышали, что Мясниковы взяли всѣ бумаги изъ кабинета Бѣляева, и потому они могли сказать, что въ этихъ дѣлахъ и бумагахъ, взятыхъ ими, нашелся документъ, по которому надо получить и имъ: это сохранная росписка въ 272,000 рублей сереб. Вы слышали, гг. присяжные засѣдатели, что, по разсчету Бѣляева, онъ состоялъ должнымъ Мясниковымъ въ маѣ мѣсяцѣ 91,000 р., но затѣмъ изъ отступныхъ денегъ съ его счета надо было списать 84,000 р., слѣдовательно, за нимъ, по самому неблагопріятному для него разсчету,

оставалось только 7,000 руб. ко дню смерти, слѣдовательно, сохранная росписка въ 272,000 руб. была давно погашена. Она была выдана по разсчетамъ Бѣляева съ Мясниковыми въ теченіе 1857 и 58 годовъ, затѣмъ, чтобы регулировать счеты предъ отъѣздомъ И. К. Мясникова въ Астрахань. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рядомъ съ нею росли и другіе разсчеты, по которымъ, какъ я доказывалъ вамъ вчера документами, уже Мясниковы становились мало по малу должниками Бѣляева, такъ что росписка погасилась, и была, по всѣмъ вѣроятіямъ, возвращена Бѣляеву, который ее сберегъ, по своей аккуратности, какъ основаніе для будущаго отчета. Она-то и была вывезена изъ его дома вмѣстѣ съ прочими документами въ день его смерти. Эта-то росписка и явилась средствомъ для того, чтобы заставить Бѣляеву принять завѣщаніе. Они могли сказать ей: «у насъ есть росписка; да Богъ знаетъ, можетъ быть еще съ наслѣдниками придется вести процессъ, а вы слышали разговоръ о ней, знаете, что она была выдана. Поручитесь, а когда будетъ завѣщаніе, заплатите намъ и дѣло будетъ окончено къ общему удовольствію. Вы получите капиталъ, а мы—принадлежащій намъ долгъ». И вотъ, до представленія Александромъ Мясниковымъ духовнаго завѣщанія въ Палату, Бѣляева дѣлаетъ надпись на росписке. Но спрашивается: знала ли она, какъ велико состояніе ея мужа? Нѣтъ, потому что, давая довѣренность Мясниковымъ, вскорѣ послѣ смерти мужа, на управленіе всѣмъ имѣніемъ, она отдала въ управленіе такое имущество, по которому всѣ книги и документы находились въ ихъ рукахъ. Когда завѣщаніе уже утверждено, тогда отступать поздно; тогда ей сказано, что имущества всего на 392,000 р., что цифра эта точная, что больше этого нѣтъ имущества. Что могла отвѣтить на это Бѣляева? Развѣ то, что она не заплатитъ, потому что завѣщаніе подложное. Но ей скажутъ на это: да вы сами согласились на это, сдѣлали все, чтобы ввести правосудіе въ обманъ. Такимъ-то образомъ совершается сдѣлка о передачѣ всего имѣнія, какъ самой Бѣляевой, такъ и ея мужа, за сохранную росписку и за 120,000 рублей. И Бѣляева, согласившись на завѣщаніе, отрѣзывала себѣ путь къ отступленію, и не могла, не губя и не роняя себя, обличить дѣйствій Мясниковыхъ. Я забылъ еще сказать, какъ я смотрю на участіе Целебровскаго въ дѣлѣ завѣщанія. Онъ подписалъ завѣщаніе послѣ смерти Бѣляева; но

онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ подвергнуться отвѣтственности; онъ былъ болѣе всѣхъ гарантированъ. При разности чернилъ въ подписяхъ, онъ могъ всегда сказать: «да! Бѣляевъ просилъ меня переписать завѣщаніе и я исполнилъ его просьбу; но завѣщанія онъ въ то время не подписалъ, оставилъ его у себя, и что сталось съ нимъ потомъ.—не знаю. Можетъ быть, оно и было подписано послѣ смерти». Притомъ, молчаніе Целебровскаго можно было пріобрѣсти. Онъ служилъ у Бѣляева за весьма небольшое жалованье и употреблялся для выполненія разныхъ щекотливыхъ порученій, а черезъ полтора года послѣ смерти Бѣляева, въ то время, когда онъ самъ умиралъ въ сумашедшемъ домѣ, у него оказалось 20,000 капитала».

Затѣмъ, снова обращаясь къ разсчетамъ Бѣляева и Мясниковыхъ, прокуроръ указалъ, что эти разсчеты и общность предпріятій Мясниковыхъ и Бѣляева заставляли первыхъ настойчиво желать удержать въ своихъ рукахъ его предпріятія и дѣла и тѣмъ устранить грозившее умаленіе ихъ дѣлъ и оборотовъ. Средствомъ для этого была сдѣлка съ Бѣляевой о передачѣ ею всѣхъ дѣлъ мужа Мясниковымъ, вслѣдствіе находившейся у нихъ росписки. Основаніемъ для этой сдѣлки послужило подложное завѣщаніе.

«Такимъ образомъ, гг. присяжные, я изложилъ передъ вами тотъ путь, которымъ, по моему мнѣнію, составилось завѣщаніе. Мнѣ могутъ сказать, что это одни только предположенія. Да, предположенія, но которыя основаны на экспертизѣ и на показаніяхъ Карагапова. Мнѣ могутъ сказать: хорошо, вы говорите, что преступленіе это совершено Мясниковыми; но если они преступники, то укажите на свойственное преступнику стремленіе скрывать слѣды совершеннаго имъ преступленія, стараться устроить такъ, чтобы не было возбуждено вопроса о преслѣдованіи.

Эти дѣйствія, клонящіяся къ сокрытію слѣдовъ преступленія, существовали и со стороны Мясниковыхъ. Мы знаемъ, что они предпринимали неоднократныя попытки къ прекращенію дѣла миромъ, и что эти попытки усилились при возникновеніи дѣла въ 1868 и 1870 годахъ. Въ дѣлѣ есть, наконецъ, и свидѣтель противъ нихъ, свидѣтель, который старается теперь скрыть слѣды совершеннаго ими преступленія. Это—Бѣляева. Противъ воли, косвенно, уклончиво, но она свидѣтельствовала противъ Мясниковыхъ. Въ 1864 г. возникло дѣло по опекѣ Шишкина. Шишкинъ, 14-ти-лѣтній маль-

чикъ, нѣжно любимый внукъ Бѣляевой, состоялъ подъ опекою у нея, Ивана Мясникова и Отто, и въ домѣ Бѣляевой жилъ. Мясниковъ и Отто потребовали отъ Дворянской Опеки устраненія Бѣляевой. Чѣмъ это было вызвано — мы не знаемъ; но очевидно, что это было сдѣлано по желанію Мясникова, такъ какъ Отто считалъ нужнымъ извиняться въ томъ предъ Бѣляевой, написавъ ей письмо, гдѣ написалъ, что сдѣлалъ это, чтобы избѣжать какихъ-то извѣстныхъ ей слуховъ объ отравленіи. Это, вмѣстѣ съ неплатежемъ Бѣляевой денегъ, раздражило ее. А тутъ подоспѣлъ еще уходъ Шишкина тайно изъ ея дома къ дядямъ. Я излагалъ предъ вами, гг. присяжные, подробно ту переписку, которая предшествовала этому уходу и которою онъ сопровождался. Сначала письмо Шишкина въ Опеку о томъ, что онъ желаетъ исполнить священную волю отца и остаться у бабушки, такъ какъ дяди его не знаютъ и не любятъ, потомъ письмо его къ Бѣляевой изъ дома дядей, съ указаніемъ на то, что такъ какъ она его возстановляла противъ нихъ, а они его любятъ и даютъ ему «настоящее» направленіе, то онъ не можетъ вернуться къ ней; а въ серединѣ между этими письмами письмо Бѣляевой къ предводителю дворянства, съ присовокупленіемъ найденныхъ ею въ комнатѣ ушедшаго отъ нея внука записокъ, въ которыхъ неизвѣстный руководитель совѣтуетъ мальчику сказать своей бабушкѣ, что онъ бросаетъ ея собачій домъ, что она каналья, которая хочетъ его обокрасть, что она мужичка, и т. д., и наконецъ письмо нѣкоего Рицони, почтеннаго наставника юношества, который, сознавался, что по просьбѣ Мясникова подговаривалъ Шишкина уйти отъ Бѣляевой и для этого писалъ ему эти записки про бабушку, жалуется, что Мясниковъ, по уходѣ Шишкина отъ Бѣляевой, не исполнилъ своего обѣщанія «особенно поблагодарить» его. Эти письма характеризуютъ ту недостойную игру, жертвой которой былъ мальчикъ, едва вступавшій въ отроческіе годы. Для насъ онѣ важны. Онѣ достаточно объясняютъ, почему въ 1865 и даже въ 1866 году Бѣляева столь дурно отзывалась о Мясниковыхъ; почему она считала возможнымъ говорить, что они ея обманули, ограбили. Эти слова ея повторялъ повсюду Чевакинскій, который въ 1865 г. писалъ Ижболдину жалобу на Мясниковыхъ въ Коммисію прошеній и просилъ только у Ижболдина записи о томъ, что тотъ не станетъ преслѣдовать Бѣляеву, а въ 1868 году, послѣ того, какъ Бѣля-

ева примирилась съ Мясниковыми, сдѣлался ихъ ходатаемъ и просилъ Герасимова не показывать у слѣдователя то, что отъ него, Чевакинскаго, слышалъ».

Разбирая подробно показанія Чевакинскаго, Шимановскаго и Герасимова, г. прокуроръ, очертивъ личности этихъ свидѣтелей, изъ сопоставленія ихъ показаній съ объясненіями Бѣляевой, вывелъ, что цѣлымъ рядомъ заявленій Чевакинскаго, попытками сдѣлокъ съ Ижболдинымъ для совокупнаго преслѣдованія Мясниковыхъ, и Бѣляева косвеннымъ образомъ явилась обвинительницею ихъ, но обвинительницею осторожною, въ рукахъ Чевакинскаго, который хранилъ у себя, по его собственнымъ словамъ, завѣщаніе и тѣмъ держалъ обѣ стороны въ своихъ рукахъ. Ко времени ссоры Бѣляевой съ Мясниковыми относится желаніе ея, даже не жалѣя себя, подъ вліяніемъ гнѣва и оскорбленій, открыть все по этому дѣлу, на что указываютъ письма ея къ Мясниковымъ, найденныя въ ея бумагахъ, гдѣ она грозитъ открыть все «со дня смерти ея мужа» и представить это на судъ Государя. Натянутыя и даже враждебныя отношенія продолжались между ними до 1868 г. Но въ этомъ году состоялось, при посредствѣ денежныхъ обязательствъ, примиреніе Бѣляевой съ Мясниковыми, а вслѣдъ затѣмъ возникло слѣдствіе. Общая опасность тѣсно соединила Бѣляеву съ Мясниковыми, и вчерашніе враги стали сегодняшними друзьями. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. прокуроръ указалъ на постепенный ходъ сдѣлокъ о примиреніи, предлагавшихся Мясниковыми. Онъ указалъ, между прочимъ, на то, что еще въ 1861 году Гонинъ посылался въ Сарапуль къ Мартьяновой съ предложеніемъ примиренія за 20 или 25 тысячъ, что подтверждено Дѣдюхинымъ и священникомъ Домрачовымъ. Затѣмъ, въ 1862 году, Ал. Мясниковъ предлагалъ Ижболдину 4 или 5 тысячъ, но когда возникло слѣдствіе, то онъ призывалъ въ мѣсто своего служенія свидѣтеля Борзаковскаго и опять предлагалъ окончить дѣло съ Ижболдинымъ. При этомъ повѣренный его, нѣкто Коптевъ, называлъ и сумму примиренія: 100—150 тысячъ.

«Такимъ образомъ, гг. присяжные, продолжалъ прокуроръ, обвиненіе мое окончено. Я старался, не увлекаясь, спокойно и сжато изложить предъ вами всѣ обстоятельства дѣла и всю его обстановку; я старался употребить всѣ усилія моей памяти, чтобы возстановить предъ вами все то, что происходило здѣсь въ теченіе

5-ти дней, и всѣ тѣ данныя, которыя почерпнуты мною изъ письменныхъ документовъ. Если же я опустилъ что либо, то дополнитъ это ваша память, или лучше сказать, ваша совѣсть, на которой отпечатлѣлись, безъ сомнѣнія, всѣ черты, всѣ оттѣнки этого дѣла. Мнѣ остается распредѣлить отвѣтственность между подсудимыми.

«Я обвиняю Александра Мясникова въ томъ, что онъ задумалъ составить подложное завѣщаніе и привелъ это намѣреніе въ исполненіе. Ни въ общественномъ его положеніи, ни въ его богатствѣ, ни въ его образованіи не нахожу я никакихъ обстоятельствъ, по которымъ можно бы говорить о какомъ либо снисхожденіи къ нему: онъ виновенъ и только виновенъ. Обращаясь къ Ивану Мясникову, я по совѣсти долженъ заявить, что во всемъ дѣлѣ нѣтъ указаній на его непосредственное участіе въ преступленіи; это не значитъ, однако, чтобы онъ не участвовалъ въ немъ косвенно. Нѣтъ сомнѣнія, что Александръ Мясниковъ не могъ бы рѣшиться составить подложное завѣщаніе, не имѣя на то предварительнаго, быть можетъ молчаливаго, согласія со стороны брата; онъ не могъ бы дѣйствовать съ сохранной роспиской, не зная, что скажетъ на это братъ; онъ не могъ составить завѣщанія, не бывъ напередъ увѣренъ въ томъ, что братъ его приметъ завѣщанное имущество, что при этомъ не выйдетъ недоразумѣній. Ему надлежало быть увѣреннымъ, что Иванъ Мясниковъ будетъ смотрѣть сквозь пальцы въ то время, когда онъ станетъ дѣйствовать. Иванъ Мясниковъ зналъ хорошо, какое преступленіе подготовляется и не остановилъ брата, не предупредилъ своимъ вліяніемъ содѣяніе преступленія, не напугалъ своими угрозами. Лица, которыя такъ дѣйствуютъ, по закону считаются менѣе виновными, чѣмъ тѣ, которыя совершили преступленіе непосредственно; они считаются попустителями преступленія, но виновность ихъ имѣетъ значеніе уже потому, что много преступленій не совершилось бы, если бы люди честные приходили на помощь колеблющимся и удерживали ихъ. Поэтому, я обвиняю Ивана Мясникова въ попустительствѣ, Карагашова я обвиняю въ томъ, что онъ, послѣ подготовительныхъ занятій, подписалъ бумагу, зная, что дѣлается это для духовнаго завѣщанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не могу не замѣтить, что Карагашовъ былъ орудіемъ въ рукахъ другихъ, болѣе умственно и матеріально сильныхъ лицъ, что онъ находился подъ давленіемъ своей привязан-

ности къ хозяевамъ и что жизнь его разбита навсегда и непоправимо. Я прошу васъ, поэтому, признать его заслуживающимъ полнаго снисхожденія; равнымъ образомъ прошу признать заслуживающимъ снисхожденія и Ив. Мясникова. Взглянувъ на него, близкаго ко гробу и разбитаго параличомъ, вы, гг. присяжные, поймете подъ вліяніемъ какого чувства я рѣшаюсь обратиться къ вамъ съ этой просьбой. Излишне говорить вамъ, гг. присяжные, что приговоръ вашъ будетъ имѣть огромное значеніе. Дѣло это возбудило цѣлую массу толковъ. Общественное мнѣніе клонилось то въ ту, то въ другую сторону, и судомъ общественнаго мнѣнія дѣло это было нѣсколько разъ и самымъ противоположнымъ способомъ разрѣшаемо. Но судъ общественнаго мнѣнія не есть судъ правильный, не есть судъ свободный отъ увлеченій; общественное мнѣніе бываетъ часто слѣпо, оно увлекается, бываетъ пристрастно и— или жестоко не по винѣ, или милостиво не по заслугамъ. Поэтому, приговоры общественнаго мнѣнія по этому дѣлу не могутъ и не должны имѣть значенія для васъ. Есть другой высшій судъ, судъ общественной совѣсти. Это вашъ судъ, гг. присяжные.

«Мы переносимъ теперь дѣло Мясниковыхъ изъ суда общественнаго мнѣнія на судъ общественной совѣсти, которая не позволитъ вамъ не признать виновности подсудимыхъ, если они дѣйствительно виноваты, и не допуститъ васъ, каково бы ни было общественное мнѣніе по этому дѣлу, уклониться отъ оправданія ихъ, если вы находите ихъ невиновными. Произнося этотъ приговоръ, вы снимете съ нихъ то ярмо подозрѣній, обвиненій и слуховъ, которые надъ ними тяготѣютъ. Если же вы произнесете приговоръ обвинительный, если согласитесь съ доводами обвинительной власти и проникнитесь ея убѣжденіемъ, то изъ него будетъ видно, что предъ судомъ, по Судебнымъ Уставамъ, нѣтъ богатыхъ и бѣдныхъ, нѣтъ сильныхъ и слабыхъ, а всѣ равны, всѣ одинаково отвѣтственны. Вы докажете тогда, на сколько справедливо можно примѣнить къ людямъ, стоящимъ предъ вами, евангельскія слова, что «нѣсть эллинъ и іудей».

Докторъ правъ Лохвицкій (повѣренный гражданскихъ истцовъ). Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Я являюсь предъ вами повѣреннымъ гражданскихъ истцовъ, т. е. представителемъ тѣхъ лицъ, которыя были законными наслѣдниками Бѣляева, и которыя подложнымъ завѣщаніемъ, составленнымъ братьями Мясни-

ковыми, лишены своего имущества. Я полагаю, гг. присяжные засѣдатели, что защита еще можетъ быть основана на сомнѣніи, потому что и по закону всякое сомнѣніе всегда разрѣшается въ пользу подсудимаго; но обвиненіе непремѣнно, чтобы быть добросовѣстнымъ, не иначе можетъ быть ведено, какъ съ глубокимъ убѣжденіемъ и вполнѣ добросовѣстнымъ разсмотрѣніемъ дѣла. Я пришелъ къ этому глубокому убѣжденію и остаюсь при немъ, несмотря на то, что, какъ вы видѣли во время судебнаго слѣдствія, мы были лишены свидѣтельства жены и отца Караганова; послѣдній пріѣхалъ издалека и здѣсь, послѣ предваренія Суда о правѣ отказаться отъ показанія, сказалъ, что желаетъ дать показаніе, а затѣмъ черезъ два часа отказался. Несмотря на все это, я считалъ настоящее дѣло весьма простымъ. Виновность подсудимыхъ, по моему мнѣнію, очевидна; но чтобы доказать эту очевидность нужно прежде условиться въ одномъ: настоящее дѣло весьма сложное; здѣсь было прочитано множество документовъ, вы выслушали многихъ свидѣтелей; изъ числа свидѣтелей были нѣкоторые въ пользу обвиненія, нѣкоторые въ пользу защиты; но намъ надо условиться относительно того, что не всякое показаніе имѣетъ значеніе въ отношеніи къ существу самаго дѣла. Въ настоящемъ дѣлѣ встрѣчается много такихъ показаній, на которыя, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ обращать вниманія. Надо только узнать сущность дѣла, въ чемъ заключаются главные обвинительные пункты. Если мы сознаемъ это, то намъ не нужно никакихъ свидѣтелей. Я полагаю, что въ процессѣ обвиненія, какъ въ битвѣ, всегда есть извѣстный пунктъ, тотъ узелъ, который рѣшаетъ все сраженіе. Этотъ узелъ въ данномъ дѣлѣ весь заключается въ показаніяхъ Бѣляевой и самого Александра Мясникова; слѣдовательно, наше обвиненіе зиждется не на такихъ свидѣтеляхъ, которыхъ защита можетъ отвести.

Я нахожу этотъ существенный пунктъ въ показаніи Бѣляевой относительно того, какъ явилось завѣщаніе. Я, гг. присяжные засѣдатели, обращаю особенное ваше вниманіе на прежнее показаніе Бѣляевой, которое вы слышали въ обвинительномъ актѣ, и которое дано 5 го февраля 1871 года. Я позволю себѣ еще разъ вамъ прочесть его. Она говоритъ въ немъ: «при допросѣ 1-го августа 1868 года, я утверждала, что предъявленное мнѣ тогда духовное завѣщаніе мужа моего есть то самое, которое было вру-

чено мнѣ мужемъ моимъ; но имѣ этого положительно утверждать не могу, ибо, какъ при полученіи отъ мужа, такъ и при передачѣ завѣщанія Александру Мясникову для засвидѣтельствованія, я духовнаго завѣщенія не читала и въ него не всматривалась». Вотъ ея показаніе на предварительномъ слѣдствіи. На судебномъ слѣдствіи, при васъ, она говоритъ другое. Она говоритъ: «я читала завѣщаніе не все, читала только начало и конецъ»; а когда мы ее спросили: почему такое разнорѣчіе? Она отвѣчала: «оттого, что я была въ волненіи, когда призвали меня къ судебному слѣдователю». Гг. присяжные засѣдатели, гласный судъ имѣетъ именно то огромное значеніе, что при письменномъ производствѣ всегда нужно было основываться на свидѣтельскихъ показаніяхъ, а при гласномъ—на свидѣтельствѣ самыхъ лицъ. Всегда видно, что за лицо, какъ говоритъ, каковъ видъ этого лица. Я васъ теперь спрашиваю: могло-ли случиться, чтобы Бѣляева, какъ трепетная лань, у судебнаго слѣдователя была запугана, не знала, что говоритъ, а между тѣмъ давала длинное показаніе? Положимъ, что она испугалась въ первый разъ; но она была спрошена три раза, и въ послѣдній разъ въ мартѣ 1871 года. Чѣмъ объясняетъ она нѣкоторыя разнорѣчія? Она говоритъ, что разнорѣчія нѣтъ, положительно подтверждаетъ, что только взглянула на завѣщаніе, но не читала его, и положила, какъ кажется, на окошко; до 10-го дня не видала его и отдала Мясникову такъ, не читавши. Вы видѣли, гг. присяжные засѣдатели, что если гдѣ можно сконфузиться, особенно женщинѣ, то скорѣе здѣсь, на судѣ, при этомъ грозномъ ареопагѣ, при видѣ васъ, которыхъ одно слово можетъ рѣшить судьбу человѣка. Здѣсь можетъ найдти страхъ больше, чѣмъ въ кабинетѣ судебнаго слѣдователя; но когда ее спрашивали, отчего произошелъ такой страхъ, она отвѣчала, что къ ней звонили часто, отчего ея нервы разстроились. Я просилъ позволенія прочесть часть ея показанія для того, чтобы вы видѣли, почему она тогда такъ говорила, а теперь иначе, чтобы вамъ доказать, что съ ея стороны была и тогда ложь, и теперь, потому что завѣщанія не было. На судебномъ слѣдствіи, она была призвана, какъ обвиняемая въ соучастіи; впослѣдствіи она была устранена какъ обвиняемая, сколько мнѣ извѣстно, на томъ основаніи, что давность прошла для нея, и потому она явилась предъ вами какъ свидѣтельница. Вотъ разница въ ея положеніи. Могла

ли она, зная, что завѣщаніе подложно, у судебнаго слѣдователя говорить, какъ здѣсь. Она Мясниковыхъ дѣйствительно любитъ; ея племянники, они вмѣстѣ дѣлали дѣло; тѣмъ не менѣе каждому своя шкура дороже. Она давала такое показаніе, положительно не обвиняя Мясниковыхъ, чтобы имѣть открытую дверь для своего выхода. Намъ предстоитъ съ вами запереть эту дверь. Она не знала, что завѣщаніе подложно, думала, что у судебнаго слѣдователя экспертизой будетъ доказано, что оно подложно; слѣдовательно, когда оно подложно—а сама она говоритъ, что отдала его Мясникову—значитъ не только знала о подлогѣ, но она и составила, потому что Мясниковъ, въ случаѣ крайности, могъ сказать: «можетъ быть завѣщаніе подложно, да мнѣ Катерина Васильева дала. О томъ, что завѣщаніе подложно—очень сожалѣю, тѣмъ болѣе, что отъ этого дѣла мы потерпѣли одни только убытки по предпріятіямъ, полученнымъ взамѣнъ сохранной росписки». Вотъ она и выпутывается, показывая, что на завѣщаніе только взглянула, даже не читала, и такимъ образомъ не можетъ утверждать, это ли самое завѣщаніе отдала она въ 40-й день послѣ смерти мужа, тоже нечитая его. Какимъ образомъ женщина 50 лѣтъ, получивъ завѣщаніе отъ мужа, только взяла его, удостовѣрясь по первому взгляду, что это должно быть завѣщаніе, и затѣмъ, не читая, положила? 40 дней оно у нея лежитъ; наконецъ, она призываетъ Мясникова, чтобъ представить завѣщаніе къ утвержденію. Но мужъ ей не говорилъ, что это завѣщаніе; онъ просто сказалъ: «вотъ бумага, сохрани ее». Можетъ быть, это завѣщаніе не мужа, а другаго, и она все-таки этой бумаги не прочла, а повѣренный ея Мясниковъ принимаетъ на себя дѣло, тоже не читая завѣщанія. Мы его спрашиваемъ: читали ли вы? «Нѣтъ, не помню». Какъ же браться утверждать завѣщаніе, не читавъ его? Я думаю, изъ одного этого вы видите, что тѣ, которые выдумали это, просто смѣются надъ нами; но я думаю, что мы будемъ поумнѣе тѣхъ, которые полагаютъ, что мы повѣримъ такимъ глупостямъ, чтобъ женщина, 40 дней не развертывая завѣщанія, отдала повѣренному, а тотъ, не посмотрѣвъ, взялъ для засвидѣтельствованія. Да гдѣ же это такъ бываетъ на свѣтѣ? Она говоритъ, что была въ великомъ горѣ. Положимъ, что въ первые дни; но всякое горе проходитъ. Нисколько не оскорбляя ея чувствъ, я думаю, что она не была въ такомъ горѣ, которое свойственно

слишкомъ молодымъ натурамъ. Она, какъ видно изъ показаній свидѣтелей, присутствовала при опечатываніи кабинета мужа. Можно часто быть обманутымъ собственными глазами, слухомъ; но логика не можетъ обмануть. А въ этомъ-то показаніи логика и обнаруживаетъ ложь. Если вы не взяли завѣщанія, то, значитъ, вамъ не могли его дать, а если вы взяли завѣщаніе, значитъ прочитали его. Теперь она знаетъ, что давность прошла, и она показываетъ другое: «Да, я читала его; но, давая прежнее показаніе, я была напугана». Вы видѣли и слышали, какъ она здѣсь отвѣчала, могли убѣдиться, что у ней есть достаточно самообладанія и энергіи. Такимъ образомъ, выводъ мой таковъ, что первое показаніе ея ложь, и второе — тоже ложь. Изъ этого ясно, что завѣщанія не было, и что Александръ Мясниковъ привезъ ей завѣщаніе сфабрикованное, затѣмъ поѣхалъ, чтобы представить его къ утвержденію, а вся эта исторія выдумана только для прикрытія. Мнѣ кажется, что если вы сознаете это—а это такъ просто, ясно, логично—тогда весь вопросъ разрѣшается. Вотъ кульминаціонный пунктъ дѣла: завѣщаніе подложно.

Затѣмъ—кто сдѣлалъ подложное завѣщаніе, кто его подписалъ, какіе тутъ были мотивы? Все это, по мнѣнію моему, второстепенные вопросы. Для насъ достаточно знать, что Мясниковъ составилъ завѣщаніе или самъ, или черезъ другихъ, а насчетъ мотивовъ, если тутъ, можетъ быть, и были особыя причины, которыя смягчаютъ вину, то его дѣло представить ихъ, а не наша обязанность разыскивать ихъ. Тѣмъ не менѣе, я приступлю къ разбору такихъ фактовъ, которые указываютъ, что были серьезные мотивы; наконецъ, укажу на другіе факты, которые имѣютъ уже положительное значеніе, которые служатъ важнымъ подкрѣпленіемъ къ тому, что завѣщаніе дѣйствительно подложно.

Въ первый день послѣ смерти Бѣляева кабинетъ его не былъ опечатанъ. Мясниковы не сознаются, что они обчистили кабинетъ: они говорятъ, что только взяли собственныя дѣла, дѣйствительно находившіяся въ распоряженіи Бѣляева. Они обращаются къ Бѣляевой за позволеніемъ взять дѣла, и она даетъ это разрѣшеніе. Затѣмъ, является полиція и накладываетъ печати. Еслибъ было завѣщаніе, то печатей не накладывали бы: наслѣдники налицо. Какимъ же образомъ Мясниковы ее не спросили, нѣтъ ли у нея завѣщанія? Далѣе мы видимъ, что о существованіи завѣщанія въ

теченіе нѣсколькихъ недѣль никто не говорилъ. Между тѣмъ тогда къ Бѣляевой адресовались и полиція, и всѣ имѣвшія дѣла съ ея мужемъ, на что есть несомнѣнныя данныя. Не говоря о массѣ свидѣтельскихъ показаній, удостовѣряющихъ, что не было завѣщанія, напримѣръ показанія Китаева, Махаевой и проч., вообще ни изъ чего не видно, чтобъ въ теченіе нѣсколькихъ дней проглянуло, что есть завѣщаніе. Вдругъ, черезъ нѣсколько дней, заговорили, что есть завѣщаніе. Вотъ цѣлый рядъ фактовъ. Что намъ за дѣло, что кто-нибудь изъ свидѣтелей сказалъ ложь! Намъ достаточно двухъ или трехъ, которые говорили, что знали, что не было завѣщанія и о немъ вдругъ заговорили. Переходя къ другимъ фактамъ, мы находимъ прежде всего сознаніе Караганова. Г. прокуроръ подробно разбиралъ положеніе Караганова, и жизнь его, и отношенія къ Мясниковымъ. Карагановъ сказалъ, что онъ подписалъ завѣщаніе. Его показаніе весьма вѣрно доказываетъ его прямоту, искренность. Наконецъ, мы должны обратить вниманіе на манеру, которая должна была быть употреблена Мясниковымъ при составленіи фальшиваго завѣщанія. Есть, господа, старое правило, которому слѣдовали римляне, выражающееся въ формулѣ: Divide te imprega—раздѣляй и повелѣвай. Мясниковъ дѣйствовалъ на основаніи этого правила. Здѣсь идетъ дѣло не о подлогѣ топорной работы: здѣсь дѣло очень тонкое, люди были тонкіе, и, можетъ быть, за плечами ихъ стояли люди несравненно болѣе тонкіе, которые говорили, какъ надо дѣйствовать. Поэтому, напримѣръ, мы не видимъ ничего подобнаго тому, чтобъ всѣ вмѣстѣ собрались и подписали. Невозможно себѣ представить, чтобъ свидѣтели, какъ Сицилинскій и Отто, участвовали въ такомъ дѣлѣ. Какъ ни близокъ Карагановъ, но и его боялись, что онъ можетъ выдать; поэтому онъ просто дѣлалъ какую-то подпись, а для чего—не можетъ сказать. Довольно трудно найти преступника, когда преступленіе сложное. Одинъ человѣкъ сдѣлалъ подпись безъ всякаго текста; Целебровскій пишетъ текстъ, но онъ можетъ послѣ сказать, что писалъ только текстъ, и кто послѣ сдѣлалъ подпись, онъ не зналъ. Затѣмъ къ свидѣтелямъ обращаются съ текстомъ и подписью, и, какъ г. прокуроръ развивалъ, Сицилинскій и Отто хотя могли быть, и вѣрно были, люди почтенные, однако они могли дать свои подписи, зная, что Бѣляевъ хотѣлъ отдать все состояніе женѣ.

Изъ обвинительнаго акта вы знаете, что одному изъ свидѣте-

лей, Отто, говорятъ, что на завѣщаніи формальности какой-то недостаетъ. Вы встрѣтите немало людей, которые считаютъ подпись свидѣтелей на завѣщаніи одною формальностью, тѣмъ болѣе, что постановленіе о необходимости свидѣтеля на завѣщаніи признано далеко не во всѣхъ другихъ законодательствахъ, а потому могутъ и найтись люди, которыхъ нетрудно склонить къ подписи завѣщанія по смерти завѣщателя. Изо всего видно, что составитель завѣщанія принялъ свои мѣры. По закону, лица, которыя подписываются свидѣтелями, призываются послѣ въ Гражданскую Палату для того, чтобы утвердить, что дѣйствительно завѣщатель былъ въ здравомъ умѣ и вручилъ лично завѣщаніе для подписанія. Здѣсь видна предосторожность тонкая: на завѣщаніи написаны всѣ требуемыя закономъ формальности, которыя совершаются въ Палатѣ или въ Окружномъ Судѣ. Это, мнѣ кажется, сдѣлано съ разсчетомъ. Еслибъ такого свидѣтеля, какъ Отто, спросили: «при жизни ли Бѣляева подписали вы завѣщаніе?» Отто могъ бы сказать: «нѣтъ, послѣ смерти», и все бы рухнуло.

Затѣмъ, я не могу пропустить нѣкоторыхъ изъ свидѣтельскихъ показаній, которыя даны здѣсь, на Судѣ. Я буду говорить о тѣхъ, которыя только даны противъ гражданскихъ истцовъ. Эти показанія были направлены къ тому, чтобы поколебать въ вашихъ глазахъ вѣру въ правоту и честность гражданскихъ истцовъ. Но мнѣ кажется, что вы не попадетесь на эту удочку. Дѣло въ томъ, что еслибъ истцы дѣйствовали не только неблаговидно, но даже преступно, то въ этомъ они будутъ виновны предъ закономъ, но отъ этого завѣщаніе подложное не сдѣлается настоящимъ. Но я утверждаю, что вовсе не видно, чтобъ они дѣйствовали противозаконно. Ижболдинъ, какъ извѣстно, пріѣхавъ изъ Сарапуля, услышалъ, что имѣніе завѣщано людямъ могущественнымъ, богатымъ. Онъ поневолѣ бросается куда попало, напримѣръ къ камердинеру Китаеву; тотъ, другой говорятъ ему объ этомъ дѣлѣ. Развѣ призвать свидѣтеля можно прежде, чѣмъ склонять его не для ложнаго показанія, а чтобы онъ былъ такъ добръ — явился, когда позовутъ? Германъ, между прочимъ, когда узнаетъ, что какая-то женщина живетъ въ домѣ, гдѣ онъ жилъ, и что она говорила что-то о фальшивомъ завѣщаніи Бѣляева, тогда уже обращается къ ней чтобы она позволила призвать ее свидѣтельницей. Это торопливость, неумѣлость, если хотите; но тутъ нѣтъ ничего преступна-

го. Изъ того, что Ижболдинъ далъ довѣренность какому-то еврею за двѣ тысячи рублей на половину наслѣдства, видно только, что онъ находился въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ, а человѣку въ такихъ обстоятельствахъ двѣ тысячи рублей дороже, чѣмъ послѣ изъ 500,000 двѣсти пятьдесятъ тысячъ. Я думаю, гг. присяжные засѣдатели, что на васъ произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе въ этомъ отношеніи свидѣтель Шевелевъ, который два раза сюда являлся. Онъ былъ вызванъ потому, что написалъ Ижболдину письмо, такъ какъ служилъ въ конторѣ Мясникова. Здѣсь онъ говорилъ, что будто его подкупили, чтобы онъ написалъ письмо, и за это ему дали денегъ. Шевелевъ дѣйствительно могъ написать чего не зналъ; но то, что онъ написалъ, оправдывается показаніями другихъ свидѣтелей. Чѣмъ объяснить это дѣйствіе? На его показаніе я обращаю ваше серьозное вниманіе. Чѣмъ свидѣтель гарантируетъ васъ? Присягой, вѣрою, совѣстью, отвѣтственностью передъ закономъ и страшнымъ судомъ. Кто такой Шевелевъ? Бывшій отставной поручикъ, служилъ въ коммунѣ, приговоренъ къ смертной казни, а потомъ Версальскимъ Судомъ — къ депортаціи. Вамъ извѣстно, что такое коммуна. Разбой, какого міръ не видалъ. Это было даже не крайнее либеральное движеніе, а разграбленіе. Въ Парижѣ выступили на сцену всѣ сатанинскіе элементы, всѣ противообщественныя силы, которыя задумали воспользоваться разстроеннымъ положеніемъ Франціи, чтобы все поставить на карту, на какой-то воровскій вабанкъ. Нашъ Шевелевъ не послѣдній человѣкъ въ этомъ движеніи противъ религіи, собственности и общественнаго порядка. По выраженію одного государственнаго человѣка, еслибъ коммуна не была подавлена такъ скоро, въ самомъ началѣ, и еслибъ ее накрыть колпакомъ и оставить въ покоѣ, то черезъ годъ члены ея, какъ свиньи, другъ друга переѣли бы. Но обращаюсь опять къ Шевелеву. Станете ли вы вѣрить совѣсти его, когда онъ самъ сказалъ насчетъ совѣсти, что цѣль оправдываетъ средства? Онъ, между прочимъ, знакомъ съ Нечаевымъ; а намъ извѣстна теорія Нечаева насчетъ совѣсти. Такимъ образомъ, совѣсть его ничего не гарантируетъ. Есть еще страхъ отвѣтственности. Но у него такъ много грѣховъ передъ закономъ, что едва ли есть серьозная опасность дать лживое показаніе. Отвѣтственность передъ страшнымъ судомъ? Не думаю, чтобы защита сказала, что Шевелевъ такихъ убѣжденій, что можетъ остановиться передъ этою

отвѣтственностью. Укажу еще одну причину къ недовѣрію. Есть ложь капитальная въ его показаніи. Онъ говоритъ, что далъ письмо въ октябрѣ, а 4-го апрѣля не могъ дать. Вспомните, какой это день — день покушенія на жизнь Государя Императора. Его спросилъ г. прокуроръ: «При чемъ же тутъ 4-е апрѣля? Здѣсь это не мѣшало написать письмо?» Онъ отвѣчалъ: «Это былъ день овацій; я ходилъ на площадь». Этотъ-то Шевелевъ, который былъ въ коммунѣ, ходилъ на площадь! (Въ публикѣ смѣхъ. Предсѣдатель останавливаетъ ее). Зачѣмъ онъ теперь измѣнилъ показаніе? Помните, онъ сказалъ тогда, что подписалъ бумагу, которая лжива, чтобъ достать денегъ. Я его спросилъ: какое теперь ваше положеніе? Онъ понялъ намекъ, что его положеніе можетъ быть такое же теперь, и отвѣчалъ: «Я герметически закупоренъ въ ожиданіи чего-нибудь». Кто знаетъ, отъ кого ему больше ожидать? Безъ сомнѣнія, отъ Мясниковыхъ. Но я думаю, что эта причина дѣйствительно ничтожная; а вотъ что важно: это человѣкъ противообщественный. Что для него судъ, судьи, вы—народъ, осужденный къ истребленію. Онъ пріѣхалъ и насмѣялся надъ нами: они ожидали меня, предполагали, какое я буду давать показаніе, какихъ лицъ изобличу; такъ вотъ же вамъ: нѣтъ, неправда, не знаю ничего. Онъ не сказалъ, что ему далъ деньги Ижболдинъ, а сказалъ, что ему далъ деньги Сысоевъ, человѣкъ довольно извѣстный многимъ изъ насъ, присяжный стряпчій. Сысоевъ положительно сказалъ, что не давалъ ему денегъ. Затѣмъ, Шевелевъ сказалъ, что послѣ того пріѣзжалъ и деньги отдалъ. Отчего же онъ не потребовалъ письма? Да они обѣщали. Онъ отдалъ деньги?! совершенно не по теоріи. Если бъ онъ хотѣлъ уничтожить письмо, то онъ могъ бы отовсюду написать, что заявленіе написано имъ подъ диктовку, ложно, и потребовать письмо. Вотъ каковъ этотъ человѣкъ, который могъ занять васъ нѣкоторое время! Эти лица заставляютъ чувствовать вмѣстѣ и содроганіе, и смѣхъ, когда глядишь на нихъ; но это впечатлѣніе любопытства, и я не думаю, чтобъ оно оставило въ васъ серьозные слѣды. Я опускаю показанія другихъ свидѣтелей на слѣдующемъ основаніи: я сказалъ, что положу въ основаніе обвиненія вѣроятность и сознаніе, и при этомъ всѣ показанія свидѣтелей, всѣ обстоятельства дѣлъ являются очень простыми. Если какое показаніе подходитъ къ этой рамкѣ, значитъ оно вѣрно; защита станетъ утверждать, что нѣтъ,

они не вѣрны; пускай они отпадаютъ, а сердцевина все-таки остается.

Мнѣ остается вамъ сказать еще нѣсколько словъ объ исторіи этого преступленія и его открытіи. Вы можете себѣ представить, что преступленіе содѣяно людьми тонкими, такъ что роли хорошо раздѣлены. Откуда же вдругъ являются слухи? Какимъ образомъ это могло произойти, когда даже роли систематически раздѣлены? Здѣсь я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, заимствованныхъ отъ одного историка, весьма замѣтнаго, какъ психологъ. Фактъ почти всѣмъ извѣстный: если вы потрудитесь припомнить, что нѣтъ такого событія, въ особенности переворота, какъ бы онъ ни былъ тайно задуманъ, чтобъ о немъ не говорилъ народъ за два дня. Мнѣ разсказывалъ старый кавказскій генералъ, когда бывало назначатъ экспедицію въ строжайшей тайнѣ, всѣ начальники молчатъ, а за два дня кашевары знаютъ уже, что будетъ экспедиція. Я представлю примѣръ изъ послѣдней исторіи Франціи. Когда Карлъ X задумалъ отставить либеральныхъ министровъ и произвести перемѣны въ духѣ ретроградномъ, онъ никому не говорилъ объ этомъ до минуты отставки министровъ; но за три дня уже весь Парижъ говорилъ объ этомъ. Чѣмъ объяснить такое явленіе? Человѣкъ, у котораго есть рѣшимость на большое дѣло, какъ бы онъ ни былъ сосредоточенъ, можетъ и не сказать никому, но всѣ какъ-то чувствуютъ, что у него что-то особенное на умѣ: не въ обыкновенное время завтракаетъ, не на тѣ предметы обращаетъ вниманіе, задумавшись какъ-нибудь броситъ взглядъ на оружіе, швырнетъ книгою. Изъ мимолетныхъ явленій и выносятъ окружающіе такое впечатлѣніе: что-то задумано. Вглядѣвшись въ личность, опредѣляютъ, въ какомъ духѣ она должна дѣйствовать. Точно то же видно въ явленіяхъ частной жизни. Не было завѣщанія. Что же начинаютъ дѣлать? Очищать кабинетъ. Целебровскій ходитъ; Карагаповъ призывается. Вотъ и пошли слухи, какъ объяснилъ одинъ умершій свидѣтель — Шмелевъ. Въ Мясниковѣ проглядываетъ рѣшимость во всемъ, и вдругъ является завѣщаніе. Тогда всѣ говорятъ: «вотъ что затѣвалось». Все было сдѣдано тонко, никто не говорилъ; но изъ ходовъ, переходовъ, шептанья и замиранья выходило, что нѣчто затѣвается. Такимъ образомъ становится понятнымъ, почему вдругъ заговорили о подложности завѣщанія. Послѣ могли быть прикрасы, чудовищныя

даже; но мы видимъ, что вездѣ—и въ домѣ Бѣляева, и въ домѣ Мясниковыхъ—говорятъ объ этомъ. Вы знаете, что Китаевъ слышалъ, Іонинъ слышалъ объ этомъ; наконецъ слухъ проникъ и въ Витебскую губернію, гдѣ одинъ изъ Мясниковыхъ имѣетъ заводъ. Что-то пронеслось въ самомъ воздухѣ. Изъ обвинительнаго акта видно, какъ Обольяниова, бывшая въ связи съ А. Мясниковымъ...

Предсѣдательствующій. Г. повѣренный гражданскихъ истцовъ, прошу васъ не ссылаться на то, что не было предметовъ судебнаго слѣдствія.

Г. Лохвицкій. Я ссылаюсь на обвинительный актъ...

Предсѣдательствующій. Обвинительный актъ подлежитъ провѣркѣ на слѣдствіи; здѣсь же жена Караганова отказалась дать показаніе.

Г. Лохвицкій. Оставляю это. Итакъ, вотъ какъ возникъ слухъ. Послѣ прибавлено многое другое, что вѣроятно, не существовало; но вы знаете поговорку: «даютъ взаймы только богатымъ». Разъ установилось, что преступленіе сдѣлалъ Мясниковъ, могли затѣмъ и прибавлять. Такова исторія открытія фальшиваго завѣщанія. Само собою должно было сдѣлаться такъ, что, когда пріѣхалъ Мясниковъ, онъ засталъ эти слухи; затѣмъ явился Ижболдинъ; прислуга ему разсказала, указывала на того, другаго, третьяго. Начинается дѣло. Впрочемъ, до формальнаго слѣдствія прошло почти 10 лѣтъ; но слухи были собраны, и оказались достаточныя основанія, съ прибавкою открытыхъ слѣдствіемъ обстоятельствъ, къ преданію Мясниковыхъ суду.

Обращая вниманіе на мотивы, по которымъ дѣйствовалъ Мясниковъ, я уже объяснилъ, гг. присяжные засѣдатели, что, конечно, весьма хорошая вещь знать мотивы всего; но собственно для обвиненія, особенно со стороны гражданскихъ истцовъ, этого не нужно. Какое намъ дѣло до того, чѣмъ руководствовались Мясниковы? Вы слышали, что защита собираетъ какія-то цифры. Конечно, она хочетъ показать, что у Бѣляева было очень мало состоянія, такъ что не стоило дѣлать подложнаго завѣщанія. Припомните одну такого рода фразу Александра Мясникова на вопросъ о подложности сохранной росписки въ 272,000 руб. Онъ, отвѣчалъ, что Мясниковы не дошли еще до того, чтобы дѣлать подлогъ за 272,000 рублей. Этой гордости, конечно, нельзя назвать

римскою, потому что онъ не говорилъ, чтобы Мясниковы вообще были неспособны къ подлогу: изъ его словъ только выходитъ, что 272,000 рублей, сравнительно съ ихъ капиталомъ, не такая значительная сумма, чтобы изъ-за нея стоило сдѣлать подлогъ. Слѣдовательно, можно думать, что вопросъ не въ этомъ: они могли вѣдь и ошибиться въ цифрѣ. Какое намъ дѣло до того, что у нихъ было на умѣ. Достаточно знать, что они сдѣлали преступленіе въ здравомъ разсудкѣ, такъ что, повторяю, если мотивы, которые я указалъ, не понравятся, вы можете ихъ отбросить. Г. прокуроръ указывалъ на общія дѣла Бѣляева съ Мясниковыми. Я признаю вѣроятность всего этого, но думаю, что такъ далеко не нужно заходить, чтобы не оставить хвостовъ, за которые могла бы схватиться защита, чтобы отвлечь ваше вниманіе отъ кульминаціоннаго пункта, доказывая, будто все дѣло въ разсчетахъ. Вопросъ въ томъ: былъ ли интересъ? Былъ. Какой? Во-первыхъ, въ тѣхъ 272,000, цифрѣ весьма почтенной. Есть нѣкоторыя основанія думать, что эта росписка подложная. Положимъ, однако, что не подложная.

Можно сдѣлать много предположеній насчетъ этой росписки. Можетъ быть, Бѣляевъ уплатилъ по ней и получилъ ее обратно, а Мясниковъ опять взялъ въ числѣ бумагъ, которыя перетащилъ изъ кабинета Бѣляева. Но дѣло въ томъ, что Бѣляева сознавала, когда дѣлала поручительную надпись, что росписка незаконная. Въ прочитанномъ здѣсь прошеніи ея въ Управу Благочинія сказано, что росписка юридически неправильная и такая, которая не подлежитъ исполненію. Я усматриваю изъ словъ одного защитника, что защита хочетъ представить, что прошеніе писала не она, а одинъ изъ повѣренныхъ, который и написалъ тѣ слова. Но дѣло въ томъ, что когда писалось это прошеніе, росписки уже не существовало. Въ прошеніи сказано, что Мясниковъ показалъ ее Бѣляевой, потомъ изорвалъ. Почему повѣренный могъ написать, что Мясниковъ показалъ какую-то невѣдомую росписку, которая по формѣ и содержанію незаконна? Потому что она ему сообщила содержаніе росписки. Итакъ, у Мясниковыхъ были росписки, которыя могли ничего не значить; если онѣ были подложныя—тѣмъ хуже. Я не останавливаюсь на этомъ предположеніи и перехожу къ тому обстоятельству, что Мясниковъ сообщилъ, что говорилъ Бѣляевой о сохранной росписке ещё при жизни ея мужа. Но тутъ

Бѣляева осадила его, сказавъ, что ничего подобнаго не слышала. Сверхъ того я полагаю, что еслибъ явились другіе наслѣдники, то Мясниковы не получили бы ничего по сохранной росписке, такъ какъ она не соотвѣтствовала требованіямъ закона; къ тому же, такъ какъ они забрали всѣ бумаги изъ кабинета Бѣляева, то могли сказать, что они взяли и эту росписку оттуда. Итакъ, 272,000 рублей. Вотъ что составляетъ первый мотивъ. Весьма вѣроятно, что были и другія побужденія, напримѣръ: участіе Мясниковыхъ съ Бѣляевымъ въ откупахъ. Сверхъ того они вѣдь забрали бумаги Бѣляева. Въ числѣ бумагъ могли быть многія важныя для нихъ, изъ которыхъ они могли извлечь серьозную пользу, если только эти бумаги касались исковыхъ дѣлъ. Наконецъ, развѣ не могли наслѣдники заявить, что въ числѣ бумагъ взяты и такія-то цѣнности? Это одно, не говоря объ откупахъ и сохранной росписке, составляло весьма солидный интересъ, который могли преслѣдовать Мясниковы въ этомъ преступленіи.

Теперь, гг. присяжные засѣдатели, я позволю себѣ представить вамъ, на основаніи того, что я сказалъ, картину того, какъ двигалось это преступленіе. Я сказалъ, что логика доказываетъ, что завѣщанія не было. Мясниковы вывезли изъ кабинета Бѣляева всѣ бумаги къ себѣ; можетъ быть, нашли тутъ сохранную росписку, и имъ пришло въ голову второй разъ получить деньги по этой росписке; можетъ быть, у нихъ была росписка, по которой они, конечно, желали получить деньги. Вотъ они составляютъ завѣщаніе. Посмотримъ, какъ они дѣйствовали, когда умеръ Бѣляевъ. Онъ былъ купецъ; жена его, по происхожденію дворянка, родственница Мясниковымъ. Въ ихъ жилахъ течетъ дворянская кровь по матери—родной сестрѣ Бѣляевой. Извѣстно, что дворянки, въ особенности вышедшія замужъ за купцовъ, любятъ охранять свое дворянское достоинство. Бѣляева особенно любила Мясниковыхъ, а родни мужа, напримѣръ его сестру, даже на глаза не пускала. Поэтому, хотя бы у ней были 4 милліона, она ихъ отдала бы скорѣе Мясниковымъ, а не Мартьяновой, у которой пѣтъ башмаковъ! Это довольно общая черта. Вотъ Мясниковъ и говоритъ ей: «Вмѣсто того, чтобы имѣніе досталось Богъ знаетъ кому, передайте его намъ». У ней дѣтей пѣтъ; она соглашается довольно легко, чтобъ имѣніе осталось въ дворянскомъ родѣ. Здѣсь Бѣляева сказала вамъ, что не считала сохранной росписки юри-

дически законною, но по долгу чести хотѣла заплатить по ней деньги, даже изъ своего имѣнія. Не думаю, чтобъ дѣло могло заходить такъ далеко, чтобъ она рѣшилась поступиться своимъ имѣніемъ. Тогда еще Бѣляева не узнала, каково состояніе, оставленное мужемъ. Почему она узнала, что росписка не уплачена, или что состояніе Бѣляева таково, что осталось довольно для уплаты? Платить изъ своего имѣнія этотъ долгъ—это уже черезчуръ сильно! Посмотримъ теперь, какъ дѣйствовалъ Мясниковъ. Онъ, по его словамъ, получаетъ завѣщаніе для представленія къ утвержденію, и требуетъ, чтобъ Бѣляева подписалась на роспискѣ поручительницею, потому что онъ могъ думать, когда будетъ утверждено завѣщаніе, что она ничего не дастъ и еще будетъ искать съ нихъ за то, что они шарили въ кабинетѣ ея мужа. Когда поручительство на роспискѣ есть и завѣщаніе утверждено, онъ обращается къ Бѣляевой и предлагаетъ ей отдать имъ свое имѣніе: «вотъ сохранная росписка, еще дадимъ 120,000 р.; а вы отдайте намъ имѣніе; оно больше не стоитъ». Еще прошу васъ обратить вниманіе на то, что когда здѣсь говорилось о сохранной роспискѣ, обнаружилось, что она была выдана двумъ братьямъ, Александру и Ивану Мясниковымъ, что въ поручительной надписи Бѣляевой было сказано не то, что она поручилась послѣ смерти мужа, а употреблено выраженіе: «росписка выдана съ участіемъ въ томъ моимъ». Александръ Мясниковъ, какъ видно изъ ея показанія, когда она передала ему все состояніе, эту росписку разорвалъ, потому что она сыграла свою роль, ее оставлять на свѣтѣ не слѣдовало; нельзя было ни хранить у себя, ни отдать въ руки Бѣляевой, чтобъ она при ссорѣ не показала кому нибудь этой росписки. Такъ я понимаю тотъ путь, которымъ двигалось преступленіе. Оно, какъ мнѣ кажется, доказано до очевидности, осуществилось, было обдумано хладнокровно, не безъ искусства, но разсчитано на прежніе судебные порядки. Полководецъ, составившій этотъ планъ, привыкъ сражаться при прежнихъ судебныхъ порядкахъ, и тогда онъ непремѣнно бы выигралъ сраженіе, и въ искѣ отказали бы. Дѣйствительно, девять лѣтъ не назначалось слѣдствія, и только съ открытіемъ настоящихъ судебныхъ установленій оно могло быть начато. Такъ какъ я предъявляю искъ къ обоимъ братьямъ Мясниковымъ, обвиняю ихъ обоихъ, то я долженъ замѣтить, что до сихъ поръ я говорилъ объ одномъ Алек-

сандрѣ Мясниковѣ. Но не только по моей обязанности, въ силу той довѣренности, которую я имѣю въ интересахъ довѣрителей, но и по совѣсти, я долженъ преслѣдовать обоихъ братьевъ. Я думаю, что было бы несправедливо, еслибъ человѣкъ болѣе искусный ускользалъ отъ отвѣтственности и оставался виновнымъ только менѣе искусный. Иванъ Мясниковъ, по моему мнѣнію, виновенъ даже болѣе.

Росписка написана на имя обоихъ, и даже Бѣляева говоритъ, что должна была выдать, до ввода во владѣніе, довѣренность на управленіе имѣніемъ тому изъ братьевъ, кого они выберутъ по взаимному соглашенію. Слѣдовательно, Иванъ Мясниковъ не игралъ пассивной роли. Изъ письма баронессы Притвицъ, его сестры, видно, что въ семейныхъ разсчетахъ онъ, какъ будто, главное лицо. Къ нему, напримѣръ, обращались съ вопросомъ: «Почему не доставляетъ Бѣляевъ, который былъ попечителемъ, денегъ?» Я опять употребляю логическій пріемъ, который употребилъ сначала. Ивана Мясникова, не смотря на то, что я говорилъ, вы можете не признать виновнымъ въ томъ случаѣ, если признаете, что Александръ Мясниковъ былъ героемъ въ преступленіи, выдумалъ его и совершилъ, принимая всю отвѣтственность на себя, и что брата онъ такъ холилъ, лелѣялъ, чтобъ ничего не дохнуло на него. Но такой выводъ весьма далекъ отъ истины. Если бы вы пришли къ заключенію, что Иванъ Мясниковъ такъ неразвитъ, что изъ всего окружающаго не могъ понять, что совершается преступленіе, то вы должны оправдать его; если же вы составили себѣ о немъ другое мнѣніе, то должны придти къ заключенію, что въ настоящемъ преступленіи одинъ—рука, а другой—голова.

Въ заключеніе, гг. присяжные засѣдатели, послѣ того, что говорилъ г. прокуроръ, мнѣ остается прибавить только одно: что защита васъ будетъ отвлекать въ лѣсъ цифръ, разсчетовъ, различныхъ свидѣтельскихъ показаній, не имѣющихъ существеннаго значенія; на какомъ нибудь отдѣльномъ пунктѣ защита легко можетъ одержать побѣду. Но я бы просилъ объ одномъ: не увлекаться этимъ; съ прямой дороги не нужно сходить. Если только вы приняли то убѣжденіе, которое я развилъ, что логика доказываетъ, что завѣщаніе поддѣлано Мясниковыми, а не кѣмъ другимъ, тогда защита, если желаетъ сражаться серьезно, должна нападать на этотъ пунктъ. На немъ-то долженъ быть разрѣшенъ вопросъ.

Повѣренный гражданскаго истца, присяжный повѣренный Остряковъ. Къ тому, гг. присяжные засѣдатели, что было сказано г. прокуроромъ и моимъ товарищемъ по защитѣ, мнѣ остается прибавить слишкомъ немного. Но прежде чѣмъ я приступлю къ своимъ объясненіямъ, я считаю долгомъ оговориться. Въ качествѣ представителя гражданскаго иска, я не считаю себя въ правѣ обвинять кого-нибудь изъ подсудимыхъ. Дѣло идетъ о фальшивости духовнаго завѣщанія. Это главный и существенный вопросъ, и мои объясненія будутъ ограничиваться лишь однимъ этимъ предметомъ. Законъ, какъ по уголовному, такъ и по гражданскому судопроизводству, устанавливаетъ извѣстные пріемы для изслѣдованія подлинности заподозрѣннаго акта. Конечно, гг. присяжные засѣдатели, вы рѣшите дѣло по внутреннему убѣжденію, по внушенію вашей совѣсти. Но мнѣ кажется, что не безполезно имѣть въ виду и тѣ указанія, которыя дѣлаетъ законъ въ этомъ отношеніи, и прослѣдить тѣ факты, которые представляются въ дѣлѣ. Законъ, прежде всего, при заподозрѣніи извѣстнаго акта въ подложности, предписываетъ освидѣтельствованіе его. Подъ словомъ «освидѣтельствованіе» разумѣется обозрѣніе внѣшнихъ его признаковъ. Изъ предъявленнаго вамъ духовнаго завѣщанія вы могли усмотрѣть, что оно написано менѣе чѣмъ на одной страницѣ, что начинается оно довольно сжато, середина его написана разгонисто; затѣмъ слѣдуетъ подпись переписчика Целебровскаго. Послѣ этого слѣдуютъ очень сжато слова: «что такова моя послѣдняя воля, въ томъ собственноручно подписуюсь», и затѣмъ слѣдуетъ подпись: «Козьма Бѣляевъ». Съ перваго взгляда на это духовное завѣщаніе невольно рождается вопросъ: какая причина побудила переписчика Целебровскаго писать то сжато, то разгонисто. Что была за причина, что послѣднія слова завѣщанія «что такова моя послѣдняя воля» и проч. приписаны къ самой подписи «Козьма Бѣляевъ». Эта послѣдняя приписка по закону вовсе не требуется, болѣе чѣмъ не требуется: она въ смыслѣ гражданскомъ даетъ даже основательный поводъ къ спору о неформальности духовнаго завѣщанія, ибо эта приписка не оговорена переписчикомъ Целебровскимъ. Между тѣмъ вы, гг. присяжные засѣдатели, видѣли, что самъ Бѣляевъ не только не лѣнился, но даже любилъ писать и писалъ много. Вы слышали изъ показаній свидѣтелей, что онъ писалъ по 40 писемъ въ день, что онъ не лѣнился даже падпи-

сывать адресы на конвертахъ. Тѣ бумаги, которыя лежатъ на столѣ вещественныхъ доказательствъ и которыя исходили отъ него, всѣ исписаны его рукою. Кромѣ того, вы видѣли также тутъ клочекъ бумаги, на которомъ его рукою написано: «что сіе духовное завѣщаніе дѣйствительно составлено, фр. ку. Козьм. Вас. Бѣляевъ.». Вы видите изъ этого, что завѣщатель думалъ составить завѣщаніе и даже собственною рукою написалъ ту форму, по которой должно было подписаться подъ завѣщаніемъ свидѣтелемъ. Вотъ что показываетъ прямо внѣшній обзоръ завѣщанія. Заключеніе изъ этого вы можете составить себѣ сами. Затѣмъ, при изслѣдованіи подлинности заподозрѣннаго акта, законъ поставляетъ въ обязанность повѣрку его съ содержаніемъ другихъ документовъ. Въ этомъ отношеніи весьма для насъ важенъ тотъ лоскутокъ бумаги, на который преимущественно указываютъ защитники подсудимыхъ. На этомъ лоскуткѣ бумаги написано собственною рукою Бѣляева: «ей же, женѣ моей предоставляю» и т. д. Если вы сравните этотъ лоскутокъ бумаги съ текстомъ завѣщанія, подлежащаго вашему разсмотрѣнію, то вы увидите, что этотъ образецъ, который былъ составленъ Бѣляевымъ, не соотвѣтствуетъ рѐдакціи завѣщанія. Бѣляевъ думалъ написать завѣщаніе не такъ, какъ оно на самомъ дѣлѣ написано. Я допускаю, какъ возможное, и то предположеніе, что завѣщатель, быть можетъ, составилъ завѣщаніе по тому образцу, который написанъ на этомъ клочкѣ бумаги, но что впослѣдствіи оно было уничтожено и послѣ его смерти не осталось никакого завѣщанія. Это предположеніе становится тѣмъ вѣроятнѣе, что въ вашемъ виду то обстоятельство, на которое указывали защитники подсудимыхъ на судебномъ слѣдствіи, именно, что въ послѣднее время завѣщатель находился уже въ болѣе или менѣе холодныхъ отношеніяхъ къ Мясниковымъ и ему не могло быть неизвѣстнымъ, что отъ Бѣляевой имѣніе перейдетъ къ ея племянникамъ Мясниковымъ. И вотъ почему то завѣщаніе, которое было составлено самимъ Бѣляевымъ, было, быть можетъ, имъ самимъ и уничтожено. Далѣе, законъ для изслѣдованія подлинности заподозрѣннаго акта указываетъ на допросъ свидѣтелей, на которыхъ или въ актѣ указано, или на которыхъ ссылаются стороны. Допросить тѣхъ свидѣтелей, которые подписались на завѣщаніи, подлежащемъ вашему разсмотрѣнію, въ настоящее время нѣтъ возможности; они умерли. Что касается до другихъ свидѣтелей, то изъ многихъ показаній вы могли убѣ-

*

диться, что въ день похоронъ завѣщателя сама Бѣляева и нѣкоторые изъ участвующихъ на похоронахъ говорили, что завѣщанія нѣтъ; оно открылось впослѣдствіи. Повторять въ подробности выслушанныя здѣсь показанія я считаю излишнимъ, потому что они изложены прокурорскимъ надзоромъ. Я укажу лишь на показаніе Караганова, являющагося въ этомъ отношеніи какъ-бы свидѣтелемъ по дѣлу. Не буду повторять того, что сказано о личности Караганова, о степени достовѣрности его показанія. Я только прибавлю, что въ то время, когда на судебномъ слѣдствіи возбуждено было нѣкоторое сомнѣніе въ состояніи умственныхъ способностей Караганова, когда экспертъ-спеціалистъ Дюковъ давалъ свое заключеніе, то на вопросъ, къ какому роду умопомѣшательства можно причислить умственное состояніе Караганова, онъ отвѣчалъ, что въ наукѣ еще не существуетъ такого вида помѣшательства, которое приписываютъ Караганову. Затѣмъ, законъ предписываетъ сличеніе почерковъ и подписей на заподозрѣнномъ актѣ съ почеркомъ и подписью на другихъ несомнѣнныхъ актахъ. Сличеніе почерка производилось на судѣ 16-ю экспертами. Всѣ они подпись на духовномъ завѣщаніи единогласно считали подложною, сдѣланною искусною, но не смѣлою рукою. Нельзя не обратить вниманія еще на другаго рода экспертовъ, нами выслушанныхъ, на показанія тѣхъ лицъ, которыя или служили у Бѣляева, или были съ нимъ знакомы и знали его почеркъ, и которыя удостовѣрили: одни, что подпись на завѣщаніи не схожа съ несомнѣнною подписью Бѣляева, другіе—что она схожа, но что представляется странною. Вотъ существо того, что говорятъ свидѣтельства, добытыя на судебномъ слѣдствіи. Повторяю: какое заключеніе изъ этого сдѣлать—это зависитъ отъ васъ.

«Я бы могъ кончить на этомъ свои объясненія, если бы мнѣ не предстояла надобность дополнить нѣкоторыя замѣчанія, сдѣланныя прокурорскимъ надзоромъ относительно состоянія, принадлежавшаго покойному Бѣляеву. На этотъ вопросъ обращала вниманіе ваше и защита. По этому предмету я долженъ сказать слѣдующее: представитель гражданскаго иска въ этомъ отношеніи поставленъ въ самое затруднительное положеніе. Можно говорить свободно, когда дѣло идетъ о какомъ-нибудь принципѣ. Но когда дѣло идетъ объ имуществѣ, когда нужно доказать цифру извѣстнаго состоянія, тогда единственное точное понятіе объ этомъ пред-

метѣ можетъ быть основано лишь на книгахъ и документахъ, на счетахъ и т. п. Что такія книги и документы велись у покойнаго Бѣляева, то это несомнѣнно. При тѣхъ предпріятіяхъ, которыя онъ велъ, при той аккуратности, которою онъ отличался, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что онъ книги велъ. Но этихъ книгъ послѣ смерти его не оказалось. Въ этомъ отношеніи г-жа Бѣляева дала самое категорическое показаніе, но не здѣсь, на судѣ, а въ томъ показаніи, которое она дала въ оффиціальномъ отзывѣ Казенной Палатѣ и которое было прочитано передъ вами во время судебнаго слѣдствія. Въ этомъ показаніи сказано, что всѣ книги, всѣ документы, всѣ пакеты, все было тотчасъ послѣ смерти Бѣляева изъ кабинета его вывезено Александромъ Мясниковымъ. Тѣмъ не менѣе, изъ тѣхъ дѣловыхъ бумагъ, которыя отобраны отъ Мясниковыхъ, изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя собраны по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, защита старалась опредѣлить количество имущества Бѣляева. Я не считаю возможнымъ ни доказать опредѣлительно изъ этихъ данныхъ подробности имущества покойнаго Бѣляева, ни обременять васъ подробнымъ цифернымъ разсмотрѣніемъ всего того, что имѣется въ дѣлѣ. Позволю себѣ возобновить въ вашей памяти лишь слѣдующее:

1. Бѣляеву принадлежала аренда Самосдѣльскихъ и Образцовскихъ рыбныхъ промысловъ. Защита объясняетъ, что въ этомъ имуществѣ ему принадлежала только треть, а двѣ трети Мясниковымъ, какъ видно изъ донесенія ихъ Коммиссіи рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ. Но при этомъ донесеніи также видно, что Бѣляевъ на уступку Мясниковымъ двухъ третей намѣренъ былъ совершить компанейскій договоръ, который, однако, не совершилъ, а потому, по закону, рыбные промыслы принадлежали ему въ цѣломъ составѣ. Что касается до цѣнности ихъ, то изъ прошенія Трощинскаго въ Сенатъ видно, что по его показанію Мясниковы уступили ему промыслы за 899,000 р., и Мясниковы не только не доказывали преувеличенности этой цифры, но еще заявляли, что Трощинскій, спустя пять дней послѣ передачи ему промысловъ, уступилъ ихъ Бутовичу за 1,080,000 руб. Защита представила еще документъ, что Мясниковы, спустя уже четыре года по смерти Бѣляева, когда оставалось меньшее число лѣтъ для аренды, въ условіи съ Трощинскимъ цѣнили промыслы въ 382,000 р.

2. Мною представлено въ Окружный Судъ удостовѣреніе 1 го Департамента Сената о томъ, что имъ производится слѣдствіе о пропажѣ дѣла, заключавшаго въ себѣ подлинныя донесенія, при которыхъ Бѣляевъ представлялъ залоги, для того, чтобы имѣть право участвовать въ торгахъ на откупа въ 1858 г. Когда судебный слѣдователь потребовалъ къ себѣ это дѣло, то оно оказалось пропавшимъ.

3. Независимо отъ того, Бѣляевъ имѣлъ мебельный магазинъ, проданный Иваномъ Мясниковымъ за 27,500 р., лѣсную торговлю, участіе въ золотыхъ пріискахъ и откупахъ. Г. прокуроръ далъ по этому предмету подробныя объясненія.

Вообще, я долженъ замѣтить, что тѣ черновые счеты, на которые ссылается защита, не имѣютъ никакого значенія; они заключаютъ въ себѣ нѣкоторую отчетность по опекѣ надъ состояніемъ Мясниковыхъ, которую имѣлъ Бѣляевъ, но онъ имѣлъ самъ общія дѣла съ Мясниковыми и независимое свое состояніе. Почему мы знаемъ, что по этимъ дѣламъ Мясниковы сами были должны Бѣляеву, а книгъ, имъ веденныхъ, и документовъ при дѣлѣ нѣтъ.

Присяжный повѣренный Арсеньевъ (защитн. А. Мясникова). Я долженъ прежде всего обратиться къ г. предсѣдателю съ просьбою позволить мнѣ исправить одно заявленіе, сдѣланное первымъ повѣреннымъ гражданскихъ истцовъ. Хотя заявленіе это выходитъ изъ предѣловъ судебныхъ преній, такъ какъ касается предмета, который не былъ изслѣдованъ на судѣ, но въ виду равенства сторонъ, я считаю себя въ правѣ представить противъ него опроверженіе. Повѣренный гражданскаго истца утверждалъ, что слѣдствіе относительно Бѣляевой прекращено по давности; между тѣмъ, сколько мнѣ извѣстно, слѣдствіе относительно Бѣляевой прекращено Судебною Палатою по двумъ причинамъ: по давности и по недостаточности уликъ.

Предсѣдатель. Дѣйствительно; со стороны повѣреннаго гражданскаго истца, сколько я помню въ настоящее время, сдѣлано было заявленіе о томъ, что слѣдствіе въ отношеніи Бѣляевой прекращено за давностію, и подобное заявленіе, какъ совершенно правильно замѣтилъ защитникъ, выходило изъ предѣловъ судебныхъ преній, которыя должны ограничиваться только тѣмъ, что было разъяснено на судѣ. Затѣмъ, въ имѣющемся при дѣлѣ опредѣле-

нія Судебной Палаты отъ 29-го ноября 1871 г. значится, что дѣло относительно Бѣляевой, привлеченной къ нему въ качествѣ обвиняемой, прекращено, но по какимъ причинамъ—на это указанія не имѣется. Слѣдовательно, заявленіе повѣреннаго гражданскаго истца о томъ, что слѣдствіе прекращено за давностью, никѣмъ въ этомъ опредѣленіи не удостовѣряется.

Г. Арсеньевъ. Я долженъ обратить вниманіе еще на одно заявленіе повѣреннаго гражданскаго истца. Въ дѣлѣ, подобномъ настоящему, и безъ того запутанномъ и трудномъ, мы должны избѣгать всего, что напрасно усложняетъ дѣло, и я никогда не позволилъ бы себѣ говорить о тѣхъ личныхъ взглядахъ и чувствахъ, съ которыми я взялся за защиту А. Мясникова, еслибы повѣренный гражданскаго истца не началъ свою рѣчь съ того, что защитѣ позволительно приниматься за дѣло когда есть сомнѣніе, но обвиненіе—а повѣренный гражданскаго истца держалъ себя все время какъ обвинитель—должно быть принято только съ полнымъ убѣжденіемъ. Я смотрю совершенно иначе на этотъ вопросъ; но, не вдаваясь въ подробный разборъ его, я постараюсь только передать вамъ, гг. присяжные, мое убѣжденіе въ правотѣ этого дѣла, и если мнѣ это удастся, то задача моя будетъ исполнена. Я весьма благодаренъ г. представителю обвинительной власти за то, что онъ, по возможности, упростилъ дѣло, устранивъ бездну подробностей, вовсе не ведущихъ къ раскрытію истины. Еслибы пренія вращались въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ происходило судебное слѣдствіе, то, и безъ того утомительныя и продолжительныя, они сдѣлались бы безконечными. Я буду держаться совершенно той же системы, которая принята обвинительною властью, и постараюсь устранить всю массу разнообразныхъ и разнорѣчивыхъ свѣдѣній, не имѣющихъ ровно никакого значенія для настоящаго дѣла; я буду касаться ея лишь на столько, на сколько къ тому меня вынуждаетъ рѣчь перваго повѣреннаго гражданскихъ истцовъ. Если бы я хотѣлъ держаться другой системы защиты, еслибы вообще у защитника, сознающаго свое достоинство, могло быть когда нибудь желаніе—по выраженію одного изъ моихъ противниковъ — поддѣвать васъ на удочку, гг. присяжные засѣдатели, то конечно мнѣ выгоднѣе бы было говорить о томъ, что не идетъ прямо къ дѣлу, потому что въ этой массѣ ненужныхъ данныхъ есть свидѣтельства болѣе благопріятныя для защи-

ты, чѣмъ для обвиненія; но я согласенъ идти тѣмъ путемъ, который указанъ г. прокуроромъ. Прежде всего надо замѣтить, что оба противника мои впадаютъ въ одно противорѣчіе съ самими собою: они говорятъ, что нужно забыть обо всѣхъ тѣхъ свидѣтеляхъ, показанія которыхъ очевидно невѣрны и вызваны своекорыстными побужденіями, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ тотъ, такъ и другой, чрезвычайно много говорятъ объ одномъ изъ этихъ показаній, или, лучше сказать, объ одной изъ личностей, дававшихъ эти показанія, а именно о Шевелевѣ. Вы, конечно, замѣтили въ этихъ объясненіяхъ какое-то странное противорѣчіе. Одно изъ двухъ: или Шевелевъ вовсе не заслуживаетъ вниманія—и въ такомъ случаѣ его надо оставить въ сторонѣ; или же показаніе его имѣетъ существенное значеніе—и въ такомъ случаѣ необходимо дать себѣ отчетъ, въ чемъ это значеніе заключается. И дѣйствительно, если я сказалъ въ началѣ своей рѣчи, что мы должны быть благодарны обвиненію за упрощеніе дѣла, то я долженъ оговориться и прибавить, что мы должны быть еще болѣе благодарны за это Шевелеву. Не будь его объясненій, которыя такъ ясно и рельефно обрисовали характеръ цѣлой категоріи свидѣтельскихъ показаній, намъ говорили бы очень много о показаніяхъ Красильникова, Штеммера и другихъ, которыхъ я даже и называть не стану. Вотъ почему, гг. присяжные, мои противники такъ горячо стараются унизить передъ вами личность Шевелева; вотъ почему г. прокуроръ сравниваетъ его съ Поздревымъ, а повѣренный гражданскаго истца возбуждаетъ интересный вопросъ о томъ, религіозенъ ли Шевелевъ, вѣритъ-ли онъ въ присягу, и выводитъ на сцену коммуну и ея разбойническіе планы. Я, конечно, не беру на себя защиту Шевелева; человѣкъ, способный сдѣлать то, что сдѣлалъ Шевелевъ осенью 1866 г., защищаемъ быть не можетъ; я не могу только не указать на одну особенность его показанія, повлекшую за собою, можно сказать, цѣлый рядъ разоблаченій. Еслибъ онъ показывалъ одинъ, еслибы не былъ спрошенъ никто болѣе, тогда вы могли бы отнестись къ нему съ большимъ или меньшимъ недовѣріемъ, но послѣ Шевелева былъ спрошенъ свидѣтель Ижболдинъ. Я не стану напоминать сущности показанія этого свидѣтеля, ни перечислять тѣхъ противорѣчій, въ которыя онъ впалъ даже съ своимъ повѣреннымъ Сысоевымъ; но я напомню его смущеніе, тонъ его объясненій, совершенно отличный

отъ тона, въ которомъ онъ давалъ свое показаніе. Слѣдовательно, показаніе Шевелева драгоцѣнно въ томъ отношеніи, что оно раскрыло весьма важную часть дѣла. Если бы, напримѣръ, мы имѣли одно только показаніе Исаева, оно могло бы намъ казаться черезчуръ страннымъ: человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, занимавшій должность слѣдственнаго пристава, является къ судебному слѣдователю, потомъ приноситъ присягу передъ Судомъ, и два раза сознается въ томъ, что написалъ за деньги письмо, въ которомъ нѣтъ ни одного слова правды. Между тѣмъ, въ связи съ показаніемъ Шевелева, показаніе Исаева пріобрѣтаетъ весьма большое значеніе. Вы помните содержаніе того письма, за которое Шевелевъ получилъ награду въ настоящемъ и награду въ будущемъ, т. е. условіе, которое онъ заключилъ съ Ижболдинымъ. Въ письмѣ этомъ Шевелевъ говорилъ, что Мясниковъ просилъ его подписаться на завѣщаніи. Представляется ли это письмо отдѣльно стоящимъ въ этомъ дѣлѣ? Нѣтъ, объ этомъ же показывалъ Матвѣевъ, а по словамъ Ижболдина, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, слышалъ отъ Кемпе, что и его просили подписаться на завѣщаніи; затѣмъ, письмо Исаева опять касается того же вопроса, говоритъ объ офицерѣ, пріѣзжавшемъ просить Исаева подписаться на завѣщаніи Бѣляева. Такимъ образомъ, мы видимъ цѣлый рядъ показаній, направленныхъ къ тому, чтобы показать, что Мясниковы обращались ко всѣмъ и каждому съ просьбою подписаться на завѣщаніи и только тогда, когда Шевелевъ далъ свое показаніе и когда вы послѣ него выслушали Ижболдина, сдѣлалось невозможнымъ опираться на эти показанія — они пали съ тѣмъ, чтобы никогда не подниматься.

Конечно, гг. присяжные, самое правое дѣло можно вести неправыми средствами; я не могу не признать этого, и центръ тяжести защиты долженъ лежать не въ этихъ показаніяхъ, съ которыми я сейчасъ и разстанусь, но нельзя не сознаться, что если кто нибудь приступаетъ къ дѣлу съ увѣренностію въ томъ, что на его сторонѣ законъ, истина и справедливость то въ большей части случаевъ онъ къ такимъ средствамъ прибѣгать не станетъ, въ особенности тогда, когда предъ нимъ открывается полная свобода и широкое поле для изслѣдованія истины. Еслибъ Ижболдинъ прибѣгалъ къ неправымъ средствамъ въ то время, когда дѣйствовали въ судахъ старые порядки, когда трудно было вы-

играть дѣло при извѣстныхъ условіяхъ, тогда, не оправдывая его, можно бы было понять его образъ дѣйствій, но припомните, когда онъ сталъ прибѣгать къ письмамъ Шевелева, Исаева и другимъ подобнымъ средствамъ: въ концѣ 1866 г., когда въ Петербургѣ были введены въ дѣйствіе Судебные Уставы, и когда отъ него зависило нѣсколько раньше подать ту жалобу прокурору, которая въ 1868 г. послужила исходною точкою для начатія предварительнаго слѣдствія. Когда вы имѣете передъ собою лицо, идущее такимъ путемъ, въ такое время, тогда, конечно, должно закрасться нѣкоторое сомнѣніе въ правотѣ самаго дѣла, и по средствамъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о цѣли. Вотъ почему мои противники съ такимъ необыкновеннымъ усердіемъ разбирали передъ вами показаніе Шевелева.

Я перехожу теперь къ тремъ вопросамъ, которые поставлены обвинительною властью, но буду разбирать ихъ въ нѣсколько измѣненномъ порядкѣ: обвинительная власть говорила сначала о подложности завѣщанія, потомъ перешла къ участію, которое принималъ въ этомъ дѣлѣ Карагановъ, и, наконецъ, поставивъ вопросъ о томъ, кто имѣлъ выгоду въ составленіи завѣщанія, рѣшила этотъ вопросъ противъ Мясниковыхъ. Я поставлю второй вопросъ на мѣсто перваго, и начну съ показанія Караганова, потому что оно только одно имѣетъ значеніе прямой улики, одно только можетъ поселить въ васъ предположеніе о подложности завѣщанія не путемъ догадокъ и болѣе или менѣе произвольныхъ соображеній, а путемъ факта, который былъ передъ вами засвидѣтельствованъ. Затѣмъ, я перейду къ подложности завѣщанія вообще, ко всѣмъ тѣмъ соображеніямъ, которыя представлены вамъ по этому предмету, и, наконецъ, къ третьему, самому главному вопросу—о томъ, кто имѣлъ интересъ въ составленіи завѣщанія, причемъ я вполнѣ согласенъ съ обвинительною властью, и не согласенъ съ однимъ изъ представителей гражданскихъ истцовъ въ томъ, что вопросъ о состояніи Бѣляева имѣетъ существенное значеніе въ настоящемъ дѣлѣ. Вотъ краткая программа, которую я счелъ нужнымъ изложить передъ вами.

Обвинительная власть, какъ вы могли замѣтить, придаетъ весьма большое значеніе показанію Караганова, данному на предварительномъ слѣдствіи и здѣсь, на судѣ, передъ вами. Для того, чтобы опредѣлить значеніе этого показанія, намъ нужно изслѣдовать его

съ двухъ различныхъ сторонъ: намъ нужно разсмотрѣть внутреннее его содержаніе, и, затѣмъ, обратить вниманіе на человѣка, дающаго это показаніе, какъ въ тотъ моментъ, когда онъ является передъ вами, такъ и въ продолженіе всей его предыдущей жизни, игравшей такую большую роль въ рѣчи г. прокурора. Въ показаніи Карагапова, взятомъ независимо отъ его личности, конечно, нѣтъ ничего точнаго, твердаго, яснаго; для того, чтобъ извлечь изъ него что нибудь, имѣющее опредѣленный смыслъ, необходимо произвести надъ нимъ цѣлый рядъ предварительныхъ операцій, устранить все лишнее, и съ большимъ трудомъ возстановить факты идущіе къ дѣлу. Подсудимый Карагаповъ показывалъ передъ вами, что въ день смерти Бѣляева, по предложенію А. Мясникова, въ его кабинетѣ, онъ написалъ нѣсколько разъ на бѣлыхъ листахъ слова «Козьма Бѣляевъ». Спрошенный, затѣмъ, зналъ ли онъ, для чего это дѣлается, Карагановъ давалъ сбивчивые, противорѣчивые отвѣты, и то признавалъ, то не признавалъ отношенія этихъ подписей къ завѣщанію Бѣляева. Ему предъявили завѣщаніе, его спросили, на томъ ли листѣ онъ сдѣлалъ подпись, на которомъ она находится на завѣщаніи. Я полагаю, что болѣе правильнымъ было бы сдѣлать то, чего не было сдѣлано ни на судѣ, ни на предварительномъ слѣдствіи, а именно предложить Караганову показать мѣсто подписи на бѣломъ листѣ бумаги. Карагановъ говоритъ: «да, кажется, подпись была на этомъ мѣстѣ». Возможно ли, чтобы черезъ 14 лѣтъ человѣкъ, который не помнитъ на какомъ листѣ онъ подписался—на простомъ или гербовомъ, могъ припомнить и объяснить вполнѣ правильно то мѣсто, на которомъ стояла одна изъ его подписей, такъ какъ ихъ сдѣлано было нѣсколько. Далѣе, гдѣ же доказательства тому, что подпись Караганова, сдѣланная имъ на бѣломъ листѣ бумаги, есть именно та самая, которую вы видѣли на завѣщаніи? Вы припомните, что одинъ изъ свидѣтелей, Краснопѣвковъ, говорилъ, что было много документовъ съ подложными подписями Бѣляева. У васъ есть одинъ только поводъ предполагать, что подпись на завѣщаніи сдѣлана Карагановымъ—это сличеніе почерка, мнѣніе экспертовъ, которые сказали, что Карагановъ, по свойству своего почерка, могъ подписаться такъ, какъ подписано завѣщаніе. Но, я думаю, вы не забыли тѣхъ пробныхъ подписей, которыя предъявлялись вамъ, и, вѣроятно, убѣдились, что ни одна изъ этихъ подписей

никакого сходства съ подписью Бѣляева на завѣщаніи не имѣетъ; слѣдовательно, мнѣніе экспертовъ подрывается въ самомъ основаніи. Для того, чтобы доказать вѣроятность того, что подпись на завѣщаніи сдѣлана Карагановымъ, нужно доказать, по крайней мѣрѣ, что онъ способенъ сдѣлать подобную подпись, а этого доказано совершенно не было. Наконецъ, на какомъ основаніи Мясниковъ обращается съ просьбою сдѣлать фальшивую подпись именно къ Караганову? Развѣ онъ слылъ уже за человѣка, умѣющаго подписываться подъ чужую руку? Но я думаю, что такого человѣка ни на одну минуту не оставили бы ни въ одной конторѣ, потому что онъ представлялся бы крайне опаснымъ. Не странно ли затѣмъ, что въ самый день смерти Бѣляева, въ то время, когда не было еще никакого основанія предполагать, что завѣщанія не осталось, въ то время, когда сама Бѣляева, если и допустить, что Мясниковы тотчасъ же спросили ее о существованіи завѣщанія, не могла дать имъ объ этомъ удовлетворительнаго отвѣта; когда они могли думать, что завѣщаніе хранится въ томъ или другомъ присутственномъ мѣстѣ, или отдано на сохраненіе тому или другому частному лицу, что въ это время Мясниковъ прямо приступаетъ къ составленію фальшиваго завѣщанія и безъ всякой предосторожности, безъ всякихъ предварительныхъ мѣръ, предлагаетъ Караганову содѣйствовать ему въ такомъ преступленіи, которое можетъ быть вовсе не нужно, но одно приготовленіе къ которому ставитъ уже хозяина въ зависимость отъ подчиненнаго? И какъ же объяснить себѣ, что человѣкъ, никогда не дѣлавшій подложныхъ подписей, никогда не готовившійся къ этому дѣлу—человѣкъ, личность котораго устраняетъ всякое невыгодное для него предположеніе, тотчасъ же соглашается на преступное предложеніе и черезъ нѣсколько минутъ дѣлаетъ подпись на предложенномъ ему листѣ бумаги, подпись на столько похожую, что на ней можно было остановиться для достиженія цѣли? Вотъ, гг. присяжные, то, что бросается въ глаза по поводу самаго показанія Караганова, по поводу тѣхъ немногихъ словъ его, которыя имѣютъ прямое, непосредственное отношеніе къ дѣлу. Но само собою разумѣется, что гораздо важнѣе всего этого представляются соображенія, относящіяся къ личности подсудимаго. Прежде всего вамъ предстоитъ опредѣлить, кто передъ вами показываетъ: человѣкъ, пользующійся вполнѣ всѣми умственными способностями,

сознающій каждое свое слово, отдающій себѣ отчетъ не только въ тепершнихъ дѣйствіяхъ, но и въ томъ, что онъ дѣлалъ 14 лѣтъ тому назадъ; человѣкъ, свободный отъ вліянія ложныхъ представленій, или же человѣкъ, способности котораго находятся въ состояніи не вполнѣ нормальномъ? Когда вы себѣ поставите этотъ вопросъ, то, вы, безъ сомнѣнія, увидите, что того третьяго вывода, о которомъ говорилъ г. прокуроръ при допросѣ г. Дюкова и о которомъ онъ упомянулъ въ своей рѣчи, здѣсь быть не можетъ. Вопросъ допускаетъ только два разрѣшенія: или Карагановъ притворяется, или онъ находится въ ненормальномъ состояніи. Тотъ третьій выводъ, о которомъ упомянулъ г. прокуроръ, не имѣетъ самостоятельнаго значенія; онъ вполнѣ совпадаетъ съ разрѣшеніемъ вопроса въ смыслѣ притворства. Какъ въ самомъ дѣдѣ формулированъ этотъ выводъ? «Нельзя ли предположить, что показанія, которыя давалъ Карагановъ, объясняются, съ одной стороны, забывчивостію, съ другой стороны, желаніемъ оправдать себя, показать, что онъ былъ всегда вѣрнымъ слугой своихъ хозяевъ»? Но вѣдь это есть ничто иное, какъ притворство. Когда человѣкъ имѣетъ извѣстную цѣль, къ которой онъ подготовляетъ свои показанія, когда онъ для достиженія ея не отвѣчаетъ на одни вопросы, отвѣчаетъ безмысленно на другіе, тогда онъ притворяется. Прежде чѣмъ пойти далѣе, я долженъ предостеречь васъ, гг. присяжные, по поводу одного обстоятельства. Вопросъ о притворствѣ Караганова долженъ быть разрѣшенъ только на основаніи всего того, что вы слышали и видѣли на судѣ; если даже экспертиза въ этомъ отношеніи не можетъ имѣть для васъ окончательнаго значенія обязательной силы, потому что эта экспертиза не полная, данная однимъ лицомъ, которое предварительно за Карагановымъ не наблюдало, то еще менѣе можетъ имѣть значеніе мнѣніе одного лица, какъ бы авторитетно оно ни было. Поэтому, я долженъ напомнить вамъ, что хотя Караганову въ теченіе судебнаго засѣданія и было говорено: «вы очень хорошо понимаете смыслъ вопросовъ, вамъ предлагаемыхъ, и отвѣтовъ, которые вы на нихъ даете»; но, тѣмъ не менѣе, личное мнѣніе, выразившееся въ этихъ словахъ, должно оставаться для васъ только личнымъ мнѣніемъ, не разрѣшающимъ вопроса, и для васъ вовсе не обязательнымъ. Затѣмъ, когда вы приступите къ вопросу о притворствѣ, вы спросите себя: какой интересъ имѣетъ Караган-

новъ притворяться? кто мѣшалъ Караганову, если онъ и дѣйствительно виновенъ, сказать передъ вами на судѣ, что онъ никогда не подписывался за Бѣляева? Вѣдь противъ Караганова по этому поводу нѣтъ никакихъ доказательствъ, никакихъ уликъ. Правда, были какіе-то слухи, что Карагановъ въ этомъ сознавался, что онъ съ кѣмъ-то совѣтывался, но эти слухи заключались въ показаніяхъ свидѣтелей, которые уже откинуты обвинительною властью и даже повѣренными гражданскихъ истцовъ, и къ которымъ возвращаться нечего. Слѣдовательно, остается только признаніе Караганова. Не будь этого признанія, не было бы и основаній къ его обвиненію. Когда человѣкъ поставленъ такимъ образомъ, что вмѣсто того, чтобы играть трудную роль человѣка, находящагося въ ненормальномъ состояніи, вмѣсто того, чтобъ въ теченіе пятидневнаго засѣданія носить на себѣ маску, не гораздо ли проще сказать: «нѣтъ, я не виновенъ»? Слѣдовательно, нѣтъ для Караганова основанія притворяться, а если основанія нѣтъ, то мы уже близко подошли къ этому выводу, что душевное состояніе Караганова не вполнѣ нормально. Г. экспертъ Дюковъ отвѣтилъ на мой вопросъ, что готовъ признать состояніе Караганова ненормальнымъ, если только предположить, что онъ не притворяется; но г. Дюковъ поспѣшилъ оговориться, что изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобъ онъ былъ помѣшанъ, такъ какъ для признанія помѣшательства необходимо подъискать такую форму болѣзни, которой соотвѣтствовало бы состояніе подсудимаго, необходимо, чтобъ вся группа припадковъ, характеризующихъ состояніе Караганова, положительно совпадала съ группою припадковъ и признаковъ, характеризующихъ извѣстную форму помѣшательства. Быть можетъ, это необходимо для эксперта, дающаго свое заключеніе съ точки зрѣнія науки; но если спеціалистами признано, хотя условно, ненормальное состояніе Караганова, то намъ нѣтъ надобности подъискивать форму болѣзни, которая бы вполнѣ соотвѣтствовала его состоянію; намъ совершенно достаточно сказать: этотъ человѣкъ не то, что каждый изъ насъ, этотъ человѣкъ не пользуется въ такой степени памятью, соображеніемъ, разсудкомъ, какъ каждый изъ насъ; поэтому, мы не имѣемъ права вѣрить ему такъ, какъ вѣрили бы другому, при тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ. Я не стану напоминать вамъ самую форму показанія Караганова; вы, конечно, давно убѣдились, что въ этой формѣ за-

ключается главное основаніе для предположенія, что Карагановъ не притворяется. Карагановъ вовсе не постоянно говоритъ несообразныя рѣчи; когда рѣчь идетъ не о немъ, когда разсматриваются такія доказательства, которыя никакого отношенія къ нему не имѣютъ, онъ молчитъ, онъ не навязывается вашему вниманію, не старается безпрестанно доказывать, что находится въ ненормальномъ состояніи; но каждый разъ, когда дѣло касается его лично, когда къ нему обращаются съ вопросомъ, потокъ несвязныхъ словъ, всегда направленныхъ въ одну и ту же сторону, носящихъ одинъ и тотъ же колоритъ, тотчасъ же прорывается и идетъ по своей, давно пробитой колеѣ. Намъ говорятъ, что онъ не всегда такъ держитъ себя, что въ присутствіи постороннихъ лицъ онъ говоритъ безсвязно, произноситъ отрывочныя слова, обращается къ однимъ и тѣмъ же предметамъ; но когда онъ остается наединѣ съ человѣкомъ, съумѣвшимъ снискать его довѣріе, онъ является совершенно другимъ, онъ веселъ, играетъ на скрипкѣ и т. д. Я бы далъ этому значеніе, если бы Карагановъ былъ подвергнутъ правильному освидѣтельствованію, если бы его наблюдалъ врачъ-спеціалистъ, имѣющій право на названіе психіатра, если бы помѣщенъ былъ—какъ и была рѣчь объ этомъ, но къ сожалѣнію этого не было сдѣлано—на испытаніе въ какое-нибудь заведеніе для-душевно-больныхъ. Я замѣчу по этому поводу, что вообще обязанности защиты начинаются или, лучше сказать, права ея возникаютъ слишкомъ поздно; она призывается къ участію въ дѣлѣ за нѣсколько недѣль до судебнаго засѣданія, въ то время, когда уже невозможно настаивать на испытаніи. Все, что мы могли бы сдѣлать, это—вызвать еще нѣсколько экспертовъ; но припомните, что мы никогда не слыхали и не видали, какъ держитъ себя Карагановъ, поэтому поведеніе его на судѣ для насъ было новостью и мы едва ли могли что-нибудь сдѣлать раньше. Какъ бы то ни было, показаніе д-ра Баталина не будетъ имѣть въ вашихъ глазахъ рѣшительнаго значенія, и вы не признаете, что Карагановъ притворяется только потому, что въ присутствіи д-ра Баталина онъ велъ себя такъ, а въ присутствіи д-ровъ Шульца или Дюкова—иначе. Еслибъ Карагановъ притворялся обдуманно, то онъ хорошо понялъ бы, что лицо, посылаемое для постояннаго за нимъ наблюденія, есть именно то, которое всего важнѣе ввести въ обманъ; онъ хорошо понялъ бы, что вести себя такъ въ присутствіи

этого лица и иначе въ присутствіи другихъ есть самое вѣрное средство раскрыть обманъ и дать противъ себя всѣ орудія, всѣ средства къ раскрытію истины. Итакъ, если допустить, что въ присутствіи д-ра Баталина Карагановъ былъ веселъ и спокоенъ, то и съ этой точки зрѣнія его притворство не доказано и должно быть отвергнуто. Вамъ говорятъ далѣе: «Положимъ, Карагановъ находится не въ нормальномъ состояніи; но кто же виноватъ въ этомъ? съ которыхъ поръ явилось это ненормальное состояніе»? Вамъ говорятъ, что до 1868 г., до того времени, когда началось первое предварительное слѣдствіе по настоящему дѣлу, Карагановъ ничѣмъ не отличался отъ всѣхъ другихъ, что только послѣ этого роковаго момента въ его жизни онъ начинаетъ измѣняться, дѣлается страннымъ, буйнымъ, пьетъ горькую чашу и такимъ образомъ падаетъ все ниже и ниже до самаго заарестованія. Когда, гг. присяжные засѣдатели, дѣло идетъ о столь важномъ, существенномъ вопросѣ, тогда слѣдовало бы относиться нѣсколько осторожнѣе къ фактамъ самаго дѣла. Гдѣ доказательства тому, что переломъ въ Карагановѣ произошелъ только послѣ 1868 года? Я полагаю, что никто не можетъ указать тому другихъ основаній, кромѣ показанія Алексѣя Бѣляева, который замѣтилъ, что когда Карагановъ былъ на Подгорномъ заводѣ въ 1867 г., то находился въ нормальномъ состояніи, а въ 1869 г. возвратился туда уже въ состояніи ненормальномъ. Но вы, вѣроятно, не забыли, что есть два письма, съ полною ясностью доказывающія, что этотъ переломъ—если только былъ переломъ, если болѣзнь не подготовлялась постепенно — совершился гораздо раньше: есть письмо отъ Добрынина изъ Ставрополя, относящееся къ марту 1868 года, въ которомъ Добрынинъ пишетъ, что здоровье Караганова плохо, что у него бываютъ припадки сильной меланхоліи, и притомъ прибавляетъ очень характеристическую фразу: у него въ головѣ не все дома. Затѣмъ, въ іюнѣ того же года, за мѣсяцъ до начатія въ С.-Петербургѣ перваго предварительнаго слѣдствія, Кошельковъ пишетъ А. Мясникову, что если взысканіе не произведетъ должнаго впечатлѣнія на Караганова, то значитъ у него голова не совсѣмъ здорова. Слѣдовательно, и у Кошелькова является предположеніе, что Карагановъ въ ненормальномъ состояніи; стало быть, нельзя утверждать, что переломъ совершился только во время перваго предварительнаго слѣдствія. Затѣмъ, вамъ говорятъ—и это еще

важнѣе—что Караганова спаивали; противъ Мясниковыхъ взводится, такимъ образомъ, обвиненіе, которое я считаю равносильнымъ и даже болѣе тяжкимъ, чѣмъ обвиненіе въ подлогѣ: ихъ обвиняютъ въ томъ, что они систематически спаивали Караганова, человѣка, пожертвовавшаго имъ всю жизнь, пострадавшаго для нихъ, спаивали его систематически для того, чтобы довести до состоянія безчувствія, заставить забыть все то, что опасно для нихъ. Такое обвиненіе, конечно, можетъ быть представлено передъ вами не иначе какъ на основаніи какихъ-нибудь неоспоримыхъ доказательствъ; гдѣ же, между тѣмъ, хотя одно такое доказательство? Можетъ быть обвинительная власть сошлется на показанія свидѣтелей о томъ, что Караганову отпускалось вино сверхъ жалованья? Но развѣ она забыла показанія Жукова, что этотъ обычай существовалъ на всѣхъ заводахъ, что всѣмъ служащимъ отпускалась извѣстная порція вина; наконецъ, если даже Карагановъ и пользовался бы виномъ въ большихъ размѣрахъ противъ другихъ, то гдѣ же доказательства, что это дѣлалось по распоряженію свыше? Если Карагановъ могъ брать иногда лишнюю порцію спирта, подъ предлогомъ производства пробы, то это объясняется вообще тою угодливостью, съ которой относились къ Караганову, по извѣстнымъ причинамъ, вслѣдствіе его женитьбы, другіе служащіе у Мясниковыхъ. Слѣдовательно, это обвиненіе ничѣмъ не доказано; а если оно ничѣмъ не доказано, то я не могу не пожалѣть, что оно предстало предъ вами въ особенности въ той формѣ, въ которой оно было высказано.

Затѣмъ, необходимо прослѣдить жизнь Караганова съ того времени, когда онъ будто бы совершилъ преступленіе, и до того, когда былъ арестованъ. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ изложеніемъ фактовъ, далеко не точнымъ, не соотвѣтствующимъ настоящему положенію дѣла. Вамъ говорятъ, что Карагановъ вскорѣ послѣ подписанія завѣщанія является человѣкомъ состоятельнымъ, предлагаетъ Гошину вступить въ паи; предлагаетъ ему извѣстную сумму въ займы и наконецъ женится на женщинѣ, гораздо выше его поставленной, на оперной пѣвицѣ, бывшей знакомой А. Мясникова. На чемъ же основано предположеніе о томъ, что Карагановъ разбогатѣлъ прежде своей женитьбы? Оно основано только на показаніи Гошина; но я полагалъ, что показаніе Гошина отвергнуто обвинительною властью, причислено къ массѣ показаній ничего не

стоющихъ, подлежащихъ устраненію. Я полагалъ и полагаю, что послѣ того какъ намъ сдѣлалось извѣстно объ отношеніяхъ Гонина къ Жболдину, о тѣхъ векселяхъ, которые были выданы за полтора мѣсяца до начатія перваго предварительнаго слѣдствія, лучше было бы не ссылаться на этого свидѣтеля. Итакъ, оставаясь послѣдовательнымъ, я имѣю право устранить Гонина. Затѣмъ, вамъ указываютъ на то, что мелкій прикащикъ женится на женщинѣ развитой и высокопоставленной. Но развѣ это можно сказать о Карагановой? Вамъ не предъявлялись ея письма, но я полагаю, никто не станетъ отвергать, что это письма безграмотныя. Когда ей нужно было написать письмо болѣе сложное, она обращалась, какъ извѣстно, къ помощи постороннихъ лицъ и просила написать свидѣтеля Иванова за нее письмо къ А. Мясникову. Наконецъ, гг. присяжные засѣдатели, неужели вамъ неизвѣстно, что когда совершается бракъ этого рода, то большею частію избирается лицо нѣсколько ниже стоящее въ соціальномъ положеніи, чѣмъ та женщина, которую хотятъ выдать за него? Очень не трудно понять, что въ подобныхъ случаяхъ не всякій согласится принять на себя извѣстную роль и что поэтому приходится обращаться къ лицу, которое, по своему общественному положенію, готово купить шагъ впередъ хотя бы такою цѣною. Въ большей части подобныхъ случаевъ бываетъ гораздо болѣе сильное отсутствіе равенства между женихомъ и невѣстою, нежели то, какое было въ данномъ случаѣ, или лучше сказать, въ данномъ случаѣ я этой разницы почти не вижу. Я думаю, что Карагановъ легко могъ жениться по любви, по привязанности, на что есть даже намеки въ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ, г-жа Обольянинова не стояла настолько выше Караганова, чтобъ онъ могъ перешагнуть пропасть, лежавшую между ними, не иначе какъ съ помощію человѣка, заинтересованнаго въ его молчаніи, какимъ представляютъ вамъ А. Мясникова. Затѣмъ, гг. присяжные засѣдатели, какъ дѣйствуетъ Карагановъ въ отношеніи къ Мясникову? такъ ли, говоря словами прокурора, какъ преступный прикащикъ въ отношеніи къ преступному хозяину? Намъ говорятъ, что если Мясниковъ позволилъ сначала Караганову удалиться изъ Петербурга и жить гдѣ и какъ хочетъ, то это объясняется только тѣмъ, что Карагановъ въ то время былъ молодъ, полонъ жизни, надеждъ, что слѣдовательно его интересъ совпадалъ съ интересомъ Мясни-

ковыхъ, что онъ долженъ былъ молчать какъ для нихъ, такъ и для себя; но что затѣмъ когда онъ обѣдпѣлъ, когда онъ потерялъ почти все свое состояніе и принужденъ былъ обратиться къ Мясникову съ просьбою о помощи, тогда онъ сдѣлался опасенъ, тогда малѣйшаго повода достаточно было для того, чтобъ онъ разсказалъ истину, и тогда-то слѣдовало устроить надъ нимъ самый бдительный надзоръ. Встанемъ на минуту на эту точку зрѣнія и посмотримъ, какъ долженъ поступать хозяинъ, поставившій себя въ такія отношенія къ служащему, въ которыя поставилъ себя Мясниковъ къ Караганову. Я понимаю, что почтительность, съ которою прикащикъ привыкъ относиться къ своему хозяину, можетъ давать тонъ его письмамъ, даже и въ этомъ случаѣ; но я убѣжденъ, что въ перепискѣ, продолжавшейся нѣсколько лѣтъ, и притомъ не съ однимъ только хозяиномъ, но и съ такими лицами, съ которыми Караганову стѣсняться было нечего, какъ напримѣръ съ отцомъ, что въ этой перепискѣ непремѣнно прокралась, прозвучала бы какая нибудь нота, указывающая, что добровольное повиновеніе продолжается только до поры до времени, напоминающая, что слуга имѣетъ власть надъ своимъ господиномъ, и можетъ заставить его подчиниться его требованіямъ. Гдѣ же во всей этой массѣ писемъ, написанныхъ Карагановымъ Мясникову и къ отцу и отцомъ Карагановымъ къ сыну — гдѣ же въ нихъ хотя одинъ намекъ на существованіе подобныхъ отношеній между Карагановымъ и Мясниковыми? Обвинительная власть, сознавая отсутствіе подобныхъ намековъ, указываетъ вамъ на то, что Карагановъ просилъ Мясникова выкупить его вещи. Какое, въ самомъ дѣлѣ, громадное одолженіе! Да, конечно, если бы Мясниковъ самъ пошелъ въ ломбардъ, ждалъ очереди, чтобъ выкупить вещи Караганова, тогда можно бы было удивляться, какимъ образомъ человѣкъ богатый, съ извѣстнымъ положеніемъ въ обществѣ, можетъ оказывать своему прикащику подобныя услуги; но вѣдь просьба Караганова имѣла только тотъ смыслъ, чтобъ Мясниковъ далъ одному изъ своихъ конторщиковъ нѣсколько десятковъ или сотенъ рублей въ счетъ жалованья Караганова, для выкупа его вещей. Въ письмахъ Караганова, мы имѣемъ прямыя указанія на то, что эти вещи выкупались именно въ счетъ его жалованья. Затѣмъ, у Караганова есть задушевное желаніе быть переведеннымъ въ Козьмодемьянскъ, желаніе, высказываемое упорно, постоянно.

*

Какъ же въ такихъ случаяхъ дѣйствуетъ тотъ, кто боится своего подчиненнаго? Найдется ли въ хозяинѣ преступномъ, какъ назвалъ г. прокуроръ Мясникова, достаточно рѣшимости, чтобъ постоянно, систематически отказывать преступному прикащику въ его неотступной просьбѣ и довести его наконецъ до того, что въ іюнѣ 1870 г. Карагановъ пишетъ отцу о намѣреніи своемъ оставить службу у гг. Мясниковыхъ? Вамъ хотѣли дать понять, что Мясниковы боялись возвращенія Караганова въ Козьмодемьянскъ, боялись той обстановки, въ которую онъ будетъ тамъ поставленъ, того вліянія, которое будетъ имѣть на него отецъ; но я думаю, что гораздо опаснѣе ожесточать, озлоблять человѣка, отказать ему въ томъ, чего онъ хочетъ, опаснѣе доводить его до крайности, подъ гнетомъ которой онъ можетъ открыто возстать противъ своего хозяина. Кромѣ того, у отца Караганова есть другое желаніе, весьма скромное, исполненіе котораго возможно безъ всякаго почти убытка для Мясниковыхъ. Отецъ Караганова въ теченіе всего 1870 года пишетъ сыну: «Похлопочи, чтобъ А. К. Мясниковъ оказалъ намъ благодѣяніе. Не будетъ ли ихъ милости дать тебѣ довѣренность на совершеніе купчей крѣпости» (на мѣсто, которое было когда-то запродано Караганову)? Замѣтьте, выраженія этихъ писемъ, безъ сомнѣнія, искреннія, потому что они обращены къ сыну, а не къ Мясниковымъ. Итакъ, Мясниковымъ стоило только выдать купчую крѣпость или другой владѣтельный актъ на маленькій клочокъ земли, конечно, не имѣющій для нихъ большой цѣнности; между тѣмъ, мы знаемъ, что просьба эта остается безъ исполненія и безъ отвѣта въ теченіе всего 1870 года. Такъ ли поступилъ бы преступный хозяинъ? Посмотримъ далѣе на всю переписку Караганова съ Мясниковымъ. Можно ли предположить, чтобъ въ продолженіе 4—5 лѣтъ, при неисполненіи Мясниковыми многихъ просьбъ Караганова, гдѣ-нибудь въ письмахъ его не проскользнула нота худо скрытаго раздраженія или угрозы? Г. прокуроръ сослался на письмо П. Мясникова Бѣляеву, написанное подъ вліяніемъ не совсѣмъ пріятныхъ чувствъ, и, между тѣмъ, очень вѣжливое. Да, это совершенно справедливо—оно вѣжливо по формѣ, но, между тѣмъ, въ немъ ясно звучитъ извѣстное раздраженіе и заключается настоятельное требованіе исполнить то, на что, по мнѣнію Мясникова, онъ имѣетъ право. Почему же этой ноты, обозначающейся весьма рѣзко въ приведеномъ письмѣ, вовсе нѣтъ

ни въ одномъ изъ писемъ Караганова? Я представилъ семнадцать писемъ А. К. Мясникова. Въ дѣлѣ есть ихъ еще нѣсколько; наконецъ, есть письма Караганова къ отцу, но ни въ одномъ изъ этихъ писемъ онъ не возмущается, не протестуетъ, а вездѣ всегда относится къ хозяину съ полной покорностью и почтительностью, безъ всякаго оттѣнка злобы или гнѣва. Намъ говорятъ, Карагановъ имѣлъ непосредственныя сношенія съ Мясниковымъ. Да; но въ чемъ они заключались? Въ дѣловыхъ отношеніяхъ, въ бумагахъ, которыя самъ г. прокуроръ признаетъ написанными весьма дѣльно, основательно. Г. прокуроръ говоритъ, что странное было положеніе Караганова на заводѣ: человѣкъ ничего не дѣлаетъ, не приноситъ никакой пользы и получаетъ довольно значительное жалованье; не можетъ быть, чтобъ его держали изъ милости, потому что кого держатъ изъ милости, тотъ не станетъ безобразничать, наводить страхъ на окрестность, не станетъ стрѣлять подъ окнами управляющаго, бить стекла и т. п. Но, во-первыхъ, извѣстны ли были всѣ дѣйствія Караганова Мясникову? Кто доносилъ на него? Никто. Кошельковъ не хотѣлъ вмѣшиваться, Жуковъ боялся говорить объ этомъ и только однажды рѣшился сказать Мясникову, на вопросъ его, что Карагановъ не способенъ занять мѣсто на Кавказѣ. Поступки Караганова оставались скрытыми отъ Мясникова; почему—это мы уже знаемъ. Что же Мясникову было извѣстно о Карагановѣ? Онъ зналъ Караганова по письмамъ, которыя тотъ писалъ ему, а въ этихъ письмахъ Карагановъ является исполнительнымъ чиновникомъ, довольно проницательнымъ ревизоромъ и человѣкомъ драгоцѣннымъ для собиранія дѣловыхъ свѣдѣній о цѣнахъ и т. п.; даже въ то время, когда Карагановъ представляется, по словамъ свидѣтелей, напивающимся до потери сознанія, онъ занимается дѣлами, исправно исполняетъ свои обязанности, и это доходитъ до свѣдѣнія Мясникова, между тѣмъ какъ пьянство Караганова остается ему не извѣстнымъ. Что же могъ думать Мясниковъ? Конечно, что Карагановъ служитъ какъ слѣдуетъ и вполнѣ достоинъ той тысячи рублей, которая ему отпускалась. Это жалованье не было особенно велико, и если, напримѣръ, Алексѣй Бѣляевъ получалъ меньше, то онъ и занималъ должность сравнительно низшую. Если Карагановъ получалъ квартирныя и разъѣздныя деньги, то лишь во время дѣловыхъ путешествій; обыкновенно же онъ получаетъ съ самаго поступленія на

службу въ 1866 г. одно и то же жалованье. Онъ требуетъ прибавки; но, какъ мы знаемъ изъ показаній Жукова, требованіе его не удовлетворялось, и до самаго конца онъ получалъ только 1,000 руб. Слѣдовательно, съ какой стороны мы ни подойдемъ къ положенію Караганова, мы вездѣ находимъ положеніе это вполнѣ соотвѣтствующимъ тому, въ какомъ находятся обыкновенно служащіе у богатаго человѣка. Наконецъ, можно ли придавать полную вѣру отзывамъ о буйствѣ и странностяхъ Караганова? Несомнѣнно то, что онъ пилъ; несомнѣнно, что у него была бѣлая горячка, припадки которой часто повторялись и подъ вліяніемъ которой онъ производилъ поступки довольно безчинные. Но чтобъ онъ ходилъ въ театръ и платилъ палкой за билетъ—это фактъ, подлежащій большому сомнѣнію. Объ этомъ пишетъ одинъ изъ ростовскихъ агентовъ Мясникова, въ то время, когда Карагановъ былъ присланъ въ Ростовъ на ревизію и когда могли желать отъ него поскорѣе отдѣлаться. Такимъ образомъ все письмо, можетъ быть, имѣло цѣлью лишь отозваніе Караганова изъ Ростова. Такимъ образомъ, приближаясь къ 1870 году, мы застаемъ Караганова на заводѣ въ положеніи вполнѣ нормальномъ, и если за нимъ слѣдили, какъ говоритъ г. прокуроръ, то слѣдили только въ тотъ очень короткій промежутокъ времени, когда Мясниковъ долженъ былъ знать о мѣстѣ нахожденія Караганова для того, чтобъ въ случаѣ надобности немедленно представить его къ слѣдствію. Еслибъ Мясниковъ въ это время потерялъ Караганова изъ вида, и еслибъ слѣдователь обратился къ нему съ вопросомъ о Карагановѣ, то отсутствіе свѣдѣній объ этомъ въ конторѣ Мясникова послужило бы основаніемъ къ подозрѣнію, что Мясниковы Караганова скрываютъ. Вотъ весьма естественное объясненіе того, что въ періодъ времени, когда производилось первое слѣдствіе, о Карагановѣ сообщались свѣдѣнія въ центральную контору, а иногда оттуда передавались А. Мясникову; но, какъ только предварительное слѣдствіе окончилось, Карагановымъ перестали заниматься. Говорятъ, что его не отпускали изъ завода. Это несправедливо; это опровергается фактами. Если вы припомните показанія Жукова и письма Караганова, написанныя въ концѣ 1869 г. изъ Воронежа, то вы убѣдитесь, что Карагановъ разъѣзжаетъ по дѣламъ завода и своимъ собственнымъ, живетъ то въ Тамбовѣ, то въ Воронежѣ. Если могли опасаться, что онъ проговорится отцу, то почему же

не боялись, что онъ проговорится въ Тамбовѣ, гдѣ жили его родные? Наконецъ, развѣ нельзя было ожидать, что въ одинъ прекрасный день Карагановъ, уѣхавъ изъ завода безъ всякаго распоряженія, соскучится постояннымъ неисполненіемъ его просьбы и явится въ Козьмодемьянскъ, притомъ озлобленный противъ тѣхъ, которые такъ долго мѣшали осуществленію его завѣтной мечты? Прежде чѣмъ разстаться съ Карагановымъ, я долженъ остановиться на одномъ эпизодѣ, оцѣнка котораго должна быть совсѣмъ не та, какая сдѣлана представителемъ прокурорскаго надзора. Мы, дѣйствительно, видимъ спанваніе Караганова, но не то, о которомъ говорено было въ обвинительной рѣчи. Мы знаемъ, что въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ пребыванія Караганова на заводѣ, въ этой мѣстности появляется сначала одно лицо, потомъ другое, никому не извѣстныя, Богъ знаетъ для чего прибывшія туда. Говорятъ, что они пріѣхали торговать заводъ; но они исчезаютъ, какъ только Карагановъ былъ арестованъ. Одинъ изъ нихъ, извѣстный подъ именемъ Виктора Ивановича Кононова, проводитъ все время только съ Карагановымъ, какъ показываетъ Жуковъ; они вмѣстѣ ходятъ по кабакамъ, трактирамъ и вмѣстѣ пьянствуютъ. Это продолжается систематически полтора мѣсяца, и послѣдствіемъ этого являются два свидѣтеля, показанія которыхъ даютъ поводъ къ начатію слѣдствія, показанія о томъ, что Карагановъ проговорился, сознался. Посмотримъ на эти показанія. Странно, во-первыхъ, какимъ образомъ Кулаковскій и Киселевъ, которые, какъ они объяснили, никому не разсказывали о слышанномъ, какимъ образомъ они являются свидѣтелями. Невольно рождается предположеніе, что они не случайно присутствовали при разговорѣ Караганова съ Кононовымъ, что нужно было быть кому-нибудь свидѣтелемъ этого разговора. Во-вторыхъ, соотвѣтствуютъ ли ихъ показанія личности Караганова? Личность его выяснилась такъ, какъ рѣдко выясняется личность подсудимаго; рѣдко мы имѣемъ такую массу неопровержимыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, какая у насъ есть о Карагановѣ. Карагановъ — человѣкъ деликатный, не позволяющій себѣ рѣзкихъ выраженій; всѣ его письма дышатъ спокойствіемъ, чувствительностью; въ нихъ не встрѣчается ничего циническаго, ничего грубаго. И вотъ этотъ-то человѣкъ, говоря о Бѣляевѣ, котораго онъ ставилъ очень высоко, котораго онъ считалъ главнымъ воротилой всѣхъ Мясниковыхъ дѣлъ, говоритъ,

что «обработалъ лысаго, беззубаго старика, бывшаго лакея Мясниковыхъ, и не оставилъ ему ни копѣйки на извощика, чтобъ проѣхать на тотъ свѣтъ»—выраженія, можетъ быть употребительныя въ извѣстной сферѣ, но вовсе не соотвѣтствующія натурѣ Караганова и его способу выраженій на словахъ и на письмѣ. Обвиненіе говоритъ, что, быть можетъ, лица, проживавшія полтора мѣсяца на заводѣ, были агенты сыскной полиціи, и если это были они, то дѣйствія ихъ приносятъ имъ честь, такъ какъ они способствовали открытію преступленія. Я совершенно расхожусь съ г. прокуроромъ во взглядахъ на честь сыскной полиціи. Я вполнѣ признаю необходимость сыскной полиціи, но я полагаю, что агенты ея должны дѣйствовать средствами честными. Если они узнаютъ, напримѣръ, что такой-то человѣкъ сказалъ такія-то слова, заключающія въ себѣ указаніе на преступленіе, они имѣютъ полное право устроить такъ, чтобъ онъ повторилъ эти слова въ ихъ присутствіи; но систематически вызывать человѣка на эти слова, систематически спаивать его, я полагаю, они права не имѣютъ. Я вовсе не знаю, дѣйствовали ли въ данномъ случаѣ агенты сыскной полиціи. Быть можетъ, это были лица, дѣйствовавшія изъ частнаго интереса. Г. прокуроръ самъ замѣтилъ, что въ настоящемъ дѣлѣ многія частныя лица принимали на себя разслѣдованіе разныхъ обстоятельствъ, или изъ усердія, или изъ личныхъ видовъ. Намъ хотѣлось разъяснить этотъ вопросъ, весьма интересный для дѣла. Мы просили о вызовѣ четырехъ агентовъ сыскной полиціи, изъ которыхъ о двухъ носился слухъ, что это именно лица, работавшія въ Воронежской губерніи. Намъ было въ этомъ отказано и предоставлено пригласить ихъ отъ себя въ засѣданіе Суда; но этого сдѣлано не было, потому что такое приглашеніе не могло имѣть никакихъ послѣдствій. Итакъ, я скорѣе склоняюсь къ мысли, что это были частныя лица, потому что не допускаю, чтобы агенты сыскной полиціи могли вести себя такъ, какъ велъ себя Кононовъ въ Задонскомъ уѣздѣ. Между тѣмъ, дѣятельность Кононова могла имѣть весьма серьозныя послѣдствія. Если обратиться къ человѣку, нравственныя силы котораго потрясены продолжительнымъ пьянствомъ или другимъ какимъ-нибудь несчастіемъ, быть можетъ несчастною супружескою жизнью, если дѣйствовать съ извѣстнымъ искусствомъ на его больную струну, если постоянно говорить съ нимъ о его усердіи къ службѣ, о тѣхъ мил-

ліопахъ, которые онъ доставилъ своимъ хозяевамъ, его можно довести до того, что онъ взведетъ на себя, съ цѣлью похвастаться, небывалое преступленіе, совершонное въ пользу хозяевъ, и, взведя его на себя однажды, самъ начнетъ вѣрить въ его существованіе. Мысль, однажды попавъ въ голову человѣка, разстроеннаго физически и умственно, продолжаетъ работать и можетъ окрѣпнуть такъ, что наконецъ, вложенная извнѣ, она можетъ привести человѣка къ полному убѣжденію, что онъ сдѣлалъ извѣстное дѣло и будетъ твердить каждому, что это справедливо. Вотъ, мнѣ кажется, ключъ къ объясненію поведенія Караганова въ Задонскомъ уѣздѣ. Карагановъ давно уже зналъ, что его подозрѣваютъ или обвиняютъ въ составленіи завѣщанія Бѣляева. Ему говорили объ этомъ въ 1865 г., когда онъ служилъ у Красильникова, говорили Ижболдинъ, Матвѣевъ и, по всей вѣроятности, самъ Красильниковъ, требуя отъ него сознанія; ему говорили, что невозможно, чтобы онъ не принималъ никакого участія въ этомъ дѣлѣ. Онъ постоянно отрицалъ это или молчалъ. Затѣмъ, проходитъ нѣсколько лѣтъ; его способности ослабѣваютъ; онъ не имѣетъ болѣе той силы сопротивленія, какою обладалъ прежде; старая мысль, заброшенная вновь въ голову его тѣмъ лицомъ, съ которымъ онъ проводилъ время въ концѣ 1870 г., развивается, укрѣпляется и доходитъ до степени несомнѣннаго убѣжденія. Вотъ почему я позволяю себѣ утверждать, что показаніе Караганова не имѣетъ никакого существеннаго значенія и недостаточно для того, чтобы послужить основаніемъ даже къ предположенію о фальшивости завѣщанія. Покончивъ такимъ образомъ съ показаніемъ Караганова, я считаю себя въ правѣ перейти къ другому существенному вопросу—о подложности завѣщанія, и разсмотрѣть тѣ второстепенныя, мелкія соображенія, съ помощью которыхъ обвинительная власть старается доказать, что завѣщаніе не могло быть подписано Бѣляевымъ.

Прежде чѣмъ перейти ко второй части моей рѣчи, я долженъ нѣсколько дополнить первую часть. Я забылъ напомнить вамъ, гг. присяжные, о двухъ письмахъ, которыя имѣютъ существенное значеніе въ настоящемъ дѣлѣ: о письмѣ Караганова къ отцу въ 1866 г., въ которомъ онъ говоритъ, что виновенъ въ какихъ-то неизвѣстныхъ ему самому проступкахъ, и потомъ о письмѣ отца Караганова къ сыну въ январѣ 1869 г., гдѣ онъ пишетъ, чтобы

сынъ сообщилъ ему свѣдѣнія о дѣлѣ по наслѣдству Бѣляева, въ которомъ его такъ безвинно считаютъ участникомъ. Если сопоставить эти письма съ такъ называемымъ завѣщаніемъ Карагановa, на которое ссылался г. прокуроръ, то завѣщаніе это теряетъ тотъ смыслъ, который ему придается. Въ концѣ его сказано, что Карагановъ винитъ себя въ нѣкоторыхъ неосмотрительныхъ проступкахъ молодости, которые отчасти извѣстны отцу его. Къ числу этихъ проступковъ не можетъ принадлежать подписаніе завѣщанія отъ имени Бѣляева, такъ какъ въ этомъ, по словамъ отца Карагановa, его безвинно подозрѣваютъ.

Затѣмъ, гг. присяжные, мнѣ слѣдуетъ обратиться къ вопросу о завѣщаніи. Противники мои, разбирая завѣщаніе со всѣхъ сторонъ, стараются доказать недѣйствительность его какъ по внѣшней формѣ, такъ и по содержанію. Прежде всего говорятъ: вѣроятно ли, чтобы человѣкъ такой аккуратный, такой дѣловой, какъ Бѣляевъ, писавшій собственноручно самыя пустыя донесенія, подписывавшій конверты, чтобы этотъ человѣкъ могъ, во-первыхъ, не написать самъ своего духовнаго завѣщанія, и во-вторыхъ, подписаться просто «Козьма Бѣляевъ?» Вѣроятно ли, чтобъ человѣкъ, пишущій ясно, съ достоинствомъ, могъ написать завѣщаніе такъ неудачно, такъ темно, не полно во всемъ, что касается существа, и такъ многорѣчиво во всемъ, что касается формы. Мнѣ кажется, что здѣсь съ перваго же раза мы вступаемъ на почву чрезвычайно топкую. Когда мы догадываемся о дѣйствіяхъ извѣстнаго лица по общему характеру его, то мы всегда находимся въ опасности впасть въ заблужденіе. Нѣтъ человѣка, который дѣйствовалъ бы всегда подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же правилъ; нѣтъ человѣка аккуратнаго, который не допускалъ бы иногда медленности, и т. д. Есть справедливая русская пословица, которая говоритъ, что «на всякаго мудреца довольно простоты». Нѣтъ человѣка, за котораго мы могли бы поручиться, что при извѣстныхъ условіяхъ онъ будетъ дѣйствовать такъ, а не иначе. Слѣдовательно, если мы говоримъ, что завѣщаніе недѣйствительно, потому что не писано собственноручно Бѣляевымъ, потому что написано не ясно и не точно, то мы утверждаемъ такое обстоятельство, которое не можетъ быть доказано и весьма легко можетъ не существовать на самомъ дѣлѣ. Литературно-образованный человѣкъ, привыкшій владѣть перомъ, при извѣстныхъ условіяхъ можетъ на-

писать несвязное письмо, или прибѣгнуть къ посторонней помощи, къ чужому перу. Мы знаемъ, что Бѣляевъ не всегда писалъ самъ, мы знаемъ, что не только доношенія въ Опеку, но и письма, напримѣръ письмо къ Алоизію Матвѣевичу, были писаны не его рукою; слѣдовательно, общаго правила, въ силу котораго можно было бы сказать, что онъ всегда писалъ самъ, не можетъ быть установлено. Но еслибъ это и было такъ, то можно ли утверждать, что человѣкъ больной, страданія котораго выражаются въ мучительныхъ пароксизмахъ, не могъ одинъ разъ нарушить свою обыкновенную привычку и прибѣгнуть къ чужой помощи, чтобы написать хотя бы и важный документъ. Если обвинительная власть обращается ко всякаго рода догадкамъ, то мнѣ кажется, и мнѣ позволительно будетъ прибѣгнуть къ одному, очень простому предположенію: Бѣляевъ почувствовалъ болѣе сильный пароксизмъ своей болѣзни, онъ чувствовалъ, что не въ состояніи писать и вмѣстѣ съ тѣмъ боялся послѣдней минуты. Онъ призвалъ Целебровскаго—быть можетъ даже не призвалъ, быть можетъ Целебровскій былъ у него, такъ какъ несомнѣнно, что Целебровскій былъ постояннымъ адвокатомъ Мясниковыхъ, дѣлами которыхъ завѣдывалъ Бѣляевъ, и сверхъ того занимался разными дѣлами самого Бѣляева, какъ видно изъ черновыхъ прошеній и дневника,—онъ могъ быть въ ту минуту подъ рукою, когда съ Бѣляевымъ сдѣлалось дурно. Говорятъ: зачѣмъ онъ не обратился къ конторщику, а къ Целебровскому? Но главный конторщикъ Шмелевъ не могъ быть переписчикомъ завѣщанія, потому что въ немъ была назначена выдача въ пользу Шмелева; притомъ Целебровскій былъ юристъ и могъ знать, какъ составляется завѣщаніе. Намъ скажутъ, что Бѣляевъ былъ самъ дѣловой человѣкъ; да, это такъ, но онъ конечно не былъ юристомъ. Припомните напримѣръ, что въ 1845 году онъ посылалъ къ Ив. Ѳед. Мясникову проектъ росписки, опредѣляющій порядокъ представленія Бѣляевымъ отчетовъ не только при жизни, но и послѣ смерти Ивана Ѳедоровича Мясникова. Я полагаю, что не только юристъ, но и всякій человѣкъ, имѣющій нѣкоторое понятіе о нашихъ законахъ понялъ бы, что такая росписка не обязательна, что никто не можетъ стѣснять своихъ наслѣдниковъ въ требованіи отчетовъ отъ бывшаго управляющаго наслѣдственнымъ имуществомъ. Что Бѣляевъ не былъ юристомъ, мы имѣемъ тому еще и другое доказа-

тельство, уже прямо относящееся къ вопросу о завѣщаніи; мы имѣемъ обрывокъ, написанный карандашемъ и сохранившійся въ бумагахъ А. Мясникова (хотя въ настоящее время и играющій роль улики противъ него)—обрывокъ, на которомъ рукою Бѣляева написано, что сія моя послѣдняя воля и т. д. Понятно, что это человѣкъ опытный продиктовалъ Бѣляеву, какъ слѣдуетъ подписаться на завѣщаніи. Какъ бы то ни было, Бѣляевъ обращался съ просьбою къ Целебровскому, тотъ пишетъ завѣщаніе, и если предположить, что Бѣляевъ былъ боленъ, ему не время было разсматривать, правильно ли и изящно ли пишетъ Целебровскій; онъ проситъ только написать такъ, чтобы все состояніе перешло къ женѣ. Целебровскій, съ нѣкоторыми замашками, свойственными старымъ адвокатамъ, пишетъ дѣйствительно не совсѣмъ хорошо и просто текстъ завѣщанія. Далѣе указываютъ на то, что Бѣляевъ непремѣнно бы подписался подъ завѣщаніемъ полнымъ своимъ званіемъ; но не говоря уже о томъ, что ему могла помѣшать болѣзнь, самъ г. прокуроръ замѣчаетъ совершенно справедливо, что когда въ текстѣ оффиціальнаго документа есть полное означеніе званія лица, тогда повтореніе того же въ подписи является излишнимъ; между тѣмъ въ завѣщаніи именно сказано «фридрихсгамскій первостатейный купецъ» и т. д. Кромѣ этого Бѣляевъ могъ разсчитывать, что то же самое подробное обозначеніе его званія будетъ сдѣлано въ свидѣтельскихъ подписяхъ; это дѣйствительно и случилось. Вотъ почему онъ могъ подписать завѣщаніе словами «Козьма Бѣляевъ»; но еще болѣе простое объясненіе этого обстоятельства заключается въ томъ, что онъ былъ боленъ, что ему трудно было написать болѣе двухъ словъ.

Требованія, съ которыми мои противники относятся къ внутреннему содержанію завѣщанія, кажутся мнѣ еще болѣе неосновательными. Говорятъ, напр., что Бѣляевъ, какъ человѣкъ богомольный, не могъ не оставить чего-нибудь на поминовеніе души, на церкви и монастыри, что онъ не могъ забыть родныхъ, которыхъ такъ нѣжно любилъ, не могъ удѣлить Ремянниковой такую малую долю своего имущества, не могъ вовсе лишить наслѣдства другую сестру, Мартьянову, бѣдственное положеніе которой такъ краснорѣчиво описано въ обвинительной рѣчи. Но опять-таки мы входимъ здѣсь въ область такихъ предположеній, которыя ни къ чему опредѣленному привести не могутъ. Кто можетъ

сказать про самаго близкаго своего пріятеля, какъ онъ въ данную минуту распорядится своимъ имуществомъ? Кто можетъ усомниться въ завѣщаніи только потому, что въ немъ ничего не оставлено человѣку, которому по чьимъ-нибудь соображеніямъ слѣдовало бы что-нибудь оставить? У каждаго изъ насъ свой взглядъ, свои убѣжденія, постоянно измѣняющіяся: сегодня я могу быть расположенъ къ одному родственнику и ему завѣщать свое имущество, завтра расположеніе мое измѣняется и я не оставлю ему ничего; поэтому удивляться, что въ завѣщаніи Бѣляева мало оставлено одной сестрѣ и ничего не оставлено другой, совершенно невозможно. Наконецъ, гдѣ основанія предполагать, что Бѣляевъ долженъ былъ оставить что нибудь Мартьяновой, гдѣ указанія на то, что между Мартьяновою и Бѣляевымъ существовали, въ моментъ смерти послѣдняго, братскія отношенія? Еслибы такія отношенія существовали, то неужели Мартьянова или ея наслѣдники не могли бы отыскать въ ея бумагахъ хотя бы одно письмо Бѣляева, когда они отыскали и представили важныя развѣ только для защиты письма Мартьяновой къ Бѣляевой и Ремянниковой, не дошедшія по адресу. Не очевидно ли, что Бѣляевъ вовсе не писалъ Мартьяновой? Въ исходящемъ журналѣ Бѣляева мы не видимъ никакого указанія на выдачи пособія Мартьяновой; наконецъ, изъ показанія Ремянниковой мы знаемъ, что Бѣляевъ при жизни былъ въ весьма дурныхъ отношеніяхъ съ сестрою и ея сыномъ. Что же касается до бѣдности Мартьяновой, то я попрошу васъ только припомнить, что эта бѣдность описывается ею въ письмѣ 1861 г., а въ 1858 г., не задолго до смерти Бѣляева, мы не знаемъ, въ какомъ положеніи находилась тогда Мартьянова, и не только не знаемъ этого мы, но не зналъ этого вѣроятно и самъ Бѣляевъ. Такимъ образомъ всѣ соображенія, касающіяся этихъ недомолвокъ въ засѣданіи, должны быть устранены. Далѣе говорятъ, что если Бѣляевъ сдѣлалъ такое завѣщаніе въ моментъ болѣзни, то почему онъ не воспользовался первымъ свободнымъ промежуткомъ, первой свободной минутой, чтобы написать новое завѣщаніе? На это есть одна очень простая причина. Г. прокуроръ упомянулъ о суевѣріи, съ которымъ весьма многіе въ нашемъ обществѣ смотрятъ на завѣщаніе, въ особенности въ купеческомъ быту. Въ минуту опасности, въ моментъ сильнѣйшей боли Бѣляевъ могъ преодолѣть это чувство, которое до тѣхъ поръ мѣшало ему, вопреки

высказываемой неоднократно волѣ, составить завѣщаніе въ пользу жены; но затѣмъ, въ здоровыя минуты опять могли возобновиться грустныя мысли о смерти, сопряженныя съ составленіемъ завѣщанія, и могли помѣшать ему перемѣнить изложеніе его послѣдней воли. Наконецъ, когда подписались свидѣтели? Всѣ подписи сдѣланы разными чернилами; поэтому говорятъ—надо предполагать, что онѣ сдѣланы въ разное время. Но я прошу васъ обратить вниманіе на то, какъ шатки выводы, основанные на цвѣтѣ чернилъ; прошу васъ припомнить, что на одной страницѣ расходной книги Бѣляева, которая была вамъ предъявлена, въ очень короткій промежутокъ времени встрѣчаются отмѣтки, сдѣланныя совершенно различными чернилами. Различіе въ цвѣтѣ чернилъ можетъ зависѣть и отъ пера, и отъ подбавки воды въ чернила, и отъ того, что въ кабинетѣ Бѣляева было нѣсколько чернильницъ; наконецъ, Целебровскій могъ писать въ конторѣ, Спиридонскій—подписалъ завѣщаніе въ кабинетѣ Бѣляева нѣсколько раньше Отто, и т. д. Однимъ словомъ, тутъ является весьма широкій просторъ для самыхъ разнообразныхъ предположеній, столь шаткихъ, что ни на одномъ изъ нихъ нельзя остановиться и которыя ни къ чему привести насъ не могутъ. Намъ говорятъ далѣе: если Отто присутствовалъ при составленіи завѣщанія, зачѣмъ онъ не успокоилъ Бѣляева, сказавъ ему, что нѣтъ причины спѣшить, что проживетъ еще долго? Но если даже и предположить, что Отто былъ именно въ ту минуту у Бѣляева, то развѣ онъ не зналъ, что болѣзнь опасна, что Бѣляевъ можетъ умереть со дня на день? Кромѣ того Отто могъ совершенно не знать, какое преимущество имѣетъ завѣщаніе, написанное собственноручно; слѣдовательноо убѣждать Бѣляева, чтобы онъ перемѣнилъ завѣщаніе, или отложилъ составленіе его до другаго времени, не было для Отто никакого основанія. Намъ говорятъ, что если Бѣляевъ считалъ себя въ эту минуту опасно больнымъ, то ему прежде всего слѣдовало послать за женою. Но гдѣ же доказательсто, что она была тогда въ Ораніенбаумѣ? Завѣщаніе писано 10-го мая, а у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, когда именно Бѣляева переѣхала на дачу; есть, напротивъ, полное основаніе думать, что по случаю болѣзни Бѣляева поѣздка на дачу была отложена и совершилася позже, такъ что 10-го мая Бѣляева еще была въ Петербургѣ. Наконецъ, насъ спрашиваютъ: неужели Бѣляевъ могъ оставить та-

кое неопредѣленное, такое темное завѣщаніе? неужели онъ не могъ сказать, какія у него дѣла, въ чьихъ рукахъ его капиталы, на кого онъ имѣетъ претензіи? Вѣдь онъ поставилъ жену свою въ какой-то лабиринтъ, изъ котораго невозможно было ей выдти. Не говоря уже о томъ, что завѣщаніе, написанное въ общихъ словахъ—явленіе весьма обыкновенное, я приведу только два существенныя соображенія по этому поводу. Бѣляевъ былъ человѣкъ, бросавшійся слишкомъ поспѣшно на разныя предпріятія и слѣдовательно хорошо знавшій, что составъ его имущества колеблется, измѣняется, что перечислять въ завѣщаніи имущество, которое ему принадлежало въ тотъ день, значило подать поводъ къ недоразумѣніямъ, дать основаніе думать, что онъ не хотѣлъ оставить своей женѣ имущества, имъ впослѣдствіи пріобрѣтеннаго. Однимъ словомъ, человѣку торговому, постоянно производившему съ своимъ состояніемъ разные обороты, всего естественнѣе было составить завѣщаніе въ общихъ выраженіяхъ. Это предположеніе находитъ весьма важное подкрѣпленіе въ томъ отрывкѣ изъ завѣщанія, написанномъ собственноручно Бѣляевымъ, гдѣ сказано: «ей же, женѣ моей, передаю всѣ права мои по обязательствамъ съ казною и частными лицами» и т. д.—выраженія самыя общія, неопредѣленныя; нѣтъ никакихъ указаній на то, какіе у Бѣляева контракты, съ какими частными лицами они заключены, какія у него или на немъ долговыя обязательства. Слѣдовательно, завѣщаніе 10-го мая соотвѣтствуетъ вполнѣ этой формѣ, въ которой начато собственноручное его завѣщаніе.

Наконецъ, гг. присяжные засѣдатели, я перехожу къ тому вопросу, который я считаю однимъ изъ самыхъ важныхъ—къ вопросу о свидѣтельскихъ подписяхъ. Прежде всего нельзя не удивиться тому, что на завѣщаніи, которое считаютъ подложнымъ, подписываются такія лица, честности которыхъ отдается полная справедливость обвинительною властью. Обыкновенно, когда дѣлается подложное завѣщаніе, ищутъ свидѣтелей снисходительныхъ, не очень строго относящихся къ требованіямъ закона, чести и справедливости, обыкновенно прибѣгаютъ къ извѣстнаго рода людямъ, которые промышляютъ фальшивыми свидѣтельскими показаніями или подписями. Если такихъ людей нѣтъ подъ рукою, обращаются къ людямъ маленькимъ, ничтожнымъ, которымъ достаточно дать незначительную сумму денегъ, чтобы заставить ихъ мол-

чать. Но чтобы для этого обращались къ лицамъ, подобнымъ Сицилинскому и Отто, высокая нравственность которыхъ признается всѣми, это представляется черезъ-чуръ страннымъ. Этотъ фактъ, неслыханный въ судебныхъ лѣтописяхъ, стараются объяснить, говоря, что свидѣтели сдѣлали подпись по добротѣ, по благодушію, не зная, что завѣщаніе подложно; притомъ ихъ ловко подвели, заставили ихъ подписаться очень обстоятельно и подробно, такъ что когда они явились въ Гражданскую Палату, имъ оставалось только подтвердить, что дѣйствительно они подписались на завѣщаніи. Говорятъ также, что, будто бы, въ нашемъ обществѣ существуетъ такое мнѣніе, что подписаться свидѣтелемъ на завѣщаніи можно и послѣ смерти завѣщателя, если только есть убѣжденіе, что завѣщаніе дѣйствительно подписано имъ самимъ. Но я не вижу, на чемъ основываются эти предположенія; я не понимаю, какимъ образомъ люди образованные, понимающіе законъ, или по крайней мѣрѣ требованія обыкновенной справедливости, могутъ думать, что свидѣтельская подпись, требуемая закономъ — ни что иное, какъ пустая формальность, и что въ этой подписи позволительно говорить неправду. Напротивъ, всякій знаетъ, что завѣщаніе, подписанное завѣщателемъ и не подписанное свидѣтелями, равняется нулю: могъ ли не знать этого Сицилинскій, священникъ, духовный отецъ, которому въ теченіе его 70-ти-лѣтней жизни пришлось подписать, быть можетъ, болѣе 50-ти завѣщаній, могъ ли не знать этого Отто, докторъ, одно изъ тѣхъ лицъ, къ которымъ всего чаще обращаются съ просьбою подписаться свидѣтелемъ на завѣщаніи? Гг. присяжные! Что это за лица, о которыхъ говорятъ, что они согласились подписаться на завѣщаніи, зная, что завѣщаніе недѣйствительно? Были ли эти люди безнравственны, или по крайней мѣрѣ легкомысленны, готовые согласиться на всякую услугу? Нѣтъ, здѣсь были дѣланы вопросы, дававшіе свидѣтелямъ возможность отвѣчать въ этомъ смыслѣ; но на каждый такой вопросъ они отвѣчали совершенно не такъ, какъ отъ нихъ ожидали. Напр., спрашивали свидѣтеля графа Клейнмихеля относительно Сицилинскаго: это человѣкъ былъ добрый? Онъ отвѣчалъ: строгій. Спрашивали свидѣтеля Слѣпцова относительно доктора Отто: онъ готовъ былъ оказать всякому услугу? Онъ отвѣчалъ: смотря по тому, какого рода была услуга. Всѣ показанія свидѣтелей клонятся къ тому, что Сицилинскій и Отто не были

добрыми малыми, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, готовыми для компаніи сдѣлать и не совсѣмъ хорошую вещь; это люди, понимающіе значеніе чести и нравственности, люди, которые никогда не согласились бы сдѣлать лживый проступокъ, зная, что послѣ этого имъ по меньшей мѣрѣ придется передъ судомъ показать неправду. Неужели вы думаете, что Сицилинскій, прожившій болѣе 70 ми лѣтъ, бывшій въ званіи священника 50 лѣтъ, не зналъ, что ему придется пойти въ Гражданскую Палату и сказать, что, подписывая завѣщаніе, онъ видѣлъ завѣщателя и нашелъ его въ здравомъ умѣ и твердой памяти? Неужели Отто, человѣкъ также не молодыхъ лѣтъ, докторъ, никогда не подписывалъ завѣщаній и не зналъ, какую обязанность налагаетъ свидѣтельская подпись на того, кто ее сдѣлалъ? Говоритъ, что форма для свидѣтельскихъ подписей въ настоящемъ случаѣ не безъ цѣли была избрана весьма подробная; но я полагаю, что это предположеніе совершенно ошибочно. Если дѣйствительно было намѣреніе воспользоваться легкомысліемъ свидѣтелей, то достигнуть этого было гораздо легче, давъ имъ форму подписи по возможности короткую, неопредѣленную, а потомъ, когда они уже ее сдѣлали, сказать имъ: «теперь вы связаны; вы должны сказать, что видѣли завѣщателя и подписали при его жизни, потому что иначе вы подвергаетесь большой опасности». Имъ же, напротивъ, предлагаютъ такую подпись, что они ни на минуту не могутъ сомнѣваться въ томъ, что пишутъ неправду. И такъ, признать, что Сицилинскій и Отто подписались на завѣщаніи послѣ смерти Бѣляева, значило бы навсегда запятнать и опорочить ихъ память, потому что нельзя легкомысленно относиться къ подобнымъ вещамъ, нельзя утверждать, что люди, завѣдомо сдѣлавшіе ложную подпись, все-таки могли быть людьми честными. Еслибъ Сицилинскій и Отто подписали завѣщаніе послѣ смерти Бѣляева, не обдумавъ значенія этого поступка, то они поняли бы его въ Присутствіи Палаты и постарались бы его загладить. Не забудьте притомъ, что нѣтъ закона, который назначилъ бы наказаніе человѣку, подписавшему завѣщаніе послѣ смерти завѣщателя, если онъ, придя въ Палату, сознается въ своей ошибкѣ. Слѣдовательно, если Сицилинскій и Отто, вызванные въ Палату, подтверждали, что видѣли завѣщателя при его жизни и по его личной просьбѣ подписали завѣщаніе, а безъ этого оно и не было бы утверждено, то они поступили вполь-

нѣ сознательно и закрѣпили то дѣйствіе, которое совершили, подписываясь на завѣщаніи. Всякое предположеніе о томъ, что они подписались послѣ смерти Бѣляева, равносильно предположенію, что они оба, рекомендованные намъ за людей высокой честности, были люди вполнѣ безнравственные. Намекаютъ впрочемъ и на то, что одинъ изъ этихъ добрыхъ людей, подписавшихъ завѣщаніе только изъ благодушія, изъ услужливости, былъ однако настолько практиченъ, что получилъ вознагражденіе за свою услугу; говорятъ, что все многочисленное семейство Сицилинскаго пользовалось пособіями отъ Мясниковыхъ. Значитъ Сицилинскій сказалъ своему семейству, тѣмъ лицамъ, которыя должны были болѣе всего уважать его: «вотъ, мои дѣти, я на старости лѣтъ сдѣлалъ нехорошее дѣло, но оно дастъ вамъ возможность, когда хотите придти къ Мясниковымъ и потребовать отъ нихъ 100 — 150 рублей». Можно ли рѣшиться на такія предположенія, когда дѣло идетъ о чести людей, не запятнанныхъ въ продолженіе всей ихъ жизни? Сицилинскій получалъ одолженія при жизни Бѣляева; что же удивительнаго, что его дѣти получали отъ Мясниковыхъ незначительныя суммы, въ родѣ ста или полутораста рублей. Это вполнѣ нормально, и если свидѣтель Жоховъ былъ выставленъ для того, чтобы показать объ этомъ во время засѣданія, то это доказываетъ только, какъ важно для обвинительной власти поколебать вѣру въ нравственность Сицилинскаго и Отто, и какъ мало у ней для того основаній. Здѣсь, гг. присяжные, слабая сторона обвиненія, и вмѣстѣ съ тѣмъ сильная сторона защиты, которую вы не можете обойти иначе, какъ признавъ, что Сицилинскій и Отто были люди безъ чести, безъ совѣсти.

Прежде чѣмъ идти далѣе, я долженъ упомянуть объ одномъ доказательствѣ, которое играетъ нѣкоторую роль въ рѣчахъ моихъ противниковъ, о той экспертизѣ, которая была вами выслушана. Я считаю себя тѣмъ болѣе въ правѣ выразить свой взглядъ на экспертизу, какъ на доказательство, не имѣющее никакого существеннаго значенія, что недавно еще, когда дѣло о завѣщаніи Бѣляева производилось въ гражданскомъ судѣ, я высказалъ то же самое мнѣніе, хотя экспертиза въ то время склонялась въ пользу дѣйствительности завѣщанія. Я понимаю значеніе экспертизы тамъ, гдѣ требуются спеціальныя познанія, гдѣ ни одинъ изъ насъ, людей, обладающихъ общимъ образованіемъ, не можетъ сказать ут-

вердительно, какъ слѣдуетъ смотрѣть на дѣло. Но когда экспертиза касается предметовъ, доступныхъ почти каждому изъ насъ, когда она касается вопросовъ, которые этимъ путемъ разрѣшены быть не могутъ, то я полагаю, что значеніе ея самое ограниченное. Я полагаю, что при сличеніи почерковъ, очень часто, совершенно противъ воли и незамѣтно для самихъ гг. экспертовъ, играетъ роль та обстановка, при которой приходится давать заключеніе, и вотъ почему въ настоящемъ дѣлѣ такъ часто измѣнялись воззрѣнія экспертовъ. Вотъ почему тѣ самыя лица, которыя при предшествовавшихъ изслѣдованіяхъ приходили къ одному убѣжденію, теперь приходятъ къ противному; а другія, оставшіяся вѣрными своему взгляду, прежде взглядъ этотъ мотивировали такъ, а теперь мотивируютъ его иначе. Не доказываетъ ли это съ одной стороны, что характеръ экспертизы соотвѣтствуетъ характеру того момента, въ который она производится—повторяю, противъ воли гг. экспертовъ—а съ другой стороны, что она вся съ начала до конца построена на самыхъ шаткихъ основаніяхъ. Я не стану припоминать вамъ всѣхъ тѣхъ противорѣчій въ разныхъ экспертизахъ по настоящему дѣлу, которыя были мною своевременно указаны; припомню только одно: когда производилось сличеніе почерковъ на предварительномъ слѣдствіи въ прошедшемъ году, гг. эксперты, изъ которыхъ многіе явились сюда, показали, что поддѣлка есть, но весьма грубая, плохая, и тѣ же самые эксперты въ одинъ голосъ въ настоящемъ засѣданіи объявили, что поддѣлка должна быть признана очень искусною, и слѣдовательно стали въ разрѣзъ съ тѣмъ мнѣніемъ, которое было высказано ими ранѣе. Наконецъ, припомните показаніе эксперта Иванова, изъ котораго видно, что хотя отвѣты и даны экспертами единогласно, но что одинъ и тотъ же выводъ построенъ разными экспертами на различныхъ основаніяхъ. Какія же основанія имѣлись въ настоящее время для признанія подписи сомнительною? Эксперты объяснили, что одно изъ этихъ основаній — большая крупность буквъ въ подписи на завѣщаніи. Обстоятельство это было только разъ замѣчено при прежнихъ экспертизахъ, и притомъ только тѣми экспертами, которые признали, что подпись похожа. Затѣмъ, эксперты указали на нѣкоторую нетвердость почерка. Эта нетвердость опять-таки была признана тою же первою экспертизою, которая высказалась въ пользу подлинности завѣщанія. Притомъ,

нетвердость почерка или раздѣльность каждой черты, о которой говорили передъ нами эксперты, развѣ не можетъ быть объяснена болѣзненнымъ состояніемъ Бѣляева? Когда человѣкъ пишетъ твердою, здоровою рукою, онъ пишетъ большею частью связно, пишетъ свою фамилію обыкновенно однимъ размахомъ пера; но когда онъ пишетъ среди испытываемой имъ сильной боли, то нѣтъ ничего удивительнаго, что каждая буква имъ пишется отдѣльно, такъ какъ каждая черта, каждое движеніе стоятъ ему чрезвычайныхъ усилій. Подпись, которую считаютъ сдѣланною человѣкомъ больнымъ, скорѣе тогда была бы сомнительною, если бы была сдѣлана твердою рукою. Сверхъ того, во время производства дѣла очень большую роль въ отзывахъ экспертовъ играли разные вопросы, которые на Судѣ совершенно устранены. Тѣ эксперты, которые признавали подпись сомнительною, говорили въ подтвержденіе своего мнѣнія, что Бѣляевъ подписывался безъ росчерка съ буквою ъ, или съ росчеркомъ, но безъ буквы ъ; въ завѣщаніи же имѣются и росчеркъ и буква ъ. Это играло громадную роль при первыхъ экспертизахъ. Теперь же, когда доказано, что есть несомнѣнныя подписи Бѣляева такія же, какъ на завѣщаніи, естественно, это обстоятельство теряетъ значеніе. То же самое слѣдуетъ сказать и о точкѣ, которую Бѣляевъ будто бы всегда ставилъ послѣ своей фамиліи. Теперь утверждаютъ только, что подпись Бѣляева безъ точки и съ росчеркомъ при ъ—исключеніе изъ общаго правила. Этого не отвергаю и я; но какъ вы думаете, гг. присяжные засѣдатели, что обыкновенно берется въ основаніе подписи, которую хотятъ поддѣлать—общее правило или исключеніе? Я полагаю, что никто не усомнится въ томъ, что берется за образецъ подпись обыкновенная, чаще всего встрѣчающаяся, а когда при этомъ имѣется еще секретъ, столь легко угадываемый, какъ точка, то каждый поддѣлыватель непремѣнно поставилъ бы эту точку. Я обращу ваше вниманіе еще на одно весьма важное обстоятельство: въ глазахъ обвинительной власти весьма большую роль играютъ всѣ тѣ внѣшнія особенности завѣщанія, выставляемыя на видъ и экспертами, которыя должны убѣдить васъ въ фальшивости завѣщанія. Но гдѣ же находилось завѣщаніе во время производства дѣла? Хранилось ли оно въ такомъ мѣстѣ, откуда Мясниковы или Бѣляева, при всемъ своемъ желаніи, не могли добыть его и уничтожить? Нѣтъ. Завѣщаніе весьма часто возвращалось въ

руки г-жи Бѣляевой, даже послѣ того, какъ производилось первое слѣдствіе по настоящему дѣлу. Чего стоило бы человѣку, сознающему свою преступность, истребить завѣщаніе и вмѣстѣ съ нимъ матеріальное доказательство преступленія? Троекратное представленіе завѣщанія къ дѣлу, въ послѣдній разъ въ 1870 году, является, по моему мнѣнію, гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ та шаткая, смутная экспертиза, на которую ссылается передъ вами обвинительная власть. Затѣмъ, вамъ представляется со стороны обвиненія цѣлый рядъ соображеній, касающихся способа появленія завѣщанія на свѣтъ, какъ оно было передано Бѣляевымъ своей женѣ, какъ было принято ею и представлено къ засвидѣтельствованію. Вотъ тѣ вопросы, которые обсуждаются повѣреннымъ гражданскаго истца и представителемъ обвинительной власти съ весьма большою подробностью. Прежде чѣмъ перейти къ этому, я долженъ возвратиться нѣсколько назадъ и показать оборотную сторону вопроса о подложности завѣщанія. Вамъ представлялись, гг. присяжные, разные доводы, говорящіе въ пользу подложности завѣщанія. Я уже указывалъ вамъ на личность свидѣтелей, подписавшихся на завѣщаніи, какъ на аргументъ въ пользу дѣйствительности завѣщанія; но посмотримъ, въ самомъ завѣщаніи нѣтъ ли еще указаній на то, что оно не подложно. Во-первыхъ, на чемъ преимущественно основываютъ мои противники свой споръ о подлогѣ? На томъ, что Бѣляевъ въ маѣ мѣсяцѣ былъ человѣкомъ довольно крѣпкимъ, ѣздилъ на торги, писалъ разныя бумаги и, слѣдовательно, долженъ былъ написать завѣщаніе самъ. Но представьте себѣ, что завѣщаніе было бы помѣчено 23-мъ сентября, днемъ предшествовавшимъ смерти Бѣляева. Тогда всѣ эти соображенія пали бы безвозвратно. Самые ярые ревнители аккуратности Бѣляева должны были бы сознаться, что Бѣляевъ наканунѣ смерти былъ настолько слабъ, что не могъ написать завѣщанія самъ и не могъ даже подписать его съ полнымъ означеніемъ своего званія; но этого нѣтъ: на завѣщаніи выставлено 10-е мая. Кто составляетъ подложный документъ, и въ особенности такъ обдуманно, такъ тонко, какъ составлено въ данномъ случаѣ завѣщаніе, по словамъ повѣреннаго гражданнаго истца, тотъ не могъ обойти такого простаго вопроса. Почему же именно выбрано 10-е мая? Что за странность! Вѣдь такимъ образомъ составитель завѣщанія добровольно окружаетъ себя опасностями, даетъ не толь-

ко поводъ утверждать, что въ этотъ день Бѣляевъ былъ здоровъ, но и возможность доказать, что онъ не былъ дома, возможность сличать подпись Бѣляева на завѣщаніи съ почеркомъ его въ дневникѣ того же числа, словомъ—безъ всякой надобности усложняетъ задачу и затрудняетъ успѣхъ задуманнаго дѣла. Что могло помѣшать помѣтить завѣщаніе 23-мъ сентября? Мы знаемъ, что Целебровскій былъ въ это время въ Петербургѣ, Отто лечилъ больнаго, а Сицилинскій приходилъ къ нему въ самый день смерти. Стало быть подписи ихъ могли быть отнесены къ этому числу. Наконецъ, если подпись была сдѣлана Карагановымъ на бѣломъ листѣ бумаги и нужно было подгонять текстъ къ этой подписи, то не проще ли было призвать Караганова и приказать ему сдѣлать еще подпись, и Карагановъ еще съ большею ловкостью, тотчасъ бы сдѣлалъ новую подпись, быть можетъ еще лучшую, чѣмъ первая. Что же было стѣсняться съ Карагановымъ? Разъ заручившись помощью его, можно было написать завѣщаніе совершенно спокойно, на досугѣ, не торопясь, со всѣми подробностями и формальностями, и, быть можетъ, Карагановъ изловчился бы такъ, что подписалъ бы полнымъ титуломъ Бѣляева, если уже съ перваго раза онъ дошелъ до такой степени совершенства. Прежде чѣмъ покончить съ завѣщаніемъ, я долженъ указать одинъ несомнѣнный фактъ, имѣющійся въ дѣлѣ—намѣреніе Бѣляева сдѣлать завѣщаніе. Фактъ этотъ не оспаривается даже и обвиненіемъ; но, тѣмъ не менѣе, я считаю долгомъ напомнить тѣ указанія, которыя мы имѣемъ по этому предмету. Во-первыхъ, это доказывается обрывкомъ, написаннымъ рукою Бѣляева и найденнымъ при обыскѣ у Мясникова, а во-вторыхъ показаніями свидѣтельницы Сицилинской, которая говоритъ, что въ присутствіи ея шла рѣчь о какомъ-то лицѣ, умершемъ безъ завѣщанія, и Бѣляевъ сказалъ, что съ нимъ этого не случится. Что этотъ разговоръ былъ, въ этомъ, конечно, нельзя сомнѣваться. Думаю, что Сицилинская, женщина пожилая и почтенная, произвела на васъ такое впечатлѣніе, что вы не заподозрите ее въ желаніи показывать фальшиво для того, чтобы прибавить одинъ слабый доводъ ко всѣмъ другимъ основаніямъ защиты. Затѣмъ вы слышали показаніе свидѣтельницы Ивановой. Если бы оно было обдумано, подготовлено, какъ на то намекали, то оно, конечно, было бы дано иначе. Если бы Иванова сговорилась съ Бѣляевой, то она, разумѣется, не сказала бы, что

слыхала, будто Бѣляевою сдѣлано было завѣщаніе въ пользу мужа, между тѣмъ какъ Бѣляева объяснила уже по выслушаніи показанія Ивановой, что она такого завѣщанія никогда не составляла. Говорятъ еще, какъ могла Иванова слышать подобный разговоръ въ 1857 или 1858 г. по поводу смерти Громовой, когда Громова умерла въ 1856 г.; но неужели разговоръ объ отсутствіи завѣщанія можетъ идти только сейчасъ послѣ смерти извѣстнаго лица? Быть можетъ, была какая-нибудь тяжба, какія-нибудь семейныя несогласія, и по этому поводу возникъ разговоръ о завѣщаніи. Слѣдовательно, одно изъ двухъ—или завѣщаніе Бѣляева въ то время было составлено, или же выражалось такое твердое намѣреніе его составить, отъ котораго до исполненія одинъ лишь шагъ, задерживавшійся, можетъ быть, боязнью смерти, но совершившійся наконецъ подъ вліяніемъ болѣзненныхъ припадковъ, заставлявшихъ Бѣляева опасаться внезапной кончины. Г. повѣренный гражданскаго истца, съ помощью историческихъ фактовъ, результатовъ и своихъ собственныхъ разговоровъ съ кавказскимъ генераломъ, утверждаетъ, что совершенію всякаго событія предшествуетъ смутный говоръ, и что такой говоръ предшествовалъ появленію завѣщанія; но здѣсь повѣренный гражданскаго истца снова возвращается къ той массѣ показаній, которыя мы откинули уже по общему согласію. Гдѣ же доказательства тѣхъ слуховъ и толковъ, на которые ссылается г. повѣренный? Нѣтъ ни одного добросовѣстнаго свидѣтеля, заслуживающаго довѣрія, который бы говорилъ объ этомъ. Г. повѣренный гражданскихъ истцовъ сослался только на свидѣтеля Китаева, того самого, всѣ показанія котораго исполнены противорѣчій и который объяснялъ ихъ невнимательностью своею у судебнаго слѣдователя. Слухъ о подложности завѣщанія могъ появиться среди дворни, недовольной тѣмъ, что въ завѣщаніи ей не было ничего оставлено, и вслѣдствіе этого заподозрившей его подлинность; но это было уже послѣ открытія самаго завѣщанія. Слухъ распространился, когда Красильниковъ поѣхалъ къ Ракѣеву заявить о подложности завѣщанія. Замѣчу мимоходомъ, что Красильниковъ старался набросить тѣнь на Сицилинскаго; но вы также слышали, что показалъ по этому поводу Ракѣевъ. Пущенный, такимъ образомъ, слухъ, конечно, тотчасъ былъ подхваченъ. Какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества весьма рады подхватить всякую скандаль-

пую исторію, и въ особенности такую, гдѣ замѣшана богатая фамилія Мясниковыхъ; но о появленіи завѣщанія, повторяю, никакихъ слуховъ, никакихъ толковъ не было.

Г. повѣренный гражданскаго истца говоритъ, что въ первое время послѣ смерти Бѣляева сама Бѣляева говорила и другія лица тоже показывали, что завѣщанія нѣтъ. Въ этомъ отношеніи онъ основывается опять на тѣхъ же показаніяхъ устраненныхъ свидѣтелей, и вотъ является на сцену забытый нами Штеммеръ, который отыскиваетъ свидѣтельницу Синцову въ Измайловскомъ полку и тащитъ ее противъ воли давать показаніе, Штеммеръ, который не признаетъ на судѣ своихъ собственныхъ писемъ, Штеммеръ, который ѣздилъ уговаривать Авдотью Кемпе пойти по этому дѣлу въ свидѣтельницы и показать, что ея сынъ, служившій когда-то у Мясниковыхъ, слышалъ о подложности завѣщанія. Вотъ кто долженъ появиться на сцену, если захотятъ доказать, что Бѣляева, Целебровскій и Отто говорили, что завѣщанія нѣтъ. Я полагаю, что можно совершенно спокойно устранить такихъ свидѣтелей и никогда болѣе не возвращаться къ нимъ.

Затѣмъ, перехожу къ разбору показанія Бѣляевой, показанія, конечно, весьма существеннаго въ настоящемъ дѣлѣ. Прежде всего я не могу не замѣтить разницы въ отношеніяхъ къ Бѣляевой обвинительной власти и повѣреннаго гражданскаго истца. Обвинительная власть признаетъ возможнымъ совершенно откинуть показаніе, данное Бѣляевою въ 1871 г. на второмъ слѣдствіи, показаніе, данное Бѣляевою, по ея словамъ, подъ вліяніемъ испуга. Повѣренный гражданскаго истца опирается въ особенности именно на это показаніе Бѣляевой и останавливается на вопросѣ, можно ли вѣрить испугу г-жи Бѣляевой? Не знаю, трепетная ли лань Бѣляева, но во всякомъ случаѣ знаю, что она боязливая женщина. На это есть два указанія: во-первыхъ свидѣтель Погожевъ показалъ, что она боялась не только дѣла о завѣщаніи, но и всякихъ пустяковъ; во-вторыхъ ея образъ дѣйствій въ вашемъ присутствіи подтверждаетъ это. На вопросъ прокурора, въ началѣ засѣданія, когда она была очень смущена, она даже отвѣчала, что ее никогда не вызывали къ судебному слѣдователю, тогда какъ чрезъ нѣсколько времени подробно объяснила, когда давала показаніе и какъ давала его. Говорятъ, что предъ вами, предъ торжественнымъ судомъ вашимъ, она должна была болѣе смутиться,

чѣмъ у судебнаго слѣдователя; но самъ повѣренный гражданскаго истца напоминаетъ вамъ, что она теперь освобождена отъ обвиненія, а тогда она могла ожидать привлеченія къ дѣлу и потомъ дѣйствительно была привлечена къ нему въ качествѣ обвиняемой. Затѣмъ, былъ ли для Бѣляевой внѣшній поводъ къ испугу? Полагаю, что былъ. Г. повѣренный гражданскаго истца передалъ слова Бѣляевой такимъ образомъ, будто бы безпрестанные звонки разстраивали ея нервы; но это перетолкованіе словъ ея не заставитъ васъ забыть истиннаго ихъ смысла. Дѣло въ томъ, что надъ домомъ Бѣляевой висѣла туча, замѣтная для нея самой. Было замѣчено, что агенты сыскной полиціи слишкомъ искусны, чтобъ прямо идти въ домъ, звонить и открыто наводить свои справки. Но есть различные пріемы дѣйствій, соотвѣтствующіе разнымъ обстоятельствамъ. Пока свѣдѣнія собирались, нужно было дѣйствовать осторожно; но когда дѣло вступило въ новый періодъ, когда Карагаповъ былъ привезенъ въ Петербургъ и далъ свое показаніе, тогда можно было дѣйствовать рѣшительнѣе, чтобъ повліять на впечатлительную личность. Я не счелъ бы себя въ правѣ говорить о такихъ догадкахъ, еслибъ неожиданно явившееся показаніе свидѣтеля Петрова, вызваннаго обвинительною властью и отвѣчавшаго на ея вопросы, а не на вопросы защиты. Хотя Петровъ и не призналъ, что Ижболдинъ подкупалъ его, но здѣсь, на Судѣ, онъ передалъ такія обстоятельства, которыя легко могутъ дать поводъ предположить, что можетъ быть онъ въ пьяномъ видѣ разсказывалъ, что его подкупили. Этотъ разсказъ могъ дойти до Бѣляевой, она могла подумать, что окружена опасностями, что за ней слѣдятъ, что вся прислуга готова измѣнить ей, и, конечно, могла испугаться. Прежде чѣмъ пойду далѣе, я обращу ваше вниманіе на одно обстоятельство, которое въ моихъ глазахъ имѣетъ весьма важное значеніе и какъ нельзя болѣе содѣйствуетъ объясненію неопредѣленности и противорѣчій, замѣчаемыхъ въ показаніяхъ Бѣляевой. Источникъ ихъ заключается въ событіяхъ 1865 и 1866 годовъ, о которыхъ такъ много говорилъ г. прокуроръ. Въ это время она поссорилась съ Мясниковыми. Поводомъ къ ссорѣ были два дѣла: споры по условію 22-го декабря 1858 года и споръ по опекѣ Шишкина. Въ это время она подастъ въ Управу Благочинія прошеніе, въ которомъ отзывается о Мясниковыхъ весьма дурно. Отсюда враждебное расположеніе, которое поддержи-

вается повѣреннымъ Бѣляевой Чевакинскимъ. Онъ вездѣ говоритъ, что сомнѣвается въ подлинности завѣщанія; онъ ограждаетъ безопасность своей довѣрительницы ранѣе, чѣмъ кто нибудь угрожаетъ этой безопасности; онъ готовъ взять росписку отъ Ижболдина, что тотъ ее преслѣдовать не будетъ; онъ хочетъ заключить условіе съ Ижболдинымъ и быть двадцатымъ или тридцатымъ повѣреннымъ Ижболдина по этому дѣлу. Послѣ такого эпизода понятно, что Бѣляева на слѣдствіи могла быть поставлена въ не совсѣмъ ловкое положеніе. Она сожалѣла о томъ, что увлеклась враждебнымъ расположеніемъ къ Мясниковымъ, и этимъ можно объяснить нѣкоторую неопредѣленность ея отвѣтовъ. Но еще важнѣе другое объясненіе, какъ нельзя болѣе простое, вытекающее изъ самаго положенія дѣла. Бѣляева спрошена въ первый разъ чрезъ 10 лѣтъ послѣ составленія завѣщанія; затѣмъ, почти черезъ 14 лѣтъ, явилась свидѣтельницею на судѣ; она женщина далеко не молодая. О чемъ же ее спрашиваютъ? О такихъ вещахъ, которыя большая часть изъ насъ, людей еще не старыхъ, забываетъ весьма скоро и весьма легко. Представьте себѣ, что вамъ передаютъ какую нибудь бумагу и просятъ ее спрятать; проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, и вы ее возвращаете; потомъ черезъ нѣсколько лѣтъ васъ спрашиваютъ, въ какомъ помѣщеніи вашей квартиры вы ее хранили? Я думаю, что въ девяти случаяхъ изъ десяти никто не будетъ въ состояніи дать положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ лицъ, которыя заранѣе приготовились дать отвѣтъ на всякій вопросъ, которыя, сознавая себя виновными, приняли заранѣе мѣры, чтобъ не говорить ни одного слова, которое могло бы повредить имъ, и не умалчивать о томъ, что можетъ послужить въ ихъ пользу. Слѣдовательно когда Бѣляеву спрашиваютъ, куда вы положили завѣщаніе, неужели вы будете удивляться, что она отвѣчаетъ: «не помню»? Неужели вы заподозрите изъ за этого правдивость ея отвѣтовъ? Затѣмъ ее спрашиваютъ: прочли ли вы завѣщаніе? Разъ она говоритъ, что только посмотрѣла его, разъ—что не дочитала, разъ—что пробѣжала начало и конецъ. Неужели къ этому можно придираться? Неужели можно требовать, чтобъ Бѣляева чрезъ 14 лѣтъ помнила всѣ подробности тяжелой для нея минуты, когда она узнала, какъ близокъ конецъ любимаго ею мужа? Будь она участница въ преступленіи, будь завѣщаніе фальшивое, она бы

нашлась, дала бы опредѣленный отвѣтъ, и потому неопредѣленность показанія ни въ какомъ случаѣ противъ нея обращена быть не можетъ. Что она показала на второмъ предварительномъ слѣдствіи? Есть ли тутъ такое громадное разнорѣчіе, та открытая дверь, о которой говорилъ повѣренный гражданскаго истца? Она сказала: «Да, я передала завѣщаніе Мясникову, но то ли самое, которое онъ привезъ назадъ, не знаю». Нельзя же предполагать, что завѣщаніе въ ея пользу было обращено въ другое завѣщаніе тоже въ ея пользу. Если подложно то завѣщаніе, которое ей привезъ Мясниковъ, подложно и то, которое она передала Мясникову, и никакая открытая въ этомъ смыслѣ дверь ей не поможетъ. Затѣмъ, васъ спрашивали, какъ могла Бѣляева обратить вниманіе не на то, что ей оставлено, а на подписи свидѣтелей? Но развѣ она сказала, что обратила вниманіе на подписи? Она сказала только, что прочла ихъ. Когда человѣкъ убитъ горемъ, онъ обращаетъ вниманіе на то, что первое попадается ему на глаза, а не на то, что для него важнѣе. Если бы она подготовлялась къ показанію заранѣе, то не сказала бы, что Сицилинскій и Отто подписались на завѣщаніи однимъ только своимъ именемъ. Вѣдь завѣщаніе было у ней въ рукахъ въ теченіи 10-ти лѣтъ; неужели она не могла изучить его достаточно, чтобы помнить, какъ оно было подписано, и не отвѣчать разнорѣчиво въ вашемъ присутствіи. Вся совокупность отвѣтовъ Бѣляевой показываетъ, что она отвѣчала неопредѣленно подъ вліяніемъ весьма понятнаго смущенія. Намъ говорятъ, что она давала раздражительнымъ тономъ отвѣты «да», «нѣтъ». Но можно ли оставаться хладнокровнымъ, когда лицо, не уполномоченное къ тому закономъ, прежде начала допроса, проситъ о записке въ протоколъ ея показаній, на случай возбужденія вопроса о лжесвидѣтельствѣ? Если бы это сдѣлалъ г. прокуроръ—и тогда Бѣляева не могла бы остаться къ этому равнодушной; но если это дѣлаетъ лицо, имѣющее только гражданскій интересъ въ дѣлѣ, то является не только смутное состояніе безпокойства, но и весьма понятное раздраженіе, и если это раздраженіе слышалось въ отвѣтахъ Бѣляевой повѣренному гражданскаго истца, то это совершенно естественно. Затѣмъ, г. прокуроръ опять задается цѣлымъ рядомъ вопросовъ: отчего не было того, отчего не было другаго, отчего то или другое было сдѣлано такъ или иначе? Посмотримъ, могутъ ли насъ привести

къ чему нибудь подобные вопросы. Г. прокуроръ говоритъ: «странное дѣло, зачѣмъ Бѣляевъ передалъ завѣщаніе на сохраніе женѣ, зачѣмъ не сдѣлалъ этого раньше, зачѣмъ не внесъ завѣщанія въ какое нибудь присутственное мѣсто, не передалъ его для храненія какому-нибудь должностному или частному лицу? Но опять повторяю, можно ли требовать такимъ образомъ отчета отъ человѣка, зачѣмъ онъ поступилъ такъ, а не иначе? Каждый человѣкъ можетъ поступать различно, хуже или лучше, осторожнѣе или не осторожнѣе. Если онъ избираетъ средство, которое кажется намъ менѣе цѣлесообразнымъ, неужели изъ этого можно выводить, что онъ вовсе того или другаго не сдѣлалъ? Бѣляевъ могъ раньше не передавать завѣщанія женѣ, потому что считалъ возможнымъ его измѣнить и думалъ, когда соберется съ силами, написать другое завѣщаніе; затѣмъ, увидѣвъ, что здоровье его все больше и больше разстраивается, онъ могъ рѣшиться оставить завѣщаніе какъ оно есть, и передаетъ его женѣ. Что же тутъ удивительнаго? Бездна завѣщаній пропадаетъ, можетъ быть, отъ непринятія завѣщателями предосторожностей, но какъ бы то ни было, завѣщанія далеко не всегда вносятся для храненія въ присутственное мѣсто; притомъ, этотъ обрядъ особенно полезенъ только тогда, когда исполненъ лично завѣщателемъ, а въ послѣднія недѣли передъ смертью Бѣляевъ, какъ извѣстно, не выѣзжалъ. Бѣляевъ передалъ завѣщаніе женѣ потому, что ему хотѣлось, чтобы, во избѣжаніе заботъ, оно заблаговременно было въ рукахъ ея. Онъ не говоритъ ей что это за бумага. Но вѣдь передача какой нибудь бумаги въ торжественную минуту жизни достаточна, чтобы обратить на нее вниманіе получающаго. Еще спрашиваютъ: зачѣмъ онъ не сказалъ женѣ, что именно оставилъ ей? Но къ чему было такое перечисленіе? Естественно ли ожидать такого разговора между мужемъ и женой, которые другъ друга любятъ, если притомъ не имѣютъ дѣтей и жена сама по себѣ достаточно обезпечена. Понятно, что человѣкъ нѣжный, какимъ былъ Бѣляевъ, какимъ онъ является въ своихъ письмахъ и былъ выставленъ прокуроромъ, понятно, что такой человѣкъ избѣгаетъ подобнаго разговора. Г. прокуроръ идетъ далѣе, онъ говоритъ: почему Бѣляева не спросила мужа, сколько и что онъ ей оставилъ? Такой вопросъ совершенно немыслимъ при той обстановкѣ, которая господствовала въ семействѣ Бѣляевыхъ, тѣмъ болѣе, что для Бѣля-

евой вопросъ: сколько оставилъ ей мужъ? не былъ вопросомъ жизни или смерти; она женщина не бѣдная, имѣла свои винокуренные заводы и прекрасные дома и знала, что послѣ смерти мужа останется во всякомъ случаѣ въ хорошемъ матеріальномъ положеніи. Вотъ, всѣ эти соображенія и несомнѣнное горе Бѣляевой, въ которомъ только повѣренному гражданскаго истца угодно было сомнѣваться, показываютъ ясно: почему и въ первое время послѣ смерти Бѣляева она не торопилась раскрыть завѣщаніе и не тотчасъ приняла мѣры къ его засвидѣтельствованію. Говорятъ, что она держала его 40 дней въ безгласности. Нѣтъ, она такъ показала; но это одна изъ неточностей, которыя составляютъ главный признакъ искренности. Она представила завѣщаніе къ засвидѣтельствованію на 23-й день. Бѣляевъ умеръ 24-го сентября, а завѣщаніе внесено въ Палату 16-го октября. Говорятъ зачѣмъ она не успокоила несчастную заболѣвшую Ремянникову, не сказала тотчасъ, что ей оставлено 4,000 р.? Но что такое 4,000 руб. для женщины старой, одинокой, которая привыкла къ хорошей матеріальной обстановкѣ? Для нея гораздо важнѣе было знать, оставитъ ли ее свояченица у себя на прежнемъ положеніи. Можетъ быть она спачала въ этомъ сомнѣвалась и просила помощи Мясникова? Но что показывала здѣсь на судѣ Бѣляева? Она показала, что успокоила Ремянникому, обѣщала ей не оставлять ее. Затѣмъ, ужъ безразлично когда, она сказала ей, что именно ей завѣщано. Слѣдовательно, предположеніе, что болѣзнь Ремянниковой зависѣла отъ неопредѣленности ея положенія, совершенно не выдерживаетъ критики. Затѣмъ, г. прокуроръ говоритъ о негодованіи Шмелева, который считалъ себя въ правѣ думать, что ему что нибудь оставлено, и удивлялся, какъ же этого въ завѣщаніи нѣтъ. Но гдѣ доказательства, что о негодованіи его было извѣстно Бѣляевой? Притомъ, о негодованіи Шмелева намъ извѣстно изъ источника очень подозрительнаго. Однимъ словомъ, какъ ни посмотрѣть на дѣло, совершенно понятно, что Бѣляева могла первые дни послѣ смерти мужа не говорить о завѣщаніи, не представлять его къ явкѣ. Но говорятъ, есть довѣренность, которою Бѣляева еще въ сентябрѣ уполномочила Мясниковыхъ вести всѣ свои дѣла. Но, во-первыхъ, въ этой довѣренности нѣтъ ничего о завѣщаніи, и во-вторыхъ, она написана неизвѣстно кѣмъ, неизвѣстно по чьему приказанію; можетъ быть по распоряженію Мясникова или другаго

лица, можетъ быть управляющаго конторою. Такая довѣренность на всякій случай была приготовлена; но дѣло въ томъ, что она никогда не была выдаваема, слѣдовательно выводъ, что въ концѣ сентября Бѣляева хотѣла распоряжаться дѣлами и дать ходъ завѣщанію, ни на чемъ не основанъ. Во всякомъ случаѣ эта довѣренность не говоритъ ничего ни въ пользу, ни противъ подлинности завѣщанія. Наконецъ, остается еще одно, кажется послѣднее соображеніе, касающееся завѣщанія. Говорятъ,—какъ можно допустить, чтобы Бѣляевъ, любившій свою жену, оставилъ завѣщаніе, которое могло только поставить ее въ затрудненіе? Можно ли допустить, что Бѣляевъ, зная, что у него есть деньги, оставилъ женѣ состояніе, обремененное долгами, чуть ли не свыше стоимости его? Этотъ вопросъ болѣе относится къ послѣднему вопросу—о величинѣ состоянія Бѣляева; но допустимъ, что мы уже доказали, что состояніе было небольшое, обремененное долгами. Не забудьте, что Бѣляевъ составилъ завѣщаніе 10-го мая, въ то время, когда не зналъ, какой оборотъ примутъ его дѣла, и могъ думать, что въ моментъ его смерти положеніе ихъ будетъ весьма благопріятно. Онъ могъ надѣяться, что проживетъ еще долго, такъ какъ его болѣзнь принадлежала къ числу тѣхъ, которыя могутъ и быстро окончиться, и продолжаться очень долго. Наконецъ, Бѣляева и на самомъ дѣлѣ получила по условію, 22-го декабря, независимо отъ всѣхъ ея собственныхъ имѣній, 120,000 р. капитала, т. е. разницу между сохранною росписью и цѣнностью уступленнаго Мясниковымъ имѣнія Бѣляева. Сверхъ того Бѣляева получила въ свою пользу такое имущество ея мужа, которое не было уступлено Мясниковымъ по условію 22-го декабря. На это есть одно указаніе: какъ видно изъ свѣдѣній, доставленныхъ Олонецкою Казенною Палатой, Бѣляева послѣ смерти мужа и окончанія разсчетовъ по олонецкому откупу, получила половину оставшейся суммы за вино, именно 9,000 рублей, а другая половина пошла Красильникову. Можетъ быть она получила и другія суммы; вѣдь по условію 22-го декабря къ Мясниковымъ перешли только одни предпріятія Бѣляева, а у него, какъ видно изъ счета 16 го сентября 1857 г., были должники, которые, можетъ быть, заплатили Бѣляевой. Итакъ, составленіе такого завѣщанія съ любовью Бѣляева къ женѣ, неподлежащею никакому сомнѣнію, нисколько въ противорѣчіи не находится.

Прежде чѣмъ продолжать рѣчь, я просилъ бы, на основаніи состоявшагося вчера опредѣленія Суда, предъявить счеты гг. присяжнымъ засѣдателямъ. (Счеты предъявляются). Обращаюсь теперь къ самому существенному вопросу: не имѣлъ ли кто-нибудь, и кто именно, интереса составить подложное завѣщаніе? Этотъ вопросъ находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о состояніи Бѣляева. Я долженъ просить извиненія, что буду утруждать васъ цифрами, но это необходимо для разъясненія дѣла. Въ этомъ отношеніи существуетъ нѣкоторое разногласіе между моими противниками. Прокуроръ и отчасти одинъ изъ повѣренныхъ гражданскаго истца придаютъ значеніе этому вопросу; они понимаютъ, что въ такомъ дѣлѣ, какъ настоящее, нельзя обойти вопроса: былъ ли какой-нибудь интересъ составить подложное завѣщаніе, что нельзя относиться свысока къ вопросу, какъ велико было состояніе Бѣляева? Другой повѣренный гражданскаго истца настойчиво указываетъ, что этотъ вопросъ не имѣетъ значенія, даже возражалъ противъ единственнаго средства, которое мы имѣемъ, чтобъ познакомить васъ съ этой стороной дѣла, именно противъ предъявленія счетовъ. Полагаю, что всѣ заранѣе поняли, какъ важенъ этотъ вопросъ въ настоящемъ дѣлѣ. Прежде всего я долженъ заявить, что вполнѣ согласенъ съ тою характеристикою Бѣляева, которую сдѣлалъ г. прокуроръ. Онъ отнесся къ личности Бѣляева съ уваженіемъ, и, мнѣ кажется, иначе отнестись къ ней нельзя. Бѣляевъ дѣйствительно принадлежалъ къ числу тѣхъ усердныхъ и ревностныхъ слугъ, которые интересы своихъ хозяевъ ставятъ выше своихъ собственныхъ. Послѣ этой характеристики, мнѣ кажется, я могу только вкратцѣ указать на тотъ прискорбный вопросъ, который былъ сдѣланъ одному изъ свидѣтелей повѣреннымъ гражданскаго истца. Онъ спросилъ вчера одного изъ свидѣтелей: какъ вы полагаете, еслибы Бѣляевъ захотѣлъ употребить во зло довѣріе Ив. Ѳ. Мясникова, то могъ ли онъ обогатиться? Я полагаю, что этотъ вопросъ не можетъ возникнуть въ настоящемъ дѣлѣ, потому что какъ обвинительная власть, такъ и защита вполнѣ признаютъ, что о неправильномъ происхожденіи состоянія Бѣляева не можетъ быть рѣчи. Затѣмъ, намъ надобно условиться насчетъ того, что слѣдуетъ понимать подъ именемъ большихъ капиталистовъ и малыхъ и въ какой степени слѣдуетъ при этомъ руководствоваться показаніями свидѣтелей. Г. прокуроръ по этому поводу высказалъ

теорію, съ которою едва ли можно согласиться. Онъ полагаетъ, что послѣ 1858 года понятія общества о большомъ и маломъ капиталахъ измѣнились, сообразно съ измѣнившимся распредѣленіемъ собственности въ разныхъ рукахъ. По мнѣнію г. прокурора, при существованіи откуповъ, при возможности быстраго, почти внезапнаго обогащенія, понятіе о большихъ капиталахъ 14 лѣтъ тому назадъ было другое, чѣмъ теперь. Тогда большимъ капиталистомъ считался тотъ, который, подобно Воронину, Кокореву, Бенардаки—откупнымъ царькамъ — располагалъ громадными средствами, маленькимъ же тотъ, который, подобно Бѣляеву, какъ понимаетъ обвинительная власть, обладалъ капиталомъ въ 400,000—600,000 руб. Замѣчу мимоходомъ, что здѣсь въ первый разъ настоящее дѣло является низведеннымъ хотя до чего-нибудь подходящаго къ его настоящему значенію. Не говоря уже о слухахъ и о заявленіяхъ гражданскихъ истцовъ, цѣнившихъ состояніе Бѣляева въ нѣсколько милліоновъ, даже запрещеніе по настоящему дѣлу при предварительномъ слѣдствіи было наложено въ суммѣ 1,300,000 р. Теперь уже капиталъ Бѣляева опредѣляютъ совершенно иначе, но все-таки остается еще весьма много сдѣлать, чтобъ возстановить истину. Итакъ, я возвращаюсь къ вопросу о состояніи Бѣляева и говорю, что если теперь не существуетъ откупа, то существуютъ другія, незнакомыя прежде средства такого же быстраго, внезапнаго обогащенія, не всегда соотвѣтствующаго труду и силамъ, для того употребленнымъ: если прежде были откупа, теперь есть концессіи; если прежде былъ торгъ виномъ, въ настоящее время есть постройка желѣзныхъ дорогъ; если тогда слыли за большихъ капиталистовъ Воронинъ или Капшинъ, то въ настоящее время такими же капиталистами слывутъ Поляковъ и многіе другіе, которыхъ не зачѣмъ называть. Относительное значеніе понятій о большомъ и маломъ капиталѣ не измѣнилось. Затѣмъ спрашивается: въ какой степени мы можемъ руководствоваться, при опредѣленіи состоянія Бѣляева, показаніями свидѣтелей? Это, по моему мнѣнію, зависитъ оттого, что они показываютъ. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ, что считали Бѣляева за человѣка богатаго, считали его капиталъ въ 300,000, 400,000, даже въ 500,000 руб. На этомъ они останавливаются, не даютъ точныхъ свѣдѣній о его дѣлахъ и предпріятіяхъ. Такимъ показаніямъ можно давать вѣру относительно ихъ добросовѣстности, но серьозныхъ выводовъ изъ нихъ дѣ-

лать нельзя. Гораздо большее значеніе имѣютъ тѣ свидѣтели, которые опредѣляютъ съ точностью дѣла умершаго, и знаютъ даже, на чемъ онъ имѣлъ барышъ, на чемъ убытокъ. Къ первой категоріи свидѣтелей принадлежитъ Гротенъ, Молво, Перозіо; ко второй—Бенардаки и Непюковъ. Затѣмъ, я расхожусь съ обвинительною властію по одному предмету: обвинительная власть настаиваетъ на различіи между оффиціальными документами и неоффиціальными бумагами, которыя имѣются въ настоящемъ дѣлѣ. Обвинительная власть говоритъ, что нужно руководствоваться отношеніемъ оберъ-прокурора 1-го Департамента Сената, свѣдѣніями, полученными изъ Сената, изъ Казенныхъ Палатъ и т. п.; а что счеты Бѣляева, его росписки, домовая расходная тетрадь не имѣютъ существеннаго значенія. Въ этомъ отношеніи я стою на точкѣ зрѣнія совершенно противоположной. Представимъ себѣ, напримѣръ, что, руководствуясь одними оффиціальными свѣдѣніями, мы опредѣлили бы участіе Бѣляева въ херсонскомъ откупѣ въ 25-ти паяхъ. Послѣ нѣкоторыхъ данныхъ, представленныхъ защитою вчера, обвинительная власть признала херсонскій откупъ почти непринадлежащимъ Бѣляеву, т. е. принадлежащимъ ему только въ пяти паяхъ, которыми онъ почти не пользовался. Руководствуясь одними оффиціальными документами, мы пришли бы, слѣдовательно, къ фальшивому заключенію о состояніи Бѣляева. Поэтому, чтобы составить правильное заключеніе, нѣтъ другаго средства, какъ обратиться къ пренебрегаемымъ обвинительною властію, а по моему мнѣнію очень важнымъ, домашнимъ роспискамъ и счетамъ. Притомъ, такъ ли они не важны, какъ кажется съ перваго взгляда? Если извѣстное торговое лицо ведетъ книги по строгимъ правиламъ бухгалтеріи, тогда частныя его записки особаго значенія не имѣютъ. Но развѣ Бѣляевъ велъ торговыя книги? Развѣ есть другія основанія доказывать величину его состоянія, основанія болѣе точныя, чѣмъ, напримѣръ, отчетъ Бѣляева предъ Мясниковыми? Правда, свидѣтель Красильниковъ перечислялъ подробно всѣ книги Бѣляева, но вѣдь Красильниковъ одинъ изъ устраненныхъ свидѣтелей. Что касается Китаева, то, не смотря на пристрастіе его въ ту же самую сторону, какъ Красильниковъ, онъ на предварительномъ слѣдствіи показалъ, что въ конторѣ книгъ не велось. Лучшимъ доказательствомъ, что ихъ не было, служитъ исходящая тетрадь, въ которой записывается росписка въ 272,000

руб. Итакъ, я думаю, что записки и счеты Бѣляева имѣютъ важное значеніе, потому что всѣ писаны собственноручно; я не предполагаю, чтобы могло быть оспорено значеніе этого доказательства.

Предпославъ эти предварительныя соображенія, я перейду къ разсмотрѣнію вопроса о состояніи Бѣляева. Оно заключалось главнымъ образомъ въ откупахъ. По поводу откуповъ много было говорено вчера мною самимъ и противною стороною; поэтому я ограничусь немногими замѣчаніями. Обвинительная власть продолжаетъ утверждать, что вологодскій откупъ представлялъ большую цѣнность, что если 20,000 руб. дано за послѣдніе 4 мѣсяца, значитъ онъ приносилъ 60,000 въ годъ. Обвинительная власть, кажется, не такъ поняла вчерашнее мое заявленіе. Я не утверждалъ, чтобы откупщикъ въ послѣдніе четыре мѣсяца пускалъ вино въ продажу по возвышенной цѣнѣ; я говорилъ только, что къ концу срока содержанія откупа старый откупщикъ передавалъ новому всѣ свои заведенія, имущество и запасы, и вотъ почему въ концѣ срока содержанія откупъ могъ быть уступленъ за сравнительно высокую цифру. Припомните объясненіе Красильникова о передачѣ олонецкихъ откуповъ въ концѣ 1858 г.; въ этомъ ему вполнѣ можно вѣрить, потому что онъ показывалъ не въ пользу подсудимыхъ. Красильниковъ показалъ, что въ концѣ 1858 г. онъ былъ озабоченъ полученіемъ довѣренности отъ Бѣляевой и Мясниковыхъ, именно для окончанія этихъ важныхъ въ откупномъ дѣлѣ разсчетовъ. Слѣдовательно, 20,000 р., заплаченные за 4 послѣдніе мѣсяца, не могутъ служить мѣриломъ для дѣйствительной стоимости откупа. Изъ 10,000, полученныхъ въ задатокъ за Устюгъ, 4,000 пошли къ А. Мясникову; столько же, пропорціонально $^2/_5$, должно было вѣроятно достаться Ив. Константиновичу, такъ что Бѣляевъ и здѣсь является имѣющимъ на самомъ дѣлѣ $^1/_5$ своего номинальнаго участія въ откупѣ. Я укажу еще, что по его расходной тетради и по счетамъ значатся выданными Мясниковымъ по вологодскимъ откупамъ 53,000 р. Что касается херсонскаго откупа, то мнѣ кажется, что указанные мною вчера документы и соображенія позволяютъ исключить изъ счета состоянія Бѣляева этотъ откупъ по двумъ причинамъ: во-1-хъ, Бѣляевъ взялъ этотъ откупъ по порученію Мясниковыхъ, и всѣ деньги, которыя получалъ съ него, передавалъ имъ почти безъ остатка; во-2-хъ, въ августѣ 1858 г. херсонскій откупъ былъ уже совсѣмъ переданъ и разсче-

ты по немъ почти покончены. Объ олонецкихъ откупахъ есть свѣдѣніе въ счетѣ Бѣляева отъ сентября 1858 г., гдѣ сказано, что имъ вложенъ въ нихъ капиталъ въ 29,000. Красильниковъ показалъ, что они стоили въ концѣ 1858 г. до 70,000 руб. Я готовъ принять и эту цифру. Затѣмъ, говорили о доходахъ, которые Бѣляевъ получалъ отъ откупнаго дѣла; но есть имущества съ доходомъ постояннымъ, есть другія—съ временнымъ доходомъ; откупа принадлежатъ къ послѣдней категоріи, и доходы съ нихъ должны были для Бѣляева совершенно прекратиться въ 1858 г., не говоря уже о томъ, что откупа не всегда давали доходъ, а часто убытокъ. Изъ всего сказаннаго видно, что если даже принять цѣнность Олонецкихъ откуповъ въ 70,000 руб., если допустить негласное участіе Бѣляева въ откупѣ земли Войска Донскаго, то все-таки вся цѣнность его участія въ откупныхъ дѣлахъ къ концу 1858 года составляла лишь съ небольшимъ 100,000 руб. Затѣмъ, мы знаемъ, что залоги, предоставленные по откупамъ, принадлежали не одному Бѣляеву. По вологодскимъ и херсонскимъ откупамъ часть залоговъ внесена была на счетъ Мясниковыхъ, а по Олонецкой губерніи залогъ довѣренъ Бѣляеву его женою. Что касается до откуповъ на срокъ 1859—1863 г., то общая цифра представленныхъ Бѣляевымъ залоговъ составляла сначала 109,000 руб., а потомъ понизилась до 71,000 руб., въ число которыхъ входилъ и домъ Бѣляевой. Но что же даетъ право причислить эту сумму къ активному капиталу Бѣляева? Сплошь и рядомъ въ залогъ по откупамъ представлялись чужія цѣнности. Вы слышали вчера, что билеты Коммисіи Погашенія Долговъ на сумму 140,000 руб., которые явились въ числѣ залоговъ Бѣляева и которые Бѣляева разыскивала во время ссоры съ Мясниковыми, на самомъ дѣлѣ были возвращены Бѣляевымъ А. Мясникову; что когда ставропольскій откупъ былъ переданъ отъ Бѣляева Мясникову, то залоги, представленные Бѣляевымъ, но принадлежавшіе Валохову и Андрееву, на сумму почти до 300,000 руб., были возвращены двумъ послѣднимъ; что въ спискѣ залоговъ Бѣляева значится и 4 билета Коммерческаго Банка на сумму 700,000 руб., которые принадлежали одной изъ дѣвицъ Мясниковыхъ, и билетъ Пухова, принадлежавшій вдовѣ его и представленный Бѣляевымъ въ залогъ по вологодскимъ откупамъ. Вы, знаете съ другой стороны, что послѣ смерти И. Ѳ. Мясникова осталось до полутора милліона въ

билетахъ разныхъ кредитныхъ учрежденій. Не ясно ли, что при опредѣленіи состоянія Бѣляева залоги, представляемые имъ, въ соображеніе приниматься быть не могутъ. Затѣмъ, я перехожу къ рыбнымъ ловлямъ. Способъ исчисленія ихъ стоимости превосходитъ всякое вѣроятіе. Говорятъ, что Мясниковы не имѣли формальнаго права на рыбныя ловли, составлявшія собственность Бѣляева. Это утверждаютъ на томъ основаніи, что хотя Бѣляевымъ было подано отношеніе о томъ, что $^2/_3$ рыбныхъ ловель онъ уступилъ Мясниковымъ, но контракта заключено не было. Но, вѣдь въ дѣлѣ есть копія съ постановленія Астраханской Коммиссіи о рыбныхъ ловляхъ, изъ котораго видно, что Коммиссія, по выслушаніи донесенія Бѣляева, признала Мясниковыхъ участниками въ $^2/_3$ предпріятія. Въ условіи 22-го декабря сказано, что рыбные промыслы передаются Мясниковымъ въ $^2/_3$, значитъ остальныя двѣ трети имъ уже принадлежали. Еслибы Бѣляевъ въ моментъ смерти былъ собственникомъ рыбныхъ промысловъ, то они всѣ и были бы переданы Мясниковымъ по условію 22-го декабря. Если стать на точку зрѣнія г. прокурора, то какимъ же путемъ перешли въ собственность Мясниковыхъ остальныя двѣ трети промысловъ? А что они владѣли всею совокупностью промысловъ— это несомнѣнно. Затѣмъ, г. прокуроръ совершаетъ другія операціи надъ рыбными ловлями: онъ цѣнитъ ихъ не потому, что онѣ стоили въ моментъ смерти Бѣляева, но по ихъ стоимости нѣсколько лѣтъ спустя. Неправильность этого пріема я могу объяснить слѣдующимъ примѣромъ: представьте себѣ, что я строю фундаментъ дома, затѣмъ умираю; мои наслѣдники возводятъ на этомъ фундаментѣ 4-хъ-этажный домъ. Неужели можно утверждать, что въ моментъ моей смерти эта постройка имѣла уже ту цѣнность, которую пріобрѣла по совершеніи окончаніи ея? Вотъ что дѣйствительно стоили рыбныя ловли въ моментъ смерти Бѣляева въ 1869 г.: во-1-хъ, отступнаго было заплачено Бѣляевымъ и обоими Мясниковыми 124,000, слѣдовательно на долю Бѣляева приходилось не много болѣе 40,000; затѣмъ, на рыбныя ловли затрачено Бѣляевымъ 16,166 руб. въ первый разъ и 25,000 р. во второй разъ, всего 41,166 руб. Присоединивъ къ этому $^1/_3$ залоговъ, т. е. 8,000 руб., мы увидимъ, что Бѣляевымъ было положено въ долю съ небольшимъ 90,000 руб., что и составляло цѣнность $^1/_2$, принадлежавшей Бѣляеву,—цѣнность, опредѣленную

на основаніи обыкновенныхъ пріемовъ, употребляемыхъ при разрѣшеніи въ дѣлахъ гражданскихъ и въ практической жизни вопросовъ о стоимости имуществъ. Но г. прокуроръ въ настоящее время признаетъ возможнымъ отступить отъ всѣхъ принятыхъ и возможныхъ способовъ оцѣнки; онъ принимаетъ въ основаніе стоимость ловлей въ 1861 году, когда Мясниковыми былъ вложенъ въ нихъ большой капиталъ (въ 1866 г.—297,000), слѣдовательно, когда онѣ стараніями Мясниковыхъ пріобрѣли значительно большую цѣнность. Но если даже принимать въ соображеніе ихъ стоимость въ 1861 г., то и тогда ничѣмъ не доказано предположеніе, что онѣ стоили 899,000 руб. Говорятъ, что ловли были переданы Бутовичу Трощинскимъ за 1,030,000 руб. Но вѣдь эта передача не состоялась. Одновременно съ передачею рыбныхъ промысловъ Мясниковы не внесли слѣдовавшей съ нихъ арендной платы, рыбныя ловли были взяты въ казенное управленіе и наложено было запрещеніе на имѣніе Мясниковыхъ въ 624,000 р., т. е. соотвѣтственно количеству арендной платы, причитавшейся къ полученію до окончанія срока контракта, а не соотвѣтственно стоимости промысловъ. Запрещеніе это, вслѣдствіе жалобы Мясниковыхъ, было снято, но рыбные промыслы оставались нѣсколько времени какъ бы безъ хозяина, неизвѣстно кто владѣлъ ими: Мясниковы перестали ими завѣдывать, Трощинскій не вступалъ во владѣніе; наконецъ въ 1864 г. является повѣренный Трощинскаго и принимаетъ ихъ отъ Мясниковыхъ, причемъ все принятое имущество оцѣнено менѣе чѣмъ въ 400,000 руб. Свидѣтельствуетъ ли все это о значительной цѣнности рыбныхъ промысловъ? Рискуютъ ли потерять имущество, стоющее 900,000 р. изъ-за невзноса арендной платы въ 24,000 руб. Оставляютъ ли такое имущество въ чужомъ владѣніи въ продолженіи почти трехъ лѣтъ? Очевидно, что рыбныя ловли даже въ 1861, даже въ 1864 годахъ, послѣ всѣхъ затратъ, сдѣланныхъ Мясниковыми, не имѣли особенно большой цѣнности. Что же онѣ могли стоить въ 1855 г. въ самомъ началѣ дѣла? Слѣдовательно, кажется можно съ такою же математическою точностью, съ какою я опредѣлилъ цѣнность откуповъ въ 75—100 тыс., опредѣлить цѣнность рыбныхъ ловель въ 96—95 тыс. Затѣмъ, что еще остается? Откинемъ разныя фантастическія части состоянія Бѣляева. Намъ говорили объ его участіи въ самыхъ разнообразныхъ предпріятіяхъ: въ покупкѣ завода Берда, въ

учрежденія газоваго общества и т. д., но мы хорошо знаемъ, что въ моментъ его смерти ни одно изъ этихъ предпріятій не былов ходу. Соглашеніе съ Бердомъ не состоялось еще при жизни Бѣляева, заводъ Герцога Лейхтенбергскаго перешелъ къ другому лицу, Газовое Общество было учреждено послѣ смерти Бѣляева. По этому предпріятію Бѣляевъ потратилъ 4,000 р., но расходная тетрадь показываетъ, что онъ выдалъ ихъ Молво за счетъ Мясниковыхъ. Во всѣхъ предпріятіяхъ Бѣляевъ является компаньономъ Мясниковыхъ, человѣкомъ, доставляющимъ опытность и трудъ, а Мясниковы людьми, дающими капиталъ. Не знаю, какъ можетъ доказать повѣренный гражданскаго истца свое мнѣніе о принадлежности Бѣляеву долговъ И. Ѳ. Мясникова. Для меня, какъ и для обвинительной власти, совершенно ясно, что эти долги составляли собственность Мясниковыхъ. Вы помните заявленіе свидѣтеля Гротена, что онъ покупалъ векселя по порученію Мясниковыхъ, получалъ на это деньги изъ ихъ капитала и полученныя изъ конкурса деньги передавалъ имъ. Но развѣ съ Гротеномъ дѣйствовали другія лица, которыя скупали претензіи на счетъ Мясниковыхъ и которыя значатся вмѣстѣ съ Гротеномъ въ собственноручныхъ запискахъ Бѣляева, представленныхъ мною къ дѣлу. Наконецъ, въ отчетѣ, представленномъ Мясниковымъ отъ Бѣляева, показано въ ихъ активѣ претензій на И. Ѳ. Мясникова на сумму 96,000 р. Эти соображенія, кажется, достаточно доказываютъ, что всѣ долговыя претензіи на И. Ѳ. Мясникова были пріобрѣтены Бѣляевымъ и другими лицами, по его порученію, за счетъ Мясниковыхъ. Прибавлю еще одно соображеніе. Въ той части условія 22-го декабря 1858 г., въ которой перечислены всѣ части имѣнія, перешедшаго отъ Бѣляевой къ Мясниковымъ, претензіи на И. Ѳ. Мясникова вовсе не упомянуты, конечно потому, что онѣ не входили въ составъ состоянія Бѣляева. Изъ болѣе реальныхъ частей его состоянія упомяну прежде всего о золото-промывательной машинѣ. Этой машиной онъ дѣйствительно владѣлъ, но едва ли можно сказать, что она что нибудь стоила; на это нѣтъ никакихъ указаній. Есть замѣтка Бѣляевой, что машина стоитъ 20,000 р., но вѣроятно тутъ принята въ соображеніе цифра расходовъ, сдѣланныхъ на машину, которая, какъ видно изъ документовъ, дѣйствительно составляла около 20,000 руб. Бѣляева могла думать, что цѣнность машины опредѣляется количествомъ затратъ на нее сдѣ-

лапныхъ. Но предпріятіе могло быть удачнымъ или неудачнымъ. Мы не знаемъ даже, была ли примѣнена къ дѣлу эта машина. Затѣмъ, у Бѣляева была лѣсная торговля, которая, какъ мы знаемъ изъ показаній свидѣтелей, принесла ему большой убытокъ. Размѣры ея въ 1859 г. были весьма не велики. Тѣ никѣмъ не подписанныя и неизвѣстно кѣмъ писанныя замѣтки, которыя вчера были вамъ прочитаны, сюда не относятся, а контракты, имѣющіеся въ дѣлѣ Гражданской Палаты, показываютъ, что цѣнность дачъ, купленныхъ Бѣляевымъ на срубъ, только немногимъ превышала 10,000 р. Изъ счета капиталовъ Бѣляева на 17-е сентября 1857 года мы видимъ, что въ лѣсное дѣло имъ было вложено 14,000 руб. Затѣмъ, можно прямо перейти къ винокуреннымъ заводамъ. Въ нихъ, какъ видно изъ счета на 17-е сентября, вложенъ Бѣляевымъ капиталъ въ 50,000. Я долженъ предупредить васъ, что винокуренные заводы составляли собственность не Бѣляева, а Бѣляевой; можетъ быть заводы были куплены на его деньги, можетъ быть пущены въ оборотъ съ его помощью, но юридически они во всякомъ случаѣ принадлежали одной Бѣляевой, которая могла распорядиться ими и безъ завѣщанія мужа. Я долженъ однако остановиться на оцѣнкѣ этихъ заводовъ. Обвинительная власть цѣнитъ ихъ въ 200,000 р., основываясь на свѣдѣніяхъ, относящихся къ лѣту 1858 г. При этомъ принимаются въ соображеніе и залоги, которые я прошу устранить, потому что очень часто залоги не бываютъ собственностію того, кто ихъ представляетъ. Мы даже не знаемъ, состояли ли въ данномъ случаѣ залоги изъ денегъ или имѣній. Что касается до оборотнаго капитала, то количество его безпрестанно измѣнялось, и мы знаемъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что въ концѣ 1858 г. положеніе заводовъ было бѣдственное: управляющій ими долженъ былъ прибѣгать къ займамъ, для продолженія винокуренія. Есть одно письмо, почти отчаянное, что если Бѣляева или Мясниковы не пришлютъ денегъ, то винокуреніе должно будетъ остановиться. Цѣнность винокуреннаго завода зависитъ отъ хода подрядовъ и поставокъ, отъ цѣнъ на хлѣбъ, отъ количества оборотнаго капитала. Такого капитала у Бѣляевой не было, и вотъ почему цѣна (100,000 р.), за которую она передала заводы Мясниковымъ, не можетъ быть признана несоразмѣрно низкою. Я забылъ еще сказать о мебельномъ магазинѣ. Насчетъ его стоимости спорить не

буду. Я готовъ оцѣнить его въ 30,000 р., потому что мы имѣемъ свѣдѣнія, близко подходящія къ этой цифрѣ. Итакъ, активъ состоянія Бѣляева въ моментъ его смерти простирался отъ 200 до 300,000 р. Теперь обратите вниманіе на пассивъ. Здѣсь мы встрѣчаемся со счетами или отчетами на 1-е сентября 1857 г. и 14-е мая 1858 г. Изъ отчета на 1-е сентября видно, что Бѣляевъ долженъ былъ къ этому числу Мясниковымъ 263,000 р. Этимъ дѣло однако не исчерпывается, потому что въ томъ же отчетѣ показано имъ приготовленною для раздѣла сумма 43,700 руб. и братьямъ сдѣлокъ (т. е. отступнаго) 22,500 р. Что эта послѣдняя сумма дѣйствительно слѣдовала братьямъ Мясниковымъ, доказывается тѣмъ, что потомъ, при разсчетѣ съ Александромъ и Иваномъ Константиновичами, Бѣляевъ дѣлитъ эту сумму пополамъ и ставитъ каждому изъ братьевъ на приходъ 11,250 руб. Отчетъ на 1-е сентября подтверждается собственноручно запискою Бѣляева отъ 16-го сентября, по которой сумма долговъ его къ этому числу составляетъ около 335,000 руб. Обвинительная власть допускаетъ, что Бѣляевъ къ 1-му сентября 1857 г. былъ долженъ Мясниковымъ 263,000 р.; соглашается даже положить эту сумму въ основу своего разсчета на май мѣсяцъ 1858 г. и выводитъ, что если Мясниковы и не были должны Бѣляеву къ 14-му маю тѣхъ 272,000 р., которые показаны въ отчетѣ 14-го мая, то во всякомъ случаѣ долгъ Бѣляева Мясниковымъ не превышалъ 90,000 р. Затѣмъ, обвинительная власть совершаетъ рядъ произвольныхъ выкладокъ, изъ которыхъ оказывается, что въ моментъ смерти Бѣляева онъ долженъ былъ Мясниковымъ только самую незначительную сумму, нѣсколько тысячъ рублей. При этомъ насъ поражаетъ прежде всего слѣдующая странность. 14-го мая Бѣляевъ представляетъ счетъ, по которому слѣдуетъ ему съ Мясниковыхъ 22,500 руб. Исправивъ этотъ счетъ по той системѣ, которую допускаетъ обвинительная власть, оказывается, что Бѣляеву слѣдовало заплатить Мясниковымъ 91,378 руб.; вдругъ чрезъ семь дней выдается Бѣляевымъ росписка на 272,000 руб., по имени сохранная, но въ сущности долговая. Какъ объяснить это? Тутъ очевидно простая ошибка. Весьма можетъ быть, что обвинительная власть не могла замѣтить эту ошибку; она не имѣла къ тому тѣхъ средствъ, которыя мы имѣемъ, не слышала объясненій, которыя даны намъ нашими довѣрителями въ томъ, что когда въ августѣ 1857 г.

Иванъ Мясниковъ возразилъ противъ отчета Бѣляева, то это возраженіе не осталось безъ послѣдствій, возникли несогласія между Бѣляевымъ и Мясниковымъ, и когда 17-го мая Бѣляевъ представилъ новый отчетъ, который оказался невѣрнымъ, то Мясниковыми была сдѣлана повѣрка, послѣдствіемъ которой была выдана сохранная росписка въ 272,000 руб., т. е. признаніе со стороны Бѣляева, что онъ долженъ Мясниковымъ эту сумму. Намъ говорятъ, что когда Иванъ Мясниковъ уѣзжалъ въ Астрахань, то онъ хотѣлъ успокоиться. Да, но въ чемъ? Онъ хотѣлъ документа на тотъ капиталъ, который оставался въ рукахъ Бѣляева. Еще съ 1847 г. постоянно оставалась значительная цифра за Бѣляевымъ, когда онъ занимался дѣлами П. Ѳ. Мясникова. Тогда это не возбуждало недоразумѣній; но когда они начались, когда Бѣляевъ, ослабленный болѣзнями и годами, сдѣлался менѣе аккуратнымъ и точнымъ въ своихъ отчетахъ, тогда явилась потребность обезпечить чѣмъ нибудь полученіе недоданной суммы. Ошибочность отчетовъ на 1-е сентября 1857 г. и на 14-е мая 1858 г. доказывается счетами, имѣющимися въ дѣлѣ и вамъ предъявленными. Такимъ образомъ, польза отъ золотыхъ пріисковъ опредѣлена въ отчетѣ на 1-е сентября въ 21,000 рублей, а изъ другаго счета и сдѣланной на немъ собственноручной надписи Бѣляева видно, что сверхъ этой суммы было получено и подлежало представленію отъ Бѣляева еще слишкомъ 125,000 руб. Есть другой подробный счетъ прибылей, полученныхъ по дѣламъ Мясниковыхъ. Я не буду приводить всѣхъ поправокъ, которыя сдѣланы въ немъ рукою Бѣляева. Изъ этого отчета видно, что сумма прихода, вмѣсто 2,273,775 руб., показанной въ отчетѣ на 1 е сентября, составляетъ (включая и приведенную выше разницу по золотымъ пріискамъ) 2,417,743 руб., т. е. на 143,963 руб. болѣе. Затѣмъ, есть еще ошибка въ отчетѣ 1-го сентября, которая доказывается совершенно ясно тѣмъ, что въ отчетѣ показаны переданными А. К. Мясникову 233,119 руб., а изъ подробнаго разсчета съ А. К. Мясниковымъ, исправленнаго рукою Бѣляева, видно, что на самомъ дѣлѣ получено А. К. Мясниковымъ только 189,000 руб. Понятное дѣло, что если прежде показано было, что получено А. К. Мясниковымъ 233,000 руб., а на самомъ дѣлѣ получено имъ только 189,000 руб., то разница должна быть поставлена на активъ Мясникова и пассивъ Бѣляева. Такая же ошибка допущена во вредъ И. К. Мясникова

на сумму 11,250 руб. Затѣмъ, гг. присяжные засѣдатели, есть еще одна неправильность, которую также легко исправить, а именно въ отчетѣ о капиталѣ на 1-е сентября показано остаткомъ на золотыхъ пріискахъ 95,100 руб., а въ другомъ счетѣ, тоже на 1-е сентября, эта сумма опредѣлена только въ 45,318 руб. Разница между этими цифрами составляетъ 49,781 руб. Если сличить всѣ выведенныя мною суммы и прибавить къ нимъ доходъ, показанный въ отчетѣ 14-го мая (105,808 руб.), то выйдетъ всего 618,281 руб., а если вычесть изъ этой цифры 70,162 руб., внесенные Бѣляевымъ въ опеку на счетъ Шишкина и 278,061 руб., израсходованные имъ по отчету на 14-е мая, то выйдетъ около 270,000 руб., т. е. сумма весьма близкая къ цифрѣ сохранной росписки. Разница между этими двумя цифрами объясняется тѣмъ, что не всѣ расходы, сдѣланные Бѣляевымъ, были признаны Мясниковыми при повѣркѣ отчетовъ. Итакъ, приведенныя мною соображенія и цифры вполнѣ устраняютъ ту странность, которая неустранима при системѣ, принятой обвиненіямъ, и вполнѣ объясняютъ происхожденіе росписки въ 272,000 руб. Бѣляевъ убѣдился, что сдѣлалъ ошибку въ счетахъ и, какъ человѣкъ добросовѣстный, загладилъ свою ошибку очень скоро, выдавъ Мясниковымъ сохранную росписку какъ разъ на ту цифру, которую въ ту минуту долженъ былъ имъ уплатить. Намъ говорятъ, что она была уплачена впослѣдствіи и возвращена Бѣляеву. Но какъ доказать это? Бѣляевъ, какъ признаютъ и наши противники, былъ человѣкъ аккуратный; можетъ ли быть, что, получивъ обратно росписку, онъ оставилъ ее въ томъ же самомъ видѣ, ненадорванною, безъ надписи объ уплатѣ, въ числѣ другихъ бумагъ? Столь же невозможно, чтобы уплативъ деньги, онъ оставилъ росписку въ рукахъ Мясниковыхъ. На чемъ же затѣмъ основано предположеніе о погашеніи сохранной росписки? Гдѣ основаніе предполагать, что Бѣляевъ разсчитался съ Мясниковыми послѣ 21-го мая? Отступное по рыбнымъ ловлямъ онъ уплатилъ по ровцымъ частямъ съ Мясниковыми—это видно изъ расходной тетради. На какомъ основаніи Бѣляевъ передалъ Мясниковымъ ставропольскій откупъ—мы не знаемъ; есть поводъ думать, что онъ былъ переданъ безъ всякаго условія, такъ какъ былъ взятъ Бѣляевымъ съ самаго начала для Мясниковыхъ. Въ томъ счетѣ, который былъ сдѣланъ Бѣляевою, отобранъ у нея и находится при дѣлѣ, за Кавказъ показано

30,000 руб., слѣдовательно больше этой суммы Бѣляеву за передачу ставропольскаго откупа ни въ какомъ случаѣ не причиталось. Итакъ, я считаю вполнѣ доказаннымъ, что когда Бѣляевъ умеръ—положеніе его дѣлъ было таково: съ одной стороны предпріятія, о которыхъ я говорилъ, на сумму не свыше 300,000 руб.; съ другой — долгъ въ 272,000 руб. Разница между активомъ и пассивомъ близко подходящая къ той суммѣ, за которую Мясниковы, не считая сохранной росписки, пріобрѣли отъ Бѣляевой, по условію 22-го декабря, предпріятія ея мужа. Можетъ быть насъ спросятъ: какимъ образомъ у человѣка, который слылъ капиталистомъ, могло оказаться въ концѣ концовъ состояніе, стоющее не болѣе 20,000 р. Но, во первыхъ, мы имѣемъ показаніе двухъ свидѣтелей, которые о Бѣляевѣ отзывались какъ о человѣкѣ, у котораго былъ капиталъ небольшой—свидѣтелей весьма компетентныхъ, Ненюкова и Бенардаки. Оба сказали, что въ лучшее время у Бѣляева было состояніе—можетъ быть до 400,000 рублей; но онъ потерялъ въ послѣднее время громадныя, относительно, суммы на лѣсной торговлѣ и другихъ предпріятіяхъ. Есть еще другая причина, которая заставляетъ вѣрить, что у Бѣляева не было большаго состоянія, лично ему принадлежавшаго: въ концѣ жизни онъ пріобрѣлъ на имя жены дома, на отдѣлку и отстройку которыхъ онъ издержалъ, какъ видно изъ имѣющихся въ дѣлѣ счетовъ, весьма значительныя суммы: въ одномъ изъ домовъ есть зала въ два свѣта и вообще домъ отдѣланъ весьма роскошно. На имя жены были куплены также винокуренные заводы. Можно ли послѣ того удивляться, что у Бѣляева въ концѣ жизни не оказалось большихъ денегъ. Наконецъ, Бѣляевъ обладалъ тѣмъ, что само по себѣ составляетъ капиталъ: онъ обладалъ духомъ предпріимчивости, онъ не терялъ бодрости, несмотря на неудачи, и если терпѣлъ убытокъ въ одномъ дѣлѣ, тотчасъ же хватался за другое, съ помощію капитала Мясниковыхъ и своей опытности въ дѣлахъ; онъ хотѣлъ предпринять, и, можетъ быть, совершилъ бы весьма удачно громадныя компанейскія дѣла. Его состояніе колебалось, какъ состояніе всякаго коммерческаго человѣка, основаннаго на не слишкомъ твердыхъ и незыблемыхъ основаніяхъ. Вотъ мой взглядъ на состояніе Бѣляева, доказанный съ гораздо большею точностью, чѣмъ предположеніе противной стороны. Въ какой степени вѣроятно, чтобъ милліонеры, подобные

Мясниковымъ, могли совершить подлогъ для пріобрѣтенія такого состоянія? Вѣдь для того, чтобъ признать, что преступленіе совершилось, надо, чтобъ былъ достаточный къ тому интересъ. Этотъ интересъ, когда рѣчь идетъ о матеріальной выгодѣ, конечно, не одинъ и тотъ же для человѣка бѣднаго, не обезпеченнаго, и для человѣка вполнѣ обезпеченнаго, богатаго. Александръ Константиновичъ и Иванъ Константиновичъ Мясниковы въ 1858 году только-что начинали жизнь молодыми людьми, при самыхъ блестящихъ условіяхъ: Александру было 26 лѣтъ, Ивану около 25 лѣтъ. Иванъ Мясниковъ собирался жениться. У каждаго изъ нихъ по милліону состоянія. Припомните свѣдѣнія Дворянской Опеки, которыя я приводилъ сегодня утромъ; припомните, что уже въ 1857 г. на долю каждаго изъ братьевъ приходилось по 800,000 руб. Затѣмъ умираетъ человѣкъ близкій къ нимъ, съ которымъ они связаны самыми разнообразными связями, у котораго было 20, 30 тысячъ состоянія—и они совершаютъ подложное завѣщаніе, какъ говорятъ мои противники, обдуманно, хладнокровно, а по моему мнѣнію—если стать на точку зрѣнія противной стороны, безъ соблюденія какихъ бы то ни было правилъ осторожности—эта вещь слишкомъ невѣроятная или, лучше сказать, невозможная. Обвинительная власть хорошо понимаетъ, что нужно какъ-нибудь объяснить эту странность и представляетъ вамъ слѣдующее предположеніе: Мясниковы были связаны съ Бѣляевымъ общностью интересовъ; у нихъ были дѣла общія, такъ что если Бѣляевъ умеръ не оставивъ завѣщанія, то имъ было бы весьма трудно разсчитываться съ наслѣдниками, доказать, что имъ принадлежитъ извѣстная доля въ дѣлахъ Бѣляева. Кромѣ того, время горячее: возникаютъ новыя предпріятія, откупа доживаютъ свой вѣкъ; нужно воспользоваться обстоятельствами, нельзя этого сдѣлать иначе какъ присвоивъ себѣ состояніе Бѣляева. Справедливо ли все это? Представимъ себѣ, что Мясниковы не пріобрѣли бы состоянія Бѣляева: чтобы они чрезъ то потеряли? Во-первыхъ, самъ г. прокуроръ говоритъ, что Мясниковы перевезли къ себѣ свои бумаги; слѣдовательно, они имѣли всѣ средства доказать, что имъ принадлежитъ извѣстная доля состоянія Бѣляева. Неужели, еслибъ они явились въ гражданскій судъ со счетами, собственноручною тетрадью Бѣляева, черновымъ условіемъ, съ расходною книжкою и свидѣтельскими показаніями Каншина и другихъ лицъ,

они не могли бы добиться на судѣ признанія своего права? Въ самомъ неблагопріятномъ случаѣ, чего они бы лишились? 8—10 тысячъ на вологодскихъ откупахъ, да можетъ быть чего нибудь на херсонскихъ, хотя послѣдніе, какъ мы знаемъ, еще при жизни Бѣляева перешли въ собственность къ Каншину. Затѣмъ, ставропольскій откупъ былъ въ ихъ рукахъ, Земли Войска Донскаго—тоже; былъ ли Бѣляевъ въ этихъ откупахъ негласнымъ компаньономъ—это все равно, потому что оффиціально онъ въ нихъ участія не принималъ. Въ рыбныхъ ловляхъ Мясниковымъ принадлежали, правда, только двѣ трети; но развѣ имъ трудно было бы пріобрѣсти остальную треть отъ законныхъ наслѣдниковъ Бѣляева? Кто эти наслѣдники? Та же Бѣляева, Ремянникова, одинокая и бездѣтная женщина, наконецъ, Мартьянова, бѣдная сарапульская мѣщанка. Съ кѣмъ легче вести разговоры—съ человѣкомъ, который самъ обезпеченъ, который можетъ совѣтоваться съ лучшими адвокатами и имѣетъ всѣ средства вести дѣло въ судахъ и въ старое время, или съ бѣдною женщиною, приславшею въ Петербургъ повѣреннаго, который за двѣ тысячи рублей уступаетъ половину наслѣдства? Конечно, съ Мартьяновой легче было бы сойтись, чѣмъ съ Бѣляевою, которая, какъ мы знаемъ, не сразу подписала условіе 22-го декабря, а послѣ долгихъ переговоровъ, въ которыхъ участвовали Гротенъ и Богуславскій. Затѣмъ, является другое объясненіе со стороны гражданскаго истца: сохранная росписка, не формальная, которую Бѣляева признавала юридически недѣйствительною, другими наслѣдниками могла быть отвергнута, а Бѣляевой была принята. Но гдѣ доказательства, что сохранная росписка была недѣйствительна? Бѣляева отвѣчала не такъ, какъ говорилъ г. повѣренный гражданскаго истца; вы, конечно поняли ея отвѣтъ иначе. Ее спрашивали: какъ вы признавали сохранную роспиську для себя обязательною: юридически или нравственно? Она сказала: нравственно. Развѣ изъ этого слѣдуетъ, что она признавала ее юридически недѣйствительною? Она вовсе не входила въ разсмотрѣніе этого вопроса и признавала роспиську для себя обязательною потому, что она подписана ея покойнымъ мужемъ. Наконецъ, положимъ, что росписка, какъ сохранная росписка, была недѣйствительна. Въ чемъ же заключается ея недѣйствительность? Можетъ быть, не обозначенъ былъ родъ денегъ, взятыхъ на сохраненіе, или она была не вся написана Бѣляевымъ собственно-

ручно? Но вѣдь это не лишало бы росписку силы долговаго документа, и существованіе долга весьма легко могло быть доказано съ помощію счетовъ, вамъ извѣстныхъ. Вѣдь это доказано и теперь, по прошествіи 14-ти лѣтъ; неужели нельзя было сдѣлать этого въ 1858 году? Еслибъ завѣщанія не оказалось, пріѣхала бы Мартьянова и стала бы дѣлить съ Бѣляевою и Ремянниковою наслѣдство. Узнать, что Бѣляевъ былъ компаньономъ Мясниковыхъ въ херсонскомъ и вологодскомъ откупахъ и т. д., имъ, конечно, было бы не трудно, точно также, какъ и одной Бѣляевой; слѣдовательно, увозъ Мясниковымъ бумагъ не обезоруживалъ ни Бѣляеву, ни другихъ наслѣдниковъ. Затѣмъ, возникаетъ еще вопросъ. Бѣляева, по словамъ обвинительной власти и по словамъ гражданскаго истца, знала, что завѣщаніе подложно. Мысль о составленіи фальшиваго завѣщанія на имя Бѣляевой, по предположенію обвинительной власти, явилась въ концѣ сентября или въ началѣ октября, затѣмъ 16-го октября оно представлено къ утвержденію, въ концѣ октября или въ началѣ ноября утверждено, а двадцать втораго декабря 1858 года заключено условіе между Бѣляевой и Мясниковыми, которому предшествовали довольно длинные переговоры, въ ту минуту, когда, по предположенію обвинительной власти, Мясниковы совершили подлогъ. Какое ручательство они имѣли въ томъ, что онъ имъ удастся, что они достигнутъ своей цѣли, что за рискъ, сопряженный съ этимъ предпріятіемъ, они хотя что-нибудь получатъ? Какое они имѣли ручательство въ томъ, что Бѣляева, получивъ завѣщаніе, передастъ имъ все состояніе своего мужа? Не только человѣкъ богатый, даже человѣкъ бѣдный, считающій большимъ для себя пріобрѣтеніемъ сумму въ 20.000 руб., и тотъ не поступилъ бы такимъ образомъ, и тотъ не рискнулъ бы совершить преступленіе, всѣми плодами котораго свободно и безпрепятственно можетъ воспользоваться другое лицо. Это такое предположеніе, котораго ни на минуту нельзя допустить. Сознавая его слабость, г. повѣренный гражданскаго истца прибѣгаетъ къ самымъ рискованнымъ догадкамъ. Онъ говоритъ, что Бѣляева проникнута идеею дворянской гордости до такой степени, что готова лучше отдать все милліонерамъ Мясниковымъ, чѣмъ какой-нибудь мѣщанкѣ. Не думаю, чтобъ Бѣляева была проникнута такими чувствами; припомните, что она не только вышла за мужъ за купца, но жила и живетъ вмѣстѣ съ своею свояченицей, мѣщанкой

Ремянниковой, слѣдовательно она вовсе не гнушается мѣщанской родней. Какъ бы ни было велико ея отвращеніе къ мѣщанкѣ Мартьяновой, оно, конечно, не простиралось до того, чтобъ сдѣлаться участницей въ подлогѣ и даромъ отдать состояніе, пріобрѣтенное путемъ подлога, людямъ, вовсе въ немъ не нуждающимся. Затѣмъ, еще странность: Бѣляева знаетъ о подлогѣ, знаетъ, что Мясниковы въ ея рукахъ, но, несмотря на это, она не только 22-го декабря 1858 года отдаетъ имъ по дешевой цѣнѣ все состояніе, полученное ею послѣ мужа, но даже уступаетъ имъ за 100.000 р. собственные свои винокуренные заводы, стоющіе по разсчету, сдѣланному черезъ нѣсколько времени ею самою, 400.000, а по разсчетамъ г. прокурора 200.000 р. Это превосходитъ всякое вѣроятіе. На самомъ дѣлѣ все объясняется весьма просто: Бѣляева знала, что состояніе ея мужа, за вычетомъ долговъ, составляетъ незначительную сумму, и что за отсутствіемъ оборотнаго капитала для винокуренныхъ заводовъ, она совершитъ сдѣлку не безвыгодную, уступивъ ихъ Мясниковымъ за 100.000 рублей.

«Затѣмъ, гг. присяжные, я перейду къ послѣдней части обвинительной рѣчи. Въ ней г. прокуроръ указываетъ на тѣ отношенія, которыя существовали впослѣдствіи между Мясниковыми и Бѣляевой, и въ нихъ отыскиваетъ доказательства въ пользу того, что Мясниковы совершили подлогъ вмѣстѣ съ Бѣляевою. Прежде всего я не могу не замѣтить, что я понимаю необходимость, съ точки зрѣнія обвинительной власти, доказывать существованіе враждебныхъ отношеній между Бѣляевой и Мясниковыми въ 1864—66 годахъ; но я желалъ бы знать, какое отношеніе имѣютъ къ дѣлу записки на французскомъ языкѣ, оскорбительныя для Бѣляевой? Утверждаетъ ли обвинительная власть, что онѣ написаны съ вѣдома Мясниковыхъ? Тутъ является на сцену Рицціи, который сначала считалъ возможнымъ дѣйствовать противъ Бѣляевой, потомъ явился съ жалобой, что Иванъ Константиновичъ Мясниковъ обидѣлъ его и не далъ ему обѣщаннаго вознагражденія. Не думаю, чтобъ можно было такому человѣку вѣрить. Но еслибы и можно было ему вѣрить, то какое отношеніе имѣетъ это обстоятельство къ обвиненію Мясниковыхъ въ подлогѣ? Я просилъ бы васъ отрѣшиться отъ впечатлѣнія, которое могли произвести на васъ эти записки. Никто не утверждаетъ, чтобъ Мясниковы знали объ отвратительныхъ совѣтахъ, которые давалъ Шишкину Рицц-

ціи. Итакъ, это обстоятельство должно быть оставлено совершенно въ сторонѣ. Несогласія между Мясниковыми и Бѣляевой несомнѣнно были. Опека надъ Шишкинымъ была первымъ яблокомъ раздора; затѣмъ, возникаютъ споры по условію 22-го декабря 1858 года, и Бѣляева въ январѣ 1865 года предъявляетъ къ Мясниковымъ искъ. Подъ вліяніемъ раздраженія Бѣляевой противъ Мясниковыхъ и того искусства, съ которымъ оно поддерживалось повѣренными Бѣляевой, является отзывъ ея въ Казенную Палату, въ маѣ 1865 года, гдѣ говорится о какой-то невѣдомой ей сохранной роспискѣ. Къ этому же времени относятся черновыя письма къ Мясниковымъ, съ упреками и сильными выраженіями—письма, которыя вовсе не были отправлены по назначенію и редакція которыхъ принадлежала не Бѣляевой, а ея слишкомъ усердному повѣренному. О завѣщаніи, впрочемъ, въ этихъ письмахъ ничего не говорится, и всѣ упреки и угрозы, которыми они наполнены, относятся, очевидно, къ факту увоза Мясниковыми бумагъ Бѣляева. Затѣмъ, является Чевакинскій, который, конечно, болѣе заботится о своихъ интересахъ, чѣмъ о выгодѣ своей довѣрительницы, вступаетъ въ соглашеніе съ ея противниками, хочетъ заключить съ ними условіе, дѣйствуетъ такъ, что, еслибъ ему пришлось объяснить свои поступки передъ вами, можетъ быть вы отнеслись бы къ нему очень строго; но теперь рѣчь идетъ не о немъ, и участіе Бѣляевой въ его дѣйствіяхъ, или даже знаніе ея о нихъ, ни чѣмъ не доказано. Что касается до мирныхъ переговоровъ, то ихъ, кажется, всего правильнѣе было бы отнести къ тѣмъ частямъ дѣла, которыя устранены изъ области судебныхъ преній. Но по поводу показанія Борзаковскаго г. прокуроръ сдѣлалъ замѣчаніе, которое не можетъ быть оставлено безъ отвѣта. Вамъ говорили, что Борзаковскій былъ запуганъ, что ему назначено было свиданіе въ Ш-мъ Отдѣленіи, съ тонкимъ разсчетомъ, что это произведетъ на него извѣстнаго рода впечатлѣніе. Не говоря уже о свидѣтелѣ Коптевѣ, который опровергаетъ показаніе Борзаковскаго, въ самомъ показаніи его заключается нѣчто крайнѣ невѣроятное. Переговоры въ Ш-мъ Отдѣленіи, по его словамъ, происходили уже послѣ начала втораго слѣдствія. Неужели же никто изъ адвокатовъ, къ которымъ Мясниковы, конечно, обращались, не объяснилъ имъ, что послѣ начатія уголовнаго дѣла примиреніе невозможно? Неужели можно допустить, что во

время втораго слѣдствія все еще продолжались мирные переговоры? Но еслибъ они и были, все-таки нѣтъ никакого основанія обвинять Мясникова въ запугиваніи Борзаковскаго, и, такимъ образомъ, къ тяжелому обвиненію, тяготѣющему надъ Мясниковымъ, прибавлять еще одно, въ нравственномъ отношеніи весьма серьезное. Во-первыхъ, я долженъ заявить, что Мясниковъ занималъ должность адъютанта начальника Штаба Корпуса Жандармовъ, слѣдовательно находился въ личныхъ отношеніяхъ къ непосредственному своему начальнику, принималъ просителей, докладывалъ о нихъ, передавалъ записки, прошенія, исполнялъ нѣкоторыя порученія; между этою дѣятельностію, чисто личною, и дѣятельностію агента чиновника III-го Отдѣленія, нѣтъ ничего общаго. Наконецъ, можно ли допустить, чтобъ Борзаковскій, ходатай по дѣламъ стараго времени, совѣтникъ Управы Благочинія, могъ испугаться призыва въ III-е Отдѣленіе для свиданія съ Мясниковымъ? Вѣдь онъ зналъ, что Мясниковъ только адъютантъ генерала Мезенцова, что его вліяніе не могло простираться до того, чтобъ противъ Борзаковскаго были приняты какія-нибудь насильственныя или даже просто нравственно-принудительныя мѣры. Можно ли послѣ этого говорить о запугиваніи? Можно ли думать, чтобъ человѣкъ, искушенный въ житейскихъ дѣлахъ, хоть на одну минуту сконфузился только потому, что его призывалъ въ III-е Отдѣленіе, для объясненія по частному дѣлу, адъютантъ генерала Мезенцова? Вы, конечно, не замедлите отбросить въ сторону такое предположеніе. Затѣмъ, гг. присяжные засѣдатели, остаются еще мирные переговоры съ Гонинымъ. Это тотъ свидѣтель, который имѣетъ знаменитую тяжбу съ Ижболдинымъ о векселяхъ. Если свидѣтель Дедюхинъ подтвердилъ это показаніе, и то не вполнѣ, потому что онъ не зналъ, какіе именно велись переговоры, то свидѣтель Столбовъ совершенно опровергнулъ его, свидѣтель Домрачевъ также. Полагаю, что можно послѣ этого не говорить больше о показаніи Гонина.

Мнѣ кажется, гг. присяжные засѣдатели, что за исключеніемъ пробѣловъ, неизбѣжныхъ въ столь обширномъ дѣлѣ, я исполнилъ свою задачу, отвѣтивъ на всѣ существенные пункты обвиненія. Затѣмъ, мнѣ остается свести все сказанное мною въ одно цѣлое, и представить вамъ общую картину, которую представляетъ настоящее дѣло. Что мы видимъ съ одной и съ другой стороны? На-

слѣдникъ по закону, лишившійся наслѣдства вслѣдствіе завѣщанія и признающій его подложнымъ, можетъ отстаивать свои права иногда даже съ излишнею горячностью, не разбирая средствъ, во имя нарушенной справедливости, но въ настоящемъ дѣлѣ мы видимъ передъ собою людей совершенно посторонннихъ, которые покупаютъ претензію еще при жизни Мартьяновой, совершаютъ съ ней условія, посылаютъ къ Мартьяновой деньги, стараются, чтобъ она не пріѣзжала въ Петербургъ, пишутъ для нея завѣщаніе, однимъ словомъ, относятся къ дѣлу съ точки зрѣнія чисто коммерческой. Съ другой стороны является женщина, которая живетъ съ мужемъ 25 лѣтъ въ величайшемъ согласіи и любви, которой мужъ постоянно хотѣлъ оставить все свое состояніе; за этою женщиною мы видимъ людей, всего болѣе, послѣ Бѣляевой, близкихъ къ ея мужу—людей, дѣду которыхъ Бѣляевъ обязанъ почти всѣмъ своимъ состояніемъ. Я думаю, на судѣ обнаруживалось съ достаточною ясностію, что подкупа въ настоящемъ дѣлѣ не было и нѣтъ со стороны Мясниковыхъ. Мы не видимъ ни одного свидѣтеля въ ихъ пользу, который могъ бы внушать сомнѣніе. Намъ говорятъ о Шевелевѣ, что онъ надѣется когда-то что-то получить отъ Мясниковыхъ, тогда какъ у него въ рукахъ условіе на 2,000 рублей, заключенное съ Ижболдинымъ. Зато мы видимъ, что завѣщаніе, называемое подложнымъ, касается состоянія крайне ограниченнаго, а обвиняются въ составленіи его милліонеры, которые притомъ не знали и не могли знать, достанется ли имъ завѣщанное имѣніе. Во всемъ этомъ такая невозможность, такая неправда, которую вы, безъ сомнѣнія, уже оцѣнили. Васъ приглашаютъ вашимъ приговоромъ доказать, что передъ вашимъ судомъ всѣ равны — сильные и слабые, богатые и бѣдные. Кто сомнѣвается въ этомъ? Мы видимъ достаточно примѣровъ, что со времени введенія судебныхъ установленій ни богатство, ни общественное положеніе не составляютъ гарантіи безопасности виновныхъ. Я думаю, что въ процессѣ столь важномъ, вызвавшемъ такъ много толковъ въ обществѣ, никакія утилитарныя практическія соображенія не могутъ и не должны имѣть мѣста. Передъ вашимъ судомъ дѣйствительно всѣ равны, но только во имя справедливости. Если чувство справедливости и простой здравый смыслъ покажутъ вамъ, что не только нѣтъ, но и не могло быть преступленія, что не было интереса совершить его, что не было дѣйствій, которыя обыкновенно

совершаются преступниками послѣ преступленія, не было попытокъ затемнить истину съ той стороны, которую до сихъ поръ въ этомъ обвиняли, что не отъ нея шли противозаконныя попытки исказить истину — то я надѣюсь, что вы постановите вашъ приговоръ не во имя равенства передъ закономъ, а во имя справедливости, требующей, чтобъ каждому было воздано должное.

Засѣданіе 22-го февраля.

Прис пов. Языковъ. Гг. судьи и гг. присяжные засѣдатели! Въ одномъ изъ многочисленныхъ томовъ производства, которымъ вы были заняты въ теченіе 5 дней, находится одна депеша, посланная отъ Бѣляева Ивану Мясникову, съ извѣстіемъ о томъ, что дѣдъ его скончался. Депеша относится къ 1855 г. Когда получена была депеша Иваномъ Мясниковымъ, онъ находился въ Смоленскѣ, младшій братъ его, Александръ Мясниковъ— въ Севастополѣ. И тому, и другому въ то время былъ 21 годъ; между ними въ лѣтахъ разницы всего 11 мѣсяцевъ. Конечно, извѣстіе это произвело громадный переворотъ во всей ихъ жизни. Они изъ бѣдныхъ армейскихъ офицеровъ, жившихъ на маленькомъ жалованьѣ и получавшихъ скудный пенсіонъ отъ дѣда ихъ, Ив. Ѳед. Мясникова, сдѣлались вдругъ обладателями огромнаго состоянія, заключавшагося въ значительномъ капиталѣ, въ дѣлахъ и предпріятіяхъ всякаго рода и золотыхъ пріискахъ. Получивъ это извѣстіе, они оставили на время службу и пріѣхали сюда, въ Петербургъ, для того, чтобы принять свое наслѣдство, для того, чтобы познакомиться съ состояніемъ, доставшимся имъ отъ умершаго ихъ дѣда. Какъ намъ извѣстно изъ тѣхъ дѣлъ Дворянской Опеки, которыя здѣсь были прочитаны, капиталъ ихъ и малолѣтнихъ ихъ сестеръ былъ слишкомъ въ 2 милліона; со всѣми дѣлами и предпріятіями состояніе это доходило до 4-хъ милліоновъ. Конечно, когда человѣку въ 21 годъ попадаетъ въ первый разъ въ руки такое огромное количество денегъ, то трудно предположить, чтобы онъ сейчасъ занялся дѣлами. Такъ случилось и съ И. К. Мясниковымъ. Столичная жизнь представляла слишкомъ много искушеній. Пошли расходы на устройство квартиры и роскошной обстановки, покупку лошадей, серебра и проч. Въ первый же годъ и восемь мѣсяцевъ затрачивается на долю И. К. громадная цифра— 180,000 руб. Правда, что изъ этихъ 180,000 руб. 80,000 руб.

показаны здѣсь въ отчетѣ относящимися исключительно до дѣловыхъ затратъ. Въ то время, когда такимъ образомъ пользовались жизнью и удобствами богатства братья, кто же занимается ихъ дѣлами? Дѣла ихъ шли своимъ обычнымъ теченіемъ, въ нихъ не было и не должно было быть никакой остановки.

Занимался ими человѣкъ знакомый со всѣми тонкостями откупнаго дѣла, державшій въ рукахъ своихъ всѣ нити этого сложнаго дѣла, который и послѣ смерти П. Ѳ. Мясникова продолжалъ наблюдать за правильнымъ ихъ ходомъ. Этотъ человѣкъ былъ Козьма Васильевичъ Бѣляевъ, приходившійся дядею братьевъ Мясниковыхъ. Какъ для Ив. Ѳед. онъ былъ довѣреннымъ управляющимъ всѣми дѣлами, такъ и для внуковъ его, и своихъ племянниковъ, онъ оставался управляющимъ вполнѣ самостоятельно, пользуясь полнымъ ихъ довѣріемъ.

Нужно сказать, что Бѣляевъ былъ дядя Мясниковымъ по своей женѣ. Отецъ Ив. и Ал. Мясниковыхъ, Константинъ Мясниковъ, и Козьма Васильевичъ Бѣляевъ были женаты на родныхъ сестрахъ, дворянкахъ Поповыхъ.

Эти отношенія полнаго взаимнаго довѣрія между покойнымъ Бѣляевымъ и гг. Мясниковыми продолжались не особенно [illegible], а именно до конца 1857 года. Съ этого времени со стороны гг. Мясниковыхъ начинаются требованія, обращенныя къ г. Бѣляеву, о сдачѣ имъ отчетовъ для повѣрки. На это есть у насъ указаніе въ письмѣ отъ 30-го августа 1857 г.; въ немъ, между прочимъ, содержится это требованіе. Въ этомъ письмѣ, разумѣется, сперва идутъ обычныя привѣтствія племянниковъ дядѣ; начинается письмо поздравленіемъ съ днемъ ангела, разговоромъ, не имѣющимъ прямаго отношенія къ дѣлу, но заключается оно категорическимъ требованіемъ отчетовъ. Заявляется требованіе сестеръ точно также объ отчетѣ и, наконецъ, упоминается о томъ, что тѣ цифры капитала ихъ, которыя были указаны при словесномъ объясненіи Козьмы Васильевича, не совершенно соотвѣтствуютъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя они считали себя въ правѣ имѣть. Письмо это, подписанное подсудимымъ Ив. Мясниковымъ, имѣетъ то отношеніе къ дѣлу, что стоитъ въ непосредственной связи съ однимъ изъ счетовъ, на которые защита имѣетъ право ссылаться. Это, собственно говоря, не счетъ, а отчетъ покойнаго Бѣляева, написанный имъ по 1-е сентября 1857 г. Въ этомъ отчетѣ покойный

Бѣляевъ изчисляетъ всѣ доходы и расходы, которые онъ имѣлъ по дѣламъ братьевъ со дня смерти ихъ дѣда. Отчетъ этотъ былъ прочитанъ передъ вами. Вы слышали, что однихъ расходовъ по дѣламъ, такъ называемымъ, тяжебнымъ Мясниковыхъ Бѣляевъ насчиталъ до 260,000 рублей. Въ концѣ этого отчета, писаннаго отъ начала до конца рукою Бѣляева и спору относительно подлинности его не подлежащаго, насъ интересуетъ цифра 260,000 р. Бѣляеву, по собственному сознанію, надлежало уплатить эту сумму наслѣдникамъ Мясниковымъ. Деньги эти, слѣдовательно, находились въ его распоряженіи. Этотъ отчетъ гг. Мясниковыми былъ только поверхностно разсмотрѣнъ: онъ не подвергался никакой провѣркѣ въ то время. Мясниковы не потребовали немедленной выдачи этой суммы (260,000 р.), достаточно того, что они были у дяди Козьмы Васильевича. Такъ прошло время до мая мѣсяца слѣдующаго 1858 года. Но тогда Мясниковымъ понадобились наличныя деньги, они потребовали денегъ, т. е. свои 260,000 р. у дяди, но у него наличныхъ денегъ въ этой суммѣ не оказалось. Разумѣется послѣдовало охлажденіе въ отношеніяхъ племянниковъ и дяди, а вслѣдъ за симъ строжайшая провѣрка 1-го отчета по 1-е сентября 1857 г. и требованіе 2-го отчета. Тогда Бѣляевымъ былъ представленъ отчетъ по 14-е мая, имѣющій такимъ образомъ непосредственное отношеніе къ отчету сентября 1857 г. Тщательная провѣрка обоихъ отчетовъ: по 1-е сентября 1857 г. и 14-е мая 1858 г., привела къ начету на Бѣляева, равнявшемуся 272,000 р., а затѣмъ была выдана и та сохранная росписка, которая предъявлена была впослѣдствіи Мясниковыми и уплачена изъ наслѣдства Бѣляевой. Защита неоднократно ссылалась на счеты Бѣляева, помѣщающіеся въ дѣлѣ, и полагаетъ, что вы, гг. присяжные засѣдатели, считаете доказаннымъ, что въ отчетѣ отъ 9 го сентября 1857 г. Бѣляевымъ, относительно доходовъ по дѣламъ Мясниковыхъ, были оставлены значительные пробѣлы и были показаны нѣкоторые чрезмѣрные расходы, каковъ, напримѣръ, былъ показанъ расходъ на полицію въ 5,000 руб. и т. п. Не показано въ доходъ 125.000 р. по золотымъ пріискамъ, 11.000 руб. по откупнымъ дѣламъ и проч. Само собою разумѣется, нѣтъ основанія высказывать, что сохранная росписка эта выдана была Бѣляевымъ за золото, данное ему на сохраненіе Мясниковыми. Причина появленія этой сохранной росписки нужно искать именно въ

отчетахъ Бѣляева. Что такая росписка дѣйствительно существовала—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; вы знаете, что о ней упоминается въ журналѣ исходящемъ, писанномъ рукою Бѣляева. Строчки, въ которыхъ значится записанная росписка, были подвергнуты экспертизѣ, и эксперты признали ихъ несомнѣнную подлинность. О подлинности ея не возбуждаетъ даже вопроса г. прокуроръ; что же касается его предположенія о томъ, что она была погашена до кончины покойнаго Бѣляева, то, конечно, я не стану вдаваться въ цифрное разъясненіе этого обстоятельства, которое представлено было моимъ товарищемъ по защитѣ. Также наглядно и осязательно, по моему мнѣнію, доказано было предъ вами, вчера, что не только тѣхъ миѳическихъ милліоновъ, о которыхъ на судебномъ слѣдствіи шла рѣчь, не было у Бѣляева, но не было и тѣхъ пяти или шести сотенъ тысячъ, на которыя уже гораздо скромнѣе указывалъ г. прокуроръ. Я, съ своей стороны, относительно состоянія покойнаго Бѣляева укажу вамъ только на одинъ документъ, который самъ по себѣ, по моему мнѣнію, самымъ достовѣрнымъ образомъ опредѣляетъ его приблизительное состояніе, разумѣется не копѣйка въ копѣйку, не цифра въ цифру, но чрезвычайно близко и относительно точно. Я говорю о счетѣ 17-го сентября 1857 г., писанномъ рукою самого Бѣляева, на которомъ значится самое подробное наименованіе всѣхъ его дѣлъ: тутъ говорится о заводахъ, откупахъ, лѣсной торговлѣ и о прочихъ дѣлахъ и опредѣлена сумма и цѣнность каждаго изъ предпріятій. Счетъ этотъ признается и самой обвинительной властью, какъ это видно изъ сказаннаго г. прокуроромъ вчера въ началѣ его обвинительной рѣчи, когда онъ говорилъ о наличномъ капиталѣ Бѣляева. Въ этомъ счетѣ значится наличнаго капитала 120,000 р.; сложивъ всѣ цифры, упомянутыя въ этомъ счетѣ, вы получите сумму въ 400,000 руб.; но, сопоставивъ эту сумму съ тоже признаннымъ подлиннымъ счетомъ, писаннымъ рукою же Бѣляева, въ которомъ значится, что у него долговъ на 16-е сентября 1857 года, которые ему надлежало уплатить, состояло 292,000 р., сверхъ оставшихся по раздѣлу и, слѣдовательно, также подлежащихъ платежу, 43,000 рублей, вы получите, слѣдовательно, сумму, которая равняется 60.000 или 70 000 рублямъ сер. чистаго капитала, который былъ у Бѣляева въ сентябрѣ 1857 г. Прибавьте сюда тѣ расходы и траты, которые несъ онъ впослѣдствіи, въ теченіе конца 1857 и

начала 1858 гг., и вы признаете тогда правильность состоянія Бѣляева, представленнаго вамъ моимъ товарищемъ по защитѣ, присяжнымъ повѣреннымъ Арсеньевымъ.

Г. прокуроръ заявляетъ предположеніе, что сохранная росписка хотя и выдана была Бѣляевымъ, но имъ была уплачена въ 1858 г. Но изъ чего выводитъ онъ это заключеніе? 21-го мая росписка эта выдана была Бѣляевымъ—фактъ несомнѣнный. Какимъ же образомъ она могла быть погашена въ іюнѣ или въ іюлѣ? Развѣ г. прокуроръ можетъ указать на дѣла или предпріятія, которыя бы въ этомъ промежуткѣ времени принесли Бѣляеву огромный капиталъ? Напротивъ, мы знаемъ, что въ этотъ промежутокъ времени у Бѣляева были затраты, и затраты значительныя. Мы знаемъ и то, что состояніе Бѣляева въ то время не позволяло ему брать нѣкоторыхъ хорошихъ большихъ дѣлъ. Шли, дѣйствительно, въ то время переговоры объ устройствѣ различныхъ предпріятій, такъ, напримѣръ, о покупкѣ чугуно-литейнаго завода Берда, объ устройствѣ Общества Газоваго Освѣщенія и проч., но все это были одни переговоры, не получившіе осуществленія. Кромѣ того мы слышали изъ показаній свидѣтелей, что эти переговоры шли въ виду предположенія о составленіи Бѣляевымъ компаніи, въ которой должны были принимать участіе многія и многія лица, и въ числѣ этихъ лицъ и Мясниковы. Во всякомъ случаѣ, строить предположенія о богатствѣ человѣка на основаніи тѣхъ предпріятій, которыя имъ затѣвались, по моему мнѣнію значитъ приходить къ заключеніямъ, построеннымъ на невѣрныхъ основаніяхъ, такъ какъ между осуществленіемъ предпріятій и желаніемъ ихъ осуществить—громадное различіе, потому что тутъ прежде всего является вопросъ: на счетъ какихъ капиталовъ затѣвается предпріятіе? Если, съ одной стороны, и правда, что Бѣляевъ желалъ осуществить еще и другое предпріятіе—учрежденіе новаго Газоваго Общества, то, съ другой стороны, изъ полученной нами оффиціальной справки изъ Газоваго Общества видно, что Бѣляевъ учредителемъ этого Общества никогда не былъ. Правда, мы слышали показаніе свидѣтеля Перозіо, что онъ считалъ Бѣляева за человѣка, имѣющаго большой капиталъ. Но когда мы Перозіо спросили, какимъ образомъ онъ пришелъ къ этому заключенію, то услышали, что о состояніи Бѣляева ему говорилъ свидѣтель Тепловъ. Свидѣтель Тепловъ былъ лично здѣсь, на Судѣ,

и разсказалъ намъ, что въ самую цвѣтущую пору дѣлъ Бѣляева, по его, Теплова, взгляду, онъ могъ имѣть не болѣе 400 000 р.; что затѣмъ онъ потерялъ много на разныхъ предпріятіяхъ, на которыя неразборчиво и съ большимъ рискомъ бросался, что онъ, конечно, не былъ бѣденъ, но и не богатъ. То же слышали мы изъ прочтеннаго показанія Бенардаки; а Непюковъ, близкій человѣкъ покойному, часто бывавшій у него, со словъ самого Бѣляева опредѣлилъ состояніе его за послѣднее время жизни тысячъ во 100 и разсказывалъ, что у него иногда Бѣляевъ бралъ взаймы по двѣ или по три тысячи рублей. Цифры эти самымъ краснорѣчивымъ образомъ указываютъ на мнимое богатство Бѣляева. Но самымъ вѣрнымъ, самымъ неотразимымъ доказательствомъ того, что Бѣляевъ не былъ такъ богатъ, какъ то доказываютъ г. прокуроръ и гг. повѣренные гражданскаго истца, служитъ письмо, писанное Бѣляевымъ 3 го августа 1858 г. къ А. К. Мясникову. Въ этомъ письмѣ Бѣляевъ какъ бы умоляетъ—по крайней мѣрѣ, онъ проситъ ихъ крайне настойчиво, крайне убѣдительно—о томъ, чтобы были присланы ему необходимыя для одного дѣла 20.000, объясняя, что эти деньги необходимы, что, въ случаѣ невзноса ихъ, на имя его и Мясниковыхъ ляжетъ пятно. При этомъ онъ объясняетъ, что у него денегъ нѣтъ и что ихъ ему достать неоткуда. Деньги были даны А. К. Мясниковымъ, какъ это видно изъ расходной книги Бѣляева, въ которой значится эта сумма записанною на приходѣ. Что касается до того участія Бѣляева въ дѣлахъ П. Ѳ. Мясникова, о которомъ говоритъ г. прокуроръ, то въ свое время защита указывала и сопоставляла передъ вами справки изъ дѣлъ покойнаго П. Ѳ. Мясникова и, надѣюсь, убѣдила васъ въ томъ, что хотя Бѣляевъ участвовалъ въ откупахъ П. Ѳ. Мясникова, но въ 1858 г. уже участія этого быть не могло, за истеченіемъ откупнаго трехлѣтія. П. Ѳ. Мясниковъ умеръ въ 1855 г., а почти всѣ откупа его относились къ періодамъ 1853 и 1854 годовъ.

Теперь вы познакомились, гг. присяжные засѣдатели, съ состояніемъ Бѣляева. Конечно, вы можете знать его лишь приблизительно, но этого достаточно, чтобы видѣть здѣсь отсутствіе милліоновъ.

Конечно, покойный, по нашимъ понятіямъ, былъ человѣкъ не бѣдный, состояніе свое онъ создалъ трудами, въ теченіе продол-

жительной дѣятельности, обдѣлывая свои маленькія дѣла подъ прикрытіемъ большихъ предпріятій и затѣй своего патрона И. Ѳ. Мясникова. Нужно имѣть въ виду при оцѣнкѣ состоянія Бѣляева и имущество жены его: онъ женился не на бѣдной—жена его получила приданое въ 200.000 рублей ассигн. У нея затѣмъ были два прекрасные дома въ Петербургѣ, и на одинъ изъ этихъ домовъ Бѣляевъ затратилъ значительный капиталъ, какъ это видно изъ тѣхъ счетовъ, которые сохранились въ его бумагахъ. Наконецъ, у нея были два винокуренные завода, оцѣненные вмѣстѣ тысячъ во сто. Все это, конечно, изобличаетъ въ Бѣляевѣ человѣка не бѣднаго; но гдѣ же тотъ богачъ, котораго желаютъ видѣть гражданскіе истцы? Дѣйствительно, Бѣляевъ былъ человѣкъ видимо предпріимчивый и дѣятельный; но характеръ его самостоятельной дѣятельности имѣетъ видъ лихорадочный, ненормальный. Онъ бросается на множество предпріятій, но при очевидномъ неимѣніи достаточныхъ собственныхъ средствъ, находя эти средства единственно въ капиталахъ Мясниковыхъ. Мы знаемъ, что со смертью И. Ѳ. Мясникова въ распоряженіи его остается огромный наслѣдственный капиталъ, и планы различныхъ предпріятій быстро возникаютъ одинъ за другимъ, но предпріятія кончаются ничѣмъ, за исключеніемъ только тѣхъ, въ которыхъ принимаютъ участіе Мясниковы.

Смерть Бѣляева послѣдовала въ сентябрѣ 1858 г. Въ то время, когда возбудилось предварительное слѣдствіе, въ 1868 году, о смерти Бѣляева было много толковъ, подозрительныхъ и совершенно неосновательныхъ. Всѣмъ этимъ слухамъ положилъ конецъ докторъ Тильманъ, разъяснившій болѣзнь Бѣляева. Во время судебнаго слѣдствія вы сами слышали показанія доктора Тильмана: онъ объяснилъ, что Бѣляевъ умеръ мучительною смертью, и умеръ скоропостижно. Въ этой болѣзни, которою страдалъ Бѣляевъ, особенно заслуживаютъ вашего вниманія періодичность и жестокость ея припадковъ, которые иногда длились до четверти и получаса. Прежде рѣдкіе, эти припадки къ концу жизни повторялись все чаще и чаще, такъ что можно съ полнымъ основаніемъ предположить, что они происходили уже въ маѣ мѣсяцѣ, если отъ этой самой болѣзни послѣдовала смерть его въ сентябрѣ.

Послѣ Бѣляева остались наслѣдниками, кромѣ жены его Екатерины Васильевны, двѣ сестры: одна изъ нихъ—Ремянникова, ко-

торая постоянно жила въ его домѣ, другая была Мартьянова, Надежда Васильевна. Эта послѣдняя сестра была съ Бѣляевымъ въ полномъ разладѣ. На это есть документальныя данныя въ дѣлѣ, и намъ нѣтъ никакого повода сомнѣваться во всемъ томъ, что высказала свидѣтельница Ремянникова, по поводу причинъ этого разлада. Нѣтъ повода, говорю я, сомнѣваться и въ томъ, что племянникъ Бѣляева, сынъ Мартьяновой, также не пользовался расположеніемъ дяди: онъ совершилъ растрату на значительную сумму—тысячъ на 50, которыя долженъ былъ пополнить его дядя, Бѣляевъ. Мы знаемъ, что Мартьянова была женщина бѣдная; тѣмъ не менѣе, Бѣляевъ ей не помогалъ. На это есть у насъ слѣдующія доказательства: если бы Бѣляевымъ къ ней посылались деньги, то эти деньги были бы означены въ расходномъ журналѣ Бѣляева. Но объ этомъ въ журналѣ нѣтъ указаній. Другимъ доказательствомъ тому, что между домомъ Бѣляева и Мартьяновою не было сношеній, служитъ полнѣйшее невѣдѣніе въ Сарапулѣ, мѣстѣ жительства Мартьяновой, того, что происходитъ въ Петербургѣ, въ домѣ Бѣляева. Мы читали письма, въ которыхъ Надежда Васильевна прямо говоритъ своей сестрѣ Ремянниковой, что думала, что она уже умерла, что уже ея нѣтъ въ живыхъ, потому что ничего о ней не слышитъ. Эти письма представлены были къ дѣлу повѣреннымъ гражданскихъ истцовъ Имшенецкимъ и доказываютъ ясно, что между домомъ Бѣляева въ Петербургѣ и домомъ Мартьяновой въ Сарапулѣ не было никакихъ сношеній.

Когда вѣсть о смерти Бѣляева достигла Сарапуля, то, разумѣется, произвела тамъ сильное впечатлѣніе. Тамъ Бѣляевъ, конечно, слылъ страшнымъ богачемъ. Нужно взять ту среду, къ которой принадлежалъ покойный—родню Бѣляева въ Сарапулѣ, чтобы понять легко то преувеличенное представленіе, которое возъимѣли тамъ о богатствѣ Бѣляева. Прибавьте къ тому, что Бѣляевъ въ теченіе долгихъ лѣтъ распоряжался дѣйствительно громаднымъ имѣніемъ старика Мясникова, что блескъ мясниковскаго богатства отражался на самомъ Бѣляевѣ. И вотъ, въ Мартьяновой является желаніе отыскивать наслѣдство послѣ умершаго брата. Является тотчасъ и адвокатъ, это—Ижболдинъ, нынѣшній гражданскій истецъ. Я прошу васъ обратить особенное вниманіе на то порученіе, которое сначала дается Мартьяновою Ижболдину. На это есть указаніе: въ довѣренности говорится прямо относительно возможности

отыскать родовое имѣніе Бѣляева, говорится о томъ, что Бѣляевъ не былъ вправѣ дѣлать завѣщательныхъ распоряженій относительно родоваго имущества. Слѣдовательно, въ то время въ Сарапулѣ не было никакого слуха о томъ, что составлено было подложное завѣщаніе, и я не думаю, чтобы Мартьянова надѣялась, что она имѣетъ право отыскивать все наслѣдство Бѣляева, и именно то наслѣдство, которое по духовному завѣщанію осталось въ пользу жены Бѣляева; я не думаю, что она, зная о тѣхъ хорошихъ отношеніяхъ, о той взаимной любви, которыя связывали брата ея съ его женою, и узнавъ о томъ, что осталось духовное завѣщаніе, рѣшилась бы оспаривать это завѣщаніе въ подлогѣ. Правда, что узнавъ о смерти брата, у нея является желаніе отыскивать ея наслѣдство; но, выдавая по этому предмету довѣренность, она указываетъ главнымъ образомъ на розысканіе наслѣдства родоваго. Кромѣ довѣренности она выдаетъ Ижболдину и договоръ о вознагражденіи, на основаніи котораго наслѣдство дѣлится по долямъ между нею и адвокатомъ, кромѣ расходовъ. По этому договору въ 1860 году Ижболдинъ заключилъ условіе съ Самуиломъ Боревскимъ. Напрасно г. прокуроръ утверждаетъ, что условіе это заключаетъ лишь договоръ о вознагражденіи Боревскаго за веденіе имъ дѣла. Этотъ договоръ является не договоромъ о вознагражденіи, но есть просто уступка Ижболдинымъ, на основаніи довѣренности и условія, выданныхъ ему отъ Мартьяновой, половины наслѣдственныхъ правъ... Половину эту Ижболдинъ оцѣнилъ въ 2,000 рублей, которые и получилъ отъ Боревскаго, росписавшись на актѣ, такъ что въ настоящее время гг. повѣренные гражданскихъ истцовъ, хотя и являются повѣренными Ижболдиныхъ и Пѣшехоновой, но въ настоящее время они защищаютъ еще и интересы Самуила Боревскаго, о существованіи котораго едва ли сами знали до настоящаго засѣданія, а которому, между тѣмъ, принадлежитъ неотъемлемое право на большую половину отыскиваемаго ими имущества. Мартьянова, чувствуя себя слабою и близкою къ смерти, передала Ижболдину свои права на веденіе иска по завѣщанію. Завѣщаніе не ею было писано; оно было прислано изъ Петербурга. Изъ присланнаго здѣсь письма мы видимъ, что она просила переслать ей завѣщаніе безъ засвидѣтельствованія нотаріальнаго. Такимъ образомъ этотъ процессъ перешелъ въ совершенно постороннія, чужія руки. Это завѣщаніе имѣетъ характеристическое

въ настоящемъ дѣлѣ значеніе. Въ немъ никакихъ другихъ распоряженій нѣтъ, кромѣ уступки правъ на процессъ Ижболдиной и Пѣшехоновой. Завѣщаніе это представляетъ исключительный характеръ имущественнаго или адвокатскаго договора. Въ немъ помѣщены такія странныя выраженія, какъ, напримѣръ: «актъ сей не подлежитъ никакому спору, никакой отмѣнѣ»; далѣе—отнынѣ искъ долженъ считаться принадлежностью наслѣдниковъ». На все это я обращу ваше вниманіе, гг. присяжные засѣдатели, въ виду замѣчанія, сдѣланнаго г. прокуроромъ во вчерашнемъ засѣданіи, относительно содержанія заподозрѣннаго завѣщанія Бѣляева, что оно представляется крайне, по его мнѣнію, неправдоподобнымъ по своему содержанію, и потому, между прочимъ, что въ немъ говорится лишь о предоставленіи всего состоянія женѣ, безъ подробнаго поименованія имущества завѣщателя, и не дѣлается никакихъ обычныхъ завѣщательныхъ распоряженій. Но вотъ вамъ представляется другое завѣщаніе—завѣщаніе Мартьяновой—и это завѣщаніе, какъ вы видите, даже не носитъ на себѣ и признаковъ поименованія оставляемаго имущества, изъ него не видно, укрѣпляется ли за наслѣдниками процессъ и не дѣлается также никакихъ обычныхъ завѣщательныхъ распоряженій.

А, между тѣмъ, на основаніи этого завѣщанія, продолжается гражданскій искъ и основывается отчасти уголовное обвиненіе. И кто же, гг. присяжные, является передъ вами въ качествѣ гражданскаго истца по настоящему дѣлу? Является передъ вами не братъ, не сестра покойнаго Бѣляева и не сынъ, не племянникъ, не человѣкъ, состоящій въ какой-либо вообще, хотя и отдаленной, степени родства къ умершему, а является совершенно постороній ему человѣкъ, пріобрѣвшій чужую тяжбу въ собственность. Когда пріѣхалъ въ Петербургъ гражданскій истецъ Ижболдинъ, то первымъ повѣреннымъ его сдѣлался чиновникъ Германъ. О чиновникѣ Германѣ вы слышали во время судебнаго слѣдствія; показаніе его было прочитано предъ вами. Германъ называетъ себя доносчикомъ, или доводчикомъ по этому дѣлу. Слѣдовательно, онъ былъ шпіономъ всѣхъ разнообразныхъ обвиненій, взведенныхъ на братьевъ Мясниковыхъ, породившихъ нескончаемые слухи и толки. Что же за человѣкъ былъ Германъ? Какого рода мѣры онъ принималъ для того, чтобы подкрѣпить фактическими данными тѣ обвиненія, которыя онъ взводитъ на Мясниковыхъ? Вы помните

показаніе Исаева. Изъ этого показанія видно, каковы были тѣ средства, къ которымъ прибѣгалъ Германъ. Онъ уговаривалъ Исаева написать и подписать ложный на Мясниковыхъ доносъ. Если это показаніе взять въ связи съ другими подобными, имѣющимися въ этомъ дѣлѣ, то можно будетъ остановиться на соображеніяхъ, которыя укажутъ на тѣ средства, которыми пріобрѣтались — по крайней мѣрѣ Германомъ—фактическія противъ Мясниковыхъ доказательства. Я въ настоящее время не буду останавливаться на такихъ эпизодахъ, каковъ, напримѣръ, въ настоящемъ дѣлѣ допросъ свидѣтеля Шмелева—о немъ уже было довольно говорено—но не могу не обратить вашего вниманія на важность его значенія. Если такъ можно выразиться—онъ былъ послѣднею каплею, заставившею политься ведро, переполненное водою. Онъ, вообще, заставилъ усомниться въ вѣрности свидѣтельскихъ показаній, слышанныхъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ указалъ на тѣ пріемы, къ которымъ прибѣгали гражданскіе истцы при веденіи дѣла. По заключенію прокурора оказалось необходимымъ отбросить цѣлую массу свидѣтельскихъ показаній, имѣющихся въ этомъ дѣлѣ, а, между тѣмъ, эти свидѣтельскія показанія имѣли огромное значеніе при возникновеніи дѣла и при построеніи обвиненія. Вѣдь, гг. присяжные засѣдатели, если бы на многихъ свидѣтелей прежде смотрѣли такъ, какъ смотрятъ на нихъ теперь, то къ чему ихъ было включать въ обвинительный актъ? Я не стану ссылаться на каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, не стану входить въ подробности ихъ показаній, припомню только, какой длинный рядъ ихъ былъ записанъ въ обвинительный актъ, и какъ невелико теперь число тѣхъ, на которыхъ считаетъ возможнымъ ссылаться г. прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи.

Я остановлюсь теперь на разборѣ духовнаго завѣщанія, оставленнаго Бѣляевымъ и заподозрѣннаго въ подложности. Къ тому, что было сказано по этому поводу моимъ товарищемъ по защитѣ, г. Арсеньевымъ, мнѣ приходится прибавить немного. Прежде всего я возражу на заявленіе одного изъ повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ относительно внѣшняго осмотра этого акта. Повѣренный гражданскаго истца указывалъ на краткость содержанія завѣщанія, на заглавіе и на подпись его и, наконецъ, на отсутствіе разныхъ завѣщательныхъ распоряженій, считая почему-то послѣднія необходимыми для признанія подлинности всякаго духовна-

го завѣщанія. Относительно подписи обращали ваше вниманіе на то, что это духовное завѣщаніе подписано просто именемъ и фамиліей завѣщателя, и изъ этого выводятъ заключеніе о сомнительности акта. Сомнѣніе тутъ вытекаетъ изъ того, что будто бы во всѣхъ подписяхъ Бѣляева на дѣловыхъ бумагахъ прописаны полное званіе, имя, отчество и фамилія его, и что, слѣдовательно, отсутствіе званія и отчества въ такихъ важныхъ документахъ, какъ завѣщаніе, даетъ поводъ подозрѣвать, что подпись эта сдѣлана не Бѣляевымъ. Но вы, конечно, примете въ соображеніе то обстоятельство, на которое я указывалъ во время судебнаго слѣдствія, и вспомните тѣ черты характера Бѣляева, на которыя указываютъ и обвинительная власть, и повѣренные гражданскихъ истцовъ, а именно: аккуратность и привязанность его къ извѣстнымъ привычкамъ. Дѣйствительно, Бѣляевъ въ большей части дѣловыхъ бумагъ прописывалъ сполна свое званіе, имя отчество и фамилію, но тѣ бумаги, которыя начинались словами: «я нижеподписавшійся фридрахсгамскій первостатейный купецъ Козьма Васильевъ Бѣляевъ», подписывалъ онъ просто Козьма Бѣляевъ. Такъ начинается и духовное завѣщаніе, такъ оно и подписано, и, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ нельзя въ краткости этой подписи видѣть признакъ неподлинности акта. Что касается до содержанія этого духовнаго завѣщанія, то въ этомъ отношеніи, между прочимъ, указываютъ, какъ на признакъ для сомнѣнія, на совершенное отсутствіе въ немъ распоряженій въ пользу церквей, отсутствіе выдачъ благотворительныхъ. Говорятъ, что Бѣляевъ былъ человѣкъ благодушный, что онъ радѣлъ для церкви, и что, умирая, не могъ не подумать о томъ, чтобы оставить что-либо въ пользу церквей и бѣдныхъ для поминовенія души. Такого рода признакъ нельзя не принять за слабый. Я припоминаю одно дѣло, въ которомъ духовное завѣщаніе оспаривалось на томъ именно основаніи, что въ немъ слишкомъ много дѣлалось распоряженій въ пользу церквей и богоугодныхъ заведеній. Тогда обвиненіе говорило: «смотрите, слишкомъ много тутъ завѣщано въ пользу церквей, въ пользу богоугодныхъ заведеній: это изобличаетъ подложность завѣщанія». Итакъ, признакъ этотъ можно толковать и въ ту, и въ другую сторону, и всегда онъ останется предположеніемъ, лишеннымъ серьознаго значенія. Другое обстоятельство, на которое указываетъ обвиненіе, заключается въ томъ,

что будто бы тѣ лица, которыя должны были получить отъ Бѣляева наслѣдство, ничего не получили. Но затѣмъ, когда обвиненіе указываетъ на факты, очевиднымъ дѣлается, что кромѣ тѣхъ, которымъ по его завѣщанію оставлено наслѣдство, некому было и оставлять. Кто же былъ изъ живущихъ въ домѣ Бѣляева близокъ къ нему? Жена, Ремянникова, Шмелевъ, женатый на его воспитанницѣ. Всѣ они получили по завѣщанію. Намъ указываютъ на бѣдныхъ родственниковъ Бѣляева и говорятъ, что они ничего не получили; но кто же были эти бѣдные родственники? ихъ имени не встрѣчается въ дѣлѣ. Одни были родственники мать и сынъ; но отношенія ихъ къ Бѣляеву при жизни его уже извѣстны. Въ сущности все сводится къ одному родственнику—Аѳанасію Бѣляеву, про котораго одинъ изъ свидѣтелей выразился, что онъ ходилъ безъ сапоговъ. Но ходилъ безъ сапоговъ онъ, можетъ быть, и при жизни Бѣляева. Почему непремѣнно онъ долженъ былъ получить наслѣдство? Развѣ видно изъ дѣла какое бы то ни было указаніе на то, что этотъ родственникъ покойнаго Бѣляева пользовался со стороны покойнаго при жизни его особеннымъ расположеніемъ? Онъ, я думаю, у Бѣляева дѣлалъ то же самое, что дѣлаетъ давно у Мясниковыхъ: жилъ въ конторѣ и занимался перепискою бумагъ. Затѣмъ, приводятся другія доказательства подложности завѣщанія. Указываютъ вамъ, по крайней мѣрѣ со стороны повѣренныхъ гражданскаго истца, на показаніе Махаевой, которой, если вѣрить словамъ ея, самъ докторъ Отто говорилъ о томъ, что духовнаго завѣщанія Бѣляевымъ не оставлено. Но это показаніе не оправдываетъ вѣроятія, потому что оно опровергается тѣмъ же свидѣтельствомъ доктора Отто, даннымъ имъ бывшему судебному слѣдователю Ермолинскому. Вы помните такое показаніе, которое далъ по этому поводу г. Ермолинскій. Что касается разсказа объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ похоронный обѣдъ, то, въ виду отказа обвиненія изъ всѣхъ относящихся къ этому предмету свидѣтельскихъ показаній, я упомяну лишь о показаніи Красильникова. Онъ передалъ, что будто бы слышалъ отъ Воронина на похоронномъ обѣдѣ, что Бѣляева говорила ему о томъ, что завѣщанія не осталось. Но вы слышали показаніе Ненюкова: Ненюковъ объяснилъ, что на похоронномъ обѣдѣ онъ спрашивалъ у Воронина о духовномъ завѣщаніи, и тотъ отвѣчалъ, что ему ничего про завѣщаніе не извѣстно. Въ ряду другихъ доказа-

тельствъ указываетъ г. прокуроръ, какъ на улику, между прочимъ, еще на довѣренность, выданную Бѣляевою А. Мясникову, найденную будто бы въ бумагахъ Бѣляева, которая изобличаетъ, по словамъ обвиненія, Бѣляеву и А. Мясникова, такъ какъ въ этой довѣренности, выданной тотчасъ послѣ смерти мужа на управленіе всѣми ея дѣлами, не упоминается о духовномъ завѣщаніи. Я не вижу, что обвиненіе могло бы почерпнуть для себя въ этомъ документѣ. Бумаги эти вовсе и не довѣренность: это черновой проектъ, неизвѣстно кѣмъ писанный, не подписанный и не засвидѣтельствованный. Бѣляева отозвалась, что не помнитъ, кѣмъ, къ чему и когда проектъ былъ составленъ. Наконецъ, однимъ изъ сильныхъ доказательствъ виновности Мясниковыхъ была приведена экспертиза. На сколько экспертиза можетъ имѣть значеніе въ дѣлахъ сличенія почерковъ, объ этомъ довольно было высказано защитникомъ А. Мясникова. Я съ своей стороны опять-таки обращу лишь ваше вниманіе на то, что по этому дѣлу произведены четыре экспертизы, и что всѣ онѣ противорѣчатъ одна другой. Первая экспертиза была совершенно въ пользу подлинности духовнаго завѣщанія; вторая высказала сомнѣніе противъ его подлинности; третья склонялась въ пользу подлинности завѣщанія, что и послужило основаніемъ къ отказу въ искѣ Ижболдинымъ въ Окружномъ Судѣ и признанію подлинности завѣщанія въ порядкѣ гражданскомъ, и, наконецъ, четвертая состоялась совершенно противъ подсудимыхъ. И вотъ здѣсь, передъ вами, произошла пятая экспертиза, въ которой хотя и высказалось мнѣніе о сомнительности завѣщанія, но въ которой далеко нѣтъ полнаго и прямаго указанія на подложность его. Вспомните только, какъ раздѣлились голоса экспертовъ, когда имъ были предлагаемы вопросы со стороны защиты. Въ сущности каждый изъ нихъ высказывалъ то же, что на предварительномъ слѣдствіи и въ судѣ гражданскомъ. Вспомните мнѣніе эксперта Иванова, который совершенно такъ, какъ и въ гражданскомъ судѣ, подтвердилъ о сходствѣ многихъ буквъ на оспариваемомъ завѣщаніи и о несходствѣ нѣкоторыхъ, причемъ указалъ на то, что и въ несомнѣнныхъ подписяхъ Бѣляева замѣчается между нѣкоторыми буквами несходство. Прежде много также указывали и толковали объ уликахъ, основанныхъ на самомъ почеркѣ Бѣляева, на манерѣ его подписываться, на росчеркѣ или на манерѣ писать букву ъ, и на обычаѣ ставить

точку послѣ подписи; но всѣ эти улики нашли себѣ опроверженіе во время судебнаго слѣдствія, и о нихъ уже теперь не упоминаютъ. Обвиненіе также находитъ поводъ къ сомнѣнію въ различіи, въ цвѣтѣ чернилъ, которыми было писано завѣщаніе и которыми были затѣмъ дѣлаемы подписи завѣщателя и свидѣтелей. Но вы согласитесь со мною, гг. присяжные засѣдатели, въ томъ, что различіе въ цвѣтѣ чернилъ есть вещь до такой степени условная, что основывать на немъ положительный выводъ совершенно невозможно. Разныя чернильницы, разныя перья, большая или меньшая твердость почерка придаютъ чернилamъ различіе въ цвѣтѣ. Вотъ почему изъ этого обстоятельства нельзя выводить какого бы то ни было заключенія въ пользу одновременности или разновременности подписи.

Въ ряду главныхъ доказательствъ въ подлинности духовнаго завѣщанія Бѣляева, первое мѣсто занимаютъ свидѣтельскія подписи, имѣющіяся на немъ. Защита обращаетъ вниманіе ваше на самый способъ выраженій, приведенныхъ въ свидѣтельскихъ подписяхъ, удостовѣряющихъ подлинность завѣщанія. Въ этихъ подписяхъ свидѣтели не только удостовѣряютъ насъ, какъ пишется обыкновенно въ завѣщаніяхъ, такъ, напримѣръ, и въ завѣщаніи Мартьяновой, что подпись завѣщателя подлинная, что онъ былъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти, но они удостовѣряютъ, что завѣщатель имъ лично предъявилъ завѣщаніе для подписанія. Говорить и предполагать, что люди ничѣмъ не опороченные, честность которыхъ ничѣмъ не заподозрѣна, ради дружбы и одолженія подписали подъ бумагой, серьознаго значенія которой они не могли не сознавать, явную ложь, разумѣется, представляется невозможнымъ. Мнѣ кажется, гг. присяжные засѣдатели, что кромѣ этихъ осязательныхъ, такъ сказать, доказательствъ въ пользу того, что завѣщаніе это подлинно, что свидѣтели подписались при жизни и по просьбѣ Бѣляева, служитъ еще и соображеніе о томъ, что составляетъ собственно преступность въ подписаніи подложнаго завѣщанія. Эта преступность заключается въ извращеніи воли умершаго человѣка. Человѣкъ трудится, работаетъ, старается въ пользу любимаго имъ человѣка; ему пріятно знать, что жизнь его не пройдетъ безслѣдно, что, оставивъ послѣ себя состояніе, онъ обезпечитъ близкихъ его сердцу. Слѣдовательно, тотъ, кто совершаетъ подложное духовное завѣщаніе, совершаетъ, разумѣется,

преступленіе страшное: онъ обманываетъ волю умершаго лица, крадетъ у того, кто не можетъ ему сопротивляться, отнимаетъ состояніе у тѣхъ, для кого умершій трудился, кого онъ любилъ. Во всякомъ спорѣ о духовномъ завѣщаніи существуетъ важный вопросъ—приведеніе въ ясность воли умершаго лица, такъ какъ она считается нарушенною преступленіемъ.

Какія же были отношенія Бѣляева къ женѣ? хотѣлъ ли онъ оставить ей состояніе? Кажется, мы не имѣемъ сомнѣній относительно той любви, которую питалъ къ женѣ покойный Бѣляевъ, и того желанія, которое онъ не разъ выражалъ, чтобы состояніе его наслѣдовала жена его. Мы имѣемъ свидѣтельство Ивановой о томъ, что Бѣляевъ говорилъ при ней, по поводу смерти первой жены Громова безъ завѣщанія, что онъ оставитъ состояніе женѣ. Въ этомъ же смыслѣ показывала и Сицилинская.

Это состояніе доказывается и тѣмъ показаніемъ, которое дала передъ вами свидѣтельница Ремянникова. Не показала ли она, что когда отыскали завѣщаніе ея покойнаго брата, то она въ высказанной въ этомъ завѣщаніи волѣ признала священную для нея волю умершаго брата, противъ которой она никогда не посмѣла бы спорить, такъ какъ она знаетъ, что братъ ея только и могъ оставить свое имѣніе любимой имъ женѣ, Екатеринѣ Васильевнѣ. Припомните, гг. присяжные засѣдатели, что Ремянникова—единственная наслѣдница покойнаго Бѣляева, что она—сестра покойнаго, единственное лицо, могущее страдать въ данномъ случаѣ отъ преступленія, если преступленіе было совершено, а между тѣмъ она является первою защитницею подлинности заподозрѣннаго духовнаго завѣщанія.

Въ концѣ концовъ г. прокуроръ обратился къ вамъ съ слѣдующимъ заявленіемъ. Онъ говорилъ вамъ: «въ такихъ дѣлахъ, какъ настоящее, нужно черпать изъ резервуара народной мудрости», и при этомъ привелъ обычай, который почему-то, по мнѣнію его, существуетъ у насъ въ купеческомъ сословіи относительно боязни смерти и относительно того, что вслѣдствіе этой боязни въ купеческомъ быту не охотно составляется завѣщаніе. Мнѣ кажется, что это замѣчаніе г. прокурора неправильно: малодушіе, страхъ смерти не въ характерѣ русскаго народа. Мнѣ кажется, что нѣтъ людей, которые бы относились болѣе равнодушно къ смерти, какъ люди русскіе, и если г. прокуроръ ссы-

лается на литературу, то едва ли укажетъ онъ въ ней подтвержденіе своему мнѣнію. Наконецъ, тѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о характерѣ Бѣляева, какъ о серьезномъ, дѣловомъ человѣкѣ, не допускаютъ предположенія, чтобы онъ могъ задаваться столь малодушною мыслію, что если составитъ завѣщаніе, то это послужитъ къ ускоренію его смерти. Что касается разсужденія прокурора о томъ, что Бѣляевъ, умирая, не предупреждаетъ жену объ опасности, которой она подвергается, принимая его наслѣдство, заплатить и всѣ его долги, то, по мнѣнію моему, эти разсужденія не могутъ имѣть значенія. Во всякомъ случаѣ, Бѣляевъ зналъ, что Бѣляевой придется платить изъ остающагося наслѣдственнаго имущества, цѣнность котораго превышала цифру обременительнаго его долга.

Это обстоятельство заставляетъ меня вспомнить о вопросѣ, предложенномъ Бѣляевой однимъ изъ повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ. Вопросъ этотъ былъ предложенъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: считали ли вы себя нравственно обязанной уплатить Мясниковымъ по сохранной росписки, которую они вамъ предъявили? Она отвѣтила: «да», и мнѣ кажется, что она отвѣтила не въ томъ смыслѣ, въ какомъ это понимаетъ повѣренный гражданскаго истца. Мнѣ кажется, что не только женщинѣ, но вообще для всякаго, не знакомаго съ юридическими тонкостями, не возможно постигнуть того различія, которое, къ сожалѣнію, можетъ быть допущено между нравственно и юридически обязательнымъ документомъ. Очевидно, г-жа Бѣляева поняла только одно, что есть долгъ ея мужа, долгъ ей извѣстный, который она и обязана заплатить, будетъ ли къ ней предъявлено взысканіе судебнымъ или не судебнымъ порядкомъ. Во всякомъ случаѣ, она считаетъ себя обязанною заплатить долги мужа. Повѣренный гражданскихъ истцовъ заявилъ, что въ готовности уплатить долгъ видно со стороны ея какое-то особенное благодушіе, которое не возможно предположить не только въ ней, но и въ каждомъ вообще человѣкѣ. Я не могу согласиться съ подобнымъ заключеніемъ. Неужели повѣренный гражданскихъ истцовъ отрицаетъ даже существованіе возможности, чтобы кто-либо могъ заплатить долги за своего умершаго родственника или мужа единственно на основаніи нравственной обязанности? Встрѣчаются люди, которымъ память умершаго мужа или родственника настолько близка къ сердцу, что они платятъ долги покойнаго по

чувству нравственнаго долга, ради памяти умершаго. Въ данномъ случаѣ нечего было и думать особенно: состоянія осталось достаточно, чтобы можно было уплатить долги безъ приплаты съ своей стороны. Намъ указываютъ на споры, происшедшіе между Мясниковыми и Бѣляевой, относительно уплаты сохранной росписки. Но припомните, гг. присяжные засѣдатели, когда возникли эти споры, 6 или 7 лѣтъ спустя послѣ смерти Бѣляева и, какъ вы слышали, причиною ихъ были разсчеты, не покончепные между Мясниковыми и Бѣляевой, по которымъ производились уплаты. Впослѣдствіе споры эти были прекращены мировою сдѣлкою. Между уплатою долга по сохранной роспискѣ и духовнымъ завѣщаніемъ Бѣляева нѣтъ никакой связи.

Гг. присяжные засѣдатели! Вы вчера слышали изъ устъ г. прокурора печальный разсказъ, который не могъ не произвести на васъ глубокаго впечатлѣнія. Разсказъ этотъ шелъ о подсудимомъ Карагановѣ. Передъ вами г. прокуроромъ была нарисована личность человѣка, всю жизнь котораго убиваетъ одно безконечное горе. Горе это, по мнѣнію обвиненія, породилось и питалось совершеннымъ имъ однажды преступленіемъ, горе это, какъ вы слышали, преслѣдуетъ его цѣлую жизнь, доводитъ его до пагубной страсти, до пьянства, и, наконецъ, до умопомѣшательства. Я, разумѣется, ничего не имѣлъ бы возразить противъ разсказа г. прокурора, еслибы мотивы этого разсказа не были связаны съ обвиненіемъ, которое падаетъ въ равной степени на подсудимыхъ Мясниковыхъ. Обвиненіе это было высказано, мнѣ кажется, хотя и не прямо, но тѣмъ не менѣе въ такой прозрачной формѣ, что для меня, по крайней мѣрѣ, вполнѣ ясно, что здѣсь идетъ рѣчь объ опаиваніи Караганова, которое ставится въ вину подсудимымъ Мясниковымъ, систематически доведшимъ его до нынѣшняго состоянія. Вотъ противъ этого-то обвиненія я и возстаю всѣми силами души моей. Уже во всякомъ случаѣ я не думаю, чтобы это обвиненіе хоть сколько-нибудь могло касаться И. К. Мясникова, такъ какъ достаточно вспомнить, что тѣ событія, на которыя указывалъ г. прокуроръ, относятся къ 1868 г., къ тому времени, когда Иванъ Константиновичъ Мясниковъ, уже 5 лѣтъ больной, не выходилъ изъ дому. Но промѣ того, поэтически, въ высшей степени увлекательно изложенная передъ вами повѣсть

страдаетъ еще тѣмъ недостаткомъ, что изъ нея выпущены многія обстоятельства жизни Караганова, которыя точно также могутъ быть причиною его настоящаго положенія, существованіе этихъ обстоятельствъ можетъ лишить обвинительную власть права взваливать вину за настоящее умственное состояніе Караганова на гг. Мясниковыхъ. Съ Карагановымъ въ жизни были несчастія, которыя могли на него произвести гнетущее, нравственно мучительное впечатлѣніе. За примѣромъ не далеко ходить. Вы мелькомъ видѣли жену его, которая отказалась отъ дачи показанія. Вы не видѣли передъ собою ни выраженія горя, ни печали на лицѣ этой женщины. Показанія вы ея не слыхали, она отъ него отказалась; но въ дѣлѣ встрѣчается нѣсколько указаній, по которымъ вы могли судить о свойствѣ отношеній между нею и мужемъ. Для характеристики этихъ отношеній нужно ли еще указывать на письма, имѣющіяся въ дѣлѣ, которыя единственно содержатъ просьбы о высылкѣ денегъ? Письма грубыя, рѣзкія. Нужно ли указывать вамъ на показаніе Жукова о томъ, что Карагановъ долгое время не жилъ съ женою и на показанія другихъ лицъ, свидѣтельствующихъ о томъ же, чтобы придти къ заключенію, что именно въ этихъ обстоятельствахъ нужно искать причины горя и нравственнаго паденія Караганова. Несчастная семейная жизнь при тѣхъ душевныхъ качествахъ, при той добротѣ, честности, сердечности, которыя признаются за Карагановымъ, могли, конечно, привести его къ той мрачной задумчивости, къ пьянству, самозабвенія ради, къ горькому запою, невыносимой хандрѣ и умопомѣшательству. Обвинительная власть говорила вамъ, что Караганову водка отпускалась даромъ; но вы знаете, что кромѣ Караганова всѣ служившіе на заводѣ получали сверхъ жалованья извѣстное количество водки. Такъ было при старыхъ откупахъ и нынѣ такъ водится на заводахъ. Я не вижу также, чтобы за Карагановымъ былъ устроенъ тотъ надзоръ, о которомъ говоритъ обвинительная власть. Если преступленіе, о которомъ идетъ въ настоящее время рѣчь, совершилось, то оно совершилось въ 1857 г.; въ теченіе времени отъ 1857 года Карагановъ служилъ у разныхъ лицъ, велъ и самостоятельную торговлю, совершалъ далекія странствованія по всей Россіи и въ продолженіе всего этого времени развѣ Карагановъ не былъ въ своихъ дѣйствіяхъ свободенъ, развѣ за нимъ было учреждено наблюденіе? Наконецъ,

въ той самой перепискѣ съ Александромъ Мясниковымъ, изъ которой прокуроръ заключаетъ о караулѣ, учрежденномъ надъ Карагановымъ, вы получаете другія, драгоцѣнныя для защиты свѣдѣнія. Какое мѣсто занималъ Карагановъ на заводѣ? Весьма незначительное, судя по долгой службѣ, проведенной у Мясниковыхъ. Гдѣ тѣ деньги, которыми покупалось его молчаніе? 1,000 р. въ годъ жалованья? Изъ писемъ, изъ росписокъ видно, что одна треть ихъ шла женѣ, другая отцу Что оставалось Караганову? Вспомните содержаніе писемъ, отобранныхъ у Кошелькова, и вы увидите, что рѣчь въ нихъ идетъ о дѣлахъ, о разсчетахъ, затѣмъ иногда кстати скользнетъ слово и о Карагановѣ, да и то объ немъ очень рѣдко Нужно имѣть въ виду, какимъ образомъ письма, изъ которыхъ мы беремъ эти свѣдѣнія, пріобщились къ дѣлу? Письма вѣдь выбраны изъ цѣлыхъ массъ и тюковъ писемъ и бумагъ, взятыхъ на обыскахъ у Кошелькова, отца Караганова и подсудимыхъ. Выбравъ изъ этой массы писемъ и бумагъ то, что нужно было для развитія обвинительной мысли, обвинительная власть легко могла создать какой то надзоръ за Карагановымъ, котораго на самомъ дѣлѣ никогда не было. Гг. присяжные засѣдатели, если я старался на судебномъ слѣдствіи выяснить передъ вами личность Кононова, то я поступалъ не безъ намѣренія. Мнѣ кажется весьма важнымъ уже одинъ тотъ фактъ, что пріѣзжаетъ никому невѣдомый приказчикъ въ село Подгорное, который знакомится сразу съ Карагановымъ, находится съ нимъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, проводитъ время по трактирамъ и кабакамъ и затѣмъ ведетъ тотъ непосредственный разговоръ, о которомъ вы слышали изъ показаній Киселева и Купаковскаго, и что такой-то важный свидѣтель вдругъ исчезаетъ, что его не вызываютъ на судъ, когда онъ знаетъ начало и конецъ разговора, а вызываютъ только тѣхъ, которые случайно слышали часть этого разговора, 2—3 слова, заключающія въ себѣ сознаніе Караганова. Мнѣ кажется гг. присяжные, что если бы была какая-нибудь возможность найти Кононова, то онъ, конечно, былъ бы найденъ со стороны судебной, или слѣдственной власти Изъ показаній Ашкарина и Жукова вы видѣли, что полтора мѣсяца, человѣкъ, который былъ, быть можетъ, агентомъ Сыскной Полиціи, совершенно свободно сходится съ Карагановымъ въ самыя пріятельскія отношенія, что никто не обращаетъ вниманія на ихъ разговоры. Мнѣ кажется, что это было бы немыслимо

по отношенію къ человѣку, надъ которымъ учрежденъ непосредственный спеціальный надзоръ, о дѣйствіяхъ котораго должно доноситься по начальству. Я не касаюсь дѣйствій Сыскной Полиціи, не имѣю даже права заключать, что она была здѣсь; но допустивъ то предположеніе, которое высказано г. прокуроромъ, я, съ своей стороны, не могу не придти къ тому заключенію, что если было здѣсь спаиваніе, то было систематическое спаиваніе со стороны Кононова и что самое сознаніе Карагановъ, повторенное здѣсь свидѣтелями, было сознаніемъ пьянаго человѣка. Правда, это подтверждено имъ и здѣсь на судѣ, но по этому поводу я прошу васъ припомнить справедливыя указанія защитника А. Мясникова, на то, какъ часто въ разстроенномъ организмѣ человѣка, мысль, забрасываемая въ его голову извнѣ и повторяемая въ теченіе цѣлыхъ годовъ, дѣлается какъ-бы его собственною мыслью. Относительно состоянія умственныхъ способностей Караганова вы слышали заключеніе только одного эксперта психіатра, который, какъ вы знаете, давалъ свои объясненія не на основаніи личныхъ наблюденій а на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ ему другимъ полицейскимъ врачемъ. Защита, какъ вы знаете, просила въ ущербъ себѣ, о произведеніи болѣе полной, основательной экспертизы, но просьба ея не была удовлетворена; слѣдовательно, у васъ во всякомъ случаѣ должно остаться значительное сомнѣніе въ умственномъ состояніи Караганова. Затѣмъ, въ заключительной части своей рѣчи, обвиненіе, касаясь отвѣтственности каждаго изъ подсудимыхъ, перешло къ распредѣленію ихъ ролей въ настоящемъ дѣлѣ и здѣсь и долженъ, выйдя изъ общей части моей рѣчи, обратиться къ вопросу объ участіи И. Мясникова, которому спеціально и долженъ посвятить свою защиту. Кліентъ мой обвиняется въ пособничествѣ. Я васъ прошу, гг. присяжные, припомнить тѣ законы, которые прочту и которые относятся къ опредѣленію попустительства. Попустителемъ называется тотъ, кто, имѣя власть или возможность предупредить преступленіе, съ намѣреніемъ или по крайней мѣрѣ завѣдомо допустилъ содѣяніе онаго. Слѣдовательно, попустителемъ признается тотъ, кто не принимаетъ ровно никакого участія въ самомъ преступленіи, но кому оно извѣстно ранѣе его совершенія. Г. прокуроръ допустилъ облегченіе, такъ сказать, въ обвиненіи Ив. Мясникова—облегченіе, за которое я, равно и его кліента, очень благодаренъ обвинительной власти. Облегченіе это

заключается въ томъ, что обвиненіе отнимаетъ въ виновности мо. его кл'ента всякую корыстную сторопу. Г. прокуроръ, допустивъ, что Иванъ Мясниковъ воспользовался хоть малою долею плодовъ преступленія, разумѣется, формулировалъ бы свое обвиненіе иначе. Въ настоящее время г. прокуроръ обвиняетъ Ивана Мясникова въ томъ, что онъ не имѣлъ достаточно нравственной силы, достаточно гражданскаго мужества, чтобы остановить руку преступника, и не дать совершиться преступному дѣян'ю. Но какъ бы ни формулировалось обвиненіе Ивана Мясникова, обвиненіе это будетъ все-таки связано съ преступленіемъ, которое не могло совершиться и совершено не было. И вотъ почему, возвращаясь снова къ общей защитѣ, я говорю, что въ данномъ случаѣ преступленіе не могло быть совершено на томъ еще основаніи, что оно не могло принести обвиняемымъ никакой выгоды. Объ этомъ я считаю долгомъ говорить потому, что и обвинительная власть и гражданскіе истцы, основываясь на извѣстномъ правилѣ римскихъ юристовъ, доказывали передъ вами, что преступленіе совершено Мясниковыми потому, что принесло имъ выгоду. Если вы, гг. присяжные засѣдатели, преодолѣвъ понятное утомлен'е, хотя бы изъ чувства справедливаго состраданія внимали тѣмъ доказательствамъ, основаннымъ на сложныхъ разсчетахъ и вычисленіяхъ, на которыя указывала вамъ защита, то нѣтъ сомнѣнія, вы убѣдились въ справедливости доводовъ нашихъ; противъ нихъ можетъ быть будутъ спорить обвиненіе и повѣренные гражданскихъ исковъ, но они не будутъ спорить противъ вѣрности тѣхъ документовъ, на которые ссылалась защита. Если же, повторяю я, вы внимательно слѣдили за разсчетами, то придете къ несомнѣнному убѣжденію въ отсутствіи выгодъ отъ преступленія для Мясниковыхъ. Вы придете къ тому убѣжденію, что обвиненіе находится въ безвыходномъ, безотрадномъ положеніи. Все дѣло это миражъ. Породили его милліоны въ туманѣ, къ которымъ стремились ходатаи-аргонавты. Взгляните внимательно на всѣ эти сцѣпленія самыхъ невозможныхъ обстоятельствъ, на эту путаницу соображеній. Развѣ все это можетъ считаться серьознымъ? Состояніе Бѣляева было не такое, чтобъ желаніе воспользоваться имъ могло подвинуть Мясниковыхъ на преступленіе. Обвинительная власть это сознаетъ, допуская другую причину преступленія. Дѣла Бѣляева были будто бы такъ тѣсно связаны съ Мясниковыми,

что посторонніе наслѣдники, явившись, могли захватить съ состояніемъ Бѣляева и имущество Мясниковыхъ, заставивъ послѣднихъ понести громадные убытки. Но это предположеніе невѣрно. Умираетъ Бѣляевъ, управляющій Мясниковыхъ, милліонеровъ, капиталы которыхъ постоянно служили средствомъ, основаніемъ для его предпріятій, а слѣдовательно и доходовъ. Кто же остаются его наслѣдниками? Вдова его. Съ нею Мясниковы въ прекрасныхъ отношеніяхъ, въ такихъ прекрасныхъ отношеніяхъ, которыя могутъ заставить ее принимать непосредственное участіе въ составленіи подложнаго завѣщанія; обвиненіе, направленное противъ нея, вслѣдствіе давности или вслѣдствіе какой-либо другой причины, прекращено. Другая наслѣдница, Ремянникова, сестра покойнаго, единственная законная наслѣдница. Она получаетъ по завѣщанію 4,000 рублей. Что же, подкуплена она этими 4,000 рублей, или хорошія ея отношенія къ Мясниковымъ заставляютъ ее отказаться отъ наслѣдства? Отчего она молчитъ? Вѣдь если Бѣляева, по закону, должна была наслѣдовать отъ покойнаго мужа четвертую часть, то все остальное наслѣдство должна была получить Ремянникова. Итакъ, Мясниковы, Бѣляева, Ремянникова—лица, находящіяся въ дружественныхъ отношеніяхъ. Ремянникова имѣла право на половину, Бѣляева на 4 и 7-ю часть наслѣдства, остальное только могло принадлежать Мартьяновой. Но что она могла сдѣлать противъ своихъ сонаслѣдниковъ, стоящихъ за одно съ Мясниковымъ? Всѣ бы ея требованія опровергнись ея же сонаслѣдниками. Къ чему же былъ нуженъ подлогъ, когда Мартьянова являлась вполнѣ безсильнымъ противникомъ. Гг. присяжные засѣдатели, вы согласитесь со мною, что предложеніе обвиненія въ этомъ случаѣ вполнѣ нелогично. Нельзя предположить, чтобы Мясниковы, чтобы Бѣляева, чтобы Ремянникова соединились ради тѣхъ интересовъ, которые вы видите въ этомъ дѣлѣ; нельзя преположить, чтобы ради этихъ интересовъ предпринялось бы исполненіе этого хитросплетеннаго плана, съ этимъ раздѣленіемъ труда, о которомъ говорилъ повѣренный гражданскихъ истцовъ, и которое ему дало поводъ привести здѣсь изреченія разныхъ французскихъ министерствъ и государственныхъ людей.

Я покончилъ, гг. присяжные засѣдатели, съ разсмотрѣніемъ всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ дѣла, которыхъ не касался мой товарищъ по защитѣ. Всѣ эти мелкія обстоятельства, розсказни и слу-

хи разрастись и расползлись, какъ гибкія ползучія растенія, въ чащу непроходимую, и въ ней запуталась истина. Правосудіе въ этомъ дѣлѣ введено въ заблужденіе. Этому содѣйствовали многія причины. Правосудіе, конечно, преслѣдуетъ цѣли божественныя, но отправляется оно людьми и средствами обыденными, людскими. Если математическій инструментъ можетъ быть только точенъ до нѣкоторой степени, если физическіе инструменты подлежатъ порчѣ, то какъ же не портиться тому инструменту, который служитъ главнымъ средствомъ къ изслѣдованію истины въ судебномъ дѣлѣ? Я говорю о человѣческой памяти. Приходилось возстановлять истину черезъ 14 черезъ 15 лѣтъ. Не было ли это задачей, превышавшей человѣческія средства и силы? Гг. присяжные засѣдатели, обратите свои взоры назадъ, за 15 лѣтъ. Въ нашей скоротечной русской жизни 15 лѣтъ—то же полстолѣтіе. Взгляните на перемѣны, совершившіяся вокругъ васъ, въ нашемъ отечествѣ, за это время. Сколько учрежденій, казавшихся крѣпкими, уже рушились и почти забыты! Взгляните на самихъ себя: памятны вамъ могутъ быть только дни великаго горя и радости; но развѣ вы можете живо и полно представить себѣ все то, что происходило около и вокругъ васъ въ ту пору? Представьте себѣ, что васъ черезъ 15 лѣтъ спросятъ объ обѣдѣ, на которомъ вы присутствовали въ какомъ нибудь мѣстѣ, въ кругу своихъ знакомыхъ, и вы будете обязаны отдать отчетъ о происходившемъ разговорѣ, о томъ, кто за обѣдомъ сидѣлъ, кто былъ возлѣ васъ, кто напротивъ? Возможно ли, чтобы вы вспомнили, куда вы въ ноябрѣ 1858 года положили бумагу, быть можетъ и очень важную, на столъ ли у васъ въ кабинетѣ, или въ ящикъ стола, и въ какой именно? Представьте вы себѣ, что объ этомъ обстоятельствѣ васъ будутъ спрашивать не въ дружескомъ разговорѣ, но подъ присягою, подъ напоминаніемъ той отвѣтственности, которой вы можете подлежать за лжесвидѣтельство, подъ перекрестнымъ допросомъ, причемъ дѣло, о которомъ васъ допрашиваютъ, близко касается вашихъ интересовъ, и тогда представьте себѣ ваше нравственное настроеніе, и вы поймете то положеніе, въ которомъ находилась при допросѣ свидѣтельница Бѣляева. Припомните, что Бѣляевой въ настоящее время 64 года; припомните, что ее допрашивали отъ четверти перваго до четверти пятаго, и согласитесь съ тѣмъ, что нужно имѣть же-

лѣзные нервы, чтобы при такомъ допросѣ отвѣчать настолько ясно, положительно и твердо, чтобы отстранить всякій поводъ къ подозрѣнію въ неискренности. Имѣйте также въ виду что это дѣло началось при другихъ условіяхъ жизни; оно досталось въ наслѣдство судебной реформѣ. Это имѣетъ значеніе. Мы русскіе, мало дорожимъ своимъ прошедшимъ; на сколько справедливо это чувство—другой вопросъ, но я заявляю лишь фактъ. Мы охотно вѣримъ всему дурному, если оно относится къ прошлому, и вотъ, справедливо или несправедливо, достаточно, чтобы это дѣло хоть сколько нибудь близко касалось старыхъ судовъ, чтобы тотчасъ явился подозрѣніе въ подкупахъ и всякихъ злоупотребленіяхъ. Если же мы всматриваемся въ ходъ настоящаго дѣла, то мы видимъ, что если и есть указаніе на покупы, то уже никакъ не со стороны братьевъ Мясниковыхъ; напротивъ, мы видимъ, что въ этомъ дѣлѣ участвовало столько лицъ изъ числа аргонавтовъ, молчаніе которыхъ нѣсколькими тысячами давно могло быть куплено подсудимыми, но они не были дѣлаемы и попытки къ тому. Не подъ вліяніемъ ли вражды къ старому времени почувствовалась потребность явить примѣръ въ противность прошлымъ нравамъ? Богатство прежде, можетъ быть, избѣгало належащаго Суда — мы назовемъ богатство. Люди сильные избѣгали наказанія за совершенное ими преступленіе — мы покажемъ, что люди сильные не избѣгнутъ болѣе наказанія. И вотъ является дѣло безъ образа, безъ вида, поставленное кое-какъ на подпорки, дѣло похожее на мѣдный колоссъ съ глиняными ногами; немудрено, если онъ рухнетъ.

Такъ судите же того несчастнаго страдальца, защиту котораго я спеціально принялъ на себя. Онъ цѣлый годъ ждетъ вашего суда, какъ великаго праздника: вы одни можете разрѣшить тѣ узы, которыя такъ давно положены на него. Но защита моя не была бы полна, если бы я не коснулся еще разъ вопроса о подлинности духовнаго завѣщанія. Вспомните, что разрѣшивъ этотъ вопросъ, вы судите другихъ людей, людей здѣсь передъ вами не выслушанныхъ, въ Судѣ невидѣнныхъ. Быть можетъ только здѣсь, на судебномъ слѣдствіи, впервые было поднято обвиненіе противъ памяти покойныхъ, священника Сципляинскаго и доктора Отто, удостовѣрившихъ своею подписью подлинность духовнаго завѣщанія. У насъ существуетъ правило въ Судѣ, что нѣтъ заочнаго рѣше-

нія, что никого не судятъ, не выслушавъ его оправданія. Кто изъ васъ, положа руку на сердце, можетъ сказать, что одинъ изъ этихъ людей, будучи призванъ сюда на допросъ, не отвѣтилъ бы такимъ образомъ, что навсегда бы закрылъ уста обвиненію, и что онъ не представилъ бы такихъ доказательствъ въ свое оправданіе, которыя бы, разумѣется, уничтожили всякое сомнѣніе въ подлинности завѣщанія? Что бы сказалъ старикъ Бѣляевъ, еслибы въ настоящее время онъ могъ видѣть, какъ толкуется его послѣдняя воля, еслибы онъ видѣлъ, что позоръ и разореніе грозятъ его семейству, еслибы онъ видѣлъ внуковъ лица, котораго называлъ своимъ благодѣтелемъ, сидящими здѣсь на скамьѣ подсудимыхъ подъ бременемъ неслыханно тяжкаго обвиненія, еслибы онъ слышалъ, что къ деньгамъ, оставленнымъ имъ женщинѣ, которая была ему дороже всего на свѣтѣ, для которой онъ работалъ всю свою жизнь, протягиваютъ свои руки невѣдомые Самуилъ Баревскій и купецъ Ижболдинъ? Онъ съ ужасомъ отвернулся бы отъ этого зрѣлища. Мнѣ кажется, что желанія этихъ господъ вашимъ приговоромъ не будутъ удовлетворены. Я знаю на чьей сторонѣ нравственное чувство и что вамъ скажетъ ваша совѣсть!

Защитникъ Караганова г. Деппъ. Гг. присяжные засѣдатели! Все это многотомное дѣло, многія вещественныя доказательства, безчисленное количество разныхъ писемъ, разсчетовъ и самое судебное слѣдствіе, — все это, весьма мало касается подсудимаго Амфилогія Караганова, защита котораго мнѣ поручена. Все обвиненіе Караганова основано не на документахъ или уликахъ, но единственно на собственномъ его сознаніи. Поэтому я считаю моей первой обязанностью разобрать это собственное сознаніе и разсмотрѣть, на сколько оно дѣйствительно заслуживаетъ вѣроятія, потому что только въ томъ случаѣ вы можете основываться на его сознаніи, когда убѣдитесь въ полной его достовѣрности.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія сознаніе Караганова, я долженъ прежде всего замѣтить, что всякое сознаніе можетъ быть признаваемо достовѣрнымъ въ такомъ только случаѣ, когда оно, во-первыхъ, совершенно согласно съ обстоятельствами дѣла, а во-вторыхъ, если оно дано въ полномъ сознаніи.

Я обращусь прежде всего къ тому вопросу: дано ли показаніе Карагановымъ въ полномъ сознаніи? Г. прокуроръ ссылался передъ вами на то, что Карагановъ допрашивался прежде на предвари-

тельномъ слѣдствіи и уже тогда сознался. Но на предварительномъ слѣдствіи онъ допрашивался не одинъ, а три раза. Первые два раза Карагановъ совершенно отвергалъ участіе свое въ дѣлѣ подписанія духовнаго завѣщанія и только въ третій разъ призналъ, что подписывалъ какую-то гербовую бумагу именемъ «Козьма Бѣляевъ», но не знаетъ, какое сдѣлано впослѣдствіи употребленіе изъ этой бумаги.

Если обратиться къ первому показанію Караганова, данному имъ въ Ставрополѣ 20-го августа 1868 г., то окажется, что ему и должна быть дана наибольшая вѣра, такъ какъ показаніе это было отобрано отъ Караганова въ то время, когда онъ, если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ, еще въ значительной степени обладалъ своими умственными способностями.

Вамъ, гг. присяжные засѣдатели, было указываемо гг. защитниками Мясниковыхъ, и вы могли убѣдиться, что Карагановъ путемъ неумѣреннаго употребленія спиртныхъ напитковъ дошелъ до бѣлой горячки. Какое вліяніе имѣла бѣлая горячка, это вамъ объяснялъ г. экспертъ Дюковъ, именно онъ сказалъ (и г. прокуроръ съ этимъ согласенъ), что Карагановъ въ значительной степени лишился памяти, и что этимъ объясняются его неосновательные отвѣты.

При такихъ обстоятельствахъ, когда экспертъ, призванный г. прокуроромъ, и самъ г. прокуроръ признаютъ, что память у Караганова дѣйствительно слишкомъ слаба, возможно ли полагаться на показанія его, данныя здѣсь предъ вами, а также и на предварительномъ слѣдствіи, послѣ того, какъ онъ подвергся бѣлой горячкѣ, т. е. на его послѣднее показаніе 9 го января 1871 года? Мы видимъ, что послѣднимъ, по крайней мѣрѣ, извѣстнымъ намъ признакомъ бѣлой горячки было то происшествіе, о которомъ разсказывалъ здѣсь свидѣтель Жуковъ, что Карагановъ ходилъ нагимъ по селу. Происшествіе это случилось, приблизительно, въ октябрѣ 1870 г., слѣдовательно не задолго до отобранія у него послѣдняго показанія. Послѣ этого такое же разстройство умственныхъ способностей Караганова проявилось, какъ видимъ изъ дѣла, въ духовномъ завѣщаніи его, прочитанномъ на Судѣ, которое было приложено къ его письму къ отцу и было найдено при обыскѣ въ его квартирѣ. Если разсмотрѣть содержаніе этого духовнаго завѣщанія, то нельзя не придти къ убѣжденію въ томъ, что оно

писано не въ полномъ разумѣ. Обратите вниманіе на вступительныя слова: «Будь я проклятъ отнынѣ и навсегда, будь я преданъ анаѳемѣ, пусть не увижу царствія небеснаго; если буду говорить неправду». Затѣмъ, слѣдуютъ два пункта, въ которыхъ онъ описываетъ довольно правильно, что слѣдуетъ сдѣлать съ его незначительнымъ состояніемъ. Въ 3-мъ пунктѣ онъ начинаетъ говорить о себѣ и тутъ уже впадаетъ въ тѣ признаки безпамятства, которые его особенно отличаютъ. Такъ онъ говоритъ много о томъ, что онъ въ своей жизни не дѣлалъ того-то, напримѣръ: ничьей жизни никакими ядами не портилъ, не сводничалъ, женщинами не торговалъ, и т. п. Въ духовномъ завѣщаніи всѣ подобныя объясненія не требуются, и пишущіе духовныя завѣщанія подобныхъ отрицательныхъ качествъ своихъ не выставляютъ; тѣ же люди, которые допускаютъ подобныя выраженія, доказываютъ этимъ, что они не вполнѣ обладаютъ умственными способностями.

Вы, гг. присяжные засѣдатели, вѣроятно, замѣтили, что Карагановъ говорилъ на Судѣ преимущественно о такихъ вещахъ, которыя его наиболѣе трогаютъ. Не замѣтили ли вы во время допроса Караганова, что онъ постоянно впадалъ въ ненормальное состояніе, когда къ нему обращались съ вопросами, лично до него относящимися. Это, кажется, всего болѣе его раздражало: онъ постоянно старался выставлять свои хорошія качества и отрицать дурныя. Совершенно такого же рода разстройство замѣтно и въ приведенномъ мѣстѣ духовнаго завѣщанія.

Если это духовное завѣщаніе Караганова дѣйствительно доказываетъ, что онъ во время его написанія находился не въ нормальномъ состояніи — а это было 14-го декабря 1870 г., т. е. немного менѣе, какъ за мѣсяцъ до того, какъ отъ него отобрано его послѣднее показаніе — то я полагаю, что сдѣланное имъ въ этомъ показаніи сознаніе не можетъ заслуживать никакого довѣрія, потому что, давая его, онъ былъ въ безсознательномъ состояніи, въ такомъ состояніи, которое самъ экспертъ призналъ состояніемъ безпамятства. Мнѣ могутъ возразить на это, что дѣйствительно Карагановъ могъ забыть разныя обстоятельства своей жизни, но что забыть о совершенномъ имъ преступленіи довольно трудно, что даже и въ такомъ состояніи, когда память его недостаточно сильна, онъ долженъ былъ непремѣнно помнить о томъ преступленіи,

которое его грызло. Но гдѣ же доказательства того, чтобы преступленіе, если оно дѣйствительно совершено имъ, грызло его, было для него тягостно? Я, напротивъ того, нахожу въ дѣлѣ доказательства противнаго. Я обращаюсь къ письму, прочтенному здѣсь передъ вами, которое онъ писалъ 8-го августа 1868 г. къ отцу своему изъ Ставрополя. Въ письмѣ этомъ говорится о томъ, что онъ, согласно разрѣшенію отца, готовился къ отъѣзду, какъ вдругъ была получена телеграмма отъ судебнаго слѣдователя съ предписаніемъ взять съ него подписку о невыѣздѣ. Далѣе онъ удивляется этому предписанію, говоря, что, кажется, у него и у отца нѣтъ никакихъ тяжебныхъ дѣлъ, и что впредь до полученія какой-нибудь бумаги, касающейся этого предписанія, онъ остается въ неизвѣстности. Изъ письма этого видно, что онъ, получивъ повѣстку отъ судебнаго слѣдователя, остается совершенно спокоенъ, и ему даже не является мысль, чтобы его можно было потребовать къ судебному слѣдователю за какое-либо преступленіе Будь онъ человѣкъ, котораго гнететъ совершенное имъ преступленіе, или, по крайней мѣрѣ, если онъ сознавалъ за собою вину въ подписаніи фальшиваго духовнаго завѣщанія, то, безъ всякаго сомнѣнія, получивъ повѣстку отъ судебнаго слѣдователя, онъ бы не такъ легко отнесся къ дѣлу. Вотъ это-то обстоятельство, гг. присяжные засѣдатели, заставляетъ меня сильно сомнѣваться въ правильности его собственнаго сознанія. Затѣмъ, сличая его сознаніе съ обстоятельствами дѣла, я тоже нахожу, что всѣ эти обстоятельства не только не подтверждаютъ, а, напротивъ того, опровергаютъ его. Я не стану входить въ подробный разборъ фактовъ, которые такъ хорошо и такъ ясно изложены гг. защитниками Мясниковыхъ, такъ какъ, дѣлая это, я взялъ бы на себя лишній трудъ и вмѣстѣ съ тѣмъ утомилъ бы ваше вниманіе совершенно излишними объясненіями. Если вы убѣдились въ томъ, что обстоятельства дѣла дѣйствительно не доказываютъ совершенія преступленія, то, слѣдовательно, и сознаніе Караганова не можетъ этого доказать, потому что оно не согласно съ обстоятельствами дѣла. Поэтому я и думаю, что если вы признаете Мясниковыхъ невиновными въ этомъ дѣлѣ, то, конечно, не можете осудить и Караганова. Однако же, этимъ я не могу ограничить своей защиты. Я по необходимости долженъ предположить тотъ случай, что вы признаете Мясниковыхъ виновными, потому что даже тогда возникаетъ

еще вопросъ: виноватъ ли Карагановъ? Но и тутъ, какъ я уже сказалъ, намъ придется основываться только на его сознаніи. Конечно, въ этомъ случаѣ, вы, гг. присяжные засѣдатели, основываясь на этомъ сознаніи, должны будете признать, что оно имъ дано не при отсутствіи умственныхъ способностей и не въ состояніи безпамятства, и потому будете придавать ему полную вѣру. Г. прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи нѣсколько обрѣзалъ показаніе Караганова, потому что признаетъ одну часть его, а другой не признаетъ. Мнѣ кажется, что ужь если принимать показаніе Караганова за достовѣрное, то слѣдуетъ принимать его вполнѣ. Въ показаніи своемъ Карагановъ положительно говоритъ, что онъ подписалъ бѣлый листъ бумаги именемъ Бѣляева, но въ то же время онъ говоритъ, что не зналъ, какое употребленіе Мясниковъ сдѣлалъ изъ этого листа бумаги. Такимъ образомъ, если признать всецѣло показаніе Караганова, то необходимо признать и то, что онъ дѣйствительно не зналъ, какое употребленіе желалъ сдѣлать и сдѣлалъ Мясниковъ изъ его подписи.

Независимо отъ этого я представлю вамъ еще одно доказательство и одно соображеніе, убѣждающія въ томъ, что Карагановъ дѣйствительно не зналъ о томъ преступленіи, которое намѣревался совершить А. Мясниковъ. Доказательство это заключается въ показаніи Красильникова, который, отвѣчая на мой вопросъ, объяснилъ, что Матвѣевъ разсказывалъ ему, что когда А. Мясниковъ передавалъ ему, Матвѣеву, духовное завѣщаніе, для того, чтобы онъ свезъ его въ Гражданскую Палату для засвидѣтельствованія, то вмѣстѣ съ тѣмъ поручалъ Матвѣеву не показывать этого завѣщанія, когда онъ будетъ въ конторѣ, Караганову. Стало быть, А. Мясниковъ, если повѣрить этому показанію, поручая Матвѣеву духовное завѣщаніе, опасался, чтобы Карагановъ не увидѣлъ своей подписи и не остановилъ дальнѣйшаго теченія дѣла. Опасеніе это возможно, со стороны Мясникова, только въ томъ случаѣ, если онъ предполагалъ, что Карагановъ не знаетъ о томъ употребленіи, какое онъ сдѣлалъ изъ его подписи на бѣломъ листѣ бумаги. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствительно представляется невѣроятнымъ, чтобъ А. Мясниковъ сказалъ Караганову, для какой именно цѣли онъ желаетъ имѣть его подпись. Это невѣроятіе высказывается не мною первымъ: оно высказано, хотя и не прямо, прежде меня, если не ошибаюсь, г. прокуроромъ или гражданскимъ истцомъ, а

именно: еслибъ А. Мясниковъ задумалъ составить духовное завѣщаніе, то онъ постарался бы не вводить въ свой секретъ постороннихъ и не давалъ бы одновременно и свидѣтелямъ подписать, и переписчику переписать, и Караганову руку поддѣлать, а, напротивъ того, по всей вѣроятности, далъ подписать Караганову бѣлый листъ бумаги, а затѣмъ уже далъ переписать на этотъ листъ самое духовное завѣщаніе, которое, какъ говорятъ, пригонялось къ его подписи, и потомъ просилъ свидѣтелей его подписать. Сказать же Караганову, что на подписанномъ имъ листѣ онъ намѣренъ написать духовное завѣщаніе, было бы до такой степени откровенное объясненіе со стороны Мясникова, что оно одно уже могло бы уничтожить въ самомъ началѣ задуманное дѣло, обративъ вниманіе Караганова на незаконность его поступка. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, что утвержденіе г. прокурора, что Карагановъ зналъ о цѣли, для которой требовалась его подпись, не заслуживаетъ никакого уваженія, тѣмъ болѣе, что въ доказательство этого представлено имъ только одно обстоятельство, именно: г. прокуроръ видитъ доказательство его знанія въ томъ, что Карагановъ учился подписываться подъ руку Бѣляева, что онъ нѣсколько разъ пытался сдѣлать подпись: «Козьма Бѣляевъ», и только послѣ нѣкоторыхъ усилій на одномъ листѣ достигъ до настоящаго почерка покойнаго. Изъ этого, мнѣ кажется, довольно трудно и даже не возможно вывести заключеніе о томъ, что Карагановъ зналъ о назначеніи той подписи, которую онъ воспроизводилъ.

Наконецъ, если вы, гг. присяжные засѣдатели, не смотря на всѣ мои доводы, признали, что Карагановъ зналъ о намѣреніи Мясникова, то и въ такомъ случаѣ дѣйствія его должны быть причислены къ приготовительнымъ дѣйствіямъ для составленія духовнаго завѣщанія. По закону приготовительными дѣйствіями называются тѣ, которыми доставляются средства для совершенія преступленія. Въ настоящемъ случаѣ, если Караганов подписывалъ бѣлый листъ бумаги, и зналъ, что на немъ впослѣдствіи напишется духовное завѣщаніе, то онъ этимъ доставлялъ средство А. Мясникову написать это духовное завѣщаніе; слѣдовательно, я нахожу, что дѣйствіе Караганова можно назвать только приготовительнымъ дѣйствіемъ, а вовсе не прямымъ участіемъ въ совершеніи преступленія.

Послѣ этого мнѣ оставалось бы только сказать нѣсколько словъ

о самомъ Карагановѣ; но вы уже достаточно ознакомились съ его личностью изъ рѣчей г. прокурора, защитниковъ и гражданскихъ истцовъ, и потому я не считаю нужнымъ болѣе вдаваться въ подробности по этому поводу. Я вполнѣ согласенъ съ характеристичнымъ поясненіемъ г. прокурора, что Карагановъ въ маломъ видѣ представлялъ то же самое, что Бѣляевъ представлялъ въ большомъ для Мясниковыхъ. Та же преданность, то же честное управленіе дѣлами и заботливость объ имуществѣ своего хозяина характеризуютъ Караганова; но между нимъ и Бѣляевымъ есть одна отличительная черта, именно та, что Бѣляевъ былъ человѣкъ съ весьма твердымъ, рѣшительнымъ характеромъ, Карагановъ, напротивъ того, человѣкъ слабохарактерный, что явно проглядываетъ въ немъ здѣсь передъ вами. Эта слабохарактерность его подчинила себѣ часто даже его собственную волю, и вотъ почему, служа своимъ хозяевамъ вѣрно и честно, онъ не могъ противостоять ихъ вліянію, и когда А. Мясниковъ предложилъ ему подписать бѣлый листъ именемъ Бѣляева, онъ считалъ своею обязанностью послушаться его, вовсе не входя въ разсужденіе о томъ, честно ли онъ поступаетъ, дѣлая это: какъ господинъ велитъ, такъ онъ и дѣлаетъ. Конечно, гг. присяжные засѣдатели, я и не думаю обвинять или вообще приписывать совершеніе этого преступленія Мясниковымъ, а говорю только о томъ случаѣ, если вы признаете Караганова виновнымъ. Я не могу также приписывать гг. Мясниковымъ умышленнаго желанія развратить Караганова; я не вижу того, чтобы они старались опьяненіемъ довести его до потери сознанія, сдѣлать изъ него то, чѣмъ онъ является въ настоящее время передъ вами; я не рѣшаюсь бросать въ нихъ подобнымъ образомъ грязью, когда не имѣю достаточныхъ доказательствъ. Быть можетъ, у г. прокурора есть для этого какія-нибудь основанія; я же ихъ не имѣю. Затѣмъ, мнѣ кажется, что тому пьянству, въ которое впалъ Карагановъ, не были причиной также сыщики. Можетъ быть, дѣйствительно, когда-нибудь и сыщики его спаивали; но это было уже въ то время, когда онъ достаточно и самъ предавался пьянству. Я думаю, напротивъ, что вся жизнь его сложилась такъ, что было достаточно причинъ, которыя могли довести его до этого несчастнаго положенія. Онъ женился, какъ вы слышали, въ молодыхъ лѣтахъ, на Натальѣ Обольяниновой. Женщина эта, по образованію своему и по происхожденію, стояла

не выше Карагапова; но, какъ вы уже знаете, она была оперной пѣвицей, была нѣкоторое время въ дружескихъ отношеніяхъ съ А. Мясниковымъ, привыкла къ лѣни и роскоши. Карагановъ женился по привязанности, онъ думалъ устроить свою жизнь счастливо; но тутъ онъ испыталъ совершенно противное тому, чего ожидалъ. Обольянинова не могла отстать отъ тѣхъ привычекъ, которыя такъ вкоренились въ ней во время ея прежней жизни: ее тянуло въ Петербургъ, она хотѣла снова жить въ роскоши и тратить деньги безъ счета. Карагановъ занимался дѣлами; но они уже приходили въ разстройство. Съ одной стороны жена, которая ему постоянно надоѣдала просьбами о возвращеніи въ Петербургъ, съ другой разстройство въ дѣлахъ, которое сильно его тревожило—все это должно было непремѣнно повліять на его характеръ. Сокрушенныя надежды, неисполненныя желанія, затѣмъ исчезновеніе брата, котораго онъ очень любилъ и о которомъ писалъ своему отцу, разлука со своимъ семействомъ, жизнь одинокая въ ставропольской конторѣ, наконецъ, особенное положеніе, въ которомъ онъ находился вслѣдствіе того, что былъ мужемъ любовницы своего хозяина—все это, говорю я, могло повліять на его жизнь и довести его до пьянства.

Вотъ все, что я могъ сказать въ защиту Карагапова; затѣмъ мнѣ только остается просить васъ, гг. присяжные засѣдатели, отнестись къ нему съ снисхожденіемъ, въ случаѣ, если вы признаете за нимъ вообще какую-нибудь вину.

Послѣ возраженія сторонъ было предоставлено послѣднее слово подсудимымъ.

Подсудимый А. Мясниковъ. Мой защитникъ объяснилъ все, и я полагаюсь, гг. присяжные, на вашу совѣсть.

Подсудимый П. Мясниковъ. Я не виноватъ, какъ вы сами могли убѣдиться изъ дѣла.

Подсудимый Карагановъ повторилъ, что онъ не притворялся, не скрывался, а дѣйствительно былъ боленъ и пролежалъ полтора мѣсяца безъ движенія, вслѣдствіе того, что потерпѣлъ разныя несчастія.

На разрѣшеніе присяжныхъ Судомъ были постановлены слѣдующіе вопросы:

1) Было ли составлено, въ августѣ или сентябрѣ 1858 г., фальшивое отъ имени фридрихсгамскаго купца Козьмы Бѣляева духовное завѣщаніе, писанное отъ 10 мая 1858 г., на которомъ подпись «Козьма Бѣляевъ» была поддѣлана подъ руку Бѣляева другимъ лицомъ?

Если означенное духовное завѣщаніе было составлено, то:

2) Виновенъ ли подсудимый Александръ Мясниковъ въ томъ, что подговорилъ другихъ лицъ написать текстъ этого завѣщанія, поддѣлать на немъ подъ руку умершаго Бѣляева подпись «Козьма Бѣляевъ» и подписаться подъ завѣщаніемъ свидѣтелями?—3. Виновенъ ли подсудимый Иванъ Мясниковъ въ томъ же преступленіи?—4. Если подсудимый Иванъ Мясниковъ не виновенъ по предъидущему вопросу, то виновенъ ли онъ въ томъ, что, зная о намѣреніи другихъ лицъ составить фальшивое отъ имени купца Бѣляева завѣщаніе и имѣя возможность предупредить приведеніе этого намѣренія въ исполненіе, завѣдомо допустилъ составленіе этого духовнаго завѣщанія?—5. Согласился ли подсудимый Амфилогій Карагановъ, по подговору другихъ лицъ, участвовать въ составленіи фальшиваго отъ имени купца Бѣляева завѣщанія и поддѣлалъ ли онъ съ этою цѣлью сдѣланную на семъ завѣщаніи подпись: «Козьма Бѣляевъ?—6. Если подсудимый Карагановъ совершилъ указанныя въ предъидущемъ вопросѣ дѣйствія, то находился ли Карагановъ, совершая ихъ, въ состояніи съумасшествія?

Г. Лохвицкій. Я бы желалъ, чтобъ первый вопросъ былъ поставленъ такъ: подлежно ли составлено такое-то завѣщаніе, или сдѣланы ли на немъ подписи свидѣтелей, послѣ смерти завѣщателя? съ тѣмъ, чтобы присяжнымъ было объявлено, что они могутъ отвѣчать на первую или вторую часть утвердительно, или отрицательно.

Г. Арсеньевъ. Я не возражаю, но нахожу, что о подписи свидѣтелей не должно быть упомянуто въ вопросѣ, такъ какъ это обстоятельство не было предметомъ разсмотрѣнія.

Судъ оставилъ ходатайство г. Лохвицкаго безъ послѣдствій.

Затѣмъ, предсѣдательствующій произнесъ слѣдующую заключительную рѣчь:

Въ виду продолжительнаго судебнаго слѣдствія, въ виду подробныхъ и обширныхъ преній, казалось бы съ перваго взгляда, что дальнѣйшее напоминаніе вамъ, гг. присяжные засѣдатели, объ обстоятельствахъ этого дѣла, не имѣетъ никакой цѣли. Но цѣль эта существуетъ и заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы вы отрѣшились отъ всякаго увлеченія, которое невольно можетъ имѣть мѣсто въ виду тѣхъ или другихъ доводовъ сторонъ. Рѣшеніе ваше будетъ вполнѣ правильно только тогда, когда вы посмотрите на дѣло безъ предвзятаго взгляда, когда вы обсудите это дѣло съ

тѣмъ спокойствіемъ и съ тѣмъ хладнокровіемъ, которыя составляютъ первыя и безусловно-необходимыя для судьи качества, и затѣмъ постановите ваше рѣшеніе исключительно на данныхъ и фактахъ, слышанныхъ вами здѣсь, а не на какихъ-нибудь отвлеченныхъ нравственныхъ побужденіяхъ, не на словахъ и не на фразахъ. Если, послѣ строгаго и всесторонняго обсужденія всего, что вы сами слышали и видѣли на судѣ, внутреннее убѣжденіе ваше приведетъ васъ къ заключенію, что преступленіе совершено и что никто другой, кромѣ подсудимыхъ, не могъ совершить его, то въ такомъ случаѣ, нисколько не задаваясь тѣмъ, что скажетъ общественное мнѣніе и какія послѣдствія будетъ имѣть приговоръ вашъ для подсудимыхъ, какъ въ отношеніи личной, такъ и въ отношеніи гражданской отвѣтственности, о которой вамъ такъ много заявлялось, вы, съ спокойной совѣстью, не только можете, но и должны отвѣтить утвердительно. Но если, напротивъ, совѣсть ваша не приведетъ васъ къ этому заключенію, если въ васъ останется сомнѣніе или о событіи преступленія или о виновности подсудимыхъ, то сомнѣніе это, по духу самаго закона, должно быть разрѣшено въ пользу подсудимыхъ и, въ этомъ случаѣ, отвѣтъ вашъ будетъ отрицательный. Сами стороны во время заключительныхъ преній заявляли вамъ, что въ настоящемъ дѣлѣ было весьма много такихъ лишнихъ обстоятельствъ, которыя или вовсе не имѣютъ никакого отношенія къ этому дѣлу, или имѣютъ значеніе второстепенныхъ. Такимъ образомъ отвергнута была масса свидѣтельскихъ показаній и другихъ данныхъ. Тѣмъ не менѣе, рѣшеніе этого дѣла, въ виду того, что судебное слѣдствіе производилось въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, представляетъ и должно представлять большія затрудненія прежде всего потому, что вы завалены массою самыхъ разнородныхъ свѣдѣній. Чтобы облегчить эту задачу, вамъ необходимо, конечно, устранить изъ судебнаго слѣдствія все то, что не имѣетъ существеннаго значенія. Кромѣ того, къ числу обстоятельствъ, усложняющихъ настоящее дѣло, нельзя не отнести и того, что въ дѣлѣ этомъ весьма видное мѣсто занимаетъ интересъ частныхъ лицъ. Я обращаю ваше вниманіе на это обстоятельство потому, что при заключительныхъ преніяхъ вамъ неоднократно указывалось, что настоящее дѣло возбуждено по иниціативѣ частныхъ лицъ, и на тѣ дѣйствія, которыя были предприняты ими для собранія доказательствъ противъ обвиняемыхъ,

причемъ это послѣднее обстоятельство приводилось въ смыслѣ недостовѣрности собранныхъ такимъ путемъ уликъ виновности подсудимыхъ. Для того чтобы сдѣлать правильные выводы, вытекающіе изъ этихъ указаній, необходимо установить, съ точки зрѣнія закона, какое вліяніе имѣютъ гражданскіе истцы на направленіе и на существо уголовной стороны дѣла, нарушающаго ихъ частные интересы. По закону возбужденіе преслѣдованія, обнаруженіе преступленій и обличеніе обвиняемыхъ передъ судомъ составляетъ прямую и непосредственную обязанность уполномоченной на то власти—власти обвинительной. Но власть эта не обладаетъ и не можетъ обладать такими средствами, чтобы она могла слѣдить за дѣйствіями каждаго отдѣльнаго лица. Отсюда естественно возникаетъ необходимость содѣйствія со стороны частныхъ лицъ. Безъ этого содѣйствія весьма многія преступленія остались бы въ совершенной безгласности. Всякое преступленіе, за исключеніемъ тѣхъ не многихъ случаевъ, гдѣ преступное дѣяніе состоитъ въ одномъ лишь чисто-формальномъ нарушеніи установленныхъ закономъ правилъ, нарушая требованія, выраженныя закономъ, еще ближе и прямѣе нарушаетъ права и интересы частныхъ лицъ, и потому лишать этихъ лицъ права прибѣгать подъ защиту судебной власти, конечно, невозможно; и дѣйствительно, по нашимъ законамъ, всякое частное лицо, потерпѣвшее отъ того или другаго дѣянія, имѣетъ право просить о возстановленіи своихъ правъ и о защитѣ ихъ судебнымъ порядкомъ. Въ виду этого, законъ предоставляетъ нѣкоторыя особыя права лицамъ, потерпѣвшимъ отъ преступленія, и между прочимъ являться на судѣ въ качествѣ гражданскихъ истцовъ, которымъ дозволяется присутствовать при производствѣ предварительнаго слѣдствія, представлять при этомъ доказательства и вообще ограждать свои интересы, лично или чрезъ повѣренныхъ. Но какъ только преступныя дѣйствія разъяснены путемъ предварительнаго слѣдствія, т. е. когда слѣдствіе это окончено и передано обвинительной власти, то самостоятельныя дѣйствія гражданскихъ истцовъ оканчиваются. Вопросъ о томъ, подлежитъ ли заподозрѣнное лицо преданію суду, или нѣтъ, для чего необходимо сдѣлать правильную оцѣнку доказательной силы уликъ — всецѣло принадлежитъ обвинительной власти и отнюдь не зависитъ отъ воли частныхъ лицъ. При разрѣшеніи этого вопроса, потерпѣвшіе отъ преступленія не играютъ никакой роли. Вотъ въ краткихъ

чертахъ то значеніе, которое имѣютъ гражданскіе истцы въ возбужденіи уголовнаго преслѣдованія и обнаруженіи преступленія, или, правильнѣе сказать, въ собраніи доказательствъ. Съ установленіемъ лишь правильнаго взгляда на значеніе гражданскихъ истцовъ, возможна строгая и справедливая оцѣнка тѣхъ указаній, которыя дѣлались вами по поводу образа дѣйствій гражданскаго въ семъ дѣлѣ истца Ижболдина, имѣвшихъ, конечно, своею цѣлью собрать доказательства виновности Мясниковыхъ въ томъ преступленіи, въ которомъ они обвиняются. Я считаю лишнимъ говорить о томъ, были ли эти дѣйствія одобрительны или не одобрительны, потому что вы сами это разсудите—я скажу только, что это вопросъ второстепенный. Если даже и допустить, что дѣйствія Ижболдина были неодобрительны и что только при посредствѣ этихъ неодобрительныхъ дѣйствій были собраны представленныя на ваше обсужденіе доказательства, то это еще не доказываетъ недостовѣрности самыхъ доказательствъ. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что доказательства эти были провѣрены предварительно обвинительной властью, безъ всякаго участія въ томъ гражданскаго истца. Затѣмъ, всѣ эти доказательства были вновь провѣрены на судѣ въ вашемъ присутствіи и при вашемъ участіи. Въ виду этого, указанія о томъ, что обвинительная власть, при разрѣшеніи вопроса о преданіи подсудимыхъ суду, впала въ невольную ошибку, потому что основывалась исключительно на данныхъ, собранныхъ гражданскими истцами, не имѣетъ значенія. Поэтому одно признаніе дѣйствій Ижболдина неблаговидными, какъ выразилась защита, не можетъ подорвать, а тѣмъ болѣе уничтожить доказательную силу уликъ, если улики эти, по существу ихъ, представляются достовѣрными. Оцѣнить эти улики, опредѣлить ихъ силу и значеніе и составляетъ прямую вашу задачу.

Обращаясь затѣмъ къ существу настоящаго дѣла, я постараюсь, не повторяя вновь всего, что вамъ извѣстно уже изъ судебнаго слѣдствія и заключительныхъ преній, изложить лишь одну только сущность этого дѣла.

Въ 1858 году умеръ въ Петербургѣ фридрихсгамскій первостатейный купецъ Козьма Бѣляевъ. Черезъ нѣкоторое время послѣ его смерти было открыто духовное его завѣщаніе, то самое, которое было вамъ предъявлено здѣсь, на судѣ. Въ силу этого духовнаго завѣщанія, все имущество покойнаго переходило къ его

женѣ. Это завѣщаніе было явлено установленнымъ порядкомъ и утверждено Гражданскою Палатою. Такимъ образомъ госпожа Бѣляева сдѣлалась владѣтельницею того имущества, которое принадлежало ея мужу. Затѣмъ, это имущество перешло, по условію, заключенному Бѣляевою съ Мясниковыми, въ ихъ владѣніе. По прошествіи почти года послѣ смерти Бѣляева, родная сестра его Мартьянова, узнавъ что братъ ея умеръ, пріѣхала изъ Сарапула въ Петербургъ, чтобы узнать, оставилъ ли Бѣляевъ духовное завѣщаніе, въ чемъ оно заключается и въ чемъ состоитъ его имущество. Съ этого и начинается то дѣло, которое является нынѣ передъ вами и о которомъ вамъ предстоитъ высказать свое послѣднее слово. Далѣе вы знаете, что дѣло это тянулось по различнымъ судамъ сначала въ гражданскомъ порядкѣ, а потомъ, въ 1868 г., по просьбѣ Ижболдина, къ которому перешли права умершихъ Мартьяновой и ея сына, возбуждено уголовное слѣдствіе, которое сперва было прекращено, а затѣмъ возобновлено въ 1870 году, вслѣдствіе вновь открывшихся обстоятельствъ. На основаніи тѣхъ данныхъ, которыя были предъ вами провѣрены, обвинительная власть обвиняетъ Мясниковыхъ и Карагапова въ составленіи подложнаго духовнаго завѣщанія отъ имени Бѣляева. Притомъ Александръ Мясниковъ обвиняется въ томъ, что онъ подговорилъ другихъ лицъ участвовать въ составленіи этого духовнаго завѣщанія; Иванъ Мясниковъ—по обвинительному акту и по заявленію повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ — въ томъ же самомъ преступленіи, и по заявленію прокурора, въ томъ, что попустилъ совершиться этому преступленію. Наконецъ, Карагановъ обвиняется въ томъ, что участвовалъ въ совершеніи этого преступленія тѣмъ, что совершилъ самый главный актъ, безъ котораго не существовало бы самого духовнаго завѣщанія, т. е. поддѣлалъ подпись Козьмы Бѣляева. Для того, чтобы ваше рѣшеніе было вполнѣ правильно, вамъ необходимо, конечно, ознакомиться съ свойствомъ, составомъ и признаками того преступленія, въ которомъ обвиняются подсудимые. Преступленіе это называется въ законѣ подлогомъ. По цѣли своей преступленіе это весьма близко граничитъ съ другими видами преступленій, направленными для достиженія незаконнымъ путемъ извѣстныхъ денежныхъ выгодъ. По средствамъ, употребляемымъ для достиженія этой цѣли, подлогъ имѣетъ весьма много сходнаго съ мошенничествомъ. Подлогъ,

можно сказать, составляетъ высшее мошенничество. Какъ въ подлогѣ, такъ и въ мошенничествѣ имущество похищается при посредствѣ обмана, но обманъ, употребляемый въ подлогахъ, несравненно опаснѣе. Отъ обмановъ, свойственныхъ мошенничеству, есть возможность оградиться; при мошенничествѣ, виновный входитъ въ непосредственное сношеніе съ тѣмъ, кому принадлежитъ имущество, самое имущество это передается съ вѣдома и согласія его владѣльца. Отъ подлога нѣтъ средства оградить себя. Лицо, подпись котораго поддѣлывается, воля котораго извращается въ подложно-составленномъ документѣ, не знаетъ объ этомъ до тѣхъ поръ, пока не явится самый документъ. Такое извращеніе воли владѣльца тѣмъ болѣе опасно, когда оно имѣетъ послѣ смерти владѣльца документъ, такъ какъ при этомъ нѣтъ лица, которое прямо могло бы сказать: я такого документа не составлялъ. Въ настоящемъ дѣлѣ идетъ рѣчь именно о подобномъ подлогѣ, о подлогѣ духовнаго завѣщанія купца Бѣляева. Всякому изъ васъ, гг. присяжные, извѣстно, что духовное завѣщаніе есть посмертная воля владѣльца относительно его имущества. Духовное завѣщаніе можетъ быть составлено различнымъ образомъ: крѣпостнымъ, явочнымъ или домашнимъ порядкомъ. Въ данномъ случаѣ вы имѣете дѣло съ завѣщаніемъ, составленнымъ домашнимъ порядкомъ. Для дѣйствительности духовнаго завѣщанія, составленнаго домашнимъ порядкомъ, необходимо, во первыхъ, чтобы оно было писано и подписано тѣмъ лицомъ, которое составило завѣщаніе; во-вторыхъ, если текстъ завѣщанія писанъ не рукою завѣщателя, то на немъ должна находиться подпись того лица, которымъ писанъ текстъ завѣщанія, т. е. подпись переписчика, и въ-третьихъ, въ обоихъ случаяхъ, завѣщаніе должно быть подписано двумя свидѣтелями, въ видахъ удостовѣренія, что завѣщаніе составлено при жизни завѣщателя, въ полномъ его умѣ и твердой памяти, и подписано свидѣтелями по его просьбѣ. Изъ завѣщанія, которое было вамъ предъявлено, вы видѣли, что всѣ эти формальныя условія въ точности соблюдены, вслѣдствіе чего Гражданская Палата, куда завѣщаніе было представлено къ засвидѣтельствованію, не встрѣтила и не могла встрѣтить препятствій къ признанію его дѣйствительнымъ.

Для того, чтобы признать духовное завѣщаніе недѣйствительнымъ, необходимо, чтобы въ немъ была поддѣлана подпись завѣ-

щателя, или чтобы была поддѣлана подпись свидѣтелей, или, наконецъ, чтобы подпись свидѣтелей была сдѣлана послѣ смерти завѣщателя. Въ настоящемъ случаѣ вы слышали, что на судебномъ слѣдствіи и въ заключительныхъ преніяхъ доказывалась подложность завѣщанія тѣмъ, что подпись «Козьма Бѣляевъ» была поддѣлана и текстъ самаго завѣщанія не былъ изъявленіемъ воли покойнаго Бѣляева, а составленъ послѣ его смерти, и этому подложному завѣщанію, чрезъ засвидѣтельствованіе его подписями свидѣтелей, придали съ формальной стороны характеръ законной и дѣйствительной воли завѣщателя. Существенный признакъ подлога вообще заключается въ поддѣлкѣ чужой подписи. Въ настоящемъ случаѣ такая поддѣлка и заявляется по отношенію къ находящейся на завѣщаніи подписи Бѣляева. При заключительныхъ преніяхъ со стороны защиты указывалось, что подложность завѣщанія обусловливается прежде всего извращеніемъ воли завѣщателя; если воля завѣщателя не извращена, то завѣщаніе, въ которомъ воля эта изложена, хотя бы оно было составлено и не самимъ завѣщателемъ, не можетъ быть признано подложнымъ и теряетъ преступный характеръ. Исходя изъ этого положенія защита указывала вамъ, что Бѣляевъ при жизни своей постоянно говорилъ всѣмъ, что все его имущество послѣ смерти должно перейти къ его женѣ. Такого же содержанія завѣщаніе является и въ настоящее время, а поэтому, если и допустить, что завѣщаніе это подложно, то и въ такомъ случаѣ по внутреннему своему содержанію оно непреступно, ненаказуемо. По поводу этого заявленія, я считаю себя обязаннымъ прямо сказать вамъ, что подобное толкованіе представляется совершенно неправильнымъ и вовсе не можетъ имѣть мѣста.

Подложность акта, а слѣдовательно и преступность лица, его составившаго, обусловливается вовсе не тѣмъ, составленъ ли онъ сообразно волѣ и желанію того лица, отъ имени котораго составленъ актъ, но тѣмъ, что актъ этотъ составленъ другимъ лицомъ, безъ вѣдома и согласія того, отъ имени котораго онъ писанъ и подпись котораго поддѣлана. Такимъ образомъ, если вы признаете, что подпись «Козьма Бѣляевъ» сдѣлана не имъ самимъ, а другимъ лицомъ, то вопросъ, сообразна ли самая воля, выраженная въ этомъ завѣщаніи, съ желаніемъ завѣщателя, не можетъ имѣть никакого значенія и не можетъ служить основаніемъ къ тому,

чтобы признать завѣщаніе дѣйствительнымъ. Я повторяю, что существенный признакъ подложности духовнаго завѣщанія, о которомъ и детъ рѣчь, заключается въ поддѣлкѣ подписи Бѣляева. Если подпись сдѣлана не имъ, а другимъ лицомъ, то хотя бы содержаніе завѣщанія вполнѣ соотвѣтствовало волѣ завѣщателя, подложность завѣщанія не можетъ быть отвергаема. Затѣмъ, гг. присяжные засѣдатели, обращаясь къ разсмотрѣнію тѣхъ доказательствъ, которыя представлены были вамъ здѣсь. Я считаю приэтомъ необходимымъ оговориться. Я далекъ отъ мысли воспроизводить всѣ данныя, которыя были здѣсь представлены. Во-первыхъ, это не составляетъ безусловной моей обязанности и, во-вторыхъ, едвали возможно, въ виду сложности дѣла, воспроизвести безъ ошибки все что было здѣсь вамъ представлено. Поэтому я ограничусь только главными доводами сторонъ и приэтомъ единственно съ тою цѣлію, чтобы представить вамъ общія основанія къ сужденію о доказательной силѣ уликъ. Доводы эти я изложу вамъ въ порядкѣ вопросовъ. Первый и существенный вопросъ заключается въ томъ, подложно ли духовное завѣщаніе? (прочитанъ первый вопросъ). Вопросъ этотъ, какъ вы могли замѣтить изъ судебнаго слѣдствія и заключительныхъ преній, весьма тѣсно связанъ съ вопросомъ о виновности подсудимыхъ. Хотя доказательства подложности завѣщанія изложены въ рѣчи г. прокурора отдѣльно отъ доказательствъ виновности въ этомъ подлогѣ подсудимыхъ, но изъ самой рѣчи этой вы вѣроятно сами уже замѣтили, что въ тѣхъ данныхъ, которыя были приведены въ подтвержденіе виновности подсудимыхъ, имѣются данныя, относящіяся къ подложности завѣщанія. Въ этомъ отношеніи, со стороны обвиненія, т. е. прокурора и повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ, вамъ указывалось прежде всего на показаніе Бѣляевой, такъ какъ изъ этого только показанія обнаруживается, когда и при какихъ обстоятельствахъ передано ей мужемъ ея духовное завѣщаніе, признаваемое подложнымъ, гдѣ оно затѣмъ хранилось и когда обнаружилось существованіе этого завѣщанія. Разбирая это показаніе, обвинительная власть заявляла о тѣхъ неправдоподобныхъ объясненіяхъ, которыя давала Бѣляева; напримѣръ: что, получивъ завѣщаніе, она не прочла даже его и положила въ спальнѣ на окно, въ число другихъ, неимѣющихъ нисколько значенія бумагъ, о тѣхъ противорѣчіяхъ, въ которыя впадала Бѣляева не только

съ другими свидѣтелями, но даже и сама съ собою, и о невѣроятности показанія Бѣляевой во всѣхъ отношеніяхъ. Защита находила, что замѣчаемыя въ показаніи Бѣляевой противорѣчія объясняются тѣмъ, что она была сперва разстроена смертью мужа, а затѣмъ, когда возникло дѣло, совершенно разстроилась. Совокупность же отвѣтовъ Бѣляевой, по мнѣнію защиты, приводитъ къ тому заключенію, что если она не обращала особеннаго вниманія на переданное ей завѣщаніе, то именно потому, что считала его правильнымъ.

Далѣе стороны разбирали внутреннее содержаніе духовнаго завѣщанія и внѣшній его видъ. Въ этомъ отношеніи обвиненіе указывало вамъ, что содержаніе духовнаго завѣщанія изложено весьма кратко, объ имуществѣ говорится не ясно, не видно даже приблизительно, въ чемъ оно заключается. Такой способъ изложенія столь важнаго документа не соотвѣтствуетъ обыкновенному образу дѣйствій Бѣляева, который былъ человѣкъ въ высшей степени аккуратный и даже самыя пустыя бумаги писалъ собственноручно. Если бы Бѣляевъ самъ составлялъ это духовное завѣщаніе, то онъ, будучи человѣкомъ дѣловымъ и зная, что между завѣщаніемъ имущества и дареніемъ нѣтъ ничего общаго, конечно не употребилъ бы того выраженія, которое встрѣчается въ завѣщаніи, 2-й и котораго начинается словами «изъ этого дара» и т. д. Довѣрить составленіе завѣщанія какому-то Целебровскому Бѣляевъ, по складу его характера, не могъ. Это доказывается и тѣмъ еще, что къ дѣлу пріобщенъ отрывокъ изъ черноваго завѣщанія, писаннаго карандашемъ рукой Бѣляева, которое Бѣляевъ окончательно составить не успѣлъ. Внѣшній видъ завѣщанія еще болѣе убѣждаетъ въ его подложности. Изъ обозрѣнія завѣщанія видно, что оно писано различнаго цвѣта чернилами и что текстъ подгонялся къ подписи Бѣляева. Самая подпись: «Козьма Бѣляевъ» признана экспертами подложной и имѣющей сходство съ пробными, поддѣльными подписями Бѣляева, сдѣланными рукою Караганова. Если завѣщаніе это подписано свидѣтелями Отто и Сицилинскимъ, то это не доказываетъ, чтобы оно было подписано ими при жизни Бѣляева и по его просьбѣ. Находясь въ близкихъ отношеніяхъ съ Бѣляевой, зная, что Бѣляевъ всегда думалъ оставить свое имущество женѣ, они, весьма естественно, согласились подписаться подъ духовнымъ завѣщаніемъ, въ увѣренности, что подпись Бѣляева сдѣлана имъ самимъ. Защита представила противъ этихъ доводовъ

свои возраженія, сущность которыхъ заключалась въ томъ, что неаккуратность ничего еще не доказываетъ, что Бѣляевъ обратился къ Целебровскому какъ къ юристу, такъ какъ самъ онъ далеко не былъ настолько свѣдущъ въ дѣлахъ какъ это утверждаетъ обвиненіе, что перечислять, въ чемъ заключается имущество, не было никакой надобности, такъ какъ оно передавалось Бѣляевой въ полномъ его составѣ; что разность въ чернилахъ могла произойти отъ того, что текстъ духовнаго завѣщанія, подпись Бѣляева и подписи свидѣтелей писались неодновременно, причемъ употреблялись различные чернильницы; что отрывокъ, писанный карандашемъ, по содержанію своему вполнѣ тождественъ съ 3-мъ п. завѣщанія и слѣдовательно подтверждаетъ подлинность этого завѣщанія, что объясненіе прокурора о томъ, при какихъ обстоятельствахъ завѣщаніе подписано свидѣтелями, представляется одной лишь неосновательной догадкой. Въ заключеніе защита заявляла, что доказательствомъ подлинности завѣщанія служитъ формальная его сторона и признаніе этого завѣщанія дѣйствительнымъ со стороны суда гражданскаго.

Вотъ тѣ данныя, которыя прямо и исключительно относятся къ подложности завѣщанія. Всѣ остальныя, затѣмъ, доводы сторонъ относятся въ равной степени какъ къ подложности духовнаго завѣщанія, такъ и къ виновности подсудимыхъ. Въ ряду этихъ уликъ весьма важное мѣсто занимаетъ показаніе Караганова. Сущность этого показанія заключается въ томъ, что онъ, по просьбѣ Александра Мясникова, поддѣлалъ подъ руку Бѣляева, на чистомъ листѣ бумаги, подпись «Козьма Бѣляевъ», не зная, для чего нужна эта подпись. По мнѣнію обвинительной власти и повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ эта подпись и была употреблена для написанія духовнаго завѣщанія, что Караганову было извѣстно. Очертивъ затѣмъ личность Караганова, указавъ вамъ на женитьбу его, на улучшеніе матеріальнаго его положенія, прослѣдивъ, при какихъ обстоятельствахъ поступилъ Карагановъ опять къ Мясниковымъ, какое онъ занималъ у нихъ положеніе, чѣмъ онъ занимался, сколько получалъ жалованья, съ какой постоянной заботливостью слѣдилъ Мясниковъ за Карагановымъ, о здоровьѣ и мѣстѣ нахожденія котораго посылались телеграммы, обвинительная власть приходитъ къ заключенію, что Александръ Мясниковъ держалъ у себя Караганова потому, что онъ былъ опасенъ, что онъ могъ

разсказать, какъ дѣлалось завѣщаніе. Особенное вниманіе ваше прокуроръ обращалъ на телеграмму, относящуюся къ 1868 году, т. е. къ тому времени, когда было возбуждено дѣло. Въ этой телеграммѣ говорится, что на вѣрность Караганова можно разсчитывать. Съ этого же времени, послѣ перваго допроса Караганова, замѣчается въ немъ перемѣна и страхъ передъ могущей пасть на него отвѣтственностью. Наконецъ, Карагановъ проговаривается въ пьяномъ видѣ проѣзжему купцу о духовномъ завѣщаніи и повторяетъ это сознаніе судебному слѣдователю и здѣсь на судебномъ слѣдствіи. Сознаніе это со стороны обвиненія признается вполнѣ достовѣрнымъ, тѣмъ болѣе, что оно подтверждается сходствомъ почерка Караганова съ подписью «Козьма Бѣляевъ» на завѣщаніи. Въ доказательство же того, что сознаніе это дано въ здравомъ умѣ указывается на заключеніе врачей Дюкова и Баталина, удостовѣрившихъ, что умственныя способности Караганова находятся въ нормальномъ состояніи. Вы слышали, гг. присяжные, тѣ возраженія, которыя сдѣланы защитой. Но прежде чѣмъ перейти къ нимъ, я считаю необходимымъ остановиться на слѣдующемъ обстоятельствѣ. Со стороны защиты вамъ было заявлено, что, обсуждая вопросъ о состояніи умственныхъ способностей Караганова, вы не должны стѣсняться тѣмъ, что вопросъ этотъ уже предрѣшенъ во время судебнаго слѣдствія, что и выразилось въ вопросахъ, предлагавшихся Караганову. Такъ какъ вопросы подсудимымъ предлагаются лишь судомъ, а въ данномъ случаѣ они предлагаются однимъ лишь мною, то я попрошу васъ вспомнить эти вопросы, которые были дѣлаемы отнюдь не съ цѣлью предрѣшить вопросъ о состояніи умственныхъ способностей Караганова, такъ какъ разрѣшеніе этого вопроса зависитъ всецѣло отъ васъ. Разрѣшая этотъ вопросъ, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя вы слышали и видѣли сами, и на основаніи объясненій, которыя давалъ передъ вами Карагановъ, вы, конечно, не оставите безъ вниманія ту перемѣну въ отвѣтахъ и въ поведеніи Караганова, которая послѣдовала послѣ сдѣланнаго мною Караганову замѣчанія, которое признается защитой предрѣшеніемъ вопроса объ умственныхъ его способностяхъ. Если вы сопоставите сущность первоначальныхъ отвѣтовъ Караганова съ тѣми послѣдовательными отвѣтами, которые онъ давалъ послѣ сдѣланнаго ему мною замѣчанія, то вы не затрудните, конечно, сдѣлать правильную оцѣнку

какъ о существѣ сдѣланнаго мною ему замѣчанія, такъ и о томъ, находится Карагановъ въ состояніи умопомѣшательства или нѣтъ. При разрѣшеніи этого послѣдняго вопроса вы припомните представленные въ этомъ отношеніи доводы защиты, которая указывала вамъ, что она не можетъ согласиться съ заключеніемъ экспертовъ, такъ какъ наблюденія ихъ были весьма поверхностны, а между тѣмъ самый видъ Караганова, его рѣчь, его поступки на заводѣ, его письма къ отцу доказываютъ, что умственныя его способности разстроены. Независимо отъ этого, показаніе Караганова невѣроятно и неправдоподобно. Разсказъ Караганова въ кабакѣ былъ послѣдствіемъ систематическаго спаиванія неизвѣстнымъ купцомъ. Разсказъ этотъ невѣроятенъ какъ потому, что черезъ 14 лѣтъ невозможно помнить, на какомъ листѣ и на какомъ именно мѣстѣ этого листа сдѣлана подпись, такъ и потому, что Мясникову не было никакой надобности обращаться къ Караганову съ такими опасными предложеніями. Указаніе прокурора, что Мясниковъ опасался Караганова и вслѣдствіе этого держалъ его у себя на заводѣ, рѣшительно ничѣмъ не подтверждается. Если Александръ Мясниковъ, во время производства перваго по сему дѣлу слѣдствія, собиралъ свѣдѣнія о Карагановѣ, то это потому, что если бы Карагановъ исчезъ, если бы Мясниковъ отказался дать свѣдѣніе о томъ, гдѣ онъ находится, то это обстоятельство было бы приведено какъ улика противъ Мясникова.

Кромѣ показанія Караганова, показанія, имѣющаго въ настоящемъ дѣлѣ значеніе прямаго доказательства, обвинительная власть и повѣренные гражданскаго истца, въ доказательство виновности подсудимыхъ указывали вамъ на побудительныя причины, которыя руководили Мясниковыхъ при составленіи подложнаго завѣщанія, на то, что совершеніе этого подлога представляло выгоды однимъ лишь Мясниковымъ и на цѣлый рядъ обстоятельствъ и дѣйствій, послѣдовавшихъ послѣ составленія духовнаго завѣщанія. Такъ, вамъ указывалось, напримѣръ, на черновыя письма, писанныя рукою Погожева, по желанію Бѣляевой, въ которыхъ Бѣляева угрожала Мясниковымъ обнаружить ихъ преступное дѣло, на показанія свидѣтелей Шимановскаго и Борзаковскаго, на стараніе Александра Мясникова покончить заведенное по просьбѣ Мартьяновой дѣло миромъ. Противъ всѣхъ этихъ доводовъ были сдѣланы возраженія со стороны защиты, которая заявила, между прочимъ, что Мясни-

ковымъ не было никакой цѣли составлять подложное завѣщаніе, потому что состояніе Бѣляева было ничтожное, что письма составлены не Бѣляевой, а Погожевымъ и притомъ такъ неопредѣленно, что нельзя понять, за что упрекаетъ Бѣляева въ этихъ письмахъ Мясниковыхъ, что мирные переговоры доказываютъ, что Мясниковы желали избавить себя отъ хлопотъ и непріятностей, сопряженныхъ съ веденіемъ всякаго дѣла, а тѣмъ болѣе такого, въ которомъ на нихъ возводилось обвиненіе въ подлогѣ,—но переговоры эти не могутъ служить уликой ихъ виновности.

Дальнѣйшія и болѣе подробныя съ моей стороны перечисленія всѣхъ уликъ и доводовъ, которые были сдѣланы сторонами, я нахожу не только излишними, но даже и опасными, такъ какъ при болѣе подробномъ перечисленіи всѣхъ доводовъ, я могъ бы невольно выпустить нѣкоторые изъ нихъ и тѣмъ самымъ усилить или обвиненіе, или защиту. То вниманіе, съ которымъ вы слѣдили за судебнымъ слѣдствіемъ и преніями сторонъ, представляетъ ручательство, что вы уже сами вполнѣ усвоили себѣ все то, что имѣетъ существенное въ семъ дѣлѣ значеніе.

Перехожу затѣмъ къ изложенію тѣхъ общихъ, юридическихъ основаній—къ сужденію о силѣ доказательствъ—которыя выработаны практикой.

Въ настоящемъ дѣлѣ, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, вы имѣли одно прямое доказательство, именно показаніе подсудимаго Карагапова, что онъ подписалъ на завѣщаніи «Козьма Бѣляевъ». Это показаніе, заключая въ себѣ сознаніе въ совершеніи извѣстнаго преступленія, вмѣстѣ съ тѣмъ содержитъ въ себѣ и оговоръ другаго подсудимаго, такъ какъ изъ показанія этого видно, что онъ дѣлалъ это по просьбѣ А. Мясникова. Въ виду возбужденнаго сомнѣнія въ достовѣрности этого показанія вы прежде всего должны разрѣшить это сомнѣніе, т. е. разрѣшить, находился ли подсудимый Карагановъ въ моментъ дачи своего показанія въ здравомъ состояніи или нѣтъ. Если вы разрѣшите вопросъ утвердительно, т. е. что онъ находился въ здравомъ состояніи, то показаніе должно быть отнесено къ числу доказательствъ виновности подсудимыхъ, и въ такомъ случаѣ вамъ надлежитъ, по содержанію этого показанія, путемъ сопоставленія съ другими обстоятельствами дѣла, опредѣлить доказательную его силу; если же, напротивъ, вы признаете, что Карагановъ находился въ состояніи съумасше-

ствіи, то показаніе его не можетъ имѣть силы достовѣрнаго доказательства. Вообще же сознаніе подсудимаго почитается достовѣрнымъ доказательствомъ виновности сознающагося лица. Оговоръ же однимъ подсудимымъ другаго имѣетъ большую или меньшую силу, смотря потому, насколько этотъ оговоръ подтверждается другими обстоятельствами дѣла. Всѣ остальныя, затѣмъ, доказательства имѣютъ значеніе косвенныхъ уликъ. Уликой признается всякое обстоятельство, изъ котораго можно вывести заключеніе или о событіи преступленія, или о виновности подозрѣваемаго лица. Улика пріобрѣтаетъ большую силу, когда она состоитъ въ близкой связи именно съ изслѣдуемымъ предметомъ, а не съ какимъ-либо другимъ. Чѣмъ тѣснѣе эта связь, тѣмъ болѣе достовѣрности пріобрѣтаетъ и самая улика. Для осужденія кого-либо по уликамъ необходимо, во 1-хъ, чтобы обстоятельства, имѣющія значеніе уликъ, были сами по себѣ достовѣрны, и во 2-хъ, чтобы совокупная сила всѣхъ представляющихся по дѣлу уликъ достигла той степени вѣроятія, при которой противно было бы обыкновенному порядку вещей предположеніе о томъ, что кто нибудь иной, кромѣ подсудимыхъ, могъ быть виновникомъ совершеннаго преступленія. Такимъ образомъ, если совокупность представленныхъ по настоящему дѣлу уликъ приведетъ васъ къ убѣжденію, что завѣщаніе подложно и что никто другой, кромѣ подсудимыхъ, не могъ и не имѣлъ надобности его составить, то этого будетъ совершенно достаточно для того, чтобы дать утвердительный отвѣтъ.

Въ виду того, что вамъ указывалось на формальную сторону завѣщанія, какъ на непреложное доказательство дѣйствительности и подложности этого завѣщанія, я нахожу необходимымъ указать вамъ, что съ формальной стороны завѣщаніе представляется вполнѣ правильнымъ, въ чемъ вы можете убѣдиться изъ того, что Гражданская Палата утвердила это завѣщаніе. Но вашъ приговоръ не можетъ быть стѣсняемъ этимъ обстоятельствомъ. Въ этомъ то именно и заключается преимущество новаго порядка суда, при которомъ виновность опредѣляется по внутреннему убѣжденію совѣсти, а не по теоріи формальныхъ доказательствъ, при существованіи которой не могли бы имѣть мѣста не только обвиненіе подсудимыхъ, но даже и преслѣдованіе ихъ уголовнымъ судомъ.

Предоставляя вамъ разрѣшить вопросъ о винѣ или невиновности подсудимаго, по внутреннему убѣжденію вашей совѣсти, законъ не

желалъ и не могъ стѣснять васъ не только предустановленными доказательствами, но и никакими указаніями о томъ, какія изъ числа уликъ должны считаться достаточными и какія недостаточными. Поэтому формальная сторона этого завѣщанія, т. е. то обстоятельство, что оно было признано правильнымъ и подлежащимъ утвержденію, не должно имѣть въ глазахъ вашихъ никакого значенія при разрѣшеніи предложенныхъ вамъ вопросовъ, и если вы убѣдитесь въ его подложности, то вы не только можете, но и обязаны отвѣтить, что оно подложно.

Затѣмъ, мнѣ остается лишь указать вамъ порядокъ вашихъ совѣщаній по предложеннымъ вамъ вопросамъ. Порядокъ этотъ означенъ въ ст. 805—816 Уст. Угол. Суд.

Предсѣдательствующій, изложивъ содержаніе этихъ статей, между прочимъ объяснилъ: «что въ виду возбужденнаго со стороны повѣреннаго гражданскаго истца сомнѣнія о времени составленія духовнаго завѣщанія, вы не должны въ отвѣтѣ своемъ стѣсняться временемъ, означеннымъ въ 1-мъ вопросѣ. Если вы признаете, что завѣщаніе подложно, но найдете, притомъ, что оно составлено раньше или позже того времени, которое означено въ вопросѣ, то это не можетъ служить основаніемъ къ измѣненію сущности вашего отвѣта, т. е. вы дадите все-таки тотъ утвердительный отвѣтъ о подложности завѣщанія, оговоривъ въ этомъ отвѣтѣ, если вы признаете это нужнымъ, время составленія этого завѣщанія, хотя это обстоятельство, т. е. время, въ которое составлено духовное завѣщаніе, не имѣетъ существеннаго значенія. Объясненія мои я заключу напоминаніемъ вамъ, гг. присяжные засѣдатели, отрѣшиться отъ всего того, что вы слышали объ этомъ дѣлѣ внѣ суда, отъ всѣхъ многочисленныхъ толковъ и разсказовъ, которые ходили въ обществѣ, и рѣшить предложенные вамъ вопросы на основаніи внутренняго убѣжденія вашей совѣсти, основаннаго на совокупности обстоятельствъ дѣла, провѣренныхъ передъ вами на судебномъ слѣдствіи.

Присяжные, послѣ получасоваго совѣщанія, вынесли приговоръ, въ которомъ отвѣтили на первый вопросъ: «нѣтъ, не было». Прочіе вопросы остались безъ отвѣта.

Судъ, на основаніи 1-го пункта 771 ст. Уст. Угол. Судопр., объявилъ подсудимыхъ по суду оправданными.

Рѣшеніе дѣла Мясниковыхъ и въ публикѣ, и въ печати вызвало цѣлую массу разныхъ толковъ. Тотчасъ же въ одной изъ газетъ было объявлено, что по произнесеніи резолюціи Суда, основанной на вердиктѣ присяжныхъ, въ публикѣ, будто бы, раздались выраженія неудовольствія и неодобренія, вызвавшія строгое замѣчаніе со стороны предсѣдателя суда. Въ добавокъ къ этому извѣстію, на другой или на третій день, сообщалось, что когда произнесенъ былъ оправдательный приговоръ, публика зашикала. Эти извѣщенія послужили сигналомъ къ дальнѣйшему ихъ распространенію. А между тѣмъ, они были совершенно несправедливы. Объявленіе вердикта присяжныхъ засѣдателей не было встрѣчено со стороны публики ни шиканіемъ, ни выраженіями неудовольствія. Въ моментъ, послѣдовавшій за объявленіемъ вердикта присяжныхъ и приговора Суда, не только строгаго, но рѣшительно никакого замѣчанія публикѣ г-мъ предсѣдателемъ сдѣлано не было. Объ этомъ чрезъ нѣсколько дней заявила та самая газета, въ которой напечатано было первое о томъ заявленіе.

Нельзя пройти молчаніемъ еще одного заявленія, сдѣланнаго газетой, пользующейся уваженіемъ своихъ читателей. Въ 50 нумерѣ «Московскихъ Вѣдомостей», между прочимъ, было сообщено, что при объявленіи приговора по Бѣляевскому дѣлу кто-то изъ публики произнесъ нѣсколько рѣзкихъ словъ. Не имѣя въ виду отрицать сообщаемаго «Московскими Вѣдомостями» факта, мы однако же считаемъ весьма не лишнимъ замѣтить, что на этого, произнесшаго очень рѣзкія слова господина не слѣдуетъ смотрѣть какъ на представителя публики и придавать выходкѣ его какое-либо значеніе, тѣмъ болѣе, что изъ заявленія самихъ «Московскихъ Вѣдомостей» оказывается, что эти очень рѣзкія слова не встрѣтили какой-либо поддержки въ публикѣ, а «были заглушены общимъ шумомъ». Мы полагаемъ, что произнесшій «очень рѣзкія слова» господинъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ къ тѣмъ сторонникамъ гражданскаго истца по Бѣляевскому дѣлу, которыхъ г. прокуроръ Кони окрестилъ именемъ аргонавтовъ и которые, въ виду ихъ разбитыхъ надеждъ на полученіе Бѣляевскаго наслѣдства, конечно, не могли отозваться къ объявленному приговору иначе, какъ съ весьма понятнымъ со стороны ихъ озлобленіемъ.

Въ первые же дни, послѣдовавшіе за объявленіемъ приговора, распространяемые по поводу его слухи, достигли до крайней сте-

ленія нелѣпости. По словамъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» на всѣхъ перекресткахъ раздавался вопль: присяжные подкуплены! присяжные получили 300 тысячъ! Адвокаты тоже получили 300 тысячъ!

Указавъ, что «никогда еще столько не болтали зря и безсмысленно, какъ въ эти дни о Мясниковскомъ дѣлѣ, «С.-Петербургскія Вѣдомости» весьма основательно замѣтили, что «было бы неудивительно, еслибъ о подкупѣ присяжныхъ говорили разные Ноздревы, молодые и старые: для этихъ господъ — прекрасный случай выразить небывалое у нихъ благородство души и напускной либерализмъ, и утѣшиться вмѣстѣ съ тѣмъ на счетъ собственнаго своего ничтожества и дрянности: не я, молъ, одинъ такой гусь; но грустно было слушать эти рѣчи отъ людей вполнѣ порядочныхъ, принимающихъ живое и разумное участіе въ движеніи нашей общественной жизни; они вторили толпѣ, словно боясь показаться отсталыми, недостаточно либеральными, вторили ей, не изучивъ дѣла, не взвѣсивъ обвиненія и защиты, и не ставя себя на мѣсто присяжныхъ». . . . . .

Независимо отъ этихъ Ноздревыхъ и, къ сожалѣнію, пошедшихъ съ ними рука-объ-руку нѣкоторыхъ порядочныхъ людей, главными распространителями нелѣпыхъ толковъ о Мясниковскомъ дѣлѣ, конечно, явились вышеозначенные аргонавты и лица болѣе или менѣе связанныя съ сими искателями золотаго руна тѣми или другими житейскими отношеніями. Они нашли усердную поддержку въ тѣхъ органахъ нашей мелкой печати, которые преимущественно отличаются своимъ скандалезнымъ направленіемъ. Здѣсь особенно отличились «Новое Время», «Искра», «Новости» и «Петербургскій Листокъ».

Въ передовой статьѣ 61 нумера «Новаго Времени», по поводу Мясниковскаго дѣла явилось слѣдующее разсужденіе: «Различіе между повѣрчивыми, берущимися за всякое дѣло, и повѣрчивыми болѣе разборчивыми—вотъ единственное убѣжище тѣхъ, кто слишкомъ огорчается нападками на нашихъ адвокатовъ. Обыкновенно вамъ говорятъ, что есть же защитники, которые ни за какія деньги не согласятся выгораживать завѣдомо грязное и преступное дѣйствіе. Доводъ этотъ крайне наивенъ, и разборчивые адвокаты нарушаютъ, въ сущности, идею своего званія. Адвокатъ долженъ защищать всѣхъ и каждаго, по принципу. Для него нѣтъ чистыхъ

и грязныхъ дѣлъ, точно также, какъ для ученаго и художника нѣтъ добра и зла, въ обыкновенномъ, житейскомъ смыслѣ. Другой вопросъ: въ какой степени онъ сочувствуетъ личности обвиненнаго; но защищать онъ долженъ и того, кого онъ самъ считаетъ виновнымъ, долженъ уже потому одному, что можетъ быть назначенъ оффиціальнымъ защитникомъ такого кліента. Стало быть, безусловная разборчивость въ адвокатѣ немыслима. Можетъ имѣть нравственное значеніе одна лишь относительная разборчивость, то-есть такая, которая удерживаетъ адвоката отъ защиты дѣлъ недостойныхъ и антипатичныхъ, когда съ ними связана крупная матеріальная выгода. Отказываясь отъ такихъ процессовъ, адвокатъ выгораживаетъ себя, какъ личность, и показываетъ, что онъ болѣе дорожитъ общественнымъ мнѣніемъ, чѣмъ своею денежной карьерой. Такіе относительные безсребренники, можетъ быть и существуютъ; но ихъ число дѣлается все меньше и меньше; а мясниковскій процессъ показалъ, какъ шатко положеніе тѣхъ защитниковъ, которые ревниво охраняли свою репутацію, отдѣляя себя рѣзкою чертою отъ адвокатскаго козлища, бросающагося на всякую поживу. Однимъ изъ защитниковъ по этому дѣлу былъ предсѣдатель здѣшняго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Никто не имѣетъ формальнаго права сказать, что онъ взялся защищать кліента, въ правотѣ котораго онъ не былъ увѣренъ. Въ добавокъ, присяжные оправдали его кліента, стало быть — все обстоитъ благополучно. Но какъ же могъ этотъ защитникъ, имѣвшій репутацію крайней разборчивости, не распознать, что такое дѣло броситъ тѣнь на его адвокатскую физіономію? И вотъ общественное мнѣніе обогатилось еще однимъ крупнымъ фактомъ, показывающимъ, что самые разборчивые защитники, разборчивы только до поры до времени.

Одновременно съ тѣмъ въ 9-мъ нумерѣ «Искры» явилась статья подъ названіемъ: «Смѣяться или плакать?» въ которой, посредствомъ обычнаго глумленія этого журнала, дѣло Мясниковыхъ выставлялось въ самомъ грязномъ видѣ. Вотъ что было, между прочимъ, сказано въ означенной статьѣ: «Нѣтъ слова, процессъ интересный, процессъ, могущій, по своей пикантности, стать на ряду съ процессомъ о тайномъ совѣтникѣ Вердеревскомъ и нижегородской солп и другими, подобными этому послѣднему; но гдѣ же основанія сердиться и негодовать на исходъ процесса, столь бла-

пріятный для гг. Мясниковыхъ и ихъ защитниковъ, присяжныхъ повѣренныхъ Арсеньева и Языкова, которые, говорятъ, получили каждый по 10 тысячъ за свои доблестные труды, будто бы, даже въ зданіи Суда. Неужели это поводъ для того, чтобъ слезы лить? По моему, здѣсь гораздо больше поводовъ для того, чтобъ смѣяться. Впрочемъ, это очень похоже на выдумку. Сами посудите: кто же могъ вручить эти 20 тыс. счастливымъ защитникамъ? Не сами же подсудимые, такъ какъ я не допускаю возможности, чтобъ они явились въ судъ съ такими огромными деньгами въ карманахъ. Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, подсудимаго, сидящаго, въ ожиданіи вызова въ залу засѣданія, въ особой, назначенной для подсудимыхъ, комнатѣ, далеко не герметически закупоренной (какъ выражается свидѣтель г. Шевелевъ), съ такимъ почтеннымъ кушемъ въ карманѣ и рядомъ съ нимъ, въ той же комнатѣ другаго подсудимаго по общему съ нимъ дѣлу, отъ показаній котораго зависитъ участь перваго... Согласитесь, что еслибъ это было такъ, то, право, было бы отчего разразиться гомерическимъ смѣхомъ. Но, я увѣренъ, что это не было».

«Предположить, что деньги находились на готовѣ у довѣренныхъ братьевъ Мясниковыхъ, которымъ поручено было удовлетворить защитниковъ немедленно послѣ ихъ торжества, тоже трудно. Но была ли бы такая барская выходка умѣстною и какое впечатлѣніе это должно было бы произвести на публику, которой чертъ знаетъ что могло влѣзть въ голову при мысли: а! такъ вотъ оно какъ было дѣло то: пока разбиралось дѣло и допрашивались свидѣтели, въ зданіи суда пребывали довѣренные подсудимыхъ съ десятками тысячъ денегъ въ карманахъ... И согласитесь, что опять пришлось бы расхохотаться чуть не до слезъ.» Далѣе говорилось «одинъ свидѣтель, отецъ одного изъ подсудимыхъ — Карагапова, пріѣхалъ изъ Казани и явился въ судъ, сдѣлавъ чуть ли не 2,000 верстъ, чтобъ дать показаніе, хотя не могъ не знать еще въ Казани, что законъ освобождаетъ его отъ этого, если онъ не желаетъ свидѣтельствовать по дѣлу, въ которомъ обвиняемымъ является его сынъ. Спустя два часа, проведенныхъ имъ въ комнатѣ съ другими свидѣтелями, въ числѣ которыхъ были свидѣтели и за подсудимыхъ, когда настала его очередь и его призвали въ залу засѣданія, онъ объявляетъ, что не желаетъ давать показаній. Неужели это можетъ возбудить что нибудь, кромѣ смѣха? Я увѣ-

ренъ, что и самъ г. Арсеньевъ, этотъ безукоризненно-честный адвокатъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ незнакомецъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», съ трудомъ удержался отъ смѣха... Я не останавливаюсь на показаніи свидѣтеля Шевелева, не потому, чтобъ тутъ не было чему посмѣяться, а потому, напротивъ, что здѣсь ужь слишкомъ много поводовъ для смѣха. Я дивлюсь даже, какъ оба защитника гг. Мясниковыхъ, слушая показанія Шевелева, съумѣли сохранить спокойствіе и не фыркнуть... Вѣдь имъ и ихъ кліентамъ было больше, чѣмъ кому-нибудь поводовъ для этого».

Все это вызвало, наконецъ, со стороны другихъ органовъ нашей печати, болѣе уважаемыхъ публикой и неимѣющихъ ничего общаго съ органами скандальнаго направленія, серьезныя возраженія.

«Биржевыя Вѣдомости», говоря объ оправдательномъ приговорѣ присяжныхъ по дѣлу Мясниковыхъ и о возбужденныхъ имъ толкахъ въ обществѣ,—съ цѣлію въ должномъ свѣтѣ установить этотъ процессъ и хотя сколько нибудь выяснить причину этого явленія, между прочимъ, высказали въ одной изъ своихъ передовыхъ статей (№ 62), что уголовныя лѣтописи представляютъ намъ многіе примѣры несправедливыхъ судебныхъ приговоровъ, которые общество встрѣчало съ одобреніемъ, и многія рѣшенія, противъ которыхъ общество вооружалось безъ всякаго достаточнаго основанія; что общественное мнѣніе составляется изъ элементовъ самыхъ разнообразныхъ; что слухи, печать, нѣкоторыя правительственныя распоряженія со стороны спеціальныхъ органовъ и т. д. — все это еще до процесса установляетъ въ обществѣ предвзятое убѣжденіе объ исходѣ процесса, который желательно было бы встрѣтить обществу; что молва, какъ волна, увеличиваясь все болѣе и болѣе отъ источника, отъ котораго получалось первоначальное свѣденіе, создаетъ цѣлую цѣпь доводовъ, представляющихъ необходимость извѣстнаго исхода процесса, что при той тайнѣ, которая покрываетъ у насъ производство слѣдствій, давшіе имъ поводъ факты, въ большинствѣ случаевъ, доходятъ до общества въ видѣ самыхъ разнообразныхъ, иной разъ даже невѣроятныхъ слуховъ: всякое болѣе значительное преступленіе всегда сопровождается такими коментаріями, такою вымышленною обстановкою, которая не только что извращаетъ истинный фактъ преступленія, но, что болѣе важно—будущаго процесса.

Отъ этихъ общихъ соображеній «Биржевыя Вѣдомости» переходятъ къ процессу Мясниковыхъ и говорятъ:

«Что касается до дѣла Мясниковыхъ, то о немъ уже давно ходили самые странные слухи и общество ожидало видѣть на судѣ потрясающую драму. И вотъ на судѣ, наконецъ, раскрыта эта драма»!

«Что же оказалось»?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, означенная газета находитъ, что 14 лѣтъ назадъ было составлено духовное завѣщаніе, подложность котораго старались доказать въ настоящее время, что не нужно быть юристомъ, чтобы видѣть, какую играетъ роль въ подлогѣ духовнаго завѣщанія стоимость завѣщательнаго имущества (распространители ложныхъ слуховъ объ этомъ дѣлѣ успѣвались увѣрить, будто бы состояніе завѣщателя простиралось до четырехъ съ половиною милліоновъ рублей); что для дѣла Мясниковыхъ этотъ вопросъ получаетъ еще большее значеніе уже потому, что обвиняемые сами были люди весьма состоятельные; что защита подсудимыхъ доказывала, что имущества и предпріятій у завѣщателя было всего только на 260—280 тысячъ, но что въ тоже время завѣщатель былъ долженъ обвиняемымъ по неоспоримому документу до 272 тысячъ, и обвиненіе не могло опровергнуть выводовъ защиты; что существенное и чуть ли не единственное въ пользу обвиненія показаніе Караганова, было обставлено обвиненіемъ безъ особыхъ гарантій въ его несомнѣнности, и что самое обвиненіе сознавало, что доказательства подлога недостаточны: это видно изъ того, что повѣренный гражданскаго истца, г. Лохвицкій, при постановкѣ вопроса о подлогѣ подписи на завѣщаніи, просилъ внести новый вопросъ о томъ, что не подписали ли свидѣтели завѣщанія послѣ смерти завѣщателя.

Вслѣдъ за тѣмъ «С.-Петербургскія Вѣдомости», въ 66 нумерѣ, посвятили цѣлую передовую статью разсмотрѣнію дѣла Мясниковыхъ, въ которой сначала проводятъ паралель между этимъ дѣломъ и процессомъ о наслѣдствѣ Тичборна, почти одновременно съ процессомъ Мясниковыхъ разсматривавшемся за границей.

Дѣло Тичборна, говорятъ «С.-Петербургскія Вѣдомости», «ведетъ свое начало издалека, какъ и дѣло Мясниковыхъ. При его возникновеніи пущены были въ ходъ всевозможные слухи въ

пользу неизвѣстнаго искателя состоянія богатаго аристократическаго семейства, для веденія дѣла нужны были деньги, и, при отсутствіи ихъ у претендента, образовалась компанія на акціяхъ, проданы ей нан будущаго богатаго наслѣдства, изъ котораго не много бы, пожалуй, досталось въ руки претендента, послѣ всѣхъ издержекъ, понесенныхъ на собираніе свѣдѣній, вызовъ свидѣтелей, наемъ адвокатовъ и печатаніе статей въ различныхъ журналахъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ длился этотъ процессъ; акціи претендента то возвышались, то падали, шли горячіе споры между его сторонниками и противниками. Наконецъ, присяжные высказали по совѣсти свое мнѣніе о правахъ претендента. Приговоръ этотъ разрушилъ, конечно, много надеждъ; онъ не могъ не вызвать недовольныхъ, и, какъ во всякомъ дѣлѣ, были, конечно, люди, не раздѣлявшіе мнѣнія присяжныхъ, но во всей Англіи не нашлось никого, кто бы обвинилъ присяжныхъ, рѣшившихъ дѣло въ то время когда оно казалось неконченнымъ, въ пристрастіи или подкупѣ, никто не высказалъ печатно даже намека на то, чтобъ на присяжныхъ дѣйствовали какія либо постороннія вліянія, а не внушенія ихъ совѣсти. Англійское общество, въ которомъ родился и развился институтъ присяжныхъ, на столько привыкло уважать себя, что никогда не позволитъ себѣ оскорблять своихъ представителей—выразителей общественной совѣсти».

Дѣло Мясниковыхъ, по словамъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», толковъ и всевозможныхъ обвиненій вызвало едвали не больше, какъ до начала слѣдствія, такъ и во время слѣдствія и послѣ судебнаго приговора. «Общественное мнѣніе», говоритъ эта газета, «уже два года постоянно возбуждалось по этому дѣлу различными толками и слухами. Съ самаго начала слѣдствія распространялись слухи и печатались извѣстія въ мелкихъ газетахъ о загадочной смерти разныхъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, о подкупѣ различныхъ слѣдователей, прикасавшихся къ нему, о баснословно громадномъ богатствѣ Бѣляева, которымъ преступно воспользовались Мясниковы, о громадной суммѣ вознагражденія, обѣщанной Мясниковыми ихъ защитникамъ, и пр. Наконецъ, окончилось предварительное слѣдствіе, составленъ обвинительный актъ, прошедшій черезъ судебную палату, и началось разсмотрѣніе дѣла. Изъ 30-ти присяжныхъ, которымъ выпалъ жребій рѣшать это дѣло, шесть человѣкъ отведены обвиненіемъ и шесть защитой.

Шесть дней длился процессъ; въ теченіе этого времени присяжные оставались замкнутыми въ судѣ, внѣ всякаго посторонняго вліянія, около ста лицъ подвергнуты допросу въ качествѣ свидѣтелей; полдня длилось разсмотрѣніе и разъясненіе присяжнымъ цѣлаго вороха различныхъ письменныхъ документовъ; четыре часа продолжалась обвинительная рѣчь прокурора, пять часовъ сряду говорили защитники подсудимыхъ; наконецъ на шестой день присяжные вынесли оправдательный приговоръ.

«Казалось бы, что послѣ этого всякіе слухи, сплетни и толки должны прекратиться; но вмѣсто того, чтобъ искать объясненія приговора въ тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ дѣла, начали объяснять его какими-то посторонними вліяніями; на присяжныхъ посыпались самыя грязныя нападки и инсинуаціи; стали нападать на прокурора за то, что онъ мягко относился къ подсудимымъ, на предсѣдательствовавшаго судью за то, что его заключительное слово было безпристрастно, раздраженіе доходило до того, что даже лица, присутствовавшія на процессѣ, видѣли то, чего въ дѣйствительности даже и не было: такъ, напримѣръ, говорили, будто объявленіе оправдательнаго приговора вызвало такой шумъ со стороны публики, что предсѣдательствовавшій долженъ былъ остановить ее строгимъ замѣчаніемъ, тогда какъ на дѣлѣ этого вовсе даже не было. Наконецъ, нѣкоторыя газеты не остановились даже передъ напечатаніемъ именъ присяжныхъ, вынесшихъ оправдательный вердиктъ, какъ бы желая предать ихъ всеобщему позору».

Затѣмъ, въ означенной статьѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» поставленъ вопросъ:

«Но оправдывается ли чѣмъ-нибудь это раздраженіе, вызвавшее нелѣпые толки, грязныя сплетни, возмутительныя инсинуаціи?»

Вопросъ этотъ означенная газета разрѣшаетъ слѣдующими словами:

«Какъ бы критически ни относиться къ приговору присяжныхъ теперь, когда весь процессъ Мясниковыхъ напечатанъ, стоитъ только отрѣшиться отъ всякихъ личныхъ симпатій и антипатій, отъ всякихъ заранѣе навязанныхъ взглядовъ, чтобъ послѣ прочтенія всего процесса не вынести изъ него иного впечатлѣнія кромѣ того, что присяжные, при данныхъ обстоятельствахъ, и не могли произнести иного приговора.

«Оставляя въ сторонѣ обвинительный актъ, который всегда со-

ставляется односторонне, а по дѣлу Мясниковыхъ страдаетъ еще тѣмъ, что въ немъ какъ бы отразились разные слухи объ убійствахъ—такъ какъ иначе ничѣмъ нельзя объяснить, къ чему понадобилось говорить о смерти Мартьяновой и ея сына, постигшей ихъ тотчасъ же, какъ только они хотѣли начать дѣло съ Мясниковыми,—оставляя также въ сторонѣ всѣхъ свидѣтелей, получившихъ и не получившихъ векселя отъ истца, не касаясь, наконецъ, вопроса о томъ, было ли оставленное Бѣляевымъ состояніе такъ громадно, какъ утверждали истцы, или, напротивъ того, оно вовсе не было значительно, какъ это доказывала защита обвиняемыхъ,—мы обратимся только къ двумъ несомнѣннымъ фактамъ: къ духовному завѣщанію Бѣляева и къ экспертизѣ, признавшей надпись Бѣляева на этомъ завѣщаніи сомнительною. Мы обращаемся къ этимъ двумъ фактамъ потому, что на нихъ собственно сосредоточивались обвиненія и защита, также выбросившія за бортъ всю массу свидѣтельскихъ показаній, а равно и потому, что если формулировать всѣ нападки на присяжныхъ, то окажется, что они должны были признать завѣщаніе Бѣляева подложнымъ, основываясь на показаніяхъ экспертовъ.

«Завѣщаніе Бѣляева составлено въ пользу жены, послѣ смерти его представлено въ гражданскую палату для засвидѣтельствованія, подтверждено допросомъ лицъ, подписавшихся на этомъ завѣщаніи, затѣмъ засвидѣтельствовано, т. е. внесено въ особую книгу палаты, и въ подлинникѣ выдано Бѣляевой. Все это произошло въ началѣ ноября 1858 года, а 22-го декабря того же года Бѣляева свои права на наслѣдство передаетъ Мясниковымъ. Два раза начиналось послѣ того слѣдствіе о подложности завѣщанія Бѣляева: въ первый разъ прекратилось по отсутствію доказательствъ; этихъ доказательствъ не явилось и въ 1872 году. На чемъ основывается вся обвинительная рѣчь? На предположеніяхъ, правда, остроумныхъ, правдоподобныхъ, но не доказанныхъ. Да откуда же и взять доказательства? Свидѣтели, подписавшіе завѣщаніе, подтвердили его въ 1858 г. и умерли—одинъ въ 1866 году, другой въ 1867 году; что же касается постороннихъ свидѣтелей, знавшихъ о подложности завѣщанія, то едва ли, послѣ показанія Шевелева,—явившагося какъ бы для характеристики того, какую достовѣрность слѣдуетъ придавать показаніямъ свидѣтелей, и какихъ можно набирать для того лицъ,—можно придавать имъ ка-

кое-либо значеніе. Въ доказательство подложности завѣщанія приводилась экспертиза; но вѣдь эта экспертиза по своему значенію есть то же, что и показанія свидѣтелей, и оцѣнка ея достовѣрности принадлежитъ опять-таки присяжнымъ, которые не могли не обратить вниманія на то, что экспертиза, повторявшаяся пять разъ, приводила всякій разъ къ различнымъ результатамъ, что эти эксперты—спеціалисты въ подписяхъ—учителя чистописанія, секретари окружнаго суда,—хотя и почтенные очень люди, но, въ сущности, своими спеціальными познаніями по части сличенія почерковъ, немногимъ, можетъ быть, превосходящіе самихъ присяжныхъ, если только послѣдніе грамотны и имѣли въ своихъ рукахъ писанныя бумаги разныхъ лицъ. Вѣдь такая экспертиза значительно отличается хотя бы отъ той, какая дѣлается, напримѣръ, при химическихъ изслѣдованіяхъ, или при освидѣтельствованіи умственныхъ способностей. Для того, чтобъ основывать свое сужденіе на мнѣніяхъ другихъ, прежде всего необходимо, чтобъ правильность этихъ мнѣній подтвердилась твердыми научными данными, а этого никакъ не можетъ быть при экспертизѣ въ сличеніи почерковъ, гдѣ все зависитъ отъ личнаго взгляда и впечатлѣнія.

«Если, такимъ образомъ, въ глазахъ присяжныхъ и всякаго непредупрежденнаго человѣка подложность завѣщанія Бѣляева оставалась недоказанною показаніями свидѣтелей и экспертизою, то всякое сомнѣніе въ этомъ отношеніи устранялось вполнѣ уже тѣмъ обстоятельствомъ, что подлинное завѣщаніе, составленное въ 1858 году, находилось въ судѣ, передъ глазами присяжныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, допуская, что завѣщаніе сдѣлано подложно, при участіи Мясниковыхъ и съ вѣдома Бѣляевой, допуская также, что подлогъ этотъ былъ сдѣланъ для полученія колоссальнаго, милліоннаго состоянія,—чѣмъ же можно объяснить, что это завѣщаніе въ теченіе 13-ти лѣтъ остается неуничтоженнымъ? Вѣдь оно сдѣлалось не нужнымъ Мясниковымъ и Бѣляевой съ 1858 г., съ той минуты, когда, на основаніи этого завѣщанія, послѣдняя совершила законнымъ порядкомъ передачу наслѣдства по завѣщанію въ пользу Мясниковыхъ. Послѣ совершенія этого акта, завѣщаніе могло быть уничтожено безъ всякаго ущерба для Бѣляевой и Мясниковыхъ, такъ какъ права первой на наслѣдство доказывались самымъ внесеніемъ завѣщанія въ книги гражданской палаты при его засвидѣтельствованіи, откуда она и могла всегда получить копію

вмѣсто потерянаго подлинника, а права послѣднихъ доказывались передаточнымъ актомъ Бѣляевой. Подлинникъ завѣщанія все время, въ теченіе 13-ти лѣтъ, находился въ рукахъ Бѣляевой и ея повѣренныхъ и явился въ послѣдній разъ въ 1870 г., когда онъ былъ представленъ со стороны Бѣляевой въ петербургскій окружный судъ по гражданскому иску Ижболдина. Неужели же въ дѣлѣ, гдѣ все вертится на предположеніяхъ и догадкахъ, гдѣ все сомнительно и шатко, нельзя допустить такого простаго предположенія, что еслибъ завѣщаніе Бѣляева было дѣйствительно подложно сдѣлано, при участіи Мясниковыхъ или Бѣляевой, то они давно бы его сожгли и не хранили бы его у себя для того, чтобъ оно черезъ 13 лѣтъ явилось главнымъ доказательствомъ ихъ преступленія, единственнымъ corpus delicti, при отсутствіи котораго всякое обвиненіе въ подлогѣ сдѣлалось бы немыслимымъ».

«Могутъ, пожалуй, возразить, что дѣлать такія догадки нельзя уже потому, что во всякомъ уголовномъ дѣлѣ слѣды преступленія ускользаютъ отъ вниманія преступника, и что это-то и даетъ обыкновенно возможность открыть преступленіе и его виновниковъ. Но такое возраженіе нѣсколько наивно: въ дѣлѣ Мясниковыхъ, завѣщаніе Бѣляева не есть слѣдъ преступленія, а есть предметъ преступленія; хранить у себя подложное завѣщаніе послѣ того, какъ оно засвидѣтельствовано гражданскою палатою, это все равно, какъ еслибъ лицо, взыскавшее деньги по подложному векселю, хранило потомъ у себя этотъ подложный документъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ предполагать, чтобъ этого не могли понять Мясниковы и ихъ сторонники».

«Мы, напротивъ того, думаемъ, что несмотря на мастерскую обвинительную рѣчь, еслибъ защитниками Мясниковыхъ не было приведено доводовъ, разбившихъ обвиненіе со всѣхъ сторонъ, еслибъ подсудимые и гражданскій истецъ обмѣнялись своими адвокатами, то даже и въ такомъ случаѣ не могъ бы постановленъ присяжными какой-либо иной приговоръ, кромѣ оправдательнаго. Только это отсутствіе всякихъ доказательствъ въ подлогѣ объясняетъ, почему споръ о завѣщаніи не кончился миромъ между Ижболдиными и Мясниковыми и дошелъ до уголовнаго суда, почему опытный юристъ и извѣстный адвокатъ въ крупныхъ денежныхъ дѣлахъ, къ которому обращался Ижболдинъ, выразился про это дѣло, что «оно выѣденнаго яйца нестоитъ»; почему, нако-

нецъ, опредѣленіе о преданіи Мясниковыхъ суду едва прошло черезъ обвинительную камеру, т. е. уголовный департаментъ судебной палаты, гдѣ значительное меньшинство, какъ слышно, высказалось въ пользу прекращенія дѣла, находя обвиненіе бездоказательнымъ».

Въ 50-мъ нумерѣ «Сынъ Отечества» вотъ что было сказано о дѣлѣ Мясниковыхъ:

«Шесть дней продолжалось засѣданіе С.-Петербургскаго Окружнаго Суда по извѣстному читателямъ дѣлу братьевъ Мясниковыхъ; шесть дней публика съ ранняго утра стояла у дверей зданія суда, считая какъ бы за особое счастье попасть въ залу засѣданія, и несмотря на то, что попасть туда было очень трудно, а для опоздавшихъ становилось почти невозможнымъ, на лѣстницѣ и у рѣшетки, при входѣ въ залу, всегда, отъ утра до вечера, толпилась цѣлая гурьба публики, въ какомъ-то томительномъ ожиданіи и чаяніи, что, можетъ быть, и на ея долю выпадетъ случай попасть на засѣданіе; шесть дней пробыли въ судѣ безвыходно и присяжные засѣдатели, отдѣленные и разобщенные отъ прочаго міра, и шесть дней слѣдили они съ полнымъ и неуклоннымъ вниманіемъ за всѣми подробностями разъяснявшагося и разкрывавшагося передъ ними процесса, имѣя полную возможность обсудить его со всѣхъ сторонъ; шесть дней упражнялись, такъ сказать, въ своего рода состязаніи лучшія силы нашей прокуратуры и адвокатуры; словомъ: шесть дней засѣданія суда были посвящены самому строгому и серьезному разсмотрѣнію дѣла,—и чтоже вышло въ результатѣ? Нѣчто въ томъ смыслѣ, что не оказалось ни преступленія, ни проступка. Вышло что-то такое, похожее на мыльный пузырь. Въ этомъ отношеніи не безъинтересно было сдѣлать наблюденіе надъ нѣкоторыми изъ тѣхъ, которые, интересуясь дѣломъ и только имъ, безъ всякихъ другихъ побужденій, имѣли терпѣніе высидѣть на всѣхъ засѣданіяхъ суда и все выслушать. Когда въ залѣ суда собралась публика въ первый день и ожидала выхода суда и открытія засѣданія, сколько было разныхъ толковъ, разныхъ предположеній и ожиданій чего-то особеннаго, необычайнаго, даже ужаснаго, что должно было раскрыться, благодаря только гласному суду и торжествующему началу правды! Нѣкоторые, говоримъ, навѣрно, только потому такъ усердно и добивались попасть въ залу суда, что надѣялись узрѣть

потрясающую душу драму, къ концѣ которой явится побѣдителемъ та несчастная жертва, надъ которой неправда умѣла тѣшиться и смѣяться четырнадцать лѣтъ! Моментъ торжества этой жертвы надъ своимъ мучителемъ казался, повидимому, особенно заманчивымъ и эффектнымъ! Какъ много и краснорѣчиво можно бы тогда поговорить о новыхъ судахъ, недающихъ и милліонеру уйти отъ кары суда, и объ удивительной настойчивости, съ какой обиженный наслѣдникъ въ теченіе болѣе чѣмъ десяти лѣтъ изъ всѣхъ силъ добивается правды и выходитъ за то изъ суда тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть во имя правды—обладателемъ огромнаго имѣнія. Темы, повторяемъ, открывались впереди богатыя! И когда Карагановъ признанъ себя виновнымъ, когда, затѣмъ, экспертиза не признавала ненормальности его умственныхъ способностей, когда, затѣмъ, другая экспертиза высказывалась за подлинность подписи на духовномъ завѣщаніи,—многіе были убѣждены, что дѣло защиты проиграно, что тутъ нѣтъ исхода и Мясниковымъ придется поплатиться за нечестное дѣло. И тѣмъ не менѣе, когда съ тѣми же самыми людьми, которые шли въ судъ только ради осужденія Мясниковыхъ, которыхъ сначала, повидимому, именно это осужденіе и интересовало, приходилось говорить въ послѣдній день засѣданія, послѣ—того, какъ выслушаны были рѣчи гг. Арсеньева и Языкова,—нельзя было не замѣтить, что въ нихъ уже недоставало прежняго жара и первой увѣренности; что вмѣсто нея въ ихъ душу западало уже сомнѣніе въ томъ исходѣ дѣла, какого они ждали по началу и въ который они такъ сперва вѣрили. Они уже колебались въ своемъ мнѣніи и не такъ настойчиво говорили за жертву. Дѣло въ томъ, что если по правилу закона,—правилу, которое одинъ изъ защитниковъ недавно назвалъ почти божественнымъ, всякое сомнѣніе должно быть объяснено въ пользу подсудимаго, то въ разсматриваемомъ дѣлѣ было столько сомнѣній, что о нихъ споткулся-бы самый твердый скептикъ; въ дѣлѣ этомъ было и осталось столько невыясненнаго, что кто-бы ни былъ на мѣстѣ присяжнаго засѣдателя, а совѣсть не могла при такихъ условіяхъ подсказать слово обвиненія. Довольно въ этомъ случаѣ указать на то, что четыре дня отъ утра до вечера были спрашиваемы свидѣтели, собранные отвсюду, и нѣкоторыхъ главныхъ изъ нихъ держали подъ перекрестнымъ допросомъ по нѣсколько часовъ, и что же однако вышло въ резуль-

татѣ? Послужилъ ли этотъ столь усердный и самый тщательный допросъ къ чему-нибудь? Ровно ни къ чему. Представитель прокурорскаго надзора нашелъ нужнымъ съ того начать свою рѣчь, чтобы отказаться и отрѣшиться отъ свидѣтельскихъ показаній и ссылки на нихъ, сознавая что масса ихъ только затемняетъ дѣло и путаетъ его. Такимъ образомъ то, что вообще въ уголовномъ процессѣ даетъ самый главный и богатый матеріалъ, въ дѣлѣ по обвиненію Мясниковыхъ оказалось чѣмъ-то въ родѣ ненужнаго балласта, который пришлось выбросить. И вотъ уже въ этомъ одномъ нельзя не видѣть нѣкоторую бросавшуюся въ глаза особенность этого дѣла. Дѣйствительно, свидѣтелей была масса, и одни изъ нихъ давали, по видимому, хорошій матеріалъ для обвиненія—а другіе для защиты, но въ сущности ни одинъ изъ нихъ не явился такимъ свидѣтелемъ, на котораго дѣйствительно можно-бы опереться и, опершись на котораго, можно было бы дѣйствовать и говорить уже не оставляя сомнѣнія. Что это были за свидѣтели? Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ числѣ ихъ нѣкоторые попали какъ бы по ошибкѣ и назвать ихъ свидѣтелями нельзя, и быть имъ свидѣтелями, какъ будтобы, не подобало. Таковы, напримѣръ, свидѣтели: Ижболдины, Бѣляева. Все это лица, близко заинтересованныя въ дѣлѣ. Ижболдины—истцы и они же свидѣтели—какъ хотите, а странно, Бѣляева прежде допрашивалась у судебнаго слѣдователя въ качествѣ обвиняемой, теперь явилась также свидѣтельницей! Можетъ-ли и могло-ли быть полное, безъ всякаго сомнѣнія, довѣріе къ показанію такихъ свидѣтелей? Съ другой стороны, первыхъ лицъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, и отъ которыхъ однихъ потому можно бы доискаться истины, не оказалось и въ живыхъ. И Кемпе, и Целебровскій, и Сицилинскій, и Отто, и Матвѣевъ давно въ могилѣ и молчатъ, а затѣмъ все сводится лишь къ слухамъ, къ показаніямъ о томъ, что одинъ изъ нихъ говорилъ то-то, а другой то-то, или просто къ сообщенію слуховъ и молвы. Понятно опять само собой, что все это плохая аргументація тамъ, гдѣ приходится обвинять человѣка въ преступленіи. Чѣмъ же вообще явилось дѣло Мясниковыхъ? Въ рѣчахъ, какія были произнесены обвиненіемъ и защитой, слышались указанія, по поводу этого дѣла, и на милліардъ въ туманѣ, и на походъ аргонавтовъ, и, наконецъ, на исторію о губернаторской дочкѣ, разсказанную

безсмертнымъ Гоголемъ въ его «Мертвыхъ Душахъ». Каждой стороной каждое изъ этихъ выраженій могло истолковываться въ своемъ смыслѣ, но въ общемъ, ими, безспорно, отлично характеризуется все дѣло. Нельзя не замѣтить, что во всемъ дѣлѣ дѣйствительно предносился по началу образъ какого-то огромнаго богатства, которое могло быть скрыто именно потому, что оно огромно. Нѣкоторые серьезно даже интересовались тѣмъ вопросомъ, хватитъ ли у Мясниковыхъ средствъ, въ случаѣ ихъ обвиненія, возвратить Ижболдину то, что будетъ принадлежать ему. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и самъ Ижболдинъ, имѣвшій средствъ вѣрно знать цифру оставшагося послѣ Бѣляева имущества, былъ увлеченъ все тѣмъ же представленіемъ милліоновъ и во имя этого и дѣйствовалъ такъ настойчиво цѣлые годы. Но изъ разсчетовъ, представленныхъ г. Арсеньевымъ, мы знаемъ, что милліоны Бѣляева ни что иное, какъ миѳъ, что состояніе его сводилось къ далеко не поражающей цифрѣ. Само обвиненіе не вело рѣчи о милліонѣ. И все это, конечно, было какъ то поразительно услышать вдругъ всѣмъ на судѣ, послѣ того предшествующаго говора, какой толковалъ почти что въ томъ смыслѣ, что Мясниковы разбогатѣли на счетъ Бѣляева. При новой выяснившейся постановкѣ вопроса о состояніи Бѣляева, когда почти что стало несомнѣннымъ, что онъ дѣйствовалъ главнымъ образомъ на средства и при пособіи Мясниковыхъ, пришлось невольно уже касаться вопроса о мотивахъ къ преступленію; и такъ какъ о корыстныхъ цѣляхъ тутъ уже могло быть мало рѣчи, то пришлось отыскивать другія цѣли, или же сказать, какъ и сдѣлала это одна изъ сторонъ, что въ уголовномъ процессѣ нѣтъ дѣла до мотивовъ, а отыскано преступленіе, и довольно того. Но вѣдь не такова природа человѣческая, чтобы могла допустить какое-то безпричинное преступленіе; напротивъ, для нея мотивъ играетъ большую роль и всегда получаетъ огромное значеніе. И вотъ, если съ одной стороны становилось непонятнымъ, изъ чего бьется и чего добивается Ижболдинъ и ради чего потратилъ онъ столько трудовъ, то съ другой стороны, тутъ же рядомъ приходилось ставить совершенную темноту и необъяснимость мотивовъ преступленія; оставался необъяснимымъ вопросъ: ради чего-жъ въ самомъ дѣлѣ Мясниковы, бывшіе въ минуту смерти Бѣляева милліонерами, могли рѣшиться на поддѣлку завѣщанія, которое недавало имъ ничего особеннаго?

Не разъяснился этотъ вопросъ и по отношенію къ другимъ лицамъ, примѣшаннымъ къ тому же дѣлу, напримѣръ самой Бѣляевой, Спиридонскому, Отто. Вѣрнѣй всего и выходило то, что Ижболдинъ, увлекшись молвой и слухами о милліонахъ Бѣляева и неимѣя возможности провѣрить ихъ, а, можетъ быть, и не желая провѣрять, учинилъ походъ за мнимымъ богатствомъ. И въ этомъ случаѣ, безспорно, весьма характеристичными являются и тѣ первые мелкіе ходатаи, порожденіе старыхъ судебныхъ порядковъ, съ которыми онъ встрѣтился и которые вели его дѣло, и нѣкоторыя изъ тѣхъ лицъ, къ которымъ онъ обращался по своему дѣлу и которыя такъ или иначе принимали въ немъ участіе. Г. прокуроръ, говоря объ этихъ ходатаяхъ, указалъ на нихъ какъ на охотниковъ постричь неопытнаго провинціала и исполнявшихъ это умѣючи, и нельзя несогласиться, что не будь этихъ охотниковъ, не будь для нихъ приманки въ дѣлѣ, оно навѣрно не достигло бы такихъ размѣровъ. Будь точно также посдержаннѣе, но осторожнѣе, и, пожалуй, посмышленнѣе и нѣкоторыя изъ тѣхъ лицъ, съ которыми Ижболдину приходилось говорить объ его дѣлѣ, будь они и не такъ податливы на разныя предложенія, просто даже не давай волн языку, и тогда, навѣрно, дѣло не явилось бы тѣмъ, что вышло изъ него теперь. Теперь оно дѣйствительно напоминаетъ ту страницу «Мертвыхъ Душъ», гдѣ разсказывается исторія о губернаторской дочкѣ: сплетня, молва, пустой говоръ, ложь—все сплелось и перепуталось и дошло до того, что разобрать тутъ что либо не стало никакой возможности. Небольшой комокъ снѣга, подвигаемый впередъ, обращается потомъ въ глыбу и большой шаръ. Повторяемъ, въ томъ видѣ, въ какомъ явилось въ настоящее время дѣло, обвиненіе Мясниковыхъ было уже немыслимо. Нельзя, при этомъ, не указать на одно бросавшееся въ глаза обстоятельство: въ числѣ обвиняемыхъ былъ и Иванъ Мясниковъ, но во все время судебнаго слѣдствія не было о немъ ни слова, не явилось ни одного на него указанія, ни одной ссылки; точно онъ во все время хода дѣла и не жилъ, и не существовалъ. И однакожъ, онъ обвинялся! Какъ хотите, а подобный обвиняемый—рѣдкій въ своемъ родѣ примѣръ! Рѣдкостью въ своемъ родѣ и особенностью явилось и то, что въ то время, какъ весь обвинительный актъ основанъ, главнымъ образомъ, на показаніяхъ свидѣтелей, на судебныхъ преніяхъ всѣ эти показанія отвергаются какъ

ненужныя. Приходится повѣрить, что можетъ быть и дѣйствительно судебный слѣдователь, производившій слѣдствіе, отказывался отъ обвиненія, и что если оно явилось, то лишь по настоятельнымъ требованіямъ. Мы вообще думаемъ, что въ юридическомъ отношеніи дѣло Мясниковыхъ не представило ничего особеннаго и если доказало что, то лишь еще разъ подтвердивъ, что косвенныя улики въ наше время, при судѣ присяжныхъ, теряютъ все болѣе и болѣе свое значеніе. Совѣсть присяжныхъ хочетъ и ищетъ лишь доказаннаго и не сомнѣннаго факта и тяготится принять на себя чье-либо осужденіе безъ твердой увѣренности въ винѣ. Но, во всякомъ случаѣ, хотя обвиненіе не выдержало себя, хотя не твердъ оказался и обвинительный актъ, нельзя однако не придавать особеннаго значенія тому, что дѣло Мясниковыхъ явилось на судъ и было разобрано здѣсь; нельзя не быть, потому, благодарными тѣмъ, чьимъ настойчивымъ требованіямъ обязаны такимъ его появленіемъ. Дѣло въ томъ, что молва о дѣлѣ предупредила самое дѣло; толки шли о немъ давно и росли постоянно. Въ этихъ толкахъ промелькивало и нѣчто ужасное. Вотъ ужъ одно это обстоятельство могло дѣлать не только неудобнымъ, но въ нѣкоторомъ родѣ и опаснымъ всякое прекращеніе дѣла. И сплетня, и то недовольство новыми судами, какое еще живетъ въ нѣкоторой части нашего общества, могли находить здѣсь для себя богатую пищу. Дурнымъ людямъ было бы здѣсь на чемъ разыграть свою арію. И увѣрьте, затѣмъ, простячковъ, что въ этомъ прекращеніи дѣла не было ничего, кромѣ сознанія слабости уликъ и непрочности тѣхъ данныхъ, на которыхъ приходилось строить обвиненіе! Какъ разъ пошли бы толки о подкупѣ, о мирволствѣ, о томъ, что богатымъ людямъ все-де сходитъ и можетъ сходить съ рукъ. И вотъ, рядомъ съ однимъ мыльнымъ пузыремъ образовался бы другой, вмѣсто одного мнѣ явилось бы два, и вся эта путаница шла бы вдаль, въ будущее. Не только темное дѣло о наслѣдствѣ Бѣляева оставалось бы темнымъ, но оно могло родить другое подобное себѣ дѣло: о своемъ прекращеніи. Во всякомъ случаѣ истцы могли быть недовольны и совѣсть общественная была-бы не успокоена. Теперь не то. Судебное разбирательство дѣла Мясниковыхъ,—разбирательство, полное неустаннаго и глубокаго вниманія со стороны представителей общественной совѣсти—присяжныхъ засѣдателей,—принесло

уже огромную пользу въ томъ смыслѣ, что разсѣяло мракъ и тьму, окружавшія дѣло, вывело его изъ области сплетни и поставило лицомъ къ лицу съ общественнымъ сознаніемъ. Всякій, положимъ, и теперь можетъ думать какъ ему угодно, но никто не можетъ съ одной стороны сказать, что дѣло затерто и замято, и со стороны власти или суда сдѣлана какая либо поточка богатству или искательству, а съ другой стороны, не вправѣ болтать о томъ, чего не было въ дѣлѣ и на что нѣтъ указаній. Значеніе бывшаго шестидневнаго засѣданія именно въ томъ и выразилось, что очевиднѣйшимъ образомъ еще разъ доказало, что новый судъ не смотритъ на лица, а передъ нимъ всѣ равны: и богатый, какъ бѣдный».

Кромѣ газетъ, дѣло Мясниковыхъ подвергалось обсужденію и въ нашихъ толстыхъ журналахъ. «Отечественныя Записки» (мартъ № 3), изложивъ «все это сложное дѣло, съ краткимъ указаніемъ на достоинство и недостатки какъ защиты, такъ и обвиненія», пришли къ заключенію: что вообще и защита, и обвиненіе расходились только въ частностяхъ, а въ главномъ не противорѣчили: Караганова такъ и оставили въ сильномъ подозрѣніи на счетъ мозговъ, тогда какъ отъ его признанія очень многое зависѣло.

Относительно достоинствъ и недостатковъ какъ защиты, такъ и обвиненія «Отечественныя Записки» находятъ, что разсужденія г. Арсеньева имѣютъ неоспоримыя литературныя достоинства, изъ аргументаціи же его, едва ли кто убѣдится, что у Бѣляева къ концу его жизни осталось много только духа предпріимчивости и бодрости, а состоянія очень мало—не болѣе 20—30 тысячъ; но процессъ самой аргументаціи заинтересуетъ всякаго литературною оборотливостію защитника; что другой защитникъ подсудимыхъ, г. Языковъ, за неимѣніемъ надлежащей точки опоры, принялся даже вызывать тѣни умершихъ свидѣтелей; что прокуроръ г. Кони, обвинялъ Мясниковыхъ уже не съ тою энергіею, съ какою онъ выступилъ годъ тому назадъ противъ несчастной Ирины Бѣловой при разсмотрѣніи въ Казанскомъ Окружномъ Судѣ дѣла объ убійствѣ старухою, женой горькаго пьяницы, мужа, что если сравнить обѣ рѣчи г. Кони: казанскую, по обвиненію Бѣловой, и Мясниковыхъ, то можно подумать, будто прокурорскія способности г. Кони не только не развиваются, но даже стали слабѣть; но что не нужно забывать, что мясниковское дѣло было очень запутано,

и эта запутанность, естественно, на столько же должна была ослаблять энергію обвиненія, на сколько увеличивала энергію защиты, и оттого по этому дѣлу невозможно судить о талантахъ защитниковъ и обвинителей». По видимому—говорятъ «Отечественныя Записки»—въ этомъ запутанномъ дѣлѣ лучше другихъ успѣлъ ориентироваться защитникъ—обвинитель Лохвицкій, но и тотъ едвали не повредилъ кліенту своими смѣхотворными рѣчами. Слушая его комическія рѣчи, смѣялись рѣшительно всѣ: и подсудимые (эти, впрочемъ не всѣ), и защитники, и присяжные, и публика и, наконецъ, самъ неподражаемый комикъ-ораторъ. Улыбались даже (разумѣется весьма сдержанно) сами судьи».

Повидимому, въ отношеніи къ г. Лохвицкому «Отечественныя Записки» позволили себѣ нѣкоторое глумленіе. Нельзя увѣрять серьезно, что въ запутанномъ дѣлѣ можно ориентироваться посредствомъ смѣхотворныхъ рѣчей. Окрестивъ г. Лохвицкаго именемъ комика-оратора, почтенный журналъ оказалъ ему очень плохую услугу, потому что подобный комизмъ идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ уваженіемъ, которое, безъ всякаго сомнѣнія, должно имѣть къ суду.

Въ мартовской книжкѣ журнала «Дѣло» также явилась статья по поводу процесса Мясниковыхъ; но въ ней о существенныхъ обстоятельствахъ этого дѣла не сказано ни слова; повторены только слова «Искры», что защитники Мясниковыхъ, будто бы, получили, каждый по 10.000 руб. за свои доблестные труды въ самомъ зданіи суда; затѣмъ говорится, что гласности Мясниковскаго процесса помогла драматическая обстановка самаго дѣла, и что какой-то мрачно-трагическій характеръ лежитъ на всемъ его ходѣ.

«Вѣстникъ Европы», въ апрѣльской книжкѣ этого журнала, сдѣлавъ обзоръ основныхъ элементовъ судебнаго матеріала въ дѣлѣ Мясниковыхъ, пришелъ къ слѣдующему заключенію:

«На основаніи всей совокупности процесса, неоспоримо слѣдуетъ, что при полнѣйшей добросовѣстности присяжныхъ и при внимательнѣйшемъ изученіи ими обстоятельствъ дѣла, они могли не найти достаточныхъ уликъ для обвиненія, въ виду того факта, что подпись на завѣщаніи все-таки сходна съ подписью Бѣлаева (такъ какъ сама экспертиза въ концѣ находила въ ней поддѣлку, но поддѣлку искусную), и что завѣщаніе это въ свое время было засвидѣтельствовано съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формаль-

ностей. Итакъ, самыя существенныя обстоятельства дѣла представились въ такомъ видѣ, что со стороны присяжныхъ было вполнѣ естественно, не найдя несомнѣнныхъ основаній для отрицанія этого акта, для ломки существующаго оставить все дѣло въ statu quo, то есть оправдать обвиняемыхъ.

Далѣе, обращаясь къ выясненію вопроса: «зачѣмъ оставалась побѣда на полѣ преній, а стало быть и въ чью пользу долженъ былъ состояться результатъ этихъ преній»,—«Вѣстникъ Европы» говоритъ:

«Прокуроръ началъ свою рѣчь съ того, что онъ не будетъ «усиленно убѣждать» въ виновности подсудимыхъ и «настойчиво излагать свое мнѣніе» о дѣлѣ. Цѣлью своей рѣчи онъ прямо указалъ—развить передъ присяжными ходъ «соображеній», которыми руководствовалась въ настоящемъ случаѣ обвинительная власть, и помочь присяжнымъ: «всмотрѣться въ ту даль, на которой написанъ 1858 годъ (годъ смерти Бѣляева) и окинуть взглядомъ ту обстановку, которая окружала возникновеніе завѣщанія Бѣляева». Рѣчь прокурора совершенно соотвѣтствовала этимъ задачамъ. Онъ именно болѣе всего развивалъ ходъ соображеній, всматривался вдаль и старался воспроизвести картину всей обстановки, при которой долженъ былъ возникнуть завѣщаніе, если только оно было фальшиво. Итакъ, задача главнаго обвинителя была преимущественно — художественная; главной силой его рѣчи была сила воображенія, и разсчитана она была преимущественно на воображеніе присяжныхъ. Задачу свою прокуроръ исполнилъ превосходно: онъ нарисовалъ такую живую и полную картину всего хода предполагаемаго преступленія, что оно становилось какъ бы несомнѣннымъ, но несомнѣннымъ только—для воображенія. Рѣчь г. Кони по дѣлу о завѣщаніи Бѣляева, какъ и его новѣйшая рѣчь по убійству Рыжова—мастерскіе этюды, полные тонкаго психологическаго анализа и замѣчательной силы творчества въ воспроизведеніи типовъ и моментовъ драмы, къ тому же изложенные превосходнымъ языкомъ,—да позволено будетъ это замѣчаніе, такъ какъ мы дѣлаемъ оцѣнку литературно-критическую. И при этомъ, въ дѣлѣ обвиненія Мясниковыхъ, необходимо еще замѣтить: придавая своей рѣчи такой характеръ, прокуроръ, по намѣренію своему, нисколько не жертвовалъ интересомъ обвиненія въ пользу художественности своей рѣчи. Въ дѣлѣ

столь давнемъ, въ дѣлѣ, гдѣ матеріальныхъ доказательствъ мало, прокуроръ и въ такомъ случаѣ, если бы онъ стремился къ осужденію подсудимыхъ во что бы то ни стало, могъ дать своей рѣчи тотъ характеръ, какой онъ далъ ей, именно изъ практическаго же разсчета: онъ могъ надѣяться, что посредствомъ живой и полной картины предполагаемаго преступленія, картины, гдѣ все приведено къ связи, гдѣ все взаимно объясняется, онъ убѣдитъ присяжныхъ силою вѣроятности, представитъ имъ преступленіе несомнѣннымъ, именно по невозможности иначе удовлетворительно связать всѣ имѣющіеся факты и показанія. Но полнота картины все-таки не замѣняетъ твердости, ясности юридическихъ доказательствъ, и настойчивости, хотя бы на немногихъ, но наиболѣе твердыхъ фактахъ. И присяжнымъ слѣдуетъ вмѣнить въ заслугу, что они не поддались силѣ одной психологической вѣроятности, что они оказались болѣе требовательными юристами, чѣмъ, судя по его рѣчи, ихъ считалъ прокуроръ:

Затѣмъ, прослѣдивъ главнѣйшіе доводы защитника Мясниковыхъ, г. Арсеньева, «Вѣстникъ Европы» высказываетъ свое слѣдующее мнѣніе:

«Характеристикою рѣчи прокурора и анализомъ доводовъ защитника, мы, надѣемся, доказали, что самый ходъ судебныхъ преній, самое веденіе дѣла на судѣ могло только способствовать настроенію присяжныхъ въ пользу оправданія. Оно, по всей вѣроятности, было бы произнесено, даже и безъ той тѣсной постановки, какая была дана первому предъявленному присяжнымъ вопросу: «было ли составлено въ августѣ или сентябрѣ 1858 года фальшивое отъ имени фридрихсгамскаго купца, Козьмы Бѣляева, духовное завѣщаніе, писанное отъ 10-го мая 1858 года, на которомъ подпись «Козьма Бѣляевъ» была поддѣлана подъ руку Бѣляева другими лицами»? Если бы слова «въ августѣ и сентябрѣ» были опущены, если бы спрашивалось просто, было ли въ 1858 году составлено завѣщаніе и т. д., то и тогда, по обстоятельствамъ дѣла, и ходу судебныхъ преній, присяжные, по всей вѣроятности, отвѣчали бы на этотъ вопросъ отрицательно. Но слова «въ августѣ или сентябрѣ», разумѣется, еще болѣе затрудняли возможность отвѣта положительнаго. Въ августѣ Бѣляевъ былъ еще живъ и стало быть о составленіи подложнаго завѣщанія въ то время могла бы быть рѣчь только въ такомъ случаѣ, если бы

предпринималось убійство Бѣляева, чего нисколько не предполагается; въ сентябрѣ же подложное завѣщаніе могло быть составлено, такъ какъ въ этомъ мѣсяцѣ послѣ смерти Бѣляева, т. е. послѣ 24-го числа, оставалось еще шесть дней, а Карагановъ говоритъ, что онъ уже въ день смерти Бѣляева далъ свой бланкъ. Но зачѣмъ же было съужать границы времени, такъ какъ завѣщаніе, если оно подложно, могло быть составлено и въ началѣ октября? Намъ кажется, что предшествующаго обзора совершенно достаточно для отклоненія и тѣни сомнѣнія въ томъ, что присяжные могли, при полной добросовѣстности и внимательности, вынести оправдательный приговоръ, и что такой вердиктъ и по обстоятельствамъ дѣла, и по ходу его на судѣ, былъ наиболѣе вѣроятенъ».

На приговоръ С.-Петербургскаго Окружнаго Суда принесены были протестъ прокурора и кассаціонная жалоба повѣреннаго гражданскихъ истцовъ, вслѣдствіе чего настоящее дѣло 24-го прошедшаго апрѣля разсматривалось въ засѣданіи Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената. Засѣданіе это произошло слѣдующимъ образомъ:

Докладъ сенатора Пятницкаго, начавшійся изложеніемъ обстоятельствъ самаго дѣла, заключался въ сущности въ слѣдующемъ: На приговоръ, состоявшійся по дѣлу Мясниковыхъ и Караганова, обвинявшихся въ составленіи подложнаго завѣщанія Бѣляева, принесены были протестъ прокурора и кассаціонная жалоба повѣреннаго Ижболдиныхъ, д-ра правъ Лохвицкаго, къ которой присоединился повѣренный Пѣшехоновой, присяжный повѣренный Остряковъ. Кромѣ этого, защитникомъ А. Мясникова, присяжнымъ повѣреннымъ Арсеньевымъ, представлено было объясненіе, въ которомъ онъ прежде чѣмъ возражать противъ существа кассаціонной жалобы, просилъ оставить ее безъ разсмотрѣнія, во-первыхъ, на томъ основаніи, что въ ст. 910 Уст. угол. суд разъясненной рѣшеніемъ Сената 31-го марта этого года слѣдовало представить при этой жалобѣ залогъ въ количествѣ, соотвѣтствующемъ числу лицъ, отъ имени которыхъ она подается, а во-вторыхъ, по имѣнію лицами этими права являться въ настоящемъ дѣлѣ гражданскими истцами. По первому предмету изъ дѣла видно, что при кассаціонной жалобѣ, принесенной г. Лохвицкимъ 20-го марта, на приговоръ суда, который былъ объявленъ въ окончательной

формѣ 7-го марта, принято судомъ 25 руб. залога; залогъ этотъ судъ, представивъ въ Сенатъ, донесъ, что слѣдующій по ст. 910 залогъ въ размѣрѣ 25 руб. внесенъ въ кассу суда; послѣ этого д-ръ правъ Лохвицкій въ прошеніи, поданномъ 10-го апрѣля, объяснилъ, что хотя онъ имѣетъ одну довѣренность, и хотя размѣръ залога опредѣленъ былъ судомъ, но, во-избѣжаніе недоразумѣній, онъ проситъ принять дополнительный залогъ въ 50 руб. Судъ, принявъ этотъ залогъ, донесъ о томъ Сенату. По второму предмету въ протоколѣ суда записано заявленіе защитника А. Мясникова, что гражданскіе истцы вовсе не могутъ быть допущены къ участію въ дѣлѣ на томъ основаніи, что право на наслѣдство Бѣляева, въ случаѣ признанія завѣщанія подложнымъ, не можетъ быть признано за лицами, несоединенными съ нимъ кровнымъ родствомъ, и что хотя рѣшеніемъ гражданскаго суда признано право Мартьяновой завѣщать свой искъ къ завѣщанію Бѣляева, но что это мнѣніе суда не вошло въ окончательные выводы, а выражено имъ только въ соображеніяхъ и потому не могло войти въ окончательную силу.

Въ объясненіи своемъ г. Арсеньевъ присовокупилъ, что, по смыслу рѣшенія Сената 1869 года по дѣлу Княжнина, въ дѣлахъ о подложности завѣщанія гражданскими истцами могутъ быть признаны тѣ лица, права которыхъ на имущество зависятъ отъ признанія завѣщанія уголовнымъ судомъ дѣйствительнымъ или ничтожнымъ, и что въ случаѣ признанія завѣщанія Бѣляева недѣйствительнымъ, наслѣдство послѣ него за силою 1010 ст. тома 10, ч. 1, должно будетъ перейти къ законнымъ наслѣдникамъ, которыми могутъ быть только лица, соединенныя кровнымъ родствомъ съ лицомъ, послѣ котораго осталось имущество, тогда какъ Пѣшехонова и Пжболдины въ такихъ отношеніяхъ ни съ Бѣляевымъ, ни съ Мартьяновой не находились, и передача имъ Мартьяновою своихъ правъ на слѣдство не можетъ быть признана дѣйствительною.

На случай, еслибы соображенія эти о непринятіи къ разсмотрѣнію кассаціонной жалобы были признаны неуважительными, г. Арсеньевъ представилъ объясненія по существу какъ по протесту, такъ и по кассаціонной жалобѣ. Поводы, приведенные въ протестѣ прокурора, относятся, во-первыхъ, къ распоряженію суда о предоставленіи ему права доставить въ судъ неявившуюся свидѣ-

тельницу Аѳанасьеву, во-вторыхъ, къ непрочтенію показаній отца и жены Карагапова и, въ-третьихъ, къ неопредѣленности отвѣта присяжныхъ. По второму изъ этихъ поводовъ принесена также жалоба со стороны г. Лохвицкаго, который, кромѣ того, указываетъ, какъ на пункты кассаціи, на неправильную постановку перваго вопроса, неправильное объявленіе предсѣдателемъ подсудимыхъ свободными отъ суда, на неприведеніе къ присягѣ первой группы свидѣтелей и на допущеніе эксперта Дюкова къ производству экспертизы до принесенія присяги, причемъ Дюковъ, не будучи отдѣленъ отъ подсудимыхъ, входилъ въ разговоровъ съ И. Мясниковымъ.

По предмету перваго кассаціоннаго повода прокурора изъ дѣла видно, что на предварительномъ слѣдствіи спрошена была мѣщанка Аѳанасьева; на второй день судебнаго засѣданія, приставъ доложилъ суду, что находящаяся въ судѣ Аѳанасьева заявила, что она выставлена свидѣтельницею по ошибкѣ; по введеніи ея въ залу засѣданія и послѣ спроса ея, оказалось, что по дѣлу этому ничего не знаетъ и въ услуженіи у Бѣляевой не жила; далѣе, въ протоколѣ суда записано, что по выслушаніи заключенія прокурора, судъ постановилъ уволить Аѳанасьеву, предоставивъ прокурору озаботиться приглашеніемъ въ судъ той Аѳанасьевой, которая значится въ спискѣ, если прокуроръ считаетъ показаніе ея для себя важнымъ. Въ протестѣ своемъ прокуроръ объясняетъ, что спрошенъ былъ предсѣдателемъ только о возможности уволить изъ суда Аѳанасьеву, вызванную по недоразумѣнію, но что стороны не были спрошены, согласно ст. 640 о возможности продолжать судебное засѣданіе въ отсутствіе Аѳанасьевой, причемъ изъ опредѣленія суда не видно, чтобъ онъ считалъ показаніе это безусловно несущественнымъ, такъ какъ судомъ признано было за прокуроромъ право представить свидѣтельницу къ допросу, если онъ найдетъ это необходимымъ. Но доставленіе свидѣтелей въ судъ лицами прокурорскаго надзора не предусмотрѣно Уст. угол. суд., такъ какъ свидѣтели вызываются подъ угрозою взысканія лишь судебными мѣстами, слѣдователями и мировыми судьями; кромѣ того, это опредѣленіе суда было неудобоисполнимо для прокурора, принимавшаго участіе въ качествѣ обвинителя въ непрерывно продолжавшемся засѣданіи. Такимъ образомъ судъ, по заявленію прокурора, лишилъ его возможности представить свои сообра-

женія о важности показанія, которое могло быть дано этою свидѣтельницею, тѣмъ болѣе, что, за объявленіемъ состоявшагося уже постановленія, приведеніе доводовъ къ его отмѣнѣ являлось неумѣстнымъ, чѣмъ нарушена ст. 640 Уст. уг. суд. Защитникъ Александра Мясникова въ объясненіи своемъ по этому предмету полагаетъ, что судъ разрѣшилъ вопросъ о послѣдствіяхъ неявки свидѣтельницы по выслушаніи заключенія прокурора, а удостовѣреніе прокурора о томъ, что онъ былъ спрошенъ только объ увольненіи Аѳанасьевой, по мнѣнію защитника, не подтверждается протоколомъ, тогда какъ отъ прокурора зависило потребовать включенія въ протоколъ сущности заявленія, наконецъ, постановленіе суда состоялось на второй день засѣданія, судебное же слѣдствіе было объявлено оконченнымъ только на пятый день, и, слѣдовательно, отъ прокурора зависѣло сдѣлать розыскъ Аѳанасьевой и пригласить ее въ судъ, или просить о прочтеніи ея показанія. Изъ того же, что судъ предоставилъ прокурору представить свидѣтельницу, если онъ это считаетъ нужнымъ, и затѣмъ продолжалъ засѣданіе, видно, что судъ признавалъ показаніе несущественнымъ, но не выразилъ этого убѣжденія потому, что не была приведена въ ясность возможность, или невозможность явки ея въ засѣданіе; этимъ судъ охранилъ только права обвиненія, такъ какъ прочтеніе ея показанія могло быть допущено до самаго окончанія слѣдствія. При томъ самая неявка свидѣтеля, согласно разъясненію Сената по дѣлу Ястребова 1868 г. за № 534, не можетъ служить поводомъ къ отмѣнѣ судебнаго производства, если неявка эта не была выставлена сторонами, какъ препятствіе къ разсмотрѣнію дѣла; равно не служитъ поводомъ къ отмѣнѣ и непостановленіе опредѣленія относительно несущественности показанія свидѣтельницы. Наконецъ, свидѣтельница не была вызвана въ надлежащемъ порядкѣ по упущенію прокурора и, согласно рѣшенію Сената 1869 г. за № 566, исправленіе этой ошибки должно быть признано зависящимъ отъ прокурора.

По второму предмету протеста прокурора о непрочтеніи показанія Карагановыхъ изъ протокола видно, что Наталья Карагапова, явясь на судъ, отказалась отъ дачи показанія, вслѣдствіе чего г. Лохвицкій просилъ прочитать показаніе, данное ею на предварительномъ слѣдствіи, такъ какъ она не воспользовалась правомъ, предоставленнымъ ей ст. 705, и показаніе ея вошло въ обвини-

тельный актъ. Судъ постановилъ отказать въ этомъ ходатайствѣ, такъ какъ съ одной стороны прочтеніе показаній можетъ имѣть мѣсто только въ случаяхъ, указанныхъ 627 и 627 ст. Уст. угол. суд., къ которымъ данный случай не относится, а также и по тому что прочтеніе показанія Карагановой было бы прямымъ нарушеніемъ права, принадлежащаго ей по ст. 705. На основаніи этой же статьи судъ постановилъ освободить отъ дачи показанія отца Караганова, пожелавшаго быть спрошеннымъ. Прокуроръ въ своемъ протестѣ объясняетъ, что показаніе Натальи Карагановой, въ связи съ собственнымъ сознаніемъ мужа ея, послужило однимъ изъ главнѣйшихъ основаній къ обвиненію подсудимыхъ; что отказъ суда на просьбу повѣреннаго гражданскихъ истцовъ о прочтеніи показанія Карагановой устранилъ возможность подобнаго же ходатайства со стороны прокурора; что законъ разрѣшаетъ близкимъ родственникамъ обвиняемыхъ отказываться отъ тяжкой обязанности свидѣтельствовать противъ нихъ и обязываетъ слѣдователя указывать на это неотъемлемое ихъ право: но если лица эти не устраняютъ себя отъ свидѣтельства, то оно во многихъ случаяхъ можетъ имѣть огромное значеніе въ дѣлѣ и служить однимъ изъ главнѣйшихъ основаній для преданія суду, и если допустить толкованіе, принятое судомъ, то неизбѣжно представится случаи, въ которыхъ родственникъ-свидѣтель, давшій своимъ показаніемъ на предварительномъ слѣдствіи основаніе для преданія суду, отказомъ своимъ отъ показанія на судебномъ слѣдствіи лишитъ судъ всякой возможности объяснить присяжнымъ, посредствомъ прочтенія его показанія, дѣйствительныя обстоятельства дѣла. Недостатокъ этотъ, по мнѣнію прокурора, не можетъ быть восполненъ ссылкою на обвинительный актъ по слѣдующимъ основаніямъ: если показаніе свидѣтеля приведено въ обвинительномъ актѣ въ сжатомъ видѣ, то ссылка на него не можетъ имѣть серьознаго значенія для присяжныхъ, которымъ необходимо предоставленіе полной и подробной оцѣнки показанія, если же оно приведено въ обвинительномъ актѣ со всѣми подробностями, то передача его обвинителемъ въ своей рѣчи будетъ равносильна его прочтенію съ тѣмъ только отличіемъ, что передача этихъ показаній всегда будетъ отличаться характеромъ ложнымъ и иногда, помимо воли обвинителя, будетъ содержать въ себѣ фактическія ошибки; и вообще такого рода ссылки на обвинительный актъ

нельзя не считать противными смыслу 737 ст., по которой обвинитель не долженъ ссылаться на такія доказательства, которыя не были провѣрены на судебномъ слѣдствіи, такъ какъ это равнялось бы личному свидѣтельству обвинителя (рѣшеніе Сената 1868 г. № 254 по дѣлу Михѣева), и только судебное слѣдствіе должно служить матеріаломъ для обвинительной рѣчи. Судъ, постановляя свой отказъ о прочтеніи показанія отца и жены подсудимаго Караганова, сослался на ст. 626 и 627 Уст угол. суд.; но статья 626, какъ говорящая о прочтеніи показаній неявившихся свидѣтелей, къ настоящему случаю не относится, а ст. 627 напротивъ можетъ служить основаніемъ къ прочтенію этихъ показаній, такъ какъ ею разрѣшается прочтеніе показаній, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи въ случаѣ противорѣчія съ тѣми, которыя даны на судебномъ слѣдствіи. Рѣшеніемъ же Сената 1867 г. за № 218 признано, что правило, изложенное въ 627 ст., распространяется и на тѣхъ свидѣтелей, которые, явясь въ засѣданіе, отказались вовсе дазать показаніе. Такимъ образомъ, по мнѣнію прокурора, судъ отказомъ въ прочтеніи показанія Карагановой нарушилъ точный смыслъ ст, 705 и 627 ст. Уст. угол. суд. Г. Лохвицкій въ жалобѣ своей по этому поводу замѣчаетъ, что ст. 705 не подверглась нарушенію, такъ какъ не было ходатайства о принужденіи Карагановой къ дачѣ показанія и, объясняя примѣненіе ст 627 въ томъ же смыслѣ, какъ она объяснена въ протестѣ прокурора, присовокупляетъ, что послѣ отказа судомъ въ прочтеніи показанія Карагановой не могло уже быть подобнаго же заявленія о прочтеніи показанія отца Караганова, и что наконецъ предсѣдательствующій не дозволялъ г. Лохвицкому сослаться въ рѣчи даже на тѣ немногія черты показанія Карагановой, которыя заключаются въ обвинительномъ актѣ. По поводу этого обстоятельства въ протоколъ суда записано, что г. Лохвицкій былъ остановленъ въ то время, когда коснулся сущности показанія даннаго женою Караганова на предварительномъ слѣдствіи, какъ небывшаго предметомъ судебнаго слѣдствія. Защитникъ А. Мясникова въ объясненіи своемъ по этому кассаціонному пункту сослался на рѣшеніе Сената 1867 г. за № 701, которымъ признано, что такъ какъ жалоба мужа на непрочтеніе показанія жены его не можетъ заслуживать уваженія, когда жена не явилась въ судъ, и нѣтъ данныхъ утверждать,

чтобы она не устранила себя отъ свидѣтельства, то на судѣ показаніе ея, данное на предварительномъ слѣдствіи, прочитано быть не можетъ. Затѣмъ, рѣшеніемъ 1869 г. за № 448 положительно выражено, что отказъ отъ дачи показанія лицомъ, подходящимъ подъ дѣйствіе ст. 705, не можетъ быть приравниваемъ къ самовольному уклоненію отъ показанія лицъ, неимѣющихъ права отказываться. Судъ, такимъ образомъ, по мнѣнію защитника, поступилъ правильно и согласно съ точнымъ смысломъ 626 и 627 ст. Уст., отказавъ въ прочтеніи показанія лица, пожелавшаго устранить себя отъ свидѣтельства. И соображенія прокурора о значеніи для обвиненія показаній лицъ, указанныхъ ст. 708, устраняются прямымъ смысломъ этого закона, въ которомъ не сдѣлано оговорки, чтобы установляемымъ имъ правомъ не могли пользоваться лица, неустранившія себя отъ свидѣтельства на предварительномъ слѣдствіи. Слѣдовательно, законъ обезпечиваетъ за близкими къ подсудимому лицами до самой послѣдней минуты возможность оградить себя отъ тяжкой обязанности содѣйствовать своимъ показаніемъ обвиненію близкаго лица, и прочтеніе показанія такихъ лицъ уничтожило бы фактически силу этого отказа, при чемъ свидѣтели, увольняющіеся отъ суда въ силу 705 ст., лишаются возможности исправить ошибки, неточности въ своихъ показаніяхъ.

Третій поводъ протеста прокурора относится къ неопредѣленности отвѣта, даннаго присяжными на первый вопросъ, и составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ предметъ кассаціонной жалобы о неправильной постановкѣ судомъ вопроса. Въ протоколѣ суда записано, что прокуроръ противъ постановки вопросовъ не возражалъ, а д-ръ правъ Лохвицкій заявилъ, что было удобнѣе исключить въ первомъ вопросѣ время составленія завѣщанія, обозначенное «августомъ или сентябремъ 1858 г.» и для большей ясности оговорить, что рѣчь идетъ о завѣщаніи, представленномъ къ настоящему дѣлу; кромѣ того г. Лохвицкій просилъ дополнить первый вопросъ введеніемъ въ него другаго самостоятельнаго признака подложности завѣщанія, а именно, не было ли оно подписано свидѣтелями послѣ смерти Бѣляева, при существованіи на завѣщаніи подлинной подписи, съ тѣмъ, чтобы присяжнымъ было разъяснено о правѣ ихъ дать ограничительный отвѣтъ, въ случаѣ признанія ими одного признака подложности и непризнанія дру-

гаго. Судъ по этому вопросу принялъ во вниманіе, что время составленія подложнаго завѣщанія обозначено согласно съ обвинительнымъ актомъ, не измѣненнымъ на судебномъ слѣдствіи, что за обозначеніемъ времени написанія завѣщанія 10-мъ маемъ 1858 г., не можетъ быть сомнѣнія, что вопросъ предложенъ о томъ завѣщаніи, которое представлено къ дѣлу, тѣмъ болѣе, что это завѣщаііе было прочитано и предъявлено присяжнымъ, и что судебное слѣдствіе не представило никакихъ данныхъ къ постановкѣ условнаго вопроса о томъ, что подложность завѣщанія заключается въ подписаніи его свидѣтелями послѣ смерти Бѣляева при подлинности самой подписи завѣщателя, и что это предположеніе не заявлялось повѣр. гражданскихъ истцевъ ни во время слѣдствія, ни при заключительныхъ преніяхъ. Въ протоколѣ суда, между прочимъ, записано, что на второй день засѣданія г. Лохвицкій сдѣлалъ присяжнымъ заявленіе о составѣ преступленія подлога въ завѣщаніи; при подписаніи протокола г. Лохвицкимъ было заявлено, что замѣчаніе его относительно редакціи перваго вопроса записано съ пропускомъ. Судъ, въ своемъ заключеніи на это замѣчаніе, объясняетъ, что возраженіе г. Лохвицкаго на постановленный судомъ вопросъ, записанное въ протоколѣ, вполнѣ согласно съ окончательнымъ его заявленіемъ на вопросъ, предложенный предсѣдателемъ о формѣ, въ которой онъ желаетъ изложить первый вопросъ, что постановки вопроса въ той редакціи, которая выражена въ замѣчаніи г. Лохвицкаго на протоколъ, онъ не просилъ, и что въ заключительномъ словѣ, обращенномъ къ присяжнымъ, предсѣдатель объяснилъ имъ о правѣ ихъ давать ограничительный отвѣтъ на осн. 812 ст. и указывалъ, что они не должны стѣсняться въ отвѣтѣ своемъ тѣмъ временемъ составленія завѣщанія, которое обозначено въ первомъ вопросѣ, въ случаѣ признанія ими завѣщанія составленнымъ въ другое время. Въ протестѣ прокурора по этому предмету указано, что отвѣтъ присяжныхъ на первый вопросъ является неяснымъ и допускаетъ разнорѣчивыя толкованія, его можно относить или ко времени составленія завѣщанія, обозначенному въ вопросѣ, и тогда вопросъ о позднѣйшемъ составленіи остается не разрѣшеннымъ, или же отвѣтъ этотъ можно принять за указаніе на то, что завѣщанія вообще составлено не было. Такимъ образомъ, отвѣтъ этотъ не содержитъ въ себѣ яснаго указанія на то, что дѣйствительно,

написанное, отъ 10-го мая 1858 г., завѣщаніе Бѣляева, было имъ составлено. Отрицательный же отвѣтъ присяжныхъ не долженъ вызывать никакихъ сомнѣній, согласно рѣшенію Сената по дѣлу Шаховскаго 1868 г. за № 255, и только при полномъ отсутствіи сомнѣнія можетъ служить основаніемъ къ оправдательному приговору; въ противномъ же случаѣ, суду надлежитъ обратить присяжныхъ къ новому обсужденію вопроса (рѣшеніе Сената 1867 г. за № 605), чего не было исполнено судомъ по настоящему дѣлу, и чѣмъ данъ поводъ къ разнорѣчивому истолкованію приговора присяжныхъ. Въ жалобѣ присяжнаго повѣреннаго Острякова относительно этого послѣдняго вопроса выражены соображенія въ томъ же смыслѣ, какъ и въ протестѣ прокурора и указано, что о второмъ условіи подложности завѣщанія, заключающемся въ учиненіи подписей свидѣтелями послѣ смерти Бѣляева, упоминалось не только въ обвинительномъ актѣ, но и въ вопросѣ суда о виновности А. Мясникова, изъ чего слѣдуетъ, что оба признака должны быть включены въ первый вопросъ.

Въ объясненіи своемъ г. Арсеньевъ говоритъ по этому поводу, что отвѣтъ присяжныхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ редакціи перваго вопроса, который былъ принятъ безъ возраженія со стороны прокурора; возможность же отнести отрицательный отвѣтъ только ко времени, указанному въ вопросѣ, устраняется разъясненіемъ предсѣдателя права присяжныхъ оговорить въ своемъ отвѣтѣ, что завѣщаніе составлено въ другое время, а толкованіе отвѣта въ томъ смыслѣ, что завѣщанія составлено вовсе не было, не можетъ быть допущено, такъ какъ весь вопросъ относится не къ составленію завѣщанія вообще, а къ составленію именно подложнаго завѣщанія. Указаніе прокурора на рѣшеніе по дѣлу Шаховскаго, по мнѣнію защитника, не можетъ быть примѣнимо къ настоящему дѣлу, такъ какъ тамъ отвѣтъ былъ противорѣчивъ, а въ настоящемъ случаѣ, отвѣтъ былъ данъ опредѣлительный и безусловно отрицательный. Противъ кассаціонной жалобы г. Арсеньевъ возражаетъ, что ошибка въ обозначеніи времени въ вопросѣ, согласно рѣшенію Сената 1869 г. за № 831, не можетъ служить поводомъ къ отмѣнѣ рѣшенія, точно также, какъ не можетъ считаться такимъ поводомъ незаписаніе въ протоколъ указаній объ измѣненіи редакціи вопроса. Относительно указанія г. Лохвицкаго, какъ на поводъ кассаціи, на нарушеніе ст. 2 и 836 Уст. тѣмъ, что судъ

отказалъ въ записаніи въ протоколъ показанія Бѣляевой, о чемъ онъ ходатайствовалъ въ виду возможности возбужденія противъ нея обвиненія во лжесвидѣтельствѣ—г. Арсеньевъ объяснилъ, что статьи, указанныя г. Лохвицкимъ, вовсе не требуютъ исполненія подобнаго ходатайства гражданскаго истца, и что ссылка на статью 2-ю устраняется тѣмъ, что дѣла о лжесвидѣтельствѣ не принадлежатъ къ числу дѣлъ, возбуждаемыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія; въ дѣлѣ съ присяжными занесеніе въ протоколъ существа показанія зависитъ отъ усмотрѣнія суда, и, наконецъ, при самой необязательности для суда такого требованія, неисполненіе его не можетъ служить поводомъ къ отмѣнѣ судебнаго производства, такъ какъ оцѣнка показаній и вліянія ихъ на исходъ дѣла зависятъ не отъ внесенія ихъ въ протоколъ, да и самое заявленіе относилось не къ данному времени, а къ будущему и уже потому одному не могло подлежать удовлетворенію.

По слѣдующему предмету кассаціонной жалобы — о допущеніи врача Дюкова къ экспертизѣ прежде приведенія къ присягѣ и о вступленіи его въ разговоръ съ П. Мясниковымъ,—въ протоколѣ значится, что въ первый день засѣданія, по просьбѣ защитника Караганова, были приглашены въ залу засѣданія эксперты Дюковъ и Баталинъ, причемъ прокуроръ и повѣренные гражданскихъ истцовъ не встрѣчали препятствій къ присутствію ихъ на судѣ; но когда Карагановъ началъ свои показанія, то г. Лохвицкій прервалъ его замѣчаніемъ, что эксперты приступили къ исполненію своей обязанности, не будучи приведены къ присягѣ. По окончаніи допроса Караганова, эксперты были приведены къ присягѣ и въ тотъ же день были отпущены изъ суда. Въ своемъ примѣчаніи на протоколъ г. Лохвицкій объяснилъ, что врачъ Дюковъ, оставленный для экспертизы въ залѣ засѣданія, не былъ отдаленъ отъ подсудимыхъ, а посаженъ близъ П. Мясникова, съ которымъ разговаривалъ, что можетъ подтвердить судебный приставъ, который сѣлъ между ними. Судъ въ заключеніи своемъ на это замѣчаніе удостовѣряетъ, что врачъ Дюковъ оставленъ былъ въ залѣ съ согласія сторонъ и занялъ мѣсто рядомъ съ приставомъ, что о неудобствѣ отведеннаго ему мѣста и разговора его съ П. Мясниковымъ никто не заявлялъ, судъ не замѣчалъ этого, и судебный приставъ не докладывалъ. Судебный приставъ, отъ котораго потребовано было по этому предмету объясненіе, донесъ, что на второй день засѣ-

данія рядомъ съ П. Мясниковымъ сидѣлъ онъ, судебный приставъ, а рядомъ съ послѣднимъ Дюковъ, что нѣкоторое время, по случаю ухода пристава, мѣсто его не было занято, и въ это время Дюковъ, наклонясь къ П. Мясникову, сказалъ: «а, что, П. К., какъ ваши ноги?»; причемъ приставъ тотчасъ же остановилъ Дюкова, а П. Мясниковъ только пошевелилъ ногами, указалъ на нихъ, но отвѣтить не успѣлъ. Въ это время г. Лохвицкій, подозвавъ судебнаго пристава, спросилъ его, о чемъ говорилъ Дюковъ съ Мясниковымъ; приставъ передалъ разговоръ Дюкова и спросилъ, не желаетъ ли онъ, чтобъ было доложено объ этомъ предсѣдателю, на что г. Лохвицкій отвѣтилъ отрицательно; при этомъ приставъ прибавилъ, что Дюковъ въ то время находился въ залѣ суда съ разрѣшенія предсѣдателя, какъ частное лице и какъ врачъ, могущій оказать помощь П. Мясникову.

По послѣднему предмету кассаціи, по вопросу о неприводѣ къ присягѣ свидѣтелей первой группы, въ протоколѣ сказано, что при спросѣ ихъ было исполнено требованіе 617 и 618 Устава уголовнаго судопроизводства, но, при изложеніи показаній ихъ и порядка допроса, объ этихъ свидѣтеляхъ не обозначено о приводѣ ихъ къ присягѣ, тогда какъ относительно другихъ это указаніе имѣется. Судъ въ заключеніи своемъ по поводу замѣчанія на протоколъ защитника П. Мясникова выразилъ, что дѣйствительно свидѣтели первой группы были приведены къ присягѣ, что подтверждается указаніемъ на ст. 716, но о приводѣ ихъ не было записано въ протоколъ по ошибкѣ. Защитникъ А. Мясникова по этому пункту кассаціи замѣчаетъ, что опредѣленіе суда, состоявшееся послѣ замѣчаній на протоколъ, служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что свидѣтели были приведены къ присягѣ, что подтверждается словами, что предсѣдатель исполнилъ требованіе 716 ст.

Оберъ прокуроръ Фришъ. Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію кассаціонныхъ поводовъ, приведенныхъ въ протестѣ прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда и кассаціонныхъ жалобъ повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ, принесенныхъ по настоящему дѣлу, по моему мнѣнію, необходимо разсмотрѣть два заявленія, сдѣланныя въ объясненіи защитника А. Мясникова, присяжнаго повѣреннаго Арсеньева, противъ права обжалованія состоявшагося по настоящему дѣлу приговора окружнаго суда со стороны повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ. Первое возраженіе за-

ключается въ томъ, что кассаціонная жалоба подана съ нарушеніемъ порядка, указаннаго 90 ст. Уст. уг. суд., по продолженію 1869 г., т. е. залогъ представленъ въ количествѣ 25 рублей, тогда какъ жалоба принесена отъ имени трехъ лицъ, слѣдовательно, онъ долженъ былъ быть приложенъ въ тройномъ количествѣ. Правительствующій Сенатъ неоднократно уже признавалъ, что жалобы, поданныя безъ представленія залога по числу лицъ, приносящихъ ихъ, подлежатъ оставленію безъ разсмотрѣнія; но по настоящее время Сенатъ еще не возбуждалъ вопроса о томъ, что есть ли это оставленіе Сенатомъ безъ разсмотрѣнія поданныхъ кассаціонныхъ жалобъ окончательно, или же предоставляется еще право лицу, принесшему жалобу и не внесшему залогъ, ходатайствовать о возстановленіи срока, пропущеннаго имъ вслѣдствіе этого. Я полагаю, что суды, при поступленіи къ нимъ жалобы безъ представленія надлежаго залога, должны поступать на основаніи статей 269, 756, 800 и дополненія къ 801-й статьѣ Уст. гражд. суд., такъ какъ въ Уставѣ уголовнаго судопроизводства особаго постановленія по этому предмету не содержится, то, по моему мнѣнію, судъ долженъ поступать такимъ образомъ: если ему подана жалоба безъ представленія надлежащаго залога, то онъ долженъ оставить ее въ судѣ безъ движенія и назначить срокъ для представленія залога; если же, затѣмъ, залогъ представленъ не будетъ, то жалоба оставляется безъ представленія въ высшій судъ. Если же залогъ будетъ представленъ въ назначенный срокъ, то жалобѣ дается надлежащій ходъ. Въ настоящемъ случаѣ окружной судъ, получивъ жалобу д-ра правъ Лохвицкаго съ представленіемъ лишь только 25 рублей, принялъ эту жалобу и представилъ ее въ Сенатъ. Уже изъ этого одного, по мнѣнію моему, нельзя не заключить, что окружной судъ самъ виноватъ въ неправильномъ принятіи и представленіи жалобы въ Правительствующій Сенатъ. Судъ не только не исполнилъ того порядка, который онъ долженъ былъ исполнить, но онъ признавалъ даже, какъ это можно заключить изъ его рапорта, что залогъ представленъ въ надлежащемъ количествѣ; затѣмъ, когда д-ръ правъ Лохвицкій допредставилъ остальные 50 рублей, то они были приняты судомъ и доставлены въ Сенатъ. Но еслибъ этого дополнительнаго залога и не было представлено, то, на основаніи тѣхъ соображеній, которыя я высказалъ, д-ръ правъ Лохвицкій имѣлъ право ходатайствовать о воз-

становленіи срока при принесеніи жалобы, еслибъ жалоба эта была оставлена безъ разсмотрѣнія. Но такъ какъ до разсмотрѣнія этого дѣла въ Сенатѣ надлежащій залогъ представленъ былъ въ окружной судъ, имъ принятъ и представленъ въ Сенатъ, то я, съ своей стороны, не полагалъ бы возможнымъ оставлять эту жалобу безъ разсмотрѣнія. Въ практикѣ кассац. депар., сколько мнѣ извѣстно, былъ только одинъ примѣръ на тотъ же случай, который подлежитъ разсмотрѣнію въ настоящее время. Это по дѣлу купца Семенова, гдѣ д-ромъ правъ Лохвицкимъ была подана, въ качествѣ повѣреннаго гражданскаго истца, кассаціонная жалоба безъ представленія залога, и окружной судъ принялъ жалобу и представилъ ее въ Сенатъ; но, затѣмъ, залогъ былъ представленъ въ окружной судъ, который при рапортѣ передалъ его въ Сенатъ, и такъ какъ рапортъ суда былъ полученъ до доклада кассаціонной жалобы, то Сенатъ, какъ видно изъ его рѣшенія, не затруднялся разсмотрѣть жалобу по существу. Руководствуясь этимъ примѣромъ, я также полагалъ бы возможнымъ не признавать нарушенія порядка, указаннаго 910 ст., при подачѣ жалобы г. Лохвицкаго препятствіемъ къ разсмотрѣнію ея по существу.

Второй вопросъ, возбужденный въ объясненіи защитника А. Мясникова относительно правъ гражданскихъ истцовъ по настоящему дѣлу, заключается въ томъ, что, по мнѣнію защитника, Ижболдины и Пѣшехонова вовсе не имѣютъ права являться въ настоящемъ дѣлѣ участвующими лицами, такъ какъ онъ не признаетъ ихъ лицами, потерпѣвшими отъ того преступленія, въ которомъ обвинялись Мясниковы и Карагановъ, и вслѣдствіе этого находитъ, что они не могли явиться гражданскими истцами по дѣлу. Основаніемъ къ этому выводится то обстоятельство, что такъ какъ они не связаны кровнымъ родствомъ съ Бѣляевымъ, то не могутъ предъявлять непосредственныхъ правъ на наслѣдство даже въ томъ случаѣ, если бы завѣщаніе было признано подложнымъ, такъ какъ Мартьянова, на завѣщаніи которой они основываютъ свои права иска, не могла по закону передать имъ свое право на наслѣдство. Для разсмотрѣнія вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ толковать и съ какой точки зрѣнія смотрѣть на законъ, опредѣляющій права частныхъ лицъ, необходимо разсмотрѣть какъ нашъ законъ уголовный вообще относится къ участію частныхъ лицъ въ уголовномъ судѣ; новый уставъ уголовнаго судопроизводства ввѣ-

рястъ совершенно частнымъ лицамъ преслѣдованіе тѣхъ болѣе мелкихъ преступленій, которыя подлежатъ разсмотрѣнію мировыхъ судовъ; изъ тѣхъ преступленій, которыя подлежатъ разсмотрѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ, нѣкоторыя также могутъ быть преслѣдуемы не иначе, какъ по жалобѣ частныхъ лицъ; другія же, хотя и возбуждаются не иначе, какъ по жалобѣ частныхъ лицъ, но затѣмъ преслѣдованіе и обвиненіе предъ судомъ предоставляется лицамъ прокурорскаго надзора. Далѣе, въ болѣе важныхъ правонарушеніяхъ, которыя уже посягаютъ на права общества и государства, возбужденіе преслѣдованія и обвиненіе передъ судомъ предоставляется исключительно должностнымъ лицамъ и обвинительной власти. Но въ отношеніи этихъ дѣлъ законъ также не устранилъ вовсе отъ участія лицъ частныхъ. Онъ предоставляетъ имъ и въ отношеніи этихъ важнѣйшихъ преступленій весьма важное право, а именно: всякое лицо, потерпѣвшее отъ преступленія, имѣетъ право подать объясненіе, которое считается жалобою, и по этой жалобѣ отказать въ возбужденіи преслѣдованія не имѣютъ права ни прокуроръ, ни судебный слѣдователь. Затѣмъ, такое потерпѣвшее лицо, подавшее жалобу, имѣетъ извѣстное право, опредѣленное Уставомъ угол. суд. при предварительномъ слѣдствіи, т. е. въ случаѣ предъявленія гражданскаго иска, можетъ требовать обезпеченія иска, и на судѣ имѣетъ весьма важное право участвующаго въ дѣлѣ лица. Слѣдовательно, изъ всѣхъ этихъ данныхъ нельзя не вывести заключенія, что законъ нашъ весьма сочувственно относится къ участію частныхъ лицъ въ преслѣдованіи уголовныхъ преступленій. Да иначе и быть не можетъ, потому что очень часто одно официальное преслѣдованіе чрезъ судебнаго слѣдователя, безъ содѣйствія частныхъ лицъ, интересы которыхъ нарушены, не достигало бы цѣли, и оказалось бы совершенно невозможнымъ добраться истины. Поэтому, законъ, не ввѣряя преслѣдованія въ болѣе важныхъ преступленіяхъ частнымъ лицамъ, тѣмъ не менѣе даетъ имъ возможность содѣйствовать обвинительной власти и судебному слѣдователю къ раскрытію истины и предоставляетъ имъ въ этомъ отношеніи весьма широкія права. Такое предоставленіе правъ частнымъ лицамъ не можетъ имѣть никакого вреда для общества и даже для преслѣдуемыхъ лицъ, такъ какъ оно обставлено закономъ весьма важными гарантіями, а именно: на основаніи 307 ст. Уст. угол. суд.,

всякому жалобщику тотчасъ объявляется законъ о ложномъ доносѣ, и затѣмъ, на основаніи ст. 780 и слѣдующими, подсудимому въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ случаяхъ предоставляется право требовать вознагражденія за напрасныя обвиненія съ лица, которымъ начато преслѣдованіе. При такомъ направленіи нашего законодательства, мнѣ кажется весьма естественнымъ, чтобъ всѣ законы, относящіеся до предоставленія участія въ уголовномъ дѣлѣ частнымъ лицамъ, вовсе не были разъясняемы въ какомъ либо стѣснительномъ смыслѣ; напротивъ, законы эти должны быть разъясняемы въ томъ смыслѣ, въ которомъ изложены нашимъ Уставомъ, т. е. въ смыслѣ расширенія и предоставленія большихъ правъ частнымъ лицамъ для участія въ уголовномъ преслѣдованіи. Правительствующій Сенатъ постоянно держался того же направленія при растолкованіи законовъ, относящихся до участія въ дѣлѣ лицъ потерпѣвшихъ; такъ, напримѣръ, въ дѣлахъ, имѣющихъ своимъ предметомъ похищеніе чужаго имущества, Сенатъ всегда признавалъ, что не только хозяинъ похищенной вещи имѣетъ право возбуждать преслѣдованіе и затѣмъ участвовать въ качествѣ потерпѣвшаго лица, но что всякое лицо, которому ввѣрено храненіе или надзоръ за самымъ имуществомъ, также должно считаться потерпѣвшимъ отъ преступленія и имѣющимъ право на подачу прошенія о преслѣдованіи. Это разъяснено Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніи 1868 года за № 710 и въ 1869 за № 867. Въ рѣшеніи по дѣлу Салтыкова, въ 1868 году за № 585, Сенатъ пошелъ еще далѣе, признавъ, что даже въ такомъ случаѣ, когда лицо, потерпѣвшее отъ преступленія, не предъявляетъ иска о вознагражденіи, а когда его имущественный интересъ заключается въ томъ, чтобъ преступленіе было признано существующимъ, что въ особенности относится къ преступленіямъ по совершенію обязательствъ, то и въ такомъ случаѣ лицо это должно считаться потерпѣвшимъ и гражданскимъ истцемъ. Далѣе, рѣшеніемъ по дѣлу Княжнина, состоявшимся 1869 года за № 617, Сенатъ уже подробно объяснилъ, кого слѣдуетъ признавать потерпѣвшимъ лицомъ въ дѣлахъ о составленіи подложнаго духовнаго завѣщанія, причемъ положительно выразилъ, что такими лицами должны быть признаваемы всѣ тѣ, противъ правъ которыхъ направлено это преступленіе, и что къ числу такихъ лицъ должны быть причислены и тѣ, права которыхъ на имущество, отказан-

ное въ завѣщаніи, зависитъ отъ признанія этого завѣщанія дѣйствительнымъ или ничтожнымъ. Слѣдовательно, Сенатъ чрезвычайно широко растолковалъ право участія частныхъ лицъ въ этихъ дѣлахъ, такъ что всякое лицо, имущественныя права котораго могутъ считаться нарушенными фальшивымъ составленіемъ завѣщанія, имѣетъ право явиться лицомъ, потерпѣвшимъ отъ преступленія, подать жалобу и затѣмъ участвовать въ производствѣ дѣла. Сенатъ этимъ рѣшеніемъ положительно выяснилъ, что для того, чтобъ явиться гражданскимъ истцомъ, вовсе не требуется признанія судомъ правъ на имущество, завѣщанное оспариваемымъ завѣщаніемъ; вовсе не требуется утвержденія въ правахъ наслѣдства, а требуется только заявленіе объ этихъ правахъ, которое считается совершенно достаточнымъ. Иначе, по мнѣнію моему, и быть не можетъ, потому что въ противномъ случаѣ пришлось бы требовать, чтобъ судебный слѣдователь при подачѣ жалобы и, наконецъ, уголовный судъ при подачѣ иска, входили въ разсмотрѣніе самыхъ наслѣдственныхъ правъ или требовали надлежащаго опредѣленія гражданскаго суда объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства.

Г. Арсеньевъ, мнѣ кажется, въ своемъ объясненіи не вполнѣ точно передалъ это рѣшеніе Сената, именно въ томъ смыслѣ, что Сенатъ, какъ онъ полагаетъ, признаетъ потерпѣвшими лицами только тѣхъ, которыя предъявятъ наслѣдственныя права по кровному родству къ имуществу, которое распредѣляется спорнымъ завѣщаніемъ. Я уже указывалъ, что рѣшеніе Сената гораздо шире опредѣляетъ права частныхъ лицъ на предъявленіе гражданскаго иска въ дѣлахъ о составленіи подложнаго завѣщанія. Въ настоящемъ случаѣ возникаетъ вопросъ: могутъ ли считаться въ чемъ-либо нарушенными имущественныя права Ижболдиныхъ и Пѣшехоновой подложнымъ, по мнѣнію ихъ, составленіемъ завѣщанія отъ имени Бѣляева, т. е. зависитъ ли удовлетвореніе предъявленнаго ими иска отъ признанія завѣщанія подложнымъ. Я полагаю, что не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что удовлетвореніе иска можетъ быть только послѣдствіемъ признанія завѣщанія подложнымъ. Если же оно зависитъ отъ этого, то извѣстное имущественное право—право предъявить искъ на основаніи завѣщанія Мартьяновой,—должно быть признано нарушеннымъ тѣмъ дѣяніемъ, въ которомъ обвиняются по настоящему дѣлу подсудимые Мясниковы,

а слѣдовательно, они должны имѣть право лицъ потерпѣвшихъ и право гражданскихъ истцовъ на судѣ. Но г. Арсеньевъ идетъ гораздо далѣе; онъ требуетъ, чтобъ уголовный судъ, разрѣшая вопросъ о томъ, имѣютъ ли Ижболдины и Пѣшехонова право являться гражданскими истцами, вошелъ въ разсмотрѣніе права на искъ, могущаго быть послѣдствіемъ того или другаго рѣшенія уголовнаго дѣла. Я полагаю, что съ этимъ мнѣніемъ едва ли можно согласиться. Это равнялось бы предоставленію судебному слѣдователю при подачѣ жалобъ и уголовному суду, предварительно разрѣшенія, даже уголовнаго дѣла,—рѣшать такой вопросъ гражданскаго права, который, по мнѣнію моему, даже и послѣ рѣшенія дѣла въ уголовномъ порядкѣ, не можетъ быть признанъ подлежащимъ разрѣшенію уголовнаго суда. Изъ признанія завѣщанія Бѣляева подложнымъ вовсе еще не вытекало бы непосредственнаго признанія права Ижболдиныхъ и Пѣшехоновой на имущество Бѣляева; право это должно быть еще доказано на другихъ совершенно данныхъ, которыя вовсе не подлежатъ провѣркѣ уголовнаго суда, и которыя могутъ быть разрѣшены только судомъ гражданскимъ; тѣмъ болѣе, вопросъ этотъ не могъ въ данномъ случаѣ подлежать разсмотрѣнію окружнаго суда предварительно рѣшенія имъ уголовныхъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ, я думаю, что въ настоящемъ дѣлѣ Ижболдины и Пѣшехонова имѣли право, на основаніи завѣщанія Мартьяновой, предъявлять свои права, какъ лица потерпѣвшія и какъ гражданскіе истцы; я полагаю, что окружной судъ не могъ отказать имъ въ этомъ и не могъ войти въ разсмотрѣніе ихъ правъ на искъ, такъ какъ это было бы равносильно разсмотрѣнію силы духовнаго завѣщанія Мартьяновой, которое разсмотрѣнію въ данномъ случаѣ вовсе не подлежало и могло быть предметомъ разсмотрѣнія только гражданскаго суда. Я вошелъ въ подробное обсужденіе этого вопроса собственно потому, что онъ все-таки подлежитъ разсмотрѣнію кассаціоннаго департамента, хотя я, съ своей стороны, считаю, что окружной судъ при рѣшеніи этого вопроса былъ уже связанъ опредѣленіемъ судебной палаты, которою признаны были Ижболдины и Пѣшехонова лицами потерпѣвшими отъ преступленія, и включены, въ качествѣ гражданскихъ истцовъ, въ списокъ лицъ, подлежащихъ вызову въ засѣданіе; кромѣ того, окружной судъ былъ также связанъ прежнимъ своимъ постановленіемъ, состоявшимся по предложенію г. проку-

рора, въ которомъ именно было указано на необходимость уголовнаго преслѣдованія по жалобѣ, поданной потерпѣвшими лицами, и окружной судъ согласился съ этимъ заявленіемъ г. прокурора и поручилъ производство дѣла судебному слѣдователю. Кромѣ этого, въ настоящемъ дѣлѣ есть еще второе постановленіе, которое положительно ограничивало возможность со стороны суда отвергать право Ижболдиныхъ и Пѣшехоновой на предъявленіе гражданскаго иска, а именно, опредѣленіе 4-го деп. Пр. Сен., указъ котораго посланъ 14-го февраля 1867 г. и которымъ было отмѣнено постановленіе гражд. палаты о прекращеніи начатого еще Мартьяновой иска на имущество Бѣляева, вслѣдствіе послѣдовавшей смерти Мартьяновой. Сенатъ по 4-му департ. велѣлъ возобновить это дѣло по иску Ижболдиныхъ и Пѣшехоновой, слѣдовательно, самъ призналъ право ихъ на предъявленіе гражданскаго иска. Я говорилъ, что Сенатъ, конечно, нисколько не призналъ этимъ права этихъ лицъ на имущество Бѣляева или права Мартьяновой передать имъ искъ, но Сенатъ призналъ только одно несомнѣнное право на предъявленіе ими иска и на требованіе о разсмотрѣніи его судебнымъ порядкомъ. Затѣмъ, въ настоящемъ дѣлѣ есть другое постановленіе, которое, по мнѣнію моему, также разрѣшило этотъ вопросъ, а именно: опредѣленіе окр. суда въ маѣ 1870 г., когда разсматривался въ гражданскомъ порядкѣ искъ, предъявленный Ижболдиными и Пѣшехоновой къ имуществу Бѣляевой; въ этомъ опредѣленіи окр. судъ постановилъ на свое разрѣшеніе два вопроса: во первыхъ, объ отводѣ, заявленномъ противъ правъ этихъ лицъ на предъявленіе иска, и второй вопросъ о правильности самого иска по существу. Первый вопросъ разрѣшенъ окружнымъ судомъ въ томъ смыслѣ, что отводъ не заслуживаетъ уваженія; второй же вопросъ въ смыслѣ отрицательномъ, т. е. по существу въ искѣ было отказано. Я, съ своей стороны, никакъ не считаю возможнымъ признать, чтобы первое постановленіе суда служило только мотивомъ къ разсмотрѣнію дѣла по существу; я полагаю, что это составляетъ совершенно отдѣльное постановленіе, которымъ судъ разрѣшилъ вопросъ о правѣ Ижболдиныхъ и Пѣшехоновой на предъявленіе иска. Это постановленіе осталось необжалованнымъ, слѣдовательно не могло не быть не принято уголовнымъ отдѣленіемъ суда во вниманіе при разрѣшеніи вопроса о правѣ Ижболдиныхъ въ качествѣ граж-

данскихъ истцовъ. По всѣмъ этимъ основаніямъ я полагалъ бы признать, что окр. судъ правильно допустилъ Ижболдиныхъ и Пѣшехонову гражданскими истцами, и что, слѣдовательно, въ настоящее время они имѣютъ право принести жалобу въ кассаціонномъ порядкѣ, которая въ настоящее время и должна подлежать разсмотрѣнію Сената.

Оберъ-прокуроръ Фришъ, приступая къ разсмотрѣнію кассаціонныхъ поводовъ, приведенныхъ въ жалобѣ д-ра правъ Лохвицкаго, находитъ, что ссылка его на неприводъ къ присягѣ свидѣтелей первой группы не можетъ по самой формѣ своей подлежать разсмотрѣнію Сената по существу, такъ какъ поводами кассаціонной жалобы могутъ быть только такія нарушенія, которыя дѣйствительно были допущены, а не тѣ, на которыя указывается вслѣдствіе какой-либо неясности въ протоколѣ, какъ это было въ данномъ случаѣ, гдѣ г. Лохвицкій не утверждаетъ, чтобъ свидѣтели не были приведены къ присягѣ, а говоритъ только, что это слѣдуетъ заключить изъ протокола суда. Но если даже Сенатъ сочтетъ не возможнымъ разсмотрѣть этотъ поводъ по существу, то и въ такомъ случаѣ онъ не можетъ быть признанъ подтвержденнымъ имѣющимися въ дѣлѣ данными. Противъ неполноты изложенія протокола было сдѣлано защитникомъ И. Мясникова, Языковымъ, замѣчаніе о пропускѣ указанія на приводъ къ присягѣ свидѣтелей первой группы, на которое судомъ, на осн. 844 ст., постановлено опредѣленіе, имѣющее такую же силу, какъ и протоколъ засѣданія. Въ опредѣленіи же этомъ судъ положительно удостовѣрилъ, что свидѣтели первой группы были приведены къ присягѣ, и слѣдовательно, если даже руководствоваться точнымъ смысломъ ст. 845, признающей всякій обрядъ уголов. судопроизводства нарушеннымъ, когда о немъ не упомянуто въ протоколѣ, то даже и въ этомъ случаѣ ст. 711 должна считаться исполненною, въ виду удостовѣренія о томъ постановленія суда, равносильнаго съ судебнымъ протоколомъ. Относительно неприведенія къ присягѣ предварительно экспертизы врача Дюкова, оберъ-прокуроръ замѣтилъ, что, на основ. 694 ст., эксперты приводятся къ присягѣ прежде дачи ими объясненія, что и было исполнено въ данномъ случаѣ; но если даже допустить—не по буквальному изложенію, а по общему смыслу ст. 694—что самымъ оставленіемъ въ залѣ засѣданія для наблюденія за Карагановымъ, къ которому должна бы-

ла относиться экспертиза, Дюковъ уже вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей, то и тогда обстоятельство это не могло бы быть признано поводомъ кассаціи, такъ какъ Сенатъ въ рѣшеніи своемъ 1869 г. № 938 призналъ, что даже приведеніе эксперта къ присягѣ послѣ дачи имъ объясненій, если только приводъ этотъ состоялся въ томъ же засѣданіи, не можетъ служить поводомъ кассаціи, въ виду того, что вообще Уставъ уг. суд. допускаетъ подтвержденіе послѣдующею присягой прежде-даннаго показанія. Указаніе г. Лохвицкаго на то, что Дюковъ не былъ отдѣленъ отъ подсудимыхъ, а, сидя рядомъ съ И. Мясниковымъ, разговаривалъ съ нимъ, чѣмъ нарушилъ статью 645,—не можетъ быть признано правильнымъ, такъ какъ въ протоколѣ нѣтъ удостовѣренія о томъ, чтобъ со стороны повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ было сдѣлано заявленіе относительно такого нарушенія, тогда какъ изъ рапорта судебнаго пристава видно, что г. Лохвицкому извѣстно было о разговорѣ Дюкова съ И. Мясниковымъ, и слѣдовательно, если онъ желалъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, какъ поводомъ кассаціи, обязанъ былъ заявить о немъ и просить о внесеніи его въ протоколъ. Если же подобнаго заявленія своевременно сдѣлано не было, то этимъ самымъ г. Лохвицкій лишилъ себя права приводить это обстоятельство поводомъ кассаціи. Но изъ свѣдѣній, имѣющихся въ дѣлѣ, должно придти къ тому заключенію, что вообще никакого нарушенія въ данномъ случаѣ допущено не было, такъ какъ д-ръ Дюковъ былъ спрошенъ въ первый день засѣданія и въ тотъ же день отпущенъ, между тѣмъ какъ, по удостовѣренію судебнаго пристава, на котораго ссылался г. Лохвицкій, видно, что разговоръ Дюкова съ И. Мясниковымъ происходилъ на второй, или на третій день, т. е. въ то время, когда Дюковъ уже вовсе не былъ экспертомъ. Относительно отказа суда въ просьбѣ г. Лохвицкому о внесеніи въ протоколъ показанія Бѣляевой, г. оберъ-прокуроръ говоритъ, что при разсмотрѣніи дѣлъ съ присяжными засѣдателями, сущность показаній свидѣтелей не подлежитъ внесенію въ протоколъ; но Сенатъ рѣшеніемъ 1868 г. за № 522 разъяснилъ, что ст. 838 Уст. должна быть разсматриваема въ связи съ ст. 837, и если стороны указываютъ на сущность показанія, какъ на нарушеніе обрядовъ судопроизводства, могущее служить поводомъ кассаціи, то, по требованію сторонъ, даже и сущность показанія, даннаго на судѣ, подлежитъ внесенію

въ протоколъ. Продолжая это начало, по мнѣнію оберъ-прокурора, слѣдуетъ придти къ тому заключенію, что и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ на показаніе свидѣтеля указывается, какъ на основаніе къ возобновленію дѣла, то ходатайство сторонъ не можетъ быть судомъ уважено и устранено только на томъ основаніи, что преслѣдованіе за лжесвидѣтельство предоставляется лицамъ прокурорскаго надзора. Признавая, такимъ образомъ, неправильными мотивы, приведенные судомъ въ отказѣ записать въ протоколъ показаніе Бѣляевой, оберъ-прокуроръ полагаетъ, что обстоятельство это, тѣмъ не менѣе, не можетъ служить поводомъ кассаціи, какъ потому, что требованіе д-ра правъ Лохвицкаго относилось къ записанію въ протоколъ такого показанія, котораго свидѣтельница еще не дала, такъ и потому, что по ст. 804 Уст. рѣшеніе присяжныхъ постановляется только на основаніи того, что они слышали на судѣ, а не на тѣхъ данныхъ, которыя внесены въ протоколъ, и потому обстоятельство это не могло имѣть вліянія на исходъ дѣла.

Затѣмъ, продолжаетъ г. оберъ-прокуроръ, слѣдуетъ разсмотрѣть указанное въ протестѣ прокурора нарушеніе 640 ст. Уст., заключающееся въ томъ, что судъ не исполнилъ въ точности этой статьи и не выслушалъ объясненія сторонъ по вопросу о существенности или несущественности показанія свидѣтельницы, подлежавшей вызову въ судъ, и, не постановивъ объ этомъ опредѣленія, предоставилъ прокурору самому вызвать ее, если онъ считаетъ показаніе ея для себя важнымъ. На основаніи 630 ст., какъ неоднократно было разъяснено Сенатомъ, всѣмъ участвующимъ въ судѣ предоставляется предъявлять свои замѣчанія, и судъ въ этомъ случаѣ вовсе не обязанъ вызывать стороны на объясненіе и предлагать какіе бы то ни было вопросы. Такимъ образомъ, въ статьѣ этой не содержится категорическаго требованія отъ суда, чтобъ онъ непремѣнно выслушалъ объясненія сторонъ, и Сенатъ всегда имѣетъ право признать это нарушеніе несущественнымъ, такъ какъ стороны имѣли возможность сдѣлать свои заявленія на судѣ. Но статья 640-я принадлежитъ не къ числу подобныхъ постановленій; въ ней содержится положительное требованіе закона о выслушаніи объясненія сторонъ предъ постановленіемъ опредѣленія о продолженіи или отсрочкѣ засѣданія. Слѣдовательно, въ протоколѣ, какъ неоднократно признавалось Сенатомъ, должно быть положительно

удостовѣрено, что статья 640-я была исполнена. Въ настоящемъ случаѣ въ протоколѣ судебнаго засѣданія нѣтъ положительнаго удостовѣренія объ исполненіи 640 ст., хотя и сказано, что судъ постановилъ свое заключеніе относительно свидѣтельницы Аѳанасьевой по выслушаніи заключенія прокурора. Но въ чемъ заключалось постановленіе суда? Оно заключалось въ томъ, чтобъ отпустить явившуюся по ошибкѣ свидѣтельницу и предоставить прокурору доставить ту, которая подлежала вызову, если онъ считаетъ это необходимымъ. Слѣдовательно, самъ судъ вовсе не постановлялъ того опредѣленія, которое онъ долженъ былъ постановить по статьѣ 640. Нельзя придти къ тому заключенію, чтобъ судъ по этимъ вопросамъ истребовалъ объясненія прокурора, и чтобъ это объясненіе было дано. Подтвержденіемъ этому служитъ самое изложеніе постановленія суда, занесенное въ протоколъ, въ которомъ сказано, что прокурору предоставляется вызвать свидѣтельницу, если онъ считаетъ это для себя необходимымъ. Изъ этого условнаго постановленія суда несомнѣнно видно, что суду вовсе не было извѣстно, считаетъ ли прокуроръ показаніе Аѳанасьевой существеннымъ или нѣтъ, потому что, еслибъ обстоятельство это было суду извѣстно, то онъ не могъ бы постановить опредѣленія въ такой условной формѣ, а долженъ бы былъ положительнѣе выразить, признаетъ или непризнаетъ прокуроръ это показаніе существеннымъ. Второй вопросъ относительно этого нарушенія заключается въ томъ: постановилъ ли судъ или нѣтъ то опредѣленіе, которое онъ долженъ былъ постановить въ смыслѣ 640 ст. о существенности показанія. Порядокъ, которому суды должны слѣдовать при явкѣ свидѣтелей, подробно разъясненъ Сенатомъ въ рѣшеніяхъ, гдѣ признано, что судъ прежде всего долженъ опредѣлить, по законной ли причинѣ, указанной статьею 626, или по какой-либо другой, свидѣтель не явился на судъ. Если неявка произошла не по одной изъ причинъ, указанныхъ этою статьею, то судъ обязанъ постановить заключеніе о томъ, существенное ли показаніе или нѣтъ, и только въ томъ случаѣ, когда въ постановленіи будетъ положительно выражено, что показаніе представляется несущественнымъ, тогда только судъ имѣетъ право продолжать засѣданіе. Если показаніе будетъ признано имѣющимъ существенное значеніе для дѣла, то на обязанности суда лежитъ повтореніе вызова свидѣтеля. Въ па-

стоящемъ случаѣ, какъ видно изъ протокола судебнаго засѣданія, такого постановленія окружнаго суда вовсе не состоялось; судъ вовсе не вошелъ съ своей стороны въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, существенно ли показаніе или нѣтъ, а предоставилъ это на усмотрѣніе лица прокурорскаго надзора, что вовсе не дозволяется ст. 640. Противъ этого защитникъ А. Мясникова въ своемъ объясненіи возражаетъ, что нарушеніе это со стороны суда не можетъ считаться существеннымъ по смыслу рѣшенія Сената 1869 г. за № 534, по дѣлу Ястребова. Но это, по мнѣнію моему, не совершенно согласно съ постановленіемъ Сената. Въ дѣлѣ этомъ Сенатъ не призналъ нарушенія 640 ст. только потому, что изъ протокола было видно, что объясненія сторонъ были выслушаны, а затѣмъ, такъ какъ судъ продолжалъ засѣданіе, то Сенатъ видѣлъ въ этомъ выраженіе мнѣнія суда относительно существенности или несущественности показанія свидѣтеля. Такимъ образомъ, опредѣленіе это не имѣетъ отношенія къ настоящему дѣлу, гдѣ, вопреки ст. 640, не было истребовано объясненія сторонъ.

Прокуроръ окружнаго суда въ протестѣ своемъ указываетъ еще на то, что судъ не имѣетъ права возлагать на него обязанности вызвать свидѣтельницу Аѳанасьеву, а обязанъ былъ исполнить это самъ, такъ какъ, на основаніи 581 ст. Уст., свидѣтели вызываются къ суду тѣмъ же порядкомъ, какъ и къ предварительному слѣдствію — повѣсткою, въ которой выражается угроза наказанія за неявку,—и порядкомъ этимъ лица прокурорскаго надзора ни въ какомъ случаѣ воспользоваться не могутъ; нигдѣ въ уставѣ не содержится указанія на то, чтобъ лицамъ прокурорскаго надзора предоставлялось право вызывать свидѣтелей. Между тѣмъ, въ настоящемъ дѣлѣ Аѳанасьева, дававшая показанія на предварительномъ слѣдствіи, по моему мнѣнію, должна считаться вовсе не вызванною судомъ, потому что хотя она и значится въ спискѣ свидѣтелей, приложенномъ къ обвинительному акту и утвержденномъ палатой, но судъ по ошибкѣ послалъ повѣстку не тому лицу, которому слѣдовало, а совершенно другому, и такимъ образомъ настоящая Аѳанасьева вовсе никакой отъ суда повѣстки не получала. Судъ, удостовѣрившись въ этой ошибкѣ въ засѣданіи, обязанъ былъ, на основаніи 581 ст., послать повѣстку свидѣтельницѣ, подлежавшей вызову, и не имѣлъ никакого основанія

предоставлять этотъ вызовъ прокурору. Наконецъ, по объясненію г. Арсеньева, по смыслу рѣшенія Сената 1869 г. за № 566, слѣдуетъ признать, что прокуроръ въ настоящемъ случаѣ не имѣетъ права протестовать на нарушеніе 640 ст., такъ какъ невызовъ послѣдовалъ по его ошибкѣ. Но въ настоящемъ дѣлѣ изъ подлиннаго производства я не усмотрѣлъ ошибки со стороны обвинительной власти относительно вызова свидѣтельницы. Законъ вовсе не требуетъ отъ прокурора обозначенія мѣста жительства свидѣтелей въ спискѣ, прилагаемомъ къ обвинительному акту, а въ особенности тѣхъ, которые неоднократно перемѣняли его послѣ дачи показанія. Прокурорскій надзоръ вовсе не обязанъ слѣдить за переходомъ съ мѣста на мѣсто всѣхъ свидѣтелей, давшихъ показанія на предварительномъ слѣдствіи. Да это было бы рѣшительно невозможно; въ настоящемъ случаѣ ошибки со стороны прокурора не было и потому, что въ протоколахъ предварительнаго слѣдствія значится въ показаніи Аѳанасьевой то мѣстожительства, гдѣ она въ то время находилась, когда давала показаніе, и ничѣмъ не доказано, чтобъ показаніе это было въ чемъ-либо ошибочно. Но такъ какъ она не оказалась на томъ мѣстѣ, то окружной судъ потребовалъ справки отъ адреснаго стола; справка была получена, но оказалось, что она была дана совершенно о другомъ лицѣ. Въ чемъ же тутъ ошибка со стороны прокурорскаго надзора? Если ошибка допущена, то или со стороны суда, сообщившаго недостаточныя данныя адресному столу, или со стороны адреснаго стола, который не понялъ отношенія къ нему окружнаго суда. Наконецъ, г. Арсеньевъ въ объясненіи своемъ указываетъ на то, что прокуроръ имѣлъ право во время всего судебнаго слѣдствія требовать прочтенія показаній Аѳанасьевой; но заявленіе это, по мнѣнію моему, идетъ совершенно въ разрѣзъ со всѣми постановленіями Сената, разъяснявшими 640 ст. Какъ я уже говорилъ, Аѳанасьева не явилась не по одной изъ законныхъ причинъ—слѣдовательно, показанія ея не подлежали прочтенію. Она неявилась потому, что вовсе не получила повѣстки; повѣстка ей не была послана. И затѣмъ, за неявкой ея, судъ имѣлъ только одно право—или признать показаніе ея существеннымъ, и тогда повторить вызовъ ея, или признать его несущественнымъ, и вовсе исключить изъ числа судебныхъ доказательствъ. Стало-быть, прокуроръ ни

въ какомъ случаѣ не имѣлъ права требовать прочтенія этого показанія.

Оберъ-прокуроръ Фришъ, продолжая свою рѣчь, указалъ на то, что какъ въ жалобѣ, такъ и въ протестѣ указывается на нарушеніе 705 и 627 ст. Уст. тѣмъ, что, послѣ отказа жены Караганова отъ дачи показанія на судѣ, судъ отказалъ въ прочтеніи ея показанія, даннаго на предварительномъ слѣдствіи, и что въ силу того же постановленія суда устранялась возможность ходатайствовать о прочтеніи показанія отца Караганова, также отказавшагося отъ спроса на судѣ. Вопросъ о соотношеніи 627 и 705 ст. находился уже на разсмотрѣніи Сената и разъясненъ рѣшеніями, указанными г. Арсеньевымъ, въ 1867 г. № 501 и 1870 г. № 448; но первое рѣшеніе относится къ вопросу, не прямо подходящему къ тому, который возбуждается въ настоящемъ случаѣ, именно: къ вопросу о возможности прочтенія показанія близкихъ родственниковъ, не явившихся въ судъ по законной причинѣ. Второе же рѣшеніе также еще не вполнѣ разрѣшаетъ возникающій въ настоящемъ дѣлѣ вопросъ, собственно потому, что изъ рѣшенія этого не видно, было ли въ виду Сената, что на предварительномъ слѣдствіи судебный слѣдователь разъяснилъ лицамъ, призывавшимся свидѣтелями, какъ близкіе родственники, силу ст. 705; между тѣмъ обстоятельство это самое важное для разрѣшенія вопроса о прочтеніи свидѣтельскаго показанія на судѣ. Если судебнымъ слѣдователемъ не былъ исполненъ этотъ обрядъ, то въ такомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о прочтеніи показанія, даннаго на предварительномъ слѣдствіи, такъ какъ это составляетъ главное условіе для возможности прочтенія показанія, даннаго близкимъ родственникомъ. Въ виду тѣхъ важныхъ практическихъ послѣдствій, которыя могутъ имѣть разрѣшеніе въ томъ или другомъ смыслѣ соотношенія ст. 627 къ 705, я позволю себѣ представить подробныя соображенія по этому вопросу. Изъ объяснительной записки къ проекту Устава угол. суд. видны тѣ основанія, которыя послужили къ установленію составителями Устава 705 ст., по которой близкіе родственники ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть приведены къ присягѣ для свидѣтельства. Въ мотивахъ этихъ объяснено, что какъ бы ни была тверда рѣшимость этихъ лицъ раскрыть истину своими показаніями, все-таки, вслѣдствіе близости отношеній къ подсудимому, можно предположить

неискренность въ ихъ показаніяхъ и, слѣдовательно, опасаться клятвопреступленія, и что поэтому ни въ какомъ случаѣ нельзя приводить ихъ къ присягѣ. Притомъ, законъ идетъ еще далѣе, постановляя, что показанія эти могутъ имѣть извѣстную цѣну, и иногда весьма важное значеніе для дѣла только въ томъ случаѣ, когда они даны добровольно, по объявленіи имъ, что они могутъ устранить себя отъ свидѣтельства по дѣлу. Мнѣ кажется, что такимъ образомъ законодатель принимаетъ во вниманіе какъ святость семейнаго союза и желаніе не нарушить его, такъ и вообще ту силу, которую слѣдуетъ придавать показаніямъ близкихъ родственниковъ, причемъ показанія, данныя по принужденію, по требованію судебной власти, признаются неимѣющими никакого значенія; показанія же, данныя добровольно, имѣютъ силу такого судебнаго доказательства, какъ и показанія всякаго другаго лица, на которомъ лежитъ гражданскій долгъ давать правильное объясненіе на судѣ. Въ этомъ же смыслѣ Сенатомъ было разъяснено рѣшеніемъ 1869 г. № 564, что если какое-либо лицо отказывается отъ дачи показанія противъ близкаго родственника, то никакіе дальнѣйшіе распросы этому лицу дѣлаемы быть не могутъ. Въ рѣшеніи по дѣлу Дмитріевой Сенатъ пошелъ еще далѣе, объяснивъ, что показаній отъ подобнаго свидѣтеля нельзя добиваться и относительно другихъ соучастниковъ въ преступленіи. Но если близкій родственникъ вызывается къ слѣдователю, который объясняетъ ему смыслъ 705-й ст., предоставляющей право устранить себя отъ свидѣтельства; если, притомъ, тѣмъ не менѣе, онъ заявляетъ желаніе дать показаніе; если показаніе это отбирается, провѣряется предварительнымъ слѣдствіемъ, включается въ обвинительный актъ, который утверждается палатою, и затѣмъ обвиняемый является на скамьѣ подсудимыхъ; если тогда вызванный въ судъ свидѣтель отказывается отъ подтвержденія прежняго своего показанія, и вообще отъ дачи какого бы то ни было объясненія, то, спрашивается, отказъ этотъ долженъ ли имѣть значеніе уничтоженія силы прежде даннаго имъ судебной власти показанія и тѣмъ самымъ исключенія возможности ссылаться на это показаніе при судебномъ слѣдствіи, несмотря на то, что оно внесено въ обвинительный актъ? Говорятъ, что толкованіе 705 ст., въ смыслѣ возможности прочтенія показанія, было бы неправильно, потому что ставило бы близкихъ родственниковъ въ ненормальное поло-

женіе, заставляя ихъ опасаться, что, несмотря на отказъ въ дачѣ показанія на судѣ, данное ими прежде показаніе все-таки можетъ быть принято какъ улика противъ подсудимаго и послужить основаніемъ къ обвиненію подсудимаго, и что, такимъ образомъ, родственное чувство будетъ оскорблено. Я полагаю, что объ этомъ свидѣтели должны думать въ то время, когда ихъ вызываютъ къ судебному слѣдователю. Свидѣтель не можетъ предполагать, что его вызываютъ единственно для предварительнаго разъясненія по дѣлу. Онъ долженъ имѣть въ виду, что слѣдователь приглашаетъ его для раскрытія истины, и стало быть, всякое слово, сказанное имъ, должно имѣть извѣстное значеніе и можетъ оказать весьма важное вліяніе на все направленіе дѣла. Слѣдовательно, въ то время свидѣтелю необходимо было сообразить тѣ послѣдствія, которыя могутъ имѣть данныя имъ показанія. Къ тому же любовь родственная не всегда существуетъ; можетъ быть и обратный случай, и можетъ быть, что отъ показанія, даннаго на предварительномъ слѣдствіи въ пользу подсудимаго, свидѣтель откажется на судѣ по той или другой причинѣ, и защита будетъ поставлена въ весьма затруднительное положеніе. Равнымъ образомъ нельзя не признать, что если не допускать прочтенія на судѣ показанія даннаго слѣдователю, то устраняется всякая возможность провѣрки этого показанія, вслѣдствіе чего всякій близкій родственникъ, спрошенный на предварительномъ слѣдствіи, имѣлъ бы въ виду, что всегда можетъ уничтожить свое показаніе отказомъ отъ спроса на судѣ, и, слѣдовательно, уничтожить возможность провѣрки этого показанія. Такое начало устраняло бы силу, которую законъ въ этомъ случаѣ даетъ показанію близкихъ родственниковъ, даваемому добровольно, дачею котораго они подвергаютъ себя всѣмъ тѣмъ же послѣдствіямъ, какъ и всякія другія лица, призываемыя къ свидѣтельству, слѣдовательно, подвергаются и наказанію за ложное показаніе, если оно обнаружено на судѣ. Говорятъ также, что 705, ст. не можетъ быть растолкована въ этомъ смыслѣ, потому что въ такомъ случаѣ въ ней слѣдовало сдѣлать оговорку, что она не имѣетъ никакого отношенія къ тѣмъ лицамъ, которыя были спрошены на предварительномъ слѣдствіи. Я съ этимъ положительно не могу согласиться, потому что смыслъ статьи 705-й заключается только въ томъ, что нельзя требовать отъ близкихъ родственниковъ показанія помимо ихъ желанія. Но

изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы нельзя было читать ихъ показаній. Законъ не желаетъ только ставить близкихъ родственниковъ на очную ставку съ подсудимыми въ виду того, что положеніе это до такой степени неестественно, что многія лица, которыя желали бы дать показаніе, вслѣдствіе этого могутъ отказаться отъ дачи его. Сенатъ уже призналъ, что ст. 626 можетъ быть примѣняема къ близкимъ родственникамъ, давшимъ показаніе на предварительномъ слѣдствіи, а въ виду этого, по мнѣнію моему, должна быть примѣняема и ст. 627, которая объяснена Сенатомъ въ томъ смыслѣ, что показаніе можетъ быть прочитано въ случаѣ отказа свидѣтеля отъ спроса на судѣ. Противъ этого могутъ сказать, что если судъ и имѣлъ право допустить прочтеніе такого показанія, то, во всякомъ случаѣ, не былъ къ тому обязанъ, въ подтвержденіе чего могутъ ссылаться на рѣшенія Сената, въ которыхъ признано, что если судъ откажется признать противорѣчіе въ показаніи, то на основ. 627 ст. обстоятельство это не можетъ быть провѣрено въ кассаціонномъ порядкѣ. Я полагаю, что возраженіе это не могло бы быть признано правильнымъ, потому что опредѣленіе Сената собственно относится къ тому случаю, когда дѣйствіе суда не можетъ быть провѣрено въ кассаціонномъ порядкѣ; въ настоящемъ же случаѣ отказъ отъ дачи показанія записанъ въ протоколъ и не требуетъ никакой провѣрки; слѣдов., въ данномъ случаѣ судъ обязанъ былъ допустить прочтеніе показанія. Кромѣ того нельзя не обратить вниманія, что судъ въ данномъ случаѣ отказалъ въ прочтеніи показанія Карагановой не потому, чтобы считалъ его не необходимымъ, а потому, что находилъ себя не вправѣ допустить это прочтеніе. Слѣдовательно, неизвѣстно, что сдѣлалъ бы судъ, если бы онъ признавалъ за собою это право. Я вообще не знаю почему скрывать передъ присяжными что бы то ни было изъ того, что раскрыто предварительнымъ слѣдствіемъ и внесено въ обвинительный актъ. По мнѣнію моему, если какое либо обстоятельство внесено въ обвинительный актъ, то оно должно подлежать провѣркѣ на судебномъ слѣдствіи; если же какое либо обстоятельство по закону не можетъ быть провѣрено на судѣ тѣмъ или другимъ способомъ, то оно и не должно подлежать включенію въ обвинит. актѣ, а должно быть исключено изъ числа судебныхъ доказательствъ. Но къ такому заключенію относительно показанія

*

близкихъ родственниковъ было бы весьма нежалательно придти, потому что показанія эти во многихъ случаяхъ могутъ служить весьма важнымъ пособіемъ къ раскрытію истины, когда они даны добровольно послѣ предварительнаго объясненія имъ ст. 705. По этимъ основаніямъ я полагалъ бы болѣе правильнымъ признать заявленіе въ протестѣ и кассаціонной жалобѣ о нарушеніи ст. 705 заслуживающимъ уваженія.

Далѣе, повѣренный гражданскихъ истцовъ указываетъ на нарушеніе окружнымъ судомъ 715 и 716 ст. Устава уголовнаго судопроизводства. Я вполнѣ раздѣляю въ этомъ отношеніи мнѣніе г. Арсеньева, изложенное имъ въ объясненіи его, что только тѣ вопросы, или тѣ части вопросовъ, противъ которыхъ было заявлено какое-нибудь возраженіе на судѣ, могутъ, на основаніи неоднократныхъ разъясненій Сената, подлежать разсмотрѣнію въ кассаціонномъ порядкѣ. Такимъ образомъ, по мнѣнію моему, слѣдуетъ устранить заявленіе д-ра правъ Лохвицкаго относительно общаго замѣчанія, сдѣланнаго имъ, какъ онъ удостовѣряетъ въ своей жалобѣ и въ замѣчаніи на протоколѣ, противъ постановки перваго вопроса. Судъ не призналъ этого замѣчанія правильнымъ, и потому заявленіе это должно быть оставлено безъ обсужденія. Но, затѣмъ, подлежатъ обсужденію два частныя замѣчанія, сдѣланныя противъ изложенія перваго вопроса. Изъ протокола судебнаго засѣданія видно, что г. Лохвицкій возражалъ противъ включенія въ первомъ вопросѣ времени предполагаемаго составленія завѣщанія и полагалъ вовсе исключить это время изъ вопроса. Теперь, въ кассаціонной жалобѣ, онъ указываетъ на то, что время это въ вопросѣ помѣщено неправильно, несогласно съ обвинительнымъ актомъ и судебнымъ слѣдствіемъ, какъ удостовѣряетъ самъ судъ. Противъ этаго говорятъ, что эта часть вопроса не можетъ подлежать разсмотрѣнію Сената, такъ какъ по этому мотиву не было заявлено возраженій на судѣ; я полагаю, что мнѣніе это неправильно, и что та часть вопроса, противъ которой было сдѣлано возраженіе, должна быть разсмотрѣна, хотя бы въ жалобѣ приводились и не тѣ мотивы, которые заявлялись на судѣ, и въ данномъ случаѣ достаточно то, что г. Лохвицкій просилъ вовсе исключить время изъ перваго вопроса, для признанія за нимъ права протестовать противъ этого вопроса. Вопросъ этотъ дѣйствительно представляется постановленнымъ совершенно непра-

вильно; въ вопросѣ время опредѣлено такимъ образомъ: «въ августѣ, или въ сентябрѣ», между тѣмъ какъ въ обвинительномъ актѣ было сказано «въ концѣ сентября, или началѣ октября». По неоднократному же разъясненію Сенатомъ ст. 751, судъ только тогда измѣняетъ выводы обвинительнаго акта, когда они измѣнились на судѣ, а въ настоящемъ случаѣ судъ самъ удостовѣряетъ, что измѣненія въ этомъ отношеніи во время судебнаго слѣдствія не произошло. Г. Арсеньевъ указываетъ на исправленіе этой неправильности тѣмъ, что предсѣдательствующій объяснилъ присяжнымъ ихъ право дать ограничительный отвѣтъ на предложенный вопросъ. Въ постановленіи суда по замѣчанію на протоколъ дѣйствительно удостовѣрено, что предсѣдатель давалъ присяжнымъ объясненіе въ смыслѣ ст. 812 и притомъ сказалъ, что относительно перваго вопроса, въ случаѣ непризнанія ими времени, указаннаго въ немъ, они могутъ въ отвѣтѣ своемъ замѣнить это время другимъ. Я полагаю, что подобнымъ разъясненіемъ предсѣдатель не только не исправилъ ошибки, допущенной въ вопросѣ, предложенномъ на разрѣшеніе присяжныхъ, но разъясненіе это само по себѣ представляется совершенно несогласнымъ съ точнымъ смысломъ 812 ст. Сенатъ по дѣламъ Меркулова, А. Дмитріева и Русакова 1867 г. № 605 и 1869 г. № 473, 232 и 576 объяснилъ, что смыслъ ст. 812 заключается въ томъ, что присяжные могутъ дать отвѣтъ только на вопросы, предложенные судомъ, что они могутъ отвергать, или признавать признаки, включенные въ вопросѣ, но ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ права приводить въ отвѣтѣ своихъ особыхъ признаковъ; что такимъ образомъ они могутъ ограничить смыслъ предлагаемаго вопроса исключеніемъ одного изъ признаковъ, въ немъ указанныхъ, но вовсе не имѣютъ права приводить другіе признаки, которые по мнѣнію ихъ, слѣдовало бы признать. Слѣдовательно, нельзя признать, что присяжные имѣли право вмѣсто августа или сентября указать на другое время, такъ какъ это было бы прямымъ нарушеніемъ ст. 812, и предсѣдатель не могъ давать подобнаго разъясненія. Кромѣ того, должно имѣть въ виду, что разъясненія предсѣдателемъ даются изустно; вопросы же письменные уносятся въ совѣщательную комнату, и только они одни имѣются въ виду присяжныхъ при постановленіи рѣшенія; слѣдовательно, разъясненіе можетъ служить только пособіемъ для присяжныхъ при дачѣ отвѣта, но не можетъ уничтожить ошибки,

допущенной въ постановкѣ вопросовъ. Поэтому, я полагаю, что заявленіе д-ра правъ Лохвицкаго о неправильномъ указаніи времени въ первомъ вопросѣ представляется весьма существеннымъ. Но если это замѣчаніе имѣетъ существенное значеніе, то еще болѣе серьезнымъ представляется невключеніе въ первый вопросъ другаго признака подложности завѣщанія, т. е. учиненія свидѣтельскихъ подписей послѣ смерти Бѣляева. Судъ въ своемъ постановленіи не удостовѣряетъ, что во время судебнаго слѣдствія не было указанія на это обстоятельство, а въ обвинительномъ актѣ говорится о подлогѣ завѣщанія. Составленіе подложнаго завѣщанія само по себѣ заключается въ поддѣлкѣ подписи завѣщателя и подписаніи его свидѣтелями послѣ смерти завѣщателя. Но судъ въ отказѣ своемъ включить этотъ второй признакъ подлога, объяснилъ, что не считаетъ это возможнымъ, потому что не было заявлено предположенія, что, при подложности подписи Бѣляева, подписи свидѣтелей были учинены послѣ его смерти. Мнѣ кажется, что въ этомъ отвѣтѣ суда заключается недоразумѣніе: г. Лохвицкій очевидно не могъ доказывать, что на завѣщаніи подпись Бѣляева не была подложною, такъ какъ въ этомъ подлогѣ заключалось главное обвиненіе; но его заявленіе было ясно въ томъ смыслѣ, что включеніе особыхъ признаковъ необходимо на тотъ случай, что присяжные отвергнутъ первый, и тогда-то могли бы признать второй. Такимъ образомъ, изъ самаго протокола видно, что судъ отвѣчалъ не на то, о чемъ просилъ г. Лохвицкій. Но вообще имѣлъ-ли право судъ ссылаться на то, что этотъ второй признакъ не составлялъ предмета судебнаго слѣдствія? Я полагаю, что судъ сказать этого не могъ уже потому, что въ вопросѣ о виновности А. Мяспикова указана, какъ признакъ того преступленія, въ которомъ онъ обвинялся, не только подложность подписи Бѣляева, но и учиненіе свидѣтельскихъ подписей послѣ смерти завѣщателя. Слѣдовательно, если судъ призналъ необходимымъ, на основаніи 754 ст., вопросъ о фактѣ выдѣлить въ особый отдѣльный вопросъ, то суду слѣдовало всѣ признаки, выяснившіе фактическую сторону преступленія, включить въ этотъ первый вопросъ о фактѣ преступленія, и, затѣмъ, въ вопросъ о виновности ни въ какомъ случаѣ не могъ быть помѣщенъ такой признакъ, о которомъ не было упомянуто въ вопросѣ о фактѣ преступленія, между тѣмъ какъ въ настоящемъ случаѣ именно это и было судомъ допущено.

Вслѣдствіе этого произошло то обстоятельство, на которое указано въ кассаціонной жалобѣ, что присяжные, отвѣтивъ на первый вопросъ отрицательно, тѣмъ самымъ отвергли только одинъ признакъ подложности завѣщанія, причемъ осталось неразъясненнымъ, отвергаютъ ли они и второй признакъ, или пѣтъ.

Признавая по этимъ основаніямъ, что вопросы по настоящему дѣлу были поставлены судомъ съ кореннымъ нарушеніемъ 754 и 760 ст. Уст., я перехожу къ заявленію въ протестѣ прокурора о неясности отвѣта присяжныхъ. По мнѣнію моему, отвѣтъ этотъ самъ по себѣ не можетъ быть признанъ неправильнымъ, такъ какъ присяжные не могли отвѣчать иначе на предложенный вопросъ, и въ этомъ отношеніи я совершенно соглашаюсь съ мнѣніемъ г. Арсеньева, что если подобный, ясный самъ по себѣ отвѣтъ можетъ представляться неправильнымъ, то значитъ неясенъ тотъ вопросъ, на который онъ данъ.

Затѣмъ, я перехожу къ нарушенію ст. 819, указанному въ протестѣ и въ жалобѣ, и состоявшему въ томъ, что предсѣдатель не имѣлъ права, въ виду неясности отвѣта присяжныхъ, объявить подсудимыхъ свободными, а долженъ былъ истребовать по сему предмету заключеніе сторонъ, какъ это объяснено Сенатомъ по дѣлу Шаховскаго 1869 г. № 285. Я полагаю, что рѣшеніе это не можетъ имѣть примѣненія къ тому случаю, гдѣ на вопросъ о фактѣ преступленія, выдѣленный отъ вопроса о виновности, присяжными будетъ данъ безусловно отрицательный отвѣтъ, — какъ было въ данномъ случаѣ; если къ отвѣту своему присяжные не прибавили ничего, а просто категорически отвергли фактъ преступленія, указаннаго въ вопросѣ, то очевидно падаетъ вопросъ о виновности, и предсѣдатель долженъ воспользоваться тѣмъ же самымъ правомъ, какъ и въ случаѣ прямаго отрицанія виновности. Въ виду этого я, съ своей стороны, не вижу нарушенія ст. 819.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ поводовъ, приведенныхъ въ подлежащемъ разсмотрѣнію Сената по настоящему дѣлу протестѣ прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда и жалобѣ повѣреннаго гражданскаго истца, по мнѣнію моему, представляются дѣйствительно заслуживающими уваженія указанія на нарушеніе 640, 705, 627, 754 и 760 статей Устава уголовнаго судопроизводства вслѣдствіе чего я полагалъ бы, оставивъ прочіе пункты протеста и

кассац. жалобы безъ уваженія, по указаннымъ мною существеннымъ нарушеніямъ, рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ с.-петербургскаго окружнаго суда отмѣнить и передать дѣло на разсмотрѣніе другаго отдѣленія того же окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Повѣренный гражданскихъ истцовъ, докторъ правъ Лохвицкій, прежде объясненій, по существу поданной имъ жалобы, представилъ слѣдующія соображенія по поводу возбужденнаго защитникомъ А. Мясникова вопроса о томъ, подлежитъ ли его жалоба разсмотрѣнію Правительствующаго Сената. Въ концѣ кассаціонной жалобы сказано, что при ней прилагаются, во-первыхъ, довѣренность, а во-вторыхъ, кассаціонный залогъ, такъ что не видно, какой именно прилагается залогъ: 25 р. или 100 руб. Затѣмъ, въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ заведенъ такой порядокъ, что касса суда ни отъ кого изъ просителей не принимаетъ денегъ иначе, какъ по ордеру, выдаваемому судомъ, по которому предписывается принять столько-то денегъ. Въ настоящемъ случаѣ судъ опредѣлилъ принять отъ принесшаго жалобу 25 р. кассаціоннаго залога, такъ что еслибъ даже и было представлено 100 руб., то касса суда не приняла бы этихъ денегъ, и даже еслибъ дополнительный залогъ вовсе не былъ представленъ г. Лохвицкимъ, то съ его стороны не было бы въ этомъ никакой вины. Кромѣ того, г. Лохвицкій указалъ на дѣло Семенова, въ которомъ, будучи повѣреннымъ гражданскаго истца, онъ, по забывчивости, не представилъ кассаціонныхъ пошлинъ и точно также по забывчивости не принялъ ихъ и судья, но Сенатъ сдѣлалъ по этому поводу запросъ окружному суду и затѣмъ деньги были внесены и жалоба разсмотрѣна.

Обращаясь къ самому существу жалобы, г. Лохвицкій относительно указанія своего въ ней на неприводъ свидѣтелей первой группы къ присягѣ, какъ это слѣдуетъ заключить изъ протокола, обратилъ вниманіе на практику Правительствующаго Сената, по которой слѣдуетъ вывести, что коль скоро въ протоколѣ не сказано, что свидѣтели были приведены къ присягѣ, то Правительствующій Сенатъ признаетъ, что свидѣтели приведены къ присягѣ не были; иначе объ этомъ значилось бы въ протоколѣ. Не придавая особеннаго значенія этому обстоятельству, г. Лохвицкій заявилъ, что считалъ своею обязанностью въ интересахъ своихъ

довѣрителей указать на него, такъ какъ, не будучи опровергнутъ судомъ, онъ могъ служить основаніемъ кассаціи. Далѣе г. Лохвицкій обратилъ вниманіе и на тотъ поводъ къ кассаціи, что во время производства на судебномъ слѣдствіи экспертизы врачъ Дюковъ не былъ совершенно отдѣленъ отъ подсудимыхъ, чего не опровергаетъ и окружный судъ, и если въ настоящемъ случаѣ г. Лохвицкимъ была замѣчена только одна черта сношеній Дюкова съ П. Мясниковымъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, чтобъ Дюковъ не входилъ еще въ какія либо сношенія, ибо Дюковъ помѣстился такимъ образомъ, что могъ совершенно свободно сообщаться съ подсудимыми. Затѣмъ, безусловно существеннымъ пунктомъ въ кассаціи г. Лохвицкій считаетъ неправильную постановку судомъ перваго вопроса. Въ этомъ отношеніи, по поводу замѣчаній на постановку вопроса, которыя были сдѣланы во время засѣданія, повѣренный указалъ на то, что, при существующемъ въ окружномъ судѣ порядкѣ, чрезвычайно трудно какъ для защитниковъ, такъ и для повѣренныхъ гражданскихъ истцевъ, сдѣлать точно какое-нибудь заявленіе относительно вопросовъ. Вопросный листъ не передается въ руки, а предсѣдательствующій читаетъ рядъ вопросовъ большею частью скороговоркой, такъ что пока начнешь размышлять по поводу перваго вопроса, въ это время уже прочитываются всѣ остальные. Поэтому, точнаго замѣчанія сдѣлать невозможно, такъ какъ вопроснаго листа нельзя видѣть, а между тѣмъ тутъ важно каждое слово. Но въ данномъ случаѣ все-таки было сдѣлано замѣчаніе относительно времени составленія завѣщанія обозначеннаго въ вопросѣ августомъ или сентябремъ. Между тѣмъ по обвинительному акту подсудимые обвинялись въ составленіи завѣщанія въ концѣ сентября или въ началѣ октября, и самый обвинительный актъ начинается съ того, что 24-го сентября умеръ Бѣляевъ, а завѣщаніе было представлено въ гражданскую палату 16-го октября; слѣдовательно, только въ этотъ промежутокъ времени, т. е. въ октябрѣ, и было составлено завѣщаніе, какъ это доказывалось на судѣ и прокуроромъ, и повѣренными гражданскихъ истцовъ. Такимъ образомъ, какъ скоро былъ неправильно поставленъ «августъ» и исключенъ «октябрь», и если присяжные на вопросъ, было ли составлено завѣщаніе въ августѣ или въ сентябрѣ, отвѣчали «нѣтъ, не было», то это, при убѣжденіи ихъ даже въ подложности завѣщанія, значило толь-

ко, что завѣщаніе не было составлено въ августѣ, но не означаетъ еще того, чтобы завѣщаніе не было составлено въ октябрѣ. Противъ этого можно возразить, что какой бы ни былъ недостатокъ въ этомъ вопросѣ, но все таки присяжные, отвѣчая «нѣтъ, не было», тѣмъ самымъ сказали, что не только подложное завѣщаніе не было составлено ни въ августѣ, ни въ сентябрѣ, но и вообще—подложнаго завѣщанія не было составлено, а то, которое появилось при дѣлѣ, было дѣйствительное. Но на это г. повѣренный представилъ слѣдующія соображенія. Если разсматривать первый вопросъ, то въ немъ оказывается такого рода вещь, что завѣщаніе, о которомъ идетъ рѣчь, какъ будто бы напередъ признано судомъ подложнымъ: судъ не спрашиваетъ, подложна ли подпись на завѣщаніи, а говоритъ только, было ли составлено въ августѣ или сентябрѣ фальшивое завѣщаніе, писанное отъ 10-го мая, т. е. онъ такимъ образомъ, говоритъ: завѣщаніе отъ 10-го мая есть фальшивое, а спрашиваетъ только, было ли оно составлено въ августѣ или сентябрѣ. Кромѣ того, законъ предписываетъ ставить вопросы въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ, а не въ видѣ юридическихъ опредѣленій. Затѣмъ, вторая просьба повѣреннаго къ суду заключалась, во 1-хъ, въ томъ, чтобы онъ ввелъ другой самостоятельный признакъ подлога, т. е. что подпись была учинена послѣ смерти Бѣляева, и во 2-хъ, въ томъ, чтобы предсѣдательствующій разъяснилъ присяжнымъ, что они могутъ дать ограничительный отвѣтъ. Въ подтвержденіе основательности этого повода, подробно разобраннаго оберъ-прокуроромъ, г. повѣренный считалъ нужнымъ добавить, что изъ редакціи вопросовъ вытекаетъ, что присяжные къ остальнымъ вопросамъ могутъ приступить только тогда, когда на первый вопросъ отвѣчали «да», а въ случаѣ если дадутъ отрицательный отвѣтъ, то остальные должны быть оставлены безъ отвѣта. Просьба же о постановкѣ втораго признака подлога основывалась несомнѣнно на обвинительномъ актѣ, такъ какъ въ немъ находится указаніе на то, что Спиридонскій и Отто сдѣлали подписи послѣ смерти Бѣляева, и относительно этого была вызвана цѣлая группа свидѣтелей. Кромѣ того, если бы на судебномъ слѣдствіи и не было объ этомъ вопроса, то учиненіе свидѣтельскихъ подписей—такой пунктъ, который принадлежитъ собственно къ составу преступленія подлога. Слѣдовательно, нужно было разложить это юридическое понятіе

подлога на два понятія: учиненіе фальшивой подписи и учиненіе свидѣтельскихъ подписей послѣ смерти завѣщателя. Такимъ образомъ, изъ самой конструкціи преступленія вытекала необходимость, даже и безъ заявленія стороны, поставить этотъ второй признакъ, и въ противномъ случаѣ отвѣтъ на такой неполный вопросъ не можетъ считаться удовлетворительнымъ, тогда какъ отвѣтъ присяжныхъ долженъ быть непремѣнно такой, который не могъ бы возбуждать никакого сомнѣнія. Поэтому, можно ли, говоритъ повѣренный, полагать, что присяжные, отвѣчая «нѣтъ, не было», непремѣнно отвѣчали на всѣ признаки, т. е. чтобы мысль ихъ была та, что завѣщаніе не подложное, а настоящее? Вѣдь это значитъ идти гораздо дальше формы вопроса. Такая неопредѣленность вопроса можетъ имѣть весьма существенное значеніе, такъ какъ рѣшеніе присяжныхъ по закону требуется не единогласное, а по большинству голосовъ; между тѣмъ сердцу человѣческому свойственно скорѣе оправданіе, нежели обвиненіе, и когда спрашиваютъ: было-ли составлено завѣщаніе въ августѣ или въ сентябрѣ, то, отвѣчая на это отрицательно и зная, что оно было составлено въ октябрѣ, человѣкъ можетъ быть съ совершенно спокойной совѣстью. Только тогда мы можемъ преклониться передъ вердиктомъ присяжныхъ, когда нѣтъ никакого сомнѣнія въ редакціи вопроса, когда она совершенно правильна, а въ настоящемъ же случаѣ все-таки существуетъ сомнѣніе.

Затѣмъ, г. Лохвицкій перешелъ къ вопросу о непрочтеніи показанія Натальи Карагановой. Въ этомъ отношеніи, онъ указалъ на различное разрѣшеніе въ разныхъ законодательствахъ и у насъ въ различное время вопроса о показаніяхъ родственниковъ. По прежней системѣ нашего законодательства родственники не имѣли никакого права отказываться отъ свидѣтельства, но должны были быть спрашиваемы, вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ присяги, причемъ даже не видно той мысли, чтобъ законодательство задѣло родственное чувство; скорѣе можно заключить, что оно хотѣло охранить семейный авторитетъ. Новый Уставъ уголов. судопроизводства совершенно измѣнилъ этотъ вопросъ; но предоставленіе, по новымъ судебнымъ уставамъ, родственникамъ отказываться отъ дачи показаній—есть ли это привилегія или что-либо другое? По мнѣнію г. повѣреннаго, это есть ни что иное, какъ сожалѣніе, состраданіе къ человѣку, нежеланіе ставить въ такое положеніе, чтобъ

братъ говорилъ противъ брата, отецъ противъ сына и т. д. Но, собственно говоря, показаніе родственниковъ противъ родственниковъ вовсе не признается закономъ безнравственною вещью; напротивъ того, вся общественная жизнь держится тѣмъ, что общественные и государственные интересы должны быть выше всего, выше дорогихъ, родственныхъ, самыхъ нѣжныхъ отношеній, и только при этомъ условіи общество можетъ крѣпнуть, развиваться. Смыслъ этого постановленія есть только тотъ, что законодатель не требуетъ отъ людей геройства, слишкомъ большой твердости, снисходитъ къ ихъ слабостямъ, если лицо не имѣетъ достаточно мужества, чтобъ принести частный интересъ въ жертву общественному. Но какой же будетъ смыслъ, если лицо это, отказываясь отъ дачи показанія на судебномъ слѣдствіи, тѣмъ самымъ уничтожаетъ все данное имъ показаніе на предварительномъ слѣдствіи? Если принять такое положеніе, то оно, во первыхъ, не соотвѣтствуетъ цѣли законодательства, принципу сожалѣнія, сострадація, а во-вторыхъ, тутъ будетъ уже не право отказаться отъ показанія, а право уничтожить часто главнѣйшія основанія обвиненія и просто взять въ руки такое преимущество, которое принадлежитъ только верховной власти, т. е. объявлять амнистію. Можетъ быть такого рода случай: совершено преступленіе, убита женщина въ комнатѣ; гдѣ она убита, было три брата, и если два брата явятся къ слѣдователю и скажутъ, что виноватъ тутъ третій братъ, то, по теоріи окружнаго суда, они могутъ затѣмъ явиться въ судъ и сказать, что отказываются отъ показанія, и уничтожить все обвиненіе, которое строилось именно на ихъ показаніяхъ. Могутъ сказать: да вѣдь эти братья могли отказаться отъ дачи показанія и на предварительномъ слѣдствіи. Да, но дѣло въ томъ, что вѣдь они могли быть привлечены слѣдователемъ какъ участники. Наконецъ, можетъ быть такой случай, что главное обвиненіе въ преступленіи основывается на показаніи женщины; совершено убійство и видѣла его такая-то женщина,—положимъ, горничная,—она даетъ слѣдователю самое подробное показаніе, сходное съ обстоятельствами дѣла, составляется обвинительный актъ, и человѣкъ предается суду; тогда обвиняемому, чтобъ не быть обвиненнымъ, остается одно: жениться на горничной—она сдѣлается женой и можетъ отказомъ отъ подтвержденія своего показанія уничтожить его. Этотъ случай очень возможенъ,

такъ какъ случилось, что подсудимый, будучи подъ арестомъ, женился на женщинѣ, которая была призвана въ качествѣ свидѣтельницы, и у которой былъ произведенъ обыскъ. Если допустить такую систему, что лицо, давшее показаніе, на которомъ строится все обвиненіе, въ данный моментъ можетъ разрушить все, то такая система дѣйствительно угрожаетъ опасностью общественному порядку и не основана ни на какомъ принципѣ. Указавъ затѣмъ на существенное значеніе показаній, въ прочтеніи которыхъ судомъ было отказано, г. повѣренный, въ заключеніе, просилъ отмѣнить рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ суда и передать дѣло на разсмотрѣніе въ другое отдѣленіе суда.

Присяжный повѣренный Арсеньевъ, защитникъ А. Мясникова, прежде чѣмъ приступить къ обсужденію кассаціонныхъ поводовъ, представилъ свои соображенія по тому вопросу, который, по мнѣнію его, прежде всего подлежитъ разрѣшенію Сената, а именно: можетъ ли быть разсмотрѣна по существу кассаціонная жалоба г. Лохвицкаго за непредставленіемъ имъ въ надлежащемъ количествѣ залога. Вопросъ этотъ, представляющійся новымъ въ судебной практикѣ, разрѣшенъ Сенатомъ въ мартѣ нынѣшняго года въ томъ смыслѣ, что жалоба, представленная безъ соблюденія ст. 910 Уст. угол. суд., т. е. безъ представленія залога, должна быть оставлена безъ разсмотрѣнія. Если же жалоба оставляется безъ разсмотрѣнія, то этимъ самымъ уже навсегда, по мнѣнію защитника, преграждается всякая возможность возобновленія дѣла вторичною подачею жалобы, такъ какъ разрѣшеніе этого вопроса въ какомъ-либо другомъ смыслѣ было бы сопряжено съ существеннымъ нарушеніемъ интересовъ подсудимаго. Такъ, напримѣръ, за состоявшимся 31-го марта этого года рѣшеніемъ Сената по дѣлу Городецкаго, которымъ кассаціонная жалоба повѣреннаго гражданскихъ истцевъ оставлена безъ разсмотрѣнія, подсудимый, конечно, считаетъ себя огражденнымъ отъ всякаго дальнѣйшаго преслѣдованія, отъ всякой возможности возбужденія новаго дѣла черезъ болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени. Законъ нашъ устанавливаетъ извѣстный срокъ для подачи кассаціонной жалобы, по истеченіи котораго подсудимые имѣютъ полное основаніе считать себя вполнѣ огражденными отъ преслѣдованія, и было бы совершенно несправедливо лишать этого права подсудимыхъ возстановленіемъ срока для подачи жалобы только на томъ

основаніи, что противною стороною была сдѣлана ошибка. Но если, согласно рѣшенію Сената 31-го марта, жалобы, представленныя съ нарушеніемъ ст. 910, должны быть оставлены безъ разсмотрѣнія, то, по мнѣнію защитника, не можетъ быть допущено никакой разницы между тѣми жалобами, по которымъ залога представлено вовсе не было и тѣми, въ которыхъ ошибка эта была исправлена. Указавъ на то, что вся разница между жалобою, оставленною Сенатомъ безъ разсмотрѣнія 31-го марта, и тою, которая подлежитъ разсмотрѣнію въ настоящее время, заключается только въ томъ, что въ одномъ случаѣ лицо, подавшее жалобу, живетъ далеко отъ Петербурга и слѣдовательно ему труднѣе исправить ошибку, а другое, живя въ Петербургѣ, могло прочесть рѣшеніе, состоявшееся по первому дѣлу, и затѣмъ исправить свое опущеніе,— защитникъ полагаетъ, что было бы совершенно неосновательно ставить исходъ дѣла въ зависимость отъ такого случайнаго обстоятельства, какъ нахожденіе лица, подавшаго жалобу, въ той или другой мѣстности.

Считая необходимымъ добавить весьма немногое къ письменнымъ объясненіямъ, представленнымъ Сенату относительно втораго повода, по которому жалоба г. Лохвицкаго не можетъ быть разсмотрѣна по существу, защитникъ вполнѣ согласился съ тѣмъ общимъ началомъ, указаннымъ въ заключеніи оберъ-прокурора, по которому законъ нашъ и судебная практика стараются распространить понятіе о гражданскихъ истцахъ, въ тѣхъ видахъ, что содѣйствіе ихъ выгодно для цѣлей правосудія; но обратилъ вниманіе на то, что понятія о гражданскихъ истцахъ по самому существу ограничено однимъ необходимымъ условіемъ, а именно тѣмъ непосредственнымъ интересомъ, который извѣстное лицо можетъ имѣть отъ исхода дѣла. Изъ самаго понятія о гражданскихъ истцахъ и изъ рѣшенія Сената по дѣлу Княжнина вытекаетъ то общее начало, что для признанія извѣстнаго лица въ качествѣ гражданскаго истца необходимо признаніе за нимъ непосредственнаго, хотя бы только возможнаго, интереса въ исходѣ дѣла. Несмотря на всю пользу, приносимую гражданскимъ истцомъ для цѣлей правосудія, ни одинъ судъ не допустилъ бы въ качествѣ гражданскаго истца такое лицо, которое бы, напримѣръ, сказало: «я оспариваю завѣщаніе потому, что если оно будетъ признано подложнымъ, то имущество перейдетъ къ наслѣднику по закону, а на-

слѣдникъ—мой должникъ». Никакой судъ не призналъ бы такое лицо гражданскимъ истцомъ, потому что у него не было непосредственнаго интереса въ исходѣ дѣла, точно также какъ не призналъ бы и того, кто явился бы содѣйствовать правосудію изъ любви къ искусству. Поэтому, для признанія кого-либо гражданскимъ истцомъ въ дѣлѣ о подлогѣ духовнаго завѣщанія необходимъ непосредственный, хотя бы только возможный интересъ этого лица отъ признанія завѣщанія подложнымъ; если же это лицо постороннее, которое, при опроверженіи подлинности завѣщанія, не можетъ явиться законнымъ наслѣдникомъ имущества, оставленнаго по завѣщанію, какъ это представляется въ данномъ случаѣ, то вопросъ о правѣ его являться въ качествѣ гражданскаго истца долженъ быть разрѣшенъ отрицательно.

Упомянувъ о томъ, что указъ IV департамента Сената по настоящему дѣлу относился только къ вопросу о прекращеніи дѣла палатою послѣ смерти Мартьяновой, а опредѣленіе окружнаго суда касалось вопроса о правѣ на искъ Ижболдиныхъ и Пѣшехоновой только въ мотивахъ суда, которые въ законную силу не входятъ и обязательной силы не имѣютъ, защитникъ перешелъ къ возраженію противъ кассаціонныхъ поводовъ, поддерживаемыхъ повѣренными гражданскихъ истцовъ и признанныхъ существенными въ заключеніи оберъ-прокурора. При разсмотрѣніи перваго повода—нарушеніи ст. 640 тѣмъ, что судъ безъ выслушанія заключенія сторонъ разрѣшилъ вопросъ о возможности продолжать засѣданіе за неявкою свидѣтельн. Аѳанасьевой, слѣдуетъ припомнить, что вопросъ о послѣдствіяхъ неявки возникъ не при тѣхъ условіяхъ и не тогда, когда онъ обыкновенно возникаетъ. Ст. 610 примѣняется къ такимъ случаямъ, гдѣ свидѣтель, которому повѣстка была послана, не явился по какой-либо причинѣ къ началу засѣданія, тогда какъ въ данномъ случаѣ неявка обнаружилась не въ началѣ засѣданія, а только на второй день, и произошла потому, что настоящей свидѣтельницѣ, подлежавшей вызову, повѣстка вовсе послана не была. Въ этомъ случаѣ суду, прежде постановленія опредѣленія о продолженіи или отсрочкѣ засѣданія, необходимо было разрѣшить вопросъ о томъ, какъ замѣнить вызванную по ошибкѣ свидѣтельницу новымъ вызовомъ. Разрѣшая только этотъ вопросъ, окружной судъ тѣмъ самымъ вовсе не рѣшилъ вопроса о существенности показанія; этотъ же предварительный вопросъ былъ разрѣшенъ

судомъ, какъ видно изъ протокола, по выслушаніи заключенія прокурора, и чтобъ утверждать, что этого заключенія дано не было, необходимо прибѣгнуть къ толкованію словъ, къ тѣмъ пріемамъ, которые не могутъ соотвѣтствовать касаціонному производству. Если дѣйствительно прокуроръ ограничился только соображеніями по предмету того, какъ слѣдуетъ поступить съ явившеюся по ошибкѣ свидѣтельницею, то и въ такомъ случаѣ судъ могъ разрѣшить вопросъ о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, не будучи вовсе обязанъ напоминать прокурору, что его заключеніе неполно, что онъ оставилъ какой либо вопросъ неразрѣшеннымъ. Судъ обязанъ былъ только предоставить прокурору слово, какъ это требуется закономъ въ извѣстныхъ случаяхъ, и это требованіе закона было судомъ исполнено. Въ дополненіе къ этимъ соображеніямъ, г. Арсеньевъ указалъ еще на то, что во всѣхъ рѣшеніяхъ Сената проглядываетъ одна общая, въ высшей степени справедливая мысль, что въ кассаціонномъ порядкѣ извѣстное нарушеніе признается существеннымъ только тогда, когда оно было своевременно указано или не могло быть своевременно исправлено. Это существенное условіе необходимо уже потому, что въ противномъ случаѣ приходилось бы отмѣнять производство по сложнымъ дѣламъ только потому, что одна сторона въ данную минуту не съумѣла или не захотѣла воспользоваться своимъ правомъ, и необходимо еще и потому, что при отсутствіи этого условія, сторона, замѣтивъ извѣстное нарушеніе, можетъ молчать нарочно, чтобъ потомъ, въ случаѣ надобности, воспользоваться этимъ нарушеніемъ, какъ поводомъ кассаціи. Въ виду этого, Сенатъ требуетъ, чтобъ нарушеніе, выставляемое существеннымъ поводомъ кассаціи, было указано, или по крайней мѣрѣ не могло быть исправлено своевременно. Между тѣмъ, въ настоящемъ случаѣ, какъ видно изъ протокола суда, прокуроръ подчинился приглашенію суда взять на себя вызовъ двухъ другихъ свидѣтелей, и на другой день сообщилъ суду, что предложеніе суда, принятое наканунѣ, имъ исполнено. Если прокуроръ разъ подчинился хотя такому порядку, который не соотвѣтствуетъ буквѣ закона въ отношеніи двухъ свидѣтелей, то судъ, разумѣется, могъ ожидать, что и другое предложеніе его будетъ также исполнено. Наконецъ, постановленіе суда состоялось на второй день засѣданія; судебное же слѣдствіе окончилось на пятый день, и слѣдовательно, прокуроръ имѣлъ полную

возможность воспользоваться всѣми закономъ предоставляемыми средствами для доставленія въ судъ свидѣтельницы; онъ могъ узнать, находится ли она въ Петербургѣ и еслибъ она не явилась на его приглашеніе, могъ просить судъ о вызовѣ и даже о приводѣ ея въ судъ, и требованіе это было бы уважено. Если же свидѣтельницы не оказалось бы на житьѣ въ Петербургѣ, то тогда причина неявки ея сдѣлалась бы законною, и онъ имѣлъ бы полное право требовать прочтенія ея показанія. По всѣмъ этимъ основаніямъ, защитникъ видитъ въ опредѣленіи суда, которое выставляется поводомъ кассаціи, ни что иное, какъ только указаніе того порядка вызова свидѣтельницы, который прокуроромъ могъ и долженъ былъ быть соблюденъ. Наконецъ, ссылаясь на рѣшеніе Сената по дѣлу Ястребова 1869 г., защитникъ указалъ, что нарушеніе статьи 640 въ рѣшеніи этомъ признается существеннымъ, когда есть не только предположеніе, что такое-то показаніе можетъ быть существенно, но когда объ этомъ было заявлено своевременно сторопою, приносящею протестъ, или жалобу. Въ настоящемъ же случаѣ такого заявленія со стороны прокурора сдѣлано не было.

Переходя къ нарушенію статьи 705 и связанному съ нимъ вопросу о примѣненіи статьи 627, защитникъ замѣчаетъ, что вопросъ этотъ уже разрѣшенъ Сенатомъ, и всѣ соображенія, приводимыя въ данномъ случаѣ, должны были имѣться имъ въ виду. Въ рѣшеніи 1870 г. № 448 дѣйствительно не видно, чтобы на предварительномъ слѣдствіи статья 705 была объяснена свидѣтелямъ, но изъ соображеній Сената, приведенныхъ въ этомъ рѣшеніи, очень ясно видно, что это требованіе закона какъ въ настоящемъ, такъ и въ томъ случаѣ было равно соблюдено. И если бы Сенатъ призналъ въ томъ случаѣ невозможность прочтенія показанія близкаго родственника только потому, что лицу, отказавшемуся отъ дачи показанія на судѣ, не была объяснена статья 705, не было указано его право отказаться отъ объясненій по дѣлу, то, конечно, рѣшеніе Сената было бы основано именно на этомъ соображеніи, а не касалось бы общаго вопроса. Сенату не было надобности ставить общій вопросъ тамъ, гдѣ дѣло разрѣшалось на основаніи частности; между тѣмъ рѣшеніе по дѣлу Княжнина имѣетъ вполнѣ характеръ разрѣшенія общаго вопроса. Въ рѣшеніи этомъ Сенатъ призналъ, что статья 626 къ близкимъ род-

ственникамъ примѣняема быть не можетъ, статья же 627 не можетъ быть приводима основаніемъ для прочтенія показаній свидѣтелей, отказавшихся отъ спроса на судѣ, потому что она имѣетъ въ виду только показанія неявившихся свидѣтелей. Затѣмъ, въ рѣшеніи Сената 1867 г. № 701 отказъ суда въ прочтеніи показанія неявившейся жены подсудимаго признанъ правильнымъ на томъ основаніи, что нельзя утверждать, чтобъ, явясь въ судъ, она не отказалась отъ дачи показанія. Такимъ образомъ, вопросъ о ст. 705 и 627 рѣшенъ Сенатомъ окончательно; общія соображенія о невыгодныхъ послѣдствіяхъ для правосудія толкованія ст. 705 въ томъ смыслѣ, что показанія близкихъ родственниковъ не могутъ быть прочтены послѣ отказа ихъ отъ спроса на судѣ, представляются чисто утилитарнаго свойства и могли бы быть приведены въ мотивахъ къ изданію новаго закона, или послужить поводомъ къ ходатайству судебныхъ мѣстъ объ отмѣнѣ извѣстнаго закона; но до тѣхъ поръ, пока ст. 705 существуетъ, соображенія эти значенія имѣть не могутъ, и суду остается только точное и безусловное исполненіе этой статьи.»

Считая излишнимъ упоминать о тѣхъ поводахъ кассаціи, которые относятся къ судебному слѣдствію, на которыхъ не настаиваетъ г. Лохвицкій и которые признаны не существенными въ заключеніи оберъ прокурора, г. Арсеньевъ обратился къ нарушенію, допущенному судомъ въ постановкѣ перваго вопроса. Замѣчаніе г. Лохвицкаго на неправильное указаніе времени въ этомъ вопросѣ не можетъ подлежать разсмотрѣнію въ кассаціонномъ порядкѣ, на томъ основаніи, что на судѣ имъ было заявлено ходатайство о совершенномъ исключеніи времени изъ этого вопроса, а въ настоящее время указывается, какъ на нарушеніе, на ошибочное указаніе мѣсяцевъ составленія завѣщанія; тогда какъ рѣшеніемъ Сената признано, что недостаточно возражать противъ извѣстнаго вопроса для приведенія постановки этого вопроса поводомъ кассаціи, но необходимо, чтобъ возраженіе на судѣ совпадало съ тѣмъ, которое приводится въ кассаціи. Такой выводъ Сената имѣетъ глубокое основаніе, коренящееся въ томъ главномъ началѣ, что каждая сторона на судѣ должна охранять свои права, и было бы несправедливо предоставлять ей право исправленія въ кассаціонной жалобѣ ошибки, допущенной по собственной винѣ. Между тѣмъ, въ настоящемъ дѣлѣ ошибка эта не была указана своевременно потому,

что въ противномъ случаѣ она и не могла бы быть допущена, такъ какъ очевидно время въ первомъ вопросѣ было помѣщено не правильно, не согласно съ обвинительнымъ актомъ, и только утомленіемъ послѣ продолжительнаго засѣданія можно объяснить, что такая очевидная неправильность не только не была замѣчена сторонами, но судъ въ своемъ постановленіи подтверждалъ, что время означено согласно съ обвинительнымъ актомъ. Еслибъ ошибка эта кѣмъ нибудь была замѣчена, то, разумѣется, она была бы своевременно исправлена; если же такого простаго замѣчанія сдѣлано не было, то въ настоящее время дѣлать его слишкомъ поздно, такъ какъ утомленіе никоимъ образомъ не можетъ служить оправданіемъ какъ лицамъ, допустившимъ ошибку, такъ и тѣмъ, которыми она должна была быть во время исправлена. Такимъ образомъ, вовсе не безразлично, относилось ли замѣчаніе г. Лохвицкаго только къ исключенію времени изъ вопроса или къ той ошибкѣ, которая была въ немъ допущена, потому что еслибъ замѣчаніе касалось послѣдняго предмета, то и самой ошибки въ вопросѣ, очевидно, не было бы. Но еслибъ Сенатъ призналъ этотъ пунктъ кассаціи подлежащимъ своему разсмотрѣнію, то и тогда онъ не можетъ быть признанъ существеннымъ, такъ какъ изъ судебнаго слѣдствія и изъ обвинительнаго акта видно, что Карагановъ, сознаваясь въ подписаніи бѣлаго листа бумаги именемъ Бѣляева по требованію А. Мясникова, постоянно говорилъ, что сдѣлалъ эту подпись въ день смерти Бѣляева, т. е. 24-го сентября, тоже утверждалъ и свидѣтель Красильниковъ, видѣвшій, по словамъ его, Караганова, упражняющимся въ подписаніи фамиліи Бѣляева въ день похоронъ его, слѣдовательно, также въ сентябрѣ. Собственно этотъ вопросъ не можетъ возникать въ кассаціонномъ порядкѣ, но такъ какъ онъ возбужденъ повѣреннымъ гражданскихъ истцовъ, то и съ этой точки зрѣнія оказывается, что обозначеніе времени, приведенное въ вопросѣ, не могло имѣть существеннаго значенія. Наконецъ, предсѣдателемъ въ его заключительномъ словѣ было объяснено присяжнымъ право ихъ оговориться въ отношеніи времени, сказать, что завѣщаніе было составлено не въ августѣ или сентябрѣ, а въ другое время. Утверждать, что этимъ объясненіемъ предсѣдатель вышелъ изъ предѣловъ предоставленной ему власти, что онъ не имѣлъ права говорить о возможности выдѣленія присяжными этого признака изъ

вопроса, представляется неосновательнымъ въ виду того, что законъ нашъ, разъясненный рѣшеніемъ Сената 1869 г. № 576, допускаетъ право присяжныхъ выдѣлять изъ вопросовъ всѣ тѣ второстепенные признаки, которые въ него включены. Ставится напр., вопросъ: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что въ ночь съ такого-то на такое-то число зажогъ обитаемое зданіе»? Присяжные по закону имѣютъ полное право отвѣтить: «да, но не ночью, а днемъ». Если же они имѣютъ это право въ томъ случаѣ, гдѣ вопросъ о поджогѣ ночью, или днемъ имѣетъ весьма существенное значеніе для опредѣленія мѣры наказанія и для характеристики самаго преступленія, то тѣмъ болѣе въ правѣ они сказать: «Да, фальшивое завѣщаніе было составлено, но не въ сентябрѣ, а въ октябрѣ», такъ какъ отвѣтъ этотъ нисколько не измѣнилъ бы вопроса о виновности подсудимыхъ.

Другое замѣчаніе г. Лохвицкаго о невключеніи въ первый вопросъ втораго признака подлога совершенно устраняется тѣмъ фактическихъ отвѣтомъ суда, что ни во время слѣдствія, ни при заключительныхъ преніяхъ вопроса о составленіи завѣщанія самимъ Бѣляевымъ и подписаніи его свидѣтелями послѣ смерти возбуждаемо не было. Указаніе на то, что этотъ второй признакъ подлога, войдя въ вопросъ о виновности А. Мясникова, уже потому самому долженъ былъ войти въ первый вопросъ, представляется неправильнымъ потому, что судъ имѣетъ право выдѣлить вопросъ о фактѣ преступленія въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо по ходу слѣдствія, всегда можетъ выдѣлить только характеристическую часть преступленія, и не включая признака уголовнаго, котораго никто не отвергаетъ. Такъ, въ данномъ дѣлѣ, очевидно, что въ случаѣ утвердительнаго отвѣта на первый вопросъ, присяжные, признавъ завѣщаніе подложнымъ, тѣмъ самымъ признали бы, что оно подписано свидѣтелями послѣ смерти Бѣляева. Во второмъ вопросѣ необходимо было полное перечисленіе всѣхъ признаковъ преступленія; въ первомъ же вопросѣ долженъ былъ быть выдѣленъ только тотъ характеристическій признакъ, который подлежалъ сомнѣнію и около котораго вертѣлось все слѣдствіе и преніа. Заявленіе г. Лохвицкаго во время судебнаго слѣдствія, на которое онъ ссылается въ своей жалобѣ, имѣло, по мнѣнію защитника, чисто отвлеченный характеръ и заключалось въ разъясненіи состава преступленія подлога, такъ что слѣдуетъ

признать полное отсутствіе такихъ фактическихъ данныхъ, которыя служили бы основаніемъ для доказательства необходимости выдѣленія судомъ въ вопросѣ о фактѣ преступленія втораго признака подлога. Утвержденіе г. Лохвицкаго, что центръ тяжести въ вопросѣ перенесенъ не туда, куда слѣдуетъ, а именно ко времени составленія завѣщанія, а не къ самому факту его составленія, и что отвѣтъ на такой вопросъ оставляетъ возможность предполагать, что завѣщанія и вовсе составлено не было,—по мнѣнію г. Арсеньева, падаетъ совершенно, если вникнуть въ самый вопросъ. Центръ тяжести въ этомъ вопросѣ очевидно лежитъ въ словахъ: «было ли составлено фальшивое духовное завѣщаніе отъ имени Бѣляева»? и присяжные, отвѣтивъ на него «нѣтъ, не было», тѣмъ самымъ признали, что фальшиваго духовнаго завѣщанія нѣтъ, а вопросъ о подложности завѣщанія вытекаетъ самъ собою изъ ихъ отрицательнаго отвѣта. Такимъ образомъ, изъ двухъ частныхъ замѣчаній по поводу постановки перваго вопроса, одно не можетъ подлежать разсмотрѣнію по существу, а если бы и подлежало, то не можетъ быть признано уважительнымъ, другое же опровергается буквальнымъ смысломъ уложенія и всѣмъ ходомъ судебнаго слѣдствія.

«Этимъ я ограничу свои объясненія,—сказалъ въ заключеніе своей рѣчи г. Арсеньевъ», но въ виду заключенія оберъ-прокурора о кассаціи настоящаго дѣла и о передачѣ его въ другое отдѣленіе с.-петербургскаго окружнаго суда, я считаю необходимымъ сказать еще нѣсколько словъ на тотъ случай, если-бы ходатайство о кассаціи было Сенатомъ уважено. На осн. 928 ст. Уст. уг. суд. отъ кассаціоннаго Сената зависитъ передать дѣло въ другое отдѣленіе того-же суда или въ другой судъ. Сенатъ пользуется въ этомъ отношеніи правомъ дискреціонной власти, но я полагаю, что сторонамъ не можетъ быть возбранено указать на тѣ соображенія, которыя должны быть приняты во вниманіе при томъ или другомъ разрѣшеніи этого вопроса. Судебная практика представляетъ примѣры, гдѣ Сенатъ, не смотря на разрѣшеніе дѣла въ судѣ съ нѣсколькими отдѣленіями, тѣмъ не менѣе переносилъ его въ другой судъ, а я полагаю, что въ настоящемъ дѣлѣ, въ случаѣ если Сенатъ признаетъ возможнымъ отмѣнить производство, представляется наиболѣе причинъ для передачи дѣла въ другой городъ. Въ подтвержденіи моего мнѣнія я сошлюсь только на одинъ фактъ, который,

вѣроятно, всѣмъ извѣстенъ; я думаю, что послѣ всѣхъ тѣхъ нападеній, которымъ подверглись присяжные засѣдатели, постановившіе оправдательный приговоръ по дѣлу Мясниковыхъ, послѣ тѣхъ намековъ, не только на словахъ, но и въ печати, которые были ими выслушаны, со стороны новаго состава присяжныхъ необходимо будетъ весьма значительная доля гражданскаго мужества для того, чтобъ постановить приговоръ по своему убѣжденію. Конечно, я не говорю, чтобы такой приговоръ былъ невозможенъ, но, мнѣ кажется, при разсмотрѣніи дѣла въ кассаціонномъ порядкѣ, слѣдуетъ обратить вниманіе на количество шансовъ къ безпристрастному разрѣшенію дѣла вновь. За границею весьма часто дѣло переносится въ другой городъ, даже до его разсмотрѣнія въ судѣ, когда по ходу слѣдствія можно предположить въ обществѣ пристрастіе, предубѣжденіе въ ту, или другую сторону; когда же дѣло окончено, когда состоялся приговоръ, и когда общественное мнѣніе выразилось на столько ясно, насколько оно выразилось относительно присяжныхъ засѣдателей по настоящему дѣлу—я говорю только о нареканіяхъ на присяжныхъ—тогда, мнѣ кажется, Сенату представляется полное основаніе воспользоваться правомъ, предоставляемымъ ему ст. 928, и передать дѣло въ другой городъ. Поэтому, я считаю себя въ правѣ, если Сенатъ признаетъ необходимымъ, по протесту прокурора и кассаціонной жалобѣ пов. гражданскихъ истцовъ, обратить дѣло къ новому разсмотрѣнію, просить передать его не въ другое отдѣленіе с.-петербургскаго окружнаго суда, а въ другой окружной судъ, по усмотрѣнію Сената.»

Правительствующій Сенатъ на разрѣшеніе поставилъ три вопроса: во 1-хъ, о томъ, заслуживаетъ ли уваженія кассаціонный протестъ прокурора Окружнаго Суда; во 2-хъ, подлежитъ ли разсмотрѣнію Правительствующаго Сената кассаціонная жалоба, поданная отъ имени Ижболдиныхъ и Пѣшехоновой, повѣренными ихъ докторомъ правъ Лохвицкимъ и присяжнымъ повѣреннымъ Остряковымъ, и въ 3-хъ, если подлежитъ, то заслуживаетъ ли уваженія?

Резолюція: Правительствующій Сенатъ по протесту прокурора и по жалобѣ повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ, за нарушеніемъ 640, 581, 754 и 760 ст. Уст. Угол. Суд., опредѣлилъ: рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и приговоръ суда отмѣнить и дѣло передать въ Московскій Окружный Судъ для новаго разсмотрѣнія.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

СЧЕТЫ К. В. БѢЛЯЕВА.

№ 1. Приходъ капиталовъ, принадлежащихъ наслѣдникамъ съ 24 января 1855 по 1 сентября 1857 года.
(Счетъ писанъ рукою Бѣляева).

На 1855 годъ поступило въ откупахъ остатками капитала, питей и имущества:				
По губерніи Архангельской . . .	133,059	1		
Пензенской	47,389	50		
Нижегородской . . .	20,592	96½		
„ городамъ Вятск. и Вологодскимъ.	57,334	„		
Херсонскимъ	64,492	45		
„ войску Донскому	132,971	73	455,839	65½
На золотыхъ пріискахъ въ капиталѣ и имуществѣ 90,637 р. 68¼ к. половина	„	„	45,318	84
Въ коренныхъ и вспомогательныхъ залогахъ.				
По губерніи Архангельской кор. .	45,017	70		
Пензенской	32,594	95		
Нижегородской . . .	56,589	98		
„ городамъ Вятскимъ	16,523	96		
Вологодскимъ	7,205	50½		
Херсонскимъ	15,458	50		
„ земли войска Донскаго	57,000	—	230,390	59½
На нихъ % по 1857 г. начисляется:				
Архангельскіе	6,514	12		
Пензенскіе за 2 года	2,659	75		
Нижегородскіе	44,859	68		
Вятскіе.	4,382	86		
Вологодскіе	1,913	10		
Херсонскіе	4,102	6		
Донскіе	23,051	4		
819,031 р. 70 к.			87,482	61
Откупа дали пользы на часть наслѣдниковъ 1855 годъ.				
По губерніи Архангельской . . .	29 264	13¼		
„ войску Донскому	73,406	1¾		
„ городамъ Херсонскимъ	87,926	38⅓	190,596	53½
1856 годъ:				
По губерніи Архангельской . . .	75,898	51		
Нижегородской . . .	20 146	58¾		
„ городамъ Вятск. и Вологодскимъ.	22,572	56		
Херсонскимъ	89.136	89¾		
„ войску Донскому	193,311	7	401,065	62½
591,662 р. 16 к.				
Отъ золотыхъ пріисковъ въ 3 года получено пользы	21,282	59		
Въ процессѣ съ Тепловымъ совокупно съ 1853 годомъ.	120,000	—	141,282	59

Изъ прежнихъ дѣлъ получено дивидента и залоговъ:				
По Кіеву	27,014	37		
Изъ Харькова	13,821	21		
„ Архангельска изъ долговъ . .	148	52		
Кіевскій билетъ въ 12,000 ас. съ % .	8,000	„	48,984	10
Получено % за капиталъ и залоги по питейнымъ откупамъ.				
1855 годъ.				
По губерніи Архангельской	11,358	13		
Пензенской	6,018	57½		
Нижегородской . . .	7,580	75		
„ городамъ Вятск. и Вологодскимъ.	2,558	„		
Херсонскимъ	5,903	21½		
„ войску Донскому	13,545	29	16,963	96
1866 годъ.				
По губерніи Архангельской	10,223	79		
Нижегородской	3 220	84¾		
Пензенской	3,376	8		
„ городамъ Вятск. и Вологодскимъ.	2,354	16		
Херсонскимъ	2,906	66¾		
„ войску Донскому	12,088	14¼	31,169	68¾
81,133 р. 64¾ к.				
Разныхъ.				
Съ купца Иконникова	6,016	80		
„ Утина за расходомъ	19,852	50		
Оброку съ людей	67	„		
За квартиру съ Попова	200	„	26,136	30
Изъ дворянской опеки:				
Получено мною въ февралѣ 1856 г.	184,214	62		
Въ то число поступило отъ меня:				
На уплату Катышевцеву, оставшихся въ билетѣ не выданными 654 р. 90 к.				
Билетами изъ Нижегородской казенной палаты 15,311 р. 42 к. а съ % по 57 годъ. . . 31,568 р. 51 к.	32,223	41		
Затѣмъ дѣйствительно поступившихъ ко мнѣ	„	„	151,991	21
Пріобрѣтено % на фонды и билеты, у меня хранившіеся	„	„	21,304	11
По особымъ расчетамъ капиталъ, у меня хранившійся	„	„	392,250	„
591,681 р. 62 к				
А всего въ приходѣ. .	„	„	2,273,775	81¾

№ 2. Счетъ о расходахъ съ 24 января 1855 г. по 1-е сентября 1857 г. со включеніемъ таковыхъ же предполагаемыхъ впередъ (Счетъ писанъ рукою Бѣляева).

Расходы на похороны и поминовеніе Ивана Федоровича съ пожертвованіемъ 1500 р. первой половины на церковь въ Ростовѣ	16,375	
Уплачено по обязательствамъ Ивана Федоровича его залогодателямъ и казенныхъ и другихъ взысканій до .	60,555	31
По разсчетамъ съ пріисками осталось у Ивана Федоровича капитала, не высланнаго туда до 68,000 т., коимой уплачены, а за нѣкоторыми замѣнами дѣйствительный расходъ составляетъ.	12,000	»
88,930 р. 31 к.		
Разныхъ:		
Николаю Николаевичу и Аграфенѣ Мясниковымъ .	12.195	»
Въ жалованье Сеславину: а) по 10-е апрѣля 1855 г. 2,550 р. и b) за послѣдующее время 8,050 р . . .	10,600	»
Тоже Целебровскому по 15 іюля 1857 г. съ расходами и наградой за труды	1.618	»
А. П. Петрову въ жалованье и на проѣздъ изъ Пензы.	1,123	28
Жалов. Козлову, уплачено послѣ его смерти . . .	150	45
Сидору Кузнецову	250	»
Шлыкову	200	»
А. М. Шапошникову съ наградой	1.220	»
Ивану Ильину съ наградой.	975	»
Пожертвованія: Бороздину.	1,400	»
Серебренниковымъ.	150	»
Жулебину.	100	»
Варварѣ Марининой по февраль 1860 г. . .	458	»
Ивану Королеву	270	»
Николаю и Леонтію Мариниными	147	»
Алексѣю Маринину	200	»
Конст. Степ. Безносикову.	260	»
Аннѣ Николаевнѣ Голенищевой.	400	»
34,616 р. 73к.		
Особыхъ расходовъ:		
Нейману 27,500 р. Штарку 650 р.	28,150	»
Бернеману 20,000 р., потери на актахъ 25,488 р. и за отчеты 5 000 р.	50,488	»
Мальчевскому 50,000 р., потери на актахъ 16,300 р. и за отчеты 5,000 р.	71,300	»
Соболеву	32,000	»
Гротену.	40,774	»
Въ М-вѣ 10. по распечат. бумагъ 10,000 р. по общности 25,000 р. и Патк. 6,000 р	41,000	»
Медвѣд. 1.500. Безобр. 525. Степ. 750 р. Секрет. 300. Столон. и Казн. 287. Стрянч. 100.	3,462	»
Барону Корфу 8,000 р. Шап. 2,300. Шетову 400 . Леонтьеву 500. Карт. Иванову	11,200	»
Въ Сен. 2,200 р. росписка 500 р.	5,000	»
Чрезъ Сеславина и разн. 3, 681, по расп. бумагъ 924. отнесен. Алек. Конст. 800. Дрейеру 360. Щербову 1,000. Прокур. 1,000 по полученіи денегъ Кати, 1,535, выправка метр. свид. 175. Мурат. 300. Латкину 225 Кирѣеву 200. Липранди 400, на полицію 115 и эстафеты 310 . . .	2,700	»
	10,825	»

На магистратъ	3,915	„
„ гражд. палату о 4 части	3,135	„
„ „ „ по д. кн Мещерскаго	3 000	„
По дѣлу Наткуля Лаубе 4,000 въ сент. 300. . . .	4,300	„
„ полученію золота съ монет. дв. въ 3 раза . . .	3,060	„
Въ управѣ по отпеч. бумагъ	525	„
Расходовъ послѣдняго времени: по Кіеву бил. 1,125, Загульской 2,000. Целебр въ Москвѣ 1,552. Лобанову Ростовскому 4,860 на расход. Сеслав. 800. Целебр. 1000. Степан 250. Столонач. 150. Строг. 200, въ общихъ собр. въ Конкурсѣ до 1,000 р. въ Ком судѣ по получ. дивидента 85 р. по Пенз. домамъ 125. Скерлетову % 260 р. 25 коп Дмитріеву 30. Сысоеву 100, разн. 20 .	13,557	25
328,691 р. 25 к.		

Потерь и пожертвованій:

Убытку отъ скупки долговыхъ актовъ	53,324	„
„ „ размѣна фондовъ на 70,000 тыс : въ декабрѣ 1855 г.	4,123	„
За свѣдѣнія откупныя по Астраханской губерніи. .	2,250	„
59,697 р.		
Убытку по откупамъ на часть Ивана Федоровича .		
По Пензенской губерніи вообще.	16,928	„
„ Нижегородской въ 1855 г.	4,864	50
„ Вятскимъ и Вологодскимъ въ 1855 г.	21,836	24
43,628, 74 р.		

Расходы общіе и смѣшанные:

За домъ Ростовскій	5,651	„
„ Св. Иконы при оном	1,503	„
Голенищевой А. П.	4,000	„
За поправку и передѣлку дома наслѣдниковъ . . .	6,037	92
Переплочено, въ долгу и страх. за этотъ же домъ .	640	„
17,828 р 92 к.		

Расходы, имѣющіеся въ виду:

На ростовскую церковь достальныхъ	1,500	„
„ уплату капитала Скерлетовой	5,000	„
„ платежъ по дѣлу кн. Мещерскаго	15,000	„
„ „ взысканія по Бугуруслану	8,000	„
„ „ „ „ Наровчату	1,600	„
„ выдачу по Кольскому дѣлу обѣщанныхъ. . . .	3,000	„
„ проѣздъ Королева на пріиски	350	„
„ награду Целебр. по окончаніи дѣла Вѣлкина . .	2,000	„
„ произведенные и будущіе расходы по стр. откупамъ.	2,000	„
„ выдачу Соболеву 2,000 и его товарищамъ 1,000 .	3,000	„
„ расходъ по ревизіи отчета.	2,250	„
43,700 р.		
„ содержаніе моей конторы и разные расходы, не относимые по сему счету въ 2 года и 7 мѣсяцевъ.	5,000	„
А всего въ расходѣ. .	622,098	95

№ 3. **Сводъ отчетовъ въ капиталѣ.**

Приходъ составляетъ сумму . . . . . 2,273,775 р. 81¾
Изъ нихъ въ расходѣ . . . . . 622,098 „ 95
Затѣмъ остается на раздѣлъ . . . . . 1,651,676 р. 86¾ к.

Изъ этой суммы находится въ дѣлахъ:

	На счетъ Братьевъ.		на счетъ Сестеръ.	
По золотымъ пріискамъ остаточнаго на 1857 г. 95,100 р. и вновь отправлено туда съ отнесенными расходами прежде 77,700 р. да въ Маѣ, Іюлѣ и Августѣ поступило 100,273 р 56 к всего 273,073 р. 56 к. изъ нихъ	204,805	17	68,263	39
Въ Донскомъ войскѣ: капиталомъ . .	63,000	—		
„ „ „ залогами . .	66,580	—		
„ городахъ Херсонскихъ: капиталомъ	114.563	—		
„ „ „ залогами . .	23,000	—		
Невозвращено залоговъ изъ Вологды	9,118	—		
Не уплачено капитала Нижегородскаго	8,788	—		
Капитала въ городахъ Вологодскихъ .	12,000	—		
Въ процессѣ съ Тепловымъ	60,000	—	60,000	—
„ долговыхъ обязательствахъ на И. Ѳ. Мясникова, полагая рубль въ 12%	48,000	—	48,000	—
	609,854	17	176,268	39
	786,122 р. 56 к.			

Въ выдачѣ Гг. наслѣдникамъ:

Александру Константиновичу	233,119 р.	84 к.
Ивану Константиновичу	298,164 „	84 „
Баронессѣ Притвицъ	62,187 „	9 „
Аннѣ и Екатеринѣ Константиновнамъ . .	8,551 „	40 „
Итого.	1,388,045 р.	73 к.
Затѣмъ, отъ Бѣляева слѣдуетъ представить .	263,631 р.	13¾ к.
Сумма.	1,651,676 р.	86¾ к.

Особо приготовлено на расходы 43,700
„ братьямъ сдѣлокъ. 22,500

№ 4. Отчетъ по 14 Мая 1858 г.

(писанный собственною рукою Бѣляева).

Слѣдовало мнѣ уплатить на 1-е Сентября 1857 г.	—	—	150,000	2¼
Къ тому поступило ко мнѣ:				
Изъ Херсона изъ капитала	42,153	—		
„ вологодскихъ городовъ залоговъ	9,118	—		
„ Херсона залоговъ	20,000	—		
1857 г. Октября 15-го % на фонды	3,500	—		
„ Декабря 24 съ Иконникова.	600	—		
1858 г. Января 17 изъ Херсона % съ капитала	7,033	97		
„ Февраля 10 изъ старыхъ сибирскихъ дѣлъ	20,403	75		
„ Апрѣля 1 изъ Нижняго	3,000	—		
			105,808	72
Итого	—	—	255,808	74¼
Со счета моего:				
Доставлено Александру Константиновичу фондами	140.000	—		
Выдано баранессѣ Притвицъ	35,873	—		
На золотые пріиски съ расходами	57,610	40		
Сдѣлокъ по Херсону и Донскому войску	39,392	—		
Николаю и Аграфенѣ Алексѣевнѣ Мясниковымъ	3.200	—		
По подачѣ отчета перерасходовано	474	43		
Почт. Чинов. Дмитріеву въ Декабрѣ и Мартѣ	60	—		
Въ жалованье Ивану Ильину по Іюнь 1858 г.	195	—		
Целебровскому въ жалованье	900	—		
„ на расходы	625	—		
Сеславину въ жалованье до расчета	550	—		
Скерлетову %	171	73		
Шишину по дѣламъ	200	—		
Тимоф. 1000. Секр. 300, Столон. 25	1,325	—		
По заключенію контракта съ Вакаромъ	225	—		
За свѣдѣнія о выборѣ вина 56 и 57 гг.	25	—		
Квартальному 10, чиновнику 3	13	—		
			260,869	56
Расходовъ на счетъ: Александра Константиновича	12,861	28		
„ на счетъ: Ивана Константиновича	4,331	—		
			17,192	28
Итого	—	—	278,061	84
Причитается получить мнѣ	—	—	22,253	12

№ 5. СЧЕТЪ

О суммахъ, поступившихъ на счетъ А. К. Мясникова.

		СУММА.	
		Р.	К.
Съ 20-го апрѣля 1855 года по 7-е іюня 1857 года		233,119	84
Изъ нихъ исключается:			
За домъ Ростовскій и св. иконы.	7151		
Переведенныхъ на счетъ баронессы Притвицъ по роспискѣ ея мужа . .	25450		
Слѣдующихъ А. К. сдѣлокъ . .	11250	43,851	
Затѣмъ остается. . . .		189,268	84

(Все это въ подлинномъ счетѣ написано рукою К. В. Бѣляева).

№ 6. СЧЕТЪ

О суммахъ, поступившихъ на счетъ Ив. Кон. Мясникова.

	СУММА.	
	Р.	К.
Съ 20-го апрѣля 1855 года по 5 іюля 1857 года.	298,164	84
Изъ нихъ исключается:		
Сдѣлокъ.	11,250	
Затѣмъ остается . . .	286,914	84

(Все это въ подлинномъ счетѣ написано рукою К. В. Бѣляева).

СЧЕТЪ.

№ 7. О суммахъ, поступившихъ на счетъ Баронессы Притвицъ.

	СУММА.	
	Р.	К.
Съ 20 апрѣля 1855, по 5 го іюля 1857 года.	62,087	9

(Все это въ подлинномъ счетѣ написано рукою К. В. Бѣляева).

СЧЕТЪ.

№ 8. О суммахъ, поступившихъ на счетъ дѣвицъ Мясниковыхъ.

	СУММА.	
	Р.	К.
Съ 20-го апрѣля 1855 по 21-е апрѣля 1857 года	8,507	90
(Въ подлинномъ счетѣ написано рукою Бѣляева)		

1855 г. 25 Апрѣля	15,000	—	
30 Іюля	31,000	—	
6 Октября	15,000	—	
28 Октября	15,000	—	
1856 г. 20 Февраля	30,000	—	
11 Апрѣля	15,000	—	
23 Іюня	40,000	—	
29 Іюня	20,000	—	
Расходы на счетъ пріисковъ:			
Выдано Покровскому	3,250	—	
Тоже (рукою Бѣляева)	1,700	—	
Вѣсы и микроскопы	538	—	
Почтовая пересылка	457	51	
Разныхъ расходовъ	810	—	
Выдано Даратану $^{9}/_{27}$ ч.	5,670	53	
Воронину по переводу	1,761	63	
195,197 р. 67 к.			
Выслано на производство 1857 г.			
1856 г. 29 Сентября	25,000	—	
4 Декабря	25,000	—	
1857 г. 20 Февраля	25,172	80	
11 Мая	10,000	—	
4 Іюля	25,000	—	
28 Августа	65,000	—	
175,172 р. 80 к.			
Всего поступило N пріисковъ	370,370	47	
Въ Коммерческій Судъ (рукою Бѣляева)	115,615	25¼	
	485,985	72½	(рук. Бѣляева).
Изъ того числа 1857 г.	177,973	56	(рук. Бѣляева).
За тѣмъ	308,012	16¼	
Прим. Вмѣсто 175,172 р. 80 к. по отчету 1857 г. показано на приходъ 177,973 р. 56 к. и потому настоящая высылка остается	308,012	16½	(рук. Бѣляева).
Получка золота:			
1856 г. 17 Сентября за 1854 г.	189,867	23½	
10 Апрѣля за 1855 г.	156,333	62¾	
1857 г. 6 Марта за 1856 г.	108,785	10	
Итого	454,985	96¼	
Исключая расходовъ за всѣ	308,012	16½	
Отписанной пользы отъ залога	21,282	59	
Затѣмъ должно остаться	125,691	20¾	
Къ пользѣ, значущейся по сему расчету, слѣдующей къ полученію отъ Бѣляева 125,691 р. 20¾ к. надобно присовокупить внесенныя въ Коммерческій Судъ за прошедшія на 1857 г. на пріискахъ въ собственность братьевъ остатки 71,284 р. 67 к. Прим. Сумма эта отнесется на счетъ Александра и Ивана Константиновичей			
Итого пользы	196,975	87¾	вмѣсто преж.
на часть братьевъ 98,487 р. 94 к. каждому	492.43	97	5,320 р. 61½ к
„ сестеръ 98,487 р. 94 к. каждой	24,621	98½	2,660 р. 32¼ к.

Рукою Бѣляева.

въ число ихъ дивидента 44,330 р. 58½ и за перешедшіе остатки въ собственность братьевъ Масниковыхъ 71,284 р. 67 к. (выноска сдѣлана рукою Бѣляева).

№ 10 **На 1855 годъ поступило въ откупъ остатками питей, капитала и имущества.**

По губерніямъ	Архангельской. . .	133,059 р. 1	к.
„ „	Пензенской	47,389 „ 50	„
„ „	Нижегородской . .	20,592 „ 96½	„
„ городамъ	Вятскимъ и вологод.	57.334 „ —	„
„ „	Херсонскимъ . . .	60,857 „ 36	„
„ войску	Донскому	132,971 „ 73	„
		452,204 р. 56½	к.

Коренные и вспомогательные залоги:

По губерніямъ	Архангельской . .	41,135 р. 18	к.
„ „	Пензенской . . .	32,594 „ 95	„
„ „	Нижегородской . .	56,589 „ 98	„
„ городамъ	Вятскимъ	16,523 „ 96	„
„ „	Вологодскимъ . .	7,205 „ 50½	„
„ „	Херсонскимъ. . .	15.458 „ 50	„
„ войску	Донскому	57,000 „ —	„
		230,508 р. 7½	к.

На нихъ % по 57 годъ начитается:

По губерніямъ	Архангельской . .	3,911 р. 53	к.
„ „	Пензенской	21,529 „ 65	„ (приписано 242—56)
„ „	Нижегородской. . .	45,111 „ 31	„ (карандашемъ рукою
„ городамъ	Вятскимъ.	4,382 „ 86	„ Бѣляева).
„ „	Вологодскимъ . . .	1,913 „ 10	„
„ „	Херсонскимъ . . .	4,102 „ 6	„
„ войску	Донскому	23,067 „ 74	„
		104,018 р. 25	к.

Откупа дали пользу 1855 годъ:

По губерніи Архангельской. . .	29,264 р. 13¼	к.
„ войску Донскому	73,406 „ 1¾	„
„ городамъ Херсонскимъ . . .	87,926 „ 38½	„
	190,596 р. 53½	к.

1856 годъ.

По губерніямъ Архангельской. . .	75,898 р. 51	к.
„ „ Нижегородской . .	20,146 „ 58¾	„
„ город. Вятскимъ и Вологодскимъ	22,572 „ 56	„
„ „ Херсонскимъ	89,136 „ 89¾	„
„ войску Донскому	193.311 „ 7	„
	101,065 р. 62½	к.

Изъ прежнихъ дѣлъ получено дивидента

По Кіеву	27,014 р. 37	к.
Изъ Харькова.	13,821 „ 21	„
„ Архангельской изъ долг. . . .	148 „ 52	„
„ Кіевской билет. въ 12 т. ас. съ %	8,000 „ —	„
	48,984 р. 10	к.

Получено % за капиталъ и залоги по питейнымъ откупамъ:

1855 годъ.

По губерніямъ Архангельской. . .	11,358 р. 13	к.
„ Пензенской „4,911—16“ каранд. рукою Бѣляева	4,911 „ 12	„ (кар. рук. Бѣляева)
„ Нижегородской	7.580 „ 75	„
„ город. Вятскимъ и Вологодскимъ	2,558 „ —	„
„ „ Херсонскимъ	5,903 „ 21½	„ (кар. рук. Бѣляева)
„ войску Донскому	13,545 „ 29	„
	45,856 р. 50½	к.

1856 годъ.

По губерніямъ Архангельской. . .	10,223 р. 79 к.	
„ „ Нижегородской . .	3,220 „ 84¾ „	
„ „ Пензенской. . . .	3,376 „ 8 „	
„ город. Вятскимъ и Вологодскимъ	2.354 „ 16 „	
„ „ Херсонскимъ	5,406 „ 65 „	
„ войску Донскому	12,088 „ 14¼ „	
		36,669 р. 67 к.

На золотыхъ пріискахъ въ капиталѣ и имуществѣ 90 637 р. 68¼ к. полов.	45,318 р. 84 к.	
Отъ золотыхъ пріисковъ получено пользы въ 3 года	21,282 „ 59 „	
Въ процессѣ съ Тепловымъ совокупно съ 1853 годомъ	120,000 „ — „	
		186,601 р. 45 к.

Разныхъ:

Съ купца Иконникова	6,016 р. 80 к.	
„ Утина	19,852 „ 50 „	
Оброку съ людей	67 „ — „	
За квартиру съ Попова.	200 „ — „	
		26,136 р. 30 к.

Изъ дворянской опеки получено въ февралѣ 1856 г.	184,214 р. 62 к.	
Въ то число поступило отъ меня:		
На уплату Катышовцову. . . .	654 „ 90 „	
Билет. Нижегор. Казенной палаты 15,311 р. 42 к. съ % по 57 годъ.	31.568 „ 51 „	(кар. рукою Бѣляева)
	32,223 р. 41 к.	

Затѣмъ дѣйствительно поступило		151,991 р. 21 к.
Получено % на фонды и билеты		21,304 „ 11
Оставалось капитала.		392,250 „ —
Всего		2.289,292 р. 84¼ к.
Съ золотыхъ пріисковъ .		128,450 „ 68¼ „
		2.417,743 р. 52½ к.

№ 11. ОБЩІЙ ВЫВОДЪ ИЗЪ ВЫШЕ

По дѣламъ откупнымъ капиталовъ, имущества и залоговъ на 1855 годъ	682,712	64
% съ государственныхъ бумагъ, представленныхъ въ залоги.	186,301	86⅞
Пользы отъ откуповъ	591,662	16
По золотой промышленности.		
Имущества и капиталовъ	45,318	84
Пользы.	21,282	59
Кромѣ того (№ 9-й)	125,691	20¾
Разнаго имущества (№ 10-й)		
Въ процессѣ съ Тепловымъ.	120,000	—
По прежнимъ дѣламъ	48,984	10
Разныхъ полученій	26,136	30
Изъ опеки	151,991	21
Особый капиталъ.	392,250	—
% на фонды и билеты, бывшіе въ кассѣ Бѣляева.	21,304	11
По счету, представленному по 12 мая 1858 г. (листъ № 4)		
Вновь поступило къ нему:		
Изъ Херсона капитала.	42,153	—
— Вологодскихъ городовъ зологовъ	9,118	—
— Херсона залоговъ	20,000	—
% На фонды	3,500	—
Съ Иконникова	600	—
Изъ Херсона % на капиталъ	7,033	97
— Старыхъ сибирскихъ дѣлъ	20,403	75
— Нижняго-Новгорода.	3,000	—
Итого. . .	2.519,443	74¼

ОЗНАЧЕННЫХЪ СЧЕТОВЪ.

(№ 2). Расхода по веденію дѣлъ, потерь и убытковъ по дѣламъ и прочихъ расходовъ, всего. 622.098 р. 95к. Эта сумма при повѣркѣ принята не вся, потому что Бѣляевымъ не было заплачено: Целебровскому 2000, въ Ростовскую церковь 1.500 р. и непринято выданныхъ имъ квартальному надзирателю изъ 5 т. 3000 р. а всего 6500 р., слѣдовательно принято въ расходъ. .	615,598	95
(№ 3). По золотымъ пріискамъ остатокъ на 1857 годъ 45.318 р. 84 к. и вновь отправлено туда 177,973 р. 56 к., всего.	223,292	40
Въ Донскомъ войскѣ: капиталъ	63,000	—
залоги.	66,580	—
Въ городахъ Херсонскихъ: капиталъ.	114,563	—
залоги.	23,000	—
Невозвращено залоговъ изъ Вологды.	9,118	—
Не уплачено капитала нижегородскаго.	8,788	—
Капиталъ въ городахъ Вологодскихъ.	12,000	—
Процессъ съ Тепловымъ.	120.000	—
Въ долговыхъ обязательствахъ на П. Ф. Мясникова.	96,000	—
Выдано:		
Александру Константиновичу (№ 5)	189,268	84
Ивану Константиновичу (№ 6).	286.914	84
Юліи Константиновнѣ (№ 7).	62,087	9
Аннѣ и Екатеринѣ Константиновнамъ (№ 8). . .	8,551	40
Шишкину.	70,162	81¼
По счету, представленному по 14 мая 1858 г. (№ 4).		
Всего расходовъ по веденію дѣлъ, наслѣдникамъ и прочихъ 278.061 р. 84 к., но изъ этой суммы не принято: Скерлетову % 171 р. 73 к. потому что капиталъ былъ возвращенъ Скерлетову ранѣе: (какъ значится въ № 4-й) и 25 р., за свѣдѣнія о выборѣ вина, не представленныя Бѣляевымъ, а всего 196 р., 73 к., слѣдовательно принято въ расходъ	277,865	11
Итого. . .	2.246,790	44¼
Слѣдовательно оставалось за Бѣляевымъ	272,653	30
Въ эту сумму и была выдана сохранная росписка 21 мая 1858 года.		

№ 12. Собственноручный счетъ К. В. Бѣляева.

16 сентября 1857 года.

Мнѣ должно уплатить	292,196	р.	54³/₄ к.
Да осталось на предметъ раздѣла .	43,700	»	— »
	335,896	р.	54³/₄ к.

№ 13. Собственноручный счетъ К. В. Бѣляева.

Капиталъ на 17-е Сентября 1857 г.

Въ мебельномъ магазинѣ	до	28,250 р.	
„ углѣ и лѣсѣ дровяномъ	„	7,000 „	
„ дубѣ	„	7,000 „	
„ въ дѣлѣ съ Мироновымъ	„	30,000 „	
За Бобковымъ	„	4,000 „	
Въ дѣлахъ Олонецкихъ	„	25,000 „	75 т.
„ Донскаго войска	„	29,000 „	
„ Херсонскихъ	„	21,260 „	
За Гротеномъ	„	28,000 „	32,200
„ Красильниковымъ	„	3,200 „	
„ Медвѣдевымъ	„	1,000 „	
Въ акціяхъ царскосельской дороги	„	1,064 „	
„ Общественная польза	„	7,200 „	
Въ заводахъ капитала	„	50,000 „	
„ дѣлахъ вологодскихъ	„	20,000 „	
			261,974 р.
Да наличнаго капитала.	„	120,000 „	
			381,974 „
Разныхъ одолженій и пользы отъ 1857 года по дѣламъ.			18,024 „
			400,000 „

За попечительствомъ:

Дубецкаго.	5,000
Левицкимъ	500
Биршрале.	500
Лазаревымъ. . . .	10,000

Отрывокъ изъ собственноручнаго журнала исходящихъ бумагъ К. В. Бѣляева.

Мая

13 Въ кварталъ объясн. по дѣлу Мордовина съ 126 р. 66 к.

18 В. П. Буркину отказъ отъ его товарищества.

21 Росписка Александру и Ивану Конст. Мясниковымъ въ 272 т. р.

22 71 переводъ Каменскому на Устюжскую контору въ 2000 р.

72 тоже на 1000 р.

Въ Рамбовѣ съ 25 мая.

28 173 Петрозаводской конторѣ о высылкѣ ко мнѣ свидѣтельства на залогъ.

174 А. П. Цетрову разрѣшеніе на пріѣздъ въ С.-Петербургъ.

175 Н. Ѳ. Котову тожъ и о подачѣ сказки о человѣкѣ съ семействомъ.

176 П. А. Бороздину о подачѣ сказки въ Вязьмѣ о крестьян. Городища Евсѣѣ Осиповѣ съ сем. и о высылкѣ ко мнѣ для него паспорта.

ДОВѢРЕННОСТИ, ВЫДАННЫЯ ОТЪ НАДЕЖДЫ МАРТЬЯНОВОЙ ИЖБОЛДИНУ.

I.

Милостивый Государь,
Иванъ Алексѣевичъ.

У бывшаго пермскаго купца Никифора Бѣляева были сыновья: Иванъ и Василій Никифоровы. Отъ Василія происхожу я и сестра Анна. По смерти ихъ осталось наслѣдство, которое было предоставлено во владѣніе брата моего Козьмы, Анна Решетникова въ Петербургѣ померла, осталось имущество благопріобрѣтенное и сверхъ того у брата Козьмы родовое по наслѣдству отъ родителя моего и дяди моего Ивана Бѣляева. Сіе послѣднее не могло войти въ духовное или другое распоряженіе, но должно поступить въ наслѣдство по закону. Оставшись за смертію всѣхъ вышеозначенныхъ лицъ, единственною наслѣдницею, я, на основаніи этихъ правъ моихъ, неограничено прошу Васъ принять на себя трудъ розыскать имущество этихъ лицъ, представлять документы куда слѣдуетъ, управлять имъ по Вашему усмотрѣнію и располагать имъ какъ я сама и какъ Вы признаете для общей пользы удобнѣе, такъ передавать другимъ на время или продавать, выправлять на меня торговыя права на свое имя. Обязуюсь довѣренность эту не уничтожать и другаго довѣреннаго на все это время не уполномочивать безъ согласія Вашего. Затѣмъ, Вы можете по усмотрѣнію Вашему всю или часть Вашихъ правъ по силѣ довѣренности передавать другимъ лицамъ. По сей довѣренности за труды Ваши будетъ вознагражденіе въ поставленномъ сего числа между нами договорѣ. Что Вы по сему учините спорить и прекословить не буду. 18 іюля 1860 года сарапульская мѣщанка вдова Надежда Васильева Мартьянова. Довѣренность сія принадлежитъ Вятской губерніи сарапульскому 3 гильдіи купеческому сыну Ивану Алексѣеву Ижболдину.

1860 года іюля 18 дня. Сія довѣренность въ Мензелинскомъ Уѣздномъ Судѣ явлена и въ книгу подъ № 33 записана. Дворянскій засѣдатель Тельницкій. За секретаря Круглоноловъ. Довѣренность отъ свидѣтельства получила сарапульская мѣщанская вдова Надежда Васильева Мартьянова.

2.

Милостивый Государь,
Иванъ Алексѣевичъ.

У бывшаго пермскаго купца Никифора Бѣляева были сыновья Иванъ и Василій. Отъ Василія происхожу я, сестра Анна и сынъ, а мнѣ родной братъ, Козьма Васильевъ Бѣляевъ, въ послѣдствіи фридрихсгамскій первостатейный купецъ, а отъ меня по законному браку съ сарапульскимъ мѣщаниномъ Николаемъ Петровымъ Мартьяновымъ произошелъ сынъ Иванъ, въ послѣдствіи казанскій купецъ Отъ родителя моего и дяди Ива-

на Никифорова Бѣляева по смерти ихъ осталось наслѣдство, которое предоставлено было во владѣніе брата Козьмы, которымъ по закону долженъ наслѣдовать мой сынъ Иванъ Николаевъ Мартьяновъ, умершій въ Петербургѣ, и послѣ ихъ осталось имущество благопріобрѣтенное, а у перваго и родовое по наслѣдству отъ родителя моего и дяди Ивана Бѣляева. Между тѣмъ дошло до моего свѣдѣнія, что завладѣли имуществомъ моего брата жена его и другія лица, тогда какъ родовое имѣніе должно непремѣнно поступить въ наслѣдство мнѣ. Прочее имущество, благопріобрѣтенное моимъ братомъ, утаили и имъ завладѣли по какому-то неправильно составленному завѣщанію въ ущербъ мнѣ, единственной послѣ брата моего Козьмы наслѣдницы и сына моего Ивана, тѣмъ болѣе, что мнѣ неизвѣстно, жива ли сестра моя Анна. На основаніи этихъ правъ моихъ на наслѣдство, прошу Васъ принять на себя трудъ собрать, откуда слѣдуетъ, удостовѣреніе о моемъ родопроисхожденіи, всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя только необходимы при ходатайствѣ какъ единственной наслѣдницы, для полученія имѣнія, состоящаго въ движимомъ и недвижимомъ имуществѣ, въ банковыхъ билетахъ, капиталахъ, акціяхъ, заводахъ, коммерческихъ предпріятіяхъ и проч., однимъ словомъ какое бы ни оказалось, получить управлять ими по усмотрѣнію Вашему какъ бы я сама и какъ Вамъ заблагоразсудится, предоставляю Вамъ право передавать, уступать, отчуждать или продавать въ цѣлости или по частямъ. При чемъ до полученія наслѣдства послѣ моихъ родныхъ, предоставляю Вамъ право, если заблагоразсудите, частію или въ цѣлости передавать другому лицу, одному или прочимъ, продавать или вовсе уступать. Въ случаѣ же предъявленія какого либо духовнаго завѣщанія, таковое какъ неправильное оспаривать и иски и жалобы заводить. Срокъ сей довѣренности на 5 лѣтъ, т. е. по ноябрь мѣсяцъ 24 дня 1865 года. Ноября 24 дня 1860 года. Имѣю честь быть саранульская мѣщанская вдова Надежда Васильева Мартьянова.

Засвидѣтельствована въ Саранульскомъ Уѣздномъ Судѣ 25 ноября 1860 года № 55-й.

ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ МАРТЬЯНОВОЙ.

Во имя Всемогущаго Бога въ Троицѣ прославляемаго.

Памятуя часъ смерти, который никому не извѣстенъ и побуждаемая чувствомъ признательности и любви, я, нижеподписавшаяся, саранульская мѣщанка вдова Надежда Васильева, дочь Мартьянова, въ полномъ умѣ и твердой памяти, симъ моимъ духовнымъ завѣщаніемъ, дѣлаю слѣдующее распоряженіе: 1) Все мое движимое и недвижимое имѣніе въ чемъ бы то и другое не заключалось и всякаго рода капиталы, однимъ словомъ все то, чѣмъ я нынѣ владѣю, пользуюсь и распоряжаюсь и все то, что впослѣдствіи въ теченіи моей жизни будетъ мною по законамъ, по актамъ или инымъ способомъ пріобрѣтено или присуждено, завѣщеваю и отказываю по смерти въ совершенное владѣніе и распоряженіе, на правахъ полной и неограниченной собственности, саранульскимъ: купеческому сыну Ивану Алексѣевичу Ижболдину, женѣ его, Аннѣ Николаевнѣ и женѣ купца Гаврила Даниловича Пѣшехонова Зоѣ Николаевнѣ, въ знакъ моей къ нимъ привязанности и любви за всѣ ихъ обо мнѣ заботы и за ихъ ко мнѣ преданность, съ тѣмъ что согласно учиненному мною съ Иваномъ Ижболдинымъ условію, я, половину своего имущества отчуждаю первому, Ивану Ижболдину, а другую половину женѣ Аннѣ Николаевнѣ и женѣ купца Пѣшехонова Зоѣ Николаевнѣ, послѣдней четвертую часть половины, а первой все остальное; 2) Особою довѣренностію засвидѣтельствованною въ Саранульскомъ Уѣздномъ Судѣ двадцать пятаго ноября 1860 года и записанною въ книгѣ подъ №55, предоставляю я, Мартьянова, Ивану Алексѣевичу Ижболдину полное и неограниченное право на ходатайство по дѣлу объ оставшемся послѣ смерти роднаго брата моего, фридрихгамскаго первостатейнаго купца Козьмы Васильевича Бѣляева недвижимомъ и движимомъ имуществѣ и всякаго рода капиталахъ оставшихся; а нынѣ, опасаясь смерти моей, эту довѣренность, во всей силѣ, со всѣми вытекающими изъ нея послѣдствіями и дѣйствіями его, Ижболдина, я вмѣстѣ съ симъ заблагоразсудила сдѣлать слѣдующее распоряженіе: такъ какъ упомянутое дѣло находится нынѣ въ судебномъ производствѣ, то всѣ права мои на искъ по дѣлу, все то, что по сему праву мнѣ принадлежитъ, все что будетъ отыскано и мнѣ присуждено, все безъ изъятія передаю въ полную и неограниченную собственность поименованныхъ Ивана Алексѣевича Ижболдина, жены его и жены купца Гаврила Пѣшехонова по расчисленію, упомянутому въ первомъ пунктѣ сего завѣщанія, то есть, тоже Ивану Ижболдину согласно условію половину, а другую половину женѣ его Аннѣ Николаевнѣ и женѣ купца Пѣшехонова Зоѣ Николаевнѣ, послѣдней четвертую часть сей половины, а первой остальное. Такъ отнынѣ процессъ по сему дѣлу со всѣми правами составляетъ не отъемлемую собственность ихъ, Ижболдиныхъ и Пѣшехоновой по вышеозначенному распредѣленію и 3) Таковое мое духовное завѣщаніе не можетъ подлежать ника-

кой отмѣнѣ или уничтоженію. Сентября двадцать четвертаго дня тысяча восемь сотъ шестьдесятъ перваго года. Сіе духовное завѣщаніе по волѣ завѣщательницы сарапульской мѣщанской вдовы Надежды Васильевой Мартьяновой, находящейся въ полномъ умѣ и здравой памяти по просьбѣ и со словъ ея писалъ сарапульскій почетный гражданинъ Николай Максимовъ Пеньчинъ. Въ семъ завѣщаніи на второй страницѣ во второй строкѣ заскоблено: Зоѣ, сверху написано „Аннѣ“ тому вѣрить, а на первой страницѣ между строкъ въ девятой приписано: „бы“ въ семнадцатой: „по смерти“ тому тоже вѣрить. Къ сему духовному завѣщанію сарапульская мѣщанская вдова Надежда Васильева по мужѣ Мартьянова, урожденная Бѣляева, своеручно подписуюсь. Что сіе духовное завѣщаніе дано сарапульскою мѣщанскою вдовою Надеждою Васильевою, по мужѣ Мартьяновою, урожденною Бѣляевою, въ полномъ умѣ и совершенной памяти и подписано собственно ея, Мартьяновой, рукою въ томъ свидѣтельствую духовный ея отецъ, сарапульскаго Вознесенскаго собора протоіерей Павелъ Анисимовъ. Что сіе духовное завѣщаніе дано сарапульскою мѣщанскою вдовою Надеждою Васильевою, по мужѣ Мартьяновою, урожденною Бѣляевою, въ полномъ умѣ и твердой памяти и подписано собственно ея, Мартьяновой, рукою, въ томъ свидѣтельствую оханскій 3-й гильдіи купецъ Андрей Шютцъ. Что сіе духовное завѣщаніе дано сарапульскою мѣщанскою вдовою Надеждою Васильевою, по мужѣ Мартьяновою, урожденною Бѣляевою, въ полномъ умѣ и совершенной памяти и подписано собственно ея, Мартьяновой (рукою), въ томъ свидѣтельствую сарапульскій купеческій сынъ Евгеній Ивановъ Ончуковъ. Что сіе духовное завѣщаніе дано сарапульскою мѣщанскою вдовою Надеждою Васильевою по мужѣ Мартьяновою, урожденою Бѣляевою, въ полномъ умѣ и совершенной памяти и подписано собственно ея, Мартьяновой, рукою, въ томъ свидѣтельствую сарапульскій мѣщанинъ Федоръ Александровъ Отригинъ.

УСЛОВІЕ САМУИЛА БАРЕВСКАГО СЪ ИЖБОЛДИНЫМЪ.

Въ книгѣ с.-петербургскаго нотаріуса Чижина, на записку разнаго рода условій за 1860 годъ, въ статьѣ за № 445-й, записано такъ: 1860 года ноября 10 дня, мы нижеподписавшіеся съ одной стороны псковской 1-й гильдіи купецъ Самуилъ Юде Файвиловичъ Баревичъ, а съ другой саратульскій 3 гильдіи купеческій сынъ Иванъ Алексѣевъ Ижболдинъ заключили сіе добровольное условіе въ нижеслѣдующемъ: 1) Довѣренностію 18 іюля 1860 года подъ № 13, въ Мензелинскомъ Уѣздномъ Судѣ засвидѣтельственною, саратульская мѣщанская вдова Надежда Васильевна Мартьянова предоставила мнѣ отыскивать и принять за нее наслѣдство послѣ умершаго брата ея фридрихсгамскаго купца Козьмы Васильевича Бѣляева и сына ея Николая Васильевича Мартьянова; по договору же, явленному 19-го іюля сего года за № 1153 въ Мензелинскомъ Уѣздномъ Судѣ, означенная Мартьянова уступила мнѣ въ мою собственность половину наслѣдства какое откроется послѣ умершихъ вышеозначенныхъ лицъ, за исключеніемъ съ общей массы расходовъ, понесенныхъ для отысканія и пріема наслѣдства, то я, Иванъ Ижболдинъ, свою половину, какая можетъ мнѣ причитаться изъ наслѣдства Мартьяновой принадлежашей, въ чемъ бы оное ни состояло, какъ въ движимомъ и денежномъ имуществѣ, въ капиталахъ, билетахъ и акціяхъ разныхъ кредитныхъ учрежденій, въ коммерческихъ и откупныхъ предпріятіяхъ, передаю въ полную собственность безъ всякаго ограниченія, 1-й гильдіи купцу Самуилу Баревскому, не оставляя себѣ никакого права на означенное наслѣдство. 2) Для открытія и принятія наслѣдства, я, при заключеніи сего, обязанъ перевѣрить ему, Баревскому, въ полной силѣ имѣемую отъ Мартьяновой довѣренность и сверхъ того не далѣе одного мѣсяца, отъ заключенія сего условія, я, Ижболдинъ, обязанъ истребовать и получить отъ Мартьяновой полную довѣренность какъ на отысканіе наслѣдства, заведеніе исковъ и проч., согласно подписанной мною и Баревскимъ формѣ, каковую довѣренность обязуюсь, сейчасъ же по полученіи, перевѣрить Баревскому въ полномъ составѣ, утверждая предварительно сіе условіе отъ имени и по довѣренности Мартьяновой. 3) Открыть, отыскать и принять наслѣдство Баревскій въ правѣ по довѣренности Мартьяновой или вообще отъ своего и ея имени, т. е. половину для себя, а другую для довѣрительницы; въ случаѣ же неправильности домогательства по этому наслѣдству Мартьяновой отвѣтственность предъ закономъ падаетъ на одной Мартьяновой. 4) Ни я, ни довѣрительница Мартьянова, ни кто либо въ степени нашемъ не въ правѣ уничтожить довѣренности, какъ настоящую, такъ и ту довѣренность каковую по условію обязанъ доставить ему Баревскому, перевѣренныя мною, Ижболдинымъ, ему, Баревскому; за всякое же нарушеніе сего пункта я, Ижболдинъ, обязанъ буду заплатить Баревскому въ неустойку 5000 руб. сер. и сверхъ сего сила условія не уничтожается и Баревскій

безъ прекословія получаетъ уступленную мною ему половину наслѣдства, на точномъ основаніи сего условія. 5) За означенную уступленную мнѣ, Баревскому, половину наслѣдства, принадлежащую по договору съ Мартьяновой Ижболдину, я, Баревскій, далъ ему, Ижболдину, при заключеніи сего условія двѣ тысячи руб. сер. каковыя деньги остаются въ пользу Ижболдина, еслибъ даже отысканное наслѣдство не простиралось бы и на такую сумму, и 6) Сіе условіе сохранять съ обѣихъ сторонъ свято и не нарушимо, въ чемъ при упрошенныхъ свидѣтеляхъ подписуемся сарапульскій 3-й гильдіи купеческій сынъ Иванъ Алексѣевъ Ижболдинъ, псковскій первой гильдіи купецъ Самуилъ Юде Баревскій. По сему условію слѣдуемыя двѣ тысячи рублей серебромъ получилъ сполна купеческій сынъ Иванъ Алексѣевъ Ижболдинъ.

ПИСЬМА.

ПИСЬМО К. В. БѢЛЯЕВА КЪ А. МЯСНИКОВУ.

Любезный Александръ Константиновичъ!

Неожиданный отказъ въ деньгахъ 20 т. руб. требующихся на уплату Вакару, о коемъ я давно тебя предупредилъ, и невозможность достать ихъ въ такое короткое время, потому, что я никуда еще ѣхать не могу, ставятъ меня въ весьма не ловкое положеніе, тѣмъ болѣе, что я былъ отъ тебя успокоенъ готовностію выдать эту сумму, къ платежу которой не готовился, зная, что вы, по вашему же дѣлу не доведете меня до сей крайности, но видно я и въ этомъ обманулся; между тѣмъ имѣйте въ предметѣ, что за неустойку въ платежѣ по контракту назначается штрафъ 32 т. руб., т. е. тогда безспорно надобно заплатить вмѣсто этой суммы 64 т. р. Кто же ихъ платить будетъ? Это вѣдь ваше дѣло. Бывши всегда исправными въ своихъ обязанностяхъ мы покрываемъ себя чернымъ пятномъ! Выручи же пожалуйста изъ бѣды и пришли завтра утромъ деньги. Въ разсчетахъ со мною не сомнѣвайся. Они будутъ кончены съ обычной справедливостью. Такъ какъ я во всю жизнь мою еще никому не остался долженъ ни полушкой.

К. Бѣляевъ.

3 августа.

ПИСЬМО МАРТЬЯНОВОЙ КЪ ИЖБОЛДИНЫМЪ.

Милый мой Иванъ Алексѣевичъ и Анна Николаевна, желаю вамъ здоровья, свидѣтельствую вамъ мое почтеніе, я все въ одномъ положеніи: день хожу, день лежу; какъ вы жалуетесь, что я рѣдко пишу, на каждое письмо увѣдомляю, я 11 сентября писала въ стариковомъ письмѣ послала не знаю получили ли или нѣтъ. Я писала, чтобы написали духовную сами, но только съ тѣмъ, (чтобы) по смерти моей три части вамъ, четвертую Зоѣ Николаевнѣ, я ей оставлю завѣтъ куда должна подѣлиться; пошлите и денегъ на свидѣтельство духовной, да и мнѣ поболѣе, у меня копѣйки нѣтъ, въ день моего ангела Зоя Николаевна привезла полтинникъ на молебенъ; прошу васъ на меня не пишите, ходить на почту не могу, силы нѣтъ, да и студено, лошади нѣтъ. Поскорѣе посылайте духовную на Капитона Степановича, адресуйте мнѣ, пошлите двѣ сотни денегъ на похороны, умру кто чѣмъ похоронитъ, вы далеко! Ольга Ивановна кланяется. Любящая васъ Надежда Мартьянова. Сентября 17 числа 1861 года.

ПИСЬМО НАДЕЖДЫ МАРТЬЯНОВОЙ КЪ СЕСТРѢ ЕЯ АННѢ РЕМЯННИКОВОЙ.

Милая сестрица Анна Васильевна!

Желаю тебѣ здоровья, всѣхъ благъ милая моя сестрица, я не знала, что ты въ живыхъ, такъ сказали что ты умерла. я поминала тебя за упокой,

я по этому думала, если бы жива была, то бы увѣдомила о смерти брата и сына моего и такъ я узнала, что ты находишься во всякой тѣснотѣ и озлобленіи у Екатерины В...., что тебѣ такъ себя поработить и быть невольницей или свободной быть рабой, лучше одинъ хлѣбъ есть съ водой, нежели быть въ неволѣ, такъ, милая сестрица, прошу тебя нельзя ли какъ нибудь уйдти отъ Екатерины В.... на квартиру къ нашимъ, къ Ижболдину, которые стоятъ въ домѣ Бударина Семена Васильевича, будешь всѣмъ довольна; если пожелаешь въ Сарапуль, то они доставятъ васъ въ счетъ, у меня посланъ повѣренный съ довѣренностью потягаться съ Екатериною В...., прошу тебя стой со мной вмѣстѣ въ одномъ, также тетушкѣ тоже скажи: дѣла большія будутъ; кого ввели въ наслѣдство? Мясниковыхъ и сдѣлали фальшивую духовную и ты милая сестрица не бойся ее можетъ тебя будутъ уговаривать ласково, — не сдавайся; родовое имѣніе не входитъ въ духовное завѣщаніе, но какъ родительское и дядино, въ томъ не лги, что братецъ померъ безъ покаянія ежели ее можно уличить. И такъ милая сестрица, я проживаю въ Сарапулѣ въ домѣ Алексѣя Ижболдина, купца, который бывалъ у васъ въ Яренскѣ. Желаю тебѣ всѣхъ благъ. Любящая тебя сестра Надежда Мартьянова. Сарапуль. Сентября 19 числа 1860 года.

ПИСЬМО ШЕВЕЛЕВА КЪ ИЖБОЛДИНУ.

С.-Петербургъ, апрѣля 4-го дня 1866 года,

Милостивый государь,

Иванъ Алексѣевичъ!

„Получивъ отъ васъ письмо, я спѣшу подѣлиться съ вами тѣми данными, которыя мнѣ извѣстны по дѣлу о фальшивомъ духовномъ завѣщаніи Кузьмы Васильевича Бѣляева, а потому безъ дальнихъ околичностей приступаю къ дѣлу. Духовнаго завѣщанія Кузьма Васильевичъ не оставилъ, и его вовсе не было. Это подтверждается: первое—словами Катерины Васильевны Бѣляевой, когда она послѣ похороннаго обѣда подошла къ кружку, въ которомъ находились я, Александръ Ѳедоровичъ Красильниковъ, Иванъ Кириловичъ Гонинъ, священникъ Сицилинскій, Ѳедоръ Карловичъ Кемпе, Штеммерь, Александръ Ѳедоровичъ Матвѣевъ, стряпчій Мясниковыхъ Целебровскій и, кажется, купецъ Пшюковъ, и сказала какъ бы въ отчаяніи: „а духовнаго завѣщанія нѣтъ какъ нѣтъ“; второе—словами братьевъ Александра и Ивана Мясниковыхъ, сказанными въ кабинетѣ Александра Мясникова въ бытность Александра Ѳедоровича Красильникова, бывшаго служащаго Мясникова, Александра Ѳедоровича Матвѣева, Ѳедора Карловича Кемпе и меня, что духовнаго завѣщанія не отыскано .. Потомъ, дня черезъ два или три послѣ похоронъ Бѣляева, въ томъ же самомъ кабинетѣ, въ бытность мою, Ѳедора Карловича Кемпе, Александра Ѳедоровича Матвѣева, Александръ Мясниковъ показалъ духовное завѣщаніе, сказавъ при этомъ: „наконецъ-то нашли духовное завѣщаніе между частными письмами Кузьмы Васильевича Бѣляева въ его кабинетѣ“. Мы всѣ трое переглянулись: намъ было хорошо извѣстно что въ день смерти Бѣляева, вечеромъ, изъ кабинета его въ домъ Александра Мясникова, на Надеждинской улицѣ, въ двухъ экипажахъ перевезено было все, что находилось въ кабинетѣ, какъ-то: всѣ акты, бумаги, письма и деньги, такъ что послѣ вывоза всего—хоть шаромъ покати, не осталось ни лоскутка. Въ одномъ

изъ этихъ экипажей съ чужимъ добромъ ѣхалъ Александръ Ѳедоровичъ Матвѣевъ, а въ другомъ Александръ Мясниковъ. Показанное Александромъ Мясниковымъ духовное завѣщаніе было писано рукою Целебровскаго еще въ маѣ мѣсяцѣ 1858 года, на которомъ значилась подпись Бѣляева, подписанная не совсѣмъ похожею рукою, и такъ какъ подписи свидѣтелей на завѣщаніи не было, то Александръ Мясниковъ тутъ же обратился ко мнѣ и къ Кемпе со словами: „Вы узнаете руку Кузьмы Васильевича? Подпишитесь свидѣтелями". Я и Кемпе отказались отъ подписи, потому что я былъ въ маѣ въ Козельскѣ, Калужской губерніи, а Кемпе былъ въ Николаевѣ, Херсонской губерніи. Это предложеніе было сдѣлано при Александрѣ Ѳедоровичѣ Матвѣевѣ, который при разговорѣ не выходилъ изъ кабинета.

„Забылъ еще сказать вамъ, что на другой день послѣ смерти Бѣляева, въ 5 часовъ утра, за мной прислалъ А. Мясниковъ и предложилъ мнѣ, вмѣстѣ съ Матвѣевымъ, пересчитать перевезенныя изъ кабинета Бѣляева деньги, изъ числа которыхъ мы съ Матвѣевымъ насчитали одними полуимперіалами 300.000 р. Полуимперіалы эти говоритъ А. Мясниковъ—взяты имъ изъ денегъ Бѣляева по сохранной росписке. Записку эту показалъ А. Мясниковъ. Она была на простой бумагѣ. А потомъ А. Мясниковъ, въ половинѣ октября, показалъ мнѣ, Кемпе и Матвѣеву другую Бѣляева сохранную записку, сколько могу припомнить, писанную рукою Целебровскаго на гербовой бумагѣ, не помню на какую сумму, по которой уже онъ съ братомъ начали требовать отъ вдовы Бѣляева недвижимости покойнаго ея мужа. Въ заключеніе еще долженъ сказать, не худо бы вамъ справиться, кто подписалъ послѣ смерти Бѣляева довѣренность Кривокѣеву по откупамъ Херсону и Николаеву, кто дѣлалъ разсчеты съ казной по этимъ откупамъ, потомъ—кто получалъ дивиденды, и наконецъ, кто получилъ залоги какъ по этимъ городамъ, такъ и по Олонецкой губерніи.

„Что вспомню интереснаго по этому дѣлу (интереснаго), опять напишу".

Шевелевъ.

ПИСЬМА АМФИЛОХІЯ КАРАГАНОВА КЪ УПРАВЛЯЮЩЕМУ МЯСНИКОВЫХЪ КОШЕЛЬКОВУ.

1.

Милостивый государь,
Александръ Осиповичъ.

Согласно разрѣшенія вашего я готовился къ отъѣзду, какъ полученною Ставропольскою полиціею телеграммою отъ с.-петербургскаго судебнаго слѣдователя, предписано взять съ меня подписку о не выѣздѣ, впредь до присылки по почтѣ вопросныхъ пунктовъ.

Тяжебныхъ дѣлъ и взысканій въ настоящее время нѣтъ у насъ, ни у меня ни у отца моего, и впредь до полученія по почтѣ бумагъ остаюсь въ совершенной неизвѣстности.

Въ ожиданіи полученія бумагъ и дачи отвѣта я считаю не лишнимъ заняться разсмотрѣніемъ документовъ конторы за 1868 г. такъ, какъ прошедшая повѣрка моя была исключительно за 1867 годъ, относительно которой и вручены вамъ лично, и по почтѣ пересланы къ вамъ же разные счеты и документы, обращаясь же въ Ставропольскую Контору за документами 1868 года я получилъ отъ г. Добрынина отказъ и что вы, въ бытность

*

ность вашу въ Ставрополѣ, выражали свое неудовольствіе за повѣрку конторы за 1867 г. затѣмъ Добрынинъ объявилъ и по складамъ запрещеніе на выдачу документовъ; тогда какъ отказа отъ службы ни отъ гг. довѣрителей, ни отъ васъ я не слыхалъ. Довожу до свѣдѣнія вашего объ этомъ своеволіи г. Добрынина.

Согласно разрѣшенія вашего получено мною не задолго предъ полученіемъ вышеобъясненной телеграммы на проѣздъ 60 руб., изъ нихъ израсходовано уже на телеграмму къ г. А. К. Мясникову и еще по необходимости приведется расходоваться въ ожиданіи неизвѣстныхъ мнѣ бумагъ на квартиру. Покорнѣйше прошу васъ предписать конторѣ объ выдачѣ подъ заслугу мою до 50 рублей

Съ должнымъ уваженіемъ имѣю честь быть,

Милостивый государь,
вамъ
готовый къ услугамъ
А. Карагановъ.

Ставрополь
8-го августа 1868 г.

2.

Милостивый государь
Александръ Осиповичъ.

Увѣдомить имѣю честь, что поправки по Заводу продолжаются, идетъ поправка холодильника, двое плотниковъ ушли съ работъ и неявятся покуда не уберуть хлѣбъ, остается на лицо только 6 человѣкъ; конечно при такомъ количествѣ невозможно ожидать успѣшнаго производства поправокъ, нужно выждать нѣкоторое время, по окончаніи уборки хлѣбовъ вѣроятно явятся плотники и тогда-то ускоримъ работы.

Печныя работы по солодовнѣ кончили; по мельницѣ плотина закончена и частный помолъ идетъ по не многу.

Изъ Ставрополя денегъ выслано 4,50[illegible] рублей подъ доставку спирта въ Ростовъ, какъ-то: уже 29 подводъ по 43 коп. съ ведра.

На заводъ прибылъ вновь опредѣленный надсмотрщикъ.

Хлѣбъ на продажу еще не везутъ. Обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою,—ежели будете имѣть возможность прошу васъ поговорить съ г. Александромъ Константиновичемъ, объ слѣдующемъ: у него хранятся принадлежащія мнѣ вещи, выкупленныя имъ изъ ломбарда; деньги, которыя я обязанъ ему заплатить, я могу заслужить жалованьемъ и затѣмъ я просилъ бы покорнѣйше г. Александра Константиновича вещи возвратить мнѣ,—ежели угодно ему уважить просьбу, то прошу васъ получить ихъ для доставленія мнѣ. Извините, что безпокою васъ.

Съ уваженіемъ моимъ къ вамъ имѣю честь быть,

Милостивый государь,
вамъ
готовый къ услугамъ
А. Карагановъ.

Подгорное
15-го іюля 1869 г.

ПИСЬМО АЛЕКСАНДРА КАРАГАНОВА ОТЦА КЪ СЫНУ.

Г. Козьмодемьянскъ 1-го августа 1870 г.

Любезный мой сынъ Амфилохій Александровичъ!

Въ предпослѣднемъ письмѣ къ тебѣ, я опять позабылъ спросить тебя: Возвратилъ ты мнѣ на требованія мои или нѣтъ переданный мною тебѣ въ 1859 году при отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга запродонный актъ отъ пок. г-жи Анны Васильевны Мясниковой, на уступленное ею на имя маменьки твоей небольшое пустопорожнее мѣсто въ г. Козьмодемьянскѣ. Какъ помнится мнѣ я передалъ его тебѣ для непрошенія отъ гг. Александра Константиновича и Ивана Константиновича, какъ наслѣдниковъ послѣ покойнаго благодѣтеля моего Константина Ивановича, довѣренности на кого либо для совершенія на мѣсто болѣе формальнаго акта, но не помню, чтобы ты тотъ актъ мнѣ возвратилъ, я все думалъ, что оный гдѣ нибудь заложенъ между имуществомъ здѣсь, но нынѣ по многимъ поискамъ, я окончательно не нашелъ его и потому нынѣ уже положительно думаю, что ты мнѣ его не возвратилъ, какъ впрочемъ самъ ты мнѣ отъѣчалъ прошу припомнить при прощаніи на платформѣ поѣзда желѣзной дороги въ 1867 году, обѣщавшись послѣ поискать актъ, между бумагами твоими, по общею нерадивостію нашею это до сего времени оставалось внѣ всякаго благороднаго вниманія и по заботливости. Между тѣмъ нынѣ градская дума велѣдствіе исканій разныхъ лицъ и по непредъявленію на мѣсто надлежащаго акта за 10-ти лѣтнею давностію, неимѣніе онаго, ищетъ мѣсто то усвоить въ число городскихъ мѣстъ и потому отчаяваясь нынѣ по прошлогоднему въ личномъ посѣщеніи тобою Козьмодемьянска и свиданія съ тобою, усердно прошу тебя съ энергіею и сильностію озаботиться отысканіемъ акта. А если уже его нѣтъ, то по исхлопотать отъ милости гг. Александра Константиновича и Ивана Константиновича довѣренности на кого либо изъ ихъ служащихъ по Казани для совершенія купчей крѣпости или же и тамъ въ С.-Петербургѣ не сдѣлаютъ ли благодѣянія тебѣ написать ее на твое имя. Въ настоящее же время я имѣю въ рукахъ у себя на мѣсто актъ только такой, что на просьбу мою покойный бдагодѣтель нашъ Козьма Васильевичъ Бѣляевъ въ письмѣ своемъ на имя мое отъ 15-го февраля 1852 года между прочимъ пишетъ мнѣ, что „акта на мѣсто то въ Козьмодемьянскѣ пока доставить не можетъ, потому что до сихъ поръ продолжается опека и при малолѣтнихъ дѣтяхъ никакая продажа недвижимаго имѣнія безъ разрѣшенія Сената не дозволена". Изъ этого слѣдуетъ, что передача мѣста отъ г-жи опекунши пок. Анны Васильевны была при участіи его пок. Козьмы Васильевича чрезъ переписку съ нею съ 1843 года, или онъ самъ видѣлся съ нею въ Казани хорошенько не припомню; но по уплатѣ мною за мѣсто денегъ 150 р. с. онъ тогда же обѣщалъ мнѣ отъ Анны Васильевны актъ подписать его, въ коемъ она просила покойнаго Ивана Федоровича и дѣтей своихъ по совершеннолѣтіи ихъ укрѣпить мѣсто за нами. Въ послѣдствіи этотъ актъ, во время общей у городскихъ жителей повѣрки владѣтельныхъ актовъ былъ представляемъ въ городническое правленіе и намъ возвращенъ съ предложеніемъ оплатить мѣсто законными пошлинами, и велѣдствіе этого-то я въ 1852 году какъ выше я объяснилъ и про-

силъ письмомъ посылкою перваго къ нему, который имъ и возвращенъ послѣ мнѣ лишь съ подтвержденіемъ на тотъ актъ чрезъ надпись о принадлежности нами мѣста опекунами покойными Иваномъ Федоровичемъ Мясниковымъ и Козьмою Васильевичемъ Бѣляевымъ съ засвидѣтельствованіемъ ими подписи руки гг. опекуновъ, или же какъ болѣе помнится мнѣ будто бы записано было у нотаріуса, но не какъ актъ купчей, но въ видѣ условія. Можетъ быть при передачѣ тебѣ этого акта ты замѣтилъ лучше и не припомнишь ли. Дойдя до подробностей о всемъ этомъ прошу тебя заняться исходатайствованіемъ отъ милости гг. Александра и Ивана Константиновичей акта на мѣсто, не по прежнему неглижируя, а съ полною и честною озаботливостію. При чемъ скажу тебѣ мѣсто это пріобрѣтено было покойнымъ Константиномъ Ивановичемъ чрезъ мое же по порученію его стараніе: мелкими двумя мѣстами именно: 1) отъ купеческой вдовы Прасковьи Ивановой Ермолаевой мѣрою по улицѣ 7 саж. поперегъ 12 саж. и 2) отъ мѣщанской вдовы Прасковьи Григорьевой Ситниковой поперегъ 7 саж. 2 арш. а въ глубину 10 саж. 2 арш. Нынѣ съ общаго отъ этого мѣста по плану на городъ съ одной стороны часть должна отойти подъ плановую улицу и потому мѣсто это самое по себѣ остается не большое, выходя одною стороною къ набережной, а другою къ поперечной улицѣ, соприкасаясь съ крѣпостными мѣстами по первой улицѣ домовладѣльцевъ Александра Иванова Шепина а по другой Александра Д. Караганова, прежде бывшимъ купца Алексѣя Григорьева Чудинова

И такъ еще прошу тебя, друга моего, озаботься всячески прописываемый актъ отыскать и въ случаѣ утраты онаго прибѣгни ни сколько не медля къ милости благодѣтелей твоихъ написать на тебя купчій актъ, потому хотя мѣсто и не большое само по себѣ, но жаль будетъ ежели при продолженіи безпечности нашей съ тобою, городская дума по закону опередитъ насъ распоряженіемъ и усвоеніемъ онаго въ пользу города.

Предавая тебя милости Божіей и желая тебѣ добраго здоровья и успѣховъ въ счастіи и благополучіи остаюсь доброжелательнымъ тебѣ отцемъ.

А. Д. Карагановъ.

ПИСЬМО КАРАГАНОВА СЫНА КЪ ОТЦУ.

Любезнѣйшій батюшка!

Пишу къ вамъ краткое письмо и желаю вамъ отъ Бога добраго здоровья и благополучія. Давно я не имѣю отъ васъ увѣдомленія, а также и самъ я былъ развлеченъ дѣлами и прочими обстоятельствами, что до сего времени обстоятельно не успѣлъ написать вамъ объ этомъ объ чемъ вы просили; это слѣдующею почтою я постараюсь исполнить и вамъ написать, прилагаю при семъ къ вамъ на всякой случай письмо, въ которомъ излагаю на всякой же случай то что можетъ (быть) оправдать васъ какъ отца моего, а меня какъ сына вашего. Прошу васъ убѣдительно спрятать это письмо и хранить его и никому непоказывать впредь до надобности. Болѣе покуда писать некогда и нечего, поздравляю васъ съ наступающимъ праздникомъ Рождества Христова и желаю провести сіе въ добромъ здоровьѣ и благополучіи. Мнѣ къ большему сожалѣнію моему не приведется провести этотъ праздникъ дома, какъ бы желалъ я.

Прилагаемое на всякій случай — въ окрестныхъ городахъ смертность

развита по этому я боялся опоздать сдѣлать это; легко можетъ что либо случиться и со мною. Всѣ подъ Богомъ. Остаюсь любящимъ васъ сыномъ Амфилогій Александровъ Карагановъ.

14 декабря 1870 г.

Подгорное.

Во имя Отца и Сына и Святаго духа и живоначальной Троицы, аминь.

Будь я проклятъ отнынѣ и на всегда будь я преданъ анафемѣ при жизни, и по смерти, пусть я не увижу Царствія Божьяго въ будущей жизни, ежели буду говорить не правду.

1) Благоприобрѣтеннаго недвижимаго имущества никакого нѣтъ у меня за исключеніемъ трудомъ нажитыхъ вещей: какъ-то носимаго платья не цѣннаго и прочихъ вещей, служащихъ къ потребности, или къ украшенію, которые въ случаѣ смерти отказываю матери моей. за исключеніемъ которыхъ ни тайнаго ни скрытаго имущества никакого нѣтъ у меня, ни то же денегъ.

2) Женѣ моей Натальѣ, урожденной Обольяниновой, не состою должнымъ ничего, все что и какое состояніе принадлежало ей прожито ею самою, или взято съ собою въ С.-Петербургъ исключеніемъ благословенныхъ иконъ, которыми благословляли меня и ее отецъ и мать моя. Въ жизни же своей я неприхотничалъ ни до женитьбы и во время женатой жизни, ни послѣ ея, т. е. по разставаніи съ женою, а довольствовался всегда скромною пищею и одеждою. Оставшіеся принадлежащіе ей: столовые часы, подушки вышивные и прочія мелочныя вещи прошу возвратить ей, также сестру мою Александру Александровну прошу возвратить принадлежащія ей вещи подаренныя во время свадьбы Яковомъ Федоровичемъ Вонимымъ. За службу же мою у Мясниковыхъ и Красильникова не осталось у меня ничего утаеннаго, даже я нуждаюсь въ необходимыхъ средствахъ для леченія отъ болѣзней, полученныхъ во время разъѣздовъ моихъ при исполненіи обязанностей службы моей.

3) До сего времени я трудился по мѣрѣ силъ моихъ и возможностей съ самаго дѣтства, былъ вѣренъ своимъ хозяевамъ, ревностно исполнялъ долгъ службы моей, ворамъ не потакалъ, взятки не бралъ.

4) Въ жизнь свою ничьего здоровья не портилъ никакими ядами и къ разнымъ низкимъ средствамъ не прибѣгалъ, чтобы пресѣчь жизнь человѣческую. Старался дѣйствовать прямо — открыто. Не прибѣгалъ ко лжи и плутничеству, а говорилъ прямо правду въ лицо — не скрывалъ ее предъ людьми, предъ которыми или съ которыми долженъ былъ дѣлать это.

5) Не торговалъ женщинами ни своими родными, ни чужими, не сводничалъ или въ уши не вдувалъ имъ никогда неправды и лжи, а старался напротивъ внушать чувство долга и уваженія къ обязанностямъ, не обижая ихъ напрасно — за исключеніемъ только тѣхъ не многихъ случаевъ когда былъ въ нетрезвомъ состояніи, и тогда билъ ихъ за своенравство и невѣжество и прочія низости, и прочія вольничества дѣлалъ въ такомъ же полупомѣшанномъ видѣ, въ которыхъ приношу истинное раскаяніе и признаніе.

6) Въ прочихъ грѣхахъ моихъ и проступкахъ жизни моей — вынужденными или обстоятельствами жизни моей, или молодостію лѣтъ и неопытностью. приношу раскаяніе и прошу прощенія. Нѣкоторые изъ нихъ извѣстны и отцу моему, предъ которымъ я никогда не скрывалъ моихъ поступковъ ни дѣяній по службѣ.

7) Въ тѣхъ не многихъ деньгахъ, которыми я помогалъ отцу моему и которыя нажиты мною трудами моими прошу отчета съ него не требовать.

Мѣщанинъ Амфилогій Александровъ Карагановъ руку приложилъ.

14 декабря 1870 года.

ПИСЬМО НАТАЛЬИ КАРАГАНОВОЙ КЪ МУЖУ ЕЯ АМФИЛОГІЮ КАРАГАНОВУ.

Милостивый государь,
Амфилогій Александровичъ!

Правда, что я была у васъ, но никакъ не въ отсутствіи вашемъ, а имѣла несчастіе васъ видѣть въ окно въ такомъ жалкомъ положеніи, что вѣрно другой разъ не рискну проѣхать столько верстъ и взяла деньги въ счетъ вашего жалованья потому, что имѣла на нихъ право. Вы говорите, что посылаете мнѣ деньги, побойтесь Бога! и вспомните когда вы послали мнѣ послѣдніе 25 рублей, вотъ уже другой годъ какъ я отъ васъ не видала мѣднаго гроша а вы берете жалованье, говоря что послать надо въ Петербургъ. Мы чуть съ голоду не умираемъ, а вы прокучиваете все, что получаете, да еще говорите, что помогаете. Прошу васъ выслать мнѣ паспортъ, мнѣ выходить мѣсто въ Варшавѣ, а вы изволили дать паспортъ только на 30 верстъ отъ Петербурга. Исторопитесь высылкой его, на имя Глухарева. Высылкой паспорта меня премного обяжете. Наталья Павловна.

P. S. дайте мнѣ паспортъ, чтобы больше васъ небезпокоить, да позвольте васъ спросить, къ чему вопросъ вы дали Глухареву, куда именно я дѣвала деньги, а чѣмъ я должна жить если вы не будете высылать ихъ мнѣ въ здоровыя минуты, подумайте? и прошу васъ, на будущее время не забывать, что есть Богъ и законъ, къ которому я вынуждена буду обратиться.

ПИСЬМА НАТАЛЬИ КАРАГАНОВОЙ КЪ УПРАВЛЯЮЩЕМУ МЯСНИКОВЫХЪ КОШЕЛЬКОВУ

1.

Милостивый Государь,
Александръ Осиповичъ!

Я не могу выразить вамъ всей моей благодарности за вашъ радушный пріемъ—повѣрьте, что я никогда не забуду любезнаго обхожденія вашего и милой вашей супруги Александры Васильевны. Никогда не изгладятся изъ памяти добрыя черты лица Александры Васильевны! Но позвольте имѣть съ тѣмъ надѣяться, что и вы будете такъ добры, напишите хотя нѣсколько словъ чѣмъ доставите мнѣ большое удовольствіе.

Прошу васъ поцѣловать милую Людмилочку и передать поклонъ Клавдіи Андреевнѣ.

Остаюсь всегда благодарная и преданная вамъ, слуга ваша.

Н. Караганова.

16 сентября 1869 г.

2.

Милостивый государь
Александръ Осиповичъ!

Прежде всего прошу васъ засвидѣтельствовать мое почтеніе супругѣ вашей, милой Людмилочкѣ.

По потомъ уже обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшей моей просьбой, ради Бога попросите г. Караганова, чтобы онъ былъ милостивъ ко мнѣ хоть на одну минуту; пишу вамъ въ самыя трудныя минуты, моей жизни, моя племянница больна, и я въ свою очередь тоже больна очень, вотъ уже второй мѣсяцъ, какъ я нахожусь въ самомъ горькомъ положеніи и потому прибѣгаю къ вамъ въ самыя критическія минуты, другаго исхода нѣтъ, даже сама писать не могу, выплите мнѣ ради Бога 150 руб. эта моя просьба будетъ на долго, я ею не буду безпокоить цѣлый годъ, считая отъ этого письма.

Останусь всегда благодарной вамъ и вашему милому семейству.

Остаюсь покорная слуга ваша
Н. Караганова.

20 іюня 1870 г.

P. S. Ради Бога неоставьте мою просьбу безъ вниманія.

На Петербургскую сторону по рѣчкѣ Ждановкѣ д. Андреянова кв. № 5.
Наталья Павловна Караганова.

ПИСЬМО УПРАВЛЯЮЩАГО КОШЕЛЬКОВА КЪ А. МЕНШИКОВУ.

Милостивый государь,
Александръ Константиновичъ.

Ваше письмо отъ 10-го іюня имѣлъ честь получить съ приложеніемъ довѣренности и предписанія.

Для обозрѣнія вашихъ дѣлъ по Кавказу я незамедлю отправиться въ Ставрополь. Управленіе заводомъ поручено г. Жукову согласно вашего распоряженія. А вчера пребывшему сюда на заводъ безъ письма и предписанія Караганову поручено имѣть мѣстный надзоръ по заводу впредь до полученія отъ васъ о немъ распоряженія и до усмотрѣнія надобности куда его для ревизіи отправить.

Вино вами купленное у В. А. Воейкова я поручилъ принять и отправить по Волгѣ съ Царицина въ Ставрополь управляющему Комаровскимъ заводомъ А. Лапину, о чемъ ему сообщено съ приложеніемъ подлиннаго условія г. Воейкова отъ 21 ч. іюня. Симбирскъ отъ Казани въ 205 верстахъ, слѣдовательно г. Лапину въ случаѣ его несвободности удобнѣе быть его довѣренному, чѣмъ отсель посылать за 900 верстъ, г. Лапина я просилъ о выполненіи порученія о пріемѣ и отправкѣ спирта вамъ подробно донести.

По мнѣнію моему Приваловскій заводъ исправлять — тратить капиталъ нѣтъ расчета, все потребное вино для Воронежа и Нижнедѣвицка, а пожалуй и склада Приваловскаго легко можно выкурить на вашемъ здѣшнемъ заводѣ, на которомъ винокуреніе необходимо для кавказскихъ складовъ. Жукову я предложу для управленія Александровскимъ заводомъ и

складами Воронежской губерніи переѣхать сюда на заводъ и здѣсь имѣть пребываніе и распоряжаться, а главное имѣть наблюденіе во время винокуренія и приготовить къ тому заводъ. Мѣстное наблюденіе управляющаго самое необходимое.

Вина къ осени сдавали не потребуется, а посему здѣшній заводъ къ винокуренію необходимо благовременно приготовить, о чемъ вамъ и представляю на ваше благоусмотрѣніе.

Теперь спѣшу исполнить ваше порученіе скорѣе отправиться въ Ставрополь, отколь вамъ донесу и о воронежскихъ дѣлахъ.

За симъ имѣю честь быть преданнымъ

Вашимъ,
милостивый государь,
покорнѣйшимъ слугою,
Александръ Кошельковъ.

24 іюня 1867 года Александровскій вин. заводъ.

ПИСЬМО К. ДОБРЫНИНА КЪ УПРАВЛЯЮЩЕМУ МЯСНИКОВЫХЪ КОШЕЛЬКОВУ.

Милостивый государь,
Александръ Іосифовичъ.

Счетъ высылки капитала на заводы при семъ къ вамъ препровождаю. Недоразумѣніе въ невѣрности высылокъ вѣроятно вкралось отъ не вѣрной передачи телеграммы, что очень часто случается. Прилагаемая выписка совершенно во всемъ вѣрна.

Я нахожусь въ затрудненіи какъ мнѣ поступать въ выдачѣ денегъ г. Караганову. Изъ прилагаемаго счета вы увидите, что онъ снесъ за квартированіе въ Ставрополѣ 70 р. Вы же увѣдомили меня, что квартирныхъ денегъ выдавать ему неразрѣшается.

Чтобы мнѣ избавиться отъ затрудненія покорнѣйше прошу васъ написать г. Караганову, что онъ имѣетъ право требовать изъ конторы. Здоровье Амфилогія Александровича не въ цвѣтущемъ состояніи, очень часто находятъ припадки сильной меланхоліи и ясно выражается, „что у него въ головѣ не все дома“.

Сравнительный счетъ о продажѣ за ноябрь 1867 года, при семъ препровождаю; отъ какихъ причинъ послѣдовала недопродажа вы увидите изъ объясненій на счетѣ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ я надѣюсь что у меня будетъ порядочная перепродажа, но вотъ бѣда: Ростовъ и Владикавказскій заводчикъ Кедхудовъ продолжаютъ портить цѣны, прочіе складчики кавказскіе многіе тоже заразились сильно тайнымъ понижеміемъ цѣнъ, и Богъ вѣсть на что они расчитываютъ и дѣла ведутъ на оборотъ. Спиртъ повсемѣстно въ Россіи дорожаетъ, а они цѣны продажныя изъ складовъ понижаютъ, просто горе да и только съ этими господами.

Покорнѣйше прошу васъ, Александръ Іосифовичъ, сообщить мнѣ: назначеніе спирта съ заводовъ и какая будетъ приблизительно отпесена цѣна заводами на спиртъ, дабы мнѣ не впасть въ ошибку при продажѣ спирта складчикамъ. Будьте по снисходительнѣе на этотъ годъ въ назначеніи цѣны за спиртъ, пусть лучше при болѣе благопріятныхъ условіяхъ возьмутъ свои проценты но больше и то судя по теперешней конкуренціи на поли-

женіе цѣнъ. Кавказскому дѣлу будетъ трудна больно высокая цѣна за спиртъ. Если бы кавказское дѣло съ складами считали за одно, то для меня было бы все равно, но такъ какъ складочное дѣло считается отдѣльно и умѣреннымъ дивидендомъ остаюся недовольны, то по этому я прошу назначить цѣну за спиртъ.

Исполнитъ ли Александръ Константиновичъ нынѣшнимъ лѣтомъ свое намѣреніе посѣтить кавказское дѣло. Пріѣзжайте пожалуста Александръ Іосифовичъ и вы съ нимъ. Для меня будетъ очень пріятно выяснить всѣ недоразумѣнія ему и вамъ, на мѣстахъ складовъ и тогда непріятности, накопившіяся за 4 года, совершенно разсѣятся.

Я былъ все время въ разъѣздахъ, отдохнувши немного составлю счеты прибыли и убытка и вышлю вамъ; остановка для составленія ихъ еще незвѣстна цѣны за спиртъ александровскаго завода зимней поставки.

Транспортировка спирта изъ Ростова какъ зимой такъ начинается и теперь по довольно сходнымъ цѣнамъ. Весь спиртъ александровскаго завода если онъ будетъ отправляться гужемъ, то прикажите отправлять только до Ростова, такъ будетъ выгодиѣе Фурщики Воронежской губерніи вообще прежде и нынѣшней зимой привозили спиртъ хуже фурщиковъ другихъ губерній, не смотря на то, что имъ въ нынѣшнюю зиму давалось на путевую трату болѣе другихъ. Для раздѣленія этого предмета я прикажу составить регистръ съ отмѣтками кто какъ привезъ и вышлю тогда вамъ.

Свидѣтельствую вамъ мое глубочайшие почтеніе, имѣю честь быть

милостивый государь
вашъ покорный слуга.
К. Добрынинъ.

NB. Въ Ростовѣ въ настоящее время запасъ спирта до 267 т. ведръ въ полугарѣ, да весной ожидается большая доставка, а продажа у нихъ очень плоха. Сильно опасаюсь, чтобы ростовскіе господа, соскучившись сушить спиртъ, не открыли бы лѣтомъ склада на Кавказѣ. Регистръ о недопродажѣ въ ноябрѣ неуспѣли переписать, вышлю съ слѣдующей почтой. Главная недопродажа произошла спиртомъ складчикамъ Сурину въ кавказскомъ складѣ и Коршонову въ Медвѣжьемъ.

30 марта 1868 г.
Ставрополь.

ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА ЦИПИНА КЪ УПРАВЛЯЮЩЕМУ МЯСНИКОВЫХЪ КОШЕЛЬКОВУ.

1.

Милостивый государь,

Александръ Іосифовичъ!

Согласно депеши вашей отъ 23-го декабря за № 727, спѣшу выяснить вамъ тѣ обстоятельства, которыя заставили меня быть въ Ростовѣ. 28-го ноября совершенно собравшись выѣхать для предъ. лагаемой ревизіи складовъ Пятигорскаго уѣзда, и Терской области, о чемъ извѣщалъ васъ письмомъ 21-го ноября, вдругъ получилъ изъ конторы предложеніе ѣхать для

пріема и отправки поступающихъ съ завода транспортовъ спирта въ Ростовъ, вслѣдствіе внезапной болѣзни г. Моисеенко, на котораго была раньше возложена эта обязанность, но отъ 23-го ноября возвратясь въ Ставрополь серьезно заболѣлъ 27-го и ѣхать въ Ростовъ не могъ, это поставило меня въ необходимость до его выздоровленія, отправиться въ Ростовъ самому, откуда, предварительно нанявъ фуры и отправя въ склады поступившія съ завода въ двухъ транспортахъ 59 бочекъ спирта, о всемъ сообщилъ вамъ депешей 8-го декабря за № 519 прося вашихъ дальнѣйшихъ мнѣ распоряженій. Но отвѣта вашего на то не получилъ! Это заставило меня думать: не имѣете ли вы на меня какого либо неудовольствія, тѣмъ болѣе, что послѣдующія депеши ваши всѣ были адресованы Караганову, который ихъ содержаніе держитъ въ секретѣ и только обращается съ требованіемъ выдачи ему денегъ, на что не имѣя ни отъ кого разрѣшенія, я и завѣдующій складами Карягинъ не могли вполнѣ исполнять его настоятельныхъ требованій, чѣмъ и навлекли себѣ непріязненныя отношенія и угрозы: но видя веденные имъ съ вами переговоры, хотя не зная оклада и текущаго съ нимъ расчета, все таки были вынуждены выдать ему разновременно въ декабрѣ по настоящее число въ счетъ жалованья 45 руб. сер. А какъ нынѣ полученной отъ васъ депешей, вы поручаете Караганову остаться въ Ростовѣ наблюдать отправку спирта, то различныя требованія его могутъ значительно усилиться и съ нимъ сладить будетъ трудно. Не смѣю вамъ совѣтывать измѣнить это распоряженіе, основанное вѣроятно на точныхъ убѣжденіяхъ въ его полезности, но долженъ по своей обязанности, сказать только то, что г. Карагановъ въ Ростовѣ пользуется весьма не завиднымъ положеніемъ, а при постоянномъ разгулѣ и азартномъ состояніи въ наблюденіи за дѣломъ отправки едва ли принесетъ какую пользу; повредить же найму можетъ легко, выказывая свое полновластіе которое для наблюдаемаго г. Карягина не будетъ сносно. Впрочемъ, можетъ быть ничего такого не случится, тѣмъ болѣе что при дурномъ пути сообщенія транспортовъ спирта намъ въ Ростовѣ кромѣ 2-хъ первыхъ, неоступало и отправлять нечего!

Для отысканія транспортовъ, согласно депеши, я завтра выѣзжаю по тракту къ Каменной станицѣ, гдѣ ихъ найду и что успѣю сдѣлать къ скорѣйшей поставкѣ, о томъ буду имѣть удовольствіе сообщить вамъ письменно.

Теперь же считаю нужнымъ увѣдомить васъ, что въ Ростовѣ ни у кого спирту нѣтъ капли; хотя всѣмъ складчикамъ отправлены значительныя партіи, но за невозможностію проѣзда они стоятъ въ пути даже по срочрымъ обязательствамъ; торговые обороты всѣ въ застоѣ, цѣна на вино поднялась съ 3 р. 80 к. до 5 руб. на спиртъ цѣнъ нѣтъ; хлѣба въ подвозѣ мало, но цѣны низки, потому что конторы заграничныхъ агентовъ покупку прекратили, по случаю неблагопріятныхъ извѣстій о разрывѣ между Турціей и Греками. Базарныя цѣны существуютъ теперь: за четверть овса 4 руб. за 9 пудъ пшеницы отъ 7 р. 5 к. до 6 р. 70 к., пудъ сѣна 25 коп., прочіе продукты въ высокой цѣнѣ, по неподвозу за бездорожьемъ, что продолжается больше двухъ недѣль. Нынче былъ первый небольшой морозъ и маленькій снѣгъ; но надежды на скорое возстановленіе свободнаго сообщенія мало, что для нашихъ складовъ по ставропольскому уѣзду будетъ очень ощутительно при недостаткѣ запаса спирта, пособить этому нѣтъ физическихъ средствъ.

Пользуясь настоящимъ случаемъ, за особое удовольствіе поставляю себѣ поздравить васъ, съ предстоящимъ праздникомъ и наступающимъ новымъ годомъ! Желаю провести ихъ въ совершенномъ здоровьѣ при полномъ успѣхѣ въ дѣлахъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть,

Вашъ
милостивый государь
покорный слуга
Александръ Ципинъ.

24 декабря 1868 г.
г. Ростовъ на Дону.

2.

Милостивый государь,
Александръ Іосифовичъ!

Нѣтъ ничего хуже, по крайней мѣрѣ для меня, какъ передавать что либо дурное о другихъ людяхъ! Безъ настоятельной тому необходимости, я этого никогда недѣлаю. А потому прошу несочесть письмо это желаніемъ вреда ближнему или страстію къ сплетнямъ и наушничеству, которымъ я не сроденъ. Оно вызвано необходимостію предупредить васъ отъ болѣе дурныхъ послѣдствій вашей довѣрчивости и избавить отъ ложнаго нареканія, такъ какъ по лицамъ, облеченнымъ какою либо властію, большая часть людей судитъ о высшихъ властяхъ, приписывая имъ тоже направленіе и достоинство! Конечно, вы догадываетесь, что рѣчь будетъ о Карагановѣ.—Я считаю его, какъ вѣроятно и вы, человѣкомъ не нормальнаго и болѣзненнаго состоянія, но другіе видѣли и видятъ въ немъ лицо довѣренное отъ гг. Мясниковыхъ, какимъ онъ всегда и вездѣ рекомендуется, отчего безобразные поступки его компрометируютъ фирму дѣла и кладутъ грязныя пятна на всѣхъ служащихъ въ этомъ дѣлѣ. Не стану разъяснять его дѣятельность и полезность по службѣ въ Ставрополѣ, которые вамъ извѣстны конечно лучше чѣмъ мнѣ, а прямо приступаю къ изложенію фактовъ, совершившихся и совершающихся въ Ростовѣ за его здѣсь присутствіе Будучи уполномоченъ вами для наблюденія за транспортировкой и къ ревизіи склада онъ за все время не принималъ въ этомъ, къ счастію, никакого личнаго участія: всѣ учеты составлялъ завѣдующій складомъ Карягинъ; при пріемахъ и отправкахъ никогда не бывалъ, хотя объ этомъ былъ извѣщаемъ; фуръ для найма не пріискивалъ; свѣдѣнія о цѣнахъ заимствовалъ изъ указаній склада. Хотя посѣщалъ частовременно квартиру склада, но только для требованія въ жалованье денегъ, которые ему и выдавались съ росписками чрезъ два—три дня по три рубля и болѣе. Эти пріятныя посѣщенія рѣдко обходились безъ неприличныхъ, но всегда невѣжественныхъ съ его стороны, производимыхъ подъ вліяніемъ бахуса,—поступковъ, которые нѣсколько разъ, выходя изъ всѣхъ предѣловъ терпимаго невѣжества, вынуждали меня просить его оставить квартиру и выдти вонъ! Послѣ чего на другой день онъ являлся съ требованіемъ ревизіи и съ предъявленіемъ своихъ угрожающихъ правъ. Что конечно ни къ чему не вело, а только отвлекало завѣдующаго отъ болѣе полезныхъ занятій и кончалось тѣмъ: „что онъ намъ вѣритъ и надѣется, что все у насъ находится въ цѣлости и исправности“, потомъ бралъ въ жалованье рубля три денегъ и уходилъ до новой потребности въ послѣднихъ. Грустно описывать всѣ его продѣлки и сцены, бывшія въ

квартирѣ склада, надобно имѣть запасъ огромнаго терпѣнія и полную снисходительность къ скотоподобію, чтобы равнодушно переносить все, что выпало на долю при обязательномъ служебномъ столкновеніи съ подобными личностями, какъ Карагановъ! Но его сумазбродство неограничивается этимъ раіономъ: такъ, находясь почти постоянно подъ вліяніемъ спиртныхъ напитковъ (спиртъ употребляетъ въ цѣльномъ видѣ, для чего неоднократно, подъ предлогомъ испытанія пробы, бралъ таковой безвозвратно бутылками въ свою квартиру), онъ произвелъ на сторонѣ слѣдующіе многимъ извѣстные курьезные скандалы: 1) затерявъ телеграммы гдѣ то въ публичномъ домѣ, о чемъ будто-бы заявилъ полиціи, онъ на телеграфной станціи оскорбилъ все учрежденіе, по кажущейся ошибкѣ въ номерѣ, въ неточности передачи ему вашихъ денегъ и утайкѣ ихъ, выставляя огромную онымъ милліонную важность и требуя другой несуществующей депеши. 2) Въ такомъ же видѣ забрался безплатно въ галлерею театра подъ залогъ капельдинеру палки, съ цѣлью кого-то экстренно видѣть и по окончаніи спектакля нехотѣлъ уплатить 30 коп., резонясь за то неприлично при большой публикѣ съ театральнымъ кассиромъ, которому передана была его палка и который наконецъ почтя его за бѣдняка освободилъ отъ платы, возвративъ залогъ. 3) Одѣтый въ крайне неопрятное платье съ галстукомъ на шеѣ изъ посоваго пестраго платка по грязному бѣлью (всегдашній костюмъ), онъ явился въ коммерческій клубъ во время танцовальнаго вечера, свободнаго всѣмъ для входа за плату 75 коп. и, рекомендуясь главнымъ довѣреннымъ ревизоромъ по дѣламъ гг. Мясниковыхъ, обращался съ неумѣстными вопросами къ незнакомымъ ему членамъ собранія, которые наконецъ сдѣлали замѣчаніе распорядителямъ вечера, что такихъ неприлично людей впускать не слѣдуетъ. Трудно перечислить по пунктамъ и подробно описать всѣ его грязные поступки и наглость, за которыя онъ подвергался изгнанію по его собственному при разсказѣ своихъ похожденій, сознанію, изъ самыхъ уже не приличныхъ публичныхъ мѣстъ; гдѣ, желая возстановить свою и тамъ утраченную репутацію и отмстить за нанесенное его личности оскорбленіе, онъ едва не взялъ тайкомъ у меня револьверъ, тщетно выпрашивая его на короткое время въ защиту какой-то угнѣтенной фон, объявленной тамъ ему умершею! Всѣми такими дѣйствіями онъ извѣстенъ въ Ростовѣ подъ названіемъ **ближняго ревизора гг. Мясниковыхъ**, этимъ же реноме пользовался и въ г. Ставрополѣ, гдѣ за какой-то скандалъ даже сидѣлъ въ полиціи, а въ лавкахъ здѣсь его считаютъ почти за мазурика, такъ какъ заходя въ нихъ онъ ничего не покупаетъ и не спрашиваетъ, а только читаетъ афиши и объявленіе. Стыдно за него встрѣчаться съ людьми знающими, что онъ нашъ сослуживецъ, они на всю фирму смотрятъ съ недоумѣніемъ, удивляясь, при его хвастливости, какъ можно дѣлать представительныя порученія такимъ субъектамъ! Радуюсь его отсюда выѣзду по вашему отзыву, потому что совмѣстная служба съ нимъ и жизнь въ Ростовѣ для меня и завѣдующаго складомъ Карягина становится не выносима, тѣмъ болѣе, что его безобразные поступки могутъ нѣкоторыми лицами, по незнанію, приписываться намъ, такъ какъ по несчастію его обязанность ревизора сходна съ моею обязанностію въ названіи, а фамилія Карягина имѣетъ наглядность и слогозвучіе слову Карагапова.

Согласно вашего телеграфнаго распоряженія, онъ уже получилъ на проѣздъ сто рублей и полное жалованье за январь, такъ какъ состоя-

щихъ за нимъ по расчету Ставропольской конторы 65 руб къ зачету жалованья не признать, объясняя, что въ нихъ послано имъ счетъ и что ему слѣдуютъ какія-то добавочныя по вашему личному обѣщанію за долговременную полезную его службу, 30 руб. въ мѣсяцъ. За всѣмъ этимъ отъѣздъ его едва ли скоро состоится, потому что онъ опять обращался съ требованіемъ выдачи жалованья въ февралѣ, а потративъ на свои нужды протопныя деньги ему ѣхать будетъ не съ чѣмъ, опасаюсь еще какого либо криминальнаго отъ него поступка, вѣдь онъ не просто больной умственно человѣкъ, а озлобленный и съ большимъ запасомъ физической силы. Все это выясняется вамъ съ цѣлію принятія надлежащихъ мѣръ при дальнѣйшемъ вашемъ распоряженіи относительно могущихъ быть сдѣланными поручностей г. Караганову: объ этомъ же я хотѣлъ писать и Александру Константиновичу, но представляю то вашему благоусмотрѣнію.

Теперь считаю нужнымъ объяснить вамъ неудачу транспортировокъ настоящаго зимняго сезона, который съ самаго начала былъ крайне неблагопріятенъ по безпрерывнымъ измѣненіямъ погоды. Изъ 400 бочекъ, отправленныхъ заводомъ по 16 декабря, очень немногіе транспорты пришли въ Ростовъ съ успѣхомъ и своевременно; большая же часть ихъ находилась въ пути почти полтора мѣсяца; отчего произошла излишняя трата по усыпкѣ, такъ что за дѣлаемой по всей справедливости и чувству человѣколюбія прибавкой противу условія дорожной платы на бочку ¼ ведра спиртомъ почти со всѣхъ фурщиковъ были вычеты, что вы конечно видѣли изъ отчетности склада за январь мѣсяцъ. Отправка изъ Ростова въ кавказскіе склады, по мѣрѣ поступленія спирта, производилась успѣшно, хотя довольно высокой цѣной за провозъ противу цѣнъ заводскихъ, но выгодной сравнительно отправокъ въ эти мѣстности другими лицами. Именно въ Ставрополь мы отправляли по 50 коп ведро; въ это же время Алафузовъ, Терпикеловъ нанимали по 55, 60, 65 и 70 коп.; но всѣ эти отправки въ доставкѣ на мѣста имѣли и имѣютъ тѣ же затрудненія и промедленія, какимъ подвергались отправки заводскіе. Отъ 140 бочекъ въ Ростовѣ осталось неотправленныхъ 97 послѣдне-поступившія, такъ какъ съ 22-го января вновь настала оттепель, продолжающаяся по настоящее время и прекратившая всякое сообщеніе. Теперь фуры нѣтъ рѣшительно никакой цѣной, а между тѣмъ по складамъ въ спиртѣ крайній недостатокъ!

Чего избѣгнуть и обезпечить склады запасомъ нѣтъ физическихъ средствъ. Отправленные заводомъ въ январѣ 219 бочекъ скоро прибыть не могутъ, изъ нихъ два транспорта (19 и 20 бочекъ), остановившіеся въ Черкаскѣ, перевозятся по желѣзной дорогѣ; остальныя же пять партій вѣроятно стоятъ дорогами близко своего жительства, т. е. Коротояка, Павловска и Воронежа: встрѣчать ихъ согласно вашей депеши не вижу никакой пользы, потому что возстановленіе свободнаго пути сообщенія, доставки ихъ сдѣлать нельзя никакими пособіями, а когда установится какой либо путь, то они поторопятся ѣхать сами, какъ и первыя 400 бочекъ. Впрочемъ обстоятельства укажутъ какъ нужно поступить къ лучшему успѣху въ этомъ случаѣ, что будьте увѣрены исполню неупустительно!

Запасовъ спирта въ Ростовѣ для продажи большихъ ни у кого нѣтъ, да и требованій на него также по этой погодѣ неимѣется, словомъ всякіе обороты въ совершенномъ застоѣ, нѣтъ ни привозу.—Цѣлы и хлѣба стоятъ безъ перемѣнъ отъ сообщенныхъ вамъ прежде свѣдѣній: спиртъ

можно купить наличный 31 коп на апрѣль 23/4 коп. за градусъ. Очищенное вино продаютъ 3 р. 80 коп. ведро

Долго ли пробуду въ Ростовѣ неизвѣстно, такъ какъ Г. Мошенко все еще болѣнъ, а потому прошу Васъ оправдать меня за недоставленіе ревизій и результатовъ о ходѣ дѣла по Кавказскимъ складамъ передъ Александромъ Константиновичемъ, я живу здѣсь не по своей охотѣ и свѣдѣній о ходѣ дѣлъ никакихъ неимѣю; писать же ему отсюда особаго нечего, все вѣроятно извѣстно черезъ Васъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и полною преданность имѣю честь быть.

Вашъ.
Милостивый Государь
покорный слуга
Александръ Цинцинъ.

8-го февраля 1869 г.
г. Ростовъ на Дону.

ЭКСПЕРТИЗЫ.

1.

1868 г. сентября 26 числа, въ 12 часовъ дня суд. слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей составилъ сей протоколъ о томъ, что въ присутствіи капитана Александра Константинова Мясникова, купца Ивана Алексѣева Ижболдина и повѣреннаго его губ. секретаря Германа присяжный повѣренный статскій совѣтникъ Адамъ Яцентьевичъ Каміонко, губ. секретарь Иванъ Андреевичъ Венгеровъ и титулярный совѣтникъ Степанъ Владиміровичъ Смирновъ представили выданныя имъ Иваномъ Алексѣевымъ Ижболдинымъ и женою его Анною Николаевою довѣренности на ходатайство по дѣлу о духовномъ завѣщаніи Бѣляева. Затѣмъ, въ присутствіи вышеозначенныхъ лицъ и понятыхъ, завѣдующихъ домами: Кучинскаго — полковника Константина Николаевича Меновскаго, и Попова—крестьянина Тверской губерніи Зубцовскаго уѣзда, Спасской волости Петра Павлова, произведено было экспертами учителями чистописанія коллежскимъ ассессоромъ Александромъ Васильевичемъ Якимовымъ, коллеж. ассессоромъ Андреемъ Дмитріевичемъ Лосевымъ, титул. совѣтн. Николаемъ Ефремовичемъ Лапшинымъ и коллеж. ассес. Александромъ Павловичемъ Поддубенскимъ, сличеніе подписи „Козьма Бѣляевъ" на духовномъ завѣщаніи отъ 10 мая 1858 г. съ подписями Козьмы Бѣляева на представленныхъ къ дѣлу письмахъ и документахъ, подписанныхъ Бѣляевымъ, и съ почеркомъ С.-Петербургскаго мѣщанина Амфилогія Александрова Караганова, на имѣющихся въ дѣлѣ писанныхъ или подписанныхъ имъ бумагахъ. Для сличенія почерковъ, кромѣ того Александромъ Мясниковымъ представлены шесть контрактовъ, одна копія съ контракта и двѣ копіи съ обязательствъ, подписанныхъ Бѣляевымъ; по сличеніи гг. эксперты: Якимовъ, Лосевъ, Лапшинъ и Поддубенскій на предложенные слѣдователемъ вопросы, объявили: 1) Оспариваемая подпись „Козьма Бѣляевъ" на духовномъ завѣщаніи, совершенно по характеру подходитъ къ предъявленнымъ настоящимъ его подписямъ, и отличается только стилемъ самаго почерка, имѣнно въ томъ, что на духовномъ завѣщаніи подпись нѣсколько крупнѣе: затѣмъ, если обратить вниманіе на нѣкоторую не твердость въ подписи на духовномъ завѣщаніи, то это можно объяснить тѣмъ, что Бѣляевъ въ маѣ мѣсяцѣ 1858 года, какъ сообщено экспертамъ судебнымъ слѣдователемъ, былъ боленъ, хотя положительно и неизвѣстно въ какой степени. Къ этому гг. Поддубенскій и Лапшинъ присовокупили: на духовномъ завѣщаніи въ подписи Козьмы Бѣляева въ словѣ: „Козьма" буква ь имѣетъ большую разницу съ такими же буквами въ подписяхъ Бѣляева, съ которыми производилось сличеніе; буква же ъ не замѣчается въ тѣхъ подписяхъ Бѣляева, гдѣ есть въ словѣ „Бѣляевъ" росчеркъ, между тѣмъ на завѣщаніи имѣется въ словѣ

„Бѣляевъ“ и буква ъ и сдѣланъ послѣ нея росчеркъ; въ самыхъ росчеркахъ замѣчается разница, заключающаяся въ томъ, что въ росчеркѣ на завѣщаніи утолщеніе идетъ сверху, а въ другихъ подписяхъ Бѣляева утолщеніе внизу; во всемъ же остальномъ они, гг. Поддубенскій и Лапшинъ, согласно съ гг. Якимовымъ и Лосевымъ, находятъ большое сходство; совершеннымъ же назвать этого сходства не могутъ, потому что подъ совершеннымъ сходствомъ они разумѣютъ тождественность, которая возможна только при снятіи подписи чрезъ стекло или подобными средствами и не встрѣчается даже въ одновременныхъ подписяхъ одного и того же лица. Что же касается до отсутствія точки на духовномъ завѣщаніи послѣ подписи Бѣляева, то всѣ гг. эксперты единогласно заключили, что обстоятельство это не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ на нѣкоторыхъ изъ предложенныхъ на разсмотрѣніе документовъ также послѣ подписи Бѣляева нѣтъ точки; 2 Подпись „Козьма Бѣляевъ“ не имѣетъ никакого сходства съ почеркомъ мѣщанина Амфилогія Караганова, не смотря на то, что на допросѣ у судебн. слѣдователя онъ писалъ разными шрифтами, изъ которыхъ ни одинъ не похожъ на подпись Бѣляева; 3) Карагановъ, какъ видно изъ почерка его руки, въ особенности при допросѣ у судебн. слѣдователя, можетъ по своему желанію измѣнять почеркъ своей руки, а можетъ ли онъ подписаться подъ руку Бѣляева, по мнѣнію гг. Акимова, Лапшина и Поддубенскаго, опредѣлить нельзя; по мнѣнію же г. Лосева, Карагановъ по твердости своего почерка не въ состояніи подписаться подъ дрожащую руку Бѣляева; 4) Подложная ли или подлинная подпись Бѣляева на завѣщаніи, по мнѣнію гг. Предубенскаго и Лапшина опредѣлить нельзя, такъ какъ это дѣло юристовъ, по мнѣнію же гг. Акимова и Лосева, подпись Бѣляева на завѣщаніи сдѣлана скорѣе самимъ Бѣляевымъ, чѣмъ другимъ лицомъ. При производствѣ сличенія, повѣренный Ижболдина Венгеровъ, указалъ на то, что въ заключительныхъ словахъ завѣщанія „моя послѣдняя воля, въ томъ своеручно подписуюсь“ буквы поставлены тѣснѣе, чѣмъ вообще въ текстѣ завѣщанія. Замѣчаніе это осмотромъ духовнаго завѣщанія подтвердилось, при чемъ гг. эксперты объявили, что большую тѣ ноту буквъ они находятъ и въ началѣ завѣщ нія, въ срединѣ же завѣщаніе писано болѣе разгонистымъ почеркомъ. Сличеніе почерковъ окончено въ три часа пополудни. (Подписали): Лосевъ, Якимовъ, Поддубенскій, Лапшинъ, Каміонко, Мяновскій, Павловъ, Венгеровъ; Германъ, Смирновъ, Мясниковъ, Ижболдинъ и Макалинскій.

2.

1868 года, октября 15 дня, судебный слѣдователь 5-го участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей составилъ сей протоколъ о томъ, что вслѣдствіе предложенія прокурора С.-Петербургскаго окружнаго суда отъ 8 октября за № 11450, въ присутствіи товарища прокурора Демидова царскосельскаго купца Ивана Алексѣева Ижболдина, повѣренныхъ Ижболдиныхъ: Сысоева, Смирнова, Венгерова и Германа, капитана Александра Мясникова и понятыхъ: домовладѣльца коллежскаго секретаря Станислава Игнатьевича Дунина-Мартинковича, управляющаго домомъ Булина, титулярнаго совѣтника Григорія Степановича Рѣткина, и управляющаго домомъ Бурды — отставнаго унтеръ-офицера Николая Красовскаго, было произведено чрезъ свѣдущихъ людей учителей чистописанія: коллеж-

скаго ассес Ивана Петров. Колпакова, губ. секр. Николая Прокоф. Румянцова, и коллеж. ассес. Сергѣя Антон. Антонова, сличеніе подписи Козьмы Бѣляева на духовномъ завѣщаніи отъ 10 мая 1858 года, съ представленными къ дѣлу письмами и документами, на которыхъ имѣются почерки купца Бѣляева, и мѣщанина Амфилогія Александрова Караганова. При сличеніи Александромъ Мясниковымъ представлены четыре письма Бѣляева, отъ 3, 17 и 24 апрѣля, и 24 октября 1840 г., и разорванный вексель въ 10,000 р. отъ 21 августа 1858 г., на которомъ не достаетъ (передняго и заднаго) кусковъ съ обѣихъ сторонъ. По сличеніи гг. эксперты на предложенные слѣдователемъ вопросы объявили: 1 есть ли въ подписи Бѣляева, на духовномъ завѣщаніи 10 мая 1858 г., сходство съ почеркомъ его на представленныхъ къ дѣлу письмахъ и документахъ? г. Румянцевъ объяснилъ, что онъ по слабости зрѣнія никакого заключенія дать не можетъ. Гг. же Колпаковъ и Антоновъ, что слово Бѣляевъ, на духовномъ завѣщаніи не имѣетъ сходства съ почеркомъ Бѣляева, какъ по сравнительному разстоянію между буквами, такъ и по характеру росчерка, который у Бѣляева бывалъ, какъ видно изъ писемъ Бѣляева и документовъ, двоякаго рода, при чемъ одинъ употреблялся имъ тогда, когда онъ недописывалъ букву „ъ“, а другой когда онъ эту букву дописывалъ, и этотъ послѣдній росчеркъ не похожъ на росчеркъ на завѣщаніи, не смотря на то, что на завѣщаніи имѣется буква „ъ“ и вообще слово „Бѣляевъ“ написано не такимъ твердымъ почеркомъ, какъ на представленныхъ для сличенія письмахъ и документахъ, и въ особенности въ журналѣ Бѣляева, гдѣ сдѣлана его рукою отмѣтка въ одинъ день съ составленнымъ завѣщаніемъ. Относительно того, происходитъ ли это несходство оттого, что подпись на завѣщаніи сдѣлана не Бѣляевымъ, а другимъ лицомъ, или же оттого, что завѣщаніе подписано Бѣляевымъ въ болѣзненномъ состояніи, опредѣлить невозможно, но изъ отмѣтки въ журналѣ Бѣляева 10 мая 1858 г. видно, что онъ писалъ въ этотъ день обыкновеннымъ своимъ почеркомъ. Слово „Козьма“ на завѣщаніи также не имѣетъ сходства съ представленными къ дѣлу документами и письмами, кромѣ разорваннаго векселя, предъявленнаго г. Мясниковымъ во время сличенія, какъ по разстановкѣ буквъ, такъ и по характеру ихъ, преимущественно въ буквахъ „з“ и „ь“ изъ которыхъ первая на завѣщаніи сдѣлана болѣе прямымъ штрихомъ, тогда какъ Бѣляевъ писалъ ее болѣе закругленно, а вторая написана на завѣщаніи снизу вверхъ: тогда какъ постоянная привычка Бѣляева была писать ее сверху внизъ, съ разорваннымъ же векселемъ, предъявленнымъ г. Мясниковымъ, слово „Козьма“ имѣло большое сходство, не исключая буквы з, но кромѣ буквы ь, которая на векселѣ написана также сверху внизъ и 2) имѣетъ ли подпись Бѣляева на завѣщаніи сходство съ почеркомъ мѣщанина Амфилогія Александрова Караганова, и могъ ли Караганова подписаться за Бѣляева на завѣщаніи — гг. Колмаковъ и Антоновъ объяснили, что почеркъ Караганова не имѣетъ сходства съ подписью Бѣляева на завѣщаніи, но судя по измѣнчивости и развитости почерка Караганова, можно допустить, что человѣкъ, способный такъ разнообразить свой почеркъ, могъ поддѣлать подпись Бѣляева на завѣщаніи. Затѣмъ г. Сысоевъ предложилъ вопросъ: нельзя ли по характеру письма текста завѣщанія вывести заключеніе, что текстъ пригонялся къ подписи Бѣляева, г. е. что подпись Бѣляева была сдѣлана прежде написанія текста завѣщанія? гг. Колмаковъ и Антоновъ объяснили, что дѣйствительно въ на-

чалѣ завѣщаніе писано болѣе сжатымъ почеркомъ, затѣмъ болѣе развиреннымъ и наконецъ опять сжатымъ со словъ: „что такова моя послѣдняя воля“ и что это обстоятельство можетъ наводить сомнѣніе не написанъ ли текстъ завѣщанія послѣ подписи Бѣляева, но утвердительно отвѣчать на этотъ вопросъ нельзя, такъ какъ различная сжатость почерка могла происходить отъ другихъ причинъ, какъ напримѣръ оттого, что въ началѣ завѣщанія первыя слова написаны крупнѣе и тщательнѣе, а послѣднія слова передъ подписью завѣщателя написаны нѣсколько спустя послѣ написанія текста завѣщанія. Сличеніе почерковъ окончено въ три часа пополудни. (Подписали): Макалинскій, Колмаковъ, Антоновъ, Румянцевъ, Демидовъ, Смирновъ, Ижболдинъ, Сысоевъ, Венгеровъ, Красовскій, Рѣткинъ, Душинъ-Мартинковичъ, Германъ, Мясниковъ.

3.

1871 года Марта 18 дня, въ 12 часовъ дня Судебный Слѣдователь при С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ для производства слѣдствій, по особенно важнымъ дѣламъ, Гераковъ, въ камерѣ своей, въ зданіи судебныхъ установленій, по дѣлу о подлогѣ духовнаго завѣщанія отъ имени купца Бѣляева, въ присутствіи обвиняемаго С.-Петербургскаго мѣщанина Амфилогія Александрова Караганова и понятыхъ отставнаго писаря Прокофія Владимірова Павлова и дворянина Михаила Матвѣева Чернова, производилъ черезъ экспертовъ, учителей чистописанія: 1-й гимназіи коллежскаго ассесора Георгія Матвѣева Миллера, 3-й гимназіи коллежскаго регистратора Гавріила Ивановича Торопова, 4-й гимназіи—титулярнаго совѣтника Василія Васильевича Оттена, 6-й гимназіи состоящаго въ IX классѣ Алексѣя Ивановича Волкова и училища правовѣденія титулярнаго совѣтника Василія Ивановича Буевскаго, сличеніе подписи „Козьма Бѣляевъ“ на духовномъ завѣщаніи отъ 10 мая 1858 года, въ дневникѣ Бѣляева, представленномъ Мясниковыми, двѣ строчки на послѣднемъ листѣ: „18 В. П. Буркину отказъ отъ его товарищества, 21 росписка Александру и Ивану Константиновичамъ въ 272-т р.“ и въ другомъ дневникѣ Бѣляева, взятомъ при обыскѣ у Александра Мясникова, на послѣднемъ полулистѣ внизу „7 и 8 числа выдана на сч. рыбнаго дѣла роздано Бенардаки 88,000, Буркину 8,000, Якувчикову 8,000, Непюкову 8,000, Канаеву и Щюльнику (разобрать трудно) 8,000 и Лебедеву 4,000 —124,000 р. „капиталъ и расходы уровнены общимъ вкладомъ отъ 3 лицъ, т. е. Гг. Мясниковыхъ и отъ меня“ и на оборотѣ этого же полулиста на 7-й строчкѣ сверху слова „21 Ив. Кост. на рыбныя ловли въ число 50-т складоч капит. съ моей части 16,666—66 съ имѣющимися при дѣлѣ несомнѣнными почерками Бѣляева и мѣщанина Караганова на письмахъ, бумагахъ и документахъ. По сличеніи гг. эксперты на предложенные слѣдователемъ вопросы объявили: 1 оспариваемая подпись на духовномъ завѣщаніи отъ имени Козьмы Бѣляева отъ 10-го мая 1858 года „Козьма Бѣляевъ“ сходства съ его несомнѣннымъ почеркомъ не имѣетъ, какъ по характеру, такъ и стилю буквъ, равно какъ и по связи ихъ; кромѣ того росчеркъ въ подписяхъ Бѣляева совершенно свободный, на духовномъ же завѣщаніи не представляетъ этотъ росчеркъ и подобія съ несомнѣннымъ росчеркомъ, а выраженъ дурно скопированною чертою; вообще подпись на духовномъ завѣщаніи „Козьма

Бѣляевъ" представляетъ весьма плохое подражаніе несомнѣннымъ подписямъ Бѣляева. Почеркъ самаго текста духовнаго завѣщанія одинъ и тотъ же, но первая половина текста писана сжато, а вторая разгонисто и послѣднія двѣ строки снова сжаты, такъ что можно придти къ заключенію, что текстъ завѣщанія пригонялся къ подписи. Цвѣтъ чернилъ, коими писанъ текстъ завѣщанія, подпись отъ имени Бѣляева и подписи свидѣтелей, Спицынскаго и Отто, различенъ въ каждомъ изъ четырехъ почерковъ 2). Въ дневникахъ Бѣляева строки: „21 рос иска Александру и Ивану Конст. Мясниковымъ въ 272-ти р" „капиталы и расходы уравнены общимъ вкладомъ отъ 3-хъ лицъ т. е. гг. Мясник выхъ и отъ меня" и „21 Ив. Конст. на рыбныя ловли въ число 50-т склад. капит. съ моей части 16,666—66" пр."—имѣютъ между собою сходство и писаны одною рукою, одними чернилами и стальнымъ перомъ, строчки эти имѣютъ сходство съ тѣмъ почеркомъ, коимъ писанъ текстъ дневниковъ; но положительно утверждать, чтобъ этотъ почеркъ былъ писанъ несомнѣннымъ почеркомъ Бѣляева, эксперты не могутъ. Остальныя строки изъ сличаемыхъ дневниковъ: „18 В. П Буркину отказъ отъ его товарищества" и „7 и 8 числа выдано на сч. рыбнаго дѣла роздано Бенардаки 88,000 Буркину 8,000, Ненюкову 8,000, Канаеву Щельнику 8,000 и Лебедеву 4,000 — 124,000 р." имѣютъ сходство съ почеркомъ, коимъ писанъ текстъ дневниковъ, но представляется, какъ показываетъ разсмотрѣніе въ лупу, обведенными кто написанъ ому и при томъ въ обоихъ дневникахъ, въ вышеозначенныхъ строчкахъ, одними и тѣми же чернилами, только слова „7 и 8 числа выдано на сч. рыбнаго дѣла" не обведены 3). Подпись „Козьма Бѣляевъ" на духовномъ завѣщаніи съ несомнѣннымъ обыкновеннымъ почеркомъ мѣщанина Амфилогія Караганова, на первый взглядъ, сходства не имѣетъ, сходство это замѣчается только въ пробныхъ подписяхъ имени Бѣляева, Карагановымъ сдѣланныхъ при допросѣ 19-го января 1871 года; самъ по себѣ почеркъ Караганова въ разное время представляется различнымъ и замѣчается, что Караганов можетъ измѣнять его по своему желанію, въ обыкновенномъ почеркѣ Караганова, въ манерѣ письма нѣкоторыхъ отдѣльныхъ буквъ, р. л. к. я, замѣчается сходство съ манерою изображенія ихъ Бѣляевымъ, такъ что, по изученію почерка Караганова; гг. эксперты полагаютъ, что онъ могъ поддѣваться подъ руку Бѣляева, но нельзя положительно утверждать или отрицать, что подпись на завѣщаніи „Козьма Бѣляевъ" и вышеприписанныя строчки въ обоихъ дневникахъ сдѣланы именно Карагановымъ; потому что подпись на завѣщаніи „Козьма Бѣляевъ" писана не смѣлою рукою, а нарисована (подписано) учитель чистописанія 3-й С.-Петербургской гимназіи Г. И. Тороповъ. Учитель 1 г. колл. асс. Георгій Миллеръ. Учитель Ларинской гимназіи Василій Оттенъ. Учитель 6-й гимназіи А, Волковъ Учитель училища прововѣденія В. Буевскій. Судебный слѣдователь Герасковъ. Протоколъ объявленъ мѣщанинъ Амфилогій Александровъ Караганов. Отставной писарь Прокофій Владиміровъ Павловъ Дворянинъ Михаилъ Матвѣевъ Черновъ жит. имѣю на пескахъ по 7 улицѣ въ д. № 36.

4.

(Экспертиза, произведенная въ 5 Отдѣленіи С.-Петербургскаго Окружнаго Суда).

По сличеніи почерка руки Козьмы Бѣляева на завѣщаніи съ подписями его же руки на представленныхъ сторонами документахъ, относящихся до 1858 г. эксперты нашли, что почеркъ руки купца Бѣляева на завѣщаніи съ почеркомъ его руки, на документахъ имѣетъ сходство которое выражается въ характеристическомъ очертаніи буквъ л, я и е въ словѣ „Бѣляевъ“, а также и въ соединительныхъ тонкихъ чертахъ между буквами о и з въ словѣ „Козьма“, равнымъ образомъ и заглавной буквы К и М въ томъ же словѣ представляется сходство, послѣдняя въ особенности по своему началу; очертаніе прочихъ буквъ представляется сомнительнымъ т. е. нельзя придти относительно ихъ къ положительному результату, такъ какъ очертаніе Бѣляевымъ этихъ буквъ на представленныхъ для сличенія документахъ различно. На вопросы повѣренныхъ истцовъ, эксперты отвѣтили: 1) относительно росчерка, что перерывъ и утолщеніе встрѣчаются и въ другихъ подписяхъ, вслѣдствіе чего росчеркъ не представляетъ въ себѣ ничего характеризующаго почеркъ руки Бѣляева; 2) что буква ь написана сверху; 3) величина буквъ на различныхъ документахъ не одинакова, на одномъ крупнѣе, а на другомъ мельче, но тѣмъ не менѣе равномѣрность въ подписяхъ соблюдена и 4) слово Козьма на духовномъ завѣщаніи писано тише, а Бѣляевъ скорѣе. По предложенному повѣреннымъ отвѣтчицы вопросу о значеніи словъ, „очертаніе прочихъ буквъ представляется сомнительнымъ“ разъясненіе изложено выше. Подписали коллежскій ассесоръ Коліушко, учитель Изюмовъ, учитель Н. Ваганов, секретари Окружнаго Суда Бургардтъ и Ивановъ, и членъ Суда А. К. фонъ-Брюммеръ.

2007043231